

II-9.
12-82.

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Осодорова Н. С.

8008. 7058

ТОМЪ V.

9

СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1852.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНА А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПАМЯТКА

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

О ПЕЧАТАНІИ

СВѢДѢНІЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 16-го 1852.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

2000-8000

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Оглавление пятого тома.

Книжка девятая, сентябрь.

I. Изящная словесность.

Быль на берегах Невы в 1703 году. Историческая драма в четырех действиях Константина Масальского. (С. 1-50).

Надежда Николаевна. Повесть Б. Л. (С. 1-32).

Г-жа де-Линан. Роман Марии Экар. Часть вторая. (С. 1-98).

II. История и теория искусства.

Английский театр до Шекспира. Статья вторая Филарета Шаля. (С. 1-46).

III. Мемуары.

Эдгар Эллен Поэ. Северо-американский поэт. Статья Шарля Боделера. (С. 1-34).

IV. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге.

Семья и свет. Оригинальная драма в четырех действиях и семи картинах, соч. С. В. Белибина. Дилетант пятого яруса. Оригинальная шутка, в одном явлении, с куплетами. Тяжба. Комическая сцена Н. В. Гоголя.

Tailleur Valaïkin. Оригинальный водевиль, в одном действии. (Бенефис г. Марковецкого). (С. 1-4).

Гаррик и Франция. Комедия в двух действиях. Причудница, или Жена и нянька. Комедия в двух действиях, соч. гг. Крестовского и Анца. Медовый месяц. Комедия в одном действии. Охотники, или Чудо с чудачком.

Водевиль. (Бенефис г-жи Гусевой). (С. 4-6).

Французский театр в Петербурге.

Спектакли в мае месяце. – Новые водевили. – Важность гастрономии в наш век. – Излишество хуже недостатка. – Клоди. – Пьесы возобновленные. – Облако на небе. – Отец и дворник. – Спектакли на Каменном острове в июне и июле. – Августовские спектакли. – Закат светала. – Дамская война и старый добряк. – Фортепяно Берты. – Авантюристка. – Итальянские арлекинады. – Сара Креолка. – Сентябрь, первый месяц зимнего сезона. – Нищая. – Новые и возобновленные водевили. – Три пьесы Скриба, Гюго и Занда. Статья В. З. (С. 6-16).

V. Иностранное обозрение.

Франция.

Письмо из Парижа от 1/13 сентября.

Об авторских правах, драматической литературе Франции. – Театры Лондона. – Большая Опера: «Африканка» Мейербера. Тенор Матье.

Дрезденская певица Эмми Лагруа. – Комическая опера: «Два Жаке».

Опертка в одном действии. Либретто г. Планара, музыка г. Кадо. (С. 1-14).

VI. Смесь.

Защита Нейшлотского замка. (Полуисторический рассказ 1788 года). (С. 1-12).

Прогулка по России. (Письмо из Астрахани). П. Моряковский. (С. 12-29).

Мавры в Испании и Африке. Из древних записок доктора Триплина. Статья седьмая. (С. 30-50).

Кавказское предание. (С. 50-58).

Разные разности.

Поле битвы при Маренго. – Генерал Пьерс. – Знаменитый английский полководец, герцог Веллингтон. (С. 58-60).

VII. Московский вестник.

К читателям. – Несбывшаяся мечта корреспондента и каких результатов был бы в праве ожидать читатель, если бы эта мечта сбылась? – Почему не было «Весника» в двух книжках «Пантеона»? – Просьба о снисходительности. – Июнь, июль и август – летние месяцы. – Гр. В. А. Соллогуб о петербургских дачах. – Московские дачи: кто живет на дачах, где какие дачи: комфорт, удобства переезда, удовольствия. – Общественные удовольствия трех прошлых месяцев: Тиволи, дачи г-жи Бурдиной, и проч.; публика в отношении к удовольствиям; гулянья общие и простонародные; скачки и бега. – Новости искусств и литературы: о кончине М. Н. Загоскина. – Бюст Гоголя г. Рамазанова и работы его учеников. – «Географический сборник» г. Фролова. – «Записки охотника» г. Тургенева. – «Большая барыня» г. Вонлярлярского. – «Московские ведомости», их петербургский корреспондент. – Шесть книжек «Москвитянина». Postscriptum. (С. 1-20).

VIII. Петербургский вестник.

«Отечественные записки» за август и сентябрь: Кальдерон. Критика и смесь. Новое произведение г. Вонлярлярского. Сколмная доля. – Драматическая пословица г. Вердеревского. – Проза и поэзия. – Статья г. Майкова о гр. Толстом. – Психея и значение Апулея. – Неточность выражений г. Майкова. – О Иякинфе и его критике. – Богатство Смеси и бедность Новостей наук и искусств. – Августовская книга «Библиотеки для чтения». – Статьи интересные и странные. – Человек с характером и девица Подзорова. – Критика «Библиотеки для чтения». – И подгородный подписчик исчезает вслед за иногородним. (С. 1-12). Наряды. (С. 12-14).

IX. Репертуар русской сцены. № 9.

Корсар. Драма в трех действиях, с прологом. (С. 1-44).

Новые музыкальные сочинения М. Бернара.

Содержание IV тома.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

БЫЛЬ НА БЕРЕГАХЪ НЕВЫ

ВЪ 1703 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА, ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Константина Масальскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ИЛЯ СЕРГѢВИЧЪ ИВАНОВЪ, московскій дворянинъ.

ВАСИЛІЙ, сынъ его

ПОЛКОВНИКЪ КАРПОВЪ.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ НОЛЬКЕНЪ, Шведъ.

ГУСТАВЪ, сынъ его.

ХРИСТИНА, дочь его.

ЭЛІАСОНЪ, финскій рыбакъ.

СТЕПАНОВЪ, капралъ.

ШТЫКОВЪ, солдатъ.

ЮЛІАНА, работница Нолькена.

Нѣсколько солдатъ Преображенскаго полка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

БѢГЛЕЦЪ.

I.

Театръ представляетъ лѣсъ; вдали небольшая рѣчка; съ правой стороны русская изба о трехъ окнахъ, съ лѣвой — шведскій, сельскій домъ о пяти окнахъ, съ особымъ крыльцомъ и со свѣтелкою о двухъ окнахъ наверху. Весь этотъ домъ выкрашенъ темно-красною краскою, съ бѣлыми бордюрами около всѣхъ оконъ и около двери на крыльцѣ.

ИВАНОВЪ. Не знаю, что будетъ со мною! Сынъ мой ушелъ на охоту, но принесетъ-ли онъ какую-нибудь добычу? Пороху у него очень немного осталось. Если ничего не принесетъ, мы умремъ съ голоду. Боже мой! Такъ-ли жилъ я въ Москвѣ? Я тамъ имѣлъ свой небольшой, уютный домъ, гдѣ умеръ мой отецъ и гдѣ я родился, имѣлъ въ окрестностяхъ Москвы наследственную деревню. И всего этого я лишился. А кто виноватъ? Я, я одинъ! Пользуясь моею неопытностью, моею молодостью злые люди увлекли, сдѣлали участникомъ безумнаго бунта стрѣльцовъ. Ахъ, для чего я не послушался тогда голоса совѣсти, голоса Бога, который неумолкаемо говоритъ въ сердцахъ нашихъ отъ младенчества до старости. Вотъ до чего дошелъ я! Живу въ этой хижинѣ бѣглецомъ, нищимъ, на чужой сторонѣ, въ безлюдной пустынѣ, въ шведской землѣ, въ землѣ враговъ моего отечества; на родину, на милую родину, не смѣю возвратиться! Тамъ ожидаетъ меня плаха и топоръ палача, заслуженный мною. Навсегда, навсегда загородилъ я себѣ дорогу на мою милую родину!

II.

ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ.

ИВАНОВЪ. Ну что, Вася? Удачна-ли была охота?

ВАСИЛІЙ. Плоха, батюшка! У меня всего было пороху на два заряда. Отъ этой мысли, что-ли, ружье дрожало въ рукѣ. Далъ два непростительные промаха! Этого никогда еще со мною не случилось, какъ ты самъ знаешь!

ИВАНОВЪ. Что-же мы станемъ дѣлать? Придется голодать сегодня.

ВАСИЛІЙ. Охота не удалась, такъ, авось, рыбная ловля будетъ счастливѣе. Поѣду на Неву и наловлю рыбы.

ИВАНОВЪ. Но чѣмъ-же ты наловишь? Ты самъ мнѣ говорилъ вчера, что у тебя сѣть изорвалась, и ни одной удочки нѣтъ.

ВАСИЛІЙ. Правда!.. Я и самъ не знаю, что намъ, батюшка, дѣлать!

ИВАНОВЪ. Послушай, Вася! Я измѣнилъ Государю, и отечеству. По грѣхамъ моимъ Богъ справедливо меня наказываетъ. Но за что — же ты страдаешь вмѣстѣ со мною? Ты еще былъ вотъ такимъ маленькимъ, когда я бѣжалъ сюда изъ Москвы. Ты составлялъ все мое семейство, послѣ смерти незабвенной твоей матери. Я взялъ тебя съ собою, и вотъ, ты выросъ на чужой сторонѣ, въ землѣ вражеской. Ты не виноватъ ни въ чемъ. Вася! милый сынъ мой! Воротись въ Россію, на родину, изъ этой чужой земли. Тамъ ты найдешь счастье, котораго достоинъ за свое доброе, благородное сердце. Обо мнѣ не беспокойся! Позабудь меня. Мнѣ не долго осталось жить на свѣтѣ. Добрые сосѣди не дадутъ мнѣ, старику, умереть голодною смертью, и меня похоронятъ по-христіански, когда умру. Чувствую, что эта минута не далека. Когда-же дойдетъ до тебя вѣсть, что отецъ твой умеръ, помолись Богу о душѣ моей. Не губи своей молодости за преступленіе отца! Вернись въ Россію!

ВАСИЛІЙ. Никогда! никогда! Не говори мнѣ этого, батюшка! Чтобы я покинулъ роднаго отца въ горѣ, въ старости, въ бѣдности?.. Нѣтъ! Я лучше самъ умру сто разъ, но тебя не покину! Да и какъ-бы приняли меня на родинѣ земляки мои послѣ такого низкаго поступка? Всѣ стали-бы корить меня, и мнѣ было-бы стыдно взглянуть въ глаза всякому доброму и честному человѣку.

ИВАНОВЪ. Боже! благодарю тебя! Вижу, что твое милосердіе без-

конечно и къ преступникамъ! Милый сынъ мой! Ты меня утѣшилъ... Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе! Обними меня! Предоставимъ судьбу нашу Его безпредѣльной благодати.

III.

ТѢЖЕ и **ХРИСТИНА**. Она выходитъ изъ шведскаго дома, съ лейкой въ рукѣ.

ХРИСТИНА. Здравствуй, старичекъ, здравствуй, Василій! А вотъ, я иду на рѣчку за водой, чтобы цвѣты полить въ моей свѣтелкѣ и въ нашемъ садикѣ.

ВАСИЛІЙ. Христина Карловна, братецъ дома или нѣтъ?

ХРИСТИНА. Онъ съ ранняго утра ушелъ на охоту и еще не возвращался. А что?

ВАСИЛІЙ. У меня до него просьба. Не можетъ-ли онъ мнѣ одолжить нѣсколько патроновъ пороху, или удочки?

ХРИСТИНА. У него и самого осталось очень мало пороху. И удочки, кажется, нѣтъ. Ходилъ онъ вчера въ Калинкину деревню, что на взморьѣ, чтобы купить тамъ пороху и разныхъ запасовъ для охоты и рыбной ловли. Но тамъ ему сказали, что купецъ, который около этого времени каждый годъ туда пріѣзжалъ и съ порохомъ и съ другими товарами, не пріѣдетъ ужъ нынче.

ВАСИЛІЙ. Почему?

ХРИСТИНА. А потому, какъ братъ мой слышалъ, что въ нашей сторонѣ скоро будетъ война.

ИВАНОВЪ. Война? Съ кѣмъ война?

ХРИСТИНА. Говорятъ, что съ русскимъ Царемъ. Онъ въ прошломъ году, какъ вы сами знаете, при истокѣ нашей Невы изъ Ладожскаго Озера, взялъ нашу шведскую крѣпость Нетебургъ, которую переименовалъ Шлиссельбургомъ. А въ нынѣшній годъ онъ, какъ слышно, хочетъ взять крѣпость Неншанць, которая вонъ тамъ, версты за четыре или за пять отсюда, и завоевать всю нашу Неву отъ Ладожскаго Озера вплоть до Финскаго Залива.

ИВАНОВЪ. Боже мой!.. Слышишь, Вася?

ВАСИЛІЙ. Отъ кого ты это все узнала, Христина Карловна? Полно правда-ли?

ХРИСТИНА. А почему я знаю. Это все мнѣ разказалъ братъ; но батюшка на него разсердился и сказалъ, что это вздоръ. Я и сама думаю, что вздоръ. Но я заговорила съ вами. Пора мнѣ цвѣты мои полить. *(Черпаетъ воду въ рѣчку и уходитъ въ свой домъ.)*

III.

ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ.

ИВАНОВЪ. Вася! Ты все слышалъ, ты видишь, что мнѣ здѣсь оставаться нельзя. Мнѣ надо бѣжать дальше, дальше! Сынъ мой, умоляю тебя, вернись на родину, забудь преступнаго отца твоего! За что ты будешь еще страдать со мною?

ВАСИЛІЙ. Я уже тебѣ сказалъ, батюшка, что ни за что на свѣтѣ я тебя не оставлю. Этому не бывать! (*Беретъ свое ружье*). Не надо отчаяваться! Пойду опять въ лѣсъ, отыщу моего друга, Густава. Онъ вѣрно мнѣ одолжитъ немножко пороху. Успокойся, батюшка! Вернусь не съ пустыми руками. (*Уходитъ*).

IV.

ИВАНОВЪ и НОЛЬКЕНЪ.

НОЛЬКЕНЪ. Доброе утро и, даже можно сказать, добрый день, сосѣдь почтеннѣйшій! Солнце-то ужъ порядочно поднялось, какъ вижу. Дочка мнѣ сказала, что у васъ въ домѣ порохъ весь вышелъ и что ни одной удочки нѣтъ, а по этой причинѣ вы не можете для обѣда вашего застрѣлить какую-нибудь птицу, или поймать какую-нибудь рыбу. Правда?

ИВАНОВЪ. Правда, Карлъ Карлычъ.

НОЛЬКЕНЪ. А что-жъ ты думаешь дѣлать, сосѣдь любезный?

ИВАНОВЪ. Думаю отсюда бѣжать.

НОЛЬКЕНЪ. Какъ бѣжать! Куда бѣжать? Для чего бѣжать? Что съ тобой, г. Ивановъ! Живемъ мы съ тобой двадцать лѣтъ рядомъ, добрыми сосѣдями, въ дружбѣ и согласіи, научилъ ты меня и моихъ дѣтей говорить по-русски, а я тебя и твоего сына научилъ говорить по-шведски, и дѣти наши любятъ другъ друга, словно родные; дѣлили мы съ тобой пополамъ и радость, и горе, никогда не ссорились; а онъ вздумалъ бѣжать! Я, что-ли надоѣлъ тебѣ? Или моя болтушка-дочка чѣмъ-нибудь тебя огорчила и растревожила? Я ее побраню. О! весьма

побраню! Бранить сыновей и дочерей, по моему мнѣнію, необходимо и, даже можно сказать, полезно, хотя съ другой стороны, можно сказать, это бываетъ очень неприятно для отцовскаго сердца.

ИВАНОВЪ. Христина ни въ чемъ не виновата! Не сердись на нее, Карль Карлычъ!

НОЛЬКЕНЪ. Да отчего-же ты вздумалъ бѣжать?

ИВАНОВЪ. Развѣ ты не слыхалъ, что русскій Царь хочетъ взять крѣпость Ніеншанць и завоевать всю Неву до Финскаго Залива.

НОЛЬКЕНЪ. Тю! тю! тю! Все это однѣ дудки, любезный, и, даже можно сказать, пустяки! Я вижу, что моя глухая дочка тебѣ все это наболтала, а она повѣрила своему разумнику братцу. Задамъ-же я имъ обоимъ головомоюку.

ИВАНОВЪ. Да за что, Карль Карлычъ? Если они сказали, можетъ быть, правду.

НОЛЬКЕНЪ. Правду! правду! Не можетъ быть это правдой! Это не-имовѣрно, невѣроятно, и даже, можно сказать, сомнительно.

ИВАНОВЪ. Увѣренъ ли ты, Карль Карлычъ, что все это—ложные слухи?

НОЛЬКЕНЪ. Увѣренъ, совершенно увѣренъ! Неужели ты думаешь, что нашъ король позволить вашему Царю брать у него крѣпости словно орѣхи? Замѣть мою остроту, г. Ивановъ, Нётебургъ по шведски значитъ орѣхъ-крѣпость, или, пожалуй, крѣпость-орѣхъ.

ИВАНОВЪ. Да вѣдь эта крѣпость-то была не орѣхъ. Трудно было ее взять; однакожъ Царь взялъ же въ прошломъ году. Почему ты думаешь, что того-же не случится въ нынѣшнемъ году съ Ніеншанцомъ?

НОЛЬКЕНЪ. А потому, что Ніеншанць укрѣпленъ превосходно; что нашъ, шведскій гарнизонъ въ этой крѣпости многочисленъ и храбръ до невѣроятности; что тамъ пронасть пушекъ, мортиръ и всякаго оружія. Военныхъ и съѣстныхъ припасовъ заготовлено года на два. Сверхъ того, я знаю отъ вѣрнаго человѣка, что къ устью нашей рѣки Ніенъ, которую вы, Русскіе, неправильно называете Невую, вскорѣ прибудеть изъ Стокгольма сильная эскадра шведскихъ военныхъ кораблей. Въ случаѣ нужды всѣ эти корабли поднимутся до Ніеншанца, чтобы съ рѣки помочь гарнизону и отразить нападенье русскихъ. Но я никакъ не полагаю, чтобы земляки твои отважились на такое опасное дѣло. Это было бы съ ихъ стороны глупо, и даже можно сказать, неблагоразумно. Но оставимъ всѣ эти пустые слухи и опасенія! Я пришелъ сюда совсѣмъ не за тѣмъ. Мнѣ дочь сказала, что у васъ весь порохъ вышелъ, и что нѣтъ у васъ ни сѣти, ни удочки. Правда?

ИВАНОВЪ. Правда.

НОЛЬКЕНЪ. Что-жь вы станете дѣлать?

ИВАНОВЪ. И самъ не знаю, любезный сосѣдъ!

НОЛЬКЕНЪ. А вѣришь-ли, что я люблю тебя?

ИВАНОВЪ. Какъ не вѣрить! Ты мнѣ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ постояннымъ, вѣрнымъ другомъ.

НОЛЬКЕНЪ. Христина! иди сюда!

V.

ТЪ-ЖЕ и ХРИСТИНА.

ХРИСТИНА выходитъ изъ дверей шведской избы, держа въ одной рукѣ уду, а въ другой нѣсколько патроновъ пороху.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, вотъ, видишь-ли, сосѣдъ любезный и мой вѣрный другъ! Молодежь иногда бранить стариковъ, что они черезчуръ бережливы, скупы. А вотъ, не спрячь я этой удочки, этихъ патроновъ пороху на черный день, давно уже не было-бы ни удочки, ни патроновъ. Я ихъ дарю тебѣ, любезный сосѣдъ. Помочь ближнему въ нуждѣ—истинное наслажденіе и, даже можно сказать, не малое удовольствіе.

ИВАНОВЪ. Добрый ты человекъ, Карлъ Карлычъ! Отъ искренняго сердца благодарю тебя. Постараюсь отплатить тебѣ добромъ за добро.

VI.

ТЪ-ЖЕ, ВАСИЛІЙ и ГУСТАВЪ.

ВАСИЛІЙ. А вотъ, батюшка! я говорилъ, что не надо отчаяваться. Я отыскалъ въ лѣсу Густава: онъ мнѣ одолжилъ нѣсколько пороху, и вотъ, я принесъ четырехъ рябчиковъ, двухъ куропатокъ, трехъ бекасовъ и глухаря.

НОЛЬКЕНЪ. Это прекрасно и, даже можно сказать, хорошо! А ты, Густавъ, принесъ-ли что-нибудь?

ГУСТАВЪ. Принесъ двухъ рябчиковъ, четырехъ тетерекъ, утку и зайца

НОЛЬКЕНЪ (*разматривая разложенную передъ нимъ дичь*).

И хорошо! Видишь-ли, любезный г. Ивановъ! Ты думалъ сегодня,

что умрешь съ голоду, и что тебѣ необходимо отсюда бѣжать. А посмотри-ка: сколько намъ Богъ послалъ! Вотъ тутъ, я вижу, есть рябчикъ, есть куропатки, есть тетерки, бекасы, утка и даже, можно сказать, есть заяцъ и глухарь. Обѣдъ и твой и мой вполне обезпечены на завтра и, даже можно сказать, дня на четыре. Это пріятно! Очень пріятно! А такъ какъ ты, любезный сосѣдъ, не успѣешь сегодня къ обѣду ни сварить, ни изжарить принесенную твоимъ сыномъ дичь, то я прошу васъ обоихъ отобѣдать вмѣстѣ со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Работница моя, подъ надзоромъ Христины, изготовитъ русскую уху, которую ты самъ научилъ меня варить; потомъ будетъ у меня жареная, отличная лососина съ приправой, потомъ... Да чтожъ ты, Христина, тутъ дѣлаешь? Такъ-то ты надзираешь за моей работницей, которая обѣдъ готовить?

ХРИСТИНА. Я разсматриваю дичь, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. Это не твое дѣло! Я всю дичь пересмотрѣлъ и нашелъ ее удовлетворительною. Лучше поди, позаботься о сегодняшнемъ обѣдѣ.

ХРИСТИНА. Какой славный глухарь! Это ты застрѣлилъ, братъ?

ГУСТАВЪ. Нѣтъ, не я, а Василій.

ХРИСТИНА. Превосходный глухарь! Я такихъ еще не видывала.

НОЛЬКЕНЪ. Христина! я вижу, что ты, разсматривая глухаря, сама превратилась въ такую-же глухую тетерку. Развѣ ты не слышала, что я сказалъ?

ХРИСТИНА. Не слышала, батюшка! извините!

НОЛЬКЕНЪ. Я сказалъ, чтобы ты шла домой присмотрѣть за нашей работницей, которая обѣдъ готовить.

ХРИСТИНА. Иду, чейчасъ иду, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. Постой! Дай подумать. Мнѣ кое-что пришло въ голову. *(приставляетъ палецъ ко лбу).*

ХРИСТИНА. Удивительный глухарь! Это ты застрѣлилъ, Василій?

ВАСИЛІЙ. Я, Христина Карловна.

ХРИСТИНА. А со сколькохъ разовъ ты убилъ такую большую птицу? Ты, я думаю, выстрѣлилъ въ нее разъ пять?

ВАСИЛІЙ. Что ты, Христина Карловна! Я убилъ ее однимъ выстрѣломъ.

ХРИСТИНА. Неужели?

НОЛЬКЕНЪ. Христина! ты, я вижу, все болтаешь. Пойдешь ли ты сегодня присмотрѣть за приготовленіемъ обѣда?

ХРИСТИНА. Иду, батюшка, сейчасъ иду!

НОЛЬКЕНЪ. Постой!... Мнѣ пришла вотъ какая мысль. Погода прекрасная, самая весенная! У! какой пріятный воздухъ! Я такого благо-

раствореннаго воздуха давно не нюхаль. Послушай, Христина! Вели паней работницѣ накрыть столъ здѣсь, подъ открытымъ небомъ. Такого высокаго, такого великолѣпнаго потолка не найдешь въ самыхъ роскошныхъ палатахъ. Любезные сосѣди и пріятели! Я васъ приглашаю и прошу отобѣдать сегодня со мною.

ХРИСТИНА (*Василью*). Какого ты убилъ прекраснаго глухаря, Василій, ну право, онъ величиною съ гуся!

НОЛЬКЕНЪ. Опять глухарь! Да что съ тобой, дочь моя? Ты, кажется, помѣшалась на этомъ глухарѣ. Вѣдь можно, пожалуй, подумать, что не эта птица тебѣ собственно нравится, а что ты берешь въ ней особенное участіе, думая объ охотникѣ, который ее застрѣлилъ.

ХРИСТИНА. Ну вотъ еще, батюшка! Съ чего вы это взяли? Это неправда, неправда! Я пойду и похлопочу объ обѣдѣ. (*Уходитъ*).

VII.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ХРИСТИНЫ.

НОЛЬКЕНЪ. Гмъ, глухарь!... Не поймешь этихъ молодыхъ дѣвушекъ! У нихъ часто приходятъ въ голову престранныя мысли и, даже можно сказать, преглушыя. Не правда-ли, г. Ивановъ?

ИВАНОВЪ. У меня дочери не было и нѣтъ: такъ я не могу быть въ этомъ дѣлѣ судьей.

НОЛЬКЕНЪ. А! ты защищаешь дѣвушекъ. Я изъ этого вижу, что ты угодникъ прекраснаго пола!

ИВАНОВЪ. Я!... что ты, Карлъ Карлычъ!... Вспомни мои лѣта.

НОЛЬКЕНЪ. Что лѣта! Я на своемъ вѣку видывалъ стариковъ, которые были гораздо постарше тебя, а между-тѣмъ....

ИВАНОВЪ. Да перестань, сдѣлай милость, Карлъ Карлычъ. Съ чего пришли тебѣ въ голову такія странныя мысли?

НОЛЬКЕНЪ. Съ чего?... Съ чего?... Да пришли эти мысли съ этого глухаря.

ИВАНОВЪ. Завтра его изжаримъ и съѣдимъ, чтобъ его и въ поминѣ не было. Сегодня ты, любезный сосѣдъ, подбиваешь меня обѣдомъ, а завтра, надѣюсь, ты не откажешься отобѣдать у меня, вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ и дочерью?

НОЛЬКЕНЪ. Съ большимъ удовольствіемъ, сосѣдъ, съ большимъ удо-

вольствиемъ! Ба! Кто это къ намъ идетъ? А! это нашъ общій знакомый, Юганъ Элиасонъ.

VIII.

ТЪ-ЖЕ, и ЭЛИАСОНЪ.

ЭЛИАСОНЪ. Новости, новости! Да какія новости! У! я утвивлялась, што мои тлинна волосъ не поднялася на верхъ.

НОЛЬКЕНЪ. Чтò съ тобою, любезный пріяель?

ИВАНОВЪ. Скажи скорѣе, Элиасонъ: чтò такое?

ЭЛИАСОНЪ. Сейшасъ скашу: тай тухъ переводить.

ВСЪ. Да что такое? Говори скорѣе!

ЭЛИАСОНЪ. Въ морѣ такой тишина, што просто, шудо! Ни малѣйшая вѣтерокъ! Я въ моей лотка, съ моими сѣтью и моими работниковъ, такъ забирался талеко въ море, что сама испугивался! Поднимись вѣтра расхотись волнъ, моя лотка пошолъ пы и тута, и сюда, какъ шепка. Она пы непремѣнно перевертывалась ногою вверхъ, а мы все пошла на вода рышка исловить. Я и прикасала вернуть насатъ. Рюгъ * вишу столько пальшой кораплъ, што и шиталь не можно. Я плюву тальши, но капитанъ или атмираль съ отного корабль кришитъ менѣ въ большой трупъ: «Стой! Прити сюта!» Я скасала: ай, ай, ай! и вилѣла своимъ рапотникъ шивѣй рапотайть весломъ, штопъ скорѣй пѣшать. Но ругъ пушка съ кораплъ — пуфъ!!.. и ятръ пролетѣла очень плизко отъ лотка, запрыгивала по вода и насъ всехъ опрызнулъ съ нога то головъ. Я опять скасала: ай! ай! ай! и велѣла плыть на кораплъ. Пушка польше не стрѣльнулъ. Шветскій матроса втаскивалъ меня на кораплъ за воротникъ по веревка-лѣстницъ. Я увитывала на корапля капитанъ или атмираль. Онъ мнѣ скасала: »Кто ты такая?» Я ему скасала: «Юганъ Элиасонъ, финска рыпакъ». Онъ опять меня спросила: Ты шветска поттанной?» Я ему сказала: «Та! шветска поттанной». За шѣмъ-же ты отъ насъ бѣгивалъ?» спросила капитанъ или атмираль: «За-тѣмъ

* Вдругъ. Финны, какъ извѣстно, съ большимъ трудомъ могутъ выговорить три или даже двѣ согласныя буквы; рядомъ стоящія. Они большею частію произносятъ одну изъ такихъ буквъ.

бѣгивала, што ошень испугивался»—отвѣчивалъ я. «Скаши мнѣ» спросила атмираль: «можешь-ли ты все мой корабль провести въ устье рѣки Ніенъ, чтопы на мель и на камня не попата? Снаешь-ли ты все камня, все мель и фарватеръ?» Я скасала ему: «Эй муста! то-есть: не снаю». Она сказала мнѣ: туракъ! и меня прогоняла. Я и поѣхала сюта пѣгомъ на веслы, а все польшой корабль бросалъ якорь и стала на отню мѣста, затѣмъ, што въ морѣ ни малѣйша вѣтеръ нѣтъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну вотъ, видите-ли, господа! Я увѣренъ, что нашъ пріятель Эліасонъ видѣлъ въ морѣ шведскую эскадру, которую нашъ король послалъ изъ Стокгольма, для защиты Ніеншанца и для отраженія русскихъ. Они, какъ слухи носятя, хотять завоевать до самого моря нашу прекрасную рѣку Ніенъ.

ВАСИЛІЙ. То-есть: Неву?

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, Василій! Тысячу разъ говорилъ я, что Неву выдумали вы, русскіе, и что Невы нѣтъ на свѣтѣ. Нашу славную шведскую рѣку называютъ: Ніенъ! Ніенъ!.. слышишь-ли? Ніенъ!

ВАСИЛІЙ. Слышу, Карлъ Карлычъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, а что, мои любезные друзья и сосѣди! Полно намъ спорить и ссориться. Не пора-ли за столъ? Я думаю, что моя Христина обѣдъ ужъ приготовила. Прошу и тебя, Юганъ, отобѣдать вмѣстѣ съ нами. Ты меня порадовалъ доброю вѣстью. Сильная шведская эскадра сюда плыветь! Гарнизонъ въ Ніеншанцѣ такъ же храбъ и непобѣдимъ, какъ воины нашего незабвеннаго короля, Густава Адольфа. Мой прадѣдъ служилъ солдатомъ въ его войскахъ и мнѣ достался отъ него въ наслѣдство палашъ, который я теперь, въ старости, съ трудомъ поднимаю, но все-таки, въ случаѣ крайней нужды, могу еще вынуть для защиты моего отечества. Гдѣ русскимъ взять Ніеншанцъ и отнять у насъ рѣку Ніенъ!

ВАСИЛІЙ. Богъ еще знаетъ, Карлъ Карлычъ, чѣмъ дѣло-то кончится!

НОЛЬКЕНЪ. Что ты! что ты, молодой человекъ! Вздумалъ спорить со старикомъ, котораго прадѣдъ служилъ въ непобѣдимыхъ войскахъ Густава Адольфа?

ВАСИЛІЙ. Извини, Карлъ Карлычъ! Не сердись на меня. Мое мнѣніе, можетъ быть, и неосновательно, но я высказалъ его откровенно. Хитрить и лгать грѣшно и неблагогородно.

НОЛЬКЕНЪ. Хитрить и лгать, молодой человекъ, не только грѣшно и неблагогородно, но, даже можно сказать, подло и непростительно. Что ты скажешь на это, сосѣдъ мой любезный?

ИВАНОВЪ. И сынъ мой, и ты, Карлъ Карлычъ, сказали правду.

НОЛЬКЕНЪ. Я очень этому радъ. Очень рѣдко случается, чтобы двое, которые между собою разговариваютъ, сказали вмѣстѣ правду. Однѣ непременно солжетъ и даже, можно сказать, всего чаще случается, что оба солгутъ. Но кажется пора обѣдать. Что тамъ дѣлаетъ моя дочь? Христина! Христина! Вели скорѣе подавать на столъ! Спокойно можемъ мы отобѣдать, увѣряю тебя въ томъ! г. Ивановъ! Русскимъ невзять Нѣншанца, не завоевать нашей прекрасной рѣки. Весь гарнизонъ Нѣншанца храбръ, какъ мой прадѣдъ, служившій при великомъ королѣ Густавѣ Адольфѣ, а эскадра нашихъ шведскихъ кораблей, которая плыветъ сюда, точно также храбра и непобѣдима. Кончено! По нашей шведской поговоркѣ: будемъ веселиться и обѣдать. Христина! Христина! Да куда ты запропастилась? Вели скорѣе на столъ накрывать.

IX.

ТѢЖЕ, ХРИСТИНА и ЮЛІАНА, работница НОЛЬКЕНА.

ХРИСТИНА. Вы, батюшка, звали меня? Обѣдъ совсѣмъ готовъ. Сейчасъ наша работница столъ накроетъ.

НОЛЬКЕНЪ. Накрывай скорѣе.

ЮЛІАНА. Сейчасъ!

ХРИСТИНА. Я тебѣ помогу.

ЭЛІАСОНЪ. Очень радъ видѣть васъ, Христина Нолькенъ! Вотъ тебѣ вѣнокъ изъ низапутка! Я направъ его въ полота по самая поясъ въ вода.

ХРИСТИНА. Благодарю тебя, Юганъ Эліасонъ! Для чего ты такъ беспокоился?

ЭЛІАСОНЪ. Я и самъ не снай, для шего я такъ беспокоилась. А вотъ ешо я приносила для твой патюшка шивая рыбки. Она сдѣсь, въ польное ветро, который я поставляла за этотъ берево. Вотъ она! (*Приноситъ ведро*).

ХРИСТИНА. Какая прекрасная форель! Батюшка, Юганъ Эліасонъ дарить тебѣ эту рыбу.

НОЛЬКЕНЪ. Что? что такое?

ХРИСТИНА. Юганъ Эліасонъ дарить вамъ форель.

НОЛЬКЕНЪ. Что это тебѣ вздумалось, любезнѣйшій? Для чего тебѣ такъ для меня убитчиться?

ЭЛАСОНЪ. Я и самъ не снай для шего мнѣ всдумалась упытчиваться.

НОЛЬКЕНЪ. Возьми-же свою рыбу назадъ.

ЭЛАСОНЪ. Мой не путеть праль этотъ рына насать. Онъ твой.

НОЛЬКЕНЪ. Пожалуйста, возьми назадъ.

ЭЛАСОНЪ. Ни за што на свѣтъ! Рына твой!

НОЛЬКЕНЪ. Какой странный человекъ и, даже можно сказать упрямый!

ЭЛАСОНЪ. Ты сама упрямый. Пери моя рына и польше ни словъ. Не то я пуду разсертиться.

НОЛЬКЕНЪ. Нечего дѣлать! Прими, Христина подаренную рыбу. Благодарю тебя, отъ сердца благодарю, за твой подарокъ. Густавъ! Изъ нашей настрѣленной дичи отблагодари Югана Эласона какъ слѣдуетъ.

ГУСТАВЪ. Хорошо, батюшка!

ЭЛАСОНЪ (*громко и какъ будто съ досадой*). Не ната!

НОЛЬКЕНЪ. Какъ не надо! Да что ты, любезнѣйшій? Меня даришь, а отъ меня подарка принять не хочешь!

ЭЛАСОНЪ. Не ната!

НОЛЬКЕНЪ. Какой чудакъ!

ЭЛАСОНЪ. Топра Христинъ! За моя незапутка потари мнѣ этотъ цвѣтка, который у тебя на груть.

ХРИСТИНА. На что онъ тебѣ?

ЭЛАСОНЪ. Я снай для шего!

НОЛЬКЕНЪ. Христина! Потѣшь Эласона, который сдѣлалъ тебѣ и мнѣ пріятный подарокъ. Отдай цвѣтокъ, котораго ему хочется.

ХРИСТИНА. Вотъ онъ! Бери!

ЭЛАСОНЪ. Вотъ это хороша, это пріятна! (*Втыкаетъ цвѣтокъ въ петлю своего кафтана*).

НОЛЬКЕНЪ. А! я вижу, что столъ уже накрытъ, и русская уха распространяетъ пріятный запахъ. Милости просимъ за столъ, господа, милости просимъ! (*Всѣ садятся за столъ. Работница Нолькена прислуживаетъ, сначала всѣ молчатъ; подають второе блюдо. Начинается разговоръ, который постепенно становится все громче и живѣе*).

НОЛЬКЕНЪ. Что за прекрасная погода, сегодня!

ВАСИЛІЙ (*Густаву*). Какая славная уха!

ГУСТАВЪ. Я тебѣ скажу правду, Василій! Тебѣ удалось застрѣлить отличнаго глухаря.

ЭЛІАСОНЪ (*Христинъ*). Прекрасна Христинъ! Твой цвѣтка стѣсь, у меня. (*Указываетъ на петлю кафтана*).

ХРИСТИНА. Очень рада, если это тебѣ пріятно.

НОЛЬКЕНЪ. А что-же, господа! Зачѣмъ это старое, шведское пиво тутъ поставлено? Неужто для виду? Наливай всемъ стаканы, Христина! Что ты такъ мой любезнѣйшій г. Ивановъ задумался? Развеселись!

ИВАНОВЪ. Постараюсь, Карль Карлычъ, чтобы не нарушить пріятной и веселой бесѣды.

ЭЛІАСОНЪ (*про себя*). Какой прекрасный, славный пивъ!

НОЛЬКЕНЪ. Эхъ, сосѣдъ! Да что ты носъ повѣсилъ? Ты вѣрно все боишься русскихъ, которые, какъ слышно, грозятся взять Ніеншанць и отнять у насъ рѣку Ніенъ? Гдѣ имъ!... Я пью за твое здоровье!

ИВАНОВЪ. Благодарю! И я пью за твое здоровье, Карль Карлычъ!

ЭЛІАСОНЪ (*Христинъ*). Я тепѣ путу еще приносить рыба, прекрасна Христинъ.

ХРИСТИНА. Не надо, Юганъ Эліасонъ.

ЭЛІАСОНЪ. Ната!

ВАСИЛІЙ. Я пью за твое здоровье, Густавъ!

ГУСТАВЪ. А я за твое.

НОЛЬКЕНЪ (*Иванову*). Любезнѣйшій сосѣдъ! За этимъ веселымъ, пріятельскимъ обѣдомъ у тебя такое печальное лицо, какъ-будто ты на похоронахъ, или, даже можно сказать, на поминкахъ.

ИВАНОВЪ. Да, любезный Карль Карлычъ! Я пирую на поминкахъ по своей милой, незабвенной, невозвратной родинѣ!

ВАСИЛІЙ. Батюшка! Позабудь прошлое!

НОЛЬКЕНЪ. Извини меня, извини, сосѣдъ! Вотъ, за обѣдомъ, всегда какъ нибудь проврешься! Я чувствую, что я тебѣ некстати напомнилъ твое глубокое, сердечное горе! Извини меня, сосѣдъ любезный! Но русскихъ ты не бойся! Ніеншанць постоитъ за себя! Храбрая шведская эскадра, какъ я полагаю, завтра-же, если не сегодня, влыветъ въ нашу глубокую Ніенъ, и мы все безопасны! Русскихъ отразятъ. (*Слышна отдаленная пальба изъ пушекъ и ружей. Съ вскакиваютъ изъ-за стола*).

ИВАНОВЪ. Пальба!

НОЛЬКЕНЪ. Господи! Что это такое?

ГУСТАВЪ. Я думаю, что шведскіе корабли съ моря приближаются къ Ніену и даютъ сигналы Ніеншанцу.

ВАСИЛІЙ. И я тоже думаю.

ЭЛІАСОНЪ. Я нишего не тумай!.. Прекрасна Христинъ! Если это пришелъ русска, то я тея путу сажать на свой лотка и увозить талеко, талеко!

ХРИСТИНА. Да развѣ я могу бросить здѣсь своего отца! Ахъ, какъ стрѣляютъ!

ГУСТАВЪ. Василій! Бери свое ружье. Я беру свое. Пойдемъ, узнаемъ, что такое? (*Уходятъ*).

X.

ТѢЖЕ, кромѣ **ГУСТАВА** и **ВАСИЛІЯ**.

НОЛЬКЕНЪ. Я полагаю, что это не что иное, какъ сигналы съ нашей шведской эскадры.

ИВАНОВЪ. Нѣтъ! это русскіе, русскіе! Мнѣ моя совѣсть это сказала!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОСАДА ШЕНШАНЦА.

I.

Внутренность шведскаго дома. Слева [каминъ и дверь. Справа окно. На задней стѣнѣ нѣсколько картинъ и огромный палащъ. Дверь посрединѣ.

НОЛЬКЕНЪ, ИВАНОВЪ и **ХРИСТИНА**.

НОЛЬКЕНЪ (*Сидя въ креслахъ передъ каминомъ и мѣшая дрова кочергою*). Тусанъ тунноръ іевларъ! Ты, можетъ быть, не понимаешь

этого шведскаго восклицанія , г. Ивановъ Я тебѣ его переведу. Это значитъ: тысяча бочекъ чертей! Если я употребилъ такое сильное выраженіе, то ты, конечно, поймешь, что эта несносная пальба, которая началась еще вчера во время нашего обѣда, не дала мнѣ спать цѣлую ночь на пролетъ, и вотъ теперь только утромъ она насилу прекратилась.

ИВАНОВЪ. Я думаю, что русскіе взяли Ніеншанць.

НОЛЬКЕНЪ. Быть не можетъ! Я полагаю, что шведская эскадра выплыла уже въ рѣку Ніенъ, и что она вмѣстѣ съ гарнизономъ крѣпости уничтожила русскихъ, если они осмѣлились напасть на Ніеншанць.

ХРИСТИНА. О! Боже мой! Боже мой! Меня очень беспокоитъ неизвѣстность: что сдѣлалось съ братомъ моимъ Густавомъ и съ Васильемъ. Они ушли еще вчера и до-сихъ-поръ не возвращаются. Что съ ними? Я боюсь за нихъ!

НОЛЬКЕНЪ. Они возвратятся, дочь моя. Будь въ этомъ увѣрена! Не тревожь себя по напрасну, и не огорчай нашего любезнаго сосѣда. Что намъ русскіе! Ты забыла, что у сосѣда есть отличное ружье и сабля, а у меня есть палашъ, — вонъ, посмотри! — (указываетъ на стѣну) палашъ, которымъ прадедъ мой рубилъ враговъ подъ предводительствомъ нашего непобѣдимаго короля, Густава Адольфа. Христина! говорю тебѣ, не беспокойся спой намъ лучше пѣсенку. Ты на это мастерица.

ХРИСТИНА. Какую-же пѣсню спѣть?

НОЛЬКЕНЪ. Какую хочешь.

ИВАНОВЪ. Спой, пожалуйста, Христина Карловна, ту русскую пѣсню, которой я тебя выучилъ, и которую я такъ люблю.

ХРИСТИНА. Изволь, Илья Сергѣичъ!

(Поетъ).

Я разстался съ милой родиной,
Мнѣ ее ужъ не видать!
На чужой-ли, на сторонущкѣ
Вѣкъ пришлось мнѣ доживать.

Ахъ, любилъ тебя я, родина!
Измѣнилъ тебѣ я самъ!
И теперь я каюсь, мучуся!
Нѣтъ конца моимъ слезамъ.

Сердце храброе, удалое
И теперь кипитъ въ груди!
Гдѣ-же счастье бывалое?
Только горе впереди!

НОЛЬКЕНЪ. Что это? что это? Дочь, перестань! Отъ твоей глупой пѣсни любезный сосѣдъ нашъ и другъ рыдаетъ и, даже можно сказать, плачетъ. Спой пѣсню повеселѣе! Ну, хоть нашу шведскую, веселую пѣсню, которую ты знаешь.

ХРИСТИНА. Хорошо, батюшка!

(Поетъ).

Ну свѣга! скорѣ тайте!
Съ горь и скаль ручьи сбѣгайте!
Зеленѣйте лѣсъ и лугъ!
Вотъ весна и радость вѣругъ!

(Танцуетъ).

Прочь отъ насъ морозъ и вьюга!
Соловьи, пришельцы съ юга,
Прилетѣли къ намъ, поютъ,
И восторгъ намъ въ сердце льютъ.

НОЛЬКЕНЪ. Bravo, bravo, дочь моя! Да перестань, сосѣдъ, хмуриться! Ну что! Горя много въ жизни, — это правда! Но за то милости у Бога больше, чѣмъ у насъ горя.

II.

ТЪ-ЖЕ, ВАСИЛІЙ и ГУСТАВЪ.

ВАСИЛІЙ (радостно). Русскіе взяли Ніеншанць!

НОЛЬКЕНЪ. Что?! Быть не можетъ!

ВАСИЛІЙ. Говорю тебѣ, Карлъ Карлычъ, что русскіе взяли Ніеншанць, и что теперь на главной башнѣ этой крѣпости развѣвается русскій флагъ.

ИВАНОВЪ (про себя). Слава Богу! Слава Богу!.. Да будетъ воля Божія со мною!

НОЛЬКЕНЪ. Густавъ! Я сомнѣваюсь! Неужели русскіе взяли нашу крѣпость? Какимъ чудомъ они взяли?

ГУСТАВЪ (мрачно). Взяли!

НОЛЬКЕНЪ. Это дѣло невѣроятное и, даже можно сказать, удивительное! Можетъ быть, мой сынъ ошибается. Скажи ты мнѣ правду, Василій!

ВАСИЛІЙ. Я уже сказалъ тебѣ правду, Карлъ Карлычъ. О! какъ я радъ!

ГУСТАВЪ. Чему-же ты такъ радуешься? Развѣ ты не шведскі подданный? Развѣ не живешь съ младенчества въ нашей сторонѣ?

ВАСИЛІЙ. Не пріеягалъ я вашему королю!

ГУСТАВЪ. Ты, кажется, забылъ, Василій, что я шведъ.

ВАСИЛІЙ. А ты, Густавъ, не забудь, что я русскій. Ахъ! какими молодцами русскіе взяли Ніеншанць! И шведы, правду сказать, отражали ихъ храбро, на славу! Но все-таки наша взяла!

ИВАНОВЪ (про себя). Сынъ мой радуется побѣдѣ русскихъ! Завидую ему, онъ имѣетъ на это право. А я-то, а я-то?... Боже мой! *(закрываетъ лицо руками)*.

НОЛЬКЕНЪ. Успокойся, любезный сосѣдъ! Ты, я вижу, сильно расстроуженъ и огорченъ! Не вѣрь имъ, а вѣрь мнѣ, старику: наши сыновья обманулись ложными слухами.

ГУСТАВЪ. Я сказалъ правду, батюшка!

ВАСИЛІЙ. Мы съ Густавомъ видѣли сами сраженіе отъ начала до конца. Когда мы пошли отсюда на берегъ Невы, то увидѣли нашего пріятеля Эліасона. Онъ плылъ въ своей лодкѣ, вверхъ по рѣкѣ, по направленію къ Ніеншанцу. Увидѣвши насъ, онъ присталъ къ берегу и сказалъ, что ѣдетъ узнать: отчего въ Ніеншанцѣ такая сильная и необыкновенная пальба. Мы попросили его взять насъ съ собою. Онъ согласился. Плыть на веслахъ противъ теченія, какъ сами знаете, трудно. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы увидѣли Ніеншанць. На всѣхъ стѣнахъ его сверкали пушечные выстрѣлы. Съ востока поднималась черная, дождевая туча. И на этой черной тучѣ явственно обрисовалось огромное, бѣлое облако пороховаго дыма, который клубился надъ всею крѣпостью. Это облако безпрерывно освѣщалось выстрѣлами, словно тучи зарницею. Около Ніеншанца мы увидѣли нѣсколько баттарей, съ которыхъ стрѣляли безпрерывно изъ пушекъ по крѣпости. Мы поняли, что русскіе обложили Ніеншанць. Эліасонъ, чтобы обезопасить себя и насъ отъ выстрѣловъ, подѣхалъ къ самому берегу Невы. Около Ніеншанца, какъ вы сами знаете, берегъ довольно высокъ и весь поросъ ивами и густыми кустарниками, которые развѣселись надъ рѣкою. Подъ этимъ зеленымъ сводомъ мы благополучно миновали крѣпость и пробрались дальше. И вотъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ пониже и кустарники не такъ густы, увидѣли мы на берегу русскую батарею. Двѣнадцать мортиръ стрѣляли съ нея залпомъ. При оглушительномъ громѣ бомбы взвивались въ воздухъ дугами, словно огненные змѣи, и падали въ крѣпость. Мы все притаили дыханіе. Вдругъ раздался новый залпъ съ батареи, и изъ всѣхъ двѣнадцати мортиръ вылетѣли брандскугели. Стало свѣтло, какъ днемъ. Мы разсмотрѣли тогда капитана и поручика пре-

ображенской бомбардирской роты, которые этою батареею командовали. Наружность капитана меня поразила. Онъ былъ выкаго роста. Лицо его сіяло удивительнымъ величіемъ и спокойствіемъ. Черные волосы, которые у него вились кудрями по плечамъ, черныя, густыя брови и усы придавали ему видъ необыкновенно мужественный. Поручикъ немного уступалъ ростомъ капитану и также былъ молодець собою. Они оба переходили отъ мортиры къ мортирѣ и, казалось, совсѣмъ не думали о непріятельскихъ ядрахъ и картечахъ, которыя около нихъ безпрестанно жужжали. Какъ прекрасенъ былъ капитанъ, когда онъ взмахивалъ своею шпагою и громко командовалъ: «Пли!» Въ одинъ мигъ съ этимъ словомъ раздавался залпъ двѣнадцати мортиръ. У! громъ какой!... Это трудно вообразить. Вдругъ Эліасонъ съ видимою тревогою на лицѣ сказалъ намъ шопотомъ. «Знаете-ли вы: кто этотъ капитанъ и кто этотъ поручикъ?» Мы въ одинъ голосъ съ Густавомъ спросили: «Кто?»— Самъ русскій царь, Петеръ и Шлиссельбургскій губернаторъ, князь Меншиковъ, отвѣчалъ Эліасонъ. Ну, а онъ знаетъ, до войны со Швеціею овъ не разъ бывалъ въ Россіи. У насъ невольно дрогнуло сердце; но, не смотря на опасность, мы неподвижно сидѣли въ лодкѣ, скрывшись за кустарникъ и съ неизъяснимымъ чувствомъ, которое походило и на страхъ и на восторгъ, не могли отвести глазъ отъ грознаго и величественнаго зрѣлища. Наконецъ, въ пятомъ часу утра пальба прекратилась съ крѣпости и съ русскихъ батарей. Комендантъ вступилъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что крѣпость сдалась. Преображенскій полкъ и Семеновскій, съ распущенными знаменами, при звукѣ торжественной музыки, вступили въ Ніеншанць и теперь, какъ я уже сказалъ, развѣвается на башнѣ шведской крѣпости бѣлый флагъ съ чернымъ, двуглавымъ орломъ.

НОЛЬКЕНЪ. Если это такъ, то что намъ дѣлать, любезный сосѣдь? Въ-самомъ-дѣлѣ твое положеніе...

ИВАНОВЪ. Понимаю! Прощай, мой любезный сосѣдь! Я иду дальше, дальше, куда глаза глядятъ! Прощай!

ВАСИЛІЙ. Я иду съ тобою, батюшка! Хоть-бы ты на край свѣта!

ИВАНОВЪ. Для чего! Ты не присягалъ шведскому королю, ты не измѣнялъ отечеству. Вернись на родину, и будь счастливъ, а обо мнѣ позабудь!

ВАСИЛІЙ. Чтобы я тебя оставилъ и забылъ! Нѣтъ! этому не бывать! Самъ русскій царь сказалъ-бы: «Стыдно тебѣ! Зачѣмъ ты покинулъ отца своего?»

НОЛЬКЕНЪ. И нашъ король, безъ сомнѣнія, сказалъ-бы то-же самое. Послушай, любезнѣйшій сосѣдь! Съ сожалѣніемъ вижу, что тебѣ не-

обходимо отсюда удалиться. Но надобно подумать о мѣрахъ, какъ это сдѣлать лучше и безопаснѣе.

III.

ТЪ-ЖЕ и ЭЛІАСОНЪ.

ЭЛІАСОНЪ. А вотъ и я пришла. Добрый всѣмъ утро!

НОЛЬКЕНЪ. Правда-ли, что Ніеншанць взяли русскіе?

ЭЛІАСОНЪ. Та! правда! Русска всяла наша рѣчьность. Я сама это витѣла. Добрый утро тебѣ, прекрасна Христинѣ. Я тумай, што пушка тепѣ цѣлыйи ночь спать помѣшивалъ.

ХРИСТИНА. Это правда! Мы цѣлую ночь глазъ не смыкали.

ЭЛІАСОНЪ. Такъ снѣ теперъ. Не то головъ путеть полѣть.

ХРИСТИНА. До сна ли теперъ, Юганъ!

ЭЛІАСОНЪ. А што? Зашѣмъ не спать? Ты, вѣрно, русская царь поишься? Не ната поишься! Онъ славная, топрая, великая царь! Я сама пывала въ Руссія, и я это снай. Ити спать, Христинѣ!

ХРИСТИНА. Помилуй! Уснешь-ли теперъ, когда въ наши стороны нагрянула война.

ЭЛІАСОНЪ. А што война? Я витѣла война отъ вчерашна вешерь до сегоднишній утрѣ. Ятра шушшалъ, помпа леталь, пуля свисталь! Нишево! Я старова!

НОЛЬКЕНЪ. Послушай, Юганъ Эліасонъ! Я согласенъ съ мнѣніемъ моей дочери, что теперъ спать невозможно и, даже можно сказать, неудобно. Какъ можно спать, когда слѣдуетъ съ минуты на минуту ожидать появленія русскихъ солдатъ, и когда, можетъ-быть, придется мнѣ, для защиты своей дочери, схватить этотъ палашъ, который виситъ на стѣнѣ, этотъ палашъ, которымъ....

ЭЛІАСОНЪ. Которымъ твоя пратѣтъ рупила? Это я тавно слыхала. А сашѣмъ палашъ! Русска царь топрая, великотушная! Это я снай!

ГУСТАВЪ. Послушай, батюшка! Ты хотѣлъ подумать о средствахъ: какъ бѣжать отсюда нашему сосѣду.

НОЛЬКЕНЪ. Спасибо, что напомнилъ.

ИВАНОВЪ. Благодарю тебя, сосѣдъ, за дружескія заботы обо мнѣ. Я ихъ не стою! Пусть будетъ со мною, что Богу и русскому царю угодно! Ахъ! еслибъ вы могли заглянуть теперъ въ мое сердце, еслибъ могли понять мои чувства, мое позднее раскаяніе!..

ВАСИЛІЙ. Батюшка! Успокойся! Ради Бога, успокойся!

ГУСТАВЪ. Не отчаявайся! У тебя есть друзья.

ЭЛІАСОНЪ. Та! та! Есть трусья!

НОЛЬКЕНЪ. Вотъ что надобно сдѣлать. Ты знаешь, Юганъ, Каменный островъ, который два рукава нашей рѣки Ніенъ обтекають?

ЭЛІАСОНЪ. Снай.

НОЛЬКЕНЪ. Такъ вотъ, видишь-ли что. Густавъ приготовитъ нашу лодку. Мы доставимъ сосѣда и его сына на берегъ Каменнаго острова. Тамъ, кромѣ дремучаго лѣса, болотъ и волковъ ничего нѣтъ! А ты, Юганъ, дожидайся у другаго берега, со своей лодкой, на которую мы теперь-же общими силами перенесемъ все ихъ пожитки. Ты перевезешь ихъ съ Каменнаго острова на твердую землю, то-есть, на выборгскій берегъ. Тамъ они уже будутъ въ шведской сторонѣ и уйдутъ безопасно, куда имъ заблагоразсудится.

ЭЛІАСОНЪ. Мой лотка путеть готовъ у Каменной острова.

ГУСТАВЪ. А я сейчасъ пойду готовить вашу лодку.

НОЛЬКЕНЪ. И мы все пойдемъ помочь сосѣду, чтобы перенести пожитки его на лодку Югана. Пойдемъ!.. О! мой любезный сосѣдь и другъ! Ты не знаешь, какъ мнѣ грустно съ тобою расстаться! Когда-то мы опять увидимся? Я думаю никогда! Прощай, мой любезный г. Ивановъ! Прощай!

ИВАНОВЪ. Прощай, Карлъ Карлычъ! Прощай навсегда! Прощайте все! добрые люди Богъ видитъ, какъ я васъ всехъ любилъ!.. Похоронять меня на чужой сторонѣ!.. Если дойдетъ до васъ вѣсть о моей смерти, помолитесь за меня Богу, чтобы онъ помиловалъ и простилъ меня!

ЭЛІАСОНЪ. Путь молиться, путь! Одинъ Богъ у всехъ Христіанъ!

ИВАНОВЪ. Прощайте! прощайте!

НОЛЬКЕНЪ. Мы все тебя проводимъ!

ХРИСТИНА (*глядя въ боковое окно*). Ахъ! Кто-то по нашей рѣчкѣ въ катерѣ плыветъ! Это, кажется русскіе?

ВАСИЛІЙ (*вполголоса*). Боже мой! Знаешь-ли, Христина Карловна, кто это плыветъ? Это русскій царь, Петръ Алексѣевичъ.

(*Все въ сильномъ волненіи тихо подходятъ къ окну, кромѣ Иванова, который стоитъ неподвижно, пораженный ужасомъ, и потомъ опускается въ кресла*).

ХРИСТИНА (*громко*). А кто эти генералы, которые сидятъ въ катерѣ?

ЭЛІАСОНЪ (*вполголоса*). Отна—шлессельбургская гупернаторъ, князь Меншикова, а другая—фельдмаршалъ графъ Шереметьева. Другае генералъ я не снай.

ХРИСТИНА (громко). А что дѣлаетъ этотъ офицеръ, который стоитъ на носу катера и опускаетъ что-то въ воду?

ВАСИЛІЙ (вполголоса). Онъ, какъ вижу, измѣряетъ лотомъ глубину нашей рѣчки.

ХРИСТИНА (громко). Ну вотъ, катеръ ужъ скрылся за деревьями! Ахъ, какъ жаль! Какой прекрасный, какой величественный — Русскій Царь! Я-бы вотъ такъ и упала на колѣна передъ нимъ и поцѣловала-бы ему руку. На лицѣ его написано, что онъ добръ и великодушенъ.

ЭЛАСОНЪ (громко). Правта! Я пывала въ Россія и это я снай.

НОЛЬКЕНЪ (въ сильномъ волненіи тащитъ дочь отъ окна за руку). Вѣтреница! Болтушка!

ХРИСТИНА. Да за что вы меня браните, батюшка?

НОЛЬКЕНЪ. Русскій царь, побѣдитель нашего короля, плыветъ въ катерѣ за шестьдесятъ шаговъ отъ нея, или даже можно сказать, за тридцать, а она смѣло смотритъ на него, громко говоритъ и болтаетъ, какъ будто-бы это я въ лодкѣ плыву!

ХРИСТИНА. Да что-же, батюшка! Я увѣрена, что онъ ни за что на свѣтѣ не обидѣлъ-бы насъ хоть чѣмъ-нибудь.

ЭЛАСОНЪ. Правта, Христина! Правта! Я сама пывала въ Россіи. Русская наротъ очень хороша, топрая наротъ! Это я снаю! Она свой царь насывааетъ: отецъ. И это есть правта!

ГУСТАВЪ. Батюшка! Намъ пора позаботиться объ сосѣдѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Да, да, мой сынъ! Хорошо, что ты мнѣ объ этомъ напомнилъ. Приготовляй скорѣе нашу лодку. А твоя лодка, Юганъ, будетъ готова у другаго берега Каменнаго острова. Такъ нашъ другъ со своимъ сыномъ можетъ убѣжать въ шведскую сторону.

ИВАНОВЪ (про себя). Убѣжать! О! если-бы я не былъ преступникомъ! Съ какою радостью я вспомнилъ-бы годы моей молодости, съ какимъ восторгомъ схватилъ-бы я свою саблю и въ битвѣ со врагами моего отечества пролилъ-бы кровь свою за русскаго Царя и за родину! Миновалось это время, безвозвратно миновалось!

НОЛЬКЕНЪ. Идемъ, идемъ, любезный г. Ивановъ! Ты самъ понимаешь, что тебѣ времени терять нельзя. Надѣну, на всякій случай, палашъ моего праѣда. Густавъ! Подай мнѣ его и пособи надѣть. (Надѣваетъ на себя палашъ). Вотъ такъ! Теперь впередъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ПЕРВАЯ МОРСКАЯ БИТВА

РУССКИХЪ.

I.

Густой лѣсъ. Сумерки. Въ глубинѣ небольшой ручей.

ИВАНОВЪ, ВАСИЛІИ, НОЛЬКЕНЪ, ГУСТАВЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ. Ну вотъ, любезнѣйшій сосѣдъ, мы ужъ и на Каменномъ островѣ. Эліасонъ у того берега навѣрное ожидаетъ тебя въ своей лодкѣ, съ твоими вещами и пожитками. Фу! какая тутъ глушь! У тебя ружье заражено, Густавъ?

ГУСТАВЪ. Да, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. А у васъ, друзья мои, также ружья заряжены?

ИВАНОВЪ. Заряжены. Для чего ты объ этомъ спрашиваешь, любезный сосѣдъ?

НОЛЬКЕНЪ. Для того, что въ этой глуши, которая называется Каменнымъ островомъ, очень не мудрено наткнуться на волка и, даже можно сказать, на медвѣдя.

ВАСИЛІИ. Правда! Мы съ Густавомъ въ прошломъ году убили здѣсь огромнаго медвѣдя. Насилу съ нимъ справились. Помнишь, Густавъ?

ГУСТАВЪ. Какъ не помнить.

НОЛЬКЕНЪ. Я болѣе желаю теперь встрѣтить здѣсь страшнаго медвѣдя, чѣмъ русскаго солдата. Ты понимаешь, любезны сосѣдъ: почему? Однакожъ хоть и невѣроятно, чтобы мы встрѣтили здѣсь русскихъ солдатъ, но все — таки не надо терять время. Тебѣ и твоему сыну необходимо будетъ перебраться черезъ этотъ ручей въ бродъ, а потомъ останется вамъ пройти не болѣе ста шаговъ до лодки Эліасона.

Охъ! какъ мнѣ и тяжело разстаться съ тобою! Но дѣлать нечего. Простимся, сосѣдъ мой и старинный другъ!

ИВАНОВЪ. Прощай Карлъ Карлычъ! Прощай навсегда!

II.

ТЪ-ЖЕ, и преображенскій капралъ, **СТЕПАНОВЪ** съ ружьемъ на плечахъ.

СТЕПАНОВЪ Кто идетъ? что вы за люди?

ИВАНОВЪ и **ВАСИЛІЙ** (*тихо*). Боже мой!

ХРИСТИНА (*тихо*). О! бѣда какая!

СТЕПАНОВЪ. Да чтожъ вы молчите? Я васъ спрашиваю: кто вы такіе, зачѣмъ и куда идете?

НОЛЬКЕНЪ. Мы, почтенный, русскій воинъ, не иное что, какъ мирные, шведскіе жители.

СТЕПАНОВЪ. Что ты, старикъ, меня морочишь! У двухъ ружья и сабли, которыя очень сходны, какъ вижу, съ бывшими стрѣлецкими, у третьяго два пистолета за поясомъ, ружье и шведская сабля, у четвертаго какой-то палашъ чуть не въ сажень длиною, — и это, по вашему, мирные шведскіе жители! Не на простака напали! Не обманете! Я васъ вотъ за этотъ ручей ни за что не пропущу. Да какъ еще всѣ говорятъ прекрасно по-русски! Повѣрю я, что вы шведы! Вы какіе нибудь русскіе бѣглецы, переметчики!

НОЛЬКЕНЪ. Клянусь всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что я — природный шведъ, и что вотъ это — сынъ мой, а это — моя дочь.

ГУСТАВЪ. Честью клянусь, что это правда.

ВАСИЛІЙ. А мы, хотя и русскіе, но дѣдъ мой уступленъ былъ Швеціи, вмѣстѣ со многими нашими земляками, по Столбовскому міру, въ 1617 году, такъ мы и стали шведскіе подданные. Это мой отецъ. Мы въ этой сторонѣ оба родились.

СТЕПАНОВЪ. Такъ-съ! Но все-таки я не пропущу васъ за ручей.

ВАСИЛІЙ. Да развѣ тебѣ неизвѣстно, почтенный, что русскій Царь велѣлъ отпустить къ Выборгу весь оставшійся въ Нienшанцѣ гарнизонъ? Если уже гарнизонъ пускаютъ, то для чего задерживать насъ, мирныхъ жителей? Мы не всѣ пойдемъ за ручей, а только я да батюшка. Мы идемъ къ Выборгу. Наши сосѣди хотѣли насъ только проводить до это-

го ручья. Они тотчасъ назадъ вернутся. Пропусти насъ, почтенный, добрый человекъ!

СТЕПАНЪ. Не могу, землякъ, право—слово, не могу. Ты самъ, я чаю, знаешь, что въ военное время надо быть очень осторожнымъ и не вдругъ—то всякимъ словамъ да рассказамъ вѣрить. Эй! Штыковъ! поди сюда.

III.

ТѢ-ЖЕ, и ШТЫКОВЪ.

ШТЫКОВЪ. Что, командирь, прикажешь?

СТЕПАНОВЪ. Сбѣгай въ палатку къ полковнику и доложи ему, что я здѣсь, у ручья, задержалъ очень подозрительныхъ людей.

ШТЫКОВЪ. Слушаю! (*Уходитъ*).

IV.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ШТЫКОВА.

ВАСИЛІЙ (*тихо отцу*). Мы погибли!

ГУСТАВЪ (*тихо Иванову*). А что, если убить этого солдата? Ты и твой сынъ успеете убѣжать и мы также успѣемъ скрыться.

ИВАНОВЪ (*тихо*). Сохрани Боже! Чтобы за меня, измѣнника, пролилась кровь честнаго русскаго воина!... Сохрани Боже!

СТЕПАНОВЪ (*Нолькену*). Что ты, дѣдушка, такъ нахохлился, словно пѣтухъ, котораго сильнымъ дождемъ обкатило? Ну, полно хмуриться! Вотъ нашъ полковникъ придетъ и все дѣло рѣшитъ. Если вы все и въ самомъ дѣлѣ мирные шведскіе подданные, и если у васъ нѣтъ никакого лихаго умысла на умѣ, то онъ васъ отпуститъ на все четыре стороны.

ХРИСТИНА (*тихо про себя*). Бѣдный сосѣдъ! Бѣдный Василій!

НОЛЬКЕНЪ. Клянусь тебѣ, почтенный воинъ, что у меня нѣтъ и не было никакого лихаго умысла на умѣ. Посмотри на мои сѣдые волосы! мнѣ-ли затѣвать какіе-нибудь лихіе умыслы!

СТЕПАНОВЪ. Да зачѣмъ ты палашь—то къ боку прицѣпилъ? Откуда

ты достала такое чудо? Ужъ это не мечъ-ли кладенець нашего рускаго, стариннаго богатыря Ильи Муромца?

НОЛЬКЕНЪ. Нѣтъ! это палашъ моего прадѣда, который служилъ въ непобѣдимыхъ войскахъ нашего короля Густава Адольфа.

СТЕПАНОВЪ. Такъ-съ. Этакая машина! Я думаю, что тебѣ тяжело ее таскать, дѣдушка?

НОЛЬКЕНЪ. Нѣтъ!... ничего!

ВАСИЛІЙ (*тихо отцу*). Батюшка! Русскій полковникъ сюда идетъ. Спасенія нѣтъ!... Подожди однакожъ, вотъ что пришло мнѣ въ голову. Я перебѣгу въ бродъ черезъ ручей. Солдаты, конечно, въ меня выстрѣлятъ, и авось, промахнется. Недавая ему времени зарядить опять ружье, ты перебѣгни ручей за мною. Лодка Эліасона не далеко. Добѣжимъ до нея,—и мы спасены! Я иду, батюшка! (*Идетъ къ ручью*).

ИВАНОВЪ (*тихо*). Стой, мой сынъ, стой!

СТЕПАНОВЪ (*прицѣливаясь изъ ружья, къ Василью*). Стой, молодець, говорятъ тебѣ, стой! Не то я выстрѣлю.

ХРИСТИНА. О Боже! Онъ убьетъ его!

ГУСТАВЪ (*выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ и цѣлится въ Степанова*). Нѣтъ! не убьетъ!

НОЛЬКЕНЪ. Я едва стою на ногахъ отъ ужаса.

ИВАНОВЪ (*громко*). Воротись, сынъ, я тебѣ приказываю!

ГУСТАВЪ. Спасайся, Илья Сергѣичъ! (*Стрѣляетъ*).

СТЕПАНОВЪ (*видя, что Василій возвращается, спокойно опускаетъ ружье, не обращая вниманія на выстрѣлъ, въ него сдѣланный*). Ну; вотъ, такъ то лучше! Еслибъ ты, молодець, не вернулся; то жегаль-бы уже теперь въ этомъ ручьѣ, прострѣленный насквозь.

V.

ТѢЖЕ и ПОЛКОВНИКЪ КАРПОВЪ.

КАРПОВЪ. Что это значитъ? Что тутъ такое?

СТЕПАНОВЪ. Этотъ молодець (*указываетъ на Василья*) хотѣлъ дать стрѣлка черезъ ручей; я въ него прицѣлился. А этотъ молодець, (*указываетъ на Густава*), видя то, выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета.

КАРПОВЪ. Раниль?

СТЕПАНОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Проманулся. Однакожь пуля свистнула такъ близко лѣваго уха, что его совсѣмъ заложило. Позвольте, ваше высокоблагородіе, перейти на другую сторону, чтобы явственнѣе слушать ваши приказанія правымъ ухомъ.

КАРПОВЪ. Кто вы такіе? Говорите правду, не то худо будетъ!

НОЛЬКЕНЪ (*дрожа*). Я и мы всѣ, господинъ полковникъ, мирные, шведскіе жители. Это мой сынъ, это моя дочь. Не погубите насъ!

КАРПОВЪ. Какіе-же вы мирные жители! Всѣ вооружены, стрѣляете въ русскаго, заслуженнаго капрала. О! нѣтъ! надо показать примѣръ! Слушай, Степановъ! Возьми его, этого мирнаго шведа, который въ тебя выстрѣлилъ, выбери двѣнадцать стрѣлковъ и въ этомъ лѣсу сейчасъ-же разстрѣлять его!

ХРИСТИНА (*падая на колѣна*). Полковникъ! Полковникъ! Сжалитесь! Пощадите моего брата!

НОЛЬКЕНЪ (*падая на колѣна съ другой стороны и обнимая ноги Карпова*). Полковникъ! Пощадите моего единственнаго сына! Сжалитесь надъ моими сѣдыми волосами!

(*Христина падаетъ безъ чувствъ*).

КАРПОВЪ. Нельзя. Надобно непременно показать примѣръ. Веди его, Степановъ!

СТЕПАНОВЪ. Ваше высокоблагородіе! Осмѣлюсь обезпокоить моего отца-командира всенижайшею моею просьбою. Въ награду за мою долговременную, усердную службу, которою вы всегда были довольны, умоляю васъ: простите этого молодаго шведа! По лицу его вижу, что онъ не злой человекъ. Онъ въ меня выстрѣлилъ — это правда. Да что-же за бѣда! Онъ хотѣлъ, какъ смѣкаю, защитить своего камрада и пріятеля, въ котораго я прицѣлился. Экъ онъ меня вздумалъ чѣмъ удивить! развѣ не знакомъ я съ пулями-то! Слыхивалъ много разъ, какъ около меня лопались бомбы и гранаты, жужжали ядра и выли картечи; это не то, что пули! А что эти свистуньи! Плевое дѣло! Я имъ и счетъ потерялъ и въ грошъ не ставлю. Взмилуйтесь, простите молодца. Ну, молодая кровь закипѣла, вошелъ въ азартъ, погорячился! Былъ молодцу не укоръ. Богъ съ нимъ!

КАРПОВЪ. Степановъ! Твои чувства дѣлаютъ тебѣ честь, дѣлаютъ честь всему русскому войску!... Хорошо! я исполню твою просьбу! я прощаю этого шведа, но съ тѣмъ, чтобы онъ объяснилъ мнѣ всю правду, безъ малѣйшей утайки: для чего и куда всѣ они пробирались. Тутъ что-то непонятное!

ГУСТАВЪ. Полковникъ! я не могу исполнить вашего требованія. Лучше разстрѣляйте меня!

КАРПОВЪ. Что-о?

ГУСТАВЪ. Лучше разстрѣляйте меня!

КАРПОВЪ (*про себя*). Что за странность! Да я уже какъ-нибудь добьюсь истины. (*Оглянувшись, видитъ лежащую Христину*). Ба! эта дѣвушка въ обморокъ! Степановъ! принеси скорѣе воды изъ ручья.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, отецъ-командиръ!

НОЛЬКЕНЪ. Боже мой! Она, кажется, умерла! Она умерла, единственная дочь моя! О! я несчастный! Самъ жить не хочу! Убейте, сдѣлайте милость, убейте меня.

СТЕПАНЪ (*неся мацерку съ водою*). И! полно, дѣдушка. Не терзайся напрасно! Она не умерла, а только въ обморокъ. На-ко холодной водицы. Вспрысни ей раза три лицо, такъ она и очнется.

ХРИСТИНА (*Прійдя въ чувство, медленно поднимается при помощи Нолькена*). А гдѣ братъ, батюшка? Гдѣ братъ?

ГУСТАВЪ. Я здѣсь, сестра!

ХРИСТИНА (*бросаясь ему на шею*). Братъ! братъ! ты живъ!... Боже! благодарю Тебя! Полковникъ! у меня недостаетъ словъ, какъ благодарить васъ.

КАРПОВЪ. Да, я простилъ твоего брата по просьбѣ вотъ этого заслуженнаго капрала, въ котораго онъ осмѣлился выстрѣлить.

ХРИСТИНА (*Степанову*). Да вознаградитъ тебя Богъ, великодушный, русскій воинъ!

СТЕПАНОВЪ. И! матушка, шведская красавица! Благодарю не меня, а моего отца-командира, нашего добраго и храбраго полковника, который уважилъ просьбу стараго служиваго.

КАРПОВЪ. Послушай, Степановъ! отбери отъ нихъ оружіе. (*Прочилъ*). Я по обязанности моей долженъ взять васъ всѣхъ подъ стражу, чтобы узнать истину.

СТЕПАНОВЪ (*Густаву*). Ну, давай мнѣ, любезный, свое оружіе. Ты слышалъ приказъ моего командира? (*Густавъ отдаетъ оружіе*). Изъ котораго ты пистолета въ меня выстрѣлилъ? (*Дуетъ въ дуло*). Нѣтъ, этотъ заряженъ. Такъ, стало быть, изъ этого. Пистолетъ весьма изрядный! Кабы ты въ меня, пріятель, попалъ, то ужъ я-бы не разговаривалъ теперь съ тобою на этомъ свѣтѣ.

ГУСТАВЪ. Прости меня! Я тебѣ обязанъ жизнью! я этого никогда не забуду, и молю Бога, подать мнѣ случай, чтобы я, хотя съ опасностью своей жизни, могъ доказать тебѣ мою благодарность.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Вотъ, извольте видѣть, ваше высокобла-

городіе! Я вѣдь не ошибся. По лицу узналъ, что онъ хорошій чело-
вѣкъ. (*Всѣ прочіе отдаютъ оружіе Степану, кромѣ Нолькена*).

НОЛЬКЕНЪ. Ни за что на свѣтѣ не отдамъ этого палаша!

СТЕПАНОВЪ. Что съ тобой, дѣдушка! Ты слышалъ приказъ моего
командира? Если волею не отдашь мнѣ своего палаша, то я принуж-
денъ буду отнять его у тебя силой. Съ тобой барахтаться—то мнѣ,
какъ вижу, придется не долго.

НОЛЬКЕНЪ. Ни за что не отдамъ! лучше умру!

СТЕПАНОВЪ. Изволите слышать, ваше высокоблагородіе?

КАРПОВЪ. Берн палашь!

НОЛЬКЕНЪ (*падая на колѣна*). Полковникъ! Не отнимайте у меня
этого палаша. Я умру съ тоски по немъ!

КАРПОВЪ. Странное дѣло! Да для чего тебѣ, старикъ, этотъ па-
лашь? У, какая машина! Я думаю, что тебѣ его не сдержать въ рукѣ,
еслибы ты вздумалъ вытащить его изъ ноженъ. Встань, старикъ! (*Под-
нимаетъ его на ноги за руку*).

НОЛЬКЕНЪ. Полковникъ! Этотъ палашь достался мнѣ по наслѣдству
отъ моего прадѣда, который служилъ въ непобѣдимыхъ войскахъ на-
шего шведскаго короля Густава Адольфа. По этому вы можете себѣ
легко представить, какъ мнѣ драгоцененъ этотъ палашь. Онъ съ неза-
памятныхъ временъ висѣлъ на стѣнѣ у моего дѣда, у моего отца и на-
конецъ у меня, и я только сегодня прицѣпилъ его къ своему боку
по случаю войны съ русскими. Да и посмотрите, полковникъ! (*Выта-
скиваетъ палашь изъ ноженъ до половины*). Онъ весь заржа-
вѣлъ, тупъ, и, даже можно сказать, совершенно не остеръ.

КАРПОВЪ. Хорошо, старикъ! Я соглашаюсь на твою просьбу. Пусть
этотъ палашь останется при тебѣ.

НОЛЬКЕНЪ (*цѣлуя въ плечо Карпова*). Благодарю, полковникъ,
благодарю!

КАРПОВЪ. Однакожъ, какъ я уже сказалъ, я долженъ взять всѣхъ
васъ подъ стражу и представить при рапортѣ князю Александру Дани-
лычу Меншикову. Приведи, Степановъ, сюда нѣсколько солдатъ.

СТЕПАНОВЪ. Эй, Штыковъ, Усачевъ, Зарубинъ! идите сюда!
(*Изъ лѣса выходятъ три преображенскіе солдата съ
ружьями*).

VI.

ТЪ ЖЕ И СОЛДАТЫ.

ИВАНОВЪ (*про себя*). За что я погублю, за что я буду еще мучить, терзать моего сына и всѣхъ друзей моихъ! Нѣтъ! я рѣшился! (*Карпову*). Полковникъ! возьмите меня одного подъ стражу. Всѣ они ни въ чемъ не виноваты. Одинъ я — преступникъ!

ВАСИЛІЙ. Батюшка! батюшка! что ты дѣлаешь! что ты сдѣлалъ съ собою и со мною!

ИВАНОВЪ. Милый сынъ! Я исполнилъ долгъ свой, долгъ моей совѣсти! За любовь твою ко мнѣ, да будетъ на тебѣ всегда благословеніе Божіе. Ты не присягалъ шведскому королю, ты не измѣнникъ отечеству. Я бѣжалъ въ эту сторону отъ казни, къ которой я по всей справедливости былъ приговоренъ, и взялъ тебя съ собою. Ты былъ еще тогда младенцемъ. У тебя совѣсть чиста, ты не виноватъ ни въ чемъ. Ты можешь, ты имѣешь право вернуться на родину и служить ей вѣрой и правдой. Не горюй объ отцѣ твоемъ, позабудь меня. Пусть будетъ со мною, что Богу и царю угодно.

ВАСИЛІЙ (*рыдая*). Батюшка! батюшка! Что ты сдѣлалъ съ собою и со мною!

КАРПОВЪ. Въ чемъ твое преступленіе?

ИВАНОВЪ. На допросѣ все скажу! Прикажите меня скорѣе увести отсюда, полковникъ! Прощай, мой сынъ! Прощайте всѣ! Клянусь вамъ, полковникъ: всѣ они ни въ чемъ не виноваты. Я, я — одинъ преступникъ!

КАРПСВЪ. Степановъ! отведи его въ нашъ лагерь и вели содержать подъ карауломъ, впредь до моего приказанія.

(*Ивановъ, окруженный солдатами, уходитъ, подъ предводительствомъ Степанова*).

VII.

ТЪ ЖЕ, КРОМѢ ИВАНОВА, СТЕПАНОВА И СОЛДАТЪ.

КАРПОВЪ (*Густаву*). Послушай, шведъ! какъ тебя зовутъ?

ГУСТАВЪ. Густавъ Нолькенъ.

КАРПОВЪ. Ты, конечно, въ этихъ мѣстахъ родился и знаешь всѣ ручьи, всѣ тропинки въ этихъ лѣсахъ, глубину, мели, подводные камни всѣхъ рукавовъ Невы, которые впадаютъ въ Финскій заливъ.

ГУСТАВЪ. Знаю.

КАРПОВЪ. Такъ слушай! Покажи мнѣ всѣ здѣшнія мѣста и всѣ рукава Невы, чтобъ я ихъ зналъ такъ-же хорошо, какъ ты.

ГУСТАВЪ. Нѣтъ! этого я не сдѣлаю!

КАРПОВЪ. Это что значить?

ГУСТАВЪ. Я понимаю вашу цѣль. Познакомить васъ съ нашими мѣстами — значить дѣйствовать во вредъ моему королю и отечеству, и тѣмъ нарушить клятву вѣрноподданнаго, которую каждый честный шведъ, каждый благородный человѣкъ обязанъ хранить свято.

КАРПОВЪ (*про себя*). Молодецъ! (*Густаву*). Однако вспомни, что ты мой плѣнникъ, и что я воленъ сдѣлать съ тобою, что хочу. И такъ, безъ разсужденій, исполни мое приказаніе.

ГУСТАВЪ. Позвольте спросить васъ: еслибъ вы были взяты въ плѣнъ шведами, и еслибъ они потребовали отъ васъ свѣденій, вредныхъ вашему отечеству, что-бы вы сдѣлали?

КАРПОВЪ. Я?... я?... Ну, это не твое дѣло!..

ГУСТАВЪ. Вы, конечно, скорѣе умерли-бы, полковникъ! И я на это готовъ!

КАРПОВЪ. Хотя досадный, но благородный отвѣтъ! (*Василью*). Ну, а ты, молодой человѣкъ? Ты, если не ошибаюсь, не присягалъ шведскому королю? Ты, я думаю, всѣ эти мѣста знаешь такъ-же, какъ этотъ шведъ.

ВАСИЛІЙ. Также хорошо знаю, полковникъ.

КАРПОВЪ. Прекрасно! Стало быть, ты мнѣ все покажешь и объяснишь, что знать мнѣ нужно?

ВАСИЛІЙ. Съ радостью.

КАРПОВЪ. Остаься со мною, а вы, всѣ прочіе, идите съ Богомъ домой и не поминайте лихомъ русскихъ.

НОЛЬКИНЪ, ГУСТАВЪ И ХРИСТИНА. Благодаримъ, полковникъ, благодаримъ!

НОЛЬКЕНЪ. А я благодарю васъ въ особенности за то, что вы не отобрали отъ меня этого палаша, этого драгоценнаго палаша, съ которымъ...

КАРПОВЪ. Съ которымъ твой прадѣдъ сражался въ непобѣдимыхъ войскахъ короля Густава Адольфа? Очень радъ, почтенный старикъ, что я тебѣ угодилъ.

НОЛЬКЕНЪ. Еще одна просьба, нашъ великодушный непріятель! Не погубите, если возможно, моего единственнаго друга и сосѣда, котораго вы взяли подъ стражу. Я съ нимъ жилъ душа въ душу двадцать лѣтъ и могу удостовѣрить васъ, что онъ человѣкъъ предобрый и, даже можно сказать, весьма благородный.

КАРПОВЪ. Увидимъ!.. Иди, старикъ, скорѣе домой. Не то мнѣ можетъ прійти неравно мысль отобратъ у тебѣ твой палашъ.

НОЛЬКЕНЪ. Сейчасъ—же иду, полковникъ! За мной, Христина, за мной, Густавъ!

ВАСИЛІЙ (*тихо и съ чувствомъ*). Прощай, Христина Карловна! Врядъ-ли я когда съ тобою опять увижусь.

ХРИСТИНА (*тихо, съ сильнымъ волненіемъ*). Прощай, Василій, прощай!.. О Боже мой!..

(Нолькенъ, Густавъ и Христина уходятъ).

VIII.

КАРПОВЪ и ВАСИЛІЙ.

КАРПОВЪ. Какъ твое имя и прозваніе?

ВАСИЛІЙ. Василій Ивановъ.

КАРПОВЪ. Ну, скажи мнѣ, безъ обмана и утайки: въ этомъ рукавѣ Невы, который обтекаетъ здѣшній островъ, нѣтъ мелей и камней? Могутъ-ли по этому рукаву выплыть безопасно на Финскій заливъ нѣсколько большихъ и тяжелыхъ лодокъ?

ВАСИЛІЙ. Могутъ, полковникъ. Я догадываюсь, для чего вы меня объ этомъ спрашиваете.

КАРПОВЪ. Почему ты догадываешься?

ВАСИЛІЙ. Шведская эскадра, которая послана изъ Стокгольма, для помощи крѣпости Ніеншанцу, за противнымъ вѣтромъ стала на якорѣ въ нашемъ заливѣ, далеко отъ устья Невы. Только два корабля, болѣе другихъ легкіе на ходу, прилавились почти къ самому устью и также бросили якорь. Они послали ботъ на берегъ, съ нѣсколькими шведскими солдатами и матросами, чтобы потребовать изъ Калинкиной деревни лоцмановъ для ввода этихъ передовыхъ кораблей и всей эскадры въ Неву. Но едва посланные пристали къ берегу, какъ выскочили изъ кустарниковъ русскіе солдаты и безъ выстрѣла овладѣли ботомъ.

КАРПОВЪ. Откого ты узналъ объ этомъ?

ВАСИЛІЙ. Мнѣ это рассказывалъ пріятель нашего семейства, финскій рыбакъ Эліасонъ, который самъ былъ свидѣтелемъ всего происшествія. Безъ сомнѣнія, передовые шведскіе корабли будутъ стоять на якорѣ въ напрасномъ ожиданіи съ берега лодмановъ, а вы, между-тѣмъ, какъ догадываюсь, нападете на нихъ, пользуясь отдаленіемъ этихъ двухъ кораблей отъ эскадры, которая за противнымъ вѣтромъ не можетъ подать имъ скорой помощи.

КАРПОВЪ. Послушай! Правда-ли, что ты русскій и что не присягалъ шведскому королю?

ВАСИЛІЙ. Совершенная правда! Меня въ этой глуши какъ-то забыли, и я съ дѣтства жилъ болѣе двадцати лѣтъ въ шведскихъ владѣніяхъ.

КАРПОВЪ. Такъ присягни теперь-же на вѣрность нашему царю! Ты понимаешь важность клятвы, произносимой передъ Богомъ?

ВАСИЛІЙ. Клянусь служить русскому царю вѣрой и правдой, до послѣдней капли крови!

КАРПОВЪ. Вѣрю искренности чувствъ твоихъ! Ну, теперь я буду съ тобою откровененъ. Вѣдь ты — предогадливый малый!

ВАСИЛІЙ. А что, полковникъ?

КАРПОВЪ. Вѣдь мы дѣйствительно хотимъ напасть на передовые, шведскіе корабли. Это будетъ первая морская битва русскихъ. У насъ заготовлено тридцать большихъ лодокъ. За неимѣніемъ матросовъ, сядутъ въ нихъ преображенцы и семеновцы. Самъ царь, съ половиною лодокъ нападетъ на шведскіе корабли, отъ Калинкиной деревни, слѣва, а князь Меншиковъ, съ другой половиною лодокъ, нападетъ на нихъ справа, отсюда, въ одно и тоже время.

ВАСИЛІЙ. Нѣтъ, полковникъ! Это едва-ли возможно.

КАРПОВЪ. Почему? скажи смѣло и откровенно.

ВАСИЛІЙ. А вотъ почему. Шведскіе, передовые корабли стоятъ гораздо ближе къ Калинкиной деревнѣ, чѣмъ отсюда, и потому, нападеніе съ двухъ сторонъ, вдругъ, едва-ли удастся. Есть другой рукавъ Невы, который впадаетъ также въ заливъ. Вотъ, оттуда можно вѣхаться на взморье въ одно время съ лодками отъ Калинкиной деревни и напасть спереди и съ тыла на шведскіе корабли.

КАРПОВЪ. Покажи мнѣ этотъ рукавъ Невы! Я его осмотрю и донесу князю Александру Даниловичу о томъ, что найду.

ВАСИЛІЙ. Съ удовольствіемъ! Хоть сейчасъ!

IX.

ТЪ-ЖЕ и СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Ваше высокоблагородіе! Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь.

КАРПОВЪ. Сейчасъ!

ВАСИЛІЙ (*бросаясь на колѣна*). Полковникъ! Исполните мою просьбу!

КАРПОВЪ. Какую?

ВАСИЛІЙ. Позвольте мнѣ подъ вашимъ начальствомъ сразиться со шведами волонтеромъ.

КАРПОВЪ. Хорошо! Я доложу о твоемъ желаніи князю. Не знаю, впрочемъ, возможно-ли это.

ВАСИЛІЙ. Умоляю васъ, полковникъ! Я надѣюсь быть вамъ полезнымъ. Я знаю заливъ, какъ свои пять пальцевъ.

КАРПОВЪ. Не забуду твоей просьбы! Некогда, некогда! Мнѣ надо сейчасъ идти къ князю. Степановъ! Побудь съ нимъ до моего возвращенія. (*Уходитъ*).

X.

ВАСИЛІЙ и СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ. Ты, любезный, какъ вижу, хочешь поступить въ русское войско? Дѣльно! Поздравляю тебя! Такого храбраго войска не найдешь нигдѣ на свѣтѣ, ни въ какихъ иностранныхъ земляхъ!

ВАСИЛІЙ. Вѣрю тебѣ, почтенный капралъ!

СТЕПАНОВЪ. Ты съ нами, какъ смѣкаю, хочешь идти въ морскую баталію со шведомъ. На морскихъ-то баталіяхъ, откровенно сказать и мы, старые служивые, не бывали. Смотри! не струсь! Вѣдь шведъ то сердитъ, храбръ и неуступчивъ. Онъ намъ, подъ Нарвой, такъ затылокъ нагрѣлъ, что, просто, мое почтеніе! Ну, да ничего! Онъ насъ только этимъ задра. Подожди маленько! Сведемъ счеты съ пріателемъ! Русскаго только задери, такъ и пошла писать! Послѣ не уймешь! Смотри-же, въ предстоящей баталіи не отстань отъ другихъ и не осрамись.

ВАСИЛІЙ. Увидишь, что я буду драться, какъ русскій.

СТЕПАНОВЪ. Дѣло! Ты, я вижу, путный парень! Ты не сердишься на меня, что я сегодня въ тебя прицѣлился, когда ты хотѣлъ дать стрелка?

ВАСИЛІЙ. Помилуй! Ты имѣлъ полное право въ меня прицѣлиться и выстрѣлить, хотя ты и не зналъ: для какой цѣли хотѣлъ я перебѣжать ручей.

СТЕПАНОВЪ. А гдѣ твой пріятель, молодой шведъ, который промахнулся въ меня изъ пистолета?

ВАСИЛІЙ. Полковникъ, разобравши дѣло, отпустилъ его домой, съ отцомъ и сестрою.

СТЕПАНОВЪ. Честь и слава нашему доброму полковнику!

XI.

ТѢЖЕ и солдатъ ШТЫКОВЪ.

ШТЫКОВЪ. Полковникъ требуетъ тебя къ себѣ, господинъ капитанъ, а тебѣ (*обращаясь къ Василью*) приказалъ дожидать его на этомъ мѣстѣ.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю! (*Василью*). Смотри-же, не уходи отсюда.

ВАСИЛІЙ. Какъ можно! Никуда не уйду.

СТЕПАНОВЪ. Ладно! Идемъ скорѣе. Штыковъ! (*Уходятъ*).

XII.

ВАСИЛІЙ.

Какая страшная борьба, какая буря въ моемъ сердцѣ! Христина, милая Христина! Я давно оцѣнилъ и полюбилъ тебя! Я надѣялся, что ты будешь подругою моей жизни. Но судьба рѣшила иначе. Я долженъ навсегда разстаться съ тобою... Достанетъ-ли у меня на это силы?... Достанетъ!.. Я долженъ, я хочу принести въ жертву жизнь мою для спасенія несчастнаго отца моего! Прощай, прощай на вѣкъ, моя Христина!.. Но для чего я такъ терзаюсь?... Почему знать, что она любила меня?

ХІІІ.

ВАСИЛІЙ и ХРИСТИНА.

ХРИСТИНА (робко выходя изъ лѣса, потупя глаза и утирая слезы). Она любила тебя!

ВАСИЛІЙ. Боже мой! это ты! Это ты, моя ненаглядная, моя радость, мое счастье!

ХРИСТИНА. Я пришла проститься съ тобою, Василій, проститься навсегда! Мы ужъ не встрѣтимся въ этой жизни! Я подслушала разговоръ твой съ русскимъ полковникомъ. Ты вступаешь въ русское войско и будешь сражаться противъ моихъ соотечественниковъ. Прощай, Василій! Забудь Христину!

ВАСИЛІЙ. Чтобы я тебя забылъ!.. Нѣтъ! это невозможно!.. Боже мой! Что за мученіе!.. Что за адъ въ моемъ сердцѣ!..

ХРИСТИНА. Успокойся, мой милый, мой добрый Василій!.. Я понимаю твою цѣль: ты хочешь спасти отца! Это твоя священная обязанность! Если-бы ты раздумалъ ее исполнить, то Христина сама не стала-бы уважать тебя!.. Какъ жаль, однакожъ, что ты русскій, какъ жаль, что я шведка! Безъ этого мы могли-бы быть счастливы! Но что дѣлать!.. Прощай, Василій! Позабудь твою Христину, и я тебя постараюсь позабыть!.. (*Уходитъ*).

ХІV.

ВАСИЛІЙ смотря вслѣдъ ушедшей Христинѣ.

Вотъ! она уже скрылась за кустарниками! Я ее болѣе никогда не увижу! Она говорила мнѣ, чтобы я ее забылъ!.. Нѣтъ, Христина! Это выше силъ моихъ! Умирая, я буду думать о тебѣ, любить тебя, лагословлять тебя!..

XV.

ВАСИЛІЙ, КАРПОВЪ и СТЕПАНОВЪ.

КАРПОВЪ (*Василью*). Ну, любезный, поздравляю! Князь согласился, чтобы ты участвовалъ волонтеромъ въ первой битвѣ нашей на морѣ.

ВАСИЛІЙ. Словъ недостаетъ, какъ князя и васъ благодарить, полковникъ! (*Слышны вдали два пушечные выстрѣла*).

КАРПОВЪ. Это что?

ВАСИЛІЙ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, сигналъ со шведскихъ передовыхъ кораблей, данный крѣпости Ніеншанцу. Крѣпость должна, по установленному правилу, отвѣчать также двумя выстрѣлами.

КАРПОВЪ. Постой!.. Я на эти два шведскіе, учтивые выстрѣла отвѣчу изъ русскихъ пушекъ, вмѣсто Ніеншанца, который уже въ нашей власти. Степановъ! Бѣги на первую батарею и отвѣчай, двумя выстрѣлами шведамъ. Они подумаютъ, что Ніеншанць еще не взятъ русскими.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, отецъ-командиръ! (*Убѣгаетъ*).

КАРПОВЪ. А ты, Василій, иди со мною въ лагерь. Князь приказалъ представить тебя ему. Послушай, однакожь, еще разъ спрошу. точно-ли ты хорошо знаешь всѣ рукава Невы и Финскій заливъ, глубину ихъ, всѣ мели, всѣ подводные камни?

ВАСИЛІЙ. Клянусь вамъ, полковникъ, что знаю это все; какъ свои пять пальцевъ. Вѣдь я съ дѣтства жилъ въ этихъ мѣстахъ.

(*Слышны въ лѣсу два пушечные выстрѣла*)

КАРПОВЪ. А!.. Это Степановъ, вмѣсто Ніеншанца, учтиво отвѣчаетъ шведскимъ кораблямъ! Ладно!.. Идемъ теперь къ князю Александру Даниловичу. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА.

Театръ представляетъ ту же комнату Нолькина, что во-второмъ дѣйствіи.

I.

НОЛЬКЕНЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ (*сидя въ креслахъ, передъ каминомъ*). Ахъ, дочь моя! Ты не можешь вообразить себѣ, какъ мнѣ грустно! Я умру съ тоски и, даже можно сказать, пропаду.

ХРИСТИНА (*сидя въ другихъ креслахъ подлѣ отца, вяжетъ чулокъ*). Полно, батюшка! Не грусти! Постарайся развеселиться!

НОЛЬКЕНЪ. Развеселиться... развеселиться... Охъ вы, молодой народъ! Въ мои лѣта трудно развеселиться, когда лишился на всегда — стараго друга и сосѣда, котораго я такъ любилъ. Вотъ, вы, молодой народъ, такъ дѣло другое! Потерять друга или ошибиться въ немъ — ничего! Двухъ новыхъ друзей нашелъ завтра-же! И этихъ лишился, или они измѣнили — опять ничего! Послѣ завтра уже найдены четыре и, даже можно сказать, пять. Неоспоримо, что всѣ такіе скоро-спѣлые друзья весьма непрочны и, даже можно сказать, ненадежны. Да вѣдь вамъ, молодому народу, это ни-почемъ! Для васъ всѣ — друзья и пріятели, пока они васъ не надули и вамъ не надѣлали гадостей. А намъ, старикамъ, дѣло другое! Лишился стараго, вѣрнаго, испытаннаго друга, такъ ужъ новаго-то и не сыщешь, да и искать-то негдѣ и некогда нашему брату, старику! Охъ! какъ мнѣ грустно! Вотъ ужъ прошли четыре недѣли, именно, четыре недѣли, какъ моего добраго, почтеннаго сосѣда и друга взяли подъ стражу, и я до-сихъ-поръ ничего не знаю объ его участи. Вѣроятно, его разстрѣляли! Да и сынь-то его, съ той поры, безъ вѣсти пропалъ! Я полагаю, что они оба погибли! Охъ, какое у меня горе и печаль на сердцѣ, дочь моя! Не знаю, куда отъ тоски дѣваться!

ХРИСТИНА (*про себя*). И я не знаю, куда отъ тоски дѣваться!

II.

ТЪ-ЖЕ и ГУСТАВЪ.

ГУСТАВЪ. Батюшка! Новости, да какія новости!

НОЛЬКЕНЪ. Ну, что мнѣ новости! Богъ съ ними! Ты мнѣ лучше скажи: не слыхаль-ли чего о нашемъ сосѣдѣ и объ его сынѣ.

ГУСТАВЪ. Ничего объ нихъ не слыхаль.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, такъ что-же мнѣ всѣ твои новости! Береги ихъ про себя.

ГУСТАВЪ. Ты знаешь, батюшка, Веселый островъ на рѣкѣ Невѣ?

НОЛЬКЕНЪ. Какой тамъ Веселый островъ, какая Нева! Что ты за чепуху говоришь мнѣ! Ты вѣрно хочешь сказать о нашей рѣкѣ Ніенѣ и объ островѣ Льюстэйланде, который мнѣ очень хорошо извѣстенъ.

ГУСТАВЪ. Вотъ, именно на этомъ островѣ русскій Царь шестнадцатаго числа нынѣшняго мая заложилъ крѣпость и назвалъ ее: Санктпетербургъ. Сегодня тридцатое мая, а крѣпость въ двѣ недѣли уже почти кончена! Всѣ земляные валы и палисады уже готовы. Теперь идетъ постройка внутри крѣпости. Право, она выросла, какъ грибокъ!

НОЛЬКЕНЪ (*въ задумчивости*). Грибокъ! грибокъ! Вотъ онъ чѣмъ меня утѣшить хочетъ въ моемъ горѣ. Развѣ не видываль я грибовъ-то на своемъ вѣку!

ГУСТАВЪ. Да не о грибахъ рѣчь, батюшка! Я вамъ рассказываю о крѣпости, которую русскій Царь построилъ на нашемъ островѣ Льюстэйланде, и которую онъ назвалъ Санктпетербургомъ. Около острова весь лѣсъ вырубленъ и сдѣлана большая площадь, а близъ крѣпости на берегу рѣки онъ построилъ себѣ маленькій, премаленькій, деревянный дворецъ. На этой площади будетъ сегодня торжество.

НОЛЬКЕНЪ. Какое торжество? Да развѣ сегодня праздникъ какой? Христина, дай календарь. Я посмотрю. (*Христина подаетъ календарь*). Сегодня, дѣйствительно, тридцатое мая, но никакого праздника нѣтъ!... Густавъ! Ты всѣ эти новости выдумалъ, какъ вижу, единственно для того, чтобы развлечь меня, старика, и уменьшить мою тоску о незабвенномъ, вѣрномъ другѣ и сосѣдѣ.

III.

ТЪ-ЖЕ и КАПРАЛЪ СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ. Мое почтеніе всеѣмъ и каждому! Кто хозяинъ этого дома и гдѣ онъ? Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

НОЛЬКЕНЪ (*вставая съ кресла*). Хозяинъ — я.

СТЕПАНОВЪ. Ба, ба, ба! Если не ошибаюсь, мы съ тобой уже знакомы. Ну, такъ и есть! Вотъ и огромный палашъ твой виситъ на стѣнѣ. Здравствуй, дѣдушка! Узналъ-ли ты меня?

НОЛЬКЕНЪ. Хотя глаза у меня и слабы, но какъ не узнать великодушнаго человѣка, который спасъ жизнь моему единственному сыну, моему Густаву.

СТЕПАНОВЪ. И! полно, дѣдушка! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, говорить наша русская пословица. (*Густаву*). Здравствуй, пріятель! Каково поживаешь?

ГУСТАВЪ. Живу, благодаря тебѣ!

ХРИСТИНА. Мы этого никогда, никогда не забудемъ!

НОЛЬКЕНЪ. Будь увѣренъ, что и Богъ твоего великодушнаго поступка никогда не забудетъ.

СТЕПАНОВЪ. Полно вамъ! Вѣдь ужъ вы благодарили меня въ свое время, ну, и баста! Лучше поговоримъ о дѣлѣ, для котораго я къ вамъ пришелъ.

НОЛЬКЕНЪ. Да садь, почтенный гость! Христина — кресла!

СТЕПАНОВЪ. Благодарю, дѣдушка! Я — страстный охотникъ ходить или стоять. Вѣдь я служу въ пѣхотѣ, такъ наше дѣло больше ходячее, чѣмъ сидячее.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, какъ изволишь! Христина! Смастери какую-нибудь закуску и подай намъ бутылку лучшаго, шведскаго пива.

ХРИСТИНА. Сейчасъ, батюшка!

СТЕПАНОВЪ. Не надо, не надо, красавица! Теперь еще рано закусывать. Я долженъ отсюда вернуться къ моему полковнику, а потомъ быть въ строю, на сегодняшнемъ торжествѣ.

ГУСТАВЪ. Вотъ видишь-ли, батюшка, я тебѣ правду сказалъ!

НОЛЬКЕНЪ. А по какому случаю будетъ торжество? Это очень любопытно узнать, если это не секретъ.

СТЕПАНОВЪ. Какой тутъ секретъ! Сегодня будутъ праздновать нашу

побѣду морскую и основаніе крѣпости Санктпетербурга. За эту первую побѣду русскихъ на морѣ, отслужать на новой площади, близъ маленькаго, царскаго дворца, благодарственное молебствіе. Послѣ этого первый кавалеръ ордена Святаго Андрея Первозваннаго, адмиралъ Головинъ, по рѣшенію фельдмаршала графа Шереметева и всего его совѣта, возложитъ знаки этого ордена на Его Царское Величество и на князя Александра Данилыча Меншикова, такъ какъ они командовали нашими лодками, которыя взяли на обордажъ два шведскіе корабля. Въ это время мы, преображенцы и семеновцы, грянемъ изъ всѣхъ пушекъ и ружей три залпа, и крикнемъ: ура! Потомъ всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые были въ морской баталіи, фельдмаршалъ раздастъ золотыя медали, офицерамъ на золотыхъ цѣпяхъ, а нижнимъ чинамъ на голубыхъ лентахъ. Послѣ того пройдемъ церемоніальнымъ маршемъ передъ фельдмаршаломъ, а въ заключеніе на площади начнется пиръ.

НОЛЬКЕНЪ. Это будетъ любопытное, трогательное зрѣлище! Еслибъ я былъ помоложе и ноги были-бы у меня покрѣпче, то непременно пошелъ-бы посмотрѣть на это зрѣлище, даромъ, что я шведъ.

СТЕПАНОВЪ. Такъ! Ты шведъ, но ужъ русскій шведъ! Всѣ здѣшнія мѣста уже завоеваны русскими.

НОЛЬКЕНЪ. Я опасуюсь, однако-жъ, чтобы шведская эскадра не помѣшала торжеству и не причинила-бы сегодня какой-нибудь неожиданной непріятности.

СТЕПАНОВЪ. Какая тебѣ шведская эскадра, дѣдушка! Она стрѣляла въ наши лодки изъ всѣхъ своихъ пушекъ во время баталіи, но когда увидѣла, что мы два корабля взяли, то подняла паруса и ушла обратно въ море.

НОЛЬКЕНЪ (*въ раздумьи*). Странное дѣло и, даже можно сказать, сомнительное.

СТЕПАНОВЪ. Да ужъ не сомнѣвайся, дѣдушка! Я тебя не обманываю.

НОЛЬКЕНЪ. Помилуй, почтенный! Не объ этомъ рѣчь. Мнѣ только очень любопытно узнать: какъ это вы взяли на лодкахъ два шведскіе корабля?!

СТЕПАНОВЪ. Изволь, я тебѣ расскажу. Шведская эскадра стала на якорь довольно далеко въ морѣ, потому-что былъ противный вѣтеръ, и она не могла достать лоцмановъ съ берегу, для безопаснаго ввода кораблей въ Неву. Только два передовые шведскіе корабля успѣли прилабировать къ устью Невы и также бросили якорь въ ожиданіи лоцмановъ и попутнаго вѣтра. Вотъ, насъ, преображенцовъ и семеновцевъ, и посадили въ большія лодки. Дѣло непривычное, повое, однако-жъ мы,

пѣхотинцы, такъ лихо гребли, и такъ славно рулемъ правили, что только другъ на друга посматривали и думали про себя: ужъ не моряки-ли мы?

НОЛЬКЕНЪ. Чудное дѣло!

СТЕПАНОВЪ. Вотъ, сирава и слѣва двухъ шведскихъ кораблей и появились вдругъ, неожиданно, нежданно, по пятнадцати большихъ, гребныхъ лодокъ. Между-тѣмъ сдѣлалось, на наше счастье, безвѣтріе, а дѣло извѣстное, что безъ вѣтру всякій корабль по неволѣ стой на одномъ мѣстѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Правда, совершенная правда! Я самъ по опыту знаю, что значить безвѣтріе или штиль въ морѣ.

СТЕПАНОВЪ. Ну, вотъ, два передовые корабля и стоятъ, и эскадра стоитъ. Одною половиною лодокъ командовалъ самъ Царь, другою князь Меншиковъ.

НОЛЬКЕНЪ, ГУСТАВЪ и ХРИСТИНА, Самъ Царь?

СТЕПАНОВЪ. Ну да, самъ Царь, Петръ Алексѣевичъ. Вотъ мы гребемъ да гребемъ, и подплыли уже близко къ кораблямъ. Шведы, видимъ, засуетились. Царь и князь Меншиковъ велѣли наровить къ носу, да къ кормѣ кораблей, которые все старались повернуться къ намъ бортомъ, но мы все увертывались. Наконецъ имъ какъ-то удалось стать къ намъ бортомъ, да не совсѣмъ. Вдругъ одинъ-то корабль, на который напалъ царь, какъ грянетъ залпомъ изъ пушекъ!

НОЛЬКЕНЪ. Что-же?

СТЕПАНОВЪ. Дымъ заходилъ облакомъ и скрылъ все лодки, которыми Царь командовалъ. Господи Боже мой! У меня сердце такъ и замерло! Сохранилъ-ли Господь Царя-то? думаю я самъ про себя. Въ это время другой корабль и въ насъ хватилъ изъ пушекъ цѣлымъ бортомъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну?

СТЕПАНОВЪ. Однако жъ вреда сдѣлалъ намъ немного. А мы между-тѣмъ въ дыму-то гребемъ да плывемъ. Вся шведская эскадра открыла тогда по насъ жестокой огонь, но мало намъ сдѣлала вреда, потому-что слишкомъ далеко стояла. Въ это время громко раздался царской голосъ! «Впередъ! на обордажь!» Князь Меншиковъ повторилъ эту команду. А у насъ, замѣтите, не было на лодкахъ ни одной пушки, потому, что лодки не сдержали-бы пушекъ, а были у насъ только наши родные ружья со штыками, тесаки, да ручныя гранаты.

НОЛЬКЕНЪ. Господи! Да это какое то чудо!

СТЕПАНОВЪ. Разсмотрѣлъ я сквозь густой дымъ корабельную корму. Мы забросили на корабль веревочныя лѣстницы съ крючьями, швырнули на палубу наши ручныя гранаты и полѣзли на корабль со штыками.

И на прочихъ лодкахъ сдѣлали тоже. Шведы намъ дали, правду сказать, храбрый отпоръ. Да нѣтъ! Мы одолѣли! Штыки-то, это ужъ по нашей части, по части пѣхоты. Въ дыму за два шага ничего не было видно. Наконецъ, пальба начала замолкать, дымъ прочистился, и тогда я увидѣлъ, что на кормѣ одного корабля стоитъ нашъ Царь со шпагой въ рукѣ, а на кормѣ другаго — князь Меншиковъ. Гляжу: шведскій флагъ спускаютъ на обоихъ корабляхъ. Значитъ, непріятельскія суда сдались. Вотъ мы и затянули такое громкое и продолжительное ура! что, я думаю, вселовили всѣхъ рыбъ въ Финскомъ заливѣ.

НОЛЬКЕНЪ. А шведская эскадра, почтенный капралъ, — что стало съ нею?

СТЕПАНОВЪ. Эскадра? Она, воспользовавшись поднявшимся вѣтромъ, но только противнымъ, снялась съ якоря и уплыла въ море. Видно до нея дошла вѣсть, что ужъ Нienшанць взятъ русскими. Ахъ, да! я и забылъ вамъ сказать... это вамъ, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно. Вашъ пріятель, ну, знаете, тотъ, который хотѣлъ дать стрелка черезъ ручей на Каменномъ островѣ, и въ котораго я прицѣлился...

ГУСТАВЪ. Василій?!

СТЕПАНОВЪ. Ну, да! Онъ такъ отличился важно въ этой морской баталіи, что, просто — мое почтеніе! Князь Александръ Данилычъ принялъ его волонтеромъ въ нашъ Преображенскій полкъ. Онъ, во-первыхъ, на передовой лодкѣ, на которой плылъ князь, исполнялъ должность лоцмана, и такъ искуено, что ни одна наша лодка не попала на мель, а во-вторыхъ, съ передовой лодки князя, гдѣ находился и я, взлѣзъ онъ за мною вторымъ на корабль, и такъ работалъ штыкомъ, какъ будто весь свой вѣкъ служилъ въ пѣхотѣ.

ХРИСТИНА (*про себя*). Слава Богу!

ГУСТАВЪ. Какъ я радъ за моего друга!

НОЛЬКЕНЪ. Это пріятно слышать, очень пріятно!

ГУСТАВЪ. Гдѣ онъ теперь?

СТЕПАНОВЪ. Да Богъ его знаетъ! Во время баталіи я потерялъ его изъ глазъ, и съ-тѣхъ-поръ не видалъ. Вѣроятно, онъ, или раненъ и лежитъ въ лазаретѣ, или убитъ.

ХРИСТИНА (*про себя*). Боже мой!

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, какъ жаль, если такой прекрасный молодой человекъ убитъ.

СТЕПАНОВЪ. Не горюй, дѣдушка! Умереть за отечество такую смертью — и честно, и славно.

НОЛЬКЕНЪ. Это правда!... Скажи мнѣ, почтенный капралъ, сдѣлай

милость: не слыхалъ-ли ты чего о моемъ другѣ и сосѣдѣ, котораго вашъ полковникъ взялъ подъ-стражу?

СТЕПАНОВЪ. Вѣроятно, онъ еще содержится въ Нienшанцской крѣпости, куда я его самъ доставилъ, и ждетъ суда. Онъ самъ во всемъ признался безъ всякой утайки.

НОЛЬКЕНЪ. Бѣдный сосѣдъ! Какъ мнѣ его жаль!

СТЕПАНОВЪ. Однакожъ, я заболтался съ вами. Боюсь, чтобы мнѣ не опоздать на торжество. Который часъ?

НОЛЬКЕНЪ. Христина! Сбѣгай въ сосѣдную комнату и посмотри на мои стѣнные часы.

ХРИСТИНА. (*Уходитъ и тотчасъ-же возвращается*). Восемь часовъ утра, батюшка!

СТЕПАНОВЪ. Ну, такъ не опоздаю. А вотъ что, дѣдушка! Я все еще не объяснилъ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ. Видишь-ли: нашему полковнику велѣно занять вашъ островъ съ батальономъ Преображенскаго полка, для того, чтобы охранять его отъ внезапнаго нападенія Шведовъ. И на всѣхъ здѣшнихъ островахъ будутъ разставлены отряды. Батальонъ нашъ расположится здѣсь лагеремъ. Полковникъ послалъ меня поискать дома, или избы, гдѣ-бы онъ могъ нанять для себя хоть небольшую комнату. Ну, домовъ-то тутъ, въ вашей сторонѣ, не много, какъ вижу. Я случайно наткнулся на твой домъ, и вошелъ къ тебѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Нанять! Да допущу-ли я это, чтобы русскій полковникъ, который великодушно простилъ моего сына, нанималъ у меня комнату за деньги! Нѣтъ! Этому не бывать! Христина! Переберись въ другую комнатку изъ своей свѣтелки, которая составляетъ самое спокойное, самое пріятное и, даже можно сказать, довольно удобное жилище во всемъ моемъ домѣ. Да прибири твою свѣтелку, знаешь, этакъ, покрасивѣе... Сообщи мой отвѣтъ, почтенный капраль, своему полковнику!

СТЕПАНОВЪ. Ладно, сообщу! Я, впрочемъ, знаю, что онъ ужъ сочтется съ тобою. За симъ всѣмъ вамъ мое нижайшее почтеніе! Мнѣ пора отретироваться! (*Уходитъ*).

НОЛЬКЕНЪ (*вслѣдъ ему*). До свиданія, почтенный капраль!

IV.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ **СТЕПАНОВА.**

НОЛЬКЕНЪ. Странное дѣло! странное дѣло! Изъ всего я вижу, что русскіе завоевали уже всю нашу сторону. Ну, дѣлать нечего! Видно

такова воля Божія! Поди, Густавъ, посмотришь сегодняшнее торжество да и мнѣ потомъ Расскажи, что увидишь. Это очень любопытно! Я-бы и самъ пошелъ, да у меня ноги болятъ. Христина! и ты поди съ братомъ. И тебя это займетъ и, даже можно сказать, разсѣетъ.

ХРИСТИНА. Нѣтъ, батюшка! Ты нездоровъ! Какъ-же мы тебя оставимъ одного! Пусть братъ идетъ, а я останусь съ тобою.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, такъ ты иди, Густавъ. Пожалуйста, иди!

ГУСТАВЪ. Очень хорошо, если это тебѣ угодно, батюшка! (*Уходитъ*).

V.

НОЛЬКЕНЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ. Боже мой! Я полагаю, что мой другъ и сосѣдъ уже разстрѣлянъ, и что сынъ его убитъ! Это вѣрно!... О Боже! Я въ отчаяніи!

ХРИСТИНА (*шихо про себя*). И я!... (*Громко*). Успокойся, батюшка! Такое волненіе тебѣ вредно! Ты и безъ того нездоровъ! Побереги себя для дѣтей твоихъ.

НОЛЬКЕНЪ. Хорошо, дочь моя, поберегу; но тоска такая на сердцѣ, что ты себѣ и вообразить не можешь! (*Нѣсколько времени молчатъ. Нолькенъ, сидя въ креслахъ, мѣшаетъ кочергой дрова въ каминъ. Христина вяжетъ чулокъ. Раздаются вдали три залпа и продолжительное ура!*)

НОЛЬКЕНЪ (*вскочивъ съ креселъ*). Что это, Христина! Опять сраженіе?!

ХРИСТИНА. Нѣтъ, батюшка! Ты, вѣрно, забылъ, что сегодня русскіе торжествуютъ свою побѣду?

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, да! забылъ, дочь моя, совсѣмъ забылъ! Я все думалъ о моемъ вѣрномъ, незабвенномъ другѣ, и объ его сынѣ. Одинъ, безъ сомнѣнія, разстрѣлянъ, а другой убитъ! Много перенесъ я горя въ своей жизни, но никогда не ожидалъ такой печали и тоски на старости. (*Опять нѣсколько времени оба молчатъ. Слышенъ издали маршъ, играемый на трубахъ. Музыка постепенно приближается; наконецъ съ закулисною музыкою соединяется оркестръ. Нолькенъ и Христина слушаютъ въ молчаніи. Христина смотритъ въ боковое окно. Музыка прекращается*).

НОЛЬКЕНЪ. Что это такое, Христина?

ХРИСТИНА. Сюда идетъ отрядъ русскихъ. Ужъ онъ очень близко.

НОЛЬКЕНЪ. Зачѣмъ онъ идетъ?!

ХРИСТИНА. Я думаю, что это батальонъ, о которомъ намъ говорилъ сегодня русскій капралъ.

НОЛЬКЕНЪ. Можетъ быть! Очень можетъ быть!

ХРИСТИНА. Вотъ, весь отрядъ остановился. Солдаты поставили ружья въ пирамиды.

VI.

ТЪ-ЖЕ и КАРПОВЪ.

КАРПОВЪ. Здравствуй, почтенный старикъ, мой будущій хозяинъ! Капралъ сказалъ мнѣ, что ты согласился отдать мнѣ комнату въ наемъ.

НОЛЬКЕНЪ. Въ наемъ, полковникъ! Нѣтъ, этому не бывать! Вы меня обижаете. Извольте пользоваться комнатою въ моемъ домѣ, сколько вамъ будетъ угодно; но я отъ васъ не приму за это ни гроша, и даже, можно сказать, ни полushки. Благородно—ли было—бы съ моей стороны, еслибъ я...

КАРПОВЪ. Ну, хорошо! Спорить не станемъ. Какъ—нибудь сочтемся въ послѣдствіи. Но вотъ только что: я ни какъне соглашусь лишить твою дочь ея комнаты. Нѣтъ—ли у тебя какой другой?

НОЛЬКЕНЪ. Есть маленькая, низенькая, объ одномъ окошкѣ, под самую крышею. Да какъ—же можно, полковникъ, чтобы я назначилъ ее вамъ, моему благодѣтелю, моему...

КАРПОВЪ. Я страстный охотникъ до маленькихъ и низенькихъ комнатъ.

НОЛЬКЕНЪ. Какое—же сравненіе—свѣтелка моей дочери! Она выше, просторнѣе, о двухъ окнахъ съ большимъ шведскимъ каминомъ; видъ изъ оконъ прекрасный на нашу рѣчку. Нѣтъ, я отведу вамъ эту свѣтелку.

КАРПОВЪ. Ни за что не соглашусь! Дай мнѣ маленькую комнату. Это мой вкусъ, это моя страсть.

НОЛЬКЕНЪ. Странно! Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Не сердитесь на меня въ послѣдствіи.

КАРПОВЪ. Не стану сердиться. Будь спокоенъ. Я къ тебѣ сегодня—

же переберусь съ моимъ походнымъ скорбомъ. Все это легко умѣстится въ твоей маленькой комнатѣ, и я съ сегодняшняго-же дня дѣлаюсь твоимъ жильцомъ.

НОЛЬКЕНЪ. Очень буду радъ. Полковникъ, очень буду радъ! За особенную честь почту!

КАРПОВЪ. Да что ты, старичокъ, такой пасмурный, такой печальный? Сегодня у насъ, русскихъ, на новой нашей площади было такое величественное торжество, которое и наши правнуки будутъ помнить. Ахъ, еслибъ ты видѣлъ восторгъ всего войска, когда графъ Головинъ возложилъ знаки ордена Святаго Андрея на его Царское Величество и на князя Меншикова. Загремѣли залпы, раздалось оглушительное, нескончаемое ура! У меня, такъ какъ и у всего войска, навернулись слезы умиленія и восторга. Ахъ! какая это была высокая минута!

VII.

ТЪ-ЖЕ ГУСТАВЪ.

ГУСТАВЪ (*вбѣгая и не замѣчая Карпова*). Батюшка! Батюшка! Я все видѣлъ! Я, просто, въ восторгѣ!... (*Увидѣвъ Карпова*). Ахъ, полковникъ! Извините!

КАРПОВЪ. Не въ чемъ, не въ чемъ! (*Христинь*). А ты, красавица, скажи мнѣ: отчего ты такъ свою головку повѣсила и кажешься такою печальною?

ХРИСТИНА. Батюшка мой такъ тоскуетъ о своемъ другѣ Ивановѣ, котораго вы взяли подѣ-стражу, что я очень боюсь, чтобы батюшка мой не захворалъ.

КАРПОВЪ. А!.. Понимаю.

VIII.

ТЪ-ЖЕ и ЭЛІАСОНЪ.

ЭЛІАСОНЪ (*вбѣгая*). Я все витѣла, все витѣла! Такая чутное торжество не тошитай въ тругая разѣ въ шизни. Какъ я рата пыла опять увитать русскій Царь. Я плакала, ей Богу, плакала! Вотъ, и теперь плакала! (*Утираетъ себѣ глаза кулакомъ*).

КАРПОВЪ (*тихо Густаву*). Кто это такой?

ГУСТАВЪ. Это нашъ старинный пріятель, здѣшній рыбакъ Эліасонъ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, и очень любитъ русскихъ.

ЭЛАСОНЪ (*увидѣвъ Карпова*). Ай!.. Извинить меня, почтенная епераль! Виновата!

КАРПОВЪ. Ничего, любезный, ничего!

НОЛЬКЕНЪ (*въ задумчивости*). Все радуются, а я одинъ тоскую, невообразимо тоскую! Добрый полковникъ! Вы знаете, что неизвѣстность мучительнѣе всего. Я все думаю объ участи моего стараго друга и его сына. Навѣрное, одного разстрѣляли, а другой убить. Скажите мнѣ: прямо такъ?

КАРПОВЪ (*улыбаясь, едва примѣтно*). Ничего объ нихъ не слышалъ и не знаю. А впрочемъ, я сейчасъ-же справлюсь объ нихъ отъ вѣрнаго человѣка, и ты узнаешь всю правду. (*Подходитъ къ окну и кричитъ*). Степановъ! Войди сюда!

ЭЛАСОНЪ (*вполголоса*). Прекрасна Христинъ! Не горюй. Не ната!

ХРИСТИНА (*вполголоса*). Какъ мнѣ не горевать, когда я боюсь, чтобы мой батюшка не умеръ съ тоски! Да я и сама умру съ тоски. Бѣдный сосѣдъ! Бѣдный Василій, котораго я любила съ дѣтства, какъ брата.

IX.

ТѢ-ЖЕ и СТЕПАНОВЪ.

КАРПОВЪ. Подойди поближе ко мнѣ. (*Шепчетъ что-то на-ухо Степанову*).

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе. (*Уходитъ*).

X.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ СТЕПАНОВА.

ГУСТАВЪ (*Нолькену, который сидитъ въ креслахъ передъ каминомъ, съ признаками глубокаго унынія*). Батюшка! побереги себя! Не предавайся такъ своему горю.

НОЛЬКЕНЪ (*мрачно*). Любезный сынъ! Не желаю тебѣ подобныхъ минутъ и такихъ мученій!

ЭЛАСОНЪ (*вполголоса*). Прекрасна Христинъ, не плачь! Не ната! Я снай, что ты Василья люпилъ, и что онъ тебя люпила. Но если шведъ упивала его на паталія, то у тебя есть тругая шенихъ это... это ... я.

XI.

ТѢ-ЖЕ, СТЕПАНОВЪ, ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ. Послѣдній въ преображенскомъ мундирѣ.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Привелъ, ваше высокоблагородіе!

КАРПОВЪ. Хорошо! Остаешься здѣсь.

В **М** **Е** **С** **Т** **Ь** **А** } **ХРИСТИНА** (вскакивая радостно съ креселъ). Боже мой!

ГУСТАВЪ. Василій!

ЭЛАСОНЪ (неловко прыгая отъ радости и потирая себѣ руки).

Славна! Славна!

(**Карповъ** и **Степановъ** стоятъ въ сторонѣ и молча улыбаются).

НОЛЬКЕНЪ (не вставая съ креселъ и оглянувшись на пришедшихъ). Господи! Не сонъ ли это? (Вскакивая съ креселъ). Соедѣ! Это ты?

ИВАНОВЪ. Я! я! старый, вѣрный другъ мой! (Обнимаются съ восторгомъ).

НОЛЬКЕНЪ (то плачетъ, то хохочетъ). Я рѣшительно одурѣлъ! Я боюсь съ ума сойти отъ радости! Да какимъ-образомъ?.. да какъ ты?..

ИВАНОВЪ. Русскій Царь простилъ меня за заслуги моего сына и за мое чистосердечное раскаяніе. И я, на старости лѣтъ, опять русскій! Опять могу взять свою саблю, и за моего великаго Царя и отечество пролить съ наслажденіемъ послѣднюю каплю крови ...

НОЛЬКЕНЪ (*Иванову*). А гдѣ-же сынъ твой? (Вздыхаетъ). Онъ убитъ, какъ я слышалъ?

ИВАНОВЪ. Вотъ онъ, Карлъ Карлычъ!

НОЛЬКЕНЪ. Ба! въ преображенскомъ мундирѣ и съ золотою медалью на груди! Я тебя совѣмъ не узналъ! Поздравляю! поздравляю! (Обнимаетъ и цѣлуетъ *Василья* съ восторгомъ. Потомъ обращается къ *Карпову*). Полковникъ! Это ваше все дѣло?

КАРПОВЪ. Нѣтъ.

НОЛЬКЕНЪ. Такъ чье-же?.. Ахъ, полковникъ, извините! Я въ своей тоскѣ и не замѣтилъ на васъ знака царской милости. (*Увидѣвъ Степанова*). Ба! да тутъ, я вижу, и знакомый, почтенный капралъ, у котораго также медаль на груди! А я, дуралей, ничего этого сначала не замѣтилъ. Отъ всей души, отъ искренняго сердца поздравляю всѣхъ васъ. Кто-же это превратилъ мою печаль въ радость? Безъ сомнѣнія, вы, полковникъ?

КАРПОВЪ. Нѣтъ, не я, а нашъ Царь!

НОЛЬКЕНЪ. Добрый, мудрый, великій Царь, и, даже можно сказать ... можно сказать ... въ первый разъ въ моей жизни не могу приискать довольно сильнаго слова для выраженія моего чувства благоговѣнія къ нему и моей благодарности.

II.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

ПОВЕЪТЪ.

I.

Пробило семь часовъ вечера. Петръ Петровичъ, у котораго обыкновенно собирались каждый вторникъ, пересталъ ожидать новыхъ гостей, велѣлъ потушить лишнія лампы въ залѣ и другихъ комнатахъ, сложить ломберные столы, заготовленные для преферанса, закурилъ сигару, и отправился въ будуаръ молоденькой и хорошенькой жены, гдѣ засѣдало весьма немногочисленное, но довольно интересное общество. На первомъ планѣ или, точнѣе, на диванѣ, красовались сама хозяйка и ея компаніонка, вертлявая брюнетка; подлѣ нихъ располагались въ креслахъ: толстый, сѣдой старичекъ, безпрестанно, сквозь очки, моргавшій глазами, очень впрочемъ умными и добродушными; одинъ малоизвѣстный, надѣленный удивительною паматью, литераторъ, съ дипломатическою точностью передавшій намъ подлежащую хронику описываемаго вечера, и наконецъ—блѣднолицый, жиденъкій юноша, лѣтъ двадцати-двухъ, одѣтый по послѣдней модѣ. Онъ попеременно любезничалъ то съ хозяйкой, то съ компаніонкой; обѣ слушали его благосклонно и никакъ не могли рѣшить, которая изъ нихъ была предметомъ особеннаго его предпочтенія. Уголья медленно горѣли въ каминѣ, золотя крас-

новатымъ отблескомъ своимъ дорогія обои и портретъ Петра Петровича, висѣвшій надъ диваномъ; въ окна билъ безисходный ноябрскій дождь, и стекла, отъ времени до времени, сильно дребезжали, уступая порывамъ морскаго вѣтра, шумѣвшаго на улицѣ; вскорѣ послышались и частые выстрѣлы изъ пушекъ, извѣщавшіе о прибылі воды въ Невѣ...

— Погодушка!! сказалъ старичекъ ... Точно въ такой-же вечеръ, лѣтъ пять тому, подъѣзжалъ я къ одной усадьбѣ за Тверью...

— Что-жь изъ этого слѣдуетъ? прервалъ юноша, насмѣшливо поглядывая на почтеннаго представителя угасающаго поколѣнія.

— Ничего ... я только вспомнилъ...

— Разкажите, пожалуйста, что вы вспомнили? подхватила хозяйка, начинавшая скучать незанимательною бесѣдою. Въ дурную погоду я люблю рассказы, а у васъ всегда въ запасѣ какая-нибудь повѣсть.

— Послушаемъ! иронически прибавилъ молодой человѣкъ, бросая нѣжный взглядъ на компаніонку и сладко улыбаясь хозяйкѣ.

— Послушаемъ! машинально повторилъ Петръ Петровичъ, заслоня ладонью неучтивый зѣвокъ.

— Повѣсти не будетъ ... я не сочинитель, сказалъ старичекъ, съ разстановкою нюхая табакъ изъ огромной серебряной табакерки. Пресмѣшное дѣло!.. Тогда, совершенно неожиданно, досталось мнѣ значительное наслѣдство, въ Москвѣ ... вѣдь приходитъ-же такое счастье на старости, когда человѣку не много нужно, и все скоро, не сегодня, такъ завтра, надобно оставить...

— Нельзя-ли мнѣ оставить? находчиво ввернулъ блѣдный любезникъ.

— Волею-неволею, собрался я въ путь дорогу, — продолжалъ старичекъ, не обращая вниманія на «остроту» молодаго человѣка, — и поѣхалъ на долги, не торопясь, покоя старыя кости. Притомъ у меня было въ виду навѣстить крестника, сына одного изъ лучшихъ моихъ друзей и военныхъ товарищей, съ которымъ я началъ службу подъ Рущукомъ и разстался при Монмиралѣ, гдѣ его ранили смертельно ... Сынъ тоже служилъ въ военной службѣ, да недолго. Въ 1837 году, побывши въ отпуску, въ деревнѣ, сперва похоронилъ старушку-мать, а потомъ влюбился тамъ въ сосѣдку, женился, и вышелъ въ отставку.

За Тверью повернулъ я на проселокъ. Вышалъ сухой, ясный осенній день. Желтая трава, полу-обнаженныя деревья мелкаго лѣса, окружавшаго дорогу, глядѣли какъ-то веселѣе, при лучахъ солнечныхъ, которые до вечера не сходили съ сѣрватаго неба и озаряли песчаныя горы. Усадьба крестника моего была верстахъ въ тридцати отъ шоссе, и я надѣялся прикатить къ нему за-свѣтло: но, какъ часто случается,

ошибся въ расчетѣ. Подъ сумерки сѣроватое небо мало-по-малу стало чернѣть, съ далекихъ краевъ его шибко набѣжали тучи, и надъ самою дорогою разразились вдругъ страшнымъ ливнемъ съ пронзительнымъ вѣтромъ, который гнулъ и ломалъ деревья; я забился въ уголъ тарантаса, ящикъ дрожалъ и сжался на козлахъ, лошади фыркали и не хотѣли идти. Съ трудомъ дотасились мы до ближайшей деревушки, переждали въ ней дождь, и опять поволоклись, почти шагомъ, потому что дорога обратилась въ кисель грязи. Наконецъ, около десятаго часа по полудни, показался вдали огонекъ, ящикъ приударилъ, и тройка его, почуя близость ночлега, тронулись рысью... поднялись на гору, спустились съ горы, и въѣхали въ усадьбу, въ отворенныя еще ворота...

— Ну, слава Богу! подумалъ я. То-то обрадуется Володя... Кажется, еще не спать... мы не видались лѣтъ шесть, съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ первый разъ былъ здѣсь на его свадьбѣ...

Степанъ мой соскочилъ съ своего мѣста за кузовомъ тарантаса, и помогъ мнѣ изъ него выбраться. Въ-потьмахъ, я чуть-было не попалъ въ лужу, у самаго крыльца. Благополучно миновавъ это дождевое озеро, вхожу въ домъ съ радостнымъ бьеніемъ сердца и съ нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе прижать къ нему милаго крестника, о которомъ болѣе года я не имѣлъ никакого извѣстія... Писать онъ всегда былъ лѣнивъ...

Въ передней тускло догаралъ оплывшій сальный огарокъ и дремалъ на скамьѣ босой мальчишка. Я его не побезпокоилъ, а онъ и не шевельнулся, когда я вошелъ. Нечего и спрашивать, дома-ли господа — въ деревнѣ-почти всегда дома, особенно въ такую погоду.

Мнѣ хотѣлось явиться нечаянно, сдѣлать сюрпризъ: Тихо, на цыпочкахъ, прошелъ я залу и остановился передъ полуоткрытою дверью гостиной. Смотрю... такіе голубки!... сидятъ рядкомъ на диванѣ... Надежда Николаевна вяжетъ что-то, а Владиміръ Андреевичъ, наклонивъ голову, читаетъ вполголоса какую-то книгу...

Вотъ онъ поднялъ голову... Я обознался: это былъ не Владиміръ Андреевичъ... У того волосы черные, какъ смоль, у этого свѣтлорусыя кудри, и лицо нѣжное, очень красивое, точно женское, совсѣмъ не похожее на мужественныя черты моего крестника; да тому ужъ далеко за двадцать, а этому и двадцати-пяти, повидимому, нѣтъ...

— Вѣрно, какой-нибудь родственникъ? сказалъ я про себя и быстро вошелъ въ гостиную...

Голубки мои встрепенулись, спорхнули съ дивана.

— Ахъ, Боже мой!... Борисъ Борисовичъ? какими судьбами?

вскричала Надежда Николаевна, граціозно бросааясь ко мнѣ на встрѣчу.

Добрая женщина, она очень любила меня, старика...

— *Любила*, говорите вы, въ прошедшемъ времени, снова прервалъ блѣдный гость. Стало, она уже не существуетъ?

Молодчикъ, между-тѣмъ, вѣжливо поклонился мнѣ, — продолжалъ старичекъ, снова оставляя безъ возраженія вопросъ остроумнаго господина, — вѣжливо поклонился, вытянувшись во весь ростъ ... вершковъ девяти и чудо стройный.

— Не ждали? отвѣчалъ я хозяйкѣ, цѣлуя ея руку и съ любопытствомъ вглядываясь въ красавца, ея собесѣдника. Онъ смѣшался, покраснѣлъ отъ моего пристальнаго взгляда. Мнѣ это понравилось ... нынѣшніе молодые люди — не въ укоръ имъ будь сказано — рѣдко краснѣютъ и приходятъ въ замѣшательство...

(При этомъ замѣчаніи тощій любезникъ презрительно улыбнулся, съ неудовольствіемъ, однакожъ, повернувшись на своемъ креслѣ)...

— А Владиміръ Андреевичъ? спросилъ я напоследокъ, садясь, по приглашенію хозяйки, къ дивану, гдѣ и она, по прежнему, помѣстилась. Гость ея медленно расхаживалъ у оконъ, поодаль отъ насъ...

— Владиміръ Андреевичъ ...

Эти три слова Надежда Николаевна произнесла принужденно и печально...

— Въ Москвѣ? Давно-ли? Зачѣмъ?

— Съ прошлой зимы не возвращался...

— Безъ сомнѣнія, какія-нибудь важныя дѣла?

— Дѣла ... чуть слышно проговорила она.

— Скоро возвратится?

— Право, не умѣю сказать вамъ, Борисъ Борисовичъ ... онъ уже мѣсяца полтора не писалъ .. меня это очень тревожитъ ... не заболѣлъ-ли...

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ я, раздѣляя внутренно ея опасенія и прекращая дальнѣйшія распросы, которые, казалось, дорого стоили Надеждѣ Николаевнѣ, судя по ея смущенію и печальному голосу.

Высокій блондинъ продолжалъ расхаживать по комнатѣ.

— Позвольте представить вамъ, — сказала она перемѣняя разговоръ, — Позвольте представить вамъ ... Левъ Васильевичъ Лузиковъ.. сосѣдъ нашъ и родственникъ Владиміра Андреевича ... двоюродный братъ перваго мужа покойной его кузины, Варвары Петровны ... Знали, можетъ быть?

Левъ Васильевичъ во второй разъ поклонился мнѣ съ ловкостью и развязностью.

— Какъ-же-съ ... очень хорошо знакомъ былъ съ Варварой Петровной и съ обоими ея мужьями. Обоихъ, бѣдненькая, схоронила, и сама, въ молодыхъ лѣтахъ, въ гробъ сошла...

II.

Борисъ Борисовичъ на минуту остановился, досталъ изъ кармана табакерку, повертѣлъ ее въ рукахъ, не торопливо открылъ, и еще съ меньшею поспѣшностью понюхалъ своего «докторскаго». Компаніонка и чахлый фронтъ саркастически переглянулись между собою, непростительно подсмѣиваясь надъ почтеннымъ старикомъ, который храбро дрался подъ Рушукомъ и Монмиралемъ. Петръ Петровичъ поправилъ лампу, выбрасывавшую пламя выше стекла; супруга его о чемъ-то задумалась, литераторъ старался угадать дальнѣйшее «развитіе» повѣствованія, но, по собственному его сознанию, не угадалъ. Борисъ Борисовичъ приступилъ къ продолженію разсказа своего такъ:

Не помню, о чемъ мы послѣ говорили... что-то незначительное... но очень хорошо помню, что говорили объ одномъ, а я думалъ о другомъ, машинально перелистывая лежавшую на столѣ книгу, чтеніе которой прервалось неожиданнымъ моимъ появленіемъ. То былъ какой-то романъ Жоржа-Занда.

— Повторяю, мысль моя не слѣдила за отрывчатымъ и пустымъ разговоромъ. Она невольно обращалась ко времени перваго пріѣзда моего въ эти мѣста, шесть лѣтъ тому, когда, замѣняя крестнику отца и мать, покоившихся въ могилѣ, я благословилъ его на бракъ съ Надеждою Николаевной, также сиротой, съ хорошимъ впрочемъ приданымъ. Тогдашнее взаимное ихъ счастье живо носилось передо мною. Ея улыбка, слово, шелестъ ея платья изъ другой комнаты, заставляли Володю измѣняться въ лицѣ: оно всыхивало краскою радости и сердечнаго восторга. Нетерпѣливо считалъ онъ дни и часы, остававшіеся до свадьбы. Женихомъ — онъ не зналъ мѣры самымъ трогательнымъ угожденіямъ, въ медовый мѣсяцъ покорность его не имѣла предѣловъ; онъ не могъ наглядѣться на милую жену, и только что на колѣна передъ нею не становился...

— Ахъ, такъ всегда бываетъ, сказала хозяйка. Медовые мѣсяцы проходятъ быстрѣе цвѣтовъ, съ которыхъ пчелы собираютъ сладость. Потомъ мужья начинаютъ прилежно заниматься дѣлами... скучать за дѣлами и съ женою...

— Ну, вот! новое разсужденіе, съ неудовольствіемъ возразилъ Петръ Петровичъ. Какъ-будто одно положеніе можетъ продолжаться вѣчно, и одна пора не должна смѣняться другою ... Ты только перебиваешь, Маша!... Борисъ Борисовичъ, мы слушаемъ ...

За образцовое вниманіе, продолжалъ старикъ, Надежда Николаевна платила ему нѣжнѣйшею привязанностью и непрерывными ласками, такъ-что, право, завидно было смотрѣть на ихъ блаженство, особенно мнѣ, цѣлый вѣкъ прожившему въ одиночествѣ...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Подъѣзжая къ ихъ усадьбѣ, я рисовалъ въ воображеніи картину супружескаго счастья, которое ожидалъ застать и, противъ всякаго ожиданія, вовсе не засталъ одного изъ супруговъ. Мгновенно обманутаго присутствіемъ другаго лица, принятаго за Владимира Андреевича, меня крѣпко досадовала несбывшаяся увѣренность.

Не можетъ-быть, чтобъ крестникъ разлюбилъ жену! подумалъ я, отъ времени до времени посылая къ Надеждѣ Николаевнѣ испытующій взглядъ, которымъ хотѣлось мнѣ вывѣдать невысказанное ею: но она, уклоняясь отъ этого нескромнаго изслѣдованія, потупляла глаза, и я видѣлъ передъ собою обворожительное созданіе, которое не говорило ничего лишняго, дополняющаго или объясняющаго слова...

— Онъ, вѣрно, былъ въ то время безъ очковъ? шеннулъ блѣднолицый литератору.

— Тѣмъ не менѣе, «обворожительное созданіе» не показалось ему уродливымъ...

— Въ извѣстные годы, на-примѣръ въ мои, сказалъ Борисъ Борисовичъ, отвѣчая-ли на этотъ шопотъ, можетъ быть, имъ услышанный, или, просто, ведя свою рѣчь, — въ извѣстные годы, повторилъ онъ, когда кровь давно остыла и не разогрѣвается даже силою воображенія, уступающаго холодному и строгому разсудку, человекъ не слишкомъ уже плѣняется красотою женскою, созерцая ее тихо и безмятежно, какъ мертвыя красоты природы вещественной; но и я, сознаюсь, не могъ безъ очарованія смотрѣть на Надежду Николаевну. Ей было не больше двадцати-двухъ лѣтъ: она нисколько не подурнѣла, не измѣнилась противъ прежняго... пожалуй, стала еще лучше... тогда она была почти ребенокъ... только первый пурпуръ дѣвственнаго румянца сбѣжалъ съ ея нѣжныхъ, бархатныхъ щечекъ, да глаза потеряли дѣтскую живость, и улыбка утратила выраженіе счастливой безпечности. Съ легкимъ оттѣнкомъ скрытой печали въ тонкихъ чертахъ прелестнѣйшаго личика, съ таинственною задумчивостью во взорѣ, съ этой поэзіей заброшеннаго, забытаго цвѣтка, предназначеннаго процвѣсть и поблекнуть въ безпривѣтной глуши, Надежда Николаевна внушала жи-

вѣйшее участіе. Я говорю о себѣ ... другимъ она могла внушить иное чувство...

— Онъ романтикъ! опять шепнулъ блѣдный питомцу музъ.

— По моему мнѣнію, тихо возразилъ тотъ, Борисъ Борисовичъ классикъ: онъ рассказываетъ съ полною обстоятельностью, хтя такъ-же, какъ его Надежда Николаевна хитрыми глазками, онъ впалыми устами не договариваетъ лишняго ... то-есть, онъ очень выгоднаго мнѣнія о слушателяхъ и увѣренъ, что его понимаютъ, когда, вмѣсто грубаго анализа, онъ прибѣгаетъ къ описательному роду, къ косвеннымъ поясненіямъ.

— Роды, виды и поясненія надоѣли мнѣ еще въ школѣ.

Этимъ мимоходнымъ сужденіямъ благопріятствовалъ антрактъ въ рассказѣ Бориса Борисовича, происшедшій по случаю ... О, не думайте, читатель — ничего важнаго не случилось! Обѣ половинки двери будуара растворились, торжественно вошелъ—не новый гость, а слуга съ большимъ подносомъ, на которомъ, вокругъ изящной серебряной корзинки, наполненной разнообразными сахарными сухариками, стояли двѣ очень красивыя фарфоровыя чашки и четыре хрустальные стакана.

Къ креслу Бориса Борисовича обязательный хозяинъ придвинулъ круглый столикъ. Наливъ въ свой стаканъ немного рому и размѣшивая его ложечкою, старикъ сказалъ:

— Вотъ кстати! Въ моей исторіикѣ я именно дошелъ до чаю ...

Ахъ, Боже мой! воскликнула Надежда Николаевна: я совсѣмъ забыла ... а тамъ и не догадаются поставить самоваръ ... Позвольте мнѣ, Борисъ Борисовичъ, похлопотать для дорогаго гостя.

Я не отговаривался, потому—что продрогъ и проголодался.

Подъ предлогомъ распоряженій на-счетъ чая и ужина, она вышла изъ комнаты, и мы со Львомъ Васильевичемъ остались вдвоемъ.

Онъ пересталъ расхаживать, подоѣлъ ко мнѣ и началъ съ того, съ чего обыкновенно начинаютъ, и съ знакомыми, и съ незнакомыми, когда не о чемъ или трудно разговариваться — началъ съ погоды, дѣлая видъ, что прислушивается къ завыванью вѣтра и мѣрному постукиванью дождя въ окна:

— Погода не унимается ... нѣсколько часовъ пережидая ... мнѣ домой двѣнадцать верстъ ѣхать ...

— Въ бесѣдѣ съ такою умною дамою, какъ Надежда Николаевна, часы должны летѣть незамѣтно.

— Да-съ, конечно ... Воображаю, какова теперь дорога стала ... здѣсь все песчаникъ и глиноземъ ... шагомъ придется плестись — половину ночи проѣдешь!

— Ну что за бѣда, по знакомому пути, кое-какъ доплете тесь... Вѣдь вы здѣшній постоянный житель?

— И постоянный, и непостоянный. Служу я въ Петербургъ, а тутъ у меня деревенька. Каждое лѣто беру отпускъ, не оставляя, однакожь, вовсе занятій... статистическихъ... Нынѣшнему отпуску черезъ недѣлю срокъ кончается... Хорошо-бы, когда-бъ къ тому времени морозы подоспѣли и снѣгъ выпалъ... А вы, смѣю спросить, надолго въ наши стороны?

— Еслибъ засталъ Владиміра Андреевича, дней пять, шесть, статья можетъ, прогостилъ-бы; теперь-же не располагаю больше двухъ дней оставаться...

— Жаль, что такъ торопитесь: а то мы могли-бы вмѣстѣ выѣхать отсюда, — сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ нельзя было замѣтить искренности, или, по-крайней-мѣрѣ, значительной степени сожалѣнія.

— Да намъ, кажется, едва-ли по дорогѣ будетъ... вѣдь вы въ Петербургъ, а я въ Москву...

— Въ Москву? Извините...

— Помилуйте! Москва тоже хорошій городъ... Даже очень хорошій, подумалъ я, обращаясь мысленно къ крестнику, который столько времени проживалъ въ первопрестольной столицѣ, имѣющей, какъ извѣстно, свои заманки. Ну, если только не болѣзнь или что дѣльное, необходимое, его удерживаетъ, задамъ-же ему гонку! На цѣлый почти годъ покинуть молодую, прелестную жену въ томительномъ уединеніи — какое оскорбительное для нея равнодушіе, забвеніе! Не должна-ли она, наконецъ, соскучиться продолжительнымъ одиночествомъ; не потребуетъ-ли юное сердце ея развлеченія, отрады? Правда, близкое сосѣдство добраго, дальняго родственника нѣсколько спасаетъ ее отъ тоски и справедливыхъ сѣтованій. Они вмѣстѣ читаютъ. Но самое это чтеніе не пробуждаетъ-ли въ ней думы и позволительныя желанія болѣе счастливой жизни? Въ этой покорности и угодливости скромнаго молодого человѣка не таится-ли заслуженный укоръ тому, кто такъ много цѣнитъ ея достоинства, и еще менѣе, по-видимому, заботится о томъ, чтобъ эта глушь, эти однообразные пустынные дни не показались ей напоследокъ заточеніемъ въ древнемъ теремѣ, навсегда растворенномъ великодушною рукою Петра? Черезъ недѣлю уѣдетъ и Левъ Васильевичъ, и тогда она останется одна, совершенно одна. Выѣзжать къ сосѣдямъ или сосѣдкамъ одной, безъ мужа, какъ-то неловко, досадно — да и нравятся-ли ей эти сосѣди и сосѣдки; нравятся-ли она имъ, въ свою очередь? У

доброй, умной и прекрасной женщины сколько поклонниковъ и почитателей, столько-же завистницъ, ненавистницъ и сплетницъ.

Левъ Васильевичъ словно подслушалъ мои мысли, вопросы и категорическое обвиненіе отсутствующаго крестника.

— Странно, въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ онъ, что Владиміръ Андреевичъ такъ засидѣлся въ Москвѣ. Всего вѣроятнѣе, что онъ дѣйствительно боленъ, какъ предполагаетъ Надежда Николаевна, и не извѣщаетъ или не велитъ извѣстить объ этомъ, чтобъ не испугать.

Болезнью крестника ниспроверглась-бы большая часть моихъ разсужденій, и я душевно желалъ, чтобъ онъ точно былъ жертвою какого-нибудь недуга, разумѣется, не слишкомъ опаснаго: въ такомъ случаѣ нашлось-бы ему оправданіе.

— Судя по послѣднему письму, недѣль шесть или семь тому полученному, Владиміръ Андреевичъ, благодаря Бога, былъ здоровъ, — сказалъ его свойственникъ, какъ будто-бы этими словами отрицая предположеніе и свое, и Надежды Николаевны.

Повидимому, въ мужѣ ея и вообще въ дѣлахъ дома Левъ Васильевичъ принималъ истинно-родственное участіе; но его замѣчаніе, что до послѣдняго письма крестнику моему не приключалось никакой немощи, возродило во мнѣ новый вопросъ: какія именно дѣла, прежде того, заставили Владиміра Андреевича такъ долго жить въ разлукѣ съ женою, вдали роднаго пепелища, котораго, по моему мнѣнію, нельзя предпочесть соединеннымъ удовольствіямъ всѣхъ столицъ сѣвера, запада и востока?

— Я не согласенъ съ вами, Борисъ Борисовичъ, прервалъ блѣдный франтъ.

— Я тоже могъ-бы представить нѣкоторыя возраженія, прибавилъ литераторъ. Не оспаривая прекрасной истины положенія, въ смыслѣ ограниченномъ, должно однакожь сознаться, что оно слишкомъ одностороннее и представляетъ какую-то «замкнутость»...

— Дѣло вкуса, понятій, личныхъ и мѣстныхъ условій, спокойно вымолвилъ Петръ Петровичъ.

— Какъ можно сравнивать городъ съ деревнею — степью! воскликнула компаньонка.

— Зачѣмъ сравнивать? рѣшила молодая хозяйка. Сравненіе самый несправедливый способъ оцѣнки; въ ней всегда на одной, любимой сторонѣ, пристрастіе, которое непременно уронитъ другую. Въ деревнѣ хорошо лѣтомъ...

— Меня не поняли, или я дурно выразился, сказалъ старикъ съ

маленькимъ раздраженіемъ, показывавшимъ, что онъ начиналъ терять терпѣніе отъ частыхъ перерывовъ его исторійки.

— Я не говорилъ ни о городѣ, ни о деревнѣ, ни о шумной или тихой жизни; я говорилъ о собственности, кровномъ уголкѣ, честномъ наслѣдіи дѣда и отца, вблизи ихъ могилъ, въ мѣстахъ, гдѣ мы впервые увидѣли свѣтъ Божій, гдѣ протекло наше дѣтство, куда влекутъ насъ лучшія наши воспомнанія, гдѣ наконецъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пройдя разные пути и попробовавъ разныя забавы, поселяемся мы на постоянное жительство. По моему мнѣнію, повторяю, только сильныя причины могутъ принудить разстаться съ такимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ уголкомъ, особенно, если онъ, кромѣ даровъ природы и довольства, украшается милымъ существомъ. Вотъ почему я такъ хотѣлъ знать настоящія причины отсутствія моего крестника. Завтра, наединѣ, думалъ я, Надежда Николаевна вѣрно будетъ со мною откровеннѣе. Ужъ не денежные-ли какія-нибудь затрудненія? Любя крестника, какъ сына, я охотно устранилъ-бы ихъ маленькими моими избытками? А если она вздумаетъ секретничать, не рѣшится безъ мужа все довѣрить второму его отцу, такъ въ домѣ есть еще одно лицо, давно мнѣ извѣстное — отъ него довѣдаюсь. Да что-то старый знакомецъ не показывается Живъ-ли? Вотъ растворяются двери. Не онъ-ли? Нѣтъ, это Надежда Николаевна возвращается, и за нею тотъ-же, но уже не босой мальчикъ, что сторожилъ въ передней, тащитъ чай на подносѣ. Препней многочисленной прислуги не видать. Убралась-ли спать спозаранку, или здѣсь произошли большія перемѣны?

III.

Спустя около часа, проведеннаго въ незначительномъ разговорѣ о петербургскихъ новостяхъ, которыми интересовался Левъ Васильевичъ, Надежда Николаевна пригласила меня въ столовую. Послѣ ужина, далеко не роскошнаго, чувствуя утомленіе отъ дороги, я откланялся и отправился на покой въ предоставленную мнѣ угловую комнату. Лузиковъ тоже собирался во свояси, хотя дождь лилъ пуще и пуще. Еслибъ Владиміръ Андреевичъ былъ дома, то конечно пригласилъ-бы его переночевать во флигелѣ. Надежда Николаевна не догадалась подобнымъ предложеніемъ избавить молодого гостя отъ предстоявшаго ему неприятнаго пути.

Въ угловой комнатѣ, къ полному удовольствію моему, ожидалъ меня

тотъ давній знакомецъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, дворецкій Владиміра Андреевича, Пафнутьичъ. Ему было тогда лѣтъ подь семьдесятъ. Онъ сдѣлалъ съ отцомъ Владиміра Андреевича все походы, выросилъ его сына, и доживалъ у него вѣкъ, управляя домомъ и дворней. Голова его была гладка, какъ ладонь, а спина согнулась, какъ старое, кривое дерево.

— У васъ, Пафнутьичъ, что-то, кажется, не совсѣмъ ладно, сказалъ я, ложась въ постель и утоая въ пуховикахъ, настланныхъ, по заревенскому обычаю, чуть не съ гору...

— Охъ, батюшка, Борисъ Борисычъ, больно не ладно!

— Садись-ка, старинушка, и разскажи мнѣ все подробно, по порядку.

— Не долга, да не весела будетъ моя сказка, началъ Пафнутьичъ, отказываясь сѣсть и поправляя мои подушки. Первые три годка Владиміръ Андреевичъ прожилъ съ Надеждой Николаевной душа въ душу, радостно было смотрѣть на нихъ! И въ гости рѣдко ѣздили, вдвоемъ веселья доставало сердечнымъ. Только дѣтокъ Господь Богъ не посылалъ. На четвертый годъ Владиміръ Андреевичъ сталъ маленько скучать, раза два, три въ мѣсяць въ городъ отлучался, а въ ту пору поселился здѣсь, по сосѣдству, въ двадцати верстахъ... изволите знать, въ Зарубежь... Кубаркинъ, Нилъ Павлычъ, человѣкъ хорошій и съ достоинствомъ, да только удалецъ страшный, сорви-голова такая, что ужаси!.. Не запомните-ли, Борисъ Борисовичъ, Власа Сергѣича Кашкина — въ нашемъ полку служилъ... еще въ тринадцатомъ году подь Бауценомъ ранили?

— Какъ-же, очень хорошо помню... отчаянный храбрець, дуэлистъ, волокита...

— Ну-съ, такъ Кубаркинъ точно таковъ, и съ виду даже походить на Кашкина! Вершковъ одинадцати росту, усища рѣдкостные — шутя на ухо завертываетъ! Хватъ, нечего сказать, и силы необычайной, троихъ сломать ему ни почемъ! Познакомился съ Владиміромъ Андреевичемъ, сошлись, начали бывать другъ у друга частенько. Однажды не засталъ онъ барина дома... рекрутовъ ѣздилъ крестникъ вашъ сдавать въ городъ и дня два не возвращался. Въ головѣ-ли было у Нила Павлыча, или просто въ нее дурь такая вошла, только онъ осмѣлился подпустить барынѣ турусы на колесахъ, дерзнулъ дозволить себѣ о своемъ сердцѣ объясниться. Надежда Николаевна разсмѣялась, въ шутку эту глупость обратила, а потомъ, недѣли черезъ двѣ, шутя-же, утромъ, за чаемъ, пересказала супругу. Владиміръ Андреевичъ — это было при мнѣ — молча выслушалъ, не разсмѣялся, велѣлъ зало-

жить коляску, взялъ меня съ собою и покатишь въ Зарубежье. Къ полудню мы ужъ тамъ были, и встрѣтили Нила Павлыча выходящаго изъ дома на охоту съ ружьемъ и съ двумя пистолетами за поясомъ—такое у него обыкновеніе...

— Владиміръ Андреичъ быстро выпругнулъ изъ коляски и прямо къ нему, горячо что-то заговорилъ съ нимъ... я, признаться, хорошенько не разслушалъ: тугъ на ухо становлюсь, Борисъ Борисычъ...

— А! закричалъ Кубаркинъ во все горло (онъ уже былъ, видно, позавтракавши), — такъ ты, пріятель, пожаловалъ ко мнѣ удовлетворенія требовать? Изволь, любезнѣйшій!

Да такъ, батюшка, съ этимъ словомъ, и сунулъ ему пистолетъ въ руку!.. Владиміръ Андреичъ взялъ въ нерѣшимости. Крестникъ вашъ, сударь, извольте знать, не трусь, но душа у него добрая, и до человѣческой крови онъ не охотникъ. Нилъ Павлычъ продолжалъ орать, и раззадорилъ барина такъ, что они пошли въ ближнюю рощу стрѣляться..

Сердце у меня замирало. Я сталъ было ихъ уговаривать, бросился имъ въ ноги.. Куда! и слушать не хотѣли, прочь гнали...

— Ну?

— Пришли въ рощу... я за ними шагахъ въ десяти... дыханіе мое, чувствую, останавливается...

— Стрѣлай, говоритъ Кубаркинъ, стрѣлай, пріятель, первый! Всѣ преимущества тебѣ даю...

Рука у Владиміра Андреича дрожала... выстрѣлилъ... дымъ разсѣялся... Смотрю... Нилъ Павлычъ стоитъ себѣ живехонекъ и цѣлехонекъ, важно пріосанившись...

— «Промахнулся! сказалъ онъ. Теперь моя очередь...

Ни живой, ни мертвый, не слышалъ я земли подъ собою, и радъ бы былъ свою грудь подставить, вмѣсто бариновой.

Владиміръ Андреичъ поблѣднѣлъ, но спокойно ожидалъ выстрѣла.

Кубаркинъ долго цѣлился, то грозно посматривая, то странно улыбаясь.... цѣлился, цѣлился, напоследокъ вдругъ швырнулъ пистолетъ на землю, подошелъ къ Владиміру Андреичу, подаль ему руку и сказалъ:

— Не хочу стрѣлять въ тебя.

— А я не хочу твоей пощады, отвѣчалъ вашъ крестникъ. — Стрѣлай! Ты будешь хвастать, что оказалъ мнѣ великодушіе, сжалился надо мною....

— Сжалился!! воскликнулъ Нилъ Павлычъ и захохоталъ во всю рощу. — Не воробей ты, не повалился-бы отъ моего выстрѣла!... Ха, ха, ха!! Вѣдь пистолеты дробью заряжены.... Какова штука??

А ты принялъ за серьезное!... Полно, помиримся.... Вѣдь я люблю тебя, Володька, какъ брата.... Извини.... подурачились, и довольно!

У меня отъ сердца отлегло, и я полагалъ, что этотъ случай доброе будетъ имѣть послѣдствіе, разведетъ Владиміра Андреича съ проказникомъ Кубаркинымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ Андреичъ, недовольный и этою продѣлкою, и объясненіемъ Надеждѣ Николаевнѣ, сначала нехотя мирился, но Нилъ Павлычъ такъ его уластилъ, такимъ мелкимъ бѣсомъ передъ нимъ разсыпался, столько обнималъ и цѣловалъ его почти насильно, что онъ, по врожденной добротѣ, мало-по-малу сдался, согласился остаться обѣдать въ Зарубежѣ, и вскорѣ послѣ этой ссоры и мировой завязалась между ними дружба, хуже всякой ссоры.

Прошло мѣсяца два, три, и вотъ они дня уже не проводили разно. То у насъ Нилъ Павлычъ гостить, то баринъ у него по недѣлѣ проживаетъ. Кубаркинъ любитъ раздолье, разливанное море. Всѣ окрестные помѣщики къ нему собирались. Пошли пиры, да праздники на весь уѣздъ.... охотился, пили, играли въ карты, домашній балетъ смотрѣли...

Нилъ Павловичъ свой балетъ устроилъ, изъ кочующаго табора цыганъ и посадскихъ мѣщанокъ, которыя сами вызвались выплясывать...

Владиміръ Андреичъ не хотѣлъ отстать отъ сосѣда.

Такъ-то, говорю, отецъ мой родной, пошли у нихъ шумливыя обѣды, представленія разныя театерныя, кочеванья въ отѣзжихъ поляхъ и иныя потѣхи. Въ годъ, а въ полгода, крестника вашей милости узнать было нельзя, другой сталъ человѣкъ.... Надежда Николаевна много разъ принималась уговаривать его, плакала, больна становилась. И слова, и слезы ея пропадали даромъ. Потомъ, день ото дня, попривыкла, и въ здоровьи поправилась: баринъ, нечего противъ этого сказать, каждый разъ, какъ бывало она прихворнетъ, тотчасъ нарочнаго ѣздоваго въ городъ за лекаремъ; и лекарства докторъ прописывалъ....

Въ запрошломъ году, житьемъ-бытьемъ своимъ, Владиміръ Андреичъ всю деревню Терпѣлицы въ Опекунескій Совѣтъ заложилъ, а той зимою продалъ другую хорошую деревню, въ Осташковскомъ, и укатилъ съ Кубаринымъ въ Москву. Хотѣли послѣ масляницы домой быть, да о сѣ пору не ворочаются. Коли вѣрять слухамъ и молвѣ людской, кутятъ тамъ на пропалую....

— Худо, Пафнутычъ!... Ну, а этотъ, другой сосѣдъ, Лузиковъ, что-ли?

— Лузиковъ, Левъ Васильичъ. Этого грѣшно укорить, смиренный молодой человѣкъ.... онъ свойственникъ барину; и при немъ, и безъ него рѣдко здѣсь бывалъ.... пріѣдетъ на часокъ, привезетъ барынѣ книжки, и къ себѣ торопится. Родительница у него старуха хвора,

седьмой годъ изъ комнаты не выходитъ. Сегодня только, пережидая погоду, засидѣлся ... Запрягаютъ его лошаденокъ, дрянъ такая, что, пожалуй, не доvezутъ, посреди дороги стануть....

— Не богатъ развѣ?

— Какое богатство! тридцать бѣдныхъ дворовъ, земля плохая, почитай все болото, либо лѣсъ мелкій; ни на строеніе, ни на хорошіе дрова не годенъ. Кое-какъ перебиваются. А статья можетъ и разбогатѣть когда женитьбой — красивъ!

— Нынче, другъ Пафнютычъ, капитальныя невѣсты доходныхъ жениховъ ищутъ....

— Такъ, батюшка, такъ! Разсчетъ со всѣхъ сторонъ обуялъ.... времена тяжелыя неурожаи на людяхъ, на скотѣ и на плодахъ земныхъ разныя болѣзни ходять, какихъ въ старину и не слышали. За моремъ, сказываютъ, картофель съ язвами родится....

Старикъ мой разговорился. Отъ язвъ картофельныхъ онъ, малый бывалый и всего въ мѣрѣ насмотрѣвшійся, мало-по-малу, не хуже инаго философа книжнаго, перешелъ къ язвамъ и страстямъ человѣческимъ. Я видѣлъ, что онъ добровольно не кончитъ скоро своей полупростонародной, полугосподской философій, а мнѣ пора была успокоиться послѣ дороги: стрѣлки карманныхъ моихъ часовъ, которые, кажется, не бѣжали впередъ, показывали половину втораго....

— Ладно-ль, не ладно-ли, сказалъ я Пафнютычу: а соснуть надобно. Утро мудренѣе вечера. Авось завтра не придумаемъ-ли чего, какъ воротить крестника сюда, къ Надеждѣ Николаевнѣ, и на путь истинный....

Отпустивъ Пафнютыча, я потушилъ свѣчу и закутался въ одѣяло. Глаза мои смыкались, однакожь я не засыпалъ — видѣнное и слышанное не давало мнѣ покоя. Крестникъ былъ единственною моею привязанностью на землѣ, въ которую давно схоронилъ я всѣхъ, кого любилъ прежде и болѣе его. Привязанность эта имѣла основаніе въ благодарности и сознаниіи какого-то долга. Отецъ Владиміра Андреевича нѣкогда великодушно выручилъ меня изъ большой опасности и бѣды. Я провелъ бурную молодость, и въ свое время — могу сказать не хвастая хвастать тутъ не чѣмъ — былъ лихимъ, даже слишкомъ лихимъ хватомъ. Въ молдавскую компанію случилось со мною несчастіе. Увлеченный игрою, я спустилъ на бубновую тройку весьма значительную сумму денегъ, не мнѣ принадлежавшихъ. Дѣло выходило плохое. Оставалось выбирать между пистолетомъ, то-есть, между смертью, и крайне незавидными послѣдствіями въ живыхъ. Какъ христіанинъ, я разумѣется, отвергъ-бы малодушное и преступное самоубійство: но будущность моя была-бы надолго испорчена, еслибъ благородный товарищъ, отецъ Владиміра Ан-

дреевича, не предложилъ мнѣ рыцарской ссуды, безъ срока и безъ всякаго обязательства....

— Вчера, опять шепнулъ литератору блѣднолицый, объѣздилъ я весь городъ, всѣхъ знакомыхъ, пріятелей, друзей, и не могъ достать, подъ вексель, ста рублей серебромъ: пришлось заложить брилліантовую булавку и перстень....

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, продолжалъ Борисъ Борисовичъ, частями, выплатилъ я занятыя деньги: но уплата эта казалась мнѣ далеко не полною. Въ минуту избавленія товарищемъ отъ бѣды, внутренно я произнесъ обѣтъ, рано или поздно отплатить ему покрупнѣе. Увы, случая долго не представлялось. Бѣдный Андрей Сергѣевичъ окончилъ дни въ цвѣтушія лѣта, умеръ смертью храбрыхъ. Единственному сыну его осталось хорошее состояніе, онъ не нуждался: но теперь дѣла крестника, по разказу Пафнутьича, находились въ разстройствѣ, и я, лежа въ постели, обдумывалъ планъ, приводившій меня къ желанному исполненію давняго обѣта.... Вѣтеръ не переставалъ свистѣть въ ставни, и среди этого ночнаго концерта, то умолкавшаго, то усиливавшагося, на дворѣ послышалось вдругъ какое-то движеніе, похожее на медленный, тяжелый оборотъ колесъ въ вязкой грязи, и протяжно, дисгармонически закрипѣли ворота: Левъ Васильевичъ, напрасно переживавшій погоду, волею неволею отправлялся во-свояси.... Я повернулся на правый бокъ — я всегда засыпаю на правомъ, потому-что на лѣвомъ боку спать вредно—и тутъ ужъ ничего не помню. Разбитыя мысли мои уступили наконецъ чрезвычайному утомленію тѣла.... Безъ всякаго сомнѣнія я богатырски проспалъ-бы, по меньшей мѣрѣ, до полудня, еслибъ, передъ самымъ разсвѣтомъ, не разбудилъ меня сильный шумъ и стукъ въ домъ....

IV.

Сначала я полагалъ, что шумъ и стукотня происходили въ моемъ воображеніи, то есть, что мнѣ просто грезилось во снѣ: но, протеревъ глаза и уши, я убѣдился, что не обманываюсь, а слышу совершающееся въ явѣ — въ тишинѣ ночи, по всему дому, раздавался грубый мужской голосъ, сиплый, угрожающій крикъ. Заря чуть занималась на небѣ, однакожъ слабый полусвѣтъ прорывался уже въ окна, сквозь ставни, дурно припертыя и на половину изломанныя. Что за диковинка, словно въ заколдованномъ замкѣ или опустѣломъ, заброшенномъ жильѣ! думалъ

я, поспѣшно вставъ съ постели и одѣваясь.... Шумъ между-тѣмъ не понимается.... тихонько прохожу двѣ комнаты, отдѣлявшія угловую отъ гостиной, откуда онъ явственно приносился, останавливаюсь за полурастворенную дверь и вижу....

— Разбойниковъ? сардонически прервалъ блѣдный юноша, заложившій накануне перстель и брилліантовую булавку....

Вижу высокаго, толстаго мужчину, въ старой, довольно запачканной венгеркѣ, въ измятомъ кожаномъ картузѣ, изъ подъ котораго въ беспорядкѣ выставлялись длинныя, нечесанныя, черныя съ просѣдью волосы. Его чрезвычайно красное, угреватое лицо, налившіеся кровью глаза, крайне неблагообразныя, трактирныя хватки неприятно поразили-бы и днемъ, безъ печальности. Онъ являлъ собою типъ беспорядка. Въ одной рукѣ его была огромная палка: ею-то производилъ онъ странный, услышанный мною стукъ, безъ милосердія колотя этою дубинкою то по полу, то по стульямъ, трещавшимъ и падавшимъ отъ его безошадныхъ ударовъ. Въ другой рукѣ онъ держалъ коричневую лайковую перчатку, очевидно не съ его собственной, увѣсистой и жилистой руки. Передъ нимъ, въ ночномъ чепцѣ и распашномъ капотѣ, блѣдная, дрожа отъ страха и испугу, стояла Надежда Николаевна. Въ этомъ несчастномъ героѣ, точно нѣсколько походившемъ на разбойника, съ трудомъ и горестью узналъ я.... но узналъ не съ перваго взгляда.... милаго своего крестника, Владиміра Андреича, шесть лѣтъ тому, очень виднаго и привлекательнаго молодого человѣка. Теперь ему казалось за-сорокъ. Невоздержная жизнь быстро накинула на плеча его лишній десятокъ и расцвѣтила голову раннею сѣдиною....

— Вѣдь я писалъ, что буду сегодня, — вопилъ онъ, размахивая своею геркулесовскою палицей. А меня не ждали, не встрѣтили! не хотѣли ждать, не хотѣли встрѣтить!!

— Другъ мой, тихо и покорно отвѣчала Надежда Николаевна: повторяю, я не получала письма, о которомъ ты говоришь. Полтора мѣсяца я не имѣла о тебѣ никакого извѣстія.

— Насилу добудились, чтобъ ворота растворили, продолжалъ онъ орать, не слушая жену. Вы не могли, сударыня, распорядиться? Съ голоду умираю, а нѣтъ готоваго ужина?... Это я къ себѣ пріѣхалъ!... По счастью, у меня была съ собою мадера: а то окоченѣлъ-бы отъ холода, на дорогѣ....

По несчастью, съ нимъ была мадера: это слишкомъ замѣтно! подумалъ я.

— Ужинъ, или завтракъ, я велю сейчасъ приготовить, кротко ска-

зала Надежда Николаевна, всевозможно стараясь успокоить крѣпко негодующаго мужа. Нѣсколько минутъ терпѣнія... Позволь, я пойду приказать....

— Нѣтъ, погоди! ты мнѣ скажи сперва, чья это перчатка? А?

— Въ третій разъ ты спрашиваешь меня о ней, и въ третій разъ я отвѣчаю тебѣ, что эту перчатку, вѣроятно, забылъ или оброилъ здѣсь Левъ Васильевичъ Лузиковъ.... Боже мой, прибавила Надежда Николаевна вполголоса: онъ потерялъ разсудокъ, память, слухъ! Половины не слышитъ, не понимаетъ!

Но крестникъ мой, въ этотъ разъ услышалъ и понялъ, какъ можно было заключить изъ его восклицанія:

— Лузиковъ! зачѣмъ онъ сюда жалуется?

— Жалуется, конечно, потому, что онъ твой родственникъ....

Досада, гнѣвъ выразились въ этомъ отвѣтѣ бѣдной женщины. Она, въ свою очередь, начинала наконецъ терять терпѣніе, кротость....

— Родственникъ! презрительно повторилъ Владиміръ Андреевичъ, передразнивая жену. Седьмая вода на киселѣ.... а тебѣ въ какомъ онъ свойствѣ?

Надежда Николаевна вспыхнула, хотѣла что-то сказать, но Владиміръ Андреевичъ остановилъ ее вопросомъ:

— Когда здѣсь былъ Лузиковъ?

— Сегодня... то есть, вчера вечеромъ....

— А! такъ это его я встрѣтилъ верстахъ въ десяти отсюда?... Завязъ молодчикъ въ грязи.... ха, ха, ха! Въ темнотѣ наши экипажи чуть было не наткнулись одинъ на другой.... Ну, не зналъ я, что это онъ: вытащилъ-бы его изъ грязи!

— Вы сами все забрызганы.... посмотритесь въ зеркало....

Крестникъ машинально послушался, взглянулъ въ зеркало, и какъ-будто смутился....

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—проговорилъ онъ уже безъ крика, но съ горечью: я не похорошѣлъ. Не спорю, теперь найдутся покрасивѣе меня.... и я не ношу такихъ щегольскихъ перчатокъ....

Съ этимъ словомъ онъ бросилъ перчатку къ ногамъ жены, опустился на стулъ, подлѣ котораго стоялъ, облокотился обѣими руками на палку, и устремивъ глаза въ полъ, медленно вымолвилъ:

— Такъ вы вдвоемъ вечерокъ просидѣли?...

— Сначала вдвоемъ, а потомъ втроемъ, твердо отвѣчала Надежда Николаевна, постепенно вооружаясь мужествомъ и намѣреваясь, по видимому, дать сильный отпоръ мужу, мало щадившему ея доброту и нѣж-

ность. Жестокой ироніи и незаслуженной насмѣшкѣ она хотѣла противопоставить свою правоту и укоризну, болѣе основательную...

Владиміръ Андреевичъ быстро поднялъ голову и съ гнѣвнымъ удивленіемъ спросилъ:

— Втроемъ?

Мутный взглядъ его полубезмысленно блуждалъ по комнатамъ. Еслибъ у него не шумѣло въ головѣ отъ мадеры, которою согрѣвался въ дорогѣ, онъ, конечно, иначе-бы свидѣлся съ женою, послѣ продолжительной разлуки, и внутренно сознался-бы, что его принимали гораздо великодушнѣе, нежели онъ здоровался и чѣмъ стоило его поведеніе.

Я сообразилъ, что наступило время выйти изъ засады, для отклоненія излишняго объясненія и дальнѣйшихъ недоразумѣній между супругами. Еще нѣсколько неосторожныхъ, нетерпѣливыхъ словъ съ обѣихъ сторонъ, и могла послѣдовать сцена или развязка неумѣстно-драматическая. Въ домѣ суетились, бѣгали: но никто изъ слугъ, очень кста-ти, не показывался въ гостиной — боялись-ли барина съ грозною его дубинкою, или, просто, съ просонковъ, не знали за что приняться...

Незваннымъ примирителемъ выступилъ я изъ-за своей двери.

Неожиданное появленіе мое ошеломило крестника и пригвоздило его къ стулу, на которомъ онъ сидѣлъ.

Въ первую минуту, онъ, казалось, не вѣрилъ глазамъ своимъ, и при сомнительномъ свѣтѣ рождающагося дня, можетъ-быть, счелъ мою фигуру за привидѣніе, вызванное изъ прошедшаго въ обличеніе настоящему.

Съ возможно-суровымъ видомъ я стоялъ въ дверяхъ, ожидая привѣтствій смущеннаго домохозяина.

Убѣдившись наконецъ, что передъ нимъ явился не угрожающій при-зракъ, а крестный батюшка, довольно впрочемъ серьезный и вовсе не ласковый, Владиміръ Андреевичъ приподнялся было со стула: но напрасная попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ — какая-то тяжесть приковывала его къ мѣсту. Надежда Николаевна между-тѣмъ вышла изъ комнаты.

Я сдѣлалъ два шага впередъ. Тогда крестникъ повторилъ усиліе разстаться съ заколдованнымъ стуломъ — и оно, на этотъ разъ, оказалось удачнѣе. Замѣтно было намѣреніе его броситься ко мнѣ въ объятія, но встрѣченный имъ строгій мой взглядъ воспрепятствовалъ исполненію умильтельнаго замысла. Мы, однако-жъ, приблизились другъ къ другу до такой степени, что между нами пронеслась струя, примѣшавшая въ чистый, дѣвственный воздухъ гостиной частицы сильнаго спиртоваго гаса...

Владимиръ Андреевичъ не смѣло протянулъ ко мнѣ руку и полу-дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Такъ третій-то были вы, добрый Борисъ Борисовичъ?.. Значить, я разбудилъ васъ своимъ крикомъ, и вы слышали...

— Слышалъ, и знаю *все*...

Онъ уныло опустилъ голову, шатаясь прошелся разъ по комнатѣ, и потомъ, молча, сѣлъ на диванъ.

— Я помѣстился насупротивъ его, въ креслахъ, и въ немногихъ словахъ рѣзко далъ ему почувствовать крайнюю неутѣшительность нашей встрѣчи послѣ шестилѣтней разлуки.

Онъ не подымалъ своей опущенной головы, не оправдывался, и на требованіе мое откровенно признаться, что удерживало его въ Москвѣ съ прошлой зимы, отвѣчалъ:

— Не спрашивайте, Борисъ Борисовичъ!.. Я разоренъ... Кубаркинъ погубилъ меня... обыгралъ до чиста съ своей компаніей... Кромѣ этой усадьбы, теперь я ничего не имѣю...

Крестникъ сталъ ломать себѣ пальцы, машинально поднялъ включенную свою голову, и я увидѣлъ на лицѣ его выраженіе полного отчаянія.

Жалость закралась въ мое сердце.

— Худо, Володя, очень худо! сказала я. За прошедшее мы платимъ настоящимъ и будущимъ — это очень нерасчетливо!.. Но не предавайся безнадежности; еще не все погибло, и счастье не навсегда ушло отъ тебя. Въ жизни человѣческой много бываетъ оборотовъ, и кто, твердостью характера и убѣжденія въ прежнихъ ошибкахъ, сумѣетъ исправиться, того ожидаетъ, по-крайней-мѣрѣ, спокойная старость и тихая смерть...

Онъ отрицательно покачалъ головою, и сквозь зубы процѣдилъ: разстроенныя дѣла... долги...

— Разстроенныя дѣла можно мало-по-малу устроить, долги уплатить... Не убивайся слишкомъ, я помогу тебѣ... если только ты дашь мнѣ честное, благородное слово — исправиться, не кутить больше... не покидать кроткой, терпѣливой жены...

Владимиръ Андреевичъ не отвѣчалъ: онъ только сжалъ безмолвно мою руку, и слезы сверкнули въ его мутныхъ глазахъ. Онъ былъ уже въ тѣхъ позднихъ лѣтахъ, въ томъ зрѣломъ возрастѣ, когда не нуждаются въ длинныхъ нотаціяхъ, слишкомъ хорошо понимая, на сколько прощтыкнулись, и сколько зато заплатили. Мучительное раскаяніе изображалось во всѣхъ чертахъ его изнеможенного лица. Дальнѣйшія увѣщанія оказывались совершенно излишними, и я кротко посоветовалъ ему идти отдохнуть, чтобъ показаться къ обѣду въ лучшемъ видѣ...

Онъ медленно всталъ съ дивана, молча поклонился мнѣ, сдѣлалъ два шага къ двери, и вдругъ остановясь, спросилъ меня:

— А чтѣ, Борисъ Борисовичъ, скажете вы о перчаткѣ?

Горькая улыбка, что-то въ родѣ язвительной насмѣшки надъ самимъ собою, искривило его губы.

— Стыдись! Забытая перчатка годится только для романа...

— Кто-жъ мнѣ поручится, что тутъ не романъ, въ которомъ и трагическая, и комическая роль принадлежить...

Крестникъ не договорилъ и скрылся за дверью.

Воротясь въ свою угловую, я засталъ уже тамъ подносъ съ кофе, присланнымъ Надеждой Николаевной. Не знаю, завтракалъ-ли Володя, или неожиданная встрѣча со мною отравила его аппетитъ; но я съ удовольствіемъ выпилъ огромную чашку кофе и снова легъ спать, потому что было еще очень рано, и не мѣшало подкрѣпить силы отдохновеніемъ, прерваннымъ въ предутреннюю, самую пріятную пору сна. Въ этотъ разъ я насладился имъ вполнѣ, безъ помѣхи, и проснулся не ранѣе, какъ въ полдень...

Къ обѣду Владиміръ Андреевичъ явился вымытый, выбритый, причесанный, въ довольно опрятномъ коричневомъ сюртукѣ, замѣнившемъ прежнюю заливхатскую венгерку. Но не легко было, въ нѣсколько часовъ, смыть слѣды продолжительной разгульной жизни: при всей видимой заботливости крестника о своемъ туалетѣ, наружность его представляла мало привлекательности.

Что касается Надежды Николаевны, то, казалось, въ эти нѣсколько часовъ, она прожила цѣлый годъ скорби... щеки ее ввалились, какъ послѣ болѣзни, глаза опухли отъ слезъ, и подъ глазами образовались темносиніе полукруги...

Она почти ничего не говорила и принужденною улыбкою отвѣчала на предупредительность и ласки мужа, желавшаго, вѣроятно, загладить, привести въ забвеніе жестокия утреннія выходки...

Такъ было въ продолженіе всего остального дня.

На другой, на третій день онъ не переставалъ за нею покорно ухаживать: но та-же холодная улыбка, въ которой не много выражалось супружеской нѣжности и расположенія къ искреннему примиренію, увы! не общала Владиміру Андреевичу скорого прощенія...

На четвертый день пріѣхалъ Левъ Васильевичъ, пріѣхалъ проститься съ родственниками.

Онъ былъ одѣтъ по-дорожному, и говорилъ, что прямо отъ нихъ возвращается въ Петербургъ...

V.

Владиміръ Андреевичъ обошелся съ Лузиковымъ очень серьезно и церемонно, пуская въ разговоръ общія мѣста, которыя доказывали потерю имъ родственнаго мѣста въ сердцѣ хозяина, и не удержалъ его даже обѣдать. Впрочемъ, при прощаньи, они обнялись съ полнымъ приличіемъ, напечатлѣвъ другъ у друга на устахъ и щекахъ сухіе лобзанія....

Со стороны Льва Васильевича оставалось сказать послѣднія привѣтствія безмолвной Надеждѣ Николаевнѣ...

На лицѣ ея нельзя было не замѣтить нѣкотораго смятенія, при всемъ видимомъ желаніи ея казаться совершенно спокойною и равнодушною...

Крестникъ отворотился, когда Левъ Васильевичъ подошелъ къ ней, какъ подобаеть, поцѣловать ея руку.

Я стоялъ поодаль, но не сводилъ съ нихъ глазъ.

Протянутая къ нему рука Надежды Николаевны дрожала, будто въ лихорадкѣ, и поблѣднѣвшія губы ея тряслись.

Смущенный Лузиковъ медленно совершалъ обрядъ прощанія. Наконецъ онъ поднялъ почтительно-наклоненную голову и выпустилъ изъ руки своей руку Надежды Николаевны, которую она крѣпко сжала...

Можетъ-быть, я ошибся ... можетъ-быть, старые глаза меня обманули: но передъ ними мгновенно мелькнуло что-то бѣлое, похожее на свернутый лоскутокъ бумаги, поспѣшно скрытый въ крѣпко сжатой рукѣ.

Въ эту таинственную минуту, взглядъ мой случайно встрѣтился съ умоляющимъ, исполненнымъ глубокой тоски, взоромъ Надежды Николаевны....

Я сталъ нюхать табакъ, въ нѣсколько пріемовъ, и, кстати, противъ привычки, зачихалъ...

Спустя четверть часа, колокольчикъ уѣхавшаго сосѣда звенѣлъ уже за горою.

Молча прислушивался я, какъ звуки его постепенно замирали, приносясь дробными отголосками, которые то возвышались, то понижались, смотря по извилинамъ дороги, кружившей близъ дома, берегомъ ручья... Вдругъ они затихли, отрывисто умолкли, словно тройка остановилась, въ ложбинѣ, подъ горой, скрывавшей экипажъ Льва Васильевича...

Владиміръ Андреевичъ долго стоялъ у окна и, не говоря ни слова, барабанилъ пальцами по стеклу.

Надежда Николаевна, между-тѣмъ, спокойно уже сидѣла за своимъ рукодѣльемъ, и ея равнодушный, безпечный видъ начиналъ убѣждать меня, что мои старые глаза, настроенные мнительнымъ воображеніемъ, точно присмотрѣли лишнее, чего, статься можетъ, дѣйствительно и не было.

Я говорю о причудившейся мнѣ записочкѣ.

Къ обѣду пожаловала незваная и неожиданная гостья, помѣщица, жившая верстахъ въ тридцати и давнымъ-давно здѣсь не бывавшая — молоденькая, преинтересная вдовушка, остроглазая брюнетка, съ маливыми щечками, что, какъ извѣстно, довольно рѣдко у черноволосыхъ.

Надежда Николаевна очень ей обрадовалась и сдѣлалась повеселѣе. Онѣ сперва съ полчаса все чмокались, нѣжничали, а потомъ страхъ какъ разговорились... Онѣ когда-то вмѣстѣ учились и были пріятельцами. Звали ее Авдотьей Павловной.

Крестникъ мой послѣ обѣда, обыкновенно, уходилъ отдыхать, и спать, безъ просыпа, до поздняго вечера. Такъ стучилось и въ этотъ день. На дворѣ стояла погода тихая, сухая, слегка морозило, и повременамъ только перепадалъ мелкій снѣжокъ. Передъ закатомъ солнечнымъ, я предложилъ Надеждѣ Николаевнѣ и Авдотѣ Павловнѣ прогуляться, но обѣ очень вѣжливо отказались, подъ двумя несходными предлогами. Одна жаловалась на сильную головную боль, другая увѣряла, что утомилась тридцати-верстной поѣздкою, и «имѣетъ много переговорить съ Надеждой Николаевной», чему, вѣроятно, утомленіе не мѣшало. Въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ не переставали шептаться. Чтобъ не препятствовать имъ бесѣдовать громко, я охотно оставилъ ихъ и отправился на прогулку одинъ...

Ходилъ я часа два, побольше, безъ усталости и съ наслажденіемъ. Созерцая осеннюю природу, обошелъ все окрестности усадьбы, пробродилъ до самыхъ сумерекъ. Мысли мои занимали положеніе и отношенія этихъ трехъ лицъ: крестника, его жены и уѣхавшаго сосѣда Лузикова. Въ путаницѣ сбивчивыхъ гадательностей, мнѣ представилось, что новое, четвертое лицо Авдотьи Павловны очутилось тутъ не даромъ, что ея наружно-случайный пріѣздъ былъ въ связи съ отъѣздомъ Льва Васильевича....

Пафнутычъ мнѣ сказывалъ, что эта самая Авдотья Павловна другой годъ, какъ влюблена въ Лузикова, готова отдать ему свободу и свою родовую усадьбу, да не знаетъ, мила-ли она ему лично.

Вотъ я и вообразилъ, что Надежда Николаевна — тайная посредница между ними, что записка, тихонько вручейная первой, адресована была

къ Авдотѣ Павловнѣ, и что здѣсь дѣло идетъ, ни больше, ни меньше, какъ объ устройствѣ благополучнаго союза.

Находилъ я особенное удовольствіе такъ думать.

Не припомню, что еще мнѣ думалось, когда, на возвратномъ пути, пробираясь къ дому обширнымъ, густымъ садомъ, и проходя мимо стараго, полуразвалившагося павильона, я съ удивленіемъ услышалъ въ немъ шорохъ и голоса.

Что-бы это значило? сказалъ я про себя, и притаился за огромнымъ деревомъ, верхнія вѣтви котораго упали на крышу павильона.

— Уйдите!.. Бога ради, уйдите скорѣе!! — говорилъ одинъ голосъ. Я и то слишкомъ много едѣлала для васъ, рѣшившись на это странное, недобровольное свиданіе...

Послѣднія слова почти заглушены были порывомъ вѣтра, начинавшаго шумѣть подъ вечеръ. Явственно не могъ я различить голоса, произносившаго ихъ съ волненіемъ: но онъ, какъ казалось, принадлежалъ утренней гостьѣ...

Впрочемъ, женскіе голоса такъ схожи между собою, когда они трещутъ подъ вліяніемъ страсти или страха, когда изъ груди вырываются звуки неполные, удерживаемые, то черезъ чуръ искренніе, то мастерски притворные. Ночью, всѣ кошки сѣры, говоритъ пословица. А тогда наступала ночь. Въ саду почти совершенно стемнѣло.

— Уйдите, уйдите! О, за чѣмъ я пришла сюда, послушалась васъ!!

Эти слова произнесены были такъ тихо, что едва коснулись моего напряженнаго слуха.

— Могли-ли вы отказать мнѣ въ послѣднемъ утѣшеніи, въ единственной отрадѣ? отвѣчалъ другой голосъ, отнюдь не вводившій меня въ сомнѣніе. Воспоминаніе о настоящихъ минутахъ, которыя такъ быстро улетаютъ, продолжалъ онъ — и которыя вы такъ спѣшите сократить, сохранится въ моемъ сердцѣ до-тѣхъ-поръ, пока оно будетъ биться... Я не хотѣлъ оставить здѣшнихъ мѣсть, не сказавши вамъ, сколько васъ люблю... не хотѣлъ продолжать недоумѣнія... Ахъ, скажите, что и въ вашемъ сердцѣ есть отвѣтъ на это смѣлое признаніе, которое вы раньше должны были угадать?.. Истинное чувство скромно и молчаливо...

Новый Вертеръ, не кто иной, какъ Левъ Васильевичъ Лузиковъ, окольными путями воротившійся для этого поздняго свиданія, не скупился на пламенное изліяніе старыхъ истинъ...

Недоумѣніе? повторилъ я мысленно. Ну, такъ и есть: это совершенно согласно съ тѣмъ, что говорилъ Пафнутьичъ — проказить вдовушка!

— Я ничего не скажу вамъ, отвѣчала она: ничего не хочу, не должна угадывать ... Уйдите, бѣгите скорѣе отсюда!.. Можетъ быть, Владиміръ Андреевичъ проснулся... Неужели вы хотите меня компрометировать, сдѣлать изъ меня басню, на потѣху цѣлаго уѣзда?

Лицемерка! цѣлый уѣздъ знаетъ о ея влеченіи къ этому красавчику, а она хитритъ, *его* обвиняетъ? О коварныя женщины! Послушайте, что еще сказала она:

— Развѣ вамъ мало моего вынужденнаго повиновенія? Какъ вы осмѣлились писать ко мнѣ, требовать этого свиданія? Съ какого повода взялась у васъ такая неслыханная дерзость?.. Еслибъ я могла отвѣчать вамъ, вы услышали-бы отъ меня: «Не смѣйте возвращаться!»! И если теперь я здѣсь, наединѣ съ вами, противъ всякаго съ моей стороны желанія, такъ для того только, чтобъ васъ не замѣтили, не поймали, блуждающаго, какъ ночнаго вора, или чтобъ это безвинно не упало на другую... Короче, я пришла сюда изъ жалости...

— Изъ жалости ... только изъ жалости?

— Только ... Уйдите-же, говорю вамъ ... ни слова болѣе ... прощайте!.. Больше также ко мнѣ не пишите: письма ваши останутся безъ отвѣта ...

— Бѣгу.... я понимаю вашу возвышенную строгость... но, на прощанье, на разлуку ... одинъ поцѣлуй?

— Никогда!.. Вы съума сошли, *господинъ* Лузиковъ!!

Разговоръ прекратился этимъ жесткимъ восклицаніемъ справедливаго негодованія. Потомъ, въ полумракѣ, въ засадѣ за своимъ деревомъ, увидѣлъ я, какъ она бросилась изъ растворенныхъ, едва державшихся на петляхъ, дверей павильона и опрометью побѣжала къ дому.... Ее провожалъ глухой, болѣзненный стонъ Льва Васильича. Схватившись рукою за грудь, будто раненую, онъ съ минуту простоялъ неподвижно у выхода изъ этой вѣтхой бесѣдки ипотомъ медленно вышелъ изъ сада...

Черезъ часъ Надежда Николаевна лѣниво разливала чай въ столовой. Въ чертахъ лица ея выражалась какая-то апатія. Авдотья Павловна болтала безъ умолку, спокойно, какъ ни въ чемъ не бывалая, рассказывая уѣздныя новости. Я любовался ея беззаботностью и рѣзвою веселостью, происходившими, по мнѣнію моему, оттого, что ей вполнѣ удалась недавняя продѣлка, которою она такъ ловко довела Лузикова до желаемаго признанія, разыгравъ роль жертвы, въ сценѣ, самой ею устроенной. Владиміръ Андреевичъ слушалъ гостю разсѣянно, зѣвая и протирая заспаннныя глаза. Мысль его была обращена къ иному предмету. Спросивъ, есть-ли дома ромъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ чрезвычайно ласково попросилъ Надежду Николаевну сдѣлать

ему стаканъ пунша. Остатокъ вечера провели мы за ломбернымъ столомъ, играли въ преферансъ. Авдотѣ Павловнѣ везло: она всѣхъ ремизила и пропасть навистовала, располагая своими картами съ большимъ опытомъ и искусствомъ. Хозяйкѣ, напротивъ, не счастливилось; сверхъ того, она безпрестанно ошибалась — объявляла игру въ червахъ, когда у нея были на рукахъ пики; торжественно провозглашала семь или восемь, не имѣя трехъ вѣрныхъ взятокъ; сбрасывала трефы вмѣсто бубень, оставляла на рукахъ прикупку, и наконецъ разсердила мужа крайнею невнимательностью къ игрѣ. Крестникъ и со мною чуть было не поссорился за одинъ, точно непростительный ренонсъ. Я не люблю преферанса, предпочитая ему старинные вистъ и бостонъ, которые, рано или поздно, вступятъ въ свои прежнія права. Преферансъ, папирасы и лакированные сапоги, повѣрьте мнѣ, не переживутъ мудраго поколѣнія, пустившаго ихъ въ ходъ ...

VI.

Эта, конечно, односторонняя выходка возбудила гримасу блѣдно-лицаго юноши и вызвала замѣчаніе литератора въ томъ смыслѣ, что еще вопросъ: совершенствоваться-ли, мельчать-ли будутъ грядущія поколѣнія, если только преферансъ, папирасы, лакированные сапоги, галстухи на пружинахъ — одни заблужденія, а не полезныя и пріятныя изобрѣтенія ...

Не входя въ разбирательство и дальнѣйшее развитіе этого гибкаго и многосложнаго вопроса, Борисъ Борисовичъ обратился непосредственно къ своему разсказу слѣдующимъ крутымъ поворотомъ, опускавшимъ подробности остальнаго пребыванія его въ усадьбѣ крестника:

— Вопреки ожиданію, дѣла по наслѣдству задержали меня въ бѣлокаменной гораздо долѣе, нежели я предполагалъ. Кромѣ того, я случайно встрѣтился тамъ съ нѣсколькими давнишними пріятелями, сослуживцами.

Великое, едва-ли не единственнае утѣшеніе на старости — неожиданно, сюрпризомъ, столкнуться съ людьми, напоминающими намъ лучшую пору жизни, ея увядшія радости и даже горести, въ отдаленіи времени потерявшія свою ѣдкость и горечь ...

Въ хлопотахъ по дѣлу, въ свиданіяхъ и душевныхъ бесѣдахъ съ старыми друзьями, я не видѣлъ, какъ пролетѣли зима и половина лѣта. Только въ августѣ выбрался я наконецъ изъ Москвы, поѣхалъ, по

обыкновенію моему, на долгихъ и, подъѣзжая къ Твери, опять свернулъ на знакомый проселокъ ...

Мнѣ хотѣлось собственными глазами удостовѣриться, держитъ-ли слово крестникъ, занялся-ли онъ поправленіемъ и устройствомъ своихъ запущенныхъ дѣлъ; возвратилась-ли къ нему привязанность жены, снѣдаемой змѣемъ тайной печали и томленія, который, въ дни уединенія и продолжительнаго отсутствія мужа, незамѣтно подползъ къ ея уязвленному сердцу, и точитъ его жестоко ...

Не скрою, меня интересовали и послѣдствія романической затѣи Авдотьи Павловны — желалось знать, въ какомъ положеніи ея сердечныя дѣла, и вообще, что дѣлается въ тѣхъ невѣдомыхъ міру, но не чуждыхъ мнѣ мѣстахъ ...

И мое стариковское сердце билось неровно при въѣздѣ въ усадьбу крестника, въ прелестный роскошный вечеръ. Подъ свѣтлымъ, яснымъ небомъ не висѣло ни одного облачка; во всей природѣ была такая тишь и благодать, что душа сладостно молилась и чувство наполнялось неисповѣдимымъ блаженствомъ. Для моихъ лѣтъ нѣтъ ничего лучше красотъ природы ... можетъ быть, и потому, что скоро перестану ее видѣть ...

На крыльцѣ встрѣтилъ меня дряхлый, сгорбленный Пафнутьичъ.

Вопросы готовы были сорваться съ языка моего: но, внимательно взглянувъ на старика, я счелъ излишнимъ спрашивать — его отчаянный видъ, его выразительный жестъ все сказали ...

— Владиміра Андреича нѣтъ дома, промолвилъ Пафнутьичъ тихо, со вздохомъ. Онъ у Кубаркина.

— У Кубаркина?!

— У него, злодѣя, батюшка Борисъ Борисычъ ... Помирились послѣ какой-то сдѣлки, и снова сошлись ...

— Обижаетъ жену крестникъ?

— Грѣхъ сказать, не обижаетъ; а иногда, недѣли по двѣ, по три, дома не живетъ.

— Не пьетъ, по-крайней-мѣрѣ?

Пафнутьичъ, вмѣсто отвѣта, безнадежно махнулъ рукой ...

— А эта вдовушка, Авдотья Павловна?

— Съ-тѣхъ-поръ не была здѣсь.

— А молодчикъ, Лузиновъ, Левъ Васильичъ?

— Съ-тѣхъ-поръ о немъ ни духу, ни слуху; въ Питерѣ проживаетъ ...

— А Надежда Николаевна?

— Надежда Николаевна, слава Богу, здорова ... у себя, дома ... в саду ... Доложить прикажете?

— Нѣтъ, не надобно: я сама пойду къ ней ...

Садъ представлялъ не суровую ноябрьскую картину; деревья его, уныло стоявшія тогда съ сухими вѣтвями, безъ листьевъ, раскидывались теперь, во всей красѣ, темнозелеными, пушистыми вершинами; цвѣты и высокія растенія разносили по аллеямъ упоительный аромат и въ дальнемъ углу живо распѣвала малиновка. Только одинъ павильонъ сохранялъ свою прежнюю, осеннюю наружность. Угрюмый, еще болѣе развалившійся, наклоненный на бокъ, онъ, казалось, поддерживался смежнымъ деревомъ, которое густою зеленью своею покрывало его полусогнившую крышу.

За этимъ-то самымъ деревомъ подстерегъ я, невыходившее у меня изъ головы, эксцентрическое объясненіе Льва Васильевича, и здѣсь-то, въ этомъ самомъ павильонѣ, нашелъ я теперь бѣдную, одинокую Надежду Николаевну. Предупредительный супругъ не позаботился ни построить для нея новую бесѣдку, ни поправить старую.

Епрочемъ, внутри павильона было лучше, нежели снаружи; на стѣнахъ второй его комнатки кое-какъ держались еще обои, нѣкогда дорогие; посрединѣ, противъ дверей, помѣщался довольно опрятный диванъ, гдѣ сидѣла Надежда Николаевна, также, какъ и въ первый прїѣздъ мой, удивленная и смущенная неожиданнымъ моимъ появленіемъ; подлѣ нея, на кругломъ столѣ, у рабочаго ящика, лежала развернутая книга, изъ подъ которой выставлялся край какого-то письма. Надъ окномъ колыхалась опустѣлая клѣтка, но окно установлено было горшками съ розами.

Увы! розы совсѣмъ слетѣли со щечекъ моей красавицы. Въ протекшіе восемь мѣсяцевъ она очень, очень измѣнилась; худоба и блѣдность ея поражали, а въ глазахъ выражалось столько безотрадной тоски, что на нее нельзя было смотрѣть безъ состраданія. Казалось, она угаснетъ прежде, чѣмъ увянутъ эти розы въ горшкахъ ...

Ни одной жалобы, однакожъ, ни малѣйшаго сѣтованія, не сорвалось съ ея губъ, поблекшихъ и пересохшихъ. Пафнутьичъ сказалъ, что она здорова: я видѣлъ, что она больна и влачитъ горькое, тяжелое существованіе ...

Она предложила мнѣ послать нарочнаго къ Кубаркину, за Владиміромъ Андреевичемъ — но я отговорилъ ее, увѣряя, что не могу оставаться долѣе часа, чрезвычайно спѣшу въ Петербургъ. Узнанное мною отъ Пафнутьича вовсе не подстрекало меня къ бесполезному, неприятно-

му свиданію съ крестникомъ, пронашимъ человѣкомъ, который, погибая самъ, губилъ, вмѣстѣ съ собою, и жену.

Надежда Николаевна не настаивала на своемъ предложеніи. Къ намъ въ павильонъ принесли чай, и черезъ часъ я съ нею простился, крѣпко пожавъ ей руку, мысленно пожелавъ ей терпѣнія, силы и твердости... Зачѣмъ мнѣ было оставаться долѣе? Если мы не можемъ помочь чужому горю, должно-ли отравлять имъ собственную душу?

Погода и природа были тѣ-же, когда я выѣзжалъ изъ усадьбы крестника. Тотъ-же прелестный вечеръ облекалъ живописную окрестность, и картина была еще великолѣпнѣе, озаренная пурпурнымъ закатомъ солнца, спускавшагося за горою; крестьяне весело возвращались съ полевыхъ работъ, и даже слышалась вдали звонкая пѣсня сельской примадонны, которой дружно подтягивали провожавшіе ее добрые ребята. Но, послѣ свиданія съ Надеждой Николаевной, придорожные виды приняли, въ глазахъ моихъ, какой-то меланхолическій колоритъ, и на эти улыбающіяся поля, окоймленные лѣсомъ и рѣчкою, словно, кто-то набросилъ вдругъ полупрозрачный креповый покровъ. Въ сторонѣ лишь бѣлѣла каменная церковь съ окружающимъ ее погостомъ, усѣяннымъ простыми могилами и сѣрыми деревянными крестами. Это тихое, бѣдное кладбище, разбросанное по косягору, мрачно выступало изъ обширнаго рисунка всей окрестности и, казалось, царствовало надъ ней. Невольно впалъ я въ тоскливую задумчивость. Такъ, всегда, отъ личныхъ впечатлѣній нашихъ зависитъ взглядъ на предметы: счастливцу и въ тучахъ сіяютъ привѣтные лучи; печальный вездѣ видитъ тѣни и черныя полосы...

Прошло два года. Я часто вспоминалъ... не крестника — онъ не стоилъ участія — а несчастную жену его... часто воображалъ ее одиноко сидящею въ павильонѣ или своей спальнѣ; съ книгою или какимъ-нибудь вышиваньемъ въ рукахъ, зачахшую, подурнѣвшую, старѣющую преждевременно...

Черезъ два года получилъ я отъ Пафнутыча письмо, которое, впрочемъ, не изумило меня, а прошедшею весною, въ англійскомъ магазинѣ, встрѣтилъ я Льва Васильевича Лузикова... съ прехорошенькою дамочкой, такую розовой и веселой...

— Вотъ мужчины! прервала компаніонка. Ихъ клятвы не прочтѣе блондъ и кружева, ихъ постоянство измѣнчивѣе моды или цвѣтовъ радуги!.. Въ деревенской глуши, судя по началу разсказа вашего, онъ, казалось, заинтересовался бѣдною женщиной, забытою, покинутою мужемъ... можетъ-быть, нарушилъ холодный покой ея сердца, которому потомъ жестоко довѣрилъ взаимную склонность къ другой — и, обма-

нывая обѣихъ, въ Петербургѣ разгуливаетъ по магазинамъ съ хорошенькимъ дамами ...

— Эта хорошенькая дамочка, розовая и веселая, — продолжалъ Борисъ Борисовичъ, — была, однакожь, не кто иная, какъ...

— Авдотья Павловна? предупредила та-же восклицательница.

— Нѣтъ, сама Надежда Николаевна, безстрастно добавилъ старичекъ.

— Вотъ что!.. Какъ-же это случилось, что и она, въ свою очередь, покинула мужа? спросилъ наконецъ и безмятежный Петръ Петровичъ.

— Очень просто ... они разстались навсегда ... Дѣлать было больше нечего ... Пафнутьичъ, за черною печатью, увѣдомлялъ меня, что разъ, въ полночь, привезли Владимира Андреевича отъ Кубаркина, какъ говорится, безъ языка. Крестникъ мой докутился. Ночью-же поскакали два гонца, одинъ въ городъ къ доктору, другой въ село къ священнику. Священникъ, разумѣется, пріѣхалъ прежде. Приближались предсмертныя минуты внезапно заболѣвшаго... Его, по выраженію просторѣчія, хватилъ кондрашка; ему оставалось нѣсколько часовъ для молитвы и покаянія... «Прости, Надя!» невнятно, съ неимовѣрнымъ усиліемъ, сказалъ онъ женѣ, не отходившей отъ его постели: «я много, другъ мой, виноватъ передъ тобою» — и до послѣдняго вздоха держалъ ея руку въ своей хладѣющей, судорожно дрожавшей рукѣ. Онъ страдалъ не долго, но жестоко (если только минуты страданія тянутся не продолжительнѣе цѣлыхъ дней счастья и наслажденія), и къ разсвѣту отдалъ душу Богу. Утромъ нахлынули ближайшіе сосѣди ... въ деревняхъ всякія вѣсти и новости сообщаются съ быстротою подземнаго телеграфа, который пролагается тамъ чрезъ огороды, пашни и мельницы, несясь, какъ стрѣла, на крыльяхъ безостановочной бабьей передачи ... Къ обѣденной порѣ весь домъ наполнился опечаленными помѣщиками и помѣщицами. Лица всѣхъ, выражали трогательное участіе и глубочайшее соболѣзнованіе. Дамы обливались слезами, сжимая въ объятіяхъ юную вдову. Нилъ Павловичъ Кубаркинъ распорядился погребеніемъ. «Не безпокойтесь, сударыня! Вамъ не до того!» — говорилъ онъ Надеждѣ Николаевнѣ. — «Это ужъ мое дѣло! Я похлопочу обо всемъ: сослужу другу послѣднюю службу!»

Такъ-то, батюшка, Борисъ Борисычъ, — заключалъ Пафнутьичъ свое подробное извѣщеніе — такъ скоростижно кончилъ жизнь вашъ крестникъ! Горько плакалъ я, старикъ, когда его опускали въ раннюю могилу. Плакала и барыня, — плакала, сударь, непритворно. Мертвому, обыкновенно, все прощается, и помнишь о немъ только доброе.

А Владиміръ Андрейчъ, во истину, добрый былъ человѣкъ, и вѣка ему не было-бы, если-бъ не спойлъ его злодѣй Кубаркинъ..

Надежда Николаевна, слѣдуя общему уставу, надѣла трауръ, и ровно годъ свято чтитъ память покойнаго мужа, каковъ-бы онъ ни былъ. По прошествіи года, отслужила она прощальную панихиду на могилѣ Владиміра Андреевича, украшенной мраморнымъ монументомъ, нарочно выписаннымъ изъ столицы, продала усадьбу, гдѣ все напоминало ей послѣдніе тоскливые годы, переселилась въ Петербургъ и вышла за Льва Васильевича...

— Что-жъ изъ всего этого слѣдуетъ? язвительно спросилъ тощій насмѣшникъ, по примѣру тонкихъ журнальныхъ критиковъ, отыскивая въ простомъ разсказѣ старичка, какъ въ печатной повѣсти, предварительно заданной темы и психологической идеи. — Да, что изъ всего этого слѣдуетъ? повторилъ онъ съ достоинствомъ и миною философа.

— Ничего... я только вспомнилъ, по случаю сегодняшней погоды, разсѣянно отвѣчалъ Борисъ Борисовичъ, старательно доставая изъ за-пасливаго кармана свои огромные золотые часы, показывавшіе полночь.

А погода не унималась; крупный и частый дождь не переставалъ дробить въ окна, и стекла по прежнему дребезжали отъ вѣтра да по временамъ слышалась еще вѣстовая пушка, сторожившая высокія волны Невы...

Петръ Петровичъ пригласилъ гостей въ столовую.

— Я рада, Борисъ Борисовичъ, — сказала хозяйка за ужиномъ, послѣ втораго блюда, — я рада, что исторія ваша кончилась свадьбою, и Надежда Николаевна, во второмъ супружествѣ, будетъ счастливѣе...

— Это еще вопросъ: кто поручится, что и Левъ Васильевичъ, со временемъ, также не сопьется, — саркастически возразилъ неумолимый молодой человѣкъ, наливая себѣ полный стаканъ хереса и умильно поглаживая на кокетливую компаніонку.

— Будущее закрыто, — рѣшилъ двумя словами флегматическій хозяинъ: любопытство дозволяется только въ отношеніи къ прошедшему или настоящему, и въ этомъ смыслѣ я осмѣлился-бы напоминать почтенному Борису Борисовичу объ одной особѣ его разсказа, именно объ Авдотѣ Павловнѣ. Не ширмами-ли поставлена она въ-самомъ интересномъ мѣстѣ приключенія?

— Авдотья Павловна лицо вводное, — замѣтилъ ли тераторъ: оно если не ошибаюсь, было причиною маленькаго недоразумѣнія со стороны Бориса Борисовича...

Утомленный разска зчикъ, занятый въ это время крылышкомъ ряб-

чика, не спѣшилъ отвѣчать, но значительно улыбнулся, какъ умѣютъ улыбаться старики, когда въ мысляхъ ихъ и не таится важнаго.

— Авдотья Павловна, — сказалъ онъ, спустя минуту и раздѣлавшись съ рябчикомъ, — Авдотья Павловна тоже вышла замужъ, тоже живетъ въ Петербургѣ; и даже въ одномъ домѣ съ пріятельницей своей, Надеждой Николаевной. Недавно я обѣдалъ у Лузиковыхъ. Послѣ обѣда пришла къ нимъ Авдотья Павловна съ своимъ мужемъ. Молодые супруги засѣли въ пикетъ, а я подсѣлъ къ ихъ женамъ, которыя очень заботливо толковали о новыхъ осеннихъ нарядахъ. Такъ какъ односторонній разговоръ этотъ мнѣ не слишкомъ нравился, то я, желая дать ему другой оборотъ, прервалъ его замѣчаніемъ, что онѣ въ деревнѣ не были такими записными модницами.

— Деревня глушь: тамъ не для кого рядиться, безопасно бросила мнѣ въ отвѣтъ Авдотья Павловна.

— Деревенскій садъ не Каменный островъ, не Петергофъ, — прибавила Надежда Николаевна.

— Особенно твой тогдашній садъ, Nadine, съ полуразрушеннымъ павильономъ, который такъ и грозился раздавить того, кто вздумалъ-бы въ немъ пріютиться.

— А можетъ-быть, — вмѣшался я, лукаво взглянувъ на Авдотью Павловну, — можетъ-быть, въ немъ нѣкогда и находили пріютъ, и въ майское утро ... и въ темный ноябрскій вечеръ... Можетъ-быть, въ этой старой бесѣдкѣ не разъ произносились страстные обѣты, отвергаемые съ негодованіемъ, искреннимъ, или принужденнымъ ... потому обстоятельства измѣнялись, дѣлаемы были другіе выборы или невольные уступки счастливой, предпочтенной впоследствии соперницѣ...

Авдотья Павловна слушала съ удивленіемъ іероглифическій монологъ мой и смотрѣла на меня страннымъ, вопросительнымъ взоромъ.

Я оборотился къ Надеждѣ Николаевнѣ.

Щеки ея горѣли пунцовымъ румянцемъ, и я опять встрѣтилъ знакомый, умоляющій взглядъ, напомнившій мнѣ тотъ день, когда Левъ Васильевичъ прощался съ нею, уѣзжая изъ деревни, а покойный мужъ ея барабанилъ пальцами по стеклу...

И припомнился мнѣ, со всеми подробностями, вечеръ того дня, и моя прогулка, и разговоръ, подслушанный за деревомъ, и пуншъ Владиміра Андреевича, и ремизы Надежды Николаевны.

И вспомнился другой вечеръ, въ августѣ, когда, на обратномъ пути изъ Москвы, не заставъ Владиміра Андреевича, я пробылъ съ часъ въ павильонѣ, гдѣ тосковала одинокая жена его.

И какъ будто-бы снова видѣлъ я рабочій ея ящикъ, развернутую книгу и выставившейся изъ-подъ нея край какого-то письма...

И представилось мнѣ, будто еще разъ ѣду я изъ ихъ усадьбы, созерцаю окрестность ея, подернувшуюся флеромъ, и глядя на бѣлую церковь погоста, гдѣ теперь, среди могильныхъ холмовъ крестьянскихъ, возвышается богатый монументъ...

И стало мнѣ грустно, тяжело, и такъ жаль крестника.

Б. Л.

II.

ГОШОЖА ДЕ-ЛИНАНЪ.

РОМАНЪ

МАРИИ ЭКАРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Г. де-Линанъ заказалъ проигранный обѣдъ. Шестъ человекъ составили небольшой кружокъ въ одной изъ залъ извѣстнаго ресторана *Провансальскихъ Братьевъ*. И тутъ, среди гастрономическихъ чудесъ минувшей эпохи, когда особенно уважали цыплятъ, приготовленныхъ à la *Маренго*, эти шесть обѣдалъ рвали на части репутацію г-жи Норбертъ, которая, какъ они говорили, разорается въ конецъ, чтобы поддерживать кредитъ молодого негодя.

— Я третьяго дня выигралъ сорокъ тысячъ франковъ у молодого Мейрана, говорилъ полковникъ:— а вамъ извѣстно, что Мейранъ получаетъ не болѣе пяти сотъ франковъ и что ему отецъ не даетъ ни гроша. Между-тѣмъ, онъ мнѣ заплатилъ на другой-же день всѣ деньги сполна, съ исправностію казначея.

— Вѣрно у него есть волшебный фонарь, злобно произнесъ Анатоль.

— Нѣтъ, но у него есть кредитъ, возразилъ полковникъ: — такъ, по-крайней-мѣрѣ мнѣ рассказывали. Г. Линанъ, вѣдь вы знаете г-жу Норбертъ?

— По несчастію, господа, отвѣчалъ Анатоль, обращаясь ко всему обществу: — мой дядя думалъ-было меня женить на ней; къ счастію, свадьба не состоялась....

— Въ такомъ случаѣ, вы должны знать ея состояніе и можете намъ объяснить, на долго-ли его хватить гулякѣ Эрнесту?

— Да, пожалуй, на шесть или много на семь лѣтъ достанетъ. А потомъ — ей придется уѣхать въ Англію, или искать себѣ мѣста компаньонки. Она можетъ преподавать дѣтямъ уроки французскаго языка или первоначальныя правила музыки.

Анатоль пересказывалъ вездѣ, гдѣ бывалъ, анекдотъ о Мейранѣ и Жюльеттѣ, и вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Эрнестъ Мейранъ проигрываетъ въ карты огромныя суммы и что г-жа Норбертъ ихъ уплачиваетъ. Слухъ этотъ достигъ до министра; но какъ тѣ, о комъ распространяютъ дурныя слухи, обыкновенно узнаютъ ихъ послѣ всѣхъ, то и Жюльетта ничего еще не знала.

Одинъ остроумный писатель, соперникъ Аддисона, именно Жуи, утверждалъ, что страсть французскихъ дамъ къ шалямъ родилась еще въ началѣ XIX столѣтія; это было, такъ сказать, слѣдствіемъ египетской кампаніи. «Наши офицеры, грозные побѣдители мамелоковъ, возвращаясь изъ Каира и Розетты, привезли съ собою множество восточныхъ тканей и раздарили ихъ знакомымъ дамамъ. Это было паденіемъ искры на груды пороха. Всѣ дамы разгорѣлись страстью къ шалямъ. Онѣ продавали свои брильянты, чтобы пріобрѣсть дорогія произведенія изъ шерсти тибетскихъ козъ». Жуи рассказываетъ, что нѣсколько грязныхъ турокъ, одѣтыхъ въ рубища и бродящихъ по улицамъ Парижа, были очень удивлены, когда имъ за ихъ поясы и чалмы предложили пригоршни золота. У Жозефины были чудесныя шали; всѣ придворныя дамы старались ей подражать, а отъ нихъ эта новая страсть распространилась во всѣ слои общества. Жены банкировъ никуда не показывались иначе, какъ съ этимъ украшеніемъ, которое въ то время стоило несмѣтныхъ денегъ. Прелестницы театра дарили своими улыбками только того, кто могъ надѣлать ихъ шалью. Г-жа Норбертъ, какъ богатая женщина, также запаслась шалью. Одна модистка принесла ей однажды черный кашемиръ, до того шелковистый и легкій, что его можно было свернуть и просунуть въ кольцо, и въ то-же время онъ былъ такъ великъ, что закутывалъ ее совершенно съ головы до ногъ. Шаль эта

была привезена прямо изъ Кашемира, и, по увѣренію модистки, служила чалмою дельійскому раджѣ. Подобной шали невозможно было найти по всей Франціи.

Жюльетта любовалась шалью, взвѣшивала ее на рукѣ, примѣряла; болѣе всего она восхищалась ея пальмовой бахромой, и изящной розеткой, которая на самой срединѣ вышукло обозначалась на черномъ фонѣ. Нельзя было сомнѣваться въ происхожденіи шали: красота ея была неслыханная. Стыдясь своей расточительности, Жюльетта, зажмуря глаза, отдала деньги модисткѣ. Когда Жюльетта явилась въ своей обновкѣ въ большомъ свѣтѣ, шаль возбудила всеобщее удивленіе.

— Откуда вы ее достали? Что она вамъ стоила? спрашивали ее въ одинъ голосъ.

Жюльетта охотно рассказывала исторію своей шали, сотканной въ Кашемирѣ, однажды надѣтой индійскимъ раджею, потомъ подаренной султаншѣ и наконецъ привезенной въ Европу старымъ евреемъ.

Парижскія дамы того времени имѣли еще другую страсть, которая была сильнѣе первой: матушки приходили въ восторгъ отъ актера Моле; дочери восхищались игрою актера Эльвиу. Дѣйствительно, онъ былъ прекрасно сложенъ, имѣлъ наружность привлекательную и выразительное лицо. Кромѣ того, онъ былъ отличный актеръ и восхитительный пѣвецъ, не столько по обширности голоса, какъ по глубокому знанію музыки и по вѣрности, съ какою онъ умѣлъ согласовать игру съ пѣніемъ. Въ обществѣ Эльвиу былъ самый образованный, свѣтскій человекъ. Притомъ онъ былъ очень богатъ.

Въ одно прекрасное утро, почти около полудня, Линанъ увидѣлъ маленькую карету, ѣхавшую по поправленію къ кварталу Тампля. Въ углу кареты сидѣла женщина; она показалась Анатолю г-жею Норбертъ: тѣ-же черты лица, тотъ-же высокій лобъ и смѣлый взглядъ. Она была въ утреннемъ капорѣ изъ зеленой шелковой матеріи; этого рода шляпки назывались *calèche*. Дама замѣтила Анатоля и быстро опустила голову.

— Это она! подумалъ Анатоль:—ей хочется, чтобъ ее не замѣтили.

Онъ пристальнѣе посмотрѣлъ въ карету и увидѣлъ черную шаль, которая возбуждала такую зависть во всѣхъ дамахъ, и которую ему также случалось видѣть на плечахъ Жюльетты.

— Это она!... сказалъ онъ.

Ненависть и желаніе мстить побудили Линана подемотрѣть, куда поѣдетъ Жюльетта. Когда карета проѣхала мимо, онъ нанялъ кабріолетъ, стоявшій у бульвара, и приказалъ кучеру слѣдовать за каретой,

предостерегая его, чтобъ онъ не обгонялъ, а ѣхалъ позади кареты на разстояніе двадцати шаговъ.

Карета остановилась передъ трактиромъ Cadran Bleu.

Анатоль, запрятавшись въ уголь своего кабриолета, видѣлъ, какъ дама, которую онъ преслѣдовалъ, вышла изъ кареты и, по ея походкѣ, онъ тотчасъ узналъ Жюльетту.

— Я не ошибся, это она.

Прошло нѣсколько минутъ. Анатоль отпустилъ кабриолетъ и вошелъ въ Cadran Bleu. Онъ подозвалъ къ себѣ мальчика и далъ ему золотую монету: средство могучее, даже въ Cadran Bleu, гдѣ скромность прислужниковъ была извѣстна.

— Другъ мой, сказалъ онъ: сюда вошла дама, въ зеленой шляпкѣ и черной шали.

— Такъ точно.

— Ты знаешь эту даму?

Мальчикъ улыбнулся.

— Знаю, сказалъ онъ: — и вы ее также знаете?

— Разумѣется; но зачѣмъ она сюда ѣздитъ?

— Вы спрашиваете, что она здѣсь дѣлаетъ? То, что обыкновенно дѣлаютъ въ Cadran Bleu: она пріѣзжаетъ сюда завтракать....

— Но, вѣроятно, она завтракаетъ не одна....

— О! нѣтъ, сударь....

— А ты знаешь, кто будетъ съ нею завтракать?

— Разумѣется, знаю; кушанья подаютъ только тогда, когда онъ пріѣзжаетъ....

— Такъ! такъ! и ты можешь мнѣ назвать его?... Разумѣется, это мужчина?...

Мальчикъ вертѣлъ въ своей рукѣ золотую монету, которую ему подарили, ласкалъ ее глазами и, казалось, хотѣлъ сказать, что двадцати франковъ слишкомъ мало за открытіе такой тайны. Анатоль понялъ его мысль и сунулъ ему еще одинъ наполеондоръ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу говорить, отвѣчалъ мальчикъ: — тотъ господинъ, который сюда ѣздитъ, долженъ быть вамъ знакомъ....

— Можетъ быть: кто-же онъ?

— Это г. Эльвіу актеръ театра Фейдо вы знаете его?

— Эльвіу, повторялъ Анатоль:—Эльвіу!!

— Да, онъ; вамъ стоитъ только стать у окна, и вы увидите, когда онъ пріѣдетъ.

Линанъ вышелъ изъ Cadran-Bleu и вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту трактирнаго мальчика и сѣсть подлѣ окна, онъ просто

спрятался за деревомъ на бульварѣ, откуда могъ все видѣть, оставаясь незамѣченнымъ. Онъ зналъ, что у Жюльетты было пристрастіе къ Комической Оперѣ, что Бюссьеръ абонировалъ тамъ ложу, въ которой она часто бывала и отъ которой хранила даже у себя ключъ.

— Значить, Эрнестъ въ отставку, подумалъ онъ: — другой заступилъ его мѣсто.

Анатоль еще предавался размышленію, какъ увидѣлъ Эльвіу. Онъ ѣхалъ въ легкомъ кабриолетѣ, самъ управляя горячею красивою лошадыю. Счастливый актеръ остановился почти у самого того дерева, за которымъ скрывался Анатоль. Передавъ возжи маленькому жокею, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, онъ устремился на лѣсницу, пацѣвая съ насмѣшливымъ видомъ:

Oui, s'en est fait, je me marie etc.

— Вотъ тебѣ разъ, повторялъ Линанъ про себя: — неужели она пойдетъ за него? А что-же? она способна это сдѣлать.... Нѣтъ, это только одно тщеславіе; непременно надо предупредить полковника У***, чтобы онъ не игралъ больше съ Мейраномъ.

Линанъ не замедлилъ распространить свѣдѣнія объ исторіи завтрака въ Cadran-Vleu, съ такими подробностями, которыя поясняли больше, чѣмъ нужно было знать.

— Ну, г-жа Норбертъ пойдетъ далеко! говорилъ онъ: — жаль только, что она разорится, не достигнувъ тридцати лѣтъ и кончитъ тѣмъ, что будетъ горничной у какой-нибудь барыни....

Анатоль сообщилъ также своей матери всѣ эти подробности о подвигахъ г-жи Норбертъ, а г-жа Линанъ передавала ихъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Она испускала свой ядъ подъ видомъ кротости, разсуждая съ другими женщинами о поступкахъ молодой вдовы. Она представляла г-жу Норбертъ какъ молодую женщину, благороднаго и даже знаменитаго семейства, которую воспитывали въ страхѣ Божіемъ, въ сердце которой, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, старались посѣять сѣмена чистой нравственности; но говорила, что все это было напрасно, что Жюльетта совратилась съ пути добродѣтели и обезчестила свое семейство, равно какъ и имя своего покойнаго мужа.

— Должно сожалѣть о ней, говорила г-жа Линанъ, можетъ быть, она опомнится....

Свѣтъ неумолимъ; женщины, пользующіяся безукоризненнымъ поведеніемъ, строги потому что хотятъ выказать свое собственное достоинство, а другія слабыя, потому что желаютъ оправдать себя. Жюльетта это вскорѣ испытала, потому что всѣ ее оставили. Министръ давалъ балы, на которые не приглашалъ ее. Точно такъ и прочіе друзья г-жи

Норбертъ не заглядывали къ ней и не сказывались дома, когда она къ нимъ прїѣзжала. Самъ Бюссьеръ, добрый и снисходительный Бюссьеръ, если посѣщалъ ее, то всегда съ печальнымъ и встревоженнымъ видомъ. Онъ даже предпринялъ путешествіе въ Турель, собственно для того, чтобы избавиться тягостныхъ и непрїятныхъ свиданій.

Жюльетта рѣшительно не понимала причинъ такой переменъ. Разъ она отправилась навѣстить подругу, которая одна оставалась неизмѣнною ея прїятельницею. Эта была г-жа С***, жена министра внутреннихъ дѣлъ и родственница Жюльетты. Г-жа С*** лежала еще въ постели. Жюльетта присѣла къ ея изголовью.

— Милый другъ, сказала она, съ робостію протягивая ей руку: — объяснимся откровенно: ужъ нѣтъ-ли во мнѣ какой-нибудь заразы? Скажи прямо и я тотчасъ отниму мою руку ...

Г-жа С*** дружески сжала руку Жюльетты.

— Да, Жюльетта, сказала она: — я думаю, что ты точно больна и очень больна.

— И оттого все меня избѣгаютъ, забываютъ.

— Увы! это такъ ...

— Хорошо, произнесла Жюльетта со слезами: — но ты, по-видимому, не боишься заразиться, такъ расскажи мнѣ, что все это значитъ?

— Я ожидала тебя къ себѣ Жюльетта, ожидала услышать отъ тебя оправданія... но, судя по слухамъ, должно предполагать, что или на тебя клеветаютъ, или ты очень виновна ...

— Я виновна! Но въ чемъ-же?

— Ахъ, Жюльетта, ты еще молодая женщина и рѣшаешься жертвовать своею репутаціею и отдаешься добровольно въ руки своихъ враговъ.

— Враговъ! У меня только одинъ врагъ ...

— Этого довольно, чтобы нанести тебѣ чувствительный ударъ ...

— Значитъ, мнѣ его нанесли? вскричала Жюльетта, вставая съ мѣста.

— Да, моя милая; ты поступила неосторожно.

— Неосторожно! произнесла съ гнѣвомъ вдова: — Что вы хотите этимъ сказать?

— Жюльетта, тебѣ вовсе не слѣдуетъ на меня сердиться; не я тебя обвиняю, напротивъ, я защищаю тебя ...

— Какъ! такъ меня надо защищать?

— Къ несчастію, иногда совершенно безуспѣшно, моя милая.

Жюльетта залилась слезами.

— О Боже мой! Боже мой! Въ чемъ-же меня обвиняютъ?

— Ты можешь замѣтить во мнѣ, Жюльетта, еще прежнюю довѣрчивость, это тебѣ доказываетъ мой дружескій пріемъ, и потому, прошу тебя, успокойся и поговоримъ толкомъ ...

— О, эти слезы льются отъ негодованія. Но я слушаю: въ чемъ же меня обвиняютъ?

— Ты любишь Эрнеста Мейрана? сказала г-жа С***.

— Не знаю, отвѣчала Жюльетта: — одно могу сказать навѣрное: предпочитаю его другимъ.

— Я тоже сомнѣвалась въ этомъ. Вчера еще министръ мнѣ говорилъ, что Эрнестомъ очень недовольны и что, при всемъ его умѣ и образованности, онъ не можетъ угодить своимъ начальникамъ, потому что онъ не довольно прилеженъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, съ кротостію возразила Жюльетта: — не на своемъ мѣстѣ. Я надѣюсь, когда онъ попадетъ въ настоящую колею, то всѣ увидятъ его дорованія; очень понятно, отчего онъ теперь не такъ охотно исполняетъ свои обязанности, онъ считаетъ ихъ ниже своего назначенія.

— Согласна, сказала г-жа С***: — но онъ играетъ въ карты ..

— Справедливо. Одинъ разъ онъ игралъ и проигралъ огромную сумму денегъ; это я знаю, и даже помогла ему спасти свою честь. Мейранъ разбогатѣетъ когда-нибудь и расплатится со мною. Такъ въ этомъ-то меня обвиняютъ?

— Ты понимаешь, Жюльетта, что такой поступокъ можетъ быть дурно исполкованъ ...

— Враги всему даютъ дурное значеніе, отвѣчала Жюльетта. — Посуди сама: этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ погибнуть, еслибъ я не заплатила за него, и не ты-ли сама всегда просила меня покровительствовать ему? Притомъ этого никто не знаетъ.

— Между-тѣмъ, всѣ объ этомъ говорятъ.

— Я знаю только одного человѣка, способнаго распускать дурные слухи, чтобъ мнѣ повредить ...

— Кто-же это?

— Г. де-Линанъ.

— Линанъ? повторила г-жа С***: — аудиторъ? Онъ недавно получилъ должность рекетмейстера ...

— Онъ? воскликнула Жюльетта: — это значить, что и твой мужъ на сторонѣ моихъ враговъ.

— Мой мужъ, Жюльетта, не совѣтуется со мною по дѣламъ службы и, вѣроятно, онъ вовсе ничего не знаетъ обо всѣхъ сплетняхъ; потому-что, сколько я знаю; клеветникъ, преслѣдующій женщину, не

могъ-бы заслуживать его вниманія. Во всякомъ случаѣ, согласиесь, что ты была неосторожна, дѣлая великодушное пожертвованіе Эрнесту Мейрану. Но это еще не все.

— Еще не все?

— Выслушай меня: ты часто ѣздишь въ Комическую Оперу?

— Да.

— У тебя тамъ есть абонированная ложа?

— Есть, ложа моего опекуна Бюссьера.

— Тебѣ очень нравится Эльвіу?

— Очень; но не одной мнѣ, онъ нравится всѣмъ; къ чему всѣ эти вопросы?

— Ты знакома съ этимъ актеромъ?

— Нѣтъ; я его видѣла только на сценѣ.

— Будь откровенна, Жюльетта; ты съ нимъ завтракала въ Cadogan Place.

— Я, завтракала съ Эльвіу въ ресторанѣ! Никогда!.. воскликнула Жюльетта: — никогда! о Боже! за кого-же меня принимаютъ?

— Еще одинъ вопросъ: гдѣ была ты пять или шесть дней тому назадъ, въ двѣнадцать часовъ, въ твоей дорогой черной шали и въ шелковой шляпкѣ зеленого цвѣта?

Жюльетта стала припоминать.

— Пять дней тому я имѣла счастье сидѣть у тебя, именно здѣсь, въ десять, одиннадцать часовъ и наконецъ въ двѣнадцать, я уѣхала не ранѣе двухъ часовъ; что-же касается до моего чудеснаго чернаго кашемира, то тебѣ извѣстно, что, по желанію твоего мужа, я его отдала фабриканту, который намѣренъ съ нею снять рисунокъ.

— Это правда, правда ... произнесла г-жа С***: — и этотъ фабрикантъ еще не возвратилъ тебѣ шаль?

— Нѣтъ еще. Я объ этомъ очень сокрушалась, но теперь я ему очень благодарна. Шелковой зеленой шляпки у меня вовсе нѣтъ... этотъ цвѣтъ мнѣ не нравится и я никогда не ношу его!

— Бѣдная Жюльетта, воскликнула госпожа С***, обнимая свою родственницу: — какъ ты несчастлива! въ свѣтъ тебя упрекаютъ за страсть къ Эльвіу.

Жюльетта презрительно улыбнулась.

— Какое мнѣ до этого дѣло? Я знаю сама, что этотъ человѣкъ никогда и никакимъ образомъ со мною не сближался.

— Къ сожалѣнію, этого нельзя такъ оставить, Жюльетта, сказала г-жа С***, — твоего собственного убѣжденія недостаточно. Свѣтъ жестокъ. Онъ поражаетъ, зажмура глаза!

Надлежало однако доискаться источника этой клеветы, хотя уже известно было, что первый изобрѣтатель ея былъ Линанъ. Слѣдовало узнать, точно-ли Эльвиу завтракалъ въ Cadron Bleu, въ назначенный день? Точно-ли онъ завтракалъ тамъ съ женщиною, на которой была шаль, такая-же, какъ у Жюльетты; даже можетъ быть, та самая, потому-что фабрикантъ могъ одолжить ее кому-нибудь. Жена министра имѣла все средства узнать истину, и вотъ что она узнала: У модистки были двѣ такія шали; но она это скрыла: первая была продана Жюльеттѣ; вторая досталась одному богатому биржевому маклеру, который подарилъ ее актрисѣ Пикардскаго театра, который въ то время былъ такъ знаменитъ, что могъ соперничать съ Французскимъ Театромъ. Истина была открыта; но зло, одинъ разъ совершенное, не легко искоренить. Какъ и чѣмъ разуверитъ тѣхъ, которые повѣрили клеветѣ?... Это было рѣшительно невозможно.

Къ большому несчастію, одна очень миленькая актриса Комической оперы, занимала небольшую квартиру въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жила Жюльетта. Эльвиу иногда посѣщала свою товарку и это подало поводъ къ новой клеветѣ. Линанъ первый сталъ ее разглашать.

— Г-жа Норбертъ не привыкла стѣсняться. Она теперь уже не ѣздитъ въ театръ, это могло бы ее изобличить; она сдѣлала лучше—Эльвиу поетъ у нея въ домѣ.

Эта клевета имѣла большой успѣхъ. Репутація Жюльетты страдала тѣмъ сильнѣе, что ей ничего не объясняли, а просто удалялись, не принимали ее, и самыя порочныя женщины болѣе всего преслѣдовали ее своими язвительными языками.

— Это она его убила, говорили многія, — припоминая трагическую кончину поручика Норберта, — она его убила своими причудами. Тотъ офицеръ, храбрый, какъ Ахиллесъ, долженъ былъ драться за то, что его называли трусомъ... А теперь она-же позоритъ его имя.

Жюльетта не могла перенести этихъ всеобщихъ нападокъ; она заболѣла горячкою и черезъ нѣсколько дней была при дверяхъ гроба. Г-жа С*** посѣщала Жюльетту во время ея болѣзни и своимъ вниманіемъ старалась доказать, какъ мало она вѣритъ клеветѣ, которою хотятъ очернить ея родственницу и подругу.

— Скажи мнѣ, говорила ей разъ Жюльетта, начиная выздоравливать, — неужели еще продолжаютъ клеветать на меня и разглашать, что... что... о Боже мой! я не могу даже повторить этого...

— Да, отвѣчала г-жа С***: — у тебя слишкомъ много преимуществъ, чтобы другія женщины не чувствовали къ тебѣ глубокой ненависти.

Онъ мстятъ тебѣ за твое превосходство... Но этого мало: теперь добрались до самого источника.

— И поняли наконецъ, что это клевета?

— Совсѣмъ нѣтъ; узнали только клеветника, это г. Линанъ, какъ говорятъ, друга твоего дѣтства, почти родственника, человѣка, который былъ готовъ на тебѣ жениться; но во-время отказался...

— Онъ лжетъ! воскликнула Жюльетта:—я ему отказала.

— Онъ распространяетъ совершенно другіе слухи, продолжала г-жа С***:—и всѣ увѣрены, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ твое положеніе, и что на его слова можно вполне положиться.

— Презрѣнный человѣкъ! произнесла Жюльетта, топая ногами.

— Это правда, возразила г-жа С***: — но увы! этотъ презрѣнный клеветникъ пользуется доброй славой. Я передала моему мужу всѣ подробности Линана и онъ въ отвѣтъ мнѣ сказалъ, что Линанъ пользуется хорошею репутаціею и что онъ на отличномъ счету у начальства, что ему хотятъ дать префектуру, о которой онъ давно хлопочетъ.

Другая женщина постаралась-бы удалиться отъ человѣка, который былъ на пути къ славѣ и силѣ, и который успѣлъ уже нѣсколько разъ поразить ее самыми мѣткими ударами, Жюльетта, напротивъ, продолжала составлять планы къ отмщенію. Переходя отъ одной мысли къ другой, она едва не рѣшилась выйти за-мужъ за Эрнеста Мейрана. Впрочемъ, разсудивъ хорошенько, она перемѣнила это намѣреніе. Жюльетта любила Эрнеста, но видѣла ясно, что репутація его много пострадала въ послѣднее время. Она сама повредила ему, убѣдивъ его, принять отъ нея значительную сумму денегъ. Выйти за него за-мужъ значило только подтвердить общественный голосъ, потому-что этотъ бракъ оправдалъ-бы ложные слухи.

Другое обстоятельство также останавливало молодую вдову. Выходя за Мейрана, она дѣлала его непремѣннымъ своимъ защитникомъ, и въ такомъ случаѣ встрѣча его съ Линаномъ была — бы неизбежна... Дуэль!.. но она уже знала, что значить дуэль и для нея было слишкомъ тяжело подумать, что и втораго мужа можетъ постигнуть та-же участь, какъ и перваго.

Жюльетта рѣшилась мстить собственными силами; она вооружалась всѣмъ своимъ мужествомъ и прежде всего старалась сблизиться еще болѣе съ своею родственницею, женою министра. Она посѣщала ее даже въ такія мунуты, когда для всякаго другаго гостя двери ея были закрыты и когда самъ министръ бывалъ дома; она дружилась съ господиномъ С***, очень искусно умѣла льстить его самолюбію и, съ помо-

щю своей подруги, очень скоро разсѣяла всѣ его предубѣжденія на счетъ ея поведенія.

Вначалѣ министръ говорилъ своей женѣ:

— Ты-бы хорошо сдѣлала, еслибъ порѣже встрѣчалась съ г-жею Норбертъ; объ этой женщинѣ распространяютъ самые невыгодные слухи.

Впослѣдствіи мнѣніе его совсѣмъ перемѣнилось: умъ, любезность, высокое понятіе о всѣхъ предметахъ и даръ слова Жюльетты болѣе и болѣе убѣждали его, что на нее клеветаютъ.

— Мнѣ кажется невѣроятнымъ, говорилъ онъ женѣ:—чтобы твоя подруга была такъ виновна, какъ объ ней говорятъ. Я вижу совершенное противорѣчіе между ея поведеніемъ и чувствами... Не хочетъ-ли она насъ обмануть?... Безъ сомнѣнія она старается оправдать себя въ общественномъ мнѣніи...

При этомъ г-жа С*** горячо вступалась за свою подругу.

— Если ты говоришь правду, отвѣчалъ министръ:—то этого Линана не стоитъ принимать въ порядочной домъ; такой человѣкъ не можетъ быть терпимъ на службѣ.

Жюльетта, приобрѣтя дружбу г. С***, хотѣла возстановить доброе мнѣніе военнаго министра Кларке, приходившагося ей также съ родни: но Кларке былъ человѣкъ суроваго и упорнаго характера, и если разъ составлялъ себѣ о комъ-нибудь мнѣніе, то никогда и ни за что не рѣшался его перемѣнить. У него былъ умъ настойчивый. Г-жа Норбертъ когда-то выпросила у него отпускъ для своего мужа и на этотъ отпускъ онъ смотрѣлъ, какъ на единственную причину смерти поручика; слѣдовательно, по его понятіямъ, г-жа Норбертъ была виновницей злополучной кончины его кузена, и онъ охотно приписывалъ ей все остальное, въ чемъ ее обвиняли. Ничто не могло побѣдить этого упорства и всѣ старанія Жюльетты были напрасны, до того даже, что она не могла увидѣться не только съ нимъ, но и ни съ кѣмъ изъ другихъ членовъ его семейства.

Эта оскорбительная неудача повлекла за собою множество другихъ, не смотря на защиту, какую Жюльетта находила въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Она рѣшилась жить открыто, давать вечера, приглашать на обѣды и ужины. Но и это средство оказалось недѣйствительнымъ. Мужчины посѣщали ее, но ни одна дама къ ней не являлась; но что хуже всего, Жюльетта вскорѣ замѣтила, что ея-же посѣтители считали ее вѣтренницею; полагали, что легко попасть въ милость у такой женщины, которая могла питать нѣжныя чувства къ такому незначительному молодому человѣку, какъ Эрнестъ Мейранъ.

Потерявъ всякую надежду и почти побѣжденная этимъ презрѣніемъ,

г-жа Норбертъ рѣшила прекратить вечера и обѣды и ограничиться однимъ знакомствомъ съ г-жею С***, имѣя въ виду вооружиться терпѣніемъ и выждать болѣе-благопріятное время.

Разъ, утромъ, думая посѣтить своего онекуна и погостить у него на дачѣ, она позвала горничную:

— Клодина, сказала она, готова-ли карета?

— Готова, сударыня.

— Подай мнѣ шаль.

Клодина бросилась въ гардеробную, гдѣ находились всѣ предметы, относившіеся до туалета ея госпожи, и черезъ минуту возвратилась съ шалью. Это была черная кашемировая шаль, украшавшая когда-то голову дѣйскаго раджи, и потомъ причинившая столько горя своей новой владѣтельницѣ. Жюльетта взяла ее въ руки, положила на колѣна, развернула, и слезы досады полились у нея изъ глазъ...

— Мой добрый геній меня оставилъ, сказала она:—съ того самого дня, въ которой я имѣла несчастье въ первый разъ увидѣть этотъ адскій нарядъ.

При этихъ словахъ, она разорвала шаль на двѣ части, потомъ на три, на четыре и, отталкивая лоскутья ногами, бросила ихъ въ пылающій каминъ.

— Барыня помѣшалась! воскликнула Клодина, поднимая руки къ небу.

Жюльетта устремила на Клодину такой мрачный взоръ, что у той невольно вырвался вопль удивленія и горести.

— Шаль, шаль ... произносила Жюльетта:—я тебя просила подать мнѣ шаль, Клодина.

Горничная повиновалась. Жюльетта надѣла обыкновенную шаль, молча сошла съ лѣстницы и сѣла въ карету.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія, горничная явилась къ ней съ золотою цѣпочкою на шеѣ, на цѣпочкѣ были часы.

— Что это у тебя за цѣпочка? спросила Жюльетта:—кто даритъ тебѣ такія дорогія вещи?

Клодина опустила голову и покраснѣла. Болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Жюльетты. Клодина была очень хорошенькая дѣвушка и легко могло быть, что она соблазнилась приманкою дорогаго подарка. За такую слабость горничной, во всякомъ другомъ домѣ ее прогнали-бы, но тутъ дѣло было гораздо важнѣе. Дурной примѣръ госпожи, сказали-бы, испортилъ даже ея прислугу.

— Кто далъ тебѣ эту цѣпочку? съ живостью повторила Жюльетта.

— Мой женихъ, сударыня, произнесла наконецъ горничная ...

— Твой женихъ! У тебя есть женихъ?

— Да сударыня, отвѣчала Клодина такъ тихо, что едва можно было слышать.

— Женихъ ... здѣсь ... у меня въ домѣ и который можетъ тебѣ дѣлать такіе дорогіе подарки ... Кто-жъ онъ такой?

— Это Жанъ.

— Жанъ? Что такое за Жанъ?

— Писарь министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вотъ что ... Гдѣ-же ты съ нимъ видишься?

— У васъ въ кухнѣ, по вечерамъ. Кухарка Мари всегда присутствовала при нашихъ бесѣдахъ.

— И онъ при Мари подарилъ тебѣ эту цѣпочку съ часами?

— Да, сударыня. Онъ будетъ просить васъ о позволеніи на мнѣ жениться. Я ему объяснила, что это вполне зависитъ отъ васъ.

— Пусть-же онъ прійдетъ ко мнѣ, потому-что я не люблю, чтобы у меня въ домѣ дѣлали такіе подарки.

Вечеромъ того-же дня явился къ Жюльеттѣ мосьё Жанъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, блѣдный, со впалыми глазами; быстрый переходъ изъ кухни въ залу придавалъ ему робость и какой-то неопредѣленный страхъ.

— Тебя зовутъ Жаномъ? спросила Жюльетта.

— Точно такъ, Жаномъ Пико.

— Ты сторожъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

— Я писарь, сударыня.

— Ты понравился Клодинѣ, продолжала Жюльетта:— и она хочетъ выдти за тебя за-мужъ, потому-что принимаетъ отъ тебя подарки?.. Но она слишкомъ поторопилась, ласково замѣтила Жюльетта, обращаясь къ Клодинѣ: — не посоветовавшись прежде со мною.

— Если вамъ не угодно, произнесла Клодина, снимая съ себя цѣпочку.

Жюльетта сдѣлала знакъ рукою, который остановилъ горничную, и потомъ обратилась опять къ писарю:

— Жанъ, сказала она, — я поговорю еще съ Клодиной, потому-что не знаю, удобно-ли мнѣ будетъ имѣть при себѣ замужнюю горничную; что же касается до тебя, то, мнѣ кажется, тебѣ оттого не будетъ вреда, если я наведу справку въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Жанъ мять въ рукахъ фурашку и, казалось, былъ въ большомъ замѣшательствѣ. Наконецъ, онъ поднялъ глаза на вдову и отвѣчалъ съ увѣренностію:

— Вы можете обо мнѣ справиться у моихъ начальниковъ и товарищей, вѣроятно они все хорошо отзовутся.

— Если такъ, я сама позабочусь о приданомъ Клодины.

— О, сударыня, возразилъ Жанъ:— я и самъ не бѣденъ, отъ отца мнѣ достался порядочный капиталъ.

Жанъ вышелъ изъ комнаты.

— Мнѣ не нравится твой женихъ, сказала Жюльетта горничной:— впрочемъ, никогда не должно вѣрить первымъ впечатлѣніямъ. Во всякомъ случаѣ, ты лучше сдѣлаешь, если отдашь цѣпочку и часы, пока еще свадьба не рѣшена.

Клодина обѣщала исполнить приказаніе своей госпожи и въ точности его исполнила.

II.

ИСТОРИЯ О МЕЛЬНИЦАХЪ.

Самый очаровательный и промышленный департаментъ во Франціи— Оазскій; онъ богатъ лѣсами, имѣетъ самую плодородную почву, орошаемую тридцатью рѣками и рѣчками. Тамъ-то, въ Фоссезъ-Легильоннѣ, находилось имѣніе Жюльетты; это была небольшая деревня на берегу рѣчки *Мениль*, въ шести верстахъ отъ *Бове*. Она называлась *Понти*, отъ имени ея прежняго владѣльца; управленіе ею было поручено Жерому Берю, который порядочно набилъ себѣ карманъ. Берю былъ пятидесятилѣтній старикъ, хитрый, умный, алчный. Едва онъ сдѣлался обладателемъ небольшого капитала, какъ тотчасъ купилъ себѣ маленькій участокъ земли, также на берегахъ Менили, почти даромъ выстроилъ себѣ мельницу, которая способствовала къ окончательному его обогащенію. Берю любилъ хорошо пожить, жена его была нѣсколько кокетливая женщина, а его пятнадцатилѣтняя дочь славилась красотой своихъ глазъ. Жители, на пятнадцать миль въ окружности, все собирались гулять на Фоссезскую мельницу.

Оазскій префектъ также имѣлъ обширное помѣстье, которое получилъ въ приданое за женой, и чрезъ которое протекала рѣчка Мениль. Префектъ разсудилъ, это эта рѣчка можетъ быть полезною и для него и что ничто не мѣшаетъ ему построить мельницу, подобно Жерому Берю. Г. префектъ велѣлъ построить мельницу.

Едва Берю замѣтилъ начало работъ, какъ тотчасъ собралъ всехъ

своихъ друзей, зажиточныхъ обитателей деревни, всѣхъ, которые плѣнялись красотою мельничихи, и юношей, страдавшихъ бессонницей отъ чудныхъ глазъ молодой Берю, и передалъ имъ извѣстiе объ угрожавшемъ ему несчастiи.

— Друзья мои, говорилъ онъ: — мнѣ бѣдному человѣку остается только стянуть животъ, чтобы не умереть съ голоду, или идти въ поденщики: префектъ отнимаетъ хлѣбъ у моей мельницы.

Всѣ были поражены этою новостью.

— Пройдитесь по берегу Менили, продолжалъ Берю: — и вы собственными глазами удостовѣритесь въ справедливости моихъ словъ. Мнѣ остается теперь одно: застрѣлиться или повѣситься.

Невольный вопль вырвался у всѣхъ. Если Берю прострѣлить свою голову, это еще ничего: но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ губилъ хорошенькую мельничиху, всѣми любимую въ Фоссезѣ и въ его окрестностяхъ, да еще и очаровательную пятнадцатилѣтнюю красотку, въ которой отразились всѣ прелести ея восхитительной матери, — этого никто не могъ перенести.

— Этотъ префектъ, продолжалъ Берю, — жадничаетъ, барышничаютъ, несмотря на то что онъ богатъ и получаетъ хорошее содержанiе... ему этого мало, ему нужно строить мельницы, чтобы вы ему платили. Увѣряю васъ, что если хоть разъ вы отдадите на мельницу префекта вашу рожь, то муки назадъ не ждите...

Всѣ согласились съ мнѣнiемъ мельничихи. Берю продолжалъ:

— А между-тѣмъ кто-же посмѣетъ не отдать свою рожь на его мельницу? Знаете-ли, по-моему надо сжечь эту мельницу; правда, она еще не достроена, но это замедлитъ ея окончанiе... И такъ, друзья мои, если вы меня любите и имѣете довольно мужества, то сегодня вечеромъ мы можемъ задать фейерверкъ, тѣмъ болѣе что теперь первая четверть луны и она не слишкомъ свѣтитъ, а во-вторыхъ, потому-что префекта нѣтъ въ Бове. Онъ теперь въ Парижѣ.

Услышавъ такое предложенiе, всѣ отступили. Берю предлагалъ сжечь чужую собственность, собственность оазскаго префекта — и предлагалъ кому-же? зажиточнымъ обитателямъ Фоссеза, изъ которыхъ большая часть были членами муниципальнаго совѣта.

— Сжечь мельницу префекта!.. воскликнули со всѣхъ сторонъ: — нѣтъ, нѣтъ, Берю... Мы обѣщаемъ тебѣ всегда отдавать молоть рожь, а больше не проси.

Берю простился съ своими друзьями, которыхъ перепугала его дерзость, и отправился въ Бове, желая переговорить съ своимъ адвокатомъ. Законникъ выслушалъ въ чемъ дѣло и, хотя всякая новая тяжба вы-

годна для адвоката, однако онъ отвѣчалъ, что префектъ можетъ построить не только одну мельницу, но пятьдесятъ, если ему заблагоразсудится,—по весьма ясной причинѣ: что онъ властенъ располагать рѣчкою, коль скоро она протекаетъ черезъ его владѣнія, и наконецъ потому, что онъ строитъ мельницу не на чужой землѣ, а на своей собственной. Но если крестьянинъ однажды рѣшился тягаться, то никакая логика не можетъ его убѣдить.

— А адвокатъ, сказалъ Берю, почесывая за ухомъ:—согласитесь сами, что довольно смѣшно префекту быть мельникомъ?

— Да, если-бы префектъ самъ работалъ на своей мельницѣ; но онъ въ это дѣло не станетъ вмѣшиваться, а пошлетъ туда работника, такого-же, какъ и ты, любезный...

— Все-таки онъ будетъ мельникомъ, сказалъ Берю: а жена его мельничихой, какъ моя...

Адвокатъ разхохотался, а Берю продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, г. адвокатъ, должно тягаться, хотя-бы на нашей сторонѣ и были всѣ невыгоды. Мы выиграемъ...

— Какимъ-же образомъ? Вѣдь это будетъ то-же самое, что глиняной горшокъ противъ желѣзнаго котла.

— Начать съ того, возразилъ Берю:—что этотъ глиняной горшокъ не пустой...

При этомъ Жюльеттинъ арендаторъ вынулъ изъ кармана грязный бумажникъ, въ которомъ находилось достаточное количество банковыхъ билетовъ.

— Вотъ, г. адвокатъ, говорилъ онъ:—черезъ это дѣло можно зашибить деньжонку; я не знаю, но что-то мнѣ говорить, что я правъ, не смотря на то, что такое убѣжденіе противорѣчитъ вашему мнѣнію. Вотъ видите-ли, хорошій, хитрый адвокатъ прежде всего изобразилъ-бы положеніе бѣднаго мельника, такого на-примѣръ, какъ я, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе, между-тѣмъ, какъ г. префектъ преобразуется въ мельника только для того, чтобы разорить бѣдняка, а по вечерамъ весь зачаканный въ мукѣ принимаетъ къ себѣ важныхъ господъ и знатныхъ дамъ. Вѣдь это смѣшно. Мельница его еще не выстроена и, вѣроятно, увидѣвъ какъ подобное занятіе для него предосудительно, онъ не сталъ-бы ее и достраивать.

Въ этомъ последнемъ замѣчаніи отражалось знаніе человѣческаго сердца, что удивило адвоката. Берю, теряя надежду на свои права, рассчитывалъ на молву и предразсудки. И какъ Берю предвидѣлъ большой убытокъ для себя отъ мельницы префекта, то онъ употребилъ все стараніе отстоять свое дѣло. Адвокатъ рѣшился хлопотать, но ему от-

казали. Берю не только не унялся этимъ отказомъ, но разгорячился еще болѣе.

— Я знаю, какъ дѣла дѣлаются въ Парижѣ, говорилъ онъ своимъ друзьямъ, показывая на связку бумагъ, въ которой онъ спряталъ двадцать банковыхъ билетевъ:—я отправлюсь къ тому господину, который будетъ составлять докладную записку о моемъ дѣлѣ и когда онъ найдетъ между бумагъ это доказательство, повѣрьте, тогда дѣло прійметъ другой оборотъ. Въ Фоссеэзѣ останется только одна мельница; но тсъ! ни слова, друзья, объ этомъ.

Всегда можно было встрѣтить въ департаментахъ множество людей, которые были убѣждены, что правосудіе въ Парижѣ такое-же продажное, какъ живность на рынкѣ.

Постояннымъ хожденіемъ и неотступными просьбами Берю добился наконецъ до того, что узналъ имя рекетмейстера, которому предстояло разсматривать его дѣло. Онъ отправился къ нему; это былъ никто иной какъ Анатоль де-Линань. Берю подробно объяснилъ ему свое дѣло. Потомъ передалъ ему запечатанный свертокъ бумагъ.

— Вы перелистуете все это, произнесъ онъ такимъ лукавымъ тономъ, какой обыкновенно употребляютъ простолюдины, когда хотятъ объяснить такую вещь, которую ясно не могутъ сказать:—вы это перелистуете и тамъ найдете бумаги, которыя вамъ очень пригодятся.

Запечатанная связка была положена на столѣ Линана.

Въ тѣ времена одно отдѣленіе государственнаго совѣта помещалось въ одномъ зданіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

— Жанъ, сказалъ Анатоль: Жанъ!

И передъ нимъ явился тотъ самый Жанъ, который сватался на Клодинѣ.

— Жанъ, возьми этотъ свертокъ и спрячь въ ящикъ, который тамъ направо.

— Но сударь, поспѣшно сказалъ Берю:—вѣдь это вамъ однимъ.

— Кто-же будетъ заниматься твоимъ дѣломъ, кромѣ меня? отвѣчалъ Анатоль. Ступай, любезный другъ, возвратись на свою мельницу. Тебѣ пришлютъ сказать, когда будетъ нужно.

Это происходило ровно за мѣсяць до того времени, когда Жанъ былъ представленъ Клодиной ей госпожѣ; но, какъ намъ извѣстно, онъ произвелъ на Жюльетту невыгодное впечатлѣніе. Прошелъ часъ времени послѣ того, какъ Жанъ ушелъ отъ Жюльетты, и ей доложили, что ее желаетъ видѣть Берю.

— Клодина, произнесла Жюльетта:—скажи Берю, что я не могу его теперъ принять. Спроси его только, благополучно-ли все въ Цонти,

не случилось-ли тамъ какого несчастія ... Да смотри, чтобъ ему дали пообѣдать и приготовили для него постель, если онъ хочетъ остаться здѣсь, ночевать.

Берю въ началѣ своей тяжбы вовсе не желалъ видѣться съ г-жею Норбертъ; какъ арендаторъ, онъ видѣлъ необходимость скрывать отъ нее, что у него есть собственной участокъ земли, что у него есть мельница и что такимъ-образомъ онъ имѣетъ занятія, которыя вовсе не сопряжены съ выгодами Понтійскаго помѣстья; но въ настоящее время онъ былъ такъ раздраженъ, что забылъ всякое благоразуміе. Прошло полчаса и Клодина опять явилась съ докладомъ. Жюльетта въ это время сидѣла вдвоемъ съ г-жею С***. Горничная осторожно подошла къ креслу своей госпожи и шептала ей на ухо:

— Сударыня, говорила она: Берю ужинаетъ, только, кажется, очень разстроены, у него совсѣмъ нѣтъ аппетита. Онъ говоритъ, что не можетъ лечь спать, не перегоривъ съ вами.

— Какой это Берю? спросила г-жа С***.

— Одинъ изъ моихъ арендаторовъ; отвѣчала Жюльетта. Скажи,— что сегодня нельзя.

— Отчего-же нельзя? Надо всегда принимать своихъ арендаторовъ; они иногда могутъ сообщить что-нибудь полезное, какія-нибудь улучшения...

— О! возразила Жюльетта:—это не такой человѣкъ! Этотъ улучшеній не придумаетъ; онъ только хлопочетъ, чтобы я не возвысила договорную сумму. Онъ просто обогащается на мой счетъ...

— Такъ мы дадимъ ему острастку! Это будетъ забавно.

— Ну, такъ зови сюда Берю, Клодина! Ты увидишь, *с'ега аміе*, порядочнаго оригинала, продолжала Жюльетта, обращаясь къ г-жѣ С***: всегда веселъ и болтливъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ разбогатѣлъ, онъ постоянно жалуется на свою нищету; но такъ правдоподобно, что слушая его, разрывается сердце. Онъ славный актеръ...

Берю вошелъ въ комнату съ утомленнымъ лицомъ и тревожнымъ видомъ.

— Ну, что скажешь новенькаго, мосье Берю?

— Да что, сударыня, сказалъ онъ:—на свѣтѣ только одни разбойники...

— Ты ошибаешься, Берю; вотъ мы съ этой госпожею знаемъ очень много добрыхъ людей. Но успокойся Берю, скажи въ чемъ дѣло.

— Ахъ! сударыня, произнесъ Берю:—еслибъ вы знали ... У меня есть мельница...

— Гдѣ это? въ Понти?...

— Да, сударыня.

— Вотъ какъ, а я этого не знала.

— То-есть, видите-ли, она не много подальше Понти, въ трехъ стахъ шагахъ, на берегу Мениля.

— Понимаю. И у тебя вѣрно отняли эту мельницу?

— Отняли не отняли, а почти что тоже; неподалеку отъ моей построили другую... и кто-же, какъ-бы вы думали? префектъ... Это просто разбой!

— Префектъ?

— Да, сударыня, префектъ.

— Это очень нехорошо съ его стороны, произнесла г-жа С***, которую забавляло бѣшенство Берю.

— Неправда-ли, сударыня? отвѣчалъ Берю: а вотъ другіе одобряютъ его поступокъ; никто не смѣлъ такъ говорить о префектѣ, какъ вы изволили выразиться. Адвокатъ мой дурно защищалъ мои права; судьи еще хуже разобрали дѣло — и я проигралъ мой процессъ.

— Такъ проигралъ, воскликнула Жюльетта: — значитъ, и ты и префектъ останетесь кажцій при своей мельницѣ?..

— Я подалъ аппеляцію.

— Здѣсь въ Парижѣ?

— Въ Государственный Совѣтъ.

— Такъ что-же?

— Да что! въ Парижѣ люди еще хуже, чѣмъ въ Бове.

— Осторожнѣе, Берю, сказала Жюльетта: — ты браишь префекта, клеветашь на одно изъ самыхъ важныхъ учрежденій государства, и все это въ присутствіи дамы, которой мужъ главный начальникъ государственнаго дѣлопроизводства.

— Оставьте его, *chêge amie*, пусть онъ говоритъ, сказала г-жа С***: можетъ быть, его дѣло правое. Надо сперва выслушать его.

Арендаторъ затрепеталъ отъ радости, услышавъ, что ему позволяютъ выражать досаду.

— Да, сударыня, продолжалъ онъ, обращаясь къ г-жѣ С***: я подалъ аппеляцію въ Парижъ. Но какъ я зналъ, что префектъ будетъ посильнѣе меня и что въ Парижѣ тотъ недалеко уйдетъ, кто является съ пустыми руками, то я и положилъ въ свертокъ моихъ бумагъ двадцать такихъ бумажекъ, которыя сами за себя говорятъ и которыя здѣсь могутъ всякое дѣло сдѣлать правымъ. Однимъ словомъ, я положилъ туда двадцать банковыхъ билетовъ, запечаталъ свертокъ и передалъ его моему судьѣ, то-есть тому, который разсматривалъ мое дѣло и долженъ былъ составить докладную записку.

— Это значитъ, ты хотѣлъ подкупить докладчика, произнесла Жюльетта:—о, мой бѣдный Берю, это преступленіе противъ законовъ, тебя за это посадятъ въ тюрьму ты погибъ...

— Такъ, такъ, воскликнулъ Берю: то-есть, мои двадцать тысячъ франковъ погибли... и мой процессъ... Этотъ господинъ взялъ—то взялъ, и процессъ все-таки проигралъ; вотъ и все тутъ... Возвратили свертокъ моихъ бумагъ, только ужъ безъ приложений, а когда я принялся требовать моихъ билетовъ, то этотъ господинъ приказалъ меня вытолкать въ шею, угрожая въ добавокъ посадить въ тюрьму... Но у меня есть свидѣтели... моя жена, дочь, сосѣдъ Тютаръ, служащій въ муниципальномъ совѣтѣ, Жюльенъ, Дюрандъ и маклеръ Фоссезскій кузнецъ, всѣ они видѣли, какъ я запечаталъ въ свертокъ бумагъ двадцать билетовъ.

Жюльетта и г-жа С*** посмотрѣли другъ на друга съ уливленіемъ.

— И ты знаешь имя господина, которому передалъ этотъ свертокъ бумагъ?

— Знаю-ли я его имя, еще-бы... Этотъ красивый баринъ въ силѣ, да я его не боюсь; я каждый день буду ходить къ нему на квартиру, пока онъ не возвратитъ мнѣ мои двадцать тысячъ франковъ.

— Какъ его зовутъ? спросила г-жа С***

— Де-Линанъ, отвѣчалъ Берю: — вы видите теперь, что они въ Парижѣ еще почище разбойничаютъ, чѣмъ въ Бове.

— Де-Линанъ! воскликнула Жюльетта, ты навѣрное знаешь, что его зовутъ де-Линанъ?

— Также вѣрно, какъ я знаю, что меня зовутъ Жеромомъ Берю.

— А! произнесла Жюльетта: человекъ клеветавшій на меня, способенъ на все, даже...

— Даже ограбить Жерома Берю, произнесъ арендаторъ... и онъ это сдѣлалъ.

Послѣ этого арендатору было позволено удалиться, съ тѣмъ, чтобы онъ не уѣзжалъ, не увидѣвшись еще разъ съ своею госпожей. Обѣ дамы занялись странною новостью.

— Каково! произнесла г-жа С***: кромѣ шутокъ, вѣришь-ли ты тому, что мы сейчасъ слышали?

— Милый другъ, отвѣчала Жюльетта:—я презирала Линана, какъ человека, употреблявшаго самыя низкія средства, чтобы погубить беззащитную женщину, но не какъ вора: это обстоятельство заставитъ меня смотрѣть на него, какъ на существо еще болѣе отвратительное. Однако оставимъ въ сторонѣ ненависть, и будемъ разсуждать, какъ-бы дѣло шло о совершенно постороннемъ для насъ человекѣ...

— Начать съ того, продолжала Жюльетта:—де-Линанъ не могъ предполагать, что Берю будетъ говорить объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что подкупать судью преступленіе; потомъ свидѣтели Берю не имѣютъ никакого голоса; хотя онъ и запечаталъ при нихъ деньги въ свертокъ, но онъ могъ ихъ вынуть и опять запечатать. Линанъ могъ быть увѣренъ, что онъ совершенно безнаказанно похититъ двадцать тысячъ франковъ, принадлежащихъ Берю...

— Я согласна съ этимъ, произнесла г-жа С***: но Линанъ принадлежитъ къ числу людей образованныхъ, которыхъ совѣсть не допуститъ совершить такой поступокъ.

— Это правда, возразила Жюльетта:—но и въ числѣ людей образованныхъ, къ несчастію, бываютъ исключенія: почему-бы Линанъ не могъ быть этимъ исключеніемъ? Много-ли найдется такихъ людей, которые рѣшатся клеветать на женщину, губить ее, порочить, какъ онъ на это рѣшился? Между-тѣмъ, этотъ человѣкъ сдѣлалъ то, что я никуда не могу показаться, не краснѣя, и ты послѣ этого еще сомнѣваешься, что онъ способенъ на самыя низкіе поступки?

Ненависть, говорятъ, иногда также заботлива, какъ любовь. Любящая женщина не спускаетъ глазъ съ предмета своей любви; она легко узнаетъ его въ толпѣ другихъ, или угадываетъ его приближеніе по какимъ-либо признакамъ, ничего не значущимъ для другаго. Если-же эта самая женщина начинаетъ ненавидѣть, чувство ея получаетъ совершенно другое направленіе, но заботливость остается та-же самая. Линанъ самъ не зналъ, что Жюльетта слѣдила за всѣми его дѣйствіями; онъ шагу не могъ сдѣлать, чтобы это не было ей извѣстно.

Очень понятно послѣ этого, что Жюльетта не пренебрегала средствами узнавать тѣ важныя обстоятельства жизни Линановъ, отъ которыхъ зависѣло ихъ благосостояніе и положеніе въ свѣтѣ. Ей было извѣстно, что г-жа де-Линанъ пускалась въ биржевыя спекуляціи, основывая свои надежды на упадкѣ и возвышеніи курса. Изъ этого Жюльетта выводила два заключенія: во-первыхъ, что г-жа де-Линанъ слишкомъ благоразумна, чтобы ввѣрять свои капиталы на произволь случая и, вѣроятно, руководствуется указаніями своего сына, а это воспрещено закономъ.

— Г-жа де-Линанъ занимается ажіотажемъ, говорила она самой себѣ, а сынъ ея показываетъ видъ, что ничего не знаетъ, между-тѣмъ какъ онъ-то и есть душа всѣхъ этихъ спекуляцій. Оба они проиграли значительную сумму, теперь надо ее возвратить. Является мой арендаторъ съ связкою бумагъ, гдѣ были спрятаны деньги. Линанъ беретъ

ихъ себѣ; кто это узнаеть? Арендаторъ не посмѣеть заикнуться, а между-тѣмъ это хорошій кушъ.

Берю между-тѣмъ не хотѣлъ уѣхать изъ Парижа, не получивъ обратно свои двадцать тысячъ франковъ, и вездѣ разглашалъ, что г. де-Линанъ ихъ похитилъ и при всемъ томъ рѣшилъ дѣло не въ его пользу, желая угодить оазскому префекту.

Анатоль съ своей стороны былъ слегка встревоженъ, когда грубый и дерзкій арендаторъ укорялъ его въ томъ, что онъ взялъ у него двадцать тысячъ франковъ, находившихся въ запечатанномъ сверткѣ бумагъ.

— Да, говорилъ ему Берю: дѣло мое было правое, но я не могъ положиться на одни мои права, когда мнѣ было извѣстно, что вы всемъ ворочаете ... Когда оазскій префектъ прїѣзжаетъ въ Парижъ, вы ѣздите къ нему, а онъ къ вамъ, вы вмѣстѣ обѣдаете, и послѣ этого, разумѣется, такому ничтожному просителю, какъ я, остается покупать ваше правосудіе.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Анатоль де-Линанъ приказалъ вытолкать Берю изъ комнаты; но когда арендаторъ вышелъ, нашъ рекетмейстеръ задумался. Онъ дѣйствительно припоминалъ слова Берю ... онъ точно получилъ запечатанный свертокъ—что не допускается по обще-принятому порядку—тѣмъ болѣе, когда истецъ самъ предъявляетъ докладчику свои документы. При всемъ томъ, Линанъ помнилъ, что, приступая къ дѣлу, онъ самъ распечаталъ бумаги. Все это начинало его беспокоить, тѣмъ болѣе, что его докладъ былъ сдѣланъ въ пользу Берю. Онъ представлялъ государственному совѣту, что, по законамъ, оазскій префектъ былъ въ полномъ правѣ располагать водами рѣчки Менили и строить на ней мельницу; но, прибавилъ къ этому, что г. префектъ и безъ того очень богатый владѣлецъ, и что можно-ли допустить, чтобы одно и то-же лицо, занимая важное мѣсто въ департаментѣ, пускалось въ подвѣдомственномъ себѣ округѣ въ земледѣльческія спекуляціи. Такой взглядъ на вещи показывалъ человѣколюбіе и потому многіе члены обратили на него особенное вниманіе и, еслибъ Берю явился теперь съ своей жалобой, то, вѣроятно, это великодушное чувство было бы приписано его корыстолюбивымъ видамъ.

— Между-тѣмъ этотъ человѣкъ лжетъ, повторялъ Анатоль самому себѣ: онъ лжетъ, какъ безстыдный плутъ; я перелистывалъ его свертокъ съ большимъ вниманіемъ, не пропустилъ ни одной страницы, ни одного слова; самъ распечаталъ его и не видѣлъ даже тѣни банковаго билета.

Линанъ справился объ этомъ Берю и узналъ, что онъ арендаторъ г-жи Норбертъ; тогда онъ пришелъ въ отчаяніе.

— О! воскликнулъ онъ: теперь я погибъ; эта женщина нанесла ударъ моей любви, теперь хочетъ испортить мою репутацію и на этотъ разъ, кажется, она успѣла...

Онъ хотѣлъ послать за Берю, но алчный арендаторъ на другой-же день самъ явился къ нему. Рекетмейстеръ попросилъ его сѣсть.

— Любезный другъ, началъ онъ: ты хлопочешь о двадцати тысячахъ франковъ ... я именно желалъ погорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ.

— Вы хотите мнѣ ихъ отдать? воскликнулъ Берю съ оживившимся лицомъ.

— Я хочу узнать правду; начать съ того, еслибъ отъ меня зависѣло, ты никогда не проигралъ-бы тяжбы, но я желалъ-бы знать, какіе ты тутъ припуталъ билеты?

— Я говорю, воскликнулъ Берю:—о банковыхъ билетахъ, которые я самъ положилъ въ свертокъ и еще при свидѣтеляхъ, при членахъ фоссезскаго муниципальнаго совѣта, не говоря уже о кузнецѣ, о моей женѣ и дочери, которыя также при этомъ были...

— Развѣ ты не знаешь, что, еслибъ это было такъ, ты подвергаешься наказанію за подкупъ чиновника?

— Я очень хорошо это знаю; но для меня все равно ... Пусть мнѣ отдадутъ мои деньги, а тамъ пожалуй, хоть засудятъ...

— Хорошо ... Скажи мнѣ, Берю, ты фоссезскій арендаторъ?

— Да, у меня тамъ мельница...

— Чей ты арендаторъ?

— Г-жи Норбертъ...

— Ты разказалъ ей, что съ тобою случилось?

— Я думаю, что такъ, и еще въ присутствіи другой дамы.

— А, такъ она была не одна, когда ты къ ней былъ призванъ?

— Нѣтъ...

— И ты знаешь имя этой дамы!

— Знаю; Клодина мнѣ все объяснила ... Эта дама г-жа С***.

Послѣ Жюльетты, Линанъ болѣе всего долженъ былъ опасаться г-жи С***, жены министра внутреннихъ дѣлъ; однако онъ такъ умѣлъ скрыть свое внутреннее волненіе, что хитрый арендаторъ ничего не могъ замѣтить.

— Что-же сказала г-жа Норбертъ, когда узнала твое горе?

— Дамы эти говорили между собою, но я очень хорошо замѣтилъ по лицу г-жи Норбертъ, что она считала деньги мои пропащими..

— Почему это? съ достоинствомъ возразилъ Анатолю:—одно изъ

двухъ: или ты не клалъ этихъ денегъ въ свертокъ, или положилъ... Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ найдутся.

— Найдутся? воскликнулъ Берю, оживляясь надеждой: ахъ! если вы благородный человѣкъ, то я не сомнѣваюсь, что онѣ найдутся! Но какимъ-же образомъ онѣ найдутся, когда до-сихъ-поръ вы утверждали что ихъ тамъ не было?

— Ты помнишь, что отдалъ свертокъ въ мои собственные руки...

— Очень хорошо помню...

— Ты помнишь, что я призвалъ тогда Жана?

— Писаря. Помню.

— И помнишь также, что Жанъ взялъ свертокъ и положилъ въ кортонную коробку?...

— Да, да, я еще просилъ, чтобъ вы сами распечатали свертокъ.

— Что я и сдѣлалъ на другой день, и даже коробку самъ перенесъ на мой столъ и, почти не вынимая изъ нее свертка, распечаталъ его; если билеты твои точно были въ сверткѣ, то они не могли пропасть, а развѣ выпали въ коробку. Если ихъ тамъ отыщешь, ты ихъ получишь; въ противномъ случаѣ, ты безстыдный лжеецъ, плутъ, котораго я велю арестовать черезъ два часа. Приходи въ министерство около двѣнадцати часовъ.

Берю вышелъ въ полномъ убѣжденіи, что деньги его уже въ рукахъ рекетмейстера и что благодѣтельные укоры совѣсти побудили его возвратить ихъ.

Линанъ прошелъ въ комнату своей матери.

— Матушка, сказалъ онъ съ лицомъ мрачнымъ и огорченнымъ:— для насъ наступили черные дни; если вы мнѣ не поможете, я погибъ навсегда.

— Что ты говоришь такое, Анатоль? воскликнула г-жа де-Линанъ: объяснись пожалуйста?

Анатоль разсказалъ всю исторію Берю и неслыханную дерзость этого человѣка. Г-жа де-Линанъ пришла въ сильное негодованіе.

— Какъ! воскликнула она:—этотъ негодяй осмѣлился это сдѣлать?

— Не онъ главный виновникъ. Это злая хитрость, посредствомъ которой хотятъ у меня вытянуть деньги и потомъ совершенно меня погубить...

— Этотъ человѣкъ хочетъ тебя погубить?

— Этотъ человѣкъ хочетъ у меня вытянуть деньги, а женщина, которая его поощряетъ, хочетъ меня погубить...

— Вѣрно г-жа Норбертъ? произнесла г-жа де-Линанъ.

— Кто-же другой, какъ не она, рѣшится вооружать противъ меня

общественное мнѣніе? Этотъ человѣкъ ея арендаторъ.... Его прельщаетъ мысль, что онъ сдеретъ съ меня такую сумму денегъ, и кто знаетъ? Можетъ быть, г-жа Норбертъ еще удвоитъ эту сумму, когда мошенническая штука успѣшно сойдетъ съ рукъ....

— Но вѣдь во Франціи есть законы! сказала г-жа де-Линанъ.

— Такъ: но клевету — не смоешь, она всегда возьметъ свое.... Общественное мнѣніе часто ошибается, но никогда не справляется....

Г-жа де-Линанъ пристально посмотрѣла на своего сына.

— Анатолю, сказала она: — отложимъ на нѣсколько минутъ твое дѣло въ сторону; мы займемся имъ послѣ. Я ненавижу Жюльетту по твоей милости; эта ненависть тяготитъ мою совѣсть, можетъ быть, Жюльетта ее не заслуживаетъ.... Скажи, что должна я думать о слухахъ, которыми полонъ весь городъ, и которые ты самъ распространялъ. Мнѣ извѣстно, что Жюльетта вовсе не знаетъ Эльвиу, между тѣмъ какъ ты утверждалъ, что она съ нимъ завтракала; что-же касается до Эрнеста Мейрана....

— О! что касается до этого, произнесъ Анатолю: — то вы можете мнѣ смѣло вѣрить, что она заплатила за него карточный долгъ въ срокъ тысячъ франковъ....

— Согласно, произнесла г-жа де-Линанъ: — но тутъ видно одно великодушіе, на какое, можетъ быть, я не была-бы способна, но въ которомъ я не нахожу ничего предосудительнаго.... Этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ погибнуть, еслибъ ему не помогли....

— Вы сегодня особенно снисходительны, матушка.

— Я сегодня хочу знать истину! Какимъ-образомъ ты могъ предполагать предосудительныя отношенія между Жюльеттой и Эльвиу....

— Если угодно, я тотчасъ вамъ объясню. Когда я обвинялъ Жюльетту, я былъ увѣренъ въ справедливости того, что я говорилъ и что видѣлъ, или, по-крайней-мѣрѣ, что мнѣ казалось. Если я клеветалъ, то я былъ въ заблужденіи. Впоследствии, дѣйствительно я узналъ, что особа, которую я видѣлъ въ Cadran Bleu, была совсѣмъ не она, но молодая актриса, товарка Эльвиу. Зло было мною совершено, и я его не исправилъ, потому-что я не имѣлъ къ тому возможности.... Притомъ уколотъ такую женщину, которая только тѣмъ и дышетъ, чтобы дѣлать мнѣ вредъ, я не считалъ большимъ преступленіемъ. Я любилъ дѣвицу Мейранъ, г-жа Норбертъ разстроила нашу свадьбу; теперь разными ухищреніями она старается меня очернить и губить мою будущность. Она подсылаетъ ко мнѣ человѣка, который требуетъ съ меня денегъ, какихъ никогда не давалъ; этого человѣка она призываетъ къ себѣ передъ женою министъ, и, въ присутствіи ея, меня об-

вменяютъ въ позорномъ дѣлѣ... Человѣкъ, ею подосланный, такого свойства, что онъ позволить себя скорѣй четвертовать, но не откажется отъ своихъ словъ. Въ настоящую минуту, какъ я съ вами говорю, министръ уже все знаетъ, и мнѣ не остается другого средства, какъ разорить себя и васъ; въ противномъ случаѣ, я подвергаюсь суду, какъ лихоимецъ; впрочемъ еще не извѣстно, спасетъ-ли меня это средство? Я ничего не могу сказать положительнаго: такъ хитро былъ составленъ заговоръ! По несчастію, судьбѣ угодно было, чтобы докладъ по дѣлу Берю я составилъ въ его пользу.... Что теперь дѣлать?... Я объявилъ этому человѣку, что долженъ посмотреть въ коробкѣ.... можетъ-быть его деньги найдутся.... Я самъ не понимаю, что дѣлаю.... Г-жа Норбертъ опутала меня своими сѣтями.... Я совершенно погибъ....

— Кто самъ поднялъ бурю, тотъ и глотай ея пыль, произнесла г-жа де-Линанъ: — это очень просто, и должно было такъ кончиться. Г-жа Норбертъ—злая женщина; слѣдовало оставить ее въ покоѣ. Зачѣмъ вмѣшиваться въ ея дѣла? Ты раздражаешь гіену въ ея берлогѣ и жалуешься, что она наровитъ тебя растерзать.... Послѣ этого мать и сынъ принялись разсуждать, что имъ дѣлать. Слѣдовало подать жалобу на арендатора, виновнаго, во первыхъ, въ клеветѣ на Линанъ, и во вторыхъ — въ намѣреніи подкупить судью. Но въ этомъ заключалась двойная опасность:

— Г-жа Норбертъ, говорилъ Анатолю своей матери:—приняла всѣ мѣры предосторожности; если я буду обвинять Берю въ клеветѣ, то онъ представитъ свидѣтелей, чѣмъ онъ мнѣ уже угрожалъ, будетъ жаловаться, надѣлаетъ шуму, произойдетъ огласка; г-жа Норбертъ будетъ неусыпно дѣйствовать съ своей стороны и я останусь въ подозрѣніи.

— Богъ защититъ тебя, мой сынъ, возразила г-жа де-Линанъ. Надо быть правдивымъ передъ Богомъ и передъ людьми; если-бы ты теперь поддался слабости и рѣшился заплатить Берю двадцать тысячъ франковъ, то могутъ спросить, почему ты отдаешь ихъ только тогда, когда онъ началъ требовать, и вслѣдствіе этого могутъ справедливо заключить, что ты ихъ возвращаешь только потому, что не имѣешь возможности ихъ удержать. А если, не разобравъ дѣла, не предъявивъ жалобы, ты заплатишь Берю эти деньги, то будетъ еще хуже: онъ непременно станетъ этимъ хвастать, и тогда твое молчаніе, твоя преступная слабость бросятъ самый дурной свѣтъ на это дѣло, и ты непременно пострадаешь.... Г-жа Норбертъ будетъ говорить, г-жа С*** станетъ поддерживать свою родственницу; захотятъ этому дѣлу дать видъ формальности: какъ и чѣмъ ты тогда защитишься? Какъ докажешь, что тебя хотѣли под-

купить деньгами, которыхъ ты въ глаза не видалъ? Вооружись мужествомъ противъ клеветы, и Богъ защититъ праваго.

Анатоль самъ былъ такого мнѣнія, но онъ колебался, предполагая, что Берю въ этомъ дѣлѣ былъ только орудіемъ Жюльетты; а потому, заплативъ ему свои собственные деньги, онъ думалъ этимъ очистить себя въ мнѣніи г-жи С***. Наставленія матери вывели его изъ этого заблужденія. Онъ рѣшился подать жалобу, потребовалъ къ себѣ сторожей и приказалъ арестовать арендатора, когда тотъ явился къ нему въ присутствіе.

Иначе нельзя было поступить; но предположенія г-жи Линанъ оправдались. Дѣйствительно, вскорѣ вездѣ начали говорить объ этомъ происшествіи, присоединяя къ нему также замѣчаніе о недавнемъ проигрышѣ г-жи де-Линанъ въ биржевыхъ спекуляціяхъ.

Г-жа С*** думала и говорила тоже, что и всѣ. Единственнымъ защитникомъ Анатоля былъ министръ. Онъ считалъ его способнымъ ненавидѣть и мстить; но зналъ его, какъ человѣка правдиваго, умнаго, честолюбиваго, и самое честолюбіе это дѣлало его неспособнымъ къ низости.

III.

ЭРНЕСТЪ ДЕ-МЕЙРАНЪ.

Жюльеттѣ не нужно было самой хлопотать объ отмщеніи своему клеветнику; во-первыхъ, потому что она находилась въ весьма ограниченныхъ сношеніяхъ съ свѣтомъ и голосъ ея не имѣлъ вліянія; во-вторыхъ, она могла быть откровенною съ двумя особами, которыя съ своей стороны преувеличивали своими разказами подозрѣнія, обрушившіяся на де-Линанъ. Первая изъ нихъ была г-жа С***; она охотно соглашалась со всѣми силлогизмами, какіе ей внушала ея родственница. За нею слѣдовалъ Эрнестъ Мейранъ, продолжавшій посѣщать Жюльетту.

— Каково Эрнестъ, говорила она молодому человѣку:— вотъ мой арендаторъ уже сидитъ въ тюрьмѣ; признаюсь, если-бы меня не удерживало здѣсь любопытство, чѣмъ кончится это дѣло, я давно отправилась-бы въ Понти, потому-что имѣніе осталось рѣшительно безъ всякаго призора.

— И сдѣлались-бы тамъ фоссезской мельничихой, удачно возра-

зиль Эрнестъ:— это было-бы вѣрнѣйшимъ средствомъ разрушить все планы префекта.

— Не шутите, Эрнестъ; свидѣтели Берю уже здѣсь — его жена, дочь, которая между-прочимъ очень хорошенькая дѣвушка, я не говорю уже о наиболѣе почтенныхъ жителяхъ той стороны.

— К чему-же медлить! Поѣзжайте въ Понти и позвольте мнѣ за вами слѣдовать; я буду вашимъ работникомъ на мельницѣ...

— Все эти люди, продолжала Жюльетта:— видѣли двадцать банковыхъ билетовъ, которые Берю запечаталъ въ свертокъ.

— Я этому вѣрю; но де-Линанъ можетъ сказать, что Берю самъ распечаталъ пакетъ и вынулъ изъ него свои билеты.

— А съ какой цѣлю?.. Притомъ все вещи Берю описаны и опечатаны; стало быть, двадцать тысячъ франковъ должны-бы найтись между ними.

— Да, это обстоятельство можетъ послужить къ обвиненію де-Линана.

— А что говорятъ объ этомъ дѣлѣ въ свѣтѣ?

— Говорятъ, что вашъ арендаторъ будетъ осужденъ.

— Я понимаю, онъ виноватъ во всехъ отношеніяхъ... Но де-Линанъ.

— О, Линанъ погибъ; могутъ осудить Берю; но никто не повѣритъ, чтобы онъ рѣшился требовать денегъ, которыхъ не давалъ.

— И де-Линанъ будетъ оправданъ по недостатку доказательствъ?

— Конечно, отвѣчалъ Эрнестъ:— но общественное мнѣніе...

Жюльетта опустила голову.

— Вы правы, Эрнестъ, сказала она:— общественное мнѣніе! Пусть онъ почувствуетъ на себѣ всю его тягость... О Боже мой! Когда это мнѣніе заклеитъ безславіемъ моего обвинителя, убѣдится-ли онъ наконецъ въ моей невинности.

Тутъ Эрнестъ бросился успокоивать Жюльетту и даже произнесъ нѣсколько нѣжныхъ словъ. Молодая вдова принимала большое участіе въ Эрнестѣ; съ каждымъ днемъ, она открывала въ немъ новыя достоинства; ей казалось, что онъ становится и умнѣе, и нѣжнѣе, и наконецъ благоразумнѣе. Эрнестъ дѣйствительно сдѣлался благоразумнѣе: расплатился съ портнымъ и ходилъ къ должности съ удивительнымъ прилежаніемъ. Г-жа С*** все это сообщила Жюльеттѣ, и та приходила въ восторгъ отъ этой счастливой перемѣны, приписывая ее своему вліянію.

— Одно, въ чемъ обвиняетъ его начальникъ отдѣленія, говорила г-жа С***:— это сонливость.

— Сонливость?

— Да, онъ является въ должность довольно рано, работаетъ съ прилежаніемъ; но въ извѣстное время имъ овладѣваетъ сонъ, такъ что онъ не въ силахъ ему противиться и засыпаетъ на своихъ креслахъ.

— Для молодыхъ людей сонъ полезенъ, отвѣчала Жюльетта:— и я очень хорошо помню, что еще въ дни моего дѣтства, отецъ Мейрана часто ходилъ къ моему опекуну и засыпалъ у него въ залѣ. У Мейрановъ это фамильная слабость.

Съ-тѣхъ-поръ, когда Эрнестъ приходилъ къ Жюльеттѣ по вечерамъ, она нарочно раньше уходила въ свой будуаръ, чтобы такимъ-образомъ молодой человѣкъ не засиживался у нея и могъ-бы съ бѣльшею бодростію просиживать за работою.

Однако мы должны обнаружить передъ читателемъ, что хорошее поведеніе Эрнеста было чистѣйшее лицемѣріе. Послѣ свиданій съ Жюльеттой, сопряженныхъ съ какою-то принужденностію, Эрнестъ находилъ неизъяснимое наслажденіе за зеленымъ столомъ. Тамъ онъ наслаждался въ кругу мелкихъ игроковъ, которые смотрѣли на него съ подобострастіемъ, какъ на молодаго человѣка, который въ одинъ вечеръ проигралъ сорокъ тысячъ франковъ и заплатилъ ихъ на другой день. Такой человѣкъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ обладать большими достоинствами. Благодаря этому впечатлѣнію, Эрнестъ становился необыкновенно смѣль и, при навѣкѣ и ловкости, купленныхъ на сорокъ тысячъ франковъ, онъ игралъ счастливо.

Эрнестъ уже находился совершенно подъ вліяніемъ вредныхъ наклонностей. Онъ легко сообразилъ, что для него было-бы весьма выгодно пріобрѣсть независимое положеніе, женившись на г-жѣ Норбертѣ и прибравъ къ рукамъ ея состояніе, тѣмъ болѣе, что около этого времени онъ узналъ, что его отецъ также игрокъ и что рано или поздно все богатство г. Мейрана исчезнетъ на зеленомъ полѣ.

Эрнестъ слѣдовалъ съ точностію этомъ плану; но такъ-какъ онъ пилъ и игралъ въ игорномъ домѣ, то онъ всегда дремалъ въ должности. Жюльетта нисколько не обвиняла его за это, потому-что она не знала причины, и еще разъ пришла къ той мысли, что нужно наконецъ ей переменить образъ жизни, который просто ее убивалъ.

— Мой врагъ, говорила она самой себѣ:— теперь самъ страдаетъ подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія: болѣе я ничего не желаю, и хочу теперь жить для собственнаго счастія. Эрнестъ меня любитъ, и я не знаю человѣка, который-бы мнѣ нравился болѣе его. Вышедши за-

мужъ, я уѣду съ нимъ изъ Парижа и мы возвратимся, когда злость будетъ утомлена, когда у меня будутъ дѣти, а такимъ-образомъ будетъ прямое доказательство, что добрая мать никогда не могла быть дурною женщиной.

Госпожа С*** узнавъ вскорѣ этотъ проэктъ, сильно противъ него вооружилась:

— Величайшее сокровище женщины говорила она Жюльеттѣ: ея репутація. Я совѣтую тебѣ не оставлять Парижъ, въ то время, когда паденіе твоего врага можетъ открыть глаза обществу. Ты невинна; до-вольно одного счастливаго происшествія — и ты будешь оправдана. Прежде всего брось мысль выходить за-мужъ за Эрнеста Мейрана; этотъ молодой человѣкъ мнѣ что-то очень не нравится, не смотря на то, что ведетъ себя теперь получше прежняго... Этотъ человѣкъ ниже тебя во всѣхъ отношеніяхъ; ты не любишь его сестры, не уважаешь его отца; къ чему-же сближаться съ такимъ семействомъ?

— Это правда; отецъ его скупой и бездушный старичишка, отвѣчала Жюльетта...

— Гораздо хуже: онъ игрокъ.

— Какъ, игрокъ?

— Дома его въ Парижѣ проданы, земли его въ залогъ; еще годъ или два — и онъ совершенно разорится... Но я тебя знаю, Жюльетта; открытіе мое еще усилитъ твою привязанность къ Эрнесту; твое врожденное великодушіе внушитъ тебѣ мысль помочь сыну промотавшагося отца. Но я должна предупредить тебя, что подозрѣваю въ сынѣ нѣкоторыя изъ гибельныхъ страстей отца. Я увѣрена, что у него черствое сердце...

— О, какъ это можно! воскликнула Жюльетта.

— Что онъ игрокъ...

— Фи, какая несправедливость!

— Что въ немъ нѣтъ деликатности и даже, можетъ быть, чести?..

— Но послушай, воскликнула Жюльетта: — ты, кажется, нарочно хочешь оскорбить меня?..

— Нисколько, Жюльетта; напротивъ, я хочу тебѣ открыть глаза. Дай мнѣ три мѣсяца сроку, и если-бы въ это время Эрнестъ не нашелся ни въ чемъ виновнымъ, я тебѣ первая скажу—иди за него за-мужъ.

— Что-жъ это будетъ, домашняя полиція? презрительно произнесла Жюльетта.

— Да, полиція, отвѣчала г-жа С***: — она охранительница общества; такими средствами она спасла не одну неопытную женщину, которая на краю погибели...

Госпожа С*** поставила на своемъ, и намѣреніе Жюльетты было отложено на три мѣсяца. При этомъ случаѣ, г-жа С*** пригласила Жюльетту къ себѣ на вечеръ.

— Не бойся ничего, Жюльетта, говорила г-жа С***: — ты будешь со мною...

Жюльетта обѣщала пріѣхать, рѣшаясь еще разъ испытать счастье въ обществѣ. Оставшись одна, она увидѣла на столѣ письмо, схватила его и торѣпливо распечатала. Это было письмо изъ Родеза; ея кузень Гербуа извѣщалъ ее о своемъ бракѣ, описывалъ ей новыя свои открытія о тукѣ, и болѣе всего распространялся о женѣ.

— Если г-жѣ Гербуа, подумала Жюльетта: — онъ такъ-же надоѣдаетъ какъ мнѣ, то очень жаль бѣдняжку...

Мы выписываемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этого письма:

«Милая кузина, писалъ г. Гербуа: — женивъ меня на Шарлоттѣ, вы очастливили и меня и весь городъ Родезъ. Вы еще вполнѣ не постигаете, что такое значить старый холостякъ; это существо мрачное, печальное, покинутое, потому — что онъ ото всѣхъ бѣгаетъ и его всѣ избѣгаютъ. Таковъ былъ я. И вдругъ изъ стараго холостяка я сдѣлался молодымъ супругомъ. Домъ мой ожилъ; всѣ, которые забывали меня, теперь ко мнѣ стремятся, преимущественно молодежь. У насъ въ городѣ есть сынъ мера, красивый юноша двадцати семи лѣтъ, который два раза совершилъ путешествія въ Парижъ и одно въ Лондонъ. Этотъ господинъ прежде не хотѣлъ на меня смотрѣть; при встрѣчѣ со мною, онъ отворачивался; теперь онъ самъ за мною ухаживаетъ, протягиваетъ мнѣ руку. Я просилъ Шарлотту, чтобы-она была какъ можно любезнѣе съ Джономъ Плюмеромъ: такъ зовутъ сына мера. (Настоящее его имя *Жанъ*; но со времени путешествія его въ Лондонъ онъ подписывается *Джонъ*.) Г. Джонъ былъ членомъ многихъ земледѣльческихъ обществъ въ Лондонѣ; для меня онъ человѣкъ драгоцѣнный, потому — что онъ можетъ мнѣ доставить важные источники о неорганическомъ средствѣ удобренія, о чемъ я намѣренъ составить новую диссертацию.

«И такъ вы видите, добрая кузина, что я счастливъ: недостаетъ только для полноты моего счастья одной бездѣлицы: шести тысячъ франковъ, которые я одолжилъ моему шурина, Эрнесту Мейрану, и которыхъ онъ не думаетъ возвращать; такъ-какъ вы кузина съ нимъ дружны, то вамъ не трудно будетъ сказать ему словцо на счетъ этого дѣла. Я предназначилъ эту сумму на напечатаніе моего разсужденія о неорганическомъ тукѣ.

IV.

ВИННЫЙ ПОГРЕБОКЪ.

Жюльетта бросила письмо съ презрѣніемъ.

— Вотъ каковъ свѣтъ, произнесла она: онъ вездѣ одинаковъ: онъ плѣняется г-жею Гербуа, а меня, которая ни въ чемъ не можетъ себя упрекнуть, отталкиваетъ.

Улица Серютти, въ которой жила Жюльетта, была самою аристократическою улицей въ ту эпоху. Она была открыта еще въ 1770 году и тогда ей было дано названіе улицы Артуа; въ 1792 году, она получила названіе Серютти, и въ настоящее время называется Лаффиттъ. Въ то время, которое мы описываемъ, въ этой улицѣ было много великолѣпныхъ зданій, которыя теперь или не существуютъ, или совершенно перестроены. На самомъ углу улицы и бульвара находился магазинъ одного виноторговца съ смѣшною вывѣской: на ней была изображена пигва (coing) гигантской величины съ надписью au bon coing*: простонародный каламбуръ, которымъ пользуется большая часть виноторговцевъ, если, по счастію, магазинъ ихъ открывається на углу улицы. Немного пониже было написано: *Виноторговля Шарля Варенна*.

Вареннъ былъ красивый мужчина, привлекательной наружности и самаго веселаго характера. Въ улицѣ Серютти, гдѣ онъ родился, его рѣшительно все любили; болѣе всего къ нему была расположена многочисленная дворня и прислуга этой улицы. Лакеи, кучера, привратники, даже камердинеры иногда забѣгали къ нему, чтобъ выпить съ нимъ бутылочку бѣлаго вина. Для кухарокъ, Вареннъ всегда имѣлъ маленькій запасъ смородинной наливки, а для горничныхъ сладкой анисовой, или кофейный кремъ. Молодые дѣвушки строили ему глазки, потому-что онъ былъ хорошъ и богатъ. Наконецъ, и самъ знакомый уже намъ Пикарь, кучеръ Бюссера, въ настоящее время попричинѣ отсутствія своего барина находившійся при г-жѣ Норбертъ, былъ другъ, повѣренный во всехъ тайнахъ и при случаѣ, наставникъ Вареннъ.

Въ одинъ прекрасный день, Пикарь, послѣ однообразныхъ своихъ операций съ лошадьми, отправился въ погребокъ au bon coing, выпить по обыкновенію свою порцію и сразиться при случаѣ съ какимъ-нибудь подобнымъ ему празднымъ кучеромъ въ свои козыри*; какъ вдругъ

* Coing значитъ пигва; но слово coing выговаривается точно также, какъ другое французское слово coin, которое значитъ уголь. Отъ этого выходитъ каламбуръ.

* Эта игра въ Парижѣ называется triomphe.

Вареннь его встрѣтилъ еще при входѣ и повлѣкъ въ комнату за лавкой :

— Пойдемъ сюда дядя Пикарь, я тебѣ дамъ выпить особеннаго.

— На твой счетъ что-ли?

— Само собой разумѣется...

— Въ такомъ случаѣ, подожди меня минуту, я хочу запастись нантеррскимъ пирогомъ...

— Не нужно, дядя Пикарь, все есть у меня, — колбаса, сыръ, булки.

Пикарь вошелъ въ комнату за лавкой, восхищенный хлѣбосольствомъ своего амфитріона, и друзья сѣли за столъ. Когда они, подобно гомеровскимъ героямъ, успѣли утолить свою жажду и голодъ, и когда для Пикара наступило время пить только потому, что вино было хорошо, Вареннь началъ говорить.

— Любезный другъ Пикарь, сказалъ онъ: — надобно чтобы ты былъ со мною откровененъ.

Пикарь походилъ на Нестора только въ одномъ отношеніи: онъ любилъ много говорить.

— Съ тобою и со всѣми, отвѣчалъ онъ: — въ особенности съ тобою. Впрочемъ всегда должно принимать въ соображеніе званіе того лица, съ которымъ мы говоримъ; ты вѣдь, вѣроятно, не считаешь себя въ обязанности мнѣ объяснять недостатки этого вина, если они дѣйствительно въ немъ заключаются, и чего однако я не чувствую или не смыслю; такъ точно, Вареннь, и я: если ты будешь меня спрашивать о моихъ лошадяхъ, то пожалуй я ихъ стану хвалить болѣе, чѣмъ онѣ того стоятъ... Это мое званіе... Вотъ на-примѣръ у меня былъ карій, котораго я продалъ одному...

— Дѣло идетъ не о лошадяхъ, дядя Пикарь.

— Позволь одно слово, душа моя; пусть мнѣ вѣритъ кто хочетъ, но ужъ теперь нѣтъ тѣхъ лошадей, какія были въ старину. У г-на Бюссьера была закладка... такая, я тебѣ скажу...

— Послушай, дядя Пикарь, мнѣ хочется у тебя спросить совѣта.

— Ты хочешь купить лошадь?

— Вовсе нѣтъ, я хочу жениться...

— Такъ что-жъ, это славная мысль, надобно только, чтобъ жена была хороша; въ этомъ все заключается.

— Вотъ почему я и спрашиваю твоего совѣта; ты ее знаешь.

— Можетъ быть, скажи имя, я буду откровененъ.

— Что ты думаешь о Клодинѣ, горничной г-жи Норбертъ?

Пикарь такъ хватилъ кулакомъ по столу, что съ него полетѣла пустая бутылка и запрыгала тарелка, на которой лежалъ сыръ.

— Клодина! воскликнулъ онъ.

— Да, Клодина, а что?

— Ахъ любезнѣйшій, ты идешь къ конюшнѣ, когда лошадь уже продана, ты покупаешь уздечку, когда скотина принадлежитъ другому.

— Развѣ она за-мужемъ?

— Почти...

— Какъ почти...

— Голубчикъ, мнѣ надобно рассказать цѣлую исторію, и даже довольно длинную, а бутылка ужъ пуста; согласись, что надо начать другую...

Новая бутылка тотчасъ явилась на столѣ, и Пикарь, убѣдившись, что она заключала въ себѣ такое-же доброе вино, какъ и предыдущая, началъ такъ:

— Тебѣ должно быть извѣстно, милый другъ, что Клодина шибко приглянулась одному писарю министерства внутреннихъ дѣлъ ... Нѣкто Жанъ Пико ... Знаешь ты Жана Пико?..

— Нѣтъ, не знаю ...

— Да я и самъ его не знаю. Маленькій человѣчекъ, который не то хорошъ, не то дуренъ; то-есть, просто ни то, ни сѣ. Но онъ богатъ и это, я думаю, бросилось въ глаза Клодинѣ ...

— Такъ она за него идетъ? воскликнулъ Вареннѣ.

— Да надо полагать. Хоть этотъ Пико и не нравится г-жѣ Норбертъ, но у него всегда руки полны брилліантовъ и золота. Онъ угощаетъ у насъ всю дворню. Тебѣ надо обратиться къ г-жѣ Норбертъ, прибавилъ Пикарь.

— Если дѣло только въ томъ, чтобы дарить брилліанты Клодинѣ, такъ за нами дѣло не станеть.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Покупатель, замѣтилъ Пикарь, и приподнялъ красную занавѣску висѣвшую на стеклянныхъ дверяхъ, между лавкою и комнатою.

— Вона, воскликнулъ онъ: — это Жанъ Пико.

Писарь услыхалъ, что его называли по имени и тотчасъ узналъ Пикара. Тогда онъ безъ церемоніи вошелъ въ комнату за лавкой.

— Это ты, Пико? говорилъ кучеръ: — что ты здѣсь забылъ?

— Я ищу ... только не тебя, хоть и радъ, что тебя вижу. Мнѣ нуженъ хозяинъ лавки.

— Это я, отвѣчалъ Вареннѣ.

— Вы готовите кушанья? спросилъ Пико.

— Да, иногда, по заказу ... и то друзьямъ, знакомымъ; но мое настоящее дѣло — виноторговля ...

— А мнѣ именно и нужно заказать столъ для вашихъ знакомыхъ. Вы, вѣроятно, не откажетесь накормить насъ ужиномъ сегодня?

Вареннъ былъ въ нерѣшимости; видъ соперника вселялъ въ него непобѣдимое отвращеніе. Пикарь разомъ развеялъ его нерѣшимость.

— Мой пріятель, произнесъ онъ, можетъ тебѣ приготовить индюшку съ каштанами, какую самъ Камбасаресъ не пробовалъ, а онъ въ этомъ дѣлѣ знатокъ.

— Вотъ это мнѣ и нужно, возразилъ Пико:— я тебя тоже приглашаю, Пикарь, на этотъ ужинъ. Мы соберемся сюда въ восемь часовъ, а въ десять все будетъ кончено.

— Ужъ это не свадьба-ли? спросилъ Пикарь.

— Нѣтъ еще, это только ужинъ. Тебѣ извѣстно, Пикарь, что г-жа Норбертъ сегодня проводитъ вечеръ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ?

— Она тамъ и обѣдать будетъ. Мнѣ данъ приказъ пріѣзжать за нею въ министерство около одиннадцати съ половиной.

— Значить, въ восемь часовъ ты будешь свободенъ: у насъ будетъ ваша кухарка, Жоржъ, твой конюхъ, Антуанъ полотерь и мамзель Клодина. Мы будемъ ѣсть устрицы, котлеты изъ свѣжей поросятины и индюкъ въ каштанахъ, потому-что, какъ ты говоришь, этотъ господинъ такъ хорошо его приготовляетъ. Я ужъ не говорю о винахъ, которыя будутъ самыя лучшія ... Такъ-ли, господинъ погребщикъ?

— Чтобъ онъ далъ намъ только такого, воскликнулъ Пикарь, ударяя по пустымъ бутылкамъ:— и все будетъ хорошо.

— Это романея, по шести франковъ бутылка, замѣтилъ Вареннъ.

— Пусть будетъ романея по шести франковъ бутылка, отвѣчала Пико.

Пико положилъ на столъ сорокъ франковъ въ задатокъ, и вышелъ изъ лавки, поспѣшая возобновить приглашеніе на кухнѣ госпожи Норбертъ.

— Вотъ богачъ! замѣтилъ Пикарь, когда Пико вышелъ,—онъ впередъ платитъ. Какъ онъ тебѣ нравится?

— Отвратителенъ, какъ жаба, отвѣчала Вареннъ, и я готовъ былъ отправить его въ преисподнюю вмѣстѣ съ ужиномъ.

— Ты-бы глупо сдѣлалъ, потому-что онъ угостилъ-бы насъ въ другомъ мѣстѣ, а ты потерялъ-бы случай увидѣть Клодину. Я ей шепну кое-что. Неизвѣстно еще, что можетъ случиться ...

Между-тѣмъ Вареннъ приготовилъ ужинъ гораздо изысканнѣе чѣмъ было заказано; досталъ лучшія скатерти и еще недержанное серебро. Самъ онъ принарядился, какъ нельзя лучше, хотя его молодость и

приятное лицо не требовали украшений; и когда въ восемь часовъ вечера Клодина явилась въ его магазинъ, онъ встрѣтилъ ее самую нѣжною улыбкою и предложилъ букетъ цвѣтовъ, который горничная приняла съ нѣкоторымъ волненіемъ. Пикарь уже съ нею успѣлъ объясниться.

— Лошадь съ серебряными подковами, говорилъ онъ горничной, еще не становится скакуномъ, не все то золото, что блеститъ. Пико пригласилъ меня на ужинъ, и мнѣ не слѣдъ-бы говорить не въ его пользу; однако если-бы съ одной стороны поставить богатство Варенна и съ другой господина Пико, такъ я думаю, что сторона моего друга перетянетъ.

— Пикарь, отвѣчала Клодина, я не такая дѣвушка, чтобъ гнаться за богатствомъ.

— Кому-же это лучше знать, какъ не мнѣ, говорилъ Пикарь, — я тебя помню съ дѣтства. Но будемъ говорить о дѣлѣ: Вареннъ молодецъ, красавецъ, всѣ въ кварталѣ знаютъ его за добраго малаго. Вотъ тутъ напротивъ насъ въ домѣ есть кухарочка, которая очень-бы желала быть на твоёмъ мѣстѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Да ужъ такъ.

— Ахъ! я ее знаю, говорила Клодина, — высокая блондинка, съ большими фаянсовыми глазами.

— Они голубые, возразилъ непоколебимый кучеръ, они совсѣмъ не фаянсовые. Есть также у графини Романи горничная, не знаю право, еще чуть-ли она не ея компаньонка, которой Варенну стоитъ только сказать слово ...

— Ты думаешь?..

— Я въ этомъ увѣренъ, и помани мое слово, не пройдетъ восьми дней послѣ твоей свадьбы съ Пико, какъ онъ тоже на ней женится, если только бѣдняга не помретъ съ горя ...

— Ты просто насмѣшичаешь, Пикарь.

— Я никогда не смѣюсь, когда говорю о любви. Поговоримъ хорошенько о Пико: его можно любить, я не говорю тебѣ что нельзя; но развѣ что ты совсѣмъ ослѣплена любовью, а не то, согласишься сама: вѣдь онъ не больно хорошъ ...

— Тоже говорить и наша госпожа, замѣтила Клодина.

— Это правда, госпожа его не любитъ, и мнѣ кажется, что тебѣ, какъ честной и преданной дѣвушкѣ, не слѣдовало-бы выходить за того человѣка, котораго госпожа не любитъ ... Вотъ на-примѣръ я ... Нѣсколько дней тому назадъ у меня былъ чудный рыжакъ, вдругъ госпо-

жа прошла черезъ дворъ въ то время, когда я его обтиралъ соломою: «Что ты дѣлаешь Пикарь, съ этою гадкою лошадыю», сказала она? Я ничего не отвѣчалъ, но на другой-же день продалъ рыжака; а вотъ теперь слышу, что лошадь околѣла отъ *сану*. Это все нимало не касается Пико; я ничего не говорю на счетъ его, притомъ это было бы и нечестно съ моей стороны; сегодня вечеромъ онъ меня угощаетъ; однакожь, откуда этотъ Пико? Какого онъ происхожденія? Никто не знаетъ, а это штука не послѣдняя. Совѣтовать я тебѣ не могу, Клодина, — заключилъ кучеръ, — но Вареннъ тебя любитъ. Старайся поужинать съ ашетитомъ: будетъ чудесный *индюкъ* и «доброе вино».

Клодина воспользовалась этими совѣтами. Она знала Варенна, но не помышляла о немъ, не предполагая, чтобы и онъ въ свою очередь думалъ о ней. Клодина была изъ числа тѣхъ благоразумныхъ дѣвушекъ, которыя удаляются отъ нѣжныхъ объясненій и сдаются на первое предложеніе о бракѣ. Вареннъ былъ хорошии хозяинъ, сосѣдъ, постазщикъ двора королевы Гортензіи, — все это представляло блестящую партію. И вотъ почему Клодина приняла букетъ, который Вареннъ предложилъ ей съ самою нѣжною улыбкой; она приколола его къ кушаку и замѣтила, что даже на мызѣ Бюссьера гвоздика не пахнетъ такъ хорошо.

Пико находилъ такую внимательность слишкомъ неумѣстною и металъ на Варенна свирѣпыя взгляды, но Вареннъ выдерживалъ ихъ съ такимъ видомъ, который прямо отвѣчалъ, что онъ готовъ на всевозможные вызовы. Вообще Пико не былъ счастливъ въ своихъ друзьяхъ. Мы уже видѣли, что Пикарь передался на враждебную для него сторону, а конюхъ Жоржъ еще менѣе чувствовалъ къ нему расположенія какъ къ жениху Клодины. Клодина давно уже нравилась Жоржу; но скромная и робкая любовь его была тайною для всѣхъ. Жоржъ любилъ и страдалъ, никому не говоря ни слова. Жениться на горничной госпожи, на дѣвушкѣ самой приближенной къ ея особѣ, которая никогда отъ нея не отлучалась; это, по понятіямъ конюха, было такъ необыточно, что даже казалось ему смѣшнымъ.

Чтобы успѣть въ такомъ дерзкомъ проэктѣ, надлежало-бы произвести возмущеніе во всемъ домѣ, какъ на-примѣръ: чтобы Пикарь упалъ съ козелъ и сломалъ себѣ руку. Можетъ быть, тогда Жоржъ нашелъ-бы возможность заступитъ мѣсто своего флигельмана, и въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ-бы болѣе правъ надѣяться. Но Пикарь твердо сидѣлъ на своихъ козлахъ, и могли-бы лошади убитыя, карета разлѣтеться въ дребезги, а Пикарь все-таки остался-бы недвижимъ на козлахъ, какъ статуя на своемъ пьедесталѣ. Такимъ-образомъ Жоржъ

страдалъ безнадежно; когда-же онъ увидѣлъ появленіе писаря съ золотомъ, который отнималъ у него послѣднюю надежду, тогда онъ распался самою сильною ненавистію къ Жану Пико; и не смотря на то, что принялъ приглашеніе къ ужину, но въ тоже время отъ чистаго сердца желалъ, чтобы Пико захворалъ отъ несваренія желудка, или чтобы вино произвело въ немъ колики. Кухарка не простирала свои виды такъ далеко: она только завидовала; это была искусная кухарка тридцати-пяти или тридцати-семи лѣтъ, круглая, жирная, дебелая баба, немного краснолицая, у которой во рту по счету состояли въ исправности тридцать два зуба и не было ни одного сѣдаго волоска на головѣ. Пиаръ (такъ ее звали) находила очень глупымъ, что Жанъ Пико обратился не къ ней, опытной и благоразумной женщинѣ, а къ Клодинѣ, дурищѣ, толстой какъ два кружка коровьяго масла, которая болѣе ничего не знала и не умѣла, какъ одѣвать и раздѣвать барыню.

— Еслибъ этотъ дуракъ Пико, говорила она самой себѣ,— женился на мнѣ, мы-бы открыли съ нимъ магазинъ живности на бульварѣ, подорвали-бы самого Шеветъ, и въ четыре года успѣли-бы разбогатѣть до такой степени, что переманили-бы къ себѣ Пикара, отняли-бы его у г. Бюссьера и чудесно бы усадили на козлахъ нашей собственной кареты.

Между-тѣмъ Пиаръ была преразборчивая невѣста. Она отказала мяснику, булочнику, пряничнику, портному, который жилъ на углу, а къ Варенну охотно забѣгала пить смородинную настоичку, потому-что настоичка была превосходнаго вкуса, и еще потому, что красивые мужчины ей нравились.

Всѣ сѣли къ столу и развернули салфетки. Пиаръ тотчасъ замѣтила, что салфетки камчатныя, точно такія какъ у ихъ госпожи; а Пикарь, взвѣсивая въ рукѣ вилку, преважно сдѣлалъ замѣчаніе, что по одному вѣсу онъ узнаетъ достоинство этого стариннаго серебра.

— Такихъ ужъ нынче не бываетъ, прибавилъ онъ: это также какъ лошади, и...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Пиаръ: кажется приборъ-то Варенна еще не поставленъ... Вареннъ, голубчикъ, прійди сядь подлѣ меня...

И кухарка при этомъ навалилась на Жана Пико, подлѣ котораго она сидѣла, очистивъ такимъ-образомъ мѣсто Варенну.

— Я не приглашалъ этого господина, сказалъ съ досадою Пико.

— И вы дурно сдѣлали: Вареннъ нашъ общій пріятель, онъ долженъ съ нами вмѣстѣ ужинать.

Эту мысль раздѣляли Пикарь и Жоржъ. Клодина взяла букетъ, находившійся за ея кушакомъ и понюхала его. Вареннъ въ это время

приготовлялъ устрицы. Онъ вскорѣ явился въ своемъ очаровательномъ голубомъ нарядѣ, въ отличномъ оранжеваго цвѣта жилетѣ и въ батистовомъ галстукѣ съ прошивными кончиками.

— Я не могу съ вами ужинать, отвѣчилъ онъ: я буду прислуживать дамамъ; но во время десерта я предложу имъ двѣ или три бутылочки вина, которыя у меня всегда готовы для важныхъ случаевъ, и если мнѣ позволятъ, то я охотно раздѣлю ихъ съ прекраснымъ поломъ.

— Вино королевы Гортензій? спросилъ Пикарь.

— Нѣтъ, дядя Пикарь, шампанское.

— Въ такомъ случаѣ, голубчикъ, воскликнула кухарка,—начнемъ съ десерта, и садись сюда...

Однако предложеніе не было принято. Между-тѣмъ подали устрицы и уже на столѣ дымился великолѣпный индюкъ въ каштанахъ. Утренній завтракъ ни мало не испортилъ аппетитъ Пикара; Жоржъ ѣлъ и пилъ какъ встревоженный человѣкъ, желая чѣмъ-нибудь себя разсѣять. Пикарь утверждала, что она сама не могла бы такъ хорошо изжарить индѣйки. Клодина, царица праздника, какъ модница, ѣла очень не много и съ большими граціями. Романея не разъ уже сдѣлала крушокъ и пирующие начинали оживляться: одинъ Жанъ Пико былъ печаленъ и ѣлъ безъ аппетита; вино онъ находилъ безвкуснымъ, индюка въ каштанахъ не хорошимъ, и сожалѣлъ, что обратился къ виноторговцу, вмѣсто того, чтобъ заказать ужинъ какому-нибудь извѣстному ресторатору. Въ глубинѣ души своей онъ былъ очень недоволенъ и придумывалъ какъ-бы найти причину или какой-нибудь предлогъ, подъ видомъ котораго могъ-бы оставить пирующихъ и удалиться къ себѣ на квартиру. Его удерживали только опасенія на счетъ Клодины. Это значило-бы, думалъ онъ, совершенно уступить ее нѣжнымъ приманкамъ и ласкамъ виноторговца, потому-что Пико смотрѣлъ на подаренный имъ букетъ какъ на изъясненіе въ любви. Кучеръ Пикарь постоянно заботился только о томъ, чтобы Пико не отставалъ отъ другихъ въ попойкѣ и безпрестанно подливалъ ему вина. И Пико охотно пилъ, готовый опьянеть, съ тѣмъ чтобы размыкать свою хандру.

Онъ вскорѣ достигъ желаемой цѣли; крѣпкіе пары романеи разыгрались въ головѣ его и онъ скоро забылъ свою печаль, рѣшившись наслаждаться настоящимъ, но однако-же, не забывая и будущаго. Къ тому-же Пико ничего не терялъ: ему не угрожала ни малѣйшая опасность. Что-жь, думалъ онъ, если потеряю Клодину—не бѣда! Въ Парижѣ такъ много хорошенькихъ дѣвушекъ, что одна легко замѣняетъ другую. Онъ предавался этимъ мыслямъ, которыя, безъ сомнѣнія, были слѣдствіемъ вина, въ то самое время, когда подали

десертъ и Вареннъ вошелъ въ комнату въ сопровожденіи двухъ прислужниковъ несшихъ за нимъ шампанское.

Съ живостію занявъ мѣсто между Пипаръ и Клодиной, Вареннъ поставилъ по бакалу передъ каждымъ собесѣдникомъ и сказалъ:

Теперь моя очередь угощать этихъ господъ и этихъ дамъ...

Появленіе шампанскаго оживило цѣлое общество. Тогда это вино было въ рѣдкость, и Вареннъ угощалъ друзей своихъ по-княжески.

— Шампанскаго! воскликнула Пипаръ, подставляя свой стаканъ.

Пробка ударилась въ потолокъ и пиршество началось снова. Вареннъ предлагалъ безпрестанныя тосты, устремляя свои пламенные взгляды на Клодину и приказывая подавать новыя бутылки. Казалось, погребъ его былъ неистощимъ.

Говорятъ, что вино придаетъ мужество самымъ робкимъ. Это правда, но главное достоинство заключается въ томъ, что оно развязываетъ языкъ и храбрыхъ и трусовъ, заставляя часто высказывать сокровенныя тайны сердца или души. Пипаръ былъ уже очень на веселѣ; онъ хвалилъ своихъ лошадей и разсыпался въ панегирикахъ своему другу Варенну.

Жанъ Пико, запустивъ руку въ карманъ, побрякивалъ наполеонами и обѣщалъ угостить Клодину завтра тѣмъ-же шампанскимъ. Жоржъ пожиралъ глазами виновницу пира, съ ненавистью и презрѣніемъ поглядывая на Пико; нарочно вышилъ цѣлый стаканъ холодной воды, чтобы успокоиться и начать правильнѣе атаку, которую успѣлъ хорошо обдумать.

— Пико—съ улыбкой сказалъ онъ: ты кажется, родился въ Парижѣ, я въ этомъ увѣренъ; только парижскій уроженецъ можетъ насъ такъ угощать, какъ ты угощаешь.

— Ты не ошибся, отвѣчалъ Пико: я родился въ Парижѣ.

— Въ улицѣ Святаго Іакова?

— Такъ.

— Вѣдь и я родился въ той-же самой улицѣ.

— Ага!

— Миѣ кажется, что я даже помню тебя маленькимъ...

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ Пико, допивая стаканъ вина.

— Мы съ тобою, Жанъ, были въ одной школѣ.

— Въ школѣ отца Шикалена.

— Такъ, у отца Шикалена, у котораго мы, говоря по совѣсти, ни чему не научились.

— Ну, — я, — возразилъ Пико тономъ особенной самоувѣренности, — умѣю читать и писать.

— Я такъ не знаю ни того ни другаго; такъ если это ты, Жанъ учился у отца Шикалена,—значитъ ты, сынъ Антона Пико, ремесленника, нанимавшего квартирку на углу улицы Святаго Іакова?

— Это правда.

— Я даже больше знаю, продолжалъ Жоржъ, отецъ твой ровно тебѣ ничего не оставилъ, потому-что онъ умеръ банкротомъ, оставшись должнымъ тридцать франковъ моей матери, которыя никогда не были уплачены.

Послѣдняя откровенность пріятеля не могла понравиться Пико, который рассказывалъ за нѣсколько минутъ, что онъ славно пожилъ на деньги, доставшіеся ему послѣ смерти отца. Улика была злая и расчитанная. Будучи пьянъ Пико уже успѣлъ забыть ту басню, которую только — что разказалъ, и вообразилъ, что отъ него чисто на-чисто требуютъ отчета откуда онъ взялъ деньги. Къ этому присоединился страхъ за тайну, открытія которой онъ такъ боялся, хотя тайна эта никому не ввѣрялась. Развѣ тебѣ нужны деньги? сказалъ онъ, наклоняясь къ Жоржу: изволь, для друга у меня всегда есть деньги.

Жоржъ болѣе ничего не слушалъ; вскочивъ съ мѣста, онъ схватилъ Пико за воротникъ.

— Это воръ, вскричалъ онъ—мы угощаемся на воровскія деньги! Клодина! твой женихъ воръ...

Пикарь искоса посмотрѣлъ на своего конюха.

— Здѣсь вовсе нѣтъ воровъ... произнесъ онъ: мы здѣсь все честные люди, неспособныя ни на какое худое дѣло... Все, какъ наши лошади: вы никакъ не заставите Бриллажа ѣсть въ стойлѣ Кокотты, ни Кокотты...

— О небо! что говоришь ты? воскликнула Клодина.

— Ты кажется, голубчикъ, слишкомъ много выпилъ, или слишкомъ мало; что-нибудь одно изъ двухъ... замѣтила г-жа Ципаръ, обращаясь къ Жоржу.

Вареннъ, выпившій только нѣсколько стакановъ шампанскаго, обвилъ своими руками станъ Клодины и шепнулъ ей на ухо:

— Не бойтесь ничего, я здѣсь; хотите, такъ я заставлю замолчать Жоржа.

— Нѣтъ, отвѣчала Клодина: оставьте его, пусть онъ говорить.

— Дядя Пикарь, сказалъ Жоржъ, продолжая держать за шею несчастнаго Пико, если ты честный человекъ, ступай за полиціей.

Пико сдѣлалъ отчаянное усиліе, и, вырвавшись изъ рукъ конюха,

готовъ былъ возетать на защиту своей чести; но когда онъ услышалъ слово полиція, то чувство самсохраненія прогнало въ немъ весь хмѣль.

— Не погубите меня, сказалъ онъ почти сквозь слезы: я вамъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла; я прошу у васъ только позволенія уйти...

— Сознайся, что ты на воровскіе деньги купилъ золотую цѣпочку Клодинѣ, продолжалъ Жоржъ, — я только этого отъ тебя требую; сознайся, сознайся, а послѣ того ступай куда знаешь.

Жоржъ оралъ какъ бѣшенный; окна были на улицу и а Пико безъ сомнѣнія опасался, чтобы на улицѣ не услышали крикъ въ погребкѣ.

— Замолчи Жоржъ, замолчи, повторялъ онъ: я скажу тебѣ всю правду. Эти деньги ... эти деньги я нашелъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, укралъ! повторялъ Жоржъ.

— Нашелъ, другъ мой, нашелъ, клянусь тебѣ...

— Я, другъ твой? Нѣтъ, ужъ извини меня любезный... Сознавайся.

— Ну, пожалуй, Жоржъ, пусти только меня ... пусть я укралъ, если ужъ тебѣ такъ этого хочется.

При этихъ словахъ Жоржъ выпустилъ изъ рукъ свою жертву. Ободрившійся Пико, не вымолвивъ ни слова, бросился къ дверямъ, спѣша воспользоваться дарованной ему свободой.

— Стойте, господинъ писарь, сказалъ виноторговецъ, останавливая несчастнаго: васъ обвиняютъ въ воровствѣ и вы сознаетесь.

— Вовсе нѣтъ! воскликнулъ Пико, скрестивъ руки:—я хочу избавиться этого человѣка и объясню вамъ....

— У меня мѣсто публичное, возразилъ Вареннъ: я долженъ во всемъ, что у меня происходитъ, давать отчетъ правительству, и потому ужъ извините, я буду виноватъ, если васъ выпущу....

— Послушай Вареннъ! кричалъ Пикарь, уже совершенно упоенный виномъ: послушай, выпей—ка стаканчикъ шампанскаго и пусти этого человѣка; когда у лошади дѣлается *санъ*, то ее всегда выгоняютъ изъ конюшни.

— Г. Вареннъ, г. Вареннъ! повторяла Пикарь: я васъ увѣряю, что все это объяснится завтра, приходите къ намъ завтракать въ поварскую, я приготовлю вамъ супъ à l'oignon. Пико тоже прійдетъ, и онъ намъ все скажетъ.

— Да, да, отвѣчалъ Пико: я вамъ клянусь, что прійду; честное слово.

— Честное слово вора! воскликнулъ Жоржъ, который снова приблизился, чтобъ схватить Пико.

— Между—тѣмъ магазинъ еще не былъ запертъ. Въ это время проходилъ мимо дозорный карауль. Шумъ, происходившій въ лавкѣ, обра-

тилъ его вниманіе. Сержантъ явственно слышалъ, какъ въ комнатѣ было произнесимо слово *воръ*.

— Гальтъ! скомандовалъ онъ патрулю, который остановился передъ дверями магазина, съ тѣмъ, чтобы никого оттуда не выпустить.

Сержантъ вошелъ одинъ и прикладомъ ружья растворилъ стеклянную дверь въ комнату за лавкой, опустивъ потомъ ружье на порогъ комнаты.

— Это карауль! произнесла Пикарь.

— Взойдите, сержантъ, произнесъ Вареннъ, отворяя дверь: я только что хотѣлъ отправиться за полиціей.

— Сюда, товарищи! воскликнулъ сержантъ своей командѣ, оставшейся у входа.

Солдаты вошли, и вдругъ между-ними нашелся человекъ, о которомъ никто не помышлялъ и котораго внезапное появленіе удивило пировавшихъ, исключая Варенна... Это былъ Анатоль де-Линанъ. Протолкавшись между двумя солдатами, онъ вошелъ въ комнату. Удивленный Пикарь медленно поднялся съ своего мѣста и не могъ утерпѣть, чтобы не воскликнуть: г. Анатоль! Клодина совсѣмъ потерялась, Пикарь опрокинулъ стаканъ шампанскаго на скатерть, а Вареннъ зная г. Линана и въ лицо и по имени, подошелъ къ нему съ вѣжливостью: «Вотъ сударь, одинъ плутъ, сказалъ онъ указывая на Пико: — который втерся между этими честными людьми. Намъ остается только отослать его съ карауломъ къ полицейскому комиссару.

Г. Линанъ окинулъ взглядомъ присутствовавшихъ и къ немалому удивленію узналъ въ обвиняемомъ Жана Пико, своего писаря.

— Жанъ, воскликнулъ онъ:—Жанъ, поди сюда! Слышишь-ли ты, Жанъ! И что ты здѣсь дѣлаешь съ людьми г. Бюссьера и г-жи Норбертъ?

— Это воръ, произнесъ Жоржъ громкимъ голосомъ:— онъ укралъ большую сумму денегъ и мы хотѣли его отправить въ то самое время, когда вошелъ сержантъ и вы, сударь....

— Воръ!.. который укралъ много денегъ!.. У кого-же? спросилъ Линанъ.

Стоило только взглянуть на Пико, чтобы убѣдиться въ справедливости показанія. Жанъ Пико совершенно посинѣлъ; прибытіе Линана усиливало его смущеніе и страхъ; члены его тряслись, зубы стучали.

— Воръ! повторялъ Линанъ:—этотъ человекъ воръ! Кто вамъ это сказалъ?

— Онъ самъ въ томъ сознался!... подхватилъ неугомонный Жоржъ.

— Это справедливо, сударь, замѣтилъ Вареннъ:—что этотъ человекъ сознался, что онъ воръ, когда онъ былъ въ рукахъ Жоржа, но когда

Жоржъ его выпустилъ, тогда онъ сталъ увѣрять, что эти деньги нашель....

— Нашель!... повторишь г. Линанъ: — Клодина не знаетъ этого человѣка ... этого Жана?

— Она выходитъ на него за-мужъ произнесъ Жоржъ.

— И это г-жа Норбертъ устраиваетъ этотъ бракъ? произнесъ Линанъ, пожавъ плечами.

— Напротивъ того, сударь, сказала Жоржъ:—этотъ человѣкъ вовсе не нравится нашей госпожѣ, и она всячески отговариваетъ Клодину....

— И я могу васъ увѣрить, что Жоржъ говоритъ правду, произнесъ Пикарь, положивъ руку на сердце.—Все, что онъ говоритъ, есть сущая правда. Госпожа сдѣлала мнѣ честь именно такимъ замѣчаніемъ.

— Сержантъ, произнесъ Линанъ, обыщи этого человѣка.

Замѣчая, что сержантъ колеблется и хочетъ сперва отвѣсть Пико въ караульню, Анатолий сказалъ:—Я г. Линанъ, служу по государственному совѣту; этотъ человѣкъ служитъ подъ моимъ начальствомъ. Обыщите его; если вы боитесь взять на свою отвѣтственность большія деньги, какія могутъ при немъ найтись, такъ не беспокойтесь — тутъ есть свидѣтели.

Сержантъ повиновался; онъ передалъ свое ружье самому г. Линану и приблизился къ Пико.

— Не трогайте меня, восклицалъ послѣдній:— не трогайте меня, я вамъ отдамъ все, что при мнѣ находится.

Сержантъ остановился, сложивъ руки на груди, съ спокойствіемъ стараго солдата. Пико вынулъ изъ кармана тридцать наполеоновъ, которые и положилъ на столъ. Потомъ онъ вывернулъ всѣ карманы, и показалъ всѣмъ, что при немъ еще были ножницы, маленькая книжечка и носовой платокъ.

— Тутъ все! прошепталъ онъ.

— Ну, такъ теперь мой чередъ, сказалъ сержантъ.

Однимъ взмахомъ руки онъ растянулъ жилетъ Пико и тотчасъ вытащилъ брилліантовую булавку, которою пристегнута была рубашка писаря.

— Ага, вотъ на первый разъ у него нашелся маленькій гвоздикъ, замѣтилъ сержантъ продолжая обыскъ, а вотъ маленькій поясъ:—

Поясъ былъ растегнуть; въ немъ тотчасъ отыскались четырнадцать банковыхъ билетовъ. Лицо г. Линана просіяло радостью.

— Любезный Вареннъ, сказалъ онъ виноторговцу: — ты умѣешь писать?

— Очень хорошо, сударь....

— Возьми бумаги, перо, чернила, и пиши.

Вареннъ поставилъ небольшой столикъ и приготовился писать.—
Линанъ диктовалъ:

«Жанъ Пико, писарь министерства внутреннихъ дѣлъ, находящійся въ отдѣленіи г. де-Линана, рекетмейстера, сознается, что онъ видѣлъ челобитчика Жерома Берю, арендатора Понтійской земли, который, предъявляя свой искъ г. Линану, передалъ ему запечатанный свертокъ бумагъ при слѣдующемъ замѣчаніи: «Вы найдете въ этомъ сверткѣ вещи, которыя вамъ пригодятся». Жанъ Пико признается, что по этимъ словамъ онъ рѣшился тайно, въ отсутствіи де-Линана, распечатать этотъ свертокъ, и что нашелъ тамъ двадцать тысячъ франковъ въ банковыхъ билетахъ, которыми онъ тотчасъ завладѣлъ. Потомъ онъ опять запечаталъ свертокъ, такъ-что не осталось никакихъ слѣдовъ, которые могъ-бы замѣтить г. Линанъ. Онъ еще сознается въ томъ, что билеты, деньги и брилліанты, найденные при немъ, добыты воровствомъ.»

— Теперь Пико, сказалъ г. Линанъ:—отъ тебя зависитъ подписать или нѣтъ эту бумагу....

Пико уже успѣлъ протрезвиться; онъ былъ побѣжденъ и убитъ; съ воплемъ унелъ онъ къ ногамъ де-Линана и сознался въ своемъ преступленіи; послѣ того взялъ перо отъ Варенна и подписалъ то, что было продиктовано.

— Вы видѣли, господа, сказалъ Линанъ:— что все это произошло свободно, безъ принужденія съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что я Пико не сдѣлалъ ни малѣйшей угрозы.

— Я самъ все видѣлъ и слышалъ, произнесъ голосъ изъ лавки виноторговли.

Слова эти произнесъ комиссаръ полиціи, который былъ извѣщенъ о происшествіи однимъ изъ солдатъ патруля по приказанію сержанта. Всѣ изъ присутствующихъ тоже подписались: сержантъ сдѣлалъ еще маленькій отчетъ комиссару; комиссаръ захватилъ билеты, золото, брилліантовую булавку, и Жанъ Пико, достождно сопровождаемый, отправился доканчивать ночь въ тюрьмѣ, тогда какъ она началась подъ вліяніемъ веселой чаши романей и шипучей пѣны шампанскаго. Когда пирующие оправились нѣсколько отъ своего изумленія, тогда Пикарь первый заговорилъ:

— Ну, я очень радъ, произнесъ онъ:— что Вареннъ знаетъ писать; это дало ему возможность оказать услугу г. Анатолю; Жоржъ, прибавилъ онъ:— если ты такъ хорошо угадываешь людей, то можешь быть счастливымъ.

Пикарь принялась опять за шампанское.

— А, какъ подумаешь, говорила она:— что тотъ, кого я приглашала

на завтракъ, укралъ двадцать тысячъ у де-Линанъ или нѣтъ у Берю .. у этого бѣдняги Берю, у котораго такая хорошенькая дочка. И скажи пожалуй! это было приданое доброй дѣвушки О, Пико приготовилъ ей хорошую будущность....

— А де-Линанъ! произнесъ Жоржъ, продолжая смотрѣть на Клодину. Г. Линана уже тамъ не было. Пикарь вынулъ изъ своего кармана претолстые часы.

— Жоржъ, надо проститься съ компаніей, сказалъ онъ, и запрягать лошадей въ карету. Ты смотри, положи на козлахъ мой дорожный плащъ и мой кнутъ съ слоновою ручкой.

Жоржъ отправился; Пикарь началъ партію въ *домино* съ г-жею Пипаръ; прислужникъ по приказанію Варенна приготовлялъ пуншъ, а самъ Вареннъ оставался почти вдвоемъ съ Клодиной. Виноторговецъ рѣшился воспользоваться счастливою минутой.

— Клодина, началъ онъ: — я очень несчастливъ. Я васъ такъ люблю, а вы этого не замѣчаете....

— Охъ напротивъ, но....

— Но вы не вѣрили моей любви?...

— Я не вѣрю, чтобы вы рѣшились жениться на бѣдной дѣвушкѣ, которая только можетъ надѣяться на милость своей госпожи....

— Почему-же вы это думаете? нѣжно произнесъ Вареннъ: чего же мнѣ больше, когда вы такъ умны и красивы?...

Клодина опустила голову, перебирая листики своего букета.

Вареннъ тотчасъ понялъ, что до-сихъ-поръ благоразуміе и честность принуждали Клодину скрывать свои сердечныя чувства, эта мысль еще болѣе расположила его въ пользу Клодины.

— Такъ я могу думать Клодина, продолжалъ Вареннъ: — что вы не любите этого несчастнаго, который сознался въ своемъ постыдномъ преступленіи?

— О Боже мой! никогда ...

— И вы позволяете мнѣ завтра отправиться къ г-жѣ Норбертъ?

На глазахъ дѣвушки выступили слезы; скрывая ихъ, она посмотрѣла на Варенна съ такою улыбкою, что онъ уже считалъ себя въ правѣ поцѣловать свою хорошенькую собесѣдницу.

— Госпожа Пипоръ, произнесъ кучеръ: — я вижу, что ты не очень храбро играешь въ *домино* ...

Въ эту минуту Жоржъ показался на порогѣ комнаты.

— Не безпокойся, Пикарь, сказалъ онъ: — Госпожа не нуждается въ каретѣ. Она уже два часа какъ возвратилась домой въ простомъ фіакрѣ ...

Этого было довольно, чтобы Клодина поспѣшила оставить пріютъ удовольствія и веселья.

V.

РЕКЕТМЕЙСТЕРЪ.

Г. Анатоль де-Линанъ имѣлъ весьма важныхъ и могущественныхъ покровителей; онъ считалъ между ними кардинала Камбасереса, архіепископа руанскаго, брата архиканцлера. Покровительствомъ такой особы онъ одолженъ былъ своей матери, г-жѣ де-Линанъ. Руанскій архіепископъ тогда временно находился въ Парижѣ; г-жа де-Линанъ поспѣшила его навѣстить, и оказывая ему всевозможное вниманіе, просила его не лишить милостиваго покровительства ея сына, который, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ и дѣятельности, продолжалъ службу въ государственномъ совѣтѣ безъ всякихъ повышеній, какихъ однако онъ вполне заслуживалъ. Просьба эта была весьма щекотлива по причинѣ дѣла Берю; но г-жа Линанъ думала, что успѣхъ въ настоящее время могъ-бы зажать рты тѣмъ, которые-бы осмѣлились сомнѣваться въ честности ея сына.

— Я увижусь съ министромъ, отвѣчалъ прелатъ.

Архіепископъ почти навѣрное зналъ, что просьба его будетъ вполне уважена, однако онъ не хотѣлъ употребить свою силу въ пользу г. Линана и, вмѣсто префектуры, о которой просила мать рекетмейстера, онъ рѣшился поговорить министру о мѣстѣ болѣе скромномъ и какое всегда гораздо легче можно было получить. Франція тогда имѣла департаментъ Роёрскій, который заключалъ въ себѣ прусскія области Клевскую, Гельдрскую и Мейрскую, точно такъ какъ города Кельнъ и Э-ла-Шапелль. Мѣсто клевскаго субпрефекта тогда было вакантнымъ; вотъ объ этомъ-то мѣстѣ кардиналъ Камбасересъ просилъ для г. Линана, и при свиданіи съ г-жею Линанъ, поздравилъ ее съ тѣмъ, что имя сына ея уже въ числѣ самыхъ настоятельныхъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ этого кардиналъ оставилъ Парижъ.

— Любезный сынъ, говорила г-жа де-Линанъ: — вотъ ты уже и префектъ; кардиналъ Камбасересъ мнѣ общалъ, остается только узнать куда будетъ назначеніе, на сѣверъ или на югъ; изъ нѣкоторыхъ словъ я опасаюсь, чтобъ это не было на сѣверъ, и скажу откровенно, что еслибъ мнѣ предоставили на выборъ, то я предпочла-бы югъ. На-примѣръ, еслибъ тебя послали въ департаментъ приморскихъ Альпъ?.. О! нѣтъ, главный

городъ Ницца, это уже слишкомъ хорошо... или напимѣръ въ Пиемонтъ, въ департаментъ Доары и Стурь, потому-что Генуа... это опять слишкомъ хорошо... Да другъ мой, я предпочла-бы Пиемонтъ Нижне-Сенскому или Оазскому департаментамъ... тамъ, ты не былъ-бы достаточно удаленъ отъ г-жи Норбертъ.

Анатоль не отвѣчалъ; ему казалось, что враждебный для него геній Жюльетты лишитъ его этого новаго назначенія. Въ-самомъ-дѣлѣ онъ получилъ письмо отъ министра, который назначалъ ему аудіенцію.

Г. С*** ходилъ по комнатѣ, въ то время когда явился къ нему Анатоль, и когда вышелъ изъ комнаты секретарь, который по-видимому писалъ что-то подъ его диктовку, онъ обратился къ Анатолю:

— Г. Линанъ, сказалъ онъ:—вы замѣшаны въ весьма неприятное и тягостное дѣло, котораго обстоятельства таковы, что подвергаютъ вашу честность всевозможнымъ нареканіямъ не смотря даже на счастливое его рѣшеніе ...

— Можете-ли вы думать, возразилъ молодой человѣкъ.

— Рѣшительно ничего такого, что бы могло относиться къ вашему вреду, милостивый государь, но какъ я знаю дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, то къ моему огорченію, полагаю, что на вашей репутаціи всегда останется пятно ...

— Это ужасно! воскликнулъ Анатоль ...

— Да сударь, общественное мнѣніе васъ осудитъ...

— Но за что? Въ чемъ же виноватъ я?

— Для людей довольно одного предлога, одной ничтожной мысли. Свѣтъ таковъ; онъ вооружается безъ причины, порицаетъ безъ доказательствъ, и метитъ не получивъ оскорбленія. Это паденіе трубы на голову прохожаго. Присутствіе ваше необходимо въ Парижѣ, пока кончится дѣло Берю, которому вы сами дали ходъ; но когда этотъ человѣкъ будетъ осужденъ; тогда вы можете подать просьбу въ отставку, на неопредѣленный срокъ и, разумѣется, получите ее.

Г. де-Линанъ былъ уничтоженъ послѣдними словами Г. С***.

— Я спѣшилъ къ вамъ, милостивый государь, сказалъ онъ: исполненный радости и счастія, и надѣялся на предстательство его высокопреосвященства, кардинала Камбасереса.

— Да, кардиналъ меня просилъ для васъ мѣсто клевскаго субъ-префекта, отъ котораго одинъ шагъ на мѣсто Роёрскаго префекта; но общественное мнѣніе... холодно прибавилъ министръ.

— Мнѣніе это отвѣчалъ де-Линанъ:—мнѣніе, стало быть, и ваше. Если это мнѣніе не справедливо, то милость министра можетъ оставаться тою-же милостію къ оклеветанному.

— Вы ошибаетесь, сударь, это превышаетъ мои силы, и не хотители, я вамъ представлю живой примѣръ? Вотъ онъ. Одна моя родственница, то-есть родственница жены моей была въ подобномъ положеніи, между-тѣмъ какъ эта женщина невинно была оклеветана самымъ недостойнымъ образомъ. И что же! ни мои усилія, ни покровительство моей жены не могутъ возратить ей несправедливо утраченнаго. Эта женщина г-жа Норбертъ; человекъ, который оклеветалъ ее — это вы, вы сударь! И вы не смѣете жаловаться на свою участь пока не исправите сдѣланнаго вами зла!.. Выказавъ вамъ откровенно, продолжалъ министръ: — все то, что давно-бы пора было высказать, я объявляю вамъ, что вы не имѣете ни какого права на мою милость до-тѣхъ-поръ, пока не возвратите честь моей родственницѣ, которую вы у нея отняли...

Голосъ говорившаго возвышался съ каждымъ словомъ; кровь бросилась ему въ лицо и, глаза, казалось мѣтали искры.

— Идите, сударь, сказалъ министръ: — идите, скажите кардиналу Камбасересу, что я отказалъ вамъ не смотря на его ходатайство, но не забудьте ему объяснить причины моего отказа. Прощайте, сударь; вѣроятно, мы съ вами болѣе не увидимся, потому именно, что кажется труднымъ и невозможнымъ исправить зло вами сдѣланное!

Министръ взялъ свою шляпу. Во всѣхъ его движеніяхъ обнаруживались гнѣвъ и негодованіе. — Онъ отдернулъ бархатную занавѣску, скрывавшую дверь, и исчезъ за нею. Г. де-Линанъ остался одинъ.

— Погибъ!.. сказалъ онъ самому себѣ: — погибъ безъ возврата; заговоръ былъ такъ хорошо обдуманъ, что я не могъ устоять; надлежало побѣдить или погибнуть; я побѣжденъ, я долженъ умереть, то-есть исчезнуть, оставить Парижъ, можетъ быть Францію, оставивъ здѣсь только память о своемъ имени, съ которымъ неразлучно гнусное подозрѣніе. Всѣ будутъ убѣждены, что въ сверткѣ Берю были банковые билеты...

Печальный, унылый, въ положеніи человекъ готоваго на самоубійство, г. де-Линанъ вышелъ изъ министерства. Накрапывалъ довольно мелкій и холодный дождь, и солнце уже клонилось къ западу: это было около шести часовъ вечера. Рекетмейстеръ, совершенно не замѣчая куда идетъ, очутился въ саду Пале-рояля. Онъ прошелъ черезъ него, не обращая вниманія на мѣсто гдѣ онъ шелъ; и остановился передъ трактиромъ Провансальскихъ братьевъ. Г. де-Линанъ изнемогалъ отъ усталости и голода, а всего болѣе ему хотѣлось быть наединѣ; ему было-бы тяжело въ эти минуты находиться лицомъ къ лицу съ своею матерью, которая сперва оправдывала его ненависть къ Жюльеттѣ и потомъ порицала его, когда замѣтила, что къ ненависти присоединялась

клевета. Анатолий вошелъ къ ресторатору Провансальскихъ братьевъ и потребовалъ у перваго служителя, чтобы онъ провелъ его въ отдѣльную комнату.

— Не угодно-ли, сударь, вамъ идти за мною, отвѣчалъ служитель: — не прикажете-ли затопить каминъ?..

— Безъ сомнѣнія. Я совершенно продрогъ.

Рекетмейстеръ вошелъ въ отдѣльную комнату; мальчикъ, раздувъ уже потухавшій каминъ и удалился.

Окинувъ взоромъ небольшую комнату, Анатолий тотчасъ узналъ въ ней ту самую, въ которой, за пять или за шесть мѣсяцевъ передъ этимъ, онъ давалъ обѣдъ полковнику Л*** и четыремъ своимъ пріятелямъ; и что въ этотъ обѣдъ нанесенъ былъ первый ударъ репутаціи Жюльетты.

— Такъ, — сказалъ онъ самому себѣ: — это было здѣсь; хорошо! что я здѣсь сдѣлалъ? Я узналъ фактъ истинный и послѣ я его повторилъ. Если министръ считаетъ это клеветой, то пусть онъ возмется за полковника Л***, за Ренонкуръ и наконецъ за самаго Эрнеста Мейрана. Но я чѣмъ виноватъ, какъ развѣ только тѣмъ, что проигралъ пари? Нѣсколько золотыхъ монетъ я долженъ былъ заплатить за секретъ, тогда какъ онъ повторялся не одинъ разъ... Да, да, г-жа Норбертъ платила долги посѣтителя картежныхъ домовъ. Что касается до завтрака въ Cadran Bleu, до Ельвиу, я тоже не клеветалъ, потому-что я былъ убѣжденъ въ справедливости; я, осуждалъ, считая вполне справедливымъ то, что я говорилъ... Желалъ-бы я знать, какъ поступилъ-бы самъ министръ въ подобномъ случаѣ, и рѣшился-ли бы онъ пощадить своего врага, еслибъ онъ узвалъ его вину?.. Но г-жа Норбертъ родственница министра и вотъ въ чемъ мое преступленіе.

Онъ отошелъ отъ камина, и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Между-тѣмъ на столѣ уже дымился горячій супъ въ серебряной чашѣ.

— Что прикажите, сударь, послѣ супа? спросилъ служитель.

— Хорошо, хорошо ... отвѣчалъ Анатолий.

— Не прикажите-ли, сударь, заливнаго? рыбы? У насъ превосходные карпы ... Цыпленка ...

— Да, да, цыпленка. Оставь меня пожалуйста.

— Вотъ господинъ, который сегодня лѣвой ногой всталъ съ постели, — думалъ служитель, выходя изъ комнаты, — вѣрно проигрался на канунѣ.

— А она, — говорилъ самому себѣ Линанъ: — развѣ она меня счидила въ свою очередь? Не пилить-ли она мнѣ горло, какъ тупымъ но-

жемъ, своимъ обвиненіемъ? Кто меня губить какъ не она, возстановивъ противъ меня негодяя, который чернить меня въ мнѣніи благородныхъ людей?..

Служитель вошелъ и принесъ жаренаго цыпленка.

— Вы не изволили попробовать супъ?..

— Оставь-же меня, любезный! Я тебя просилъ.

Служитель быстро поставилъ на столъ жаркое и схвативъ супъ, ушелъ.

— Но, продолжалъ разсуждать Анатолю: — она тоже погибла! Она тоже должна будетъ покинуть отечество, если хочетъ жить спокойно и явиться на гуляньяхъ или въ собраніяхъ, не краснѣя. Мы съ нею поступили какъ два льва, которые оспариваютъ другъ у друга маленькую лужайку воды; въ продолженіи борьбы ихъ песокъ всасываетъ въ себя воду, оба льва умираютъ отъ жажды.

Линанъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ воды и выпилъ, чтобъ прохладить нѣсколько внутренней жаръ, и снова началъ ходить неровными шагами. Голова его горѣла; мысли толпились въ умѣ; онъ уже не чувствовалъ ни голода, ни холода, а между-тѣмъ этого нельзя было приписать дѣйствию камина. Огонь въ каминѣ угасалъ, головни разсыпались и мерцали умирающимъ пламенемъ: Линанъ чувствовалъ лихорадку. Въ нѣсколько минутъ онъ совершилъ переходы отъ совершеннаго унынія къ неяснымъ надеждамъ; отъ злости къ сознанію совершеннаго своего безсилія.

Линанъ кликнулъ прислужника, заплатилъ ему два эку за мнимый обѣдъ и вышелъ изъ трактира. Какая новая мысль теперь зарождалась въ его умѣ? и куда направлялъ онъ шаги свои?.. Онъ шелъ въ улицу Церютти къ г-жѣ Норбертъ, и уже былъ не далеко отъ ея дома, какъ вдругъ патруль, шедшій все впереди его, остановился передъ окнами виноторговли Варенна, прислушиваясь къ шуму въ комнатѣ за лавкой.

— Слышишь-ли сержантъ, сказалъ одинъ изъ патрульныхъ: — какой шумъ ... Десять барабанщиковъ меньше-бъ нагрѣмѣли ...

— Прислушаемся, — спокойно сказалъ сержантъ: — и если эти весельчаки далеко зайдутъ, такъ имъ прійдется ночевать на гауптвахѣ ... Что нѣтъ-ли здѣсь горожанокъ, Жоли-Кёръ?

Жоли-Кёръ, какъ особенный почитатель прекраснаго пола, поднялся на цыпочки и также прислушивался къ шуму.

— Тамъ есть какая-то толстая баба? отвѣчалъ онъ сержанту.

— Ты значить ее видишь, Жоли-Кёръ?

— Нѣтъ; но я слышу ее ...

— По голосу-же ты полагаешь, что она толста?

— По навыку, господинъ сержантъ, я готовъ биться объ закладъ, что тамъ какая-нибудь кухарка или ключница, которая пьетъ вино безъ примѣси воды и у которой красный носъ ...

Между-тѣмъ Линанъ также остановился, вмѣстѣ съ патрулемъ, можетъ быть, частию изъ любопытства, но скорѣе онъ это сдѣлалъ какъ человѣкъ, которому предстоитъ что-нибудь тягостное и неприятное, и который радъ всякому предлогу къ отерочкѣ. Линанъ остановился подлѣ самаго Жоли-Кёра, сталъ прилущиваться и вдругъ онъ слышитъ голосъ:

— Сознайся, что ты укралъ деньги, на которыя купилъ цѣпочку для Клодины ...

Анатоль хорошо зналъ Клодину. Тутъ заговорилъ Пикарь ... Анатолю зналъ и Пикара; ему послышалось даже, что произносятъ имя Жана Пико, его писца. Наконецъ послышался голосъ Варенна:

— Васъ обвиняютъ въ воровствѣ, говорилъ онъ: — и вы согласны, что это правда.

Почти въ это-же время закричалъ Жоржъ:

— Это воръ; дядя Пикарь, ступай скорѣй за карауломъ ...

— Здѣсь караулъ! произнесъ сержантъ и вслѣдъ за тѣмъ онъ вошелъ съ солдатами въ комнату.

Анатоль послѣдовалъ за ними. Дѣло объяснилось въ двухъ словахъ, Линанъ убѣдился, что Жюльетта очень сираведливо обвиняла его потому-что арендаторъ Берю дѣйствительно запечаталъ двадцать банковыхъ билетовъ въ свертокъ, которые укралъ Жанъ-Пико.

— Она не такъ виновна, какъ я думалъ, говорилъ онъ самъ себѣ. Я тоже былъ убѣжденъ, что видѣлъ ее въ Кадранъ-Блѣ, а это была актриса Одесона. Значить, мы поквитались.

Когда патруль удалился, уводя съ собою арестанта, Анатолю присѣлъ на тумбу передъ самымъ домомъ г-жи Норбертъ и предался размышленію, какой оборотъ дѣлу дастъ открытіе воровства Пико.

— Такъ, — повторялъ онъ въ умѣ, — мнѣніе общественное теперь будетъ удовлетворено; никто не въ правѣ меня обвинять, воръ найденъ. Государственный совѣтъ не можетъ теперь мнѣ предлагать безсрочный отпускъ, и министръ исполнить просьбу Камбасареса ... Но если меня хотятъ погубить? Развѣ свѣтъ вѣрнѣ истинѣ? Г-жа Норбертъ будетъ тайно распускать слухъ, что для собственнаго спасенія, я погубилъ писаря. Г-жа С***, ея вѣрный другъ; всеми мѣрами будетъ придавать этимъ вымысламъ видъ правдоподобія. Свѣтъ охотно слушаетъ всевозможныя нелѣпости и отвращается отъ того что просто и очевидно.

Писарь укралъ двадцать тысячъ франковъ: фи! это слишкомъ обыкновенное дѣло. Но рекетмейстеръ ихъ укралъ. Вотъ это такъ! Тутъ, по крайности есть пища для злословія!.. А министръ! Онъ былъ убѣжденъ, что я далекъ отъ такой низости, но онъ на меня сердится за г-жу Норбертъ... Дѣло чисто и Роерская префектура достанется, ужъ конечно, не мнѣ... Но я еще попытаюсь.

Г. Линань всталъ съ своего мѣста, застегнулъ фракъ, натянулъ перчатки какъ человѣкъ, идущій на приступъ и приблизился къ дому г-жи Норбертъ. Въ это-же время Клодина въ поспѣхахъ бѣжала домой. Она хорошо знала, что за такую неисправность ее будутъ бранить, но утѣшалась мыслию, что можетъ рассказать своей барынѣ двѣ весьма любопытныя происшествія и такимъ образомъ, удовлетворяя барскому любопытству, отвратить справедливый гнѣвъ.

Клодина прибѣжала въ ту самую минуту, когда Линань держался за скобку двери.

— Вы здѣсь? воскликнула она въ удивленіи, но г. Бюссьера нѣтъ въ Парижѣ.

— Я знаю. Но я желаю видѣть г-жу Норбертъ.

— Вы хотите видѣть барыню?

— Да, и сейчасъ-же; я знаю что она дома... Доложи обо мнѣ... я иду за тобою.

Двери отворились и оба вошли въ комнату.

Жюльетта снисходя на просьбы г-жи С*** рѣшилась еще разъ явиться въ общество; она отправилась къ министру на обѣдъ и великолѣпный вечеръ. Во время обѣда она сидѣла подлѣ хозяйки, и всѣ на перерывъ оказывали ей всевозможное вниманіе и услуги. Большая часть гостей видѣли ее въ первый разъ и потому восхищались ея красотой, любезностію, благородными приѣмами. Жюльетта съ наслажденіемъ проводила эти минуты, что было очень естественно послѣ двухлѣтняго отчужденія и одиночества. Для нее наступила новая жизнь. Обѣдъ кончился и гости шумною толпой устремились въ залу, гдѣ къ этому времени собралось самое изысканное общество. Здѣсь положеніе, Жюльетты становились болѣе опаснымъ. Г-жа С*** какъ хозяйка, должна была по необходимости ее оставить на нѣсколько минутъ и заняться остальными гостями.

Жюльетта хотѣла тоже войти въ одну изъ гостиныхъ, но утраченная чрезмѣрнымъ множествомъ дамъ, она повернула влѣво и вошла въ комнату, которая составляла родъ маленькаго будуара. Первая особа, какую она увидѣла въ этой комнатѣ, была г-жа де-Линань. Мать Анатоля, узнавъ, что онъ получилъ письмо отъ министра,

пригласившаго его къ себѣ, заключила что вѣроятно ея возлюбленный сыночекъ получилъ желаемое мѣсто. Это заключеніе по ея понятіямъ тѣмъ болѣе было правдоподобно, что Анатолю не возвратился домой обѣдать. Она была увѣрена, что министръ его удержалъ. Когда назначаютъ префекта, то надо многое ему сообщить, во многомъ наставить, такъ думала г-жа де-Линанъ и отправилась въ министерство, чтобъ поблагодарить его превосходительство и сказать нѣсколько пріятныхъ словъ его супругѣ. Она пріѣхала во время обѣда и все-таки увлекаясь пріятною мыслию, что ея сынъ теперь сидитъ за министерскимъ столомъ, удалилась въ небольшой будуаръ, и тамъ рѣшилась выждать благопріятную минуту для свиданія съ г-жею С***. Между-тѣмъ, будуаръ наполнился гостями. Г-жа де-Линанъ сидя подлѣ камина и не желая потерять своего мѣста, внезапно была окружена цѣлымъ роємъ молодыхъ и блестящихъ женщинъ. Она изрѣдка приподнималась и глазами искала Анатоля; но вмѣсто Анатоля явилась Жюльетта. При этомъ явленіи старуха, не допуская злословія, но позволявшая себѣ ненавидѣть, снова погрузилась въ кресла и съ негодованіемъ отвернула голову.

Въ толпѣ дамъ, наполнявшихъ маленькій будуаръ, находилась одна изъ числа тѣхъ, которыхъ принимаютъ въ обществѣ только потому, что ихъ мужья занимаютъ почетныя должности или имѣютъ значеніе въ свѣтѣ. Эта дама была безъ ума отъ Эльвіу. Ей теперь представился самый удобный случай выразить свою ненависть къ Жюльеттѣ и она смѣло подошла къ ней и безъ малѣйшей пощады, съ наглою улыбкой спросила:

— А что г-жа Норбертъ, Эльвіу еще все продолжаетъ давать вамъ уроки цѣнія?

Въ залѣ поднялся всеобщій шопотъ. Всѣ дамы, которыя завидовали красотѣ Жюльетты и ея богатству, обрадовались, что этотъ внезапный случай возобновилъ забытую злобу. Онѣ забыли не только всякое милосердіе и снисходительность, составляющія величайшее украшеніе и прелесть женщины, но и самую вѣжливость и общественное приличіе.

Жюльетта поблѣднѣла, какъ алебастровая статуя, губы ея посинѣли, но вспыльчивость ея на этотъ разъ обнаружилась вполне: она твердымъ шагомъ приблизилась къ спрашивавшей ее дамѣ, и бросила на нее взглядъ самого сильнаго презрѣнія. Потомъ подобно человѣку, который пренебрегаетъ сужденіемъ ничтожнаго существа, не удостоивая никого ни малѣйшимъ отвѣтомъ, она прошла черезъ залу, вышла въ садъ и по широкой аллеѣ устремилась къ выходу. Калитка была на задвижкѣ, но она ее отворила и сѣла на первый фіакръ, безъ шали, безъ салона,

съ открытой головой, точно въ такомъ видѣ, какъ за полчаса она сидѣла за обѣдомъ у министра. Приѣхавъ домой, Жюльетта бросилась въ кресла; блѣдная, недвижимая, полумертвая отъ оскорбленія и гнѣва, она обсуживала свое гибельное положеніе. Болѣе всего ее раздражало что это оскорбленіе было ей нанесено въ присутствіи г-жи Линанъ, которая сама, можетъ быть, приготовила ей этотъ ударъ.

— Мнѣ нуженъ мститель, — говорила она, — я умру отъ горя, если пятно позора съ меня не будетъ смыто. У женщины, которая меня оскорбила есть мужъ, у г-жи де-Линанъ сынъ. Человѣкъ который меня любитъ долженъ потребовать у нихъ отчета.

Она знала человѣка, который могъ и, по ея понятіямъ, и долженъ былъ жертвовать собою за нее; это былъ Эрнестъ Мейранъ; она уже готова была послать за нимъ, какъ вдругъ вошла Клодина.

— Сударыня, — произнесла горничная, — г. Анатоль де-Линанъ желаетъ васъ видѣть.

Можно сравнить это извѣстіе съ прикосновеніемъ къ Жюльеттѣ электрическаго тока, такой трепетъ пробѣжалъ по всему ея составу и въ такомъ оцѣпѣненіи она остановилась и устремила неподвижный взглядъ на Клодину.

— Г. де-Линанъ! прошептала она едва слышно.

Клодина не успѣла повторить имя страннаго посѣтителя, какъ Линанъ самъ отворилъ дверь и вошелъ въ горницу. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ также, какъ Жюльетта.

— Клодина, произнесъ онъ, мнѣ нужно говорить съ твоею госпожею безъ свидѣтелей; выдъ отсюда...

Клодина медлила въ нерѣшимости.

— Выдъ, Клодина — повторила Жюльетта.

Внезапная мысль убѣждала Жюльетту не только въ томъ, что ей нечего было опасаться своего отъявленнаго врага, котораго она также смертельно ненавидѣла; но что напротивъ того, трагическая кончина въ ея гибельномъ положеніи можетъ быть была единственнымъ средствомъ къ возстановленію ея репутаціи; и она съ мужествомъ готова была встрѣтить эту кончину.

Враги нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга; они измѣряли другъ друга глазами, какъ два кровожадные тигра, когда они ищутъ мѣста гдѣ вѣрнѣе нанести ударъ. Наконецъ Анатоль сѣлъ въ кресло и началъ говорить Жюльеттѣ, которая передъ нимъ стояла.

— Мы однако неутѣмимы въ ненависти, — произнесъ онъ, — неправда-ли? Что касается до меня, я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, я изыскивалъ всѣ средства, чтобы смягчить мою ненависть, для

того чтобы придти къ вамъ, но до-сихъ-поръ не постигаю, какимъ чудомъ я здѣсь очутился?... Необходимость привела меня сюда... Я васъ лишилъ добраго имени...

— Нѣтъ, — воскликнула Жюльетта, — не смотря на слезы, которыя ее душили, — это не въ вашей власти.

— А между-тѣмъ, вы очень хорошо знаете, что я это сдѣлалъ и, что если не достаетъ у меня власти, такъ развѣ на то, чтобы поправить зло, какое я вамъ сдѣлалъ.

— Далѣе, сударь, — произнесла Жюльетта — далѣе.

— Но повредивъ вамъ, я самъ себя погубилъ. Вы бросили на меня тѣнь самого постыднаго обвиненія, вы подвергли меня подозрѣнью въ воровствѣ... Слышите-ли, въ воровствѣ?

— Да, это правда, мой арендаторъ васъ подкупилъ, правда что вы сдѣлали все, чтобы его процессъ былъ выигранъ, но вы не успѣли въ вашемъ желаніи, а деньги все-таки у себя оставили...

— Вы не вѣрите этому! воскликнулъ Анатоль, — вы не можете повѣрить, чтобы человѣкъ образованный былъ на это способенъ.

— Я васъ такъ ненавижу, что готова этому вѣрить, — произнесла Жюльетта, — вы сами могли-же вѣрить, что я могла завтракать съ актеромъ въ домѣ, куда входъ открытъ всякому. Нѣтъ, вы этому не вѣрили, и между-тѣмъ все это разглашали...

— Я говорилъ то, что видѣлъ, — отвѣчалъ Анатоль, — или, по крайней-мѣрѣ, что мнѣ показалось. Впослѣдствіи я узналъ истину, но уже невозможно было поправить зло; впрочемъ, до настоящей минуты, я и не желалъ этого... Я любилъ женщину, вы у меня ее отняли для какого-то богатаго глупца изъ вашей родни; отдайте мнѣ Шарлотту де-Мейранъ...

Жюльетта сдѣлала знакъ рукой, который выражалъ: *Пойдите, возьмите ее*; и она опять сѣла въ кресло. Линанъ продолжалъ.

— Наконецъ вы должны знать, что человѣкъ, который съ вами говоритъ, чистъ и безъ малѣйшаго пятна на совѣсти. Ваши люди, сударыня, Клодина, Пикарь, — открыли настоящаго похитителя денегъ Берю; этотъ человѣкъ во всемъ сознался; теперь онъ въ рукахъ правосудія, а признаніе вины онъ подписалъ собственною рукой.

— Э, это старая исторія! Кто промышляетъ этими средствами, тотъ всегда найдетъ себѣ подставнаго — за деньги, — произнесла Жюльетта съ злобною ироніей.

— Жюльетта, — возразилъ Анатоль, — видите-ли до какой степени мы заблуждаемся. Я понимаю враговъ, которые выходятъ на дуэль; понимаю чувство, которое заставляетъ ихъ сразиться, въ надеждѣ, что

одинъ будетъ жертвою другаго; оба они жаждутъ крови; но если-бы оба они должны были умереть, если-бы имъ было доказано, что ни тотъ, ни другой не будетъ побѣдителемъ, тогда битва была-бы невозможна, тѣмъ болѣе, если залогомъ ея будетъ репутація.

— Однако, не вы-ли сами, — воскликнула Жюльетта, увлекли меня въ безчеловѣчную борьбу; я только послѣдовала за вами...

— Согласенъ; мы оба съ вами слѣдовали по естественной склонности, по которой увлекали насъ страсти. Но вотъ мы стоимъ на границѣ всякой возможности идти далѣе, мы не можемъ ничего болѣе противопоставить ударамъ, которыми поражали другъ друга. Я видѣлъ сегодня утромъ министра.

— Ну, что-же?

— Министръ принялъ вашу сторону. Всѣ надежды мои рушились.

— Очень рада! воскликнула Жюльетта.

— Я недумаю однако, — продолжалъ Линанъ, — чтобы это мщеніе принесло вамъ пользу... будетъ-ли еще свѣтъ смотрѣть на это какъ на справедливый поступокъ или онъ приишетъ это за пристрастіе.

Жюльетта еще такъ живо сохраняла въ памяти ударъ, нанесенной ея самолюбію, что не могла сомнѣваться въ справедливости этого замѣчанія; она опустила голову и ничего не отвѣчала. Комната ея была слабо освѣщена; однако свѣтъ восковыхъ свѣчей бросилъ нѣкоторый отблескъ на портретъ покойнаго поручика Норберта, и на небольшую пирамиду оружія, въ числѣ которыхъ находилась сабля, такъ дурно защитившая поручика противъ ярости Вольскаго. Приподнявъ голову Жюльетта невольно устремила глаза сперва на портретъ своего мужа, а потомъ на пирамиду оружія.

— Если-бы онъ былъ живъ, произнесла Жюльетта, указывая на портретъ, тогда-бъ вы не осмѣлились сюда придти, или, по-крайней-мѣрѣ, г. де-Линанъ, вы-бы отсюда не вышли.

— Безполезны предположенія, спокойно отвѣчалъ Анатоль, — измените одно обстоятельство въ нашей прошедшей жизни и тогда все приняло-бы другой видъ.

— То-есть, это значить, что вы низкимъ образомъ воспользовались моею слабостію и моимъ одиночествомъ...

Вовсе нѣтъ, я поступилъ, какъ дикарь, который ни на что не смотритъ, лишь-бы только удовлетворить свою страсть метительности: я наносилъ вамъ удары и получалъ ихъ отъ васъ обратно. Почему ссылаетесь вы на вашу слабость? Я сказалъ вамъ, что погибаю.

— Я это очень хорошо знала, возразила Жюльетта. Что-же вамъ отъ меня нужно? Не хотите ли просить прощенія?

— Никогда, воскликнулъ де Линавъ.

— Такъ говорите скорѣй, что вамъ нужно и избавьте меня отъ объясненій, которыя становятся ужъ мнѣ нестерпимы...

— Я еще успѣю окончить, — спокойно отвѣчалъ Анатоль.

Жюльетта сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Я пришелъ, медленно произнесъ Анатоль — по необходимости, я уже вамъ признался въ этомъ, по самой тяжелой необходимости, какой во всю жизнь мою я еще не испытывалъ.

— Такъ говорите.

Въ это время вошла Клодина и подала письмо отъ г-жи С***.

Жюльетта взяла письмо и прочитала. Родственница писала, что ей уже извѣстно происшествіе, случившееся въ ея домѣ и просила Жюльетту немедленно къ ней пріѣхать и даже остаться у нее ночевать.

— Прикажи запрягать лошадей — сказала Жюльетта своей служанкѣ, по прочтеніи письма. Клодина вышла.

— Мы существуемъ... началъ говорить Анатоль, — мы дышемъ, какъ и другіе люди; законы не могутъ насъ осуждать, мы чисты и непорочны; а между-тѣмъ, свѣтъ насъ отталкиваетъ и презираетъ; онъ повергнулъ насъ въ бездну... еще одинъ шагъ и мы уже никогда не достигнемъ крутаго берега, чтобы изъ нее выбраться...

— Это вы, вы тотъ жалкій! воскликнула Жюльетта выходя изъ границъ терпѣнія.

— Вы и я, мы оба упали; мы оба потеряли выгодное мнѣніе общества.

— Такъ это значить, что человѣкъ низкій, который меня погубилъ, мнѣ-же ставить въ вину мою гибель?

— Я не низкій 'человѣкъ, возразилъ Анатоль, я только человѣкъ слабый, я васъ ненавижу, точно также, какъ и вы меня ненавидите. Но я размышлялъ, я знаю, что такое значить репутація; репутація стоитъ жизни, богатства, талантовъ; а для женщины, репутація воздухъ, которымъ она дышетъ; репутація это невидимое звѣно, которое въ одно и тоже время скрѣпляетъ нашъ неразрывный союзъ въ общественной лѣстницѣ, какъ съ верховнымъ началомъ общества, такъ и съ самыми низкими его ступенями, которыя составляютъ его основу. Тѣ люди, которыхъ древніе лишали употребленія священнаго огня и были отверженниками, которые нигдѣ не находили себѣ убѣжища и пріюта, — они были тоже, что мы съ вами.

— Правда — отвѣчала Жюльетта — въ этомъ я согласна...

— Вы видите наконецъ, — произнесъ Анатоль — мое посѣщеніе было необходимо: оно имѣетъ спасительную цѣль для насъ обоихъ.

— Что-же, вы принесли мнѣ ядъ, который долженъ меня избавить отъ моихъ страданій или ножъ, который долженъ прекратить мою жизнь?...

— Можетъ-быть...

Жюльетта была не изъ числа обыкновенныхъ женщинъ; пылкая и чувствительная, великодушная и воспріимчивая, въ одно и тоже время; послѣ исторіи, какой она подверглась еще въ этотъ-же вечеръ, она чувствовала, что положеніе ея достигло кризиса и что ей должно или умереть или совершенно переменить свою жизнь.

— Можетъ-быть? сказала она. — Прошу васъ пожалуста объясните, что вы этимъ хотите сказать.

Линанъ всталъ съ своего мѣста.

— Жюльетта, — сказалъ онъ: прежде того объясненія, какое вы отъ меня требуете, я долженъ вамъ сказать, что я васъ считаю совершенно невинною и чистою противъ клеветы, которую я самъ распространялъ на вашъ счетъ; мнѣ надо вамъ также сообщить, что вы сами узнаете не далѣе, какъ завтра, что я также вышелъ совершенно чистъ и незапятнанъ изъ глупаго и смѣшнаго дѣла вашего арендатора, наконецъ, что я васъ ненавижу и что вы мнѣ это воздаете сторицею...

— Наконецъ?...

— Наконецъ, мы противъ желаній можетъ быть обязаны другъ другу уваженіемъ...

— Что-же далѣе!

— Я вижу для насъ только одно средство спастись отъ бездны, которая у насъ подъ ногами...

— Какое?

— Желаніе возстановить себя, желаніе занять почетное мѣсто въ свѣтѣ во мнѣ сильнѣе говорятъ самого отвращенія...

— Ну-съ! воскликнула Жюльетта, изнемогая отъ нетерпѣнія.

— Это средство, сударыня, это... намъ надо обвѣнчаться.

Линанъ болѣе не могъ произнести ни одного слова; онъ почтительно поклонился Жюльеттѣ, отворилъ двери и исчезъ.

— Готова-ли карета г-жи Норбертъ? спросилъ онъ у Клодины, встрѣтивъ ее въ передней.

— Готова, сударь.

— Поди же скорѣй, извѣсти ее. Ей нужно ѣхать къ г-жѣ С***.

Жюльетта накинула теплу шаль, надѣла на голову первую попавшуюся подъ руки шляпку и поспѣшила въ домъ министра.

Между тѣмъ, г-жа де-Линанъ была свидѣтельницею происшествія съ Жюльеттой и ея удивленіе было также сильно, какъ и самый испугъ.

Она уже давно знала вспыльчивость г-жи Норбертъ, и боялась только чтобы ее также не замѣшали въ эту исторію и чтобы она невиннымъ образомъ не сдѣлалась предметомъ гибельнаго мщенія Жюльетты. Трепеща отъ страха, старуха опустилась въ кресла, давая пройти грозѣ. Когда Жюльетта исчезла въ саду и между дамъ послѣдовала минута совершеннаго безмолвія и удивленія, г-жа де-Линанъ, чувствуя угрызенія совѣсти, думала воспользоваться этой минутой, чтобъ поправить ошибку сына и опровергнуть клевету на Жюльетту. Она обратилась къ ближайшей дамѣ:

— Я очень хорошо знаю, говорила она, что г-жа Норбертъ не поетъ, и никогда не брала уроковъ пѣнія, тѣмъ болѣе у Эльвиу, котораго она вовсе не знаетъ.

— Точно-ли вы знаете то, что говорите, возразила дама, подымая голову.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Да впрочемъ, возразила дама, я не вижу ничего худаго брать уроки пѣнія у Эльвиу, перваго пѣвца нашего времени..

Г-жа де-Линанъ искоса посмотрѣла на даму.

— Къ чему эта двусмысленность; сказала она. Этимъ только хотѣли дать замѣтить, что г-жа Норбертъ равнодушна къ Эльвиу, а это совершенная ложь. Мой сынъ, по ошибкѣ, принялъ совершенно другую даму за г-жу Норбертъ и распустилъ этотъ слухъ. Поэтому-то я такъ горячо и вступаюсь...

Въ это время вмѣшалась въ разговоръ молодая дама, съ брилліантами и колосьями на головѣ. Она очень походила на Цереру.

— По моему, этимъ дамамъ нецрѣмѣнно надо выйти на дуэль; это будетъ уже второй...

Всѣ присутствовавшія дамы окружили г-жу Линанъ и начали ее спрашивать. Сплетнямъ и пересудамъ не было конца и всѣ обвиненія, падавшія на бѣдную Жюльетту, повторились съ новыми прикрасами.

Происшествіе это однакожъ ни мало не смутило вечеръ, во-первыхъ, потому-что оно совершилось въ маленькой залѣ, гдѣ былъ выходъ въ садъ и Жюльетта отправилась домой, не давъ никому замѣтить своего волненія. Исторія о нанесенномъ оскорбленіи г-жѣ Норбертъ и объ ея порывѣ, стала распространяться съ той минуты, когда мужчины тоже начали принимать участіе въ дамской бесѣдѣ. Въ тоже время г-жа де-Линанъ встрѣтила знакомое лицо. Это былъ старый президентъ.

— Любезнѣйшій Тома, спросила она у него, вы тоже обѣдали у министра?..

— Какъ-же; я былъ удостоенъ этой чести...

— Скажите, пожалуйста, что вы сдѣлали съ моимъ Анатолемъ?

— Съ г. Линаномъ? произнесъ сановникъ съ нѣкоторымъ удивленьемъ.

Его здѣсь не было, и я не знаю, какъ-бы онъ могъ сюда явиться, тѣмъ болѣе сегодня ...

— Какъ сегодня? Развѣ онъ не обѣдалъ у министра?

— Сколько я знаю — нѣтъ; кажется даже онъ находится на дурномъ счету ...

— Это почему?

— Вашъ сынъ, говорятъ, сдѣлалъ, какія то непріятности г-жѣ де-Норбертъ.

— Знаю; и она за это хочетъ его погубить ...

— Она наконецъ достигла желаемого; вашъ сынъ въ немилости, его лишаютъ мѣста и признаюсь, мнѣ очень странно, что вы рѣшились сюда пріѣхать.

— Отъ кого вы могли слышать такія непріятныя новости?

— Отъ самаго министра ... Хотите видѣть его жену?... Я проведу васъ къ ней: она не вмѣшивается въ дѣла, касающіяся службы, но она очень добрая женщина.

— Нѣтъ господинъ Тома, благодарю. Окажите мнѣ только одно одолженіе, проводите меня черезъ залу. Я хочу уѣхать.

Г-жа де-Линанъ возвратилась домой, проклиная Жюльетту, которой злоба испортила всю карьеру ея сына. Вслѣдъ за нею возвратился и Анатолий.

— Сынъ мой, сказала она ему: — Я все знаю ... Я сейчасъ отъ министра. Мы продадимъ домъ, и поѣдемъ въ Бургонію; ты женишься, и ... развѣ нельзя жить также счастливо въ провинціи.

— Это будетъ зависѣть отъ г-жи Норбертъ.

— Отъ г-жи Норбертъ?

— Да, матушка. Пожелайте, чтобъ у этой женщины хватило на столько здраваго смысла, чтобъ черезъ двѣ недѣли сдѣлаться вашей невѣсткой ...

— Моей невѣсткой? — произнесла г-жа де-Линанъ, еще не понимая хорошенько, что ей говорятъ ... что ты хочешь этимъ сказать, Анатолий?

— Что ранѣе пятнадцати дней г-жа Норбертъ будетъ моей женой, если только она воспользуется благими совѣтами ...

— Твоей женой?

— Да, матушка.

— Но развѣ ты не знаешь, что всѣмъ несчастіемъ твоимъ ты одолженъ единственно этой женщинѣ?

— Знаю и чувствую.

— И ты хочешь на ней жениться?

— Я готовъ, отвѣчалъ Анатоль: — буду считать себя вполне счастливымъ, если она только согласится.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула г-жа де-Линанъ: — мой бѣдный Анатоль сошелъ съума?..

Но Анатоль, вмѣсто того, чтобъ разувѣрить мать, изнемогая отъ усталости и голода, позвонилъ и приказалъ подать себѣ бульону и стаканъ бургонскаго, послѣ чего онъ вскорѣ легъ спать.

Жюльетта между тѣмъ, подъ вліяніемъ испуга, какой ей причинило посѣщеніе Линана и непріятной исторіи въ будуарѣ пріятельницы, почти въ лихорадкѣ, пріѣхала къ г-жѣ С***. Вечеръ еще длился, экипажи тѣснились на улицѣ, и домъ ярко горѣлъ огнями. Карета ея вѣхала во внутренній дворъ; она выпригнула и вѣжала въ комнату г-жи С***, гдѣ почти безъ чувствъ опустилась на диванъ.

Пикарь не торопился воротиться домой; ему хотѣлось еще потолковать съ лакеями. Не смотря на привычку выпить лишнее, на этотъ разъ хмѣль у него совсѣмъ прошелъ. Пикарь былъ свѣжъ, какъ майская роза отъ происшествія этого вечера. Онъ обратился къ сторожу.

— Здорово Гермаль, сказалъ онъ, снимая свою галунную шапку, — что, нѣтъ-ли чего новаго?

— Какже Пикарь, отвѣчалъ сторожъ: — котораго большое брюхо доказывало, что онъ былъ въ особенной дружбѣ съ поваромъ, а красный носъ намекалъ на дружбу съ ключницею, — у насъ сегодня былъ залихватскій обѣдъ, а вечеромъ, братъ, шампанское лилось рѣкою! Между тѣмъ еще не все вышли, если хочешь зайти въ комнаты, то г-жа Гермаль тебѣ сдѣлаетъ напитокъ изъ ямайскаго рома, пиценаго лимона и неизвѣстно ужъ какого чаю; войди, войди Пикарь...

— Отъ этого нельзя отказаться, отвѣчалъ Пикарь: — но слушай, и я могу тоже похвалиться залихватскимъ обѣдомъ, и это ужъ не кучеръ давалъ, а одинъ изъ вашихъ, и одинъ... одинъ голубчикъ, которому врядъ-ли прійдется еще разъ такъ потранжирить, развѣ что черезъ двадцать лѣтъ, а можетъ быть и никогда не прійдется; понимаешь-ли, какова строка вышла?..

— Ничего не понимаю... откровенно отвѣчалъ сторожъ.

— Ну, такъ я тебѣ объясню. Я обѣдалъ у Варенна, виноторговца, богатѣйшій обѣдъ, былъ индюкъ а ла камбасересъ и вино... Но все это пустое...

— Что-же тебѣ еще нужно, Пикарь? спросилъ Германъ.

— Я не желалъ-бы каждый день такихъ обѣдовъ ... вѣдь этотъ обѣдъ былъ на счетъ Жана-Пико.

— Жана-Пико! воскликнулъ Германъ: — этотъ плутъ мнѣ что-то больно не правится, я не сталъ-бы съ нимъ ѣсть ни за-что ... откуда у него столько денегъ?

— Откуда?... Онъ ихъ укралъ.

— Укралъ?

— Да, укралъ у арендатора нашей барыни. Господинъ Линанъ и Вареннъ сдали его дозорному сержанту. Теперь онъ въ тюрьмѣ.

— Кто, Вареннъ или сержантъ?

— Нѣтъ, воръ Жанъ-Пико ...

— Зайди Пикарь, зайди, ты расскажешь это моей женѣ, она любитъ слушать рассказы о ворахъ ...

Пикарь вошелъ въ квартиру сторожа, гдѣ пуншъ не допитый въ верхнихъ залахъ еще дымился въ фаянсовыхъ чашахъ, и тамъ, въ присутствіи всей министерской прислуги, Пикарь рассказалъ все подробности этого дѣла и не забылъ упомянуть похвальные поступки его друга Варенна, слезы Клодина и внезапное появленіе г. де-Линанъ, который заставилъ преступника подписать полное признаніе въ преступленіи. Въ министерскомъ домѣ, все новости быстро передаются другъ другу, и если онѣ маломальски могутъ интересовать хозяевъ, то они также немедленно ихъ узнаютъ. Кучеръ г-жи Норбертъ еще едва кончалъ свой рассказъ, а уже министръ все зналъ.

— Г-жа Норбертъ не слишкомъ счастлива, подумалъ онъ: — г. Линанъ выйдетъ сухъ изъ воды; но по справедливости его нельзя оставить безъ наказанія: кто оскорбляетъ беззащитную женщину, недостойнъ занимать значительное мѣсто. Пусть-же остается рекетмейстеромъ.

Госпожа С***, проводивъ своихъ гостей пошла къ Жюльеттѣ.

— Я все знаю, говорила онъ, обнимая ее: — прости меня, что я должна была тебя оставить на нѣсколько секундъ! Недостойная женщина, которая тебя оскорбила сама не явится болѣе въ обществѣ: ея мужа попросятъ увезти ее въ деревню, съ тѣмъ, чтобъ она оттуда никуда не выѣзжала.

Министръ тоже пришелъ извиниться передъ Жюльеттой.

— Но вы не знаете болѣе важнаго, отвѣчала Жюльетта: — ободрившись нѣсколько при такихъ явныхъ знакахъ особаго къ ней вниманія. Только-что я пріѣхала домой, какъ непрошенный гость, безъ доклада, ворвался даже въ мою спальню; этотъ гость былъ г. де-Линанъ.

— Онъ вѣрно хотѣлъ у васъ просить прощенія?

— Нисколько: онъ пришелъ мнѣ доказать, что моя репутація потеряна навсегда, и признаться, что и его доброе имя не въ лучшемъ положеніи, а какъ единственное средство къ нашему обоюдному спасенію, онъ предложилъ мнѣ выдти за него замужъ.

— Какъ! онъ хочетъ на васъ жениться? Значитъ онъ васъ любитъ?

— Онъ меня ненавидитъ столько-же какъ и я его, а это не бездѣлица.

— Что-же! воскликнулъ министръ: — я въ этомъ вижу умнаго человѣка; самъ Таллейранъ позавидоваль-бы такой идеи. Линанъ доказываетъ вамъ этимъ свое уваженіе ...

— Уваженіе! Скажите лучше что честь этого человѣка виситъ на ниточкѣ и что онъ всеми средствами старается избѣжать заслуженнаго наказанія ...

Это возраженіе произнесла г-жа С***.

— Вы меня дурно поняли, возразилъ г. С*** своей женѣ, Линанъ можетъ думать о своихъ выгодахъ, я согласенъ; но прося руки г-жи Норбертъ, онъ какъ-будто хочетъ этимъ сказать: «Я виноватъ передъ вами: чрезъ меня вы утратили общественное уваженіе; я пришелъ возратить его: удостойте меня вашей руки.»

— Но какимъ образомъ этотъ человѣкъ можетъ возратить то, чего онъ самъ не имѣетъ? сказала г-жа С***.

— На этотъ счетъ, я долженъ сказать, что Линанъ человѣкъ достойный всякаго уваженія; оставя въ сторонѣ его вину передъ г-жею Норбертъ, его ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Я вамъ часто говорилъ, что онъ отличный чиновникъ, что имъ очень дорожатъ и хвалятъ его таланты, умъ ...

— А дѣло *Берю*? спросила г-жа С***.

— Окончится въ его пользу, — отвѣчалъ г. С***. Настоящій воръ найденъ и арестованъ. Этотъ бракъ всѣхъ удивитъ, начнутъ доискиваться причинъ. Будутъ говорить, что Линанъ не могъ жениться на виновной женщинѣ и наконецъ убѣдятся, что всѣ эти обвиненія были ничто иное, какъ заблужденія, или расчетъ въ отринутой любви ...

— Любви! его любви! воскликнула Жюльетта, рыдая.

— Я полагаю — произнесъ министръ, что вы должны всемъ жертвовать для спасенія своей чести, а самое дѣйствительное къ тому средство предложилъ вамъ де-Линанъ.

VI.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БРАКА.

Сердце человеческое так непостоянно, так переменчиво, въ немъ столько разнородныхъ элементовъ, что не смотря на отвращеніе, какое чувствовала Жюльетта къ Линану, она втайнѣ радовалась предстоящему браку. Это была какая-то дикая радость. Ея заклятый врагъ самъ, съ покорностію, просилъ ея руки; и какъ справедливо замѣчалъ министръ, это было доказательствомъ его уваженія.

Размыслиая о своемъ положеніи, избобрѣтая всевозможныя средства какъ извернуться, Жюльетта не могла ничего придумать, кромѣ слѣдующаго: *во первыхъ* она рѣшила, что ей почти невозможно отвергнуть совѣты единственныхъ своихъ друзей, на которыхъ она всегда могла положиться и которые одни только остались ей вѣрными; *во вторыхъ*, что вовсе не было никакой необходимости совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ съ Бюссьеромъ. Бюссьеръ дядя Анатоля, стало быть онъ непремѣнно сталъ бы говорить и дѣйствовать въ пользу своего племянника. Все это убѣдило Жюльетту, что надо покориться участи и послѣдовать совѣту министра... Но Эрнестъ? Эрнестъ, который ее любилъ и котораго она такъ долго отличала передъ другими, котораго сама избрала себѣ въ мужа, и еще не долѣе, какъ вчера, считала единственнымъ своимъ мстителемъ... Надо было отъ него отказаться! Это больно... но что-же дѣлать?... Жюльетта съ нетерпѣніемъ желала видѣть Эрнеста Мейрана, и онъ очень скоро явился къ ней, не мало не подозрѣвая удара, который ему готовился. Въ этотъ разъ онъ былъ особенно веселъ; на губахъ его играла улыбка. Одѣтый съ иголочки, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ скрывалъ подъ скромнымъ и спокойнымъ видомъ свои тайныя похождения у г-жи Ренонкуръ.

— Эрнестъ, говорила ему Жюльетта жалобно, несчастіе меня преслѣдуетъ, ни одно мое желаніе не исполняется; вамъ извѣстно, что свѣтъ меня отвергъ, и чтобы заставить его мыслить о себѣ иначе, мнѣ остается только одно средство: полное и совершенное самоотверженіе. Таковъ совѣтъ моихъ лучшихъ друзей. Представьте, я должна подчиниться самому тягостному игу. Я обѣщала уже свою руку.

Эрнестъ Мейранъ проводилъ время въ такомъ обществѣ, что рѣшительно не зналъ что происходитъ въ свѣтѣ и не имѣлъ понятія о тѣхъ превратностяхъ, какія заставили Жюльетту и Линана пожертвовать другъ другу всею жизнію. Вращаясь въ мірѣ плутовства и обмановъ, онъ вообразилъ, что Жюльетта разставляетъ ему сѣти, или

что она уже все знаетъ объ его безпорядочной жизни. Потомъ, увлекаясь самолюбіемъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, — что г-жа Норбертъ можетъ быть питаетъ къ нему такую страсть, какія нерѣдко ослѣпляютъ женщинъ, и что все сказанное было только внушеніемъ ревности. Могло быть также что Жюльетта уже знала про Монтъ-Таборскую улицу и ту роль, какую онъ тамъ играетъ, тогда Эрнесту не оставалось ничего болѣе дѣлать. Но это были однѣ догадки и осторожность была необходима: говоря о пожертвованіи онъ думалъ, что она говоритъ о пожертвованіи своей свободы. Чтобы скорѣе объяснить себѣ самое непріятное обстоятельство, которое болѣе другихъ его покоило, онъ рѣшился съ него именно начать:

— Ужъ не имѣлъ-ли я несчастье ... произнесъ онъ, — чѣмъ-нибудь потерять ваше расположеніе.

Жюльетта вздохнула.

— Напротивъ, я боюсь потерять ваше доброе мнѣніе, когда скажу на что рѣшаюсь...

Эрнестъ бросился къ ногамъ Жюльетты, схватилъ ея руку и поцѣловалъ ее съ нѣжностію. Это театральное средство, было очень уважаемо въ улицѣ Монтъ-Таборъ и особенно нравилось тамошнимъ дамамъ, которыя вообще любили сильныя впечатлѣнія. Эрнестъ былъ твердо убѣжденъ, что г-жа Норбертъ сама предлагаетъ ему свою руку.

— Жюльетта, воскликнулъ онъ, вы знаете мои чувства? Онѣ на всю жизнь...

Во всякое другое время Жюльетташла-бы весьма неприличнымъ поступкомъ Эрнеста, но разставаясь съ нимъ навсегда, она не хотѣла показаться слишкомъ строгою.

— Эрнестъ, сказала она, я знаю, что я вамъ ничего не обѣщала, и слѣдственно я передъ вами совершенно права; но есть обстоятельства жизни, которыя насъ связываютъ, услуги, которыя не забываются, и вы всегда можете на меня надѣяться...

— О, отвѣчалъ, Эрнестъ, вы для меня звѣзда путеводительная, вы моя надежда, моя жизнь...

— Я не ошиблась въ вашихъ чувствахъ, отвѣчала Жюльетта, немного покраснѣвъ. Но, ахъ! надобно отъ всего этого отказаться. Обратитесь къ женщинѣ, которая болѣе счастлива и можетъ отвѣчать на ваши чувства...

— Никогда, никогда...

— Между-тѣмъ, это необходимо, произнесла Жюльетта положительнымъ голосомъ, я выхожу за-мужъ за г. де-Линана...

При этомъ имени Эрнестъ разинулъ ротъ отъ удивленія.

— За моего врага? воскликнулъ онъ.

— И моего также, не забудьте этого; увы! прибавила она съ сокрушеніемъ, это вовсе не бракъ по любви.

Жюльетта объяснила подробно по какой жестокой необходимости этотъ бракъ неотразимъ, и описала свою вражду съ Линаномъ такими живыми красками, что Эрнестъ нѣсколько успокоился.

Эрнестъ притворился однакожъ отчаяннымъ, сожалѣлъ о положеніи Жюльетты, говорилъ, что этотъ бракъ не состоится; что онъ отыщетъ Линана, хотя-бы на днѣ морскомъ и потребуетъ у него отчета въ разрушенномъ его счастіи... Ему только, ему одному принадлежитъ право быть защитникомъ Жюльетты.

— Я сама такъ думала, говорила Жюльетта, но я не рѣшалась этого сказать. Уже одинъ разъ любимый мною человѣкъ былъ жертвою дуэля, ужели я могла видѣть новую жертву? Притомъ, это средство не принесло-бы пользы; одно свидѣтельство самого клеветника можетъ меня спасти; и такъ Эрнестъ, если вы меня точно любите, оставьте этого человѣка, если не для него, такъ для меня, Эрнестъ!

Эрнестъ обѣщаль быть великодушнымъ; онъ клялся никого не любить, кромѣ Жюльетты, страдать безнадежно, и тяжело вздыхая, со слезами на глазахъ, оставилъ Жюльетту въ сладостномъ, но грустномъ раскаяніи.

Какой благородный человѣкъ! подумала она, и между-тѣмъ г-жа С*** считаетъ его недостойнымъ меня...

Между-тѣмъ, какъ это обыкновенно бываетъ, въ кухнѣ далеко не замѣтно было такого грустнаго расположенія, какое царствовало въ гостиной. Клодина уже успѣла забыть Пико; она показывала особенную симпатію Варенну, весьма естественную, потому что Вареннъ былъ хорошенькій малый; Пикарь вооружался элегическимъ тономъ, чтобы прославить предстоящую свадьбу его друга.

Жюльетта изъявила согласіе на бракъ Клодины. Она давала ей двадцать тысячъ франковъ приданого и обѣщала сдѣлать все необходимое къ свадьбѣ.

Вареннъ былъ именно такой человѣкъ, за какого Жюльетта хотѣла выдать свою горничную, — благовоспитанный, честный торговецъ, котораго состояніе должно было съ каждымъ днемъ умножаться и не приходило въ разстройство. Наблюдая отношенія будущихъ супруговъ, г-жа Норбертъ успѣла замѣтить, что это бракъ не только по расчету, но и по страсти. Вареннъ былъ влюбленъ, съ нетерпѣньемъ ждалъ дня свадьбы; а Клодина, при всей грусти, что должна разстаться съ

госпожей, не могла утаить сердечной радости что скоро сама будетъ хозяйкой.

Наконецъ вождеденный день наступилъ; Пикарь повезъ молодыхъ въ великолѣпной каретѣ г-жи Норбертъ; Жоржъ, не смотря на свою любовь и ревность, рѣшился быть шаферомъ Варенна и г-жа Пикарь отличалась чрезмѣрною полнотою и яркимъ румянцемъ. Жюльетта одѣвшись какъ можно проще, также отправилась въ мерство и вмиренно стала въ уголокъ, близъ мѣста, гдѣ долженъ былъ совершиться гражданскій бракъ. Явились женихъ и невеста, исполненные здоровья, молодости и красоты. Радость просвѣчивала во всѣхъ чертахъ лица каждаго изъ нихъ.

— Какъ она счастлива! думала Жюльетта, смотря на веселое лице Клодины; она выходитъ за человѣка, котораго любить!

Послѣ этихъ размышлений, Жюльетта съ горестію подумала о себѣ. Она со страхомъ озираала комнату. Въ этой самой комнатѣ можетъ быть даже завтра, она должна будетъ соединить свою участь съ участью ненавистнаго для нее человѣка, и такимъ образомъ осудить себя на вѣчное горе.

Она сѣла на стоявшій подлѣ нее стулъ, закуталась въ шаль, опустила воаль на лице и залилась слезами. По окончаніи всѣхъ церемоній, меръ обратился къ молодымъ съ слѣдующими словами:

— Дѣти мои, произнесъ онъ простымъ, но величественнымъ голосомъ, законъ соединяетъ васъ, то-есть, онъ освѣщаетъ вашъ союзъ, который долженъ быть святымъ и прочнымъ, вы соединяетесь по любви и взаимному уваженію, вотъ тѣ два залога, на которыхъ зиждется ваше будущее счастье. Жениятся только тѣ люди, которые взаимно другъ друга уважаютъ, а уваженіе рождаетъ любовь. Чтобы пройти скорбное поле жизни, мужъ и жена должны имѣть одно сердце и одну душу; тогда пути ихъ стремятся къ одной благой цѣли, не совращаясь на неправильную стезю. Жена, будь кроткою, кротостью ты привяжешь къ себѣ мужа неразрывными узами: мужъ, будь снисходителенъ и добръ; добротою ты привлечешь къ себѣ жену, которая прилѣпится къ тебѣ, какъ виноградная лоза къ вязу, и никогда не возможетъ отъ него отдѣлиться.

Каждое слово мера отзывалось въ сердцѣ Жюльетты. Ей тоже предстояло взять на себя эти обязанности, этотъ священный долгъ! прилѣпиться къ Линану, какъ виноградная лоза къ вязу! Но это было не возможно, это превышало ея силы. Она подняла глаза, чтобы нѣсколько разсѣяться и увидѣла г-жу Линанъ, которая не пропускала ни одного случая, посмотрѣть свадьбу или похороны. Она хотѣла подойти поз-

дравить молодыхъ и вдругъ глаза ея встрѣтились съ Жюльеттой. Она не вынесла встрѣчи и быстро вышла изъ залы мертва.

Свадьба кончилась, веселая толпа возвратилась домой въ улицу Церютти, гдѣ г-жа Норбертъ сама угощала молодыхъ обѣдомъ и присутствовала за столомъ.

Пикарь любитель поболтать, придумывалъ о чемъ-бы завести рѣчь; но не рѣшаясь начать говорить о лошадяхъ, завелъ рѣчь о томъ, какъ недѣлю тому назадъ, онъ пилъ шампанское и какое пріятное дѣйствіе произвело это вино.

— Ахъ! ты хочешь шампанскаго Пикарь?... Дайте шампанскаго Пикару, сказала Жюльетта.

— Это я не для себя собственно желалъ-бы сударыня... отвѣчалъ Пикарь — но для Клодины, то-есть, для госпожи Вареннъ. Кажется она любитъ шампанское...

— Справедливо, она должна выпить не много шампанскаго въ день своей свадьбы... сказала Жюльетта.

Шампанское было принесено, и Пикарь бывъ еще довольно бодръ, чтобы говорить здраво, взялъ стаканъ и привсталъ съ своего мѣста.

— Господа, — сказалъ онъ, — я хочу вамъ предложить тостъ...

— Чудесно, Пикарь, предложи за здоровье молодой! шепнула ему Жюльетта.

— Ужъ позвольте мнѣ самому править, на то я и кучеръ. За здоровье нашей доброй госпожи! — воскликнулъ Пикарь громкимъ голосомъ, — пусть она поскорѣй найдетъ себѣ мужа — такого-же, какъ она сама!

Громкое ура послѣдовало за тостомъ... Жюльетта лишилась чувствъ.

Черезъ недѣлю была назначена свадьба Жюльетты и де-Линана. Она должна была совершиться ночью, при немногихъ родныхъ и свидѣтеляхъ, почти-что тайкомъ. Все было приготовлено безъ шума и въ самомъ скромномъ видѣ. Одна г-жа де-Линанъ все еще не могла преодолѣть своей ненависти, и если не противилась, то не хотѣла знать этой свадьбы. Утромъ она не отказалась присутствовать при совершеніи контракта, а вечеромъ, когда Анатоль вошелъ въ ея комнату, чтобъ упросить ее ѣхать на вѣнчаніе, она уже лежала въ постелѣ, въ твердой рѣшимости не вставать до утра.

— Матушка, — говорилъ Анатоль, — Вы знаете какія важныя причины меня побудили жениться. Мы слишкомъ долго покорствовали нашимъ страстямъ. Пусть-же хоть теперь нами руководитъ разумъ!

Г-жа де-Линанъ была закутана въ одѣяло; голова ея почти совсѣмъ тонула въ подушкахъ; ночной чепчикъ съ длинными, кружевными обор-

ками, плотно завязанный на подбородкѣ бросалъ тѣнь на ея лицо; только и можно было различить кончикъ остраго носа и яркіе глаза, которые отъ злости теперь блестяли еще ярче обыкновеннаго.

— Нѣтъ, — отвѣчала она, — я не поѣду; ни за что въ свѣтъ не поѣду...

Тутъ Анатоль началъ ей представлять, что министръ будетъ его посаженнымъ отцемъ, что ея присутствіе необходимо, что его превосходительство уже нѣсколько разъ о ней освѣдомлялся...

На все эти представленія и доводы старуха отвѣчала тѣмъ, что повернулась на другой бокъ.

— Но вспомните, матушка, говорилъ Анатоль, что отъ этой женитьбы зависѣла вся моя будущность и репутація! Неужели вы хотите посадить меня на мель у самой пристани? Если министръ не увидитъ васъ на свадьбѣ, онъ будетъ смотрѣть на ваше отсутствіе, какъ на презрѣніе къ его родственницѣ, и я снова потеряю его расположеніе. Я пройду въ вашу кабинетъ, позову горничную и вы будете мгновенно готовы...

На эти убѣжденія старуха привстала въ постелѣ, протянула сухую руку къ звонку и сильно дернула его. Анатоль обрадовался.

Когда горничная вошла, старуха велѣла ей задернуть занавѣски около постели и сказала своему сыну «прощайте!» такимъ рѣшительнымъ тономъ, что ему невозможно было болѣе остаться.

Небо было покрыто черными тучами. Дождь лилъ ливнемъ, отъ времени до времени раздавались сильные удары грома. Линанъ, не смотря на все стараніе, не могъ однако скрыть отъ бывшихъ съ нимъ пріятелей свой озабоченный видъ.

— Развѣ вы вѣрите предзнаменованіямъ, г. де-Линанъ? — спросилъ его одинъ изъ нихъ.

— Нисколько, — но я нѣсколько взволнованъ отъ всѣхъ этихъ заботъ.

— Въ день свадьбы это понятно.

Наконецъ явилась и невѣста, за нею слѣдовалъ г. С*** и его секретарь, г-жа С*** поддерживала ее подъ руку. Жульетта была въ бѣломъ платьѣ, корраловый уборъ украшалъ ее волосы и шею. Она была прелестна, но страшная блѣдность покрывала ея лицо; корраллы, которыхъ игра усиливалась при яркомъ освѣщеніи, придавали ея кожѣ тусклый и матовый оттѣнокъ.

Линанъ выбралъ въ свидѣтели такихъ товарищей, которые не имѣли понятія о его дѣлахъ, и даже не знали о существованіи г-жи Нор-

берть. Они видѣли невѣсту въ первый разъ и удивлялись ея красотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поразительной блѣдності.

— Эта женщина вѣрно много страдала, — произнесъ первый свидѣтель, обращаясь къ второму, — вотъ до чего Линанъ можетъ довести блѣдную женщину, если она почувствуетъ къ нему любовь? Онъ опасный человѣкъ...

— По взгляду на Линана: онъ еще блѣднѣе невѣсты. Вотъ особенная манера выражать свое счастье.

Бракъ совершился среди безмолвія, прерываемаго только шумомъ дождя, которой бился въ окно и отдаленными раскатами грома. Наконецъ наступила минута, когда молодые должны были соединить свои руки и когда молодой надѣваетъ золотое кольцо на палецъ своей жены.

Жюльетта приблизилась неровными шагами; Анатоль, болѣе твердый, съ мужествомъ взялъ руку своей жены; но эти двѣ руки были похожи на два куска мрамора безъ малѣйшаго біенія пульсовъ, безъ всякаго признака жизненной теплоты. Это была та самая минута, когда обыкновенно молодымъ напоминаютъ о тѣхъ новыхъ обязанностяхъ, какія они на себя принимаютъ и о томъ, что ихъ соединяетъ теперь не одна любовь къ ближнему; но и *любовь супружеская*.

Жюльетта глубоко вздохнула и окинула собраніе испуганнымъ взоромъ, какъ-бы испрашивая прощенія и пощады. Силы ея видимо изнемогали, колѣнки слабѣли, лицо блѣднѣло. Вдругъ раздался непостижимый трескъ; что-то тяжелое рухнуло на полъ, за тѣмъ послѣдовалъ сильный и продолжительный ударъ грома и блеснувшая молнія освѣтила облака пыли, которыя восходили подобно мрачному дыму изъ подземнаго жерла. Къ этому шуму присоединился еще рѣзкій и пронзительный стукъ желѣза, но онъ былъ заглушенъ болѣе пронзительнымъ человѣческимъ крикомъ, — то былъ вопль ужаса или лучше сказать совершеннаго изнеможенія Жюльетты.

Анатоль обернулся чтобы посмотрѣть отчего произошелъ шумъ; Жюльетта безъ чувствъ упала въ объятія г-жи С***; министръ и его секретарь поддержали молодую и отнесли ее въ смѣжную комнату; Анатоль хотѣлъ идти за ними, но г-жа С*** его удержала.

— Я васъ прошу, оставьте вашу супругу на мои попеченія; ей надо успокоиться послѣ всѣхъ этихъ потрясеній.

Де-Линанъ поклонился, ничего не отвѣчая.

Поднялась суматоха, хотѣли узнать причины того, что произошло. Призвали смотрителя и онъ очень хладнокровно отвѣчалъ.

— Уже три недѣли твердилъ я сторожу, что гвоздь, на которомъ висѣла картина, ненадеженъ. Слѣдовалобы его замѣнить другимъ...

— Такъ эта картина упала ...

— Какъ я говорилъ, такъ и случилось. Счастье еще, что она висѣла на задней стѣнѣ, а то, пожалуй, могла-бы еще кого-нибудь убить.

— Любезный Линанъ, — сказалъ одинъ изъ свидѣтелей сжимая руку молодого: — прійми мои искреннія поздравленія; ты женился подъ звуки грома и при блескѣ молніи: по истинѣ, такая музыка стоитъ всякой другой. Пойдемъ поздравить твою жену.

— Пойдемъ, пойдемъ ... отвѣчалъ де-Линанъ: — не зная порядкомъ, гдѣ она находится.

Они направляли шаги свои къ смѣжной комнатѣ, когда министръ ихъ встрѣтилъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ, обращаясь къ молодому: — г-жѣ де-Линанъ лучше; но она очень слаба, растрогана и взволнована всѣми происшествіями этой ночи, такъ что моя жена рѣшилась ее взять въ свою карету и увезла домой; она пробудетъ у насъ пока не поправится; вы вѣрно этому не воспротивитесь?

Линанъ поблагодарилъ министра и готовъ былъ съ нимъ проститься; но онъ удержалъ.

— Одну минуту ... сказалъ г. С***: — до-сихъ-поръ мы занимались дѣлами домашними, позвольте-жѣ мнѣ теперь заняться и служебными ... Мнѣ пріятно извѣстить васъ, что вы назначены авейронскимъ префектомъ ...

— Какъ! — воскликнулъ Анатолий, исполненной радости.

— Вы можете быть желали получить другой департаментъ, напримеръ тотъ, о которомъ просилъ для васъ Камбасересъ; но что дѣлать, онъ уже отданъ другому.

Де-Линанъ изъявлялъ свою благодарность въ самыхъ сильныхъ и живыхъ выраженіяхъ.

— Все это очень хорошо ... отвѣчалъ министръ: — но вы должны немедленно ѣхать ...

— Слушаю, завтра-же утромъ, я выѣду изъ Парижа.

— Совсѣмъ нѣтъ, г. Префектъ; вы должны ѣхать сейчасъ-же; почтовая карета васъ ожидаетъ у подъѣзда; присутствіе ваше необходимо въ Родезѣ; оно тамъ необходимо.

Министръ самъ проводилъ Линана до ожидавшей его кареты, кондукторъ затрубилъ, почтальонъ взмахнулъ кнутомъ и въ нѣсколько минутъ г. де-Линана уже не было въ Парижѣ. Министръ почтительно поклонился двумъ свидѣтелямъ, сѣлъ въ кабриолетъ и также уѣхалъ.

Одни только свидѣтели Линана стояли на крыльцѣ:

— А? что ты скажешь обо всемъ этомъ, любезный другъ?

— Впередъ, ручаюсь, меня не поймутъ въ подобную ловушку.

Мы уже сказали что г-жа Ренонкуръ основывала свои расчеты на будущемъ бракѣ Эрнеста съ г-жею Норбертъ, а Эрнестъ, имѣя постоянную нужду въ деньгахъ, увѣрялъ, что этотъ бракъ совершится непременно и этимъ только поддерживалъ свой кредитъ въ игорномъ домѣ, потому-что всѣ имѣли въ виду что со временемъ онъ сдѣлается миллионеромъ. Капиталистъ готовый передать Монть-Таборское заведеніе новому содержателю не довольствовался однако векселями г. Эрнеста Мейрана; онъ требовалъ наличныхъ денегъ или залоговъ, какъ напри- мѣръ закладную на домъ г-жи Норбертъ или на ея имѣніе Понти. Слѣ- довательно, нужно было ждать и Эрнестъ постоянно обнадеживалъ Олим- пію скорою развязкой. Правда, что онъ въ этомъ случаѣ отчасти дѣй- ствовалъ честно и могъ надѣяться, что Жюльетта выйдетъ за него за мужъ. Вдругъ извѣстіе о вступленіи въ бракъ г-жи Норбертъ какъ громомъ его поразило, но онъ хранилъ это въ тайнѣ и потому г-жа Ренонкуръ ничего не знала. Какъ-бы то ни было, узнавъ истину, она почла себя одураченною.

Между-тѣмъ игорному дому Монть-Таборской улицы угрожало со- вершенное паденіе. Капиталистъ желавшій пользоваться только одними барышами не хотѣлъ пополнить дефицита; комиссаръ покровительство- вавшій Олимпію былъ отрѣшенъ отъ должности, потому-что министръ Фуше былъ имъ недоволенъ. Монть-Таборскій игорный домъ былъ толь- ко тершимъ, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ привилегій, вслѣдствіе чего игорный откупъ смотрѣлъ на него съ большимъ неудовольствіемъ и искалъ повода къ его закрытію. Уже г-жа Ренонкуръ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствовала недостатокъ въ деньгахъ, ея постав- щики жаловались на неисправный платежъ. Наряды ея не были такъ блвстательны, какъ прежде, дача и другіе затѣи исчезли.

— Вотъ и Эрнестъ рухнулъ, — думала г-жа Ренонкуръ: — онъ для меня теперь нисколько не можетъ быть полезенъ.

Олимпія задумалась не на шутку. Однако еще не все было для нее потеряно: въ одномъ мѣстѣ подъ паркетомъ у нея находилось до- вольно значительное количество банковыхъ билетовъ; она имѣла множе- ство брилліантовъ, которыя можно было продать. Потомъ она могла пу- скать деньги въ ростъ и такимъ образомъ быть обезпечена опредѣлен- нымъ доходомъ, тогда ничто не мѣшало ей ѣхать на годъ, или на два въ деревню; тамъ, на берегахъ прохладительной рѣчки, на вольномъ воз- духѣ, продолжительное отдохновеніе, свѣжая деревенская жизнь попра- вили бы ея здоровье и она возвратилась-бы совершенно цвѣтущею. Кто

знаеть какую дальнѣйшую пользу могла принести такая рѣшимость? Легко статья можетъ, что она приглянулась-бы какому-нибудь богатому старому холостяку — помѣщику и онъ предложилъ-бы ей свою руку и сердце .. и вотъ она помѣщица. Наконецъ она могла взять на себя откупъ, сдѣлаться фермаршой, искусно управлять многочисленную дворней и угощать сливками красивыхъ и молодыхъ путешественниковъ, случайно или нарочно проѣзжавшихъ чрезъ ея помѣстье. Въ то время эти вещи были такъ обыкновенны, преимущественно въ водевиляхъ, въ которыхъ г-жа *Бра*, актриса исполненная красоты и искусства, была типомъ этихъ образцовыхъ фермаршъ. Такъ Олимпія строила воздушные замки на счетъ своей будущей жизни ... Но кто можетъ рассчитывать на завтрашній день?

VII.

АВЕЙРОНСКІЙ ПРЕФЕКТЬ.

Анатоль де-Ливанъ, сидя въ своей каретѣ и блуждая въ мірѣ совершенно новыхъ идей, быстро летѣлъ въ Южную Францію, не имѣя при себѣ ни бѣлья, ни бумагъ, ни даже шинели. Къ счастью, онъ нашель въ каретѣ что-то въ родѣ теплой одежды, вѣроятно положенное туда изъ предосторожности, чтобы новый префектъ, не умеръ отъ стужи, еще не доѣхавъ до мѣста своего назначенія. Анатоль тщательно закутался въ это грубое покрывало и опустилъ руку въ карманъ, желая объяснить себѣ другой важный вопросъ: находится-ли при немъ его кошелекъ? Былъ-ли онъ достаточно наполненъ деньгами? По справкѣ оказалось, что въ немъ было всего тридцать наполеондоровъ; сумма достаточная, чтобы уѣхать безъ нужды до главнаго города Департамента, даже еслибъ онъ расплачивался съ почтальонами щедрою рукою. Едва наступило утро, Анатоль остановился въ первомъ, болѣе приглядномъ трактирѣ, и приказалъ подать себѣ буйльону, бумаги, чернила и перо. Глотая съ аппетитомъ подкрѣпительную жидкость, онъ въ то-же время посиѣшно писалъ письмо къ своей матери.

«Матушка», — писалъ онъ — «я сдѣланъ авейронскимъ префектомъ и нахожусь на пути къ Родезу. Миѣ даже не дали времени съ вами проститься и воспользоваться вашими наставленіями. Могущество Жюльетты такъ велико, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я сдѣлался ея мужемъ, я рѣшительно не могу располагать собою; и вотъ я въ шелковыхъ чул-

нахъ и снимъ фракъ стремлюсь по почтовой дорогѣ, какъ будто мою новую службу я долженъ начать французскимъ кадрилемъ. Впрочемъ; я достигъ моихъ желаній, я префектъ и мы будемъ разлучены съ г-жею де-Линанъ протяженіемъ ста миль. Все устроилось къ лучшему; министръ меня не спрашивалъ о причинѣ вашего отсутствія. Моя жена (нельзя-же отнять у нее этого названія) будетъ жить въ Парижѣ, и вѣроятно у министра. Я надѣюсь, что она будетъ такъ благородна, что не станетъ мнѣ вредить. Сдѣлаете-ли вы мнѣ честь, матушка, пріѣдете-ли въ Родезъ, управлять моимъ домомъ? Вы тамъ никогда не встрѣтите вашей невѣстки, и ваше присутствіе только удалитъ ее, еслибъ она даже имѣла намѣреніе туда пріѣхать».

Отправя это письмо, Анатолю сѣлъ въ карету и погрузился въ размышленіе о департаментѣ, котораго управленіе было ему ввѣрено, Авейронъ соединяетъ въ себѣ два совершенно различные климата и два населенія ни мало не схожія между собою. Западная часть Авейрона довольно гориста, изобильна лѣсами и въ продолженіи семи или восьми мѣсяцевъ съ ней ощутителенъ сильный холодъ. Мужчины тамъ народъ крѣпкій, здоровый, и въ лицахъ женщинъ просвѣчиваетъ что-то мужское и грубое. Приближаясь къ востоку, напротивъ того, климатъ становится мягче, воздухъ благоуханнѣе и населеніе болѣе изнеженнымъ. Городъ Родезъ находится въ этомъ послѣднемъ поясѣ и въ его уѣздѣ замѣчательны по своему изобилю хлѣба и виноградники. Городъ, въ которомъ теперь долженъ былъ поселиться Линанъ, находился на скатѣ небольшого возвышенія, орошаемаго рѣкою Авейронъ, маленькій, дурно отстроенный; но виды его были прекрасны и окрестности очаровательны. Замѣчено, что въ Родезѣ очень много хорошенькихъ женщинъ; но Анатолю Линану было не до того; ему отраднѣе было думать, что тамъ онъ встрѣтитъ г-жу Гербуа, — Шарлотту Мейранъ, — которую онъ такъ страстно любилъ, и съ которою разлучила его ненависть Жюльетты.

— Что подумаетъ Шарлотта — разсуждалъ онъ съ собою: — когда узнаетъ о моей женитьбѣ? Она въ правѣ заключать, что я никогда ее не любилъ, что обманывалъ ее, и что моя ненависть была притворною, или мщеніемъ оскорбленнаго любовника ...

Въ восторгѣ отъ собственнаго успокоенія послѣ столичнаго шума и желая заслужить милость министра, г. де-Линанъ даже былъ недоволенъ предстоявшей ему встрѣчею съ г-жею Гербуа, потому-что дружба его съ нею могла породить множество толковъ, догадокъ, возмущая тѣмъ его спокойствіе и даже бросая тѣнь на его поведеніе. А между-тѣмъ

онъ погонялъ своего почтальона и все ему казалось, что онъ ѣдетъ не довольно скоро.

Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Родезъ. Въ продолженіи первыхъ недѣль по пріѣздѣ, онъ только видѣлся съ своими подчиненными и все время посвящалъ на дѣла; ему хотѣлось представить министру обстоятельный рапортъ, и такимъ-образомъ показать ему свою готовность къ труду и правильность своего взгляда. Нѣсколько освободившись, онъ принималъ чиновниковъ и тѣхъ особъ, которыя по своему положенію должны были принадлежать къ его обществу. Изъ числа этихъ особъ *Джонъ Плюмеръ*, сынъ мера, былъ первый; онъ предлагалъ префекту своихъ лошадей, охоту въ помѣстьяхъ отца его и вообще все удовольствія, которыми можно было наслаждаться какъ въ Родезѣ, такъ въ его окрестностяхъ.

Четверть часа было достаточно для Линапа, чтобы постичь совершенно новаго товарища въ удовольствіяхъ: это былъ провинціалъ, напыщенный нѣсколькими побѣдами, которыя онъ успѣлъ одержать надъ немногими легкомысленными и праздными дамами и гордившійся путешествіемъ въ Лондонъ, о которомъ говорилъ и кстати, и не кстати. Линапъ принялъ его очень благосклонно и отвѣчалъ на все его предложенія, что доктора ему точно присовѣтовали дѣлать движеніе верхомъ и что для этого онъ имѣлъ въ виду заготовить лошадей.

— У меня есть чудесная англійская лошадь, г. префектъ, я вамъ пришлю ее завтра ... сказалъ Джонъ.

— Нѣтъ сударь, — вѣжливо отвѣчалъ префектъ, — я знаю что въ здѣшнемъ департаментѣ есть очень хорошія лошади, я куплю себѣ авейронскую лошадь, а на другихъ не стану ѣздить ...

Въ этомъ отвѣтѣ было, такъ сказать, патріотическое наставленіе, а какъ оно было высказано при многихъ постороннихъ, то послужило къ славѣ и чести префекта.

Явился наконецъ и Гербуа. Сочинитель записокъ о тукѣ былъ человѣкъ откровенный до наивности, который далѣе своихъ агрономическихъ опытовъ, не видѣлъ и не зналъ ничего. Онъ началъ съ того, что бросился на шею префекта, называя его кузеномъ.

— Да, вы мой кузень, — повторилъ онъ, — потому-что вы женились на г-жѣ Норбертъ, моей кузинѣ, на очаровательной женщинѣ, которая такъ ласкала меня во время моего пребыванія въ Парижѣ; притомъ она красавица: у васъ не дурной вкусъ ... И знаете-ли г. Префектъ, эта свадьба меня удивила и обрадовала въ одно и то-же время.

— Она васъ удивила, почему-же?

— Да, я думалъ, что кузина выйдетъ за брата моей жены, что

она будетъ мнѣ невѣсткой; о тогда-бы она очень дурно поступила ... Вы лучше моего шурина; вы составите счастье Жюльетты, за это я ручаюсь ...

— Мнѣ очень лестно, что вы имѣете обо мнѣ такое выгодное мнѣніе; но на чемъ вы его основываете?

— О! Эрнестъ шалунъ большой руки ...

— А!..

— Да г. Префектъ; повѣрите-ли, что во время моей свадьбы онъ занялъ у меня шесть тысячъ франковъ и до-сихъ-поръ не отдаетъ?..

— Я этому вѣру ...

— Не смѣя болѣе у меня просить, онъ теперь безпрестанно пишетъ къ сестрѣ и просить вновь денегъ ...

Но скажите, какъ это случилось любезный Префектъ — спрашивалъ Гербуа, котораго фамильярность возрастала съ каждой минутой, — что кузина не пріѣхала въ Родезь, вмѣстѣ съ вами?..

— Я отправился сюда нечаянно, черезъ четверть часа послѣ моего назначенія ... Притомъ г-жа де-Линанъ не совсѣмъ здорова и она не хочетъ разстаться съ своимъ докторомъ ...

— Это очень досадно, — произнесъ Гербуа: — моя жена будетъ огорчена, когда узнаетъ эту новость; она такъ любитъ мою кузину ...

— Въ-самомъ дѣлѣ?

— Какже, онъ друзья съ дѣтства. г-жа Гербуа здѣсь лишена всякаго общества; одинъ только Джонъ-Плюмеръ, любезный молодой человекъ, бывший въ Лондонѣ, посѣщаетъ ее; но она его не любитъ ...

Г. Линанъ невольно пришло на мысль, что если проницательность Гербуа также велика, какъ его наивность, то въ такомъ случаѣ надо было отказаться отъ особеннаго расположенія г-жи Гербуа.

Одно существо только не нравилось Линану во всемъ городѣ Родезь: это былъ Джонъ Плюмеръ, который не нравился также г-жѣ Гербуа, судя по разсказамъ мужа. Префектъ вовсе не ревновалъ, но этотъ молодой человекъ ему не нравился, онъ казался ему надменнымъ, необразованнымъ и до глупости самолюбивымъ.

Въ числѣ Авейронскихъ уѣздовъ находился одинъ называемый *Сентъ-Африкъ*, съ довольно красивымъ городомъ того же наименованія и который есть главный городъ субъ-префектуры; въ этомъ городѣ находилось присудственное мѣсто первой истанціи и даже коммерческій трибуналъ, но той причинѣ, что онъ велъ оптовой торгъ шерстью и сыромъ. Линанъ раздумалъ, что Джонъ Плюмеръ, могъ бы очень хорошо исполнять какую нибудь должность въ городѣ *Сентъ-Африкъ*, который расположенъ въ прекрасной и прохладной долинь, пересѣкаемой

виноградниками, плодоносными садами и цвѣтистыми лугами. Тамъ, Джонъ Плюмеръ былъ бы очень счастливъ, а между-тѣмъ гостинная г-жи Гербуа избавилась бы отъ несноснаго и приторнаго посѣтителя. Префектъ ни мало не ревновалъ, онъ только на слово вѣрилъ Гербуа и хотѣлъ сдѣлать пріятное для его жены. По этому случаю Анатолю видѣлся съ городскимъ меромъ г. Плюмеромъ, отцемъ Джона.

— Послушайте, — говорилъ онъ, вашъ сынъ славный малый, очень хорошъ собою, подаетъ большія надежды, но праздность ему много вредитъ; смотрите г. меръ, праздность есть мать всѣхъ пороковъ...

— Увы! это такъ, г. Префектъ, ребенокъ здѣсь тратитъ деньги, болѣе, чѣмъ бы слѣдовало и для чего бы вы думали? для того чтобы рыскать на какой-то чужой лошадекѣ и чтобы доставать букеты нѣкоторымъ дамамъ.

— Все это довольно дорого стоитъ — сказалъ Анатолю съ задумчивымъ видомъ.

— Тѣмъ болѣе — продолжалъ Меръ — что такое дорогое время; три года тому я долженъ былъ весьма много заплатить во время конскрипціи, чтобы найти за него охотника...

— Надобно занять чѣмъ нибудь молодаго человѣка, — произнесъ Префектъ, — я могу ему дать мѣсто начальника отдѣленія въ Сентъ-Африканской субъ-префектурѣ. Это мѣсто не приноситъ большихъ выгодъ; но здѣсь онъ можетъ изучить всѣ пружины администраціи; черезъ два года легко можетъ быть Субъ-Префектомъ и тогда остается одинъ только шагъ, чтобы сдѣлаться Префектомъ.

Эта блестящая перспектива совершенно обольстила радезскаго Мера. Онъ благодарилъ Префекта отъ чистаго сердца и предложеніе было принято. Самъ Джонъ не видѣлъ въ этомъ никакихъ козней, потому ли что желалъ имѣть мѣсто, которое бы давало ему вѣсь, или потому, что онъ вовсе не чувствовалъ такого расположенія къ г-жѣ Гербуа, какъ о томъ говорили и что слухи эти были только преувеличенные толки провинціального города. Джонъ вскорѣ оставилъ городъ Радезь, взялъ съ собою свою англійскую лошадь и лягавую собаку, которую онъ тщетно убѣждалъ Префекта принять въ подарокъ. Г. Гербуа болѣе всѣхъ радовался этому удаленію.

Г. Линанъ однако не сознавался самому себѣ, что онъ намѣренъ измѣнить своему родственнику и воспользоваться его простотой. Такое предположеніе не входило въ его планы, а между-тѣмъ онъ хотѣлъ сблизиться съ г-жею Гербуа. Онъ хотѣлъ ей повѣрять свои тайны, и хотя Шарлотта, думалъ онъ, не можетъ быть моею женою, за то она будетъ моимъ лучшимъ другомъ, мы вмѣстѣ будемъ вспоминать прошед-

шее, вмѣстѣ станемъ оплакивать мой несчастный союзъ съ Жюльеттой; но болѣе всего ему хотѣлось разсказать Шарлоттѣ все подробности дѣла, по которому онъ былъ вынужденъ рѣшиться на такую отчаянную мѣру.

Г-жа Гербуа прибывъ въ Родезъ поступила точно также какъ г. Линанъ. Она прежде всего изучала городъ, ее тотчасъ окружило множество добрыхъ, но весьма любопытныхъ людей; множество хорошенькихъ женщинъ немножко любящихъ сплетни, которыхъ невозможно избѣжать въ провинціи. Шарлотта никѣмъ не пренебрегала, принаравливалась ко всемъ привычкамъ, вкусамъ и всего болѣе щадила самолюбіе провинціаловъ. Это не была насмѣшливая Парижанка, презирающая мѣстные предразсудки; это была истинная хозяйка, которая во все входила, сама пересчитывала бѣлье съ своею прачкой, наблюдала за прислугой и знала сколько зеренъ соли нужно опустить въ горшокъ супа. Она вскорѣ пріобрѣла всеобщую любовь. Достигнувъ этой цѣли, Шарлотта рѣшилась подчинить себѣ мужа. Этого было очень легко достигнуть. Гербуа напыщенный своими успѣхами, которые онъ называлъ литературными, занимался только навозомъ и хлѣбопашествомъ, и былъ очень радъ, что жена его приняла на себя все хлопоты и расходы по хозяйству и содержанію его дома; но этого было недостаточно для г-жи Гербуа, она хотѣла овладѣть умомъ своего мужа, заставить его смотреть, на все ея глазами и дѣйствовать только по ея указаніямъ. Для этого, она предприняла довольно большой трудъ, сперва она прочла все его записки о навозѣ, потомъ стала ихъ хвалить, а потомъ разсуждала съ нимъ о навозѣ лучше его самого. Г. Гербуа былъ побѣжденъ и его жена сдѣлалась полною госпожею всехъ его дѣйствій. Узнавъ, что Линанъ сдѣланъ Авейронскимъ префектомъ, она рѣшилась его выдать своему мужу за опаснаго соперника, за сочинителя разсужденій о навозѣ. Хорошо постигая, что Анатолий и Жюльетта все таки продолжаютъ ненавидѣть другъ друга, она рѣшилась распространить свою власть и на префекта и содѣлаться, такъ сказать, префектомъ — вмѣсто его.

— Вы меня не забыли? — сказала она ему нѣжно, при первомъ свиданіи.

— Это было бы для меня совершенно невозможно, — отвѣчалъ онъ, притомъ я находился подъ вліяніемъ такихъ тяжелыхъ испытаній, которыя мнѣ постоянно васъ напоминали, — такъ, что еслибъ я и хотѣлъ, то не могъ бы васъ забыть...

— И вотъ вы теперь мужъ г-жи Норбертъ?..

— Дя Шарлотта, этимъ именемъ мы прикрыли зло, которое ста-

новилося гибельнымъ для насъ обоихъ, но вамъ должно быть ясно, что мы съ нею раздѣляемъ одно желаніе никогда другъ друга не видѣть и мы нашли къ тому средства: г-жа де-Линанъ продолжаетъ быть вдовою, а я холостякомъ.

— И вы думаете, что Жюльетта всегда будетъ жить вдали отъ васъ?

— Я думаю, что это ея единственное желаніе..

— Знаете ли, если она пріѣдетъ въ Родезъ, то мнѣ будетъ одно спасеніе удалиться въ мое помѣстье?...

— Куда вы мнѣ позволите пріѣзжать бесѣдовать съ вами.

Такимъ-образомъ старая страсть возобновилась и г-жа Гербуа вступила въ прежнія права надъ своимъ первымъ поклонникомъ. Какое сходство въ ихъ положеніи! Шарлотта должна была по принужденію выйти за мужъ за человѣка, котораго не любила; Анатолю долженъ былъ жениться на женщинѣ, которую ненавидѣлъ. И между-тѣмъ, слѣпой случай соединяетъ вновь симпатизирующія души, онъ сводитъ ихъ вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они въ первые узнали другъ друга, переселяетъ ихъ въ новый міръ, чтобы соединить, что разлучила мстительная женщина.

Жюльетта, оставаясь въ Парижѣ, не находила ни въ чемъ развлеченія и невольно предавалась самымъ печальнымъ размышленіямъ. Она хорошо понимала, что если новый бракъ оправдывалъ ее въ общественномъ мнѣніи, то все таки она должна была довершить полное возстановленіе своей репутациі строгостію жизни, и бдительнымъ вниманіемъ къ каждому своему дѣйствию.

Но ея новое положеніе возлагало на нее весьма тягостныя обязанности: такъ г-жа С*** давала ей почувствовать, что она непременно должна посѣтить г-жу Линанъ мать. Жюльетта совершенно вооружилась противъ такого предложенія и объявила, что она никогда къ ней не поѣдетъ.

— Ты хочешь, значить, Жюльетта, — холодно ей замѣтила г-жа С***, — потерять всѣ плоды твоей жертвы? Что скажутъ въ свѣтѣ, если узнаютъ, что невестка въ ссорѣ съ матерью, тѣмъ болѣе, когда мужъ въ отсутствіи? Я не требую отъ тебя, чтобъ ты была въ дружбѣ съ г-жею Линанъ, надобно только чтобъ свѣтъ думалъ, что ты съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ и что она довольна вашимъ бракомъ.

Жюльетта повиновалась; она поѣхала къ г-жѣ Линанъ, но пылкость ея характера заставила ее забыть и пользу и свою рѣшимость.

— Сударыня, вы знаете къ какому несчастью меня привела судьба? — сказала Жюльетта.

— Обоюдное несчастье, — поспѣшно замѣтила г-жа де-Линанъ.

— Безъ сомнѣнія; — возразила Жюльетта; съ гордостью, — и если я говорю судьба, то я ошиблась, правильнѣе сказать вашъ сынъ.... вашъ сынъ меня оклеветалъ и потомъ онъ-же меня принудилъ ко вступленію въ бракъ, котораго я также мало желала, какъ и вы сами.

Голосъ Жюльетты дѣйствительно измѣнился, произнося эти слова и какъ эта жалоба была справедлива, то г-жа де-Линанъ считала себя въ необходимости объясниться.

— Жюльетта, — сказала она, — вы правы; сынъ мой васъ оклеветалъ; я сама даже распространяла эти клеветы, потому-что я считала ихъ справедливыми; въ этомъ случаѣ я только погрѣшила противъ милосердія....

— Только! — съ прискорбіемъ произнесла Жюльетта.

Г-жа де-Линанъ опустила глаза.

— Я-бы желала, чтобъ вы видѣли, — продолжала она, — какъ я защищала васъ, когда васъ такъ сильно оскорбили въ домѣ министра! Вы должны согласиться, Жюльетта, что несмотря на то, что я васъ не люблю, я не рѣшусь лгать для того, чтобы вамъ повредить.

— Мнѣ кажется, — отвѣчала Жюльетта, — что не смотря на недостатокъ любви между нами, мы должны по-крайней-мѣрѣ, наружно ее выказывать; еще разъ вамъ повторяю, что вы и вашъ сынъ принуждаете меня къ такому притворству, и эта ложь заставляла меня быть здѣсь въ эту минуту....

— Я очень хорошо понимаю, что ваше присутствіе у меня слѣдствіе одного разчета.... произнесла г-жа де-Линанъ.

— Заслуживаете-ли вы, чтобъ это было иначе? — дерзко отвѣчала Жюльетта, — да, это разчетъ, сударыня. Я не требую вашей дружбы; я дѣйствую для себя, и отъ васъ зависитъ сдѣлать то, что необходимо для вашего сына.

— Говорите, что мнѣ надо сдѣлать?

— Я полагаю необходимымъ, если вы хотите, чтобъ г. де-Линанъ сохранилъ занимаемое имъ мѣсто, чтобъ вы оказали мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ, явились со мною на вечеръ у министра.... Такое пожертвованіе съ вашей стороны....

— Я ничего не желаю.... отвѣчала г-жа де-Линанъ.

— Вы желаете однако счастья и возвышенія вашему сыну....

— Это правда, — замѣтила г-жа де-Линанъ.

— Такъ вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу, столько-же для себя, какъ и въ вознагражденіе тѣхъ несправедливостей, какія вы и вашъ сынъ совершили противъ меня...

Жюльетта послѣ этого начала говорить о постороннихъ предметахъ, потому она встала и простилась.

Когда старуха Линанъ осталась одна, она начала размышлять:

— Эта женщина пріѣхала ко мнѣ *по приказанію*; она этого не скрываетъ и это мнѣ нравится въ ней. Притомъ я должна принять въ соображеніе, что теперь она мнѣ невѣстка; постараюсь-же укротить сердце, постараюсь искоренить эту глупую ненависть.

Но есть такого рода ненависти, въ особенности когда ихъ порождаетъ личный интересъ или чувство отвращенія, которыхъ ни разсудокъ, ни долгъ, ни самый разумъ не въ силахъ смягчить. Г-жа де-Линанъ всегда стараясь побѣдить въ себѣ любовь къ благамъ міра сего, и сама того не замѣчая, предавалась всѣмъ своимъ существомъ земнымъ страстямъ: любви къ своему сыну, и это ослѣпленіе было такъ сильно что она нимало не хотѣла воздерживать своей материнской любви.

Анатоль для нее былъ живой портретъ ея отца. Онъ былъ ея мечтою, радостью, гордостью, а между тѣмъ Жюльетта отравила всю его жизнь; она отняла у него Шарлотту де-Мейранъ, она внесла на него преступленіе, которое могло его погубить. Наконецъ по столкновенію самыхъ гибельныхъ обстоятельствъ, она вышла за него за-мужъ; отъ этого брака нельзя было ожидать ничего, кромѣ самой несчастной жизни для Анатоля.

Г-жа де-Линанъ рѣшась заглянуть въ будущее, боялась новыхъ несчастій, которыя нельзя было не предвидѣть. И всѣ эти горести, всѣ эти несчастія принесла въ ихъ семейство Жюльетта. Какъ-же послѣ этого ее любить? Какъ можно видѣть ее, непомышляя о этой плачевной будущности? Однако польза сына и желаніе скрыть свои враждебныя чувства заставили старуху явиться въ министерство. Г-жа С*** приняла ее со всевозможными ласками, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство заняло ее совершенно и подчинило новымъ опасеніямъ. Министръ попросилъ ее на пару словъ.

— Сударыня, — сказалъ онъ. Императоръ желаетъ, чтобы права брака у насъ свято соблюдались; онъ требуетъ, чтобы мужъ и жена жили вмѣстѣ и согласно....

— Императоръ, — возразила г-жа де-Линанъ, — этимъ оказываетъ великую услугу и обществу и нравамъ.

— Конечно. Далѣе онъ хочетъ, чтобы его чиновники были люди женатые и жили съ своими женами... Вы меня понимаете?

— Не совсѣмъ....

— Г-жа де-Линанъ должна непременно ѣхать въ Родезъ, къ своему мужу.

— Г. министръ, — отвѣчала мать Авейронскаго префекта, не я женила моего сына на г-жѣ Норбертъ; я даже отказалась быть у нихъ на свадьбѣ.

— Сударыня, — строгимъ голосомъ произнесъ министръ, — не сокрушаетесь-ли вы, что породнились съ моею родственницею?

— Я должна на это замѣтить, — возразила г-жа де-Линанъ, бракъ между дѣвицею Понти и Анатодемъ былъ еще прежде утвержденъ мною и моимъ братомъ Бюссеромъ, какъ вдругъ непредвидѣнное происшествіе его разстроило. Молодые люди поссорились, и любовь ихъ превратилась въ самую сильную ненависть.

— Миѣ это извѣстно.

— Изъ этого вы видите, что я не всегда противилась союзу съ вашею родственницею: напротивъ того, я сожалѣла о потерѣ, какую дѣлалъ тогда мой сынъ; но кажется онъ въ этомъ дѣлѣ нисколько не былъ виноватъ, и вспыльчивость вашей родственницы была всему причиною. Вамъ извѣстны послѣдствія.

Министръ взялъ руку г-жи де-Линанъ.

— Вы правы, — сказалъ онъ, — они оба виноваты: не станемъ доискиваться кто болѣе или кто первый былъ причиною несогласія. Но мы сударыня? на насъ лежатъ обязанности; нашъ долгъ теперь мирить и скрѣплять ихъ союза. Вы должны внушить вашему сыну чтобы онъ не чуждался своей жены.

— Я буду писать къ нему.

— Еще минуту: если вы напишете къ вашему сыну только одно извѣстіе, въ такомъ случаѣ я могъ-бы это самъ сдѣлать; я желаю, чтобы вы внушили вашему сыну какъ ему необходимо быть любезнымъ человѣкомъ и чтобы онъ самъ склонилъ жену пріѣхать къ нему.

— Это невозможно.

— Все возможно, что сообразно съ разумомъ, нравственностью и религіей.

Главная задача состояла не въ томъ чтобы заставить г-жу де-Линанъ написать письмо сыну, но чтобы убѣдить Жюльетту ѣхать въ Родезъ. Г-жа С*** взяла этотъ трудъ на себя. Сперва Жюльетта рѣшительно отказалась. Она объявила, что скорѣй поѣдетъ въ Индію или обратится къ гостепріимству какихъ-нибудь дикарей новаго свѣта, чѣмъ рѣшится на такой поступокъ.

— Милый другъ, — говорила г-жа С***, надобно разсуждать логически.... Ты вышла за-мужъ, чтобы заслужить уваженіе общества, несправедливо утраченное, значитъ тебѣ слѣдуетъ подчиниться требованіямъ этого общества; что будетъ хорошаго если свѣтъ снова тебя ста

нѣтъ осуждать, если неблагоклонные его отзывы будутъ продолжаться и еще возрастуть? Поѣзжай въ Родезъ, ты проведешь тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратишься въ Парижъ, потому-что Авейронскій воздухъ для тебя будетъ вреденъ.

Жюльетта была непоколебима: ничто не могло принудить ее оставить Парижъ.

Вскорѣ она получила письмо отъ Линана.

«Сударыня», писалъ онъ, «увѣряю васъ, что приказаніе какое вамъ дѣлаютъ пріѣзжать въ Родезъ и жить со мною вмѣстѣ, для меня совершенная новость. Я пламенно желаю, чтобы вы ни въ чемъ себя не стѣсняли, и мнѣ было очень больно слышать, что васъ принуждаютъ. Не менѣе того я васъ прошу пріѣхать, потому-что этого требуетъ законъ свѣта. Нарушеніе его можетъ быть предосудительнымъ для насъ обоихъ».

«Префекторской домъ въ Родезѣ довольно обширенъ, четыре или пять семействъ могли-бы въ немъ помѣститься. У васъ будутъ отдѣльныя комнаты, прислуга, экипажъ; справедливо, что вамъ предстоитъ иногда дѣлать честь вашимъ присутствіемъ на моихъ обѣдахъ и вечерахъ въ торжественные дни: но эти дни рѣдки, и я могу даже уменьшить ихъ число, если вы того пожелаете. Однимъ словомъ, если покоряясь необходимости, вы пріѣдете въ Родезъ на два или на три мѣсяца, то въ продолженіи этого времени вамъ не болѣе прійдется меня видѣть, какъ одинъ или два раза, и то официально, въ присутствіи сорока постороннихъ лицъ.

«Моя мать будетъ имѣть честь лично просить васъ объ этомъ; она столько увѣрена въ вашемъ благоразуміи, что вполне надѣется на успѣхъ».

Жюльетта рѣшилась ѣхать, и къ сожалѣнію не могла даже взять съ собою Клодину, потому-что Вареннъ никакъ не соглашался отпустить свою жену.

VIII.

САМОУБИЙСТВО.

Читатель, прилѣжно слѣдившій нить разсказанныхъ нами событій, вѣроятно легко припомнитъ какъ г-жа С*** отговаривала Жюльетту отъ брака съ Эрнестомъ Мейраномъ, какъ она приняла на себя неприятную обязанность слѣдить за этимъ молодымъ человѣкомъ, и розыскать при-

чины непобѣдимаго сна, овладѣвающаго имъ во время служебныхъ занятій.

Рапорты по этимъ изслѣдованіямъ были представлены на другой день Жюльеттиной свадьбы. Г. С*** прочиталъ донесеніе полиціи: сущность этого рапорта была такого рода, что Эрнеста немедленно должно было исключить изъ списка служащихъ. Между тѣмъ, Эрнестъ ничего не зналъ и съ совершенною безпечною наслаждался въ Тиволи.

Г-жа Реронкуръ танцевала гавоттъ съ такимъ искусствомъ, какъ она сама сознавалась, что ей позавидовала-бы г-жа Гарденъ; но она танцевала чтобъ забыть горе. Въ два часа, она возвратилась домой. А Эрнестъ отправился къ себѣ на квартиру. Эрнестъ взялъ у привратника свой ключъ и фонарикъ и вошелъ въ квартиру. Въ два часа утра, послѣ танцовъ въ Тиволи, онъ чувствовалъ сильный аппетитъ, тѣмъ болѣе, что обѣдалъ очень на легкѣ. Старая кухарка Жаннета должна была уже давно спать крѣпкимъ сномъ, между тѣмъ она сидѣла въ залѣ и скрестивъ руки на груди, казалось, погружена была въ глубокое размышленіе.

— Жаннета! — произнесъ Эрнестъ.

Жаннета подняла голову.

— Ахъ! баринъ... О! это не баринъ, это вы г. Эрнестъ.

— Жюльетта дай мнѣ поужинать; я умираю отъ голода.

— Поужинать?... во время-же вы задумали объ ужинахъ....

— Лучше позволю себя повѣсить, чѣмъ лечь спать, не закусивши.

Жаннета встала, пошла въ буфетъ и подала Эрнесту связку бумагъ.

— Вотъ ужинъ, — сказала она.

Эрнестъ перелистывалъ эти бумаги.

— А, а, — сказалъ онъ, — я знаю, это гербовая бумага. Это не годится для ужина. Ты имъ скажешь, Жаннета, что они вѣрныя деньги промѣняли на невѣрныя.

— Разсмотрите-ка хорошенько, рассмотрите, это не для васъ....

— А для кого-же?

— Это отцу....

Эрнестъ удостовѣрившись въ справедливости этихъ словъ, громко расхохотался.

— Прочтите сударь, — произнесла Жаннетта, печальнымъ голосомъ

Эрнестъ сперва невнимательно перелистывалъ эти бумаги, но вдругъ лобъ его омрачился и лицо приняло важный и озабоченный видъ. Онъ

держалъ въ рукахъ протесты, требованія къ суду, судебные приговоры, арестованіе въ слѣдствіе взысканій по значительнымъ суммамъ.... Отецъ его разорился, а съ тѣмъ вмѣстѣ и онъ терялъ все свои надежды.

— А когда принесли сюда эти бумаги?

— Давно, сударь.

— Почему-же ты мнѣ ничего объ этомъ не сказала?

— Во-первыхъ, я васъ никогда не вижу; вы приходите домой, когда уже все спятъ, и уходите ни съ кѣмъ не издавшись; а во-вторыхъ, вашъ отецъ не велѣлъ мнѣ говорить вамъ объ его дѣлахъ.

— Зачѣмъ-же ты мнѣ говоришь теперь?

— Ахъ, сударь, сегодня совсѣмъ другое дѣло... сегодня у насъ въ домѣ гости, двое полицейскихъ; они ждутъ вашего батюшку, одинъ сидитъ у привратника..

Привратникъ мнѣ объ этомъ ничего не сказалъ.

— Онъ васъ не любитъ. А другой вотъ здѣсь въ комнатѣ вашего отца; лежитъ на его постелѣ.

— А гдѣ-же батюшка?

— Ахъ, сударь! возразила Жаннетта со вздохомъ, онъ до-сихъ-поръ не возвращался.

Послѣднія надежды Эрнеста лопнули. Дома, помѣстья, закладныя, доходы, все было промотано, продано, заложено и перезаложено его отцемъ. Наконецъ наступилъ срокъ рѣшительной развязки и старый мотъ бѣжалъ, оставя сыну въ наслѣдіе стражу, которая его ждала.

— Жаннетта, дай мнѣ поужинать, сказалъ Эрнестъ.

— У меня ничего нѣтъ, сударь. Вашъ отецъ уже давно не ужинаетъ; а я питаюсь, чѣмъ Богъ послалъ.

— Вѣроятно у тебя есть хлѣбъ, дай мнѣ хоть хлѣба...

Жаннетта прошла въ кухню и принесла оттуда краюшку черстватаго хлѣба и нѣсколько чечевицы, въ деревянной чашкѣ. Это были остатки ея собственнаго обѣда. И Эрнестъ, который часто въ улицѣ Монтъ-Тоборъ привередничалъ надъ изысканными блюдами, тутъ съ гомерическимъ аппетитомъ поглотилъ остатки Жаннеттина обѣда и охотно запилъ ихъ водою, потому-что въ погребѣ отца его давно уже царствовала пустота, а Жаннетта не имѣла никакихъ средствъ купить для него вина.

— Боже мой! Боже мой! куда дѣвался нашъ баринъ? повторяла Жаннетта.

Старикъ Мейранъ сдѣлался игрокомъ, отъ алчности и скупости. Въ первые дни своего обогащенія, это правда, онъ купилъ новыя мебели, ваялъ нѣсколько слугъ; но все это было сдѣлано только для вида

для соблюденія приличій и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсть кредитъ, который не мѣшаетъ имѣть иногда и самымъ богачамъ. Когда-же Шарлотта вышла замужъ за Гербуа, Мейранъ тотчасъ прогналъ всю свою прислугу, продалъ совершенно новенькія ливреи и предался единственно расчетамъ какъ-бы увеличить свое состояніе. Скупость его превратилась въ скряжничество. Прежде всего онъ удалилъ отъ себя сына, что ему было весьма не трудно сдѣлать. Тогда онъ хозяйничалъ вмѣстѣ съ Жаннеттой: кусокъ свиного сала, приготовленнаго съ зеленью, чистая вода и ломтикъ сыру составляли обѣдъ, который онъ обыкновенно вкушалъ на кухнѣ, на уголкѣ стараго кухоннаго стола. Жаннетта тутъ-же и стряпала и прислуживала ему.

Немедленно по окончаніи обѣда, Мейранъ, имѣвшій обыкновеніе лѣтомъ и зимою всегда ходить въ одномъ и томъ-же платьѣ, тотчасъ бѣжалъ въ свой кабинетъ, наполнялъ карманы золотомъ и сѣвшилъ въ улицу Бакъ. Въ концѣ этой улицы онъ достигалъ довольно сумрачной аллеи, которая вела къ уединенному дому. Тамъ Мейранъ вбѣгалъ по лестницѣ, во второй этажъ и всегда заставалъ общество записныхъ игроковъ, и по рожденію, и по образованію совершенно ему соотѣтствовавшихъ. Это были люди, которые обогатились на счетъ ближняго, во время неустройствъ. Въ числѣ ихъ всегда можно было встрѣтить людей, которые искали въ игрѣ забвенія прошедшаго. Всѣ эти игроки были люди не богатые, а потому очень понятно, что Мейранъ, явившійся въ ихъ кругъ съ большимъ запасомъ денегъ, долженъ былъ проигратъ, не смотря на то, что тамъ никто не употреблялъ недозволенныхъ средствъ и что игра велась честнымъ образомъ. Это происходило болѣе оттого, что Мейранъ при малѣйшемъ проигрышѣ слишкомъ увлекался желаніемъ отыграться и проигрывался болѣе и болѣе, тогда, какъ другіе, не имѣя значительныхъ средствъ, при небольшомъ даже проигрышѣ совершенно прекращала игру до слѣдующаго раза. Кромѣ того, въ этомъ домѣ дѣйствительно иногда проникали люди подозрительные, игорные артисти, которые подъ фальшивымъ или вымышленнымъ именемъ втираются вездѣ, гдѣ могутъ имѣть надежду поживиться деньгами и всегда успѣваютъ въ своемъ намѣреніи съ удивительнымъ искусствомъ.

Увлекаясь своими *непреложными* расчетами на игру, Мейранъ прежде всего проигралъ свой домъ въ улицѣ Мишодьеръ; тогда онъ увидѣлъ неосновательность своихъ первыхъ соображеній и составилъ новыя, которыя ему стоили превосходнѣйшаго помѣстья въ Нормандіи. Переходя такимъ образомъ отъ одного расчета къ другому, отъ одного соображенія къ совершенно новому, въ теченіи какихъ-нибудь восе-

мнадцати мѣсяцевъ, Мейранъ увидѣлъ себя безъ наслѣдства, все, что онъ имѣлъ перешло въ руки игроковъ.

Тогда мысли Мейрана остановились на его зятѣ Гербуа. Онъ просилъ у него въ займы восемь или десять тысячъ франковъ, какъ будто для произведенія опытовъ надъ новымъ способомъ удобрѣнія, обѣщая открыть секретъ, по совершеніи этихъ опытовъ. Г. Мейранъ думалъ этимъ вымысломъ задѣть слабую струну своего зятя; но онъ ошибся.

Гербуа отвѣчалъ съ первою почтою.

«Вы просите у меня денегъ, между тѣмъ какъ я самъ собирался у васъ просить, не потому, чтобы я нуждался, но вашъ сынъ мнѣ долженъ, и какъ онъ не помышляетъ объ уплатѣ, то ваша обязанность заплатить за его. Сумма эта простирается до шести тысячъ франковъ, кромѣ процентовъ за полтора года. Что касается до вашего новаго способа удобрѣнія, то я не могу имѣть о немъ выгоднаго мнѣнія, потому что лучшаго способа удобрѣнія, какъ мой, быть не можетъ. Впрочемъ, любезный тесть, если вы согласны мнѣ дать полную закладную на ваше помѣстье въ Нормандіи, за восемь тысячъ, въ которыхъ вы нуждаетесь, причисляя къ нимъ и шесть тысячъ франковъ съ процентами, которые мнѣ долженъ вашъ сынъ, что въ сложности составитъ слишкомъ четырнадцать тысячъ, то можете зайти къ моему управляющему, въ Парижѣ, и дѣло сладится».

Мейранъ не взялъ на себя труда заходить къ управляющему, потому что нельзя было дать закладной на имѣніе, уже проданное въ другія руки. Мейранъ рѣшился занимать у всякаго встрѣчнаго, подписалъ множество векселей, и какъ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, то легко нашелъ заимодавцевъ, которые снабдили его знательными суммами. Наступили сроки уплаты, онъ не платилъ, тогда у него описали послѣдніе остатки, какимъ-то чудомъ сохранившіеся отъ зеленого поля. Въ тотъ самый день, когда Эрнестъ Мейранъ танцевалъ въ Тиволи, гдѣ онъ такъ дурно уживалъ, Мейранъ отецъ былъ обладателемъ только одной золотой монеты; онъ крѣпко и судорожно сжималъ ее въ рукѣ, пробираясь къ игорному дому улицы Бакъ. Онъ былъ блѣденъ до синевы, лицо исхудалое, хребетъ сгорбленный, волосы въ большомъ безпорядкѣ. Для Мейрана въ эти минуты не существовало ни дочери, ни сына, ни друга; для него только существовалъ наполеондоръ, который онъ держалъ въ рукѣ. Привѣтливый хозяинъ этого собранія первый встрѣтилъ Мейрана и тотчасъ замѣтилъ, что рука его что-то сжимала.

— Любезнѣйшій господинъ Мейранъ, — говорилъ онъ ему, что вы

держите въ рукѣ? вѣроятно деньги, которыя предназначили поставить на карту?

— Именно.

— И вѣрно золото?

— Угадали.

— Я готовъ держать пари, на что угодно, что количество вашихъ наполеоновъ ... Одну минутку: если я угадаю, они мои, если ошибусь, сказавъ болѣе или менѣе чѣмъ окажется, я пополняю недостающую сумму. Согласны?

— Согласенъ, отвѣчалъ Мейранъ, понимая выгоду такого предложенія.

— А! онъ опять держитъ пари... Не соглашайтесь, Мейранъ, онъ выигрываетъ всѣ свои пари.

— Любезнѣйшій М., возразилъ хозяинъ, смѣясь, — не вмѣнивайтесь пожалуста въ мои дѣла, вы ихъ всѣ перепутаете.

М. вѣжливо подошелъ къ Мейрану и еще разъ повторилъ свое предостереженіе, которое казалось ему очень полезнымъ.

Глаза Мейрана забѣгали; къ непремѣнному желанію выиграть, въ это время присоединилось какое то душевное безпокойство, которое составляетъ муку и наслажденіе игрока.

— Ничего, сказалъ Мейранъ.

— Пятнадцать! воскликнулъ хозяинъ.

Мейранъ поспѣшно открылъ руку и показалъ ему свой единственный наполеондоръ. Хозяинъ не много озадаченный, отсчиталъ Мейрану четырнадцать золотыхъ. При такомъ неожиданномъ выигрышѣ, разорившійся старикъ, преслѣдуемый множествомъ займодавцевъ, не зная, гдѣ преклонить голову, уже проигравшій на зеленомъ полѣ огромное состояніе, въ эту минуту какъ-бы ожилъ для счастья и надежды; въ умѣ его тотчасъ блеснула мысль, что фортуна снова ему улыбается, и что теперь ему предстоитъ случай вернуть все потерянное. Голодь и жажда его томили; всякій другой на его мѣстѣ отправился-бы сперва пообѣдать. Но Мейранъ не хотѣлъ терять времени; онъ быстро присѣлъ къ игорному столу и рѣшился поставить на карту этотъ неожиданный даръ фортуны. Сперва онъ проигралъ нѣсколько золотыхъ, потомъ выигралъ нѣсколько, еще одна рѣшительная ставка и онъ остался при нулѣ. Тогда онъ удалился въ уголокъ комнаты и предался размышленію: что дѣлать? что предпринять? къ кому обратиться, чтобы завтра не умереть съ голоду, а главное, чтобы добыть хоть одинъ эку, который онъ горѣлъ желаніемъ поставить на карту! У Жаннеты уже ничего не было, потому-что онъ самъ у нее все забралъ.

— Мой сынъ, говорилъ онъ самому себѣ, — мой сынъ, нѣтъ! Эрнестъ слишкомъ большой негодяй, онъ игрокъ... на него плоха надежда.

— Тутъ въ умѣ его мелькнула блестящая мысль... мысль, которая могла обезпечить ему мирную и счастливую кончину. Онъ думалъ обратиться къ своей дочери.

— Гербуа, думалъ онъ, — человекъ добрый; онъ не охотно сеужаетъ деньгами; но онъ не откажетъ мнѣ въ уголкѣ... А Шарлотта... она кроткая, чувствительная женщина и вѣрно не прогонитъ старика-отца. Притомъ какой вредъ могу я имъ сдѣлать? Я не увеличу ихъ расходо́въ, они люди богатые и даже никогда не проживаютъ своихъ доходовъ.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ рѣшился ѣхать въ Родезъ, въ объятія своей дочери, и въ Родезѣ, или въ помѣстьѣ Гербуа, кончить остатокъ дней своихъ, безъ нужды и заботъ.

— Правда, что я выдалъ Шарлотту за-мужъ не по влеченію ея сердца, продолжалъ размышлять Мейранъ, не менѣе того этимъ средствомъ я упрочилъ ея благосостояніе: она богата и стало-быть, счастлива.

Чтобы ѣхать въ Родезъ надлежало имѣть полтораста франковъ; а у Мейрана не было ни гроша. Онъ всталъ съ своего мѣста и тихо подошелъ къ М. М. былъ славный игрокъ, откровенный, смѣлый, великодушный. Онъ безъ малѣйшаго упрека совѣсти также выигралъ отъ Мейрана большую часть его денегъ. Онъ уже собирался домой, когда Мейранъ къ нему приблизился.

— Любезный М.?

— Что вамъ угодно?

— Вы уже уходите?

— Да, погода скверная; дождь такъ и льетъ и гроза начинается. У воротъ меня ждетъ кобриолетъ; я хочу имъ воспользоваться, не отсылая его домой,,.

— Не окажете-ли вы мнѣ, любезный М., маленькую услугу?

— Двѣ если только могу.

— Одолжите мнѣ десять наполеоновъ.

М. вынулъ изъ кармана десять наполеоновъ и предложилъ ихъ Мейрану, съ самою утонченною вѣжливостію свѣтскаго человѣка. Вслѣдъ затѣмъ М. вышелъ изъ залы и уѣхалъ домой.

Мейранъ привыкнувъ уже давно, въ подобныхъ случаяхъ, къ однимъ отказамъ, былъ пріятно пораженъ такимъ быстрымъ удовлетвореніемъ его просьбы. Онъ пересчиталъ добытое имъ золото, долго ласкалъ

его радостнымъ взоромъ и готовъ былъ послѣдовать примѣру М... оставивъ на всегда игорный домъ; но въ это время шелъ дождь, гремѣлъ громъ, погода была ужасная, а у Мейрана не было кабриолета. Притомъ онъ зналъ наконецъ и тѣ горестныя обстоятельства, какія происходили у него въ домѣ, онъ зналъ, что домъ его въ это время былъ въ рукахъ полиціи и ему тяжело было подумать о возвращеніи. Онъ рѣшился дожидаться разсвѣта у камина и дѣйствительно вскорѣ задремалъ.

— Вотъ необычная карта! — воскликнулъ одинъ изъ игроковъ.

— О! конечно: это рѣдкій случай.

При этихъ словахъ Мейранъ пробудился и бросился къ зеленому столу, чтобы видѣть этотъ необычайный случай.

Онъ погибъ.

Мейранъ хотѣлъ взглянуть на необычайный казусъ игры и былъ ослѣпленъ горами золота на столѣ. Увлеченный новымъ расчетомъ, который ему представлялся непреложнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, послужившихъ къ его разоренію, онъ рѣшился еще разъ попробовать счастья. Сперва онъ думалъ рискнуть только тремя наполеонами, приберегая остальные на дорогу въ Родезъ. Между-тѣмъ не болѣе какъ въ четверть часа онъ проигралъ всѣ десять и еще шестьдесятъ на слово. Все это выигралъ хозяинъ игорнаго дома.

— Ты безумный, — произнесъ одинъ игрокъ обращаясь къ выигравшему, — ну, можно-ли играть на слово съ этимъ человѣкомъ: онъ разоренъ.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ, Мейранъ былъ страшно богатъ и у него еще и теперь должно оставаться огромное состояніе. У подобныхъ людей всегда есть запасъ изношенныхъ брилліантовъ и старинной столовой посуды. Держу пари, на десять наполеоновъ, что я завтра же получу мой выигрышъ.

Между-тѣмъ Мейранъ взялъ шляпу и вышелъ изъ игорнаго дома. Уже была полночь, когда онъ очутился близъ своего дома. Пробитой насквозь дождемъ, онъ чувствовалъ лихорадку — и — пробирался къ Тюльери. Въ это время проходилъ на встрѣчу Мейрану какой-то толстый господинъ, спокойно скрывавшійся подъ обширнымъ зонтикомъ.

— Возьми, любезный, — сказалъ онъ, подавая милостыню Мейрану.

Мейранъ съ гордостью посмотрѣлъ на прохожаго и пошелъ далѣе.

— Вотъ тебѣ разъ, — весело произнесъ прохожій, обращаясь къ самому себѣ, и положивъ монету въ карманъ; — я ошибся, и кажется предложилъ милостыню какому-то переряженному миллионеру.

Между-тѣмъ въ Мейранѣ заговорили уснувшія честь и совѣсть. Почти машинально повернулъ онъ на набережную Орсе.

Мысли его вдругъ приняли совершенно другое направленіе: онъ уже не имѣлъ въ виду Родеза и счастливаго убѣжища въ помѣстьяхъ своего зятя, Гербуа не представлялся ему болѣе простымъ и снисходительнымъ добрякомъ, который бы могъ ему дать убѣжище, напротивъ, онъ смотрѣлъ на него теперь какъ на зятя, лишившагося всякой надежды на наслѣдство жены, на которое онъ рассчитывалъ... Шарлотта ужъ не была кроткая и добрая женщина, а напротивъ, она казалась Мейрану жадною и корыстолюбивою эгоисткой, питавшею любовь только къ самой себѣ и можетъ быть къ своимъ житейскимъ выгодамъ... Наконецъ онъ самъ увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ: онъ былъ отецъ нечувствительный, суровый, преступный, разорившій и промотавшій все наслѣдіе дѣтей своихъ, для удовлетворенія гнусной страсти... Эрнестъ и г-жа Гербуа могли потребовать у него отчета куда дѣвались дома, помѣстья, драгоценности ихъ матери, законно имъ принадлежація. Онъ дошелъ до послѣдней степени позора: прохожій предлагалъ ему милостыню. Но сильнѣе всего этого (потому—что страсть игрока исчезаетъ только вмѣстѣ съ смертію) говорило то обстоятельство, что ему ужъ рѣшительно не возможно продолжать игру. Мейранъ съ какимъ-то отчаяніемъ взомель на Королевскій мостъ, придерживаясь постоянно лѣвой стороны. На срединѣ моста онъ остановился. Гроза продолжала свирѣпствовать; ударъ слѣдовалъ за ударомъ; молнія освѣщала Сену, которая бурно катила пѣну.

— Минута успокоенія для меня наступила, — сказалъ Мейранъ.

Преступный человѣкъ, который уже не въ силахъ нести бремя несчастій, имъ самимъ вызванныхъ, всегда хочетъ увѣрить себя, что насладится спокойствіемъ только въ минуту совершеннаго уничтоженія. Мейранъ вскарабкался на ограду моста; ноги его уже висѣли надъ рѣкой, только обѣими руками придерживался онъ еще за скользкій камень. Въ это время гвардейскій драгунъ возвращался въ главный штабъ, при блескѣ молніи онъ легко замѣтилъ человѣка, готоваго броситься въ Сену.

— Эй! ты! смотри тамъ! — воскликнулъ онъ, пустивъ свою лошадь въ галопъ по мосту.

— Богъ не оставитъ мою бѣдную Жанетту, — сказалъ Мейранъ.

Это были его послѣднія слова и онъ спрыгнулъ въ бездну.

Въ эти самыя мгновенія совершался бракъ г. Линана и Жюльетты.

Драгунъ проскакалъ черезъ мостъ, привязалъ свою лошадь къ фонарному столбу и спустился на песчаный берегъ, гдѣ были разбросаны нѣсколько рыбацкихъ хижинъ и находилась небольшая изба, собственно предназначенная для оказанія помощи утопленникамъ.

— Эй, кто тамъ, вставай! — кричалъ драгунъ, ударяя въ полу-сгнившую дверь, — вставай! какой-то человѣкъ упалъ въ Сену.

Дверь отворилась и явился почти совершенно обошенный рыбакъ.

— Человѣкъ, — произнесъ рыбакъ потягиваясь, — какой человѣкъ?

— Какой-бы то ни былъ: скорѣй твою лодку, багоръ.

— И ты только для этого меня разбудилъ, пріятель?

Отвѣтъ рыбака раздосадовалъ драгуна.

— Иди сейчасъ. — воскликнулъ драгунъ, — или я разорву цѣпь, которою привязана твоя лодка, изрублю ее въ щепы и ты самъ у меня отправишься удить рыбу въ Сену.

Рыбакъ повиновался неохотно; онъ кликнулъ парня, засвѣтилъ фонарь и сѣлъ въ лодку, въ которую за нимъ послѣдовалъ драгунъ, не хотѣвшій оставить его ни на минуту.

— Гдѣ упалъ этотъ человѣкъ? — спросилъ рыбакъ.

— На срединѣ моста.

— Въ такомъ случаѣ, онъ принялъ направленіе по теченію рѣки и ужь давно въ Сен-Клу.

— Нѣтъ, — возразилъ драгунъ, — его отнесло вправо: ищи его около этихъ ивъ, которыхъ вѣтви купаются въ Сенѣ. Тамъ не такъ глубоко, притомъ тамъ растетъ дикій тернъ, онъ могъ задержать трупъ несчастнаго утопленника.

Рыбакъ поднялъ голову и удержалъ весла.

— Я вижу, пріятель, ты коренной парижанинъ, — сказалъ онъ, — ты не разъ пріѣзжалъ сюда ловить угрей.

— Не мѣшай, и не растабарывай, дѣло идетъ о жизни человѣка.

Отъ двухъ взмаховъ веселъ, лодка достигла означеннаго мѣста и рыбакъ вооружился багромъ.

— Вона, — воскликнулъ онъ, — вотъ вашъ утопленникъ: я что-то ощупалъ здѣсь.

Въ эту минуту апатія рыбаковъ исчезла; оба они одушевились и начали дѣйствовать съ необыкновенною живостію. Раздѣться, броситься въ воду и вытащить изъ нее трупъ было дѣломъ одной минуты. Драгунъ помогъ имъ положить тѣло въ лодку, а потомъ на койку рыбака. Это точно былъ Мейранъ. Быстрота теченія отнесла его къ правому берегу, гдѣ ивы и другаго рода растенія не позволили ему продолжать дальнѣйшее стремленіе.

— Теперь, сказалъ одинъ изъ рыбаковъ, — надо его взять за ноги и встряхнуть, чтобы очистить желудокъ отъ воды; потомъ мы ему дадимъ выпить водки, онъ заснетъ часа два и на завтра будетъ, какъ встрепанный.

Драгунъ какъ болѣе искусный наблюдатель, а можетъ быть и болѣе свѣдущій, недовѣрчиво покачалъ головою. Онъ открылъ глазъ Мейрану, приложилъ руку къ его сердцу и сказалъ:

— Оставьте, оставьте, онъ мертвъ!

Тогда рыбаки принялись осматривать карманы утопленника. Въ одномъ, нашли они старый платокъ, въ другомъ — роговую табатерку и еще старый истертый бумажникъ; въ которомъ игрокъ писалъ знаки, которыхъ смыслъ и значеніе понималъ только онъ одинъ, въ бумажникѣ-же они отыскали его адресъ и фамилію.

— Это старикъ, — говорили рыбаки, — у него вѣроятно есть дѣти, онѣ намъ вѣрно подарятъ что-нибудь, если мы отнесемъ его на квартиру.

— И еслибъ вы даже ничего не получили, — возразилъ драгунъ, — если можетъ быть этотъ старикъ холостъ и одинокъ, вотъ вамъ отъ меня тридцать су...

Мейрана принесли къ нему въ домъ въ то самое время, когда Эрнестъ оканчивалъ свой скудный ужинъ. Онъ печально посмотрѣлъ на трупъ отца. Жанетта устремилась къ тѣлу Мейрана, оросила его слезами и отчаянные вопли ея огласили весь домъ. Крикъ ея пробудилъ испуганнаго полицейскаго, которому приказано было сторожить мебель. Онъ вышелъ въ залу, чтобъ узнать причину тревоги, Эрнестъ тотчасъ его взялъ за руку и отвелъ въ другую комнату.

— Другъ мой, — сказалъ онъ ему, — ты видишь, что отецъ мой не могъ перенести своего разоренія; суровость кредиторовъ побудила его лишиться себя жизни. Я не знаю, въ какомъ положеніи находятся его дѣла, можетъ быть, даже онѣ еще вовсе не такъ дурны, какъ онъ себѣ представлялъ; потрудись мнѣ пояснить что мнѣ теперь дѣлать?

— Очень охотно, сударь; — отвѣчалъ полицейскій, вынимая изъ кармана бумажникъ съ пергаментными листиками, обвязанный простою веревочкою; — я нахожусь по службѣ при экзекуторѣ, у котораго на рукахъ всѣ дѣла вашего покойнаго родителя. У меня здѣсь есть списокъ долгамъ его.

Полицейскій открылъ бумажникъ и показалъ Эрнесту страшный рецептъ цифръ. На слѣдующей страницѣ была опись его имѣнія.

— Вы видите, что все это имущество, здѣсь описанное, не покроетъ и десятой доли долговъ; у насъ есть еще одна надежда.

— Какая-же?

— Вы наследникъ вашего отца?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Его единственный наследникъ?

— Нѣтъ, у меня есть сестра.

— О! такъ вы вдвоемъ можете заплатить долги вашего родителя. Это былъ-бы очень похвальный поступокъ съ вашей стороны.

— Другъ мой, хладнокровно возразилъ Эрнестъ, я подумаю объ этомъ; очень благодаренъ за мудрый совѣтъ. Но мои дѣла теперь не-много запутаны, впрочемъ, вы можете обратиться къ моей сестрѣ, г-жѣ Гербуа. Она живетъ въ Авейронскомъ департаментѣ, въ городѣ Родезѣ, и получаетъ болѣе сорока тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Полицейскій въ свою очередь поблагодарилъ Эрнеста. За тѣмъ Эрнестъ, увѣренный, что въ отцовскомъ домѣ нечѣмъ поживиться, взялъ свою шляпу и вышелъ изъ квартиры. У воротъ его остановилъ привратникъ и передалъ ему письмо. Эрнестъ схватилъ письмо и быстрыми шагами удалился отъ дому. Онъ прочиталъ его на улицѣ, при свѣтѣ фонаря. Это былъ министерскій пакетъ.

«Честь имѣю извѣстить васъ, милостивый государь, что съ перваго числа текущаго мѣсяца (было 2-е число) вы уже болѣе не числитесь по министерству внутреннихъ дѣлъ. Его превосходительство, г. министръ, приказалъ вамъ объявить, что на ваше мѣсто назначенъ уже другой чиновникъ.»

— Не доставало этого удара, воскликнулъ Эрнестъ, — тѣмъ хуже для тѣхъ, которые мнѣ попадутся подъ руку; и такъ, я цыганъ и буду вести цыганскую жизнь...

Къ тремъ часамъ утра, послѣ этой бурной ночи, погода разгулялась, звѣзды сіяли въ небѣ и свѣтлый вѣтерокъ разсѣялъ все тучи. Все предвѣщало морозъ. Эрнестъ очутился на бульварѣ. Онъ вскорѣ увидѣлъ идущаго къ нему на встрѣчу молодаго человѣка въ фуражкѣ, въ охотничьемъ нарядѣ, съ ружьемъ за плечами и яхташемъ. Это былъ его товарищъ по службѣ, Леонъ Дарно; сынъ богатаго сановника. Леонъ тотчасъ узналъ Эрнеста и прямо подошелъ къ нему.

— А! здорово Эрнестъ; что ты дѣлаешь такъ поздно на бульварѣ? куда ты пробираешься?

Эрнестъ покачалъ головою.

— Я иду, и самъ не знаю куда. Счастливые дни моей жизни миновались. Передъ тобою человѣкъ погибшій...

— Какимъ это образомъ?

— У меня былъ отецъ, произнесъ Эрнестъ.

— Онъ умеръ? съ участіемъ спросилъ Леонъ.

— Полчаса тому его принесли на квартиру мертвымъ, а еслибъ онъ вернулся въ нее живымъ, то его взяли-бы подь стражу. Я бѣжалъ изъ дому, иду самъ не знаю куда, только чтобъ не видѣть этого зрѣлища.

— О, повѣрь мнѣ, Эрнестъ: произнесъ Леонъ, что я принимаю живѣйшее участіе въ твоемъ горѣ. Скажи пожалуйста, ты теперь сирота и еще разоренъ.

— Да, разоренъ и безъ всякой помощи.

— Къ счастью, у тебя хорошее мѣсто.

— Мѣсто! злобно воскликнулъ Эрнестъ; меня отставили отъ должности.

Леонъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Успокойся Эрнестъ, сказалъ онъ ему, и будь мужественъ, еще не все потеряно.

— Не все! Я-бы очень желалъ видѣть, что ты сталъ-бы дѣлать на моемъ мѣстѣ?

— Во первыхъ, всячески старался-бы узнать причины моего несчастія. Если-бы я ни въ чемъ не могъ упрекать себя, тогда искалъ-бы случая увидѣться съ министромъ: онъ человѣкъ справедливый и вѣроятно перемѣнили-бы свое рѣшеніе.

— Въ нашемъ отдѣленіи множество наушниковъ, они оклеветали меня. И вотъ — я попалъ въ число негодяевъ.

— У насъ въ министерствѣ, Эрнестъ, нѣтъ наушниковъ; а есть начальники, которые обязаны отвѣчать за поведеніе своихъ подчиненныхъ.

Эрнестъ посмотрѣлъ на своего пріятеля какъ-то неопредѣленно. Въ этомъ взглядѣ выражалось въ одно и тоже время и удивленіе и презрѣніе.

— Да, да, сказалъ онъ, — ты правъ, любезный Леонъ: куда ты идешь?

— Какъ видишь, я отправляюсь на охоту, стрѣлять марнскихъ утокъ... Что-же ты намѣренъ дѣлать?

Эрнестъ хладнокровно пожалъ плечами.

— Я, ничего: можетъ быть я пойду въ скоморохи, или явлюсь на сценѣ провинціального театра...

Леонъ взялъ за руку своего пріятеля и отвелъ его къ небольшой скамьѣ, на которой они сѣли.

— Любезный Эрнестъ, сказалъ онъ ему, ты говоришь весьма не-

благоразумно. Ты этимъ только докажешь, что вполне заслуживаешь несчастіе, которое тебя постигло. Тебѣ необходимо надо объясниться съ министромъ и склонить его на милость.

— Министръ! возразилъ Эрнестъ: ахъ, была одна знакомая, которая защищала меня передъ нимъ и при которой никто не смѣлъ чернить меня, богатая женщина, я думалъ на ней жениться, но она вышла за другаго.

— Вотъ еще одна потерянная надежда?

— И надежда, на которую я болѣе всего рассчитывалъ.

— Подумаемъ, возразилъ Леонъ, какъ-бы тебѣ лучше поступить въ этихъ обстоятельствахъ.

— Охотно, отвѣчалъ Эрнестъ, ударивъ себя по пустому карману для часовъ.

— Иди въ военную службу.

— Въ военную!..

— Да, въ наше время это самая вѣрная дорога къ почестямъ и даже къ пріобрѣтенію богатства. Ты еще молодъ, хорошо сложенъ, у тебя пріятная наружность; при твоёмъ образованіи можно надѣяться на скорое повышеніе. Черезъ шесть мѣсяцевъ ты будешь сержантомъ, а черезъ годъ прапорщикомъ.

Я не хочу служить въ пѣхотѣ...

— Тѣмъ лучше, ступай въ гусары, мой дядя полковой командиръ. Я тебѣ обѣщаю, что онъ будетъ тебѣ покровительствовать.

— Въ добрый часъ, ходить! отвѣчалъ Эрнестъ, который иногда, забывшись, употреблялъ манеры дурного общества, имъ посѣщаемого; а полкъ этотъ въ Парижѣ?

— Нѣтъ, онъ въ Германіи, но постоянныя квартиры его въ Самюрѣ.

— Тѣмъ лучше, потому-что мнѣ не хочется долѣе оставаться въ Парижѣ. Парижъ меня губить.

— Заходи ко мнѣ завтра, Эрнестъ, я тебѣ дамъ рекомендательное письмо, по которому тебя хорошо примутъ въ Самюрѣ... Можетъ быть тебѣ нужны?..

Благородный молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и раздѣлилъ съ пріятелемъ сорокъ франковъ, которые при немъ были.

— До завтра, Эрнестъ, до завтра, кричалъ онъ, удаляясь.

— Дѣйствительно, это недурно, разсуждалъ Эрнестъ, оставшись одинъ, я сдѣлаюсь солдатомъ, это для меня не трудно: я уже ѣзжу верхомъ, какъ Франкони... Со временемъ можно попасть въ маршалы Франціи; а? это недурно! расплачусь съ министромъ и г-жею де-Линанъ.

Уже начинало свѣтать и Эрнестъ Мейранъ, по старой привычкѣ, очутился въ улицѣ Монтъ-Таборъ.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

АНГЛИЙСКИЙ ТЕАТРЪ ДО ШЕКСПИРА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ ЭПОХА ШЕКСПИРА.

I.

Преданіе о Ромео и Джульеттѣ. — Преобразование преданія. — Лунджи Порто. — Слогъ этого итальянскаго писателя.

Кто не вспоминаетъ прекрасныхъ лѣтнихъ ночей, въ продолженіи которыхъ силы природы, кажется, алчуть развиться и принуждены засыпать, — этой смѣси напряженнаго жара, избытка энергіи, неукротимаго могущества и безмолвной свѣжести?

Соловей поетъ въ глубинѣ лѣса. Чашечки цвѣтовъ полураскрыты. Блѣдный свѣтъ разливается по зелени деревъ и по скату холмовъ. Чувствуешь, что подъ этимъ глубокимъ покоемъ кроется плодотворная сила; что задумчивая стыдливость природы таитъ въ себѣ пламенное волненіе. Подъ этою блѣдностью и прохладой ночи и звѣздъ ея, вы угадываете сдержанный жаръ и цвѣты, которые зрѣютъ въ тишинѣ, съ нетерпѣливымъ порывомъ распуснуться.

Такою атмосферой Шекспиръ окружилъ одно изъ удивительнѣйшихъ своихъ созданій — *Ромео и Джульетту*.

Здѣсь не только основа, но даже формы языка часто южныя. Басню эту выдумала Италія; она почерпнула ее въ своихъ народныхъ воспоминаніяхъ, въ своихъ старинныхъ семейныхъ ссорахъ, въ лѣтописяхъ, полныхъ любовными и кровавыми интригами. Въ этомъ лирическомъ акцентѣ, въ этомъ безуміи страсти, въ этихъ блестящихъ образахъ — каждый, не задумываясь, узнаетъ Италію. Ромео говоритъ какъ сонетъ Петрарки; та-же изысканность и тѣ-же антитезы; та-же грація и то-же удовольствіе ризомать свою страсть въ аллегорическихъ стан-

сахъ. Джульетта — настоящая итальянка: пылкая и чистая, безъ большой предусмотрительности и съ удивительнымъ простодушіемъ.

Исторія Ромео и Джульетты заключается цѣликомъ у Луиджи Порто, итальянскаго разскащика, жившаго въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія. «Сударыня (говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, посвященномъ сеньорѣ Лючіи Саворньяна), я обѣщаль, назадъ тому нѣсколько дней, разсказать вамъ печальный анекдотъ, случившійся въ Веронѣ; такъ-какъ вамъ угодновыслушать, то исполняю ваше желаніе, и вы увидите, какимъ горестямъ, превратностямъ, бѣдствіямъ, смертельнымъ опасностямъ подвергаетесь за любовь. Мнѣ, оскорбленному судьбою, нравятся такіе разсказы, и я охотникъ повторять ихъ. Въ серединѣ своей молодости, я постарѣлъ и ослабъ на войнѣ; рано должно было мнѣ отказаться отъ удовольствій вашего и моего возраста. Когда любовь покинула меня, — я столкнулъ свою лодку въ океанъ поэзіи! Теперь, мнѣ тяжела даже поэзія.

«Позвольте-же мнѣ привязать здѣсь свой хрупкій чолнъ; пусть онъ отдыхаетъ въ надеждѣ на вашу звѣзду; пускай, обезоруженный и разснащенной, онъ останется въ спокойной пристани, которую вы ему предлагаете! Надѣюсь, что вы не безъ удовольствія будете слушать приключеніе полное слезъ, и для самого приключенія, и изъ любви къ тому, кто его разсказываетъ.

«Въ молодости своей, я посвятилъ себя оружію. Я проѣзжалъ съ нѣсколькими солдатами и офицерами черезъ Фріуль, вашу родину; изслѣдовалъ страну вдоль и поперегъ, по большимъ и по проселочнымъ дорогамъ. Въ этихъ поѣздкахъ верхомъ почти всегда сопровождалъ меня веронскій стрѣлокъ, по имени Пеллегринно, отличный солдатъ и чудесный разскащикъ, какъ большая часть веронцевъ. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, красивый мужчина, всегда влюбленный (что шло къ нему не болѣе какъ въ половину), и не упускалъ случая разсказать, высокопарнымъ слогомъ, страстный анекдотецъ.

«Разъ вечеромъ выѣхали мы изъ Градиска. Печально ѣхалъ я по опустошенной землѣ, вызженной войною, по землѣ тощей и каменистой. Я испытывалъ довольно обыкновенное несчастье: меня обманула женщина. Мысли тяготили меня, и я держался поодаль отъ своихъ товарищей. — Перестаньте мечтать! сказалъ мнѣ добрый Пеллегринно, угадавшій мои печальныя размышленія: — и о чемъ?.. Что вами пре- небрегла женщина! Боже мой! да развѣ не знаете вы, что въ этихъ приключеніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ печали? Въ любви, даже величайшіе счастливцы — самые несчастные люди. Я разскажу вамъ, по этому слу-

«чаю, свѣжую исторію, которая сократитъ намъ обоимъ скучную до «рогу». — Онъ разсказалъ мнѣ эту исторію: постараюсь ее передать.

Такъ начинается итальянскій повѣствователь, съ прелестною откровенностью и драматизмомъ, исполненнымъ занимательности, простоты, ловкости. Онъ приступаетъ къ дѣлу и начинаетъ опискою продолжительной и кровавой непріязни двухъ сильнѣйшихъ веронскихъ фамилій.

«Наконецъ, говоритъ онъ: — эта вражда утихла; война уже нѣсколько времени какъ прекратилась между двумя фамиліями, когда «Антоніо Капеллетти, глава одной изъ нихъ, старикъ любезный, щедрый, охотникъ до роскоши, давалъ большой праздникъ своимъ друзьямъ. Пиръ продолжался день и ночь; на нихъ сбѣгался весь городъ. Случилось въ одну ночь, что какой-то молодой человѣкъ изъ враждебнаго рода Монтеки (по обычаю влюбленныхъ, которыхъ душа и тѣло не могутъ покинуть слѣдъ любимаго предмета) пробрался въ домъ Капеллетти, чтобы преслѣдовать тамъ жестокую даму. Онъ былъ еще очень молодъ, прекрасенъ собою, хорошо сложенъ и съ благородными пріемами. Чтобы явиться на балъ, онъ красиво одѣлся по-женски; и взоры всѣхъ останавливались на немъ, какъ потому, что онъ былъ очень хорошъ, такъ и отъ изумленія, которое внушалъ каждому его приходъ въ этотъ домъ, и притомъ ночью. Но никто не былъ столько пораженъ его присутствіемъ, какъ единственная дочь и наследница Капеллетти, хорошенькая молодая особа, граціозная, и наивно живая. Увидѣвъ молодаго человѣка, она почувствовала себя до такой степени взволнованною, что, когда взоры ихъ встрѣтились, ей показалось, будто она уже не принадлежитъ себѣ. Между-тумъ онъ стоялъ одинъ въ углу залы, робко и скромно, какъ человѣкъ, занятый какимъ-нибудь тайнымъ чувствомъ. Это опечалило дѣвушку; она слышала, какъ вокругъ нея говорили, что онъ болѣнъ и прекрасно танцуетъ. Послѣ ужина, начался обыкновенный въ наше время танецъ, которымъ оканчиваются всѣ балы. Танцоры составили кругъ; каждый кавалеръ мѣнялъ даму, и каждая дама мѣняла кавалера, по своему выбору. Случилось, что молодой дворянинъ, по имени Маркучіо, очутился возлѣ молодой Капеллетти, своей двоюродной сестры. У этого молодаго человѣка, по какой-то странности, руки были холодны какъ ледъ въ теченіе всего года, въ юнѣ какъ и въ январѣ. Немного спустя, Ромео (такъ звали молодаго Монтеку) перемѣнилъ мѣсто, взялъ прекрасную руку дѣвушки, и такъ-какъ, вѣроятно, ей хотѣлось поговорить съ нимъ, то она сказала ему: — «Подойдите ко мнѣ, мессиръ Ромео; по-крайней-мѣрѣ вы не заморозите мою лѣвую руку, какъ мой кузень, Маркучіо, застудилъ мнѣ правую.

«Слова эти ободрили Ромео. Онъ отвѣчалъ:

— «Ахъ сударыня: если моя рука согрѣваетъ вашу, то ваши прекрасные глаза воспаляютъ мое сердце.

«Дама не могла не улыбнуться, но опасаясь, чтобы не замѣтили разговора съ врагомъ ея дома, поспѣшно продолжала:

— «Клянусь вамъ, Ромео, что здѣсь нѣтъ ни одной дамы, которая, на мои глаза была-бы такъ прекрасна, какъ вы.

«И молодой человѣкъ отвѣчалъ въ восторгѣ:

— «Если позволите, я всегда буду вѣрнымъ слугою вашей красоты».

Влюбленные не замедили объясниться: вскорѣ древняя вражда возобновилась между двумя фамиліями. Ромео, желая жениться на Джульеттѣ, принужденъ обратиться къ монаху, своему духовнику. Лоренцо согласенъ обвинять любящихся; онъ сказалъ дѣвушкамъ:

— «Я всегда любилъ тебя, какъ дочь; теперь-же люблю тебя еще болѣе прежняго, потому-что ты хочешь сдѣлаться женою моего друга, мессира Ромео.

«Она отвѣчала:

— «Да, я желаю сдѣлаться законною его женою, и для того-то пришла сюда, съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ, чтобы вы были свидѣтелемъ передъ Богомъ.

«Тогда Лоренцо выслушалъ признаніе обоихъ, и Ромео обвинялся на прекрасной и молодой дѣвушкѣ. Они условились встрѣтиться, поцѣловались и ушли въ разныя стороны.

Обвинчавшись, Ромео, въ страшной битвѣ, убиваетъ, защищаясь, одного родственника Джульетты. Ромео приговоренъ къ изгнанію.

— «Ахъ! говоритъ Джульетта уѣзжающему сунругу: что я стану дѣлать безъ тебя, Ромео? У меня неостанетъ силы жить. Нѣтъ, лучше я послѣдую за тобою всюду, куда-бы ты ни пошелъ. Я передѣнусь мужчиной, если хочешь; остригу себѣ волосы, я буду твоимъ пажемъ, и ты не найдешь ни кого, кто-бы служилъ тебѣ вѣрнѣе меня?

Ромео, удаляясь въ Верону, сожалеетъ только объ одномъ: покинуть ту, которую онъ любитъ. Вскорѣ отецъ Джульетты соглашается на ея бракъ; но уже будучи женою Ромео, она принимаетъ усыпительное питье и ее выносятъ какъ мертвую. Ромео спѣшитъ воротиться въ Верону, проникаетъ въ могильный сплѣкъ Капеллеттовъ, и убиваетъ себя надъ тѣломъ Джульетты, считая ее умершею; она раскрываетъ глаза, узнаетъ Ромео и также умираетъ.

Вся Европа была очарована патетическимъ интересомъ этого разсказа, нѣжною, нѣсколько женственною его прелестью, этою простодушною и одушевленною картиною итальянскаго общества конца пятнадцатаго

столѣтія. Итальянскій писатель не разсуждаетъ, онъ воспроизводитъ эту жизнь ощущеній и любви, въ которыхъ самъ принималъ участіе. Всего лучше передаетъ онъ страсть; ускользаютъ отъ него только отѣнки. Если-бы даже его Ромео и Джульетта были обыкновенными лицами, и то въ нихъ принималъ-бы участіе. Положеніе, въ которое они поставлены, гораздо сильнѣе ихъ характера.

II.

Масаччіо Салернскій. -- Исторія Маріотто и Джанетты.

Здѣсь является отличительная черта южныхъ и сѣверныхъ народовъ; источникъ южнаго вдохновенія — въ страсти, источникъ сѣвернаго — въ наблюдательности. У второстепенныхъ умовъ сѣвера аналитическая наблюдательность часто остается холодною и малодѣйствующею; у южныхъ умовъ втораго разряда вы найдете только извѣстную степень жара крови, чувственность преходящую, подвижность страстную. Выраженіе страсти у сѣвернаго человѣка, болѣе сосредоточенное и болѣе метафизическое, разливается и блещитъ не такъ живо, оно дѣлается почти интеллектуальнымъ и удаляется отъ міра чувствъ. У южнаго человѣка, всѣ виѣшніе образы — запахъ розъ, небо, ручьи, лѣса, всѣ отголоски природы примѣшиваются къ выраженію страсти. Дѣтская легкость стихосложенія, пустая гармонія, расточительность красокъ, ничего на значащая звучность — вотъ пороки юга; но сѣверъ вы будете упрекать въ холодномъ анализѣ, въ трагическихъ преувеличеніяхъ, въ мелочности подробностей, въ печальной энергіи и вялости развитія. На югѣ — страсть, изобрѣтательность, творчество, плодовитость, легкость, изобиліе, гармонія; на сѣверѣ — размышленіе, глубина, сосредоточенность, энергія, величіе.

Задолго до того времени, когда Луиджи Порто разсказалъ, цвѣтущимъ и разбѣреннымъ слогомъ, эту исторію своей дамѣ, почти такое же происшествіе повторялось во Флоренціи и Мантуѣ.

Около половины пятнадцатаго столѣтія, то есть болѣе, нежели засто лѣтъ передъ тѣмъ, малоизвѣстный писатель, Масаччіо салернскій, — одинъ изъ тѣхъ людей, которые родились, чтобъ подслушивать и проводить всю жизнь въ собираніи анекдотовъ, — обдѣлалъ слѣдующій разсказъ, начинающійся въ его Novellino словами:

— «Да убьетъ меня громъ, если каждое изъ обстоятельствъ, которае я разскажу вамъ, не было выдано мнѣ за истинное; я разсказываю не пустые вымыслы, но дѣйствительныя исторіи.»

Сказка или исторія, но только въ Novellino находится первый слѣдъ трагической повѣсти, которую Луиджи Порто покрылъ изящною дращи-

ровкой и украсилъ плачевною развязкой, заставившей пролить столько слезъ. У Масаччіо, влюбленный, по имени *Мариотто* сиенскій, тайно женится на молодой богатой дѣвушкѣ, просто *Жанеттѣ*, *Джанеттѣ*. Онъ метитъ по-итальянски за личную обиду — убійствомъ; его изгоняютъ изъ Сиенны. Молодая женщина, чтобъ не разлучаться съ мужемъ, уговаривается съ слугою и выдаетъ себя за мертвую. Ее отпѣвають, ставятъ въ фамильный склепъ; потомъ она тайно уходитъ отсюда, и отправляется въ Мантую, куда скрылся Мариотто. Между-тѣмъ извѣстіе объ этой смерти дошло до Мариотто, и онъ тотчасъ идетъ въ Сиенну, гдѣ уже оцѣнена его голова; онъ презираетъ смертью, и хочетъ умереть на гробницѣ любимой жены.

Стража узнаетъ его, предаетъ судьямъ; голова его падаетъ. Эта-то кровавая голова, выставленная на городскихъ воротахъ, была первымъ предметомъ, поразившимъ глаза Джанетты, когда, возвращаясь изъ Мантуи, гдѣ уже не было ея мужа, она вошла въ Сиенну. Сердце ея разбилося; она упала мертвою передъ кровавыми останками.

Разсказъ этотъ отбрасываетъ насъ на цѣлыя столѣтія ко временамъ варварства; это уже не томныя и прекрасныя слова Ромео и Джульетты, какія влагаетъ имъ въ уста Луиджи. Здѣсь драма движется одною страстью, собственнымъ своимъ порывомъ, безъ примѣси другихъ характеровъ, безъ снисходительнаго Лоренца, безъ болтливой кормилицы, безъ балльных прикрасъ и пировъ. Два южныя сердца скорѣе готовы разбиться, нежели разстаться; два существа не могутъ перенести жизнь одно безъ другаго, и твердымъ шагомъ идутъ на встрѣчу смерти. Это сильное южное сѣмя, жесткое и жаркое, еще не размягченное нѣжными нравами.

III.

Джиральди Чинтіо. — Пьерръ Буатіо. — Новыя путешествія Ромео и Джульетты. — Артуръ Брукъ.

Исторія двухъ любовниковъ, умирающихъ одинъ за другаго, была повторена новымъ расказчикомъ, Джиральди Чинтіо, писателемъ не столько искуснымъ, сколько гибкимъ и плодовитымъ, который сдѣлалъ въ этомъ романѣ кой-какія перемѣны и помѣстилъ его въ сборникъ своихъ *Новостей*.

Тогда каждый модный писатель въ Италіи писалъ новеллы, какъ теперь во Франціи всѣ сочиняютъ романы. Библіотека итальянскихъ расказчиковъ шестнадцатаго вѣка огромна. Итальянскіе повѣствователи были въ такой-же модѣ во Франціи при Францискѣ I и Валуа, какъ англійскіе у насъ, между 1800—1850 годами. Всѣ острые умы и всѣ

дамы питались ими, переводили ихъ, писали къ нимъ примѣчанія. У меня есть прекрасный экземпляръ книги Масаччіо, принадлежавшій Франциску I: вотъ саламандра въ пламени, — говорящій девизъ блестящаго короля, жившаго, какъ его символъ, въ пожарѣ, блескѣ и трудахъ; вотъ его увѣнчанное F, и неизгладимая позолота, которою художники того времени украшали корешокъ переплетовъ.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, во Франціи жилъ бретаньскій разночинецъ, что-то въ родѣ писца, охотникъ до рѣдкостей; его звали Пьерръ Буатюо. Онъ издавалъ книги, исполненныя исторіей удивительныхъ, патетическихъ и необычайныхъ, — о несчастной любви, объ явившихся кометахъ, о двухъ-головыхъ и безголовыхъ уродахъ. Пьерръ Буатюо, любившій странности, эксцентрическое, — обработалъ, яснымъ и живымъ слогомъ, какъ обыкновенно пишутъ бретонцы, *Трагическія исторіи Ромеуса и Джульетты*, приправивъ ихъ насмѣшливыми выходками и остроуміемъ, и, отправясь въ Англію, роздалъ свою книгу въ подарокъ многимъ джентльменамъ.

Нѣкто *Артуръ Брукъ*, плохой поэтъ, искавшій сюжета, нашелъ этотъ сюжетъ удобнымъ, и написалъ столько рифмъ, что изъ него составился громадный томъ, съ описаніями, рѣчами и эпизодами. Произведеніе это, полу-итальянское и полу-французское, очень понравилось англичанамъ.

Въ такомъ-то положеніи молодой Шекспиръ, тогда еще малоизвѣстный, нашелъ сюжетъ своей драмы; уже передѣланный четырьмя писателями, получившій подъ перомъ мессира Пьерра Буатюо оттънокъ какой-то почти насмѣшливой философіи, и сдѣлавшійся, въ рассказѣ Брука, нѣсколько грустнымъ, отчасти педантическимъ и тяжеловатымъ, анекдотъ этотъ, забавлявшій итальянскихъ солдатъ, въ темные вечера, подъ дубами Апуліи, попалъ подъ руку Шекспиру. Изъ этого будуарнаго разсказа, прекрасной сказочки, которую повторяли сперва романскіе кондоттьери, а потомъ молодые люди, сидя на бархатныхъ подушкахъ у ногъ придворныхъ дамъ Франциска I, Шекспиръ произвелъ свое безсмертное созданіе.

IV.

Лопе де-Вега. — Испанскіе Ромео и Джульетта. — Характеръ этой драмы. — Двѣ Джульетты.

Въ эту самую эпоху, другой геніальный человѣкъ, *Лопе де-Вега*, овладѣлъ тѣмъ-же сюжетомъ и оживилъ его на кастильской сценѣ, въ драмѣ полной огня и движенія. Характеры Лопе не рисуются и не вы-

даются впередъ съ опредѣлительностью и глубиной, принадлежащими Шекспиру. Кастильская драма состоитъ вся изъ дѣйствія, увлеченія и жара.

При поднятіи занавѣса, вы видите портикъ иллюминированнаго дворца, слышите звуки инструментовъ и легкіе шаги танцующихъ. Два молодые кавалера, сопровождаемые слугою, останавливаются передъ портикомъ.

«Какой шумъ, какая музыка! (говоритъ Ансельмо): какой пиръ! Весь домъ пылаетъ радостью.

«Не свадьба-ли дочери или сына хозяина? (спрашиваетъ Розело).

— «Концертъ? Свадьба?

Розело (*слуга*). «Скорѣе! Пробрерись въ домъ, и узнай, что тамъ дѣлается.

Слуга. «Въ-самомъ-дѣлѣ! Ты велишь мнѣ итти къ твоимъ врагамъ Ты хочешь, чтобы мнѣ, вмѣсто угощенья, воткнули въ животъ клинокъ шпаги.

Розело. «Тебя не узнаютъ. Мокрая курица!

Слуга. «Еслибъ я былъ вооруженъ и мнѣ встрѣтились-бы на улицѣ всѣ Капельваны, клянусь! я сдумѣлъ-бы отдѣлаться отъ всѣхъ. Но я не хочу умереть какъ собака, раздавленная въ дверяхъ.»

Ансельмо обращается къ своему другу.

— «Если тебѣ очень хочется, говоритъ онъ: — быть на балу у Капельвановъ, воьми маску, войди, и выдай себя за ихъ родственника.

Розело. «Будетъ-ли это благоразумно?

Ансельмо. «Ты ничѣмъ не рискуешь.»

Такъ начинается эта блистательная драма. Джульетта уже не то нѣжное и наивное дитя, которое нравится намъ у Шекспира; домашняя строгость, которую осуждена терпѣть дѣвушка съ самаго рожденія, подстрекаетъ въ ней кокетство. На балу она обманываетъ избраннаго ей жениха, и оказываетъ свое предпочтеніе Розело (*Ромео*). Разныя событія смѣняются почти въ томъ-же порядкѣ, какой принять итальянскимъ расказчикомъ Джиральди Чинтіо; разница только въ развязкѣ. Заснувшая Джульетта пробуждается въ гробницѣ, и гаситъ старинную ненависть двухъ фамилій.

Вся эта пьеса одушевлена страстью, краснорѣчива, быстра, занимательна, написана съ очаровательною легкостью. Вотъ настоящая Верона пятнадцатаго столѣтія! Солнце блеститъ на мраморной мостовой и кишитъ въ жилахъ пылкой молодежи: молодые люди, блуждая подъ портиками, встрѣчаются, окидываютъ одинъ другаго взглядомъ, съ ногъ до головы — и вынимаютъ шпаги изъ ноженъ; клинки скрещаются; на землѣ кровь. — Наступаетъ ночь; длинныя галереи, усыпанныя цвѣ-

тами, отворяются для сонма красавиць и стариковъ, которые молча наблюдая за веселымъ шумомъ, молодѣютъ въ душѣ отъ общей радости. Начинается балъ; черныя маски толкаютъ одна другую локтями; группы шепчутъ; смѣхъ прерываетъ легкое бряцанье лютни и мандолины. Ни Лопе, ни Шекспиръ не забыли тысячи огней; нѣжнаго запаха померанцевъ и мирта, отдаленнаго пѣнья соловья, влюбленнаго и насмѣшливаго говора, мадригалловъ и эпиграммы. Но Лопе занимается, прежде всего, любовью. Въ драмѣ его нѣтъ сатирика *Меркучіо*, насмѣхающагося надъ всѣмъ, даже надъ счастьемъ. Онъ чудесно рисуетъ увлеченіе удовольствія, дворець украшенный гирляндами, балъ — этотъ *эдемъ женщинъ* — пылкую молодость, исканіе опасности и побѣду надъ нею.

Ромео Шекспира задумчивъ, и Джульетта его наивна. У Лопе, Розело болѣе запальчивъ, нежели нѣженъ; Юлія болѣе страстная, нежели простодушная. Онъ изображаетъ любопытное развитіе характера женщины, которая, на югѣ, подвержена суровымъ стѣсненіямъ, мститъ за себя хитростью, и находитъ средство пройти сквозь сѣти. Въ одной, прекрасной веденной сценѣ, дѣвушка овладѣваетъ непріателемъ своего дома; нѣжныя слова, которыя она говоритъ какъ-будто Оттавіо, относятся къ Розело; сдѣлавшись еще смѣлѣе, она осторожно кладетъ перстенъ въ руку того, кто ее очаровалъ:

— «Берегите это, говоритъ она Розело.

— «Что велите вы мнѣ беречь?» спрашиваетъ довѣрчивый женихъ.

— «Мое сердце», отвѣчаетъ дѣвушка.

Женихъ довольствуется объясненіемъ.

Шекспирова Джульетта не такъ непослѣдовательна, не такъ остроумно дерзка, не такая кокетка. Она мечтала не о привязанности, продолжавшейся нѣсколько недѣль. Съ той минуты, какъ сердце ея затронуто, слова ея дѣлаются столь-же торжественны, какъ глубоки ея ощущенія.

— «Да (говоритъ она), ты моя радость! Но союзъ, который такъ начался, печалитъ меня. Тутъ слишкомъ много непредвидѣнности, пылкости и быстроты. Счастье наше, Ромео, слишкомъ похоже на молнію, которая гаснетъ прежде, нежели успеешь сказать: *блеститъ*.»

Такою видѣлъ и показалъ страсть Шекспиръ: это молнія, за которою смыкается мрачная туча; судьба поглощаетъ счастье.

V.

Лоренцо. — Кормилица и Меркучіо. — Слогъ Ромео и Джульетты.

Этотъ характеръ торжественности ясно выражается въ лицѣ Лоренцо, изобрѣтеннаго Шекспиромъ.

Бѣлая борода, кроткое лицо, почтенная наружность, возвышенная и цѣлительная мораль старца прекрасно согласуются съ обильною и роскошною природою, которая его окружаетъ. Онъ спокоенъ, потому-что живетъ съ Богомъ; онъ не смѣется надъ страстями и не осуждаетъ ихъ, потому-что это самъ міръ. Сколько въ немъ благоразумія и мужества! Какъ хорошо понимаетъ онъ, что раздражать желанія и ощущенія своихъ покровительствуемыхъ противодѣйствіемъ, значило-бы увеличивать ихъ опасности! Какое удивительное питаетъ онъ состраданіе къ Ромео и Джульеттѣ! Онъ знаетъ, что оба они готовы на все, и не побоятся ни яду, ни смерти. Онъ не убѣждаетъ тѣхъ, которые не стали бы его слушать; онъ только говоритъ Ромео:

«— Молодой человѣкъ, несчастіе есть жестокая кормилица, которой молоко укрѣпляетъ и дѣлаетъ мудрымъ.»

Остроумной Меркучіо, другъ Ромео, умеръ въ минуту изрѣченія приговора объ изгнаніи, Джульетта ждетъ своего супруга. Монологъ выражаетъ душевныя мысли и ощущенія дѣвушки:

«О наступилъ ночь,» говоритъ она: — «и ты прійди, Ромео. Ты будешь днемъ моей ночи!»

Шлегель очень хорошо замѣтилъ, что разговоръ Джульетты и Ромео заимствованъ у Петрарки и трубадуровъ: все тутъ есть — намѣки и аллегоріи, элементъ элегическій и двоирамбическій, гиперболы и игра словъ. Это произведеніе юности и каприза искрится прелестнымъ и безумнымъ ребячествомъ, какъ сама юность и страсть. Ребячество, котораго не должно осуждать; вѣчное безуміе сердца, безуміе серьезное: оно принадлежитъ исторіи!

Кто помнитъ свою молодость, тому извѣстно, что это преувеличеніе— истина.

Я не могу забыть кормилицу, другое созданіе Шекспира.

Она страстно любитъ Джульетту, которую сама избаловала, любитъ какъ деньги, получаемыя изъ всѣхъ рукъ, и ей все равно, выйдетъ ли Джульетта за-мужъ за Париса или Ромео, — только бы ея питомица была довольна.

Кормилицѣ очень нужно придать себѣ значеніе и беспокоить свою молодую госпожу. Когда Джульетта разсыпается въ упрекахъ Ромео,

убившему ея двоюроднаго брата, Теобальда, кормилица возглашаетъ съ госпожей:

«Стыдъ Ромео!»

Джюльетта. «Да будетъ проклятъ языкъ, произнесшій такія слова! Ромео рожденъ не для стыда. Стыдъ не посмѣлъ-бы лечь на это чистое чело! Чело моего Ромео — изображеніе чести и благородства.... О какъ я была несчастна и виновна, когда говорила противъ него!»

Кормилица. «Такъ неужели вы станете хвалить убійцу вашего брата?

Джюльетта. «Скажу ли я дурно о томъ, кто принадлежитъ мнѣ? О, мой возлюбленный сеньоръ! Но несчастный! зачѣмъ убилъ ты моего брата?»

За безуміемъ счастливой страсти слѣдуютъ скорбь, изгнаніе и смерть; къ святости безпредѣльной любви присоединяется свято стья несчастія.

Тогда кормилица исчезаетъ; Лоренцо возвращается на сцену и старается утѣшить молодаго челоуѣка:

«Подойди, Ромео: несчастіе избрало тебя своимъ супругомъ».

Можно предвидѣть съ Лоренцо, что влюбленные будутъ побѣждены судьбою; Шекспиръ не такъ скоро запретъ надъ ними гробницы. Сцена на балконѣ — послѣдній блескъ этого мимолѣтнаго счастія. Дивные голоса струятся въ атмосферѣ; благоуханіе цвѣтушихъ гранатовыхъ деревьевъ поднимается до комнаты Джюльетты; долгіе вздохи соловья прорываются сквозь чудную зелень; природа, нѣмая и страстная, звучитъ и благоухаетъ только затѣмъ, чтобы поддерживать этотъ высокій и печальный гимнъ о хрупкости счастія.

VI.

Верона. — Гробница влюбленныхъ.

Верона была станціей германскихъ народовъ, которые останавливались здѣсь, спускаясь съ своихъ горъ.

Верона полна развалинъ и кровавыхъ воспоминаній.

Но гдѣ же трупъ Ромео? Что случилось съ Джюльеттой?

Въ пустой улицѣ этого опустѣлаго города есть законченная харчевня. Сюда собираются извозчики, кричатъ, браются, курятъ, и запиваютъ кислымъ виномъ макарони. Это домъ Капулетовъ. Надъ дверями еще видна маленькая скульптурной работы, шапочка—*Capelletto* — гербъ этой фамилии. Здѣсь жила Джюльетта. Въ глубинѣ двора вы найдете старую гробницу; говорятъ что здѣсь схоронены Ромео и

Джюльетта. Гробница похожа на пустое ядро. Каждый годъ, тысячи любопытныхъ стекаются смотрѣть на этотъ обломокъ камня.

По милости Шекспира, путешественникъ заглядываетъ въ Верону только затѣмъ, чтобы искать въ ней слѣдовъ Ромео и Джюльетты.

ШЕКСПИРЪ, ПЕРЕВОДЧИКЪ МОНТЕНЯ.

I.

Развитіе генія Шекспира. — Классификація его произведеній.

По окончаніи спектаклей, когда лондонскіе горожане снимали съ себя, въ алковѣ, проволочныя латы, напоминавшія своею полнотою размѣры, надъ которыми часто смѣялся поэтъ, — Шекспиръ, будучи сорока одного года, возвращался домой, и думалъ не о томъ, какъ бы льстить публикѣ, но объ удовлетвореніи самого себя. Онъ жилъ не въ тавернѣ, подобно Бенъ-Джонсону; онъ занималъ маленькую квартирку близъ рѣки, и, вѣроятно, уходилъ домой очень рано; онъ велъ трудолюбивую жизнь.

Тамъ онъ читалъ Монтеня, очевидно, своего любимаго писателя; перелистывалъ *Плутарха*, въ англійскомъ переводѣ Норта; пробѣгалъ *Удивительныя приключенія* Пьера Буатю; погружался въ старинныя риэмы Чосера и Говера, и даже мечталъ надъ *Утоніей* Томаса Моруса и *скандинавскими лѣтописями*. Онъ былъ человѣкъ ученый для своего времени, одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые, чувствуя въ себѣ недостатокъ основательнаго образованія, стараются пополнить его какъ можно скорѣе и вооружаются неутомимою любознательностью. Если Шекспиру некогда было сдѣлаться знатокомъ греческаго языка и остановиться на корѣ эрудиціи, за то онъ доискивался сердцевины и сока; онъ читалъ непрерывно и слѣдилъ за всѣмъ. Гаррингтоновъ переводъ *Аріоста* (1597); переводъ: *Плутарха*, Аміо и Норта (1592), *Тасса*, Файрфекса (1600), *Монтеня*, Флоріо (1603), являются въ рукахъ у него тотчасъ по выходѣ ихъ изъ печати; онъ читаетъ *путешествія* Вальтера Ралея и Гэклейти и *Педлью Дю-Барта*, въ англійскомъ переводѣ; самъ не подозрѣвая, почерпаетъ въ нихъ намеки, образы, сюжеты, даже фразы, вложенныя въ разговоры Фальстафа и Коріолана. Между любителями, которыхъ факель направлялъ его шаги, онъ предпочиталъ Монтеня

Видя, какъ, при каждомъ новомъ изданіи, сочиненія Шекспира обогащались мыслями и образами; какъ его философія дѣлалась съ каж-

дымъ годомъ терпѣливѣе, насмѣшливѣе, глубже, — словомъ, достойнѣе стать на ряду съ Монтенемъ, новымъ его учителемъ; читая *Гамлета*, передѣланнаго три раза; *Отелло* совершенно имѣннаго, *Короля Лира* увеличеннаго цѣлою третью, наконецъ послѣднія драмы Шекспира (напримѣръ *Бурю* и послѣдняго *Гамлета*), читая ихъ для сравненія граціозной легкости первыхъ опытовъ съ этимъ потокомъ воспоминаній и размышленій, такъ сказать, выступающимъ всюду черезъ край; присутствуя при этомъ трудъ мысли дѣятельной и строгой, молча принимающей внѣшнія вліянія и развивающей ихъ собственною энергіей, — невольно вспоминаешь одиночество Корнелля, который размышлялъ надъ Бароніемъ, дѣлалъ примѣчанія къ Аппіану, перечитывалъ Діонисія галикарнасскаго, вопрошая самого себя. Ничего такого нѣтъ у южнаго Кальдерона де ла Барки, ни у Лопе де-Веги. У Кальдерона требуютъ забавы, — и вотъ онъ, въ трое сутокъ, нанизываетъ нѣсколько сотъ плавныхъ, пламенныхъ и пріятныхъ стиховъ, которые, какъ проливной дождь, наполняютъ три акта. Восхищенная публика слушаетъ въ продолженіе двухъ часовъ, убаюканная пріятною грезой: потомъ объ нихъ нѣтъ и помину. Самъ Кальдеронъ забываетъ ихъ навсегда.

Кальдеронъ, суровый касательно идеи католицизма, шутилъ своимъ талантомъ; Шекспиръ видѣлъ въ театрѣ неистощимую и трудную науку; Корнелль — глубокое искусство. Я съ намѣреніемъ употребляю слова: *игра, наука, искусство*, чтобъ охарактеризовать три различные рода. Всѣ эти трое писателей были строги къ своимъ произведеніямъ — съ различныхъ точекъ зрѣнія: Кальдеронъ былъ богословъ, Шекспиръ философъ-наблюдатель, Корнелль — размышляющій художникъ. Мысль дешево обходилась Кальдерону; удивительно только то, что легкая красота этой южной импровизаціи заняла уединенное мѣсто въ области искусства.

Послѣ 1603 г., сблизившись съ Плутархомъ и Монтенемъ, Шекспиръ не бросалъ своихъ мыслей на вѣтеръ, съ равнодушіемъ и небрежностью Кальдерона, «капеллана-маіора» Филиппа IV. Онъ самъ, и по нѣскольку разъ, выпускалъ въ свѣтъ исправленныя изданія своихъ драмъ, казавшихся ему особенно важными; *Гамлетъ*, напримѣръ, былъ передѣланъ отъ строки до строки, и къ *Meeruy wives* (это вовсе не *кумушки*) сдѣланы большія прибавленія. Кальдеронъ не исправлялъ ничего; онъ жилъ при дворѣ и до самой смерти своей *набрасывалъ* драмы. Шекспиръ, примирившись съ своею совѣстью и будучи увѣренъ, что окончательно отдѣлалъ свое художническое произведеніе, мало думалъ о славѣ и удалился въ свою деревню. Только послѣ его смерти

друзья собрали, въ драгоценный и знаменитый томъ in-folio, подлинныя или приписываемыя ему сочиненія.

Отсюда и произошла страшная смѣсь такъ-называемаго «Шекспирова театра». Тутъ есть нѣсколько сортовъ произведеній: однихъ онъ вовсе не писалъ, другія принадлежать ему вполнѣ, третьи вполнѣ: во-первыхъ, пьесы, въ сочиненіи и исполненіи которыхъ оно вовсе не участвовало, кромѣ развѣ того, что, можетъ быть, прибавилъ къ нимъ нѣсколько эпитетовъ или сдѣлалъ кой-какія сокращенія, по желанію директоровъ; во-вторыхъ, такія, которыя, въ молодости своей, онъ отчасти передѣлалъ и исправилъ въ нихъ только слогъ, не трогая мыслей, не измѣняя плана, но положивъ на нихъ, болѣе или менѣе выразительную печать свѣжести или силы; въ-третьихъ, пьесы, которыя онъ, какъ директоръ театра, передѣлалъ изъ модныхъ тогдашнихъ романовъ; онѣ многочисленны; наконецъ, въ-четвертыхъ, пьесы имъ самимъ задуманныя и расположенныя; сюда принадлежатъ *Буря* и *Сонъ въ Иванову ночь*. Многія изъ наиболѣе уважаемыхъ созданій Шекспира, — *Король Лиръ*, *Тимонъ афинскій* — суть только новые разводы по старой канвѣ. Глупости, грубости и плоскіе шутки; все, что забавляло партерръ — *understanders* — заключается въ этихъ пьесахъ, въ чемъ легко убѣдиться: оригинальныя пьесы существуютъ. Вольтеръ ничего не зналъ о нихъ; Бенъ-Джонсону онѣ также были неизвѣстны.

Изъ многочисленныхъ драмъ, передѣланныхъ Шекспиромъ въ молодости, многія не помѣщены въ полномъ собраніи его сочиненій, — на примѣръ *Локринъ*, *Трагедія въ Йоркскомъ графствѣ*, *Адель Фефершэмъ*, въ которыхъ есть поправки и отрывки, унавшіе изъ-подъ его руки. Болѣе шести драмъ, украшенныхъ именемъ Шекспира — между прочими, *Тимонъ* и *Король Лиръ* — не только не принадлежатъ ему вполнѣ, но онѣ принесены въ жертву необходимости и публикѣ: это старинныя пьесы, подновленныя и передѣланныя Шекспиромъ. Наконецъ, многія сцены, вставленныя его собратами, актерами, для потѣхи зрителей, перешли съ суфлерской копіи въ посмертное изданіе его сочиненій, и въ этомъ же изданіи содержатся пьесы, которыя онъ только частію исправилъ. Къ числу ихъ принадлежатъ *Титъ-Андроникъ* и *Периклъ*; мнѣ кажется, что въ первой изъ нихъ нѣтъ ни одного стиха шекспирова, если не приписывать ему тарелки съ отрѣзанными ушами и языкомъ, который одно изъ дѣйствующихъ лицъ откусываетъ собственными зубами, чтобъ бросить его въ лицо своему собесѣднику.

Борьба, которую Шекспиръ долженъ былъ выдержать со своими предшественниками, — вопросъ очень любопытный. Прежде нежели

Шекспиръ принялся изучать Монтеня и драматизировать Плутарха, ему надо было найти для себя опредѣленное мѣсто; англійскій театръ былъ отданъ въ жертву драмамъ людоѣдовъ; англичане 1580 года далеко еще не могли понимать Плутарха, Амю и Мишеля Монтеня.

Шекспиру, при дебютѣ между 1582 и 1588, предстояло стерѣть старыхъ драматурговъ и, вѣроятно, они опротивѣли ему, потому что впоследствии, съ 1588 по 1610 г., онъ разрушилъ ихъ отвратительный театръ. Наклонности Шекспира были прямо противоположны этому варварству. Съ первыхъ дебютовъ своихъ, онъ заслужилъ эпитетъ «сладостнаго», за элегическую форму, которую онъ очень любилъ, за сахарные сонеты (sugar'd sonnets), и за сантиментальный тонъ, доведенный до излишества въ *Веронцахъ* и въ нѣкоторыхъ частяхъ *Ромео*. Шекспиръ еще не почилъ, какъ старинный театръ уже былъ разрушенъ. Съ половины до конца шестнадцатаго столѣтїя, на лондонскихъ подмосткахъ неистовствовало племя поэтовъ, которыхъ Шекспиръ потихоньку вытолкнулъ за дверь, предварительно прочитавъ ихъ и исправивъ. Подобно молодому Корнеллю, заставляющему героиню выколоть иглою глазъ одному изъ первыхъ своихъ героевъ, нѣсколько времени, скрѣпя сердце, слѣдовалъ онъ за этими писателями, потомъ обернулся къ нимъ спиною и пятнадцать лѣтъ насмѣхался надъ ними.

Ихъ-то видѣлъ онъ въ *Гамлетѣ*, когда говоритъ о Камбизѣ, пришедшемъ ему на память по случаю исторїи о челоѣкѣ, съ котораго сняли кожу; ихъ пародируетъ онъ во многихъ своихъ пьесахъ, совѣтуя имъ возвратиться къ естественности и простотѣ; говоритъ имъ, что театръ долженъ быть «слѣпкомъ со свѣта», формою и отпечаткомъ времени (the form and pressure of the times); что не должно разрывать ощущеніе сердца въ лохмотья, и приглашаетъ собратовъ выражаться челоѣческими словами. Надутость его предшественниковъ и противоположность ихъ мнимой роскоши, съ жалкою бѣдностью обстановки забавно осмѣяны въ *Гамлетѣ* и *Сипъ въ Иванову ночь*. Напрасно припоминать читателямъ сапожника Тисбу, плотника Пирама и нашего друга — *Лунный-Свѣтъ*, чудеснаго и прозрачнаго актера, который выступаетъ съ фонаремъ, произнося превосходные стихи.

Мало обращали вниманїя на продолжительную войну, которую Шекспиръ, еще не приступая къ серьезному изученїю, долженъ былъ вести съ своими грубыми предшественниками. Трагедїя-интермедїя въ *Гамлетѣ*; надутая роль испанца Армадо въ *Освобожденной любви*; шутовская сцена *Пирами* и *Тисбы* во *Сипѣ*—все это сатиры, устремленныя противъ старинной драмы, на которую нападаетъ Шекспиръ за ея ребяческую глупость, за пышныя фразы, лишеныя смысла, за великолѣп-

ный и дѣтскій театръ, за кровавыя выходки. Шекспиръ выставилъ, въ трехъ своихъ сочиненіяхъ, одну роль, назначенную собственно для того, чтобы поднять на смѣхъ древнихъ поэтовъ и ихъ простыя преувеличенія: это роль Пистолэ, капитана и слуги Фальстафа.

Господинъ этотъ выражается только отрывками, выхваченными изъ старинной комедіи, и, безъ всякаго понятія, разсыпаетъ громкія фразы, выставляя такимъ образомъ всю ихъ нелѣпость.

Шекспиръ, видя, что современникамъ его нравится стихъ Іеронимо:

Въ волнахъ моей крови я потоплю планеты,

помѣстилъ его въ роль Пистолэ, шитую, съ конца въ конецъ, изъ подобныхъ лоскутьевъ Іеронимъ, Камбизъ, всѣ крикуны древней англійской трагедіи одолжили по тирадѣ Пистолэ, котораго выбралъ Шекспиръ для своихъ цѣлей, какъ Аристофанъ выбралъ Стрепсиада, чтобъ бичевать Эврипида.

Вотъ сколько препятствій предстояло превозмочь Шекспиру: соперниковъ, старинный театръ, литературное варварство, свою собственную неопытность, бѣдность, недостатокъ образованія, зависть собратьевъ. Но уже въ 1603 г. онъ миновалъ самые страшные подводные камни; поэтъ плавалъ подъ прояснѣвшимъ небомъ, по утихшему морю; къ концу царствованія Іакова, Шекспиръ, почти увѣренный въ своей будущности и въ своей публикѣ, дышалъ чистою атмосферой свободного изученія и серьезнаго размышленія.

Тогда-то онъ сошелся лицомъ къ лицу съ Монтенемъ и херонейскимъ философомъ, и въ восторгѣ открылъ точки зрѣнія древности и горизонты философіи.

Изъ этого плодovitаго знакомства вдругъ родились *Юлій Цесарь*, *Макбетъ*, *Гамлетъ*, *Коріоланъ*, *Антоній* и *Клеопатра*.

Остановимся передъ этимъ вторымъ воспитаніемъ его мысли; взглянемъ на этотъ великій геній, сидящій «въ уединеніи науки», между нашимъ Аміо и Монтенемъ.

II.

Вліяніе Монтеня на Шекспира.

Мишель Монтень былъ одинъ изъ людей побѣдоносно распространившихъ вліяніе французскихъ понятій.

Его переводили на языки англійскій, нѣмецкій, итальянскій; испанецъ Фейхіо передалъ почти всѣ его мысли и фразы. Недидактическая, или, вѣрнѣе, антидидактическая форма его *Опытовъ* (Essais) способствовала этой легкой прививкѣ. Конечно, въ началѣ шестнадцатаго вѣка, у

Рабле было много последователей, охотники посмѣяться сбѣжались на его шуточный и забавный спектакль. Съ 1538 по 1550 г., Монтень сдѣлалъ еще болѣе: онъ пробудилъ умы строгіе, ученые и осторожные, державшіеся середины между ученіемъ Кальвина и древнимъ католицизмомъ. Подобно предшественнику своему, Эразму, Монтень былъ хитрый и учтивый предводитель батальона скептиковъ, который не хотѣлъ дѣлать большаго шума и имѣлъ сильное вліяніе, потому-что масса эта не переставала расти и умножаться, подвигаясь впередъ.

Шекспиръ былъ одинъ изъ ея адептовъ. По темпераменту, по мягкости характера, по высотѣ души, Шекспиръ, какъ Монтень, былъ снисходителенъ и терпѣливъ. Не въ одной своей пьесѣ онъ живо нападаетъ на пуританизмъ, объявляетъ себя врагомъ ханжества, и, по вѣротерпимости, достойной Монтеня и смѣлой, даже доказываетъ, что Лоренцо можетъ быть лицомъ поэтическимъ и занимательнымъ: а это была большая смѣлость.

Шекспиръ, будучи гораздо моложе Монтеня, началъ изучать свое искусство въ 1586, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, въ то самое время, когда перигорскій жангилонъ, въ 1588 г., напечаталъ результаты своего опыта и готовился самъ выпустить ихъ въ свѣтъ въ прекрасномъ изданіи in-4°. Не думаемъ, чтобы Шекспиръ тогда хорошо зналъ по-французски: сношенія между двумя націями были очень медленны; вѣроятно, что онъ узналъ *Essais* гораздо позже, по англійскому переводу, изданному въ 1601, и перепечатанному сначала въ 1603, а потомъ въ 1632: три изданія! Вотъ какимъ успѣхомъ пользовался гасконскій философъ у нашихъ сосѣдей! Но если-бы даже Шекспиръ и былъ въ состояніи изучать тогда Монтеня въ подлинникѣ, ему не достало-бы на это времени. Какъ труженикъ театра, съ 1590 по 1600 онъ учился итальянскому языку, игралъ на сценѣ и подготавливалъ себѣ состояніе — задача трудная при условіяхъ, въ какихъ онъ находился. Театръ доставлялъ мало прибыли; конкурентовъ было множество; принужденный заниматься посторонними работами — передѣлками, поправками чужихъ пьесъ, не считая своихъ собственныхъ, онъ покорялся вкусу директоровъ и публики.

Но, кажется, Шекспиръ и не могъ дѣйствовать иначе. Онъ принадлежалъ къ числу бѣдныхъ молодыхъ людей, которые со всѣхъ точекъ провинціи стекались въ Лондонъ, чтобы, вести тамъ жизнь Жиль-Блаза или Гуцмана Алфараша. Самые образованные между ними писали драмы, которыя директоры покупали у нихъ, въ полную собственность, круглымъ счетомъ, по два, по три луидора, не предоставляя авторамъ никакихъ дальнѣйшихъ выгодъ. Такимъ образомъ Деккеръ, Миддлтонъ, Раули,

Гринъ, Поль, Мессинджеръ, Уэбстеръ, Мартонъ, и полсотни другихъ, набросали тысячу пьесъ, и расплодили ихъ, не увеличивая ихъ достоинства. Само собою разумѣется, что произведенія стараго репертуара также шли въ дѣло; такъ—какъ онѣ ровно ничего не стоили, то каждый, извлекавшій изъ забвенія эти дряхлыя драмы, собственностью, уже приобрѣтенную, оказывался очень полезнымъ человѣкомъ и задобривалъ актеровъ, облегчая ихъ память.

Шекспиръ, искусный политикъ въ частной жизни, старался стать между тремя условіями: снисходительнаго передѣльвателя пьесъ, всегда готоваго актера и бдительнаго директора; послѣ всѣхъ этихъ занятій, ему оставалось мало свободнаго времени, чтобъ изучать французскій языкъ Монтеня; я говорю объ эпохѣ, предшествовавшей 1603 году. Разставшись съ своимъ разореннымъ семействомъ и кабинетомъ повѣреннаго (attorney) въ своемъ родномъ городѣ, чтобы присоединиться въ Лондонѣ къ актерамъ *Бербеджу* и *Конделлю*, своимъ землякамъ, Шекспиръ сперва передѣлывалъ пьесы, потомъ поступилъ въ актеры и наконецъ сдѣлался директоромъ. При этихъ трехъ званіяхъ, онъ сталъ цѣлою головою выше своихъ собратій, изъ которыхъ одни были безпорядочные и бѣдные писатели, другіе — актеры на жалованьѣ у директоровъ, а эти послѣдніе — антрениеры, часто въ очень критическомъ положеніи. Этими тремя путями Шекспиръ наживалъ себѣ состояніе, что, впрочемъ, не помѣшало ему развить свой талантъ и достигнуть славы. Задача была трудная.

Современные Шекспиру драматурги не были невѣжды, одаренные кой—какимъ талантомъ, какъ говорили о нихъ. Это были молодые люди съ университетскимъ образованіемъ, знавшіе по—итальянски, по—гречески, и совершенно безденежные. Чепменъ перевелъ *Иліаду*, и переводъ его, можетъ быть, лучшій изъ всѣхъ, существующихъ на разныхъ языкахъ. Марловъ былъ эленистъ; Лилли, Пиль, Гранъ кончили курсъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Положительно извѣстно, что Шекспиръ взялъ въ Стратфордѣ нѣсколько уроковъ латинской литературы, и пробылъ, по меньшей мѣрѣ, годъ писцомъ въ конторѣ стряпчаго. Если ученый Бенжаменъ Джонсонъ упрекалъ Шекспира въ поверхностномъ знаніи латинскаго языка и совершенномъ незнаніи греческаго (small latin and no greek), то упрекалъ сравнительно съ молодыми scholars, и особенно съ своею классическою ученостью. Человѣкъ очень добрый въ душѣ, но все—таки человѣкъ, могъ—ли Джонсонъ видѣть безъ досады, что современникъ его, далеко не ученый, идетъ быстрымъ и прямымъ шагомъ къ богатству и приобрѣтаетъ общее довѣріе?

Необходимо явились завистники. Имъ не нравилось не то, что у

Шекспира былъ талантъ (ему не отказывали въ нѣкоторомъ дарованіи)-но его выгодное положеніе, какъ актера, автора и акціонера. Марловы, умиравшіе въ харчевнѣ; Деккеры, которые при всемъ ихъ умѣ, голодали на чердакѣ, — люди эти съ неудовольствіемъ видѣли, какъ молодой человѣкъ овладѣлъ театромъ, сдѣлался полезнымъ и даже необходимымъ, игралъ все довѣряемыя ему роли, перешивалъ и (да простятъ намъ грубое выраженіе!) штопалъ старыя пьесы, вставлялъ новые разговоры въ старую канву, сдѣлался владѣтелемъ одной, трехъ, наконецъ пяти акцій, въ своемъ театрѣ, и наживалъ популярность и деньги. Это былъ грабежъ, монополія; Шекспиръ отнималъ хлѣбъ у другихъ; его называли *Вилльямъ-Фактотумъ* и *Шек-Сценъ* (Shake-Scene), «театральный воротило», пріятно играя словомъ. Все эти обиды содержатся въ маленькомъ памфлетѣ Грина, драматическаго актера и писателя, который, живя въ дурномъ обществѣ, высказалъ въ любовныхъ памфлетахъ — между прочими въ книжонкѣ «*Копѣчная мудрость, купленная за миллионъ раскаянія*» — результаты своей плачевной опытности, признаніе своей зависти и тайны своего гнѣва.

Все это происходило въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Шекспиръ, уже очень занятый, возымѣлъ — какъ самъ онъ сознается въ знаменитыхъ своихъ сонетахъ — страсть къ романическому и приключеніямъ. Оттого въ драмахъ своихъ онъ только слегка касается положеній и характеровъ. Онъ читаетъ Аріоста и Тасса и, кажется, забавляется своимъ искусствомъ. Въ 1593, *Ромео и Джульетта*; въ 1599, *Много труда по пустому*; въ 1597, *Виндзорскіе кумушки*; въ 1596, *Укрощеніе мегеры*, драмы сверкающія прелестью и умомъ, выказываютъ его въ пріятномъ, живомъ и вовсе не строгомъ видѣ. *Concetto* изобилуетъ въ этихъ пьесахъ; наблюдательность скользитъ на поверхности съ очаровательною легкостью; страсть является капризною и почти ребяческою; даже въ *Ромео*, гдѣ сонетъ брошенъ съ расточительностью, узнаешь влюбливаго молодаго человѣка; Шекспиръ проситъ рѣшенія судьбы своего генія у женщинъ, у ихъ фантазіи, у поэтическихъ бурь ихъ прихоти. Между-тѣмъ онъ былъ уже не въ первой молодости: сорока лѣтъ. Само собою разумѣется, что мы употребляемъ цифры, взятыя не у Малона или Самуила Джонсона, которыя признаны по большей части ложными, но съ трудомъ извлеченныя, въ недавнее время, изъ старинныхъ драматическихъ списковъ, свѣренныхъ Колльеромъ, и подлинныхъ документовъ.

Тотчасъ послѣ 1603, въ произведеніяхъ Шекспира обнаружилась совершенная и внезапная перемѣна. Передъ нимъ открылся новый горизонтъ: перспективы Шекспира гораздо обширнѣе; онъ дышетъ сво-

боднѣ; человѣчество занимаетъ его и возбуждаетъ въ немъ жалость; онъ смѣется надъ нашими пороками, плачетъ надъ нашими бѣдствіями; онъ мечтаетъ, сомнѣвается — и намѣренъ все это высказать. До сихъ—поръ онъ говорилъ только о любви и житейскихъ слабостяхъ. Послѣ 1603 г. въ его произведенія проникаетъ философія; талантъ его не только получаетъ новое направленіе, но въ немъ уже видна доктрина, мысль сильная и окрѣплая.

Что-же случилось? Вотъ на-примѣръ, *Ошибки*, забавная и дѣтская контрафакція Плавта (1591); потомъ, *Юлій Цесарь* (1603), содержащій въ себѣ всю философію человѣчества, разсмотрѣннаго съ нѣжною ироніей и трогательнымъ сожалѣніемъ: линія разграниченія паразительна. Между размышляющимъ и ироническимъ взлядомъ наблюдателя, написавшаго *Отелло*, *Бурю*, *Макбета*, *Коріолана*, *Юлія Цесаря*, *Антонія и Клеопатру*, *Гамлета*, — и пріятною легкостью, съ какою молодой человѣкъ шутилъ создавалъ *Веронцевъ*, *Церикла*, *Ошибки*, даже *Ромео и Джульетту* нѣтъ ничего общаго. Послѣ этихъ вѣтренныхъ драмъ, усѣянныхъ пѣсенками и сонетами, но лишенныхъ всякой философіи, слѣдуетъ совершенно противоположное видоизмѣненіе таланта. Причудливый поэтъ и остроумный молодой человѣкъ исчезаютъ; ихъ замѣняютъ мыслитель, философъ и историкъ.

Отчего-же ни *Гамлетъ*, ни *Отелло*, ни *Король Лиръ*, не являются до 1603 г.? Отчего ни одно изъ этихъ созданій не предшествовало этой роковой чертѣ? Шекспиръ, вѣроятно, былъ почти тотъ-же человѣкъ въ 1599 г., какъ и въ 1602 году, и, однакожь, въ 1603 г. онъ обнаружилъ философскія идеи, размышленія странно перемѣшанные съ ироніей и простодушіемъ, о которыхъ онъ вовсе не думалъ въ 1599 г. Наконецъ, здѣсь является Монтень, объ руку съ Плутархомъ и Аміо.

При дворѣ Анны-Датской, супруги Іакова I, жилъ итальянецъ, очевидно человѣкъ не безъ воспитанія, потому-что онъ зналъ три или четыре языка, понималъ и переводилъ Монтеня, и достойно выполнялъ свое званіе камергера. Его звали Джованни Флоріо. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ итальянскихъ мыслителей, расплодившихся со времени Саванароллы, которые удалились изъ папской Италіи, искать счастья на сѣверѣ. Флоріо умѣлъ воспользоваться старымъ вкусомъ Англіи къ странному и юмористическому; поддѣлываясь подъ разныхъ лицъ рыцарскихъ романовъ, онъ всегда подписывался *Джованни Флоріо Ръшительный*; всѣ его предисловія, стихи, символы, которыми украшены его книги, носятъ на себѣ характеръ разсчитанной оригинальности, которая, кажется, удалась ему. Этотъ-то джентлменъ познакомилъ англичанъ съ Монтенемъ. Переведа, впрочемъ буквально съ подлинни-

комъ, *Опыты* Монтена, онъ позаботился объ ихъ успѣхъ, и прибѣгнулъ къ шарлатанизму, обратившему вниманіе на его книгу: онъ обратился къ знаменитому тогдашнему поэту, Самуилу Даніэлю, и извѣстнѣйшему граверу, Мартину Дрексоуту; первому заказалъ стихи, второму символическую виньетку, и все это присоединилъ къ своему переводу Монтена.

У меня есть подъ рукою эта книга *Florio, the Essays of Michaël Montaigne Knight*, книга замѣчательная по любопытной картинкѣ, помѣщенной въ заглавіи, и по англійскому, чрезвычайно точному и весьма сильному слѣпку съ удивительнаго нашего прозаика.

Изученіе иностранныхъ литературъ въ отношеніи ихъ къ литературѣ національной находится почти въ дѣтственномъ состояніи; поэтому мнѣ извинять слѣдующія подробности, любопытныя для каждаго, кого занимаетъ Монтень. Беспорядокъ и отрывочность нашего писателя, часто блуждающаго по тропинкамъ своей эрудиціи и своихъ воспоминаній, изумило Флоріо, который опасался, что не станутъ читать такого безалабернаго писателя. Поэтому онъ счелъ за лучшее предупредить читателя о недостаткахъ и достоинствахъ Монтена, и, чтобы англичане не попались врасплохъ, вотъ какую эмблему придумалъ онъ выгравировать въ видѣ фронтисписа: перспектива древнихъ развалинъ, разрушенныхъ храмовъ, витыхъ лѣстницъ, зданій разбросанныхъ въ беспорядкѣ, но не безъ красоты, привлекающихъ взоръ полусвѣтомъ, казалось ему естественнымъ и живымъ символомъ волнистой методы, которую употреблялъ Монтень.

«Войдите подъ этотъ французскій портикъ (говоритъ онъ въ объяснительныхъ стихахъ, помѣщенныхъ при гравюрѣ), у васъ есть англійскій ключъ; дверь отворена настежь. Рассказать вкратцѣ, какія драгоценности вы найдете въ этихъ закоулкахъ, изворотахъ и тропинкахъ—было-бы слишкомъ трудно. Проходя дворцы, созданные воображеніемъ Монтена, мы восхищались въ нихъ такимъ множествомъ вещей неожиданныхъ и плодовъ неизвѣстныхъ, что намъ невозможно было составить имъ каталогъ. Войдите, и въ этихъ изворотахъ и углахъ собирайте мудрость!»

Далѣе, слѣдуютъ превосходные стихи Самуила Даніэля, угадавшаго подъ неправильною болтливостью перигорскаго жантилома истинное значеніе философа.

«Привычка—тиранъ (говоритъ Даніэль, писавшій въ 1602 г.); никто такъ живо не нападалъ на привычки и не поражалъ ихъ, какъ нашъ Монтень. Оттого-то я питаю глубокое уваженіе къ Монтеню; я люблю его, и съ наслажденіемъ вижу, что онъ принимается на

нашей почвѣ. Благодарю, что вы дали ему прекрасное помѣщеніе, отличную одежду и позволили говорить не стѣняясь. По счастливой привиллегіи, перо великаго писателя не было ни чѣмъ вассаломъ: оно принадлежитъ всѣму свѣту. Всѣ высшіе умы составляютъ одно государство и ничто не препятствуетъ свободному обмѣну ихъ произведеній. Что касается Монтеня, каждая критика должна сознаться, что онъ даетъ драгоценныя извлеченія изъ человѣчества, конечно, безъ порядка, въ разбитой рамѣ,—но это все равно. Собесѣдники, сидя за роскошнымъ столомъ, развѣ могутъ жаловаться на форму вазъ, въ которыхъ подаютъ имъ отличныя кушанья?»

И вотъ Мишель Монтень утвердился у нашихъ сосѣдей, превознесенъ первымъ ихъ поэтомъ, пожалованъ ихъ королевою камергеромъ, остроумно названъ моднымъ художникомъ. Торжество его въ Лондонѣ было еще блистательнѣе, нежели въ Парижѣ. Но ничто, впрочемъ, еще не доказывало-бы, что Шекспиръ изучалъ этого писателя, если-бы у насъ въ рукахъ не было обязательнаго доказательства.

Въ Британскомъ-музеѣ сохранился подлинный экземпляръ сочиненій Шекспира, ему самому принадлежавшій; на этомъ экземплярѣ собственною его рукою выставленъ годъ (1603), находится тогдашняя его подпись (Willm Shakspeare), и сдѣланы поправки и примѣчанія: книга драгоценная, какъ *Софоклъ* съ примѣчаніями Расина.

Годъ этотъ (1603) поучителенъ; переменна въ манерѣ Шекспира начинается съ этого самаго года; до 1603, у него очевидно подражаніе Петраркѣ, Аріосту и Спенсеру; послѣ 1603, эта копія съ кокетливой Италіи исчезаетъ: нѣтъ болѣе ни перекрестныхъ римъ, ни сонетовъ, ни кончеттъ. Все разомъ преобразовалось. Шекспиръ, изучившій древнихъ по способу умниковъ новой Италіи (чтобы заимствовать у нихъ цвѣтушіе сюжеты Венеры и Лукреціи и развивать эти сюжеты по-итальянски, въ октавахъ, переменъшанныхъ метафорами, въ блестящихъ caritoli) серьезно изучаетъ Плутарха и Саллюстія и ждетъ отъ нихъ великихъ поученій о жизни человѣческой, которыми наполнены страницы Монтеня. Не удивительно-ли, что человѣкъ, сію минуту описывавшій, въ тридцати шести стансахъ, какъ Марони, голубокъ и колесницу Венеры, вдругъ беретъ за Юлію Цесаря и Коріолана? И не видно-ли, что въ памяти его еще свѣжо чтеніе Монтеня, который не переставалъ переводить, комментировать и совѣтовать другимъ читать древнихъ — души «избранныя», «высшаго яруса»; который любилъ Плутарха и Юлія Цесаря съ такимъ болтливимъ удивленіемъ, что глава *les Coches* наполнена завоевателемъ Галловъ? Годы, выставленные Шекспиромъ подъ *Коріоланомъ*, *Клеопатрой* и *Юліемъ*

Цесаремъ неоспоримы. Драмы эти слѣдовали одна за другою, съ 1604 по 1608, съ быстротою, доказывающею плодovitый жаръ еще взволнованнаго воображенія. Но такіе доводы недостаточны; намъ остается еще представить, какъ послѣднее доказательство, *цѣлыя* отрывки, въ прозѣ *Флоріо*, то-есть *Монтеня*, вставленные и растопленные въ сценахъ *Бури* и *Гамлета*.

III.

Отрывки изъ *Монтеня*, переведенные Шекспиромъ.

Шекспиръ беретъ у *Монтеня* мысли самыя оригинальныя и скептическія, пробудившія въ послѣдствіи размышленіе *Жанъ-Жака Руссо* и *Паскаля*. Гипотеза о дикой жизни, о возможности возвращенія къ простотѣ золотого вѣка — краснорѣчивая поэма *Руссо*, перенесена Шекспиромъ съ удивительною живостью и вкусомъ на пустынный островъ *Бури* *.

Здѣсь находится полный и одушевленный переводъ знаменитаго мѣста изъ главы о *каннибалахъ* (*Essais*, книга I, гл. 30), гдѣ *Монтень* посмѣивается разомъ надъ платоновой республикой, надъ дѣйствительностью образованнаго общества и утопистами. Сравненіе текстовъ здѣсь неизбежно; надо испытать эту скуку, чтобы узнать, до какой степени Шекспиръ, между 1603 и 1615, освоился съ *Монтенемъ*.

«Мнѣ кажется, говоритъ гасконскій философъ: — что настоящая утопія находится у дикарей антиподовъ; тамъ, продолжаетъ онъ: — нѣтъ никакой торговли, ни какого понятія о грамотѣ, ни цифръ, ни должностей, ни политическаго превосходства, ни богатства или бѣдности, ни контрактовъ, ни наслѣдства, ни дѣлежа, никакихъ занятій, ни родства, ни одежды, ни земледѣлія, ни металловъ, ни употребленія вина или хлѣба; даже слова означающія ложь, предательство, притворство, скудость, зависть, клевету, презрѣніе — неизвѣстны! и проч.» Этого-то золотого вѣка *Монтень* переноситъ на какой-то пустынный островъ *антарктической Франціи*, одинъ изъ жителей котораго, «человѣкъ простой», сообщилъ ему приведенное описаніе

Что-же дѣлаетъ Шекспиръ, пораженный этою мыслью о дикомъ золотомъ вѣкѣ, имѣвшею такой успѣхъ въ послѣдствіи? Онъ выдумываетъ мечтателя, характеръ въ родѣ *морусовыхъ* и *малербовыхъ*; заставляетъ его испытать кораблекрушеніе и бросаетъ его на берега необитаемаго острова. *Гонзало* (такъ зовутъ мечтателя) видитъ удобный случай осу-

* Дѣйствіе II, явл. I.

ществить свои утопіи и опыты надъ человѣчествомъ; слова Монтеня естественно приходятъ ему на умъ.

«Дай мнѣ этотъ островъ, говоритъ онъ королю.

— «Что-же ты будешь дѣлать съ нимъ?

«Что сдѣлаю? Превосходное общество, въ которомъ все будутъ счастливы... Тутъ не будетъ ни торговли, ни наукъ, ни чиселъ и проч...» — выписаны двадцать строкъ изъ Монтеня, слово-въ-слово. Но только Шекспиръ прибавляетъ къ насмѣлкѣ Монтеня драматическую черту, которой шутка неподражаема.

Слѣдя за Шекспиромъ, мы находимъ Монтеня безпрестанно, въ *Гамлетѣ*, въ *Отелло*, въ *Коріоланѣ*. Даже слогъ, смѣшанный слогъ Шекспира, одушевленный, новый, живой, врѣзывающійся, цвѣтистый, смѣлый, представляетъ много поразительнаго сходства съ удивительною и свободною манерою Мишеля Монтеня. Таже свѣжесть, таже благоуханіе, таже обиліе оборотовъ и образовъ. Весь великолѣпный отрывокъ *о дружбѣ* вставленъ въ *Гамлета*.

Такимъ образомъ, въ 1603 г. Шекспиръ, вмѣсто того, чтобы питаться исключительно Аріостомъ и Боккачіо, переведенными Баррингтономъ и Плейнтеромъ, вдругъ перешелъ къ чтенію Монтеня; для него наступила эпоха втораго воспитанія мысли. Эпоха эта совпадала съ наилучшимъ положеніемъ, какого только можетъ желать высокій умъ, который хочетъ обнять науку и мыслить надъ великими созданіями. Послѣ трудовъ, онъ достигъ независимости, подготовленной съ 1582 по 1590 г. Вотъ наконецъ онъ свободенъ; бесѣдуетъ съ Монтенемъ, который открываетъ ему всю древность и вводитъ его къ Амію, «человѣку съ большимъ достоинствомъ», уважаемому Монтенемъ «выше всехъ другихъ». Отчего-же думаютъ, что Шекспиръ, подъ управленіемъ Монтеня, совѣщался со мессиромъ Амію, а не съ Плутархомъ въ подлинникѣ? Вотъ мои причины. Англійскій переводъ Плутарха, сдѣланный сэромъ Томасомъ Нортонъ, былъ изданъ за десять или за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ; Шекспиръ, кажется, не зналъ о немъ, и даже не перечитывалъ его. Вѣроятно, похвалы Монтеня повели его къ нашему Амію и древнему Плутарху, ни малѣйшаго слѣда которыхъ нѣтъ въ шекспировомъ театрѣ между 1586 и 1603 г. и которые являются на всякомъ шагѣ съ 1603 по 1620 г.

Плутархъ этотъ (любопытное замѣчаніе) не старыи херонеецъ; нашъ Плутархъ, остроумный, немножко витіеватый, слишкомъ ученый, вовсе не простодушный, — современникъ Мишеля Монтеня, французъ «простякъ Амію». Жизнеописанія благородныхъ грековъ и римлянъ, сравненныя Плутархомъ, и переданныя, по мессиру Жаку Амію,

Томасомъ Нортонъ» такъ пригодились Шекспиру, что онъ выпиcывалъ цѣлыя страницы, рѣчи и описанія, безъ всякихъ перемѣнъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которыхъ требовало драматическое движеніе; достаточно представить прибытіе Клеопатры на Циднъ, аналогъ Мененія и длинную рѣчь Кориолана къ народу. Оттого въ римскихъ драмахъ Шекспира находимъ не риторическую напыщенность или изысканную сжатость чело-вѣка, который лѣпитъ свое произведеніе по древнему образцу; но не-принужденность и строгую простоту, перемѣшанную съ кой-какими противорѣчіями, заимствованными Нортонъ у *мессира Амю*. Послѣдній, какъ извѣстно, болѣе прекрасенъ, нежели вѣренъ; прибавляетъ къ своему образцу эпитеты и обороты. Нортъ переводитъ ихъ, Шекспиръ ихъ заимствуетъ. Но онъ не книжный воръ отъ этого; онъ дѣлаетъ тоже, что Корнель, Мольеръ, Паскаль — всѣ гениальные люди: онъ способствуетъ обращенію мысли и чувства прекраснаго между племена-ми и народами.

Все это, повторяю, нисколько не отнимаетъ цѣны у Шекспира. Если рабскій архаизмъ есть трудолюбивое заблужденіе; то изученіе великихъ твореній и ученое сближеніе съ ними доказываютъ только гениальность. Шекспиръ, какъ симпатическое орудіе образованности, былъ также прилеженъ въ этомъ отношеніи, какъ ученѣйшіе поэты его времени. Это доказывается его тѣснымъ сближеніемъ съ Монтенемъ и Амю; его трудолюбіемъ между сороковымъ и пятидесятымъ годами жизни; его неоднократными поправками своихъ произведеній, на примѣръ *Гамлета*, *Лира*, *Кумушекъ*, которыхъ онъ передѣлалъ и дополнилъ. Ни что не могло ослабить его литературную добросовѣтность, и если онъ мало заботился объ изданіи въ свѣтъ своихъ произведеній, за то онъ вознаграждалъ себя, какъ художникъ, — полнымъ выраженіемъ своей мысли. Чѣмъ болѣе изучаемъ его жизнь, тѣмъ болѣе находимъ его, какъ Корнелля и Мольера, достойнымъ уваженія.

При началѣ своего драматическаго поприща до 1600. Шекспиръ, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на игранную драму, какъ на забаву для народа, посредствомъ которой можно нажить маленькое состояніе. Ни онъ, ни Кальдеронъ не помышляли объ эстетикѣ, о дидактической теоріи, обо всѣхъ облакахъ педантской метафизики, которыми захотѣлъ наградить ихъ Шлегель, въ своей восторженной прозѣ. Кальдеронъ, по званію своему *капеллана-маіора*, имѣвшій наблюденіе надъ театромъ, также видѣлъ въ немъ, не вещь серьезную, но развлеченіе для придворныхъ. Здѣсь останавливается сходство Шекспира съ Кальдерономъ. Наступила пора зрѣлости, Шекспиръ преобразуется; Кальдеронъ остается тѣмъ-же.

Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какъ философское изученіе челоуѣчества, предпринятое Шекспиромъ по тѣмъ руководствомъ Монтеня, имѣло вліяніе не только на драмы страсти, каковы *Макбетъ* и *Отелло*, но также и на историческія его картины, и самыя фантастическія его произведенія.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА ШЕКСПИРА.

Драмы чудесныя и фантастическія.

I.

Сонъ въ Иванову ночь. — Буря.

Въ одной прелестной балладѣ, взятой изъ старинной *fabliau*, Гете смѣялся надъ рабскимъ подражаніемъ, обыкновеннымъ удѣломъ полузнанія. Ученикъ одного колдуна поймалъ на-лету нѣсколько словъ чернокнижія, и, пользуясь отсутствіемъ своего учителя, спѣшитъ испытать свою волшебную силу и произноситъ заклинанія. Вотъ двѣ метлы тотчасъ зашевелились, превратились въ людей, вышли изъ шалаша, пошли почерпнуть воды въ ближайшемъ источникѣ, и воротились мыть полъ. Досихъ-поръ все хорошо; но когда волшебнику захотѣлось дунуть созданныхъ имъ слугъ, онъ не знаетъ что и дѣлать: они безпрестанно приносятъ новыя кадки съ водой; на полу наводненіе. Школьникъ упрашиваетъ, выходитъ изъ себя — все напрасно; размытая хижина обрушивается на его плечи.

Мы немножко похожи на ученика колдуна. Мы знаемъ начальныя слова всѣхъ событій, но не знаемъ, чѣмъ они кончаются. Отворить плотину легко, но какъ остановить наводненіе? Не знаемъ, и бросаемся изъ крайности въ крайность.

Не знаю, могли-ли мы когда-нибудь оставить важную мысль, не доведя ее до послѣднихъ предѣловъ и не разбивъ ее о заблужденіе. Въ поэзіи, безразсудное подражаніе греческимъ и латинскимъ формамъ наложено Ронсаромъ; слѣдствіемъ этого были два вѣка рабскаго подражанія. Едва неподражаемой гений Расина ввелъ почитаніе Эврипида, какъ Лагранжъ-Шансель и Кампистронъ заставили насъ подчиниться бездарнымъ ихъ копіямъ, снятымъ съ копій: настоящимъ тѣнямъ тѣней. Вы все уже преклонились передъ диктаторствомъ Лебатте и консульствомъ ла-Гарпа; мелочную отдѣлку слога считали за верхъ утонченности вкуса, и совершенную неподвижность мысли за счастливую подчиненность аристотелевымъ законамъ.

Вы насчитаете не одного писателя, одареннаго блистательными ка-

чествами и лишеннаго разсудка: Теофиль Вио, Сентъ-Аманъ, даже Дидро, старикъ Марловъ, современникъ Шекспира, Нафнаилъ Ли, авторъ трагическихъ чудовищъ—писатели сверкающіе красотою. У этихъ людей было по два ума, одинъ пьяный, беспорядочный или парализованный, другой—здравый, блестящій и сильный. У нихъ было болѣе гениальности, нежели сколько они могли вынести: что-то въ родѣ странныхъ аномалій по разладу своихъ различныхъ способностей; слаби и немощные, выше толпы по своему дарованію, ниже ея по слабостямъ. Достоинствамъ ихъ, часто блестящимъ, недостаетъ верховнаго разума, направляющей силы, который, паря надъ совокупностью произведеній ума, приводя массы въ порядокъ, наблюдая за мельчайшими подробностями.

Ни у кого нѣтъ столько смѣлости, какъ у Аристофана между древними, какъ у Данта, Шекспира и Кальдерона между новѣйшими, поэтами. Смотря на капризы ихъ фантазій, ихъ можно назвать неправильными, причудливыми, отвергающими все законы, даже законы прямого смысла; но если взглянуть въ нихъ ближе, то увидимъ, что ихъ вдохновляетъ глубокий разумъ, разумъ политическій, нравственный, Аристофанъ борется въ объятъ съ развращенною демократіей. Данту предстоитъ наказывать свой вѣкъ, Шекспиръ и Кальдеронъ, представляя, одинъ идеи сѣвера, конца среднихъ вѣковъ, другой — идеи рыцарской Испаніи и католическаго догмата, во всемъ его объемѣ, эти два писателя создаютъ драму человѣческой жизни, очищенной христіанствомъ. Лучезарный слѣдъ, оставленный ими, свидѣтельствуетъ объ ихъ могуществѣ и доказываетъ, что вопреки недостаткамъ, неизбѣжнымъ въ каждомъ трудѣ человѣческомъ, они оба успѣли въ своихъ цѣляхъ. Средствами для нихъ были плодотворность изобрѣтенія, краснорѣчіе, поэзія, веселость, сильныя ощущенія; опорой и цѣлью — высокій здравый смыслъ. Никогда мысль не властвуетъ надъ ними: они сами управляютъ ею — закалываютъ ее, отливаютъ, преобразуютъ, возвышаютъ, понижаютъ по своей прихоти; они тѣмъ выше, что, не теряя цѣли своего полета изъ виду, поднимаются въ высшія сферы, и орлиный взоръ ихъ ни на мгновенье не отдѣляется отъ своей добычи, отъ своего завоеванія.

Углубиться въ гений этихъ великихъ людей, низойти до его основы, обнажить ихъ могучій разумъ, было-бы прекраснымъ предпріятіемъ и полезнымъ дѣломъ. Изучая Шекспира, не по фразамъ, не по сценамъ, не по актамъ, но вещественный смыслъ его драмы, мы увидѣли-бы, какая строгая и непреклонная прозорливость открыла ему исторію человѣческаго рода, тайны которой онъ рассказываетъ. Большая часть сужденій о немъ распались-бы въ прахъ! Въмѣсто чудовищнаго генія увидѣли-бы

поэта скептика, наблюдателя спокойнаго и часто жестокаго, брата Монтеню, взволнованнаго жалостью, нѣсколько ироническою, къ людямъ. вмѣсто грубаго мужика, одареннаго кой-какимъ талантомъ, иногда и высокимъ, не безъ изумленія мы узнали-бы истиннаго Шекспира, душу грустную и сосредоточенную, человѣка съ прекрасными приѣмами, друга благородному Саутемтону, покровительствуемаго Елисаветой, но одинокаго среди свѣтской толпы, сквозь которую онъ проходитъ, не мѣшаясь съ нею; человѣка одареннаго въ одно время платоническою и нѣжною восторженностью, страшною пронизательностью и состраданіемъ, отчасти ироническимъ, къ претензіямъ и гримускамъ себѣ подобныхъ: увидѣли-бы, какъ онъ облекается во всѣ модныя популярныя формы своего времени: повѣсти, *fabliaux*, волшебныя сказки, рассказы о рыцарской любезности, хроники, даже легенды. Въ полномъ убѣжденіи, что драматическій писатель обращается къ массамъ и что его гений, могучій щить, долженъ потрясать ихъ по своему произволу, мы увидѣли-бы, что Шекспиръ, дѣлаясь популярнымъ по внѣшности своихъ произведеній, остается философомъ по внутреннему ихъ духу. Такимъ образомъ въ поэмахъ его мы нашли-бы и таинственное эхо умирающихъ среднихъ вѣковъ, и вѣчную исторію человѣка.

По этимъ даннымъ, которыя мы разбираемъ по частямъ, а гений постигаетъ съ одного разу, Шекспиръ передалъ не только дѣла, чувствованія и страданія человѣка, но также и его грезы. Сны какъ известно, занимаютъ одну изъ лучшихъ частей нашей жизни, и подъ конецъ шестнадцатаго столѣтія, когда идеальное, фантастическое, сверхъестественное — все, возникшее изъ остатковъ старинныхъ вѣрованій сѣвера и волшебныхъ вымысловъ Италіи и Испаніи, слилось и преобразовалось въ поэзію, скипетръ Вердовъ и фей еще не разбился для народа: этимъ скипетромъ овладѣлъ Шекспиръ.

Отсюда произошли фантастическія драмы, не понятныя теперь, когда, съ переменною вѣрованій и нравовъ, изгладилось даже воспоминаніе о химерахъ нашихъ праотцевъ. Въ 1590, волшебная сказка еще облекалась въ свое старинное очарованіе; сверхъестественныя событія, случаи удивительные и невѣроятные еще не утратили своего вліянія на умы. Люди не отказывавшіеся отъ обмановъ волшебства, были сговорчивы и легко вѣрили всему волшебному. Къ этимъ двумъ родамъ чудеснаго, тайное сродство которыхъ не могло укрыться отъ пронизательности Шекспира и нравилось современникамъ Торквато Тасса, Сервантеса и нашего Дюрфи, относятся два рода драмъ, теперь странныхъ загадокъ — гіероглифовъ другаго міра.

Не намѣреваясь подраздѣлять по классамъ и видамъ драмы Шек-

спира, ускользающія отъ всякаго подраздѣленія, какъ природа отъ системъ, можно, однакожь, постараться сгруппировать ихъ по роду впечатлѣній и мыслей, преобладающихъ въ каждой изъ нихъ. Здѣсь, вы находите преимущественно историческое движеніе событій и характеровъ: таковъ рядъ *хроникъ*, извлеченныхъ изъ англійской исторіи; тамъ, философское размышленіе о человѣческой участи (*Гамлетъ*); въ другомъ мѣстѣ, живопись страстей, смѣшанная съ изученіемъ челоука (*Отелло*); далѣе, комическое изобрѣтеніе и шуточный разговоръ, въ пьесахъ *Менехмы*, *Какъ украшаютъ женщинъ*, *Тимонъ афинскій* (пьеса болѣе сатирическая, нежели комическая), *Виндзорскія кумушки*. Произведенія эти, болѣе или менѣе подходящія подъ драматическія формы, которыя завѣщала намъ Греція, вообще лучше другихъ были поняты французскою публикой.

Но болѣе половины шекспировыхъ произведеній ускользаетъ отъ классификаціи: въ одно время лирическія и трагическія, блестящія волшебства или романическія сказки, они дышатъ только прихотью. Здѣсь господствуетъ неправдоподобное и неожиданное. Идеи въ нихъ заимствованы изъ *Novelas espanolas*; это игра случайностей, похищеній, непредвидѣнныхъ развязокъ, запутанныхъ катастрофъ; таковы *Два веронскіе дворянина*, *Мъра за мъру*, *Беатриче и Бенуа*, *Двѣнадцатая ночь*, — легкіе эскизы, прелестные прозрачностью колорита, гдѣ авторъ, кажется, шутитъ надъ случаемъ, который смѣется надъ нами. Другія похожи на сказки кормилицъ, таковъ очеркъ драмы, подъ названіемъ *Периклъ*, неимѣющей ничего общаго съ плутарховымъ Перикломъ; такова *Сказка въ зимнюю ночь*, если только это сказка, которую вы какъ-будто слышали отъ бабушки, возлѣ очага; таковъ *Цимбеллинъ*, драма болѣе dokonченная, но все-таки чудесная. Иногда это чисто дѣтская фантазія, или даже философская идиллія, какъ-будто продиктованная мизантропіей Жанъ-Жака Руссо, въ которой вы находите тоже почитаніе природы. Въ этомъ родѣ есть у Шекспира прелестная пьеса, названная: *Какъ вамъ угодно*, вѣроятно потому, что типъ и образецъ ея были только въ его гени, меланхолическомъ и наблюдательномъ.

Въ этихъ произведеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, кромѣ судьбы и ея прихотей, умъ Шекспира движется съ полною свободой; жизнь кажется ему недостойною ни уваженія ни горести; онъ играетъ; здѣсь все легко какъ воздухъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ также подвижны; все зыблется; поэтъ набрасываетъ удивительныя событія, не задумываясь надъ невозможнымъ и невѣроятнымъ. Въ мірѣ есть прихоть молодости, называемая *любовью*, и Шек-

спирь, мимоходомъ, рисуетъ ее, летучую, страшную, непостоянную какъ молнія. Но сколько блестящихъ, теплыхъ и сильныхъ оттѣнковъ въ этой переменчивой сценѣ! Какъ посреди этихъ быстрыхъ красокъ являются передъ вами живые образы, едва набросанные, но обозначенные такими опредѣленными чертами, что вы всегда будете ихъ помнить!

Иногда, будто соскучившись свѣтомъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, Шекспиръ бросается въ міръ мечтаній. Въ эти минуты онъ отрывается отъ всякаго воспоминанія о дѣйствительномъ. *Сонъ въ Иванову ночь* и *Буря*, написанныя подъ конецъ его драматической карьеры *, истожили все сѣверное волшебство: сильфовъ, гномовъ, духовъ тьмы и свѣта; смертныхъ, повелѣвающихъ природой; существа средня между людьми и духами; чудовищъ, занимающихъ средину между скотомъ и человѣкомъ; маленькихъ фей, ангеловъ идеальнаго міра, существъ гигантскихъ и недовершенныхъ, какъ циклопы. Воздухъ и свѣтъ разлиты въ этихъ двухъ волшебныхъ пьесахъ, съ веселымъ, свѣжимъ, безпредѣльнымъ пейзажемъ и дѣйствующими лицами, играющими въ очарованномъ мірѣ. Но говоря о талантѣ поэта и его мысли, этотъ отголосокъ средне-вѣковыхъ преданій, народныхъ суевѣрій, и преданій сѣвера, украшенныхъ смутнымъ отблескомъ, взятымъ у предшественниковъ Аріоста и южныхъ рассказчиковъ — заключаетъ въ себѣ что-то любопытное.

Сонъ въ Иванову ночь, если отнять у него обаяніе поэтическихъ красокъ, есть колкая иронія надъ любовью. Теперь, когда разочарованіе коснулось даже этого древняго повелителя міра, можно сознаться, не въ упрекъ Шекспиру, что его взглядъ на прекрасную страсть очень не романическій. Онъ находитъ удивительныя краски для обрисовки радостей, преданности и отчаянія любви; но у него нѣтъ ничего такого, что-бы напоминало торжественное постоянство героевъ Астреи, кипящую нѣгу расинова Пирра или метафизическое упоеніе Вертера. Любовь, въ сочиненіяхъ Шекспира, не такъ возвышенна и болѣе наивна: мы узнаемъ любовь, существующую въ свѣтѣ, а не въ романахъ: тутъ одинокая и любящая дѣвушка воспламеняется безразсудною страстью къ воину, который рассказываетъ ей объ опасностяхъ прежней своей жизни; молодой вѣтренникъ не любитъ ту, которая по неопытной откровенности призналась ему въ своей любви: кра-

* Первая представлена въ 1611, когда Шекспиру было сорокъ семь лѣтъ; вторая, по тѣмъ-же комментаторамъ, въ 1613. Шекспиру пошелъ сорокъ девятый годъ; онъ только что поставилъ *Отелло*.

савица, подтрунивая эпиграммами надъ тѣмъ, котораго, думается ей, она ненавидитъ, на послѣдокъ начинаетъ серьезно заниматься имъ.

Избрать цѣлью и предметомъ для блестящаго волшебства все прихоти любви, неблагодарность сердца, его гибкую слабость, его причудливые перевероты безъ всякой причины; заставить дѣйствовать и двигаться, играть и сталкиваться чувства и глупости этой страсти; значило выказать гораздо болѣе проницательности и знанія души, нежели ихъ выказалъ суровый авторъ *Опытовъ о женщинахъ*, Тома. Въ мысли этой, какъ видите, была и философія, и глубина, и здравый смыслъ.

Вотъ очеркъ *Сна въ Иванову ночь*. Маленькій вѣстникъ, житель облаковъ, Пукъ, ссорящій и примирающій влюбленныхъ, восклицаетъ сквозь смѣхъ:

«Боже мой, какъ эти люди глупы!

И вотъ мораль пьесы, въ самыхъ воздушныхъ формахъ, носящей на себѣ живой отпечатокъ строгаго разума, передъ которымъ разрываются и падаютъ все покровы обольщенія. Вотъ разговоръ Герміоны и Лизандра, которые, встрѣчая препятствія своей любви, рѣшились бѣжать вмѣстѣ.

Лизандръ. О, горе! Судя по всему, что мнѣ случилось читать и слышать, въ сказкахъ и исторіяхъ, потокъ любви никогда не бѣжалъ спокойно. То любящіеся были различныхъ состояній...

Герміона. О мука! Стоять высоко и служить низшимъ!

Лизандръ. То неравныхъ лѣтъ...

Герміона. О бѣдствіе! Быть старымъ и свататься къ молодой?

Лизандръ. То зависятъ они отъ прихоти выбора...

Герміона. О несчастіе! Выбирать любовь чужими глазами!

Лизандръ. Но если-бы даже выборъ былъ и согласный, — вражда, болѣзнь или смерть обрушиваются на нихъ, и любовь пропадаетъ какъ звукъ, улетаетъ какъ тѣнь, какъ сонъ, быстрая какъ молнія, которая, ночью, показываетъ намъ испуганную землю и небо и исчезаетъ въ покровѣхъ мрака прежде, нежели успѣемъ сказать: «блеститъ!» Такъ быстро гаснетъ блескъ счастья!»

Надобно видѣть, какъ искусно Шекспиръ располагаетъ планъ своей волшебной эпопеи. Отбросивъ сцену дѣйствія въ даль историческихъ временъ, онъ сколько возможно болѣе отодвигаетъ горизонтъ своей драмы, и какъ, по его мнѣнію, эпоха Греціи есть самая баснословная изъ всехъ, то онъ, не стѣняясь, овладѣваетъ ею и вноситъ прямо во дворецъ Тезея свои волшебныя интриги и войну влюбленныхъ. Онъ находитъ здѣсь и роскошный климатъ, воспроизводя, какъ поэтъ, блестящіе огѣнки, благоуханные пейзажи, ночи, которыя прекраснѣе

самыхъ дивныхъ сѣверныхъ дней, и темную мифологию, отдаленную дымку пара, способствующую волшебству.

Что касается Тезея, то я прохожу мимо этого огромнаго анахронизма. Другъ Геркулеса отсылающій непокорную дочь въ заточеніе, не слишкомъ вѣренъ исторіи. На школьной скамейкѣ пятого класса, отъ меня не ускользнуло это замѣчаніе и я записалъ его, съ лексикономъ Шампре подъ рукою.

Но замѣните имена Тезея и Аѳинъ другими, какія вамъ заблаго-разсудится выбрать, — Шекспиръ нисколько не потеряетъ отъ этого и не придетъ въ смущеніе. Собственный здравый смыслъ научилъ его, что въ области неправдоподобнаго нѣтъ степеней и что въ дѣлѣ чудснаго не существуетъ оттѣнковъ. Но что умѣлъ извлечь поэтъ изъ этихъ древнихъ именъ! Какая прекрасная рамка для его картины!

Въ лѣсу раздаются звуки роговъ и лай собакъ; герой и амазонка ѣдутъ по лѣсу; затѣмъ слѣдуютъ приготовленія къ королевской свадьбѣ и наивная живопись довѣрія молодой невѣсты къ жениху. Поэтъ, какъ-будто желая пройти всю гамму одной страсти, выставляетъ, послѣ картины счастья влюбленныхъ, картину ихъ бѣдствій; Шекспиръ идетъ еще далѣе.

Вотъ самая хорошенькая маленькая фея, нѣжная царица сильфидъ, жертва магическаго зелья. Она влюбилась въ самое отвратительное существо, которое злой Оберонъ надѣлилъ ослиною головою: красота у ногъ такого урода! Это послѣдняя черта живой сатиры, ѣдкой насмѣшки надъ странностью выбора, очень обыкновенною въ сердечныхъ связяхъ.

Не случилось-ли Шекспиру видѣть, какъ отличнымъ человекомъ жертвуютъ для глупца; какъ тщеславная посредственность и глупая надменность берутъ верхъ надъ красотою и прелестью? Въ этихъ намекахъ покушаешься найти слѣды личныхъ воспоминаній поэта, вовсе не испытываемаго описанныхъ имъ кауризовъ.

Шекспиръ, схвативъ мысль, всегда доводитъ ее до послѣднихъ предѣловъ. Онъ провелъ передъ нашими глазами вѣтренную любовь феи, любовь героевъ, любовь обыкновенныхъ и невѣрныхъ вздыхателей; онъ показываетъ намъ, чѣмъ сдѣлается страсть безъ нѣжности, безъ воображенія и безъ ума. Эта *матерія природы*, *étouffe de la nature*, какъ выражался Вольтеръ, вещь печальная, лишенная своихъ узоровъ. Толпа грубыхъ работниковъ сговорилаь разсказать эротическую и трогательную исторію Пирама и Тисбы. Такое множество разныхъ оттѣнковъ сплавлено и сближено съ невѣроятнымъ искусствомъ; почти вся

пьеса въ стихахъ; колоритъ и лирическій жаръ разлиты по всему произведенію, и вы сказали-бы, что волшебное облако охватило это созданіе, чтобы скрывать отъ взора профановъ жестокую наблюдательность, служащую ему основою, хрупкость человѣческаго сердца и безуміе самыхъ нѣжныхъ его склонностей.

Пусть негодуютъ на поэта; пускай упрекаютъ его въ безжалостномъ анализѣ; пусть порицаютъ его за разочарованіе страстей, сокрушаются отъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ: это похвально для умовъ, которые хотятъ чтобы ихъ дурачили. Поэтъ отвѣтитъ намъ, что долгъ его былъ, не измѣнять и украшать, но рисовать жизнь. И вотъ она вся на лицо! Пусть объясняетъ, кто хочетъ. Поэтъ вѣритъ всему, ибо онъ все знаетъ; сомнѣвается во всемъ, потому-что онъ все понялъ. Сфера, въ которой паритъ его разумъ, выше второстепенныхъ идей и вѣрованій; но онъ вѣруетъ въ Бога, въ добродѣтель, въ человѣческое достоинство, въ дивную красоту природы, въ привязанность женщинъ: этого довольно.

Сцена перемѣняется. Мы покидаемъ прекрасный пейзажъ волшебнаго лѣса.

Изъ этого прелестнаго мѣста переходимъ на пустынный и волшебный островъ, въ лоно дѣвственной, дикой, первобытной природы. Шекспиръ раскроетъ передъ нами новый міръ, помѣститъ въ немъ политическую насмѣшку, сатиру. Когда во *Снѣ въ Иванову ночь* онъ анализировалъ любовь, ему нужна была сцена блестящая и фантастическая, какъ страсть, которую онъ обрисовывалъ ироническими чертами. На пятидесятомъ году жизни, Шекспиръ написалъ *Бурю*; драма эта начинается бурей, продолжается при шумѣ взволнованныхъ водъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ вѣковыхъ и мрачныхъ, какъ честолюбіе. Вотъ гдѣ заключается гармонія идей и отношеній, которой не учитъ никакая реторика.

Въ *Бурѣ* менѣе движенія, нежели въ предъидущей пьесѣ; здѣсь дѣло идетъ о волшебникѣ, который, лишившись своего владѣнія привлекаетъ толпу на свой дикій островъ, драматическое исполненіе этой старинной сказки философское и глубокое. *Сонъ*—роскошная поэма мечтателя, опечаленнаго своими опытами въ любви; *Буря*—созданіе мыслителя. Въ послѣднемъ изъ этихъ произведеній борются двѣ стихіи человѣческой судьбы — честолюбіе и знаніе; съ одной стороны, низкія склонности, злость, златолюбіе, чувственность, обманъ, подобострастіе, невѣжество, — все, что унижаетъ насъ и дѣлаетъ похожими на животныхъ: съ другой, терпѣливое изученіе, умиряющее природу, любовь двухъ невинныхъ душъ, великодушіе, волшебство музыки, энту-

зіазмъ благочестія и уединенія, — все, что возвышаетъ и очищаетъ человѣка. Двѣ области сходятся лицомъ къ лицу: демонская грубость, зѣрное волшебство; простодушная нѣжность, мстительная зависть. Въ главѣ первой области поставленъ Калибанъ, чудовище, орудіе низкихъ страстей; около него группируются пьяные матросы. Съ другой стороны поднимается Аріэль, геній воздушный и разумный, легчайшій изъ всѣхъ сильфовъ; онъ повинуется старому Просперо, могучему волшебнику, это блестящая и нѣжная часть произведенія; къ ней присоединена наивная любовь молодой дѣвушки, которая не видѣвъ ничего, кромѣ пустынь и своего отца, не скрываетъ своихъ душевныхъ ощущеній — душа прозрачная, какъ хрусталь. Цѣль Шекспира была выставить въ противоположности два міра, дикій и образованный, и какъ удачно онъ противопоставляетъ ихъ, какимъ идеальнымъ и диссонирующимъ голосомъ говоритъ у него дикій Калибанъ, какое воздушное и лирическое нарѣчіе влагаетъ онъ въ уста своему любимому Аріэлю!

Слѣдующія сцены *, поставленныя въ непосредственное столкновеніе, доказываютъ, какую важность придавалъ Шекспиръ этому контрасту:

Просперъ, на сценѣ съ своею дочерью, Мирандой; чудовище Калибанъ, прячется въ пещерѣ, гдѣ его удерживаетъ власть Просперо.

ПРОСПЕРО.

Поди сюда!

(Входитъ Калибанъ.)

КАЛИБАНЪ.

Пусть вредная роса,
Которую собирала Сикоракса
Воронимъ перомъ съ гнилыхъ болотъ,
Падетъ на васъ! и знойный вѣтеръ юга
Пусть будетъ дуть на васъ и день и ночь,

ПРОСПЕРО.

Спасибо, другъ! За это, вѣрь-же мнѣ,
Отъ судорогъ и сильнаго колотья
Ты не вздохнешь свободно во всю ночь;
Вокругъ тебя сберутся домовые,
Чтобы колотъ, и мучить, и кусать,
И исщипать тебя какъ сотъ медовый!
А каждый ихъ порядочный щепокъ
Чувствительнѣй пчелиныхъ уязвленій.

* Приводимъ эти сцены въ прекрасномъ переводѣ г. Сатина; напечатанномъ отдѣльною книжкою въ 1840 г.

Калибанъ.

Мнѣ надобно окончить мой обѣдъ.
Вѣдь островъ мой, за чѣмъ—же отнимаешь!
Ступайте прочь, отъ матери моей
Я получилъ его одинъ въ наслѣдство.
Да, правда, ты сперва меня ласкалъ,
Ты мнѣ давалъ пить ягодную воду,
И выучилъ какъ должно называть
Тѣ двѣ свѣчи, большую или меньшую,
Которыя горятъ тамъ высоко!
И я тебя тогда любилъ за это;
На островѣ тебѣ я указалъ
Источники, соленые колодцы,
Безплодныя и годныя мѣста....
Будь проклятъ я за то, что это дѣлалъ!
Игошпыри, и жабы, и жуки,
Всѣ гадины, всѣ гары Сикораксы,
Да ниспадутъ теперь на васъ двоихъ!
Вы прибыли, — я сдѣлаюся рабомъ;
И я одинъ теперь у васъ въ услугахъ!
Вы сдѣлали утѣсъ моимъ жильемъ,
А островъ мой присвоили себѣ!

Просперо.

Ты лживый рабъ! тебѣ нужны побои,
А милости ты ставишь ни во что!
Да, я ласкалъ тебя, какъ человѣка,
Я раздѣлялъ съ тобой одно жилье,
До той поры, пока неблагодарный,
Ты дочь мою не вздумалъ обмануть.

Калибанъ.

Ого, го, го! Да, жаль, не удалось мнѣ!

Просперо.

Презрѣнный рабъ, не можешь ты принять
Ни одного благаго впечатлѣнья.
Твореніе, способное лишь къ злу!
Прибывъ сюда, я бралъ въ тебѣ участие,
Училъ тебя работать, говорить,
Чтобъ высказать ты мотъ свои понятья;
Ты лишь мычалъ тогда, какъ дикій звѣрь,
Я одарилъ твое мышленье словомъ!

Но доброе, съ твоею злой природой
 Я никогда не могу соединить.
 Я вынужденъ былъ бросить трудъ напрасный.
 И для тебя избрать жильемъ утесъ,
 Хоть ббльшаго ты стоилъ наказанья

Калибанъ.

Да, говорить меня вы научили,
 И я могу теперь васъ проклинять!
 Пусть поразить васъ красная болѣзнь
 За то, что я умѣю говорить!

Просперо.

Вонъ отсюда!
 Неси дрова; смотри-же, будь живѣй!
 Я дамъ тебѣ другія приказанья.
 Бездѣльникъ! Что! За чѣмъ плечами жмешь?
 Смотри, смотри, когда съ пренебреженьемъ,
 Иль нехотя исполнишь приказанья,
 Я судоргой замучаю тебя,
 Я кости все твои наполню болью,
 И въ бѣшенствѣ заставлю такъ рычать,
 Что по лѣсамъ все звѣри вострепнутся!

Калибанъ.

Прошу, избавь! (*въ сторону.*) Придется исполнять!
 Онъ такъ могучъ, такъ силенъ онъ искусствомъ
 Что Сетевосъ, матери моей,
 Не въ силахъ съ нимъ успѣшно побороться.
 Онъ и его сей часъ возьметъ въ рабы!

Просперо.

Ну, торопись, ступай скорѣй отсюда!

(*Калибанъ уходитъ. Является Ариель невидимкою;
 онъ поетъ и играетъ на инструментъ; Фердинандъ
 слѣдуетъ за нимъ.*)

Ариель (*поетъ.*).

На пескахъ здѣсь соберитесь,
 Поклонитесь, обнимитесь,
 Поцалуйтесь, и потомъ
 Здѣсь танцуйте все кружкомъ?
 Волны дикія смолкаютъ,
 Духи въ воздухѣ играютъ!...
 Вотъ духи прищѣвъ повторяютъ,

Внимайте, внимайте!

Приплвз съ разныхъ сторонъ.

Боу, уоу!

АРИЕЛЬ (*поеть*).

Цѣпныя собаки тамъ лають!

Внимайте, внимайте!

Приплвз съ разныхъ сторонъ.

Боу, уоу!

АРИЕЛЬ (*поеть*).

Чу! Петела гѣлосъ слышнѣй!

Кричитъ онъ, шалунъ, чародѣй!

ФЕРДИНАНДЪ.

Отъ куда-же несутся эти звуки,

Изъ воздуха иль изъ земли они?

Не слышно ихъ, они теперь далеко

За призракомъ какимъ нибудь летятъ!

Я тамъ одинъ, на берегу пустынномъ,

Оплакивалъ погибель короля,

Когда ко мнѣ внезапно принеслась

Волшебная музыка по водѣ,

И звуками чудесными своими

И грусть мою и ярость дикихъ волнъ

Внезапно утишило!

Оттуда я послѣдовалъ за ней,

Или скорѣй, я увлеченъ былъ ею;

Потомъ она затихла!... Нѣтъ, опять!...

АРИЕЛЬ (*поеть*).

На пять сажень въ водѣ уложенъ твой отецъ,

Его кости въ кораллъ превратились;

А на мѣстѣ очей, въ немъ два перла блестятъ;

Но ничто не пришло въ разрушенье!

Только все поморски измѣнилось тамъ,

Все въ богатое, странное что-то.

Нимфы моря звонятъ по погибшему звонъ:

Внимайте, слышенъ онъ: дингъ, донгъ, донъ!

Приплвз съ разныхъ сторонъ.

Дингъ, донгъ, донъ!

Иронія, скрытая во всѣхъ драмахъ Шекспира, въ *Бурь* касается общественной жизни.

Плодовитость изобрѣтенія и блескъ поэзи, отличающія Шекспира,

легко оцѣнить; мы, съ своей стороны, требуемъ признать за нимъ привилегію высочайшаго ума. Полезно было-бы доказать, что самыя воздушныя его созданія управляются только силой истины и здраваго разума. Такой трудъ, исполненный опытной рукою, разрушилъ-бы различіе литературныхъ партій, оскорбляющихъ здравый смыслъ и нечувствительно привелъ-бы массы къ общему святилищу, въ которомъ учителя народовъ заняли-бы, каждый, свое мѣсто; гдѣ Шекспиръ получилъ-бы свой вѣнецъ, и Расинъ свои лавры; гдѣ Дантъ и Софокль сіяли-бы вѣчнымъ блескомъ чистаго генія; откуда было-бы изгнано только ложное, уродливое, подражательное. Конечно, призывать всѣми силами это время значило-бы не нравиться никакой партіи; но въ сохраненіи совѣсти мыслителя чистою и незапятнанною видно какое-то нравственное мужество.

II.

Гамлетъ. — Макбетъ. — Периклъ, царь тирскій. — Зимняя сказка.

Буря и Сонъ въ Иванову ночь единственныя изъ произведеній Шекспира, въ которыхъ онъ безъ оглядки вдался въ обольщенія волшебства. Мы постарались подвергнуть строгому анализу эти своеобразныя выраженія глубокой мысли.

Мы видѣли въ нихъ разумъ поэта, разумъ довольно сильный для того, чтобы играть своими сокровищами, скрываться подъ сверкающими арабесками разнообразныхъ красокъ, составленными изъ смѣси всѣхъ возможныхъ поэтическихъ формъ. Для толпы — это фантазмогорія, неимѣющая никакой цѣли. Такъ точно, когда фея Моргана, столь знаменитая въ исторіи, развѣшиваетъ въ воздухѣ свои пурпурные и перламутровые дворцы, народъ видитъ въ нихъ только мимолетное чудо, не понимая, на какихъ законахъ природы основывается феноменъ, которому онъ удивляется.

Вымышленныя существа этихъ двухъ произведеній странны и непостоянны, но ужасъ не сопровождаетъ ихъ: даже Калибанъ болѣе возбуждаетъ презрѣніе, нежели страхъ. Выводя на сцену, какъ трагическую пружину, вмѣшательство духовъ и тѣней, Шекспиръ старается не слишкомъ располжаты ихъ, такъ, чтобы не ослаблялось впечатлѣніе, которое онъ хочетъ произвести. Баснословный міръ у него едва замѣтенъ: отдаленная, мрачная, угрожающая перспектива бросаетъ на дѣйствительную жизнь странный, но минутный отблескъ. Тѣни Гамлета довольно двухъ сценъ, чтобы пролить ужасъ на всю трагедію. Поэтъ хочетъ нарисовать только смертельную неизвѣстность молодаго принца,

его продолжительное и горькое размышленіе о жизни и смерти, о назначеніи человѣка, о добродѣтели и порокахъ. Тѣнь умерщвленнаго отца вышла изъ гробницы, чтобы поселить смущеніе въ этой мечтательной душѣ, въ этомъ печальномъ умѣ. Съ-тѣхъ-поръ Гамлетъ болѣе не живетъ на землѣ. Видѣніе это, овладѣвъ всею его мыслию, сблизило его съ тайнами другаго міра, и ему какъ-то неловко между живыми. Желаніе отмстить за отца и ужасъ, внушаемый пропастью неизвѣстности, въ которую онъ готовъ броситься, еще удерживаютъ его, и онъ остается, какъ-бы повисшій надъ бездною, между двумя мірами.

Такимъ является Гамлетъ въ продолженіи драмы. Онъ мечтаетъ, онъ живетъ съ призраками; душа его живетъ съ тѣнью отца. Когда смѣшныя выходки Полонія, его глушыя аксіомы, принужденная важность и ловкость; когда притворное добродушіе короля и угрызенія совѣсти королевы пробуждаютъ Гамлета и напоминаютъ ему о забытой дѣйствительности, — надо видѣть, какъ въ эту минуту раздражается въ немъ презрѣніе и иронія, еще запечатлѣнныя фантастическими идеями, беспокоившими его. Въ разговорахъ его скрывается что-то насмѣшливое, печальное, безумное, странное. Мысль его занята не открытіемъ убійства; недавнее знакомство съ міромъ духовъ бросаетъ въ его разумъ первая сѣмена безумія.

Онъ дѣлается жестокимъ даже къ любимой имъ Офеліи; находитъ печальную прелесть въ бесѣдѣ съ могильщиками, и до самой развязки драмы одушевленъ мрачнымъ оупьяненіемъ, тайнымъ ужасомъ, мыслящею и страшною насмѣшкой. Гёте одинъ изъ всѣхъ комментаторовъ уловилъ этотъ характеръ Самуилъ Джонсонъ, отличный лексикографъ, искусный и колкій критикъ, писавшій размѣренными періодами, признаётся, что онъ вовсе не понималъ положенія Гамлета.

А между-тѣмъ, кажется, все въ немъ очень естественно; это не древній Орестъ. Чтобы уразумѣть Гамлета довольно слиться мыслию съ молодымъ принцемъ, и подумать, какое разстройство произошло-бы въ насъ, если-бы образъ существа, которое мы любили и оплакиваемъ, вдругъ предсталъ нашимъ глазамъ, живущій жизнью тѣней, краснорѣчивый, величественный, угрожающій и жалобный.

Особенно удивительно въ Шекспирѣ то, что, едва показывая сверхъестественныя существа, выведенныя въ пьесѣ, онъ никогда не пользуется ими, какъ страдательными дѣйствителями, какъ второстепенными и удобными пружинами. Большая часть писателей, схвативъ жезлъ волшебства, присвоиваютъ себѣ право дѣлать несообразности и во зло употребляютъ свою обширную власть. Тѣни, для нихъ, суть не иное что, какъ декораторы-машинисты, обязанные забавлять толпу непредвиденными

испугами. Такъ, въ *Макбетъ* главная пружина — появленіе вѣдьмъ. Въ ихъ пещерахъ, посреди плясокъ подь музыку грома, готовятся кровавые перевороты Шотландіи. Все въ этихъ двухъ произведеніяхъ глубоко обдумано. Если Гамлетъ, по своей метафизической цѣли, болѣе приближается къ мистической и мечтательной нѣмецкой школѣ, то изъ всѣхъ шекспировыхъ произведеній, *Макбетъ* наиболѣе имѣетъ общаго съ системою древняго фатализма. Созданія глубоко-печальныя, гдѣ рокъ является неотразимымъ, гдѣ счастье, добродѣтель человѣка, даже самая сила его ума обнаруживаютъ свою плачевную немощь, — эти драмы вовсе не фантастическія: это серьезныя и высокія трагедіи, хотя въ нихъ и предстоятъ тѣни.

Напротивъ, большая часть шекспировыхъ драмъ, въ которыхъ не видишь ни подземныхъ духовъ, ни тѣней, — фантастическія сказки. Произведенія эти, неизвѣстно почему названныя комедіями, на самомъ дѣлѣ суть романическія повѣсти, подведенныя подь законы драмы и рѣдко подчиненныя законамъ правдоподобія. Чтобы понять ихъ, надо отдалить воспоминанія о Греціи и Римѣ. Драмъ эти относятся къ литературѣ народовъ христіанской Европы съ двѣнадцатаго и по шестнадцатое столѣтіе. Ихъ данныя — игра случая, тягостная борьба человѣка съ его прихотями, безконечное разнообразіе происшествій и противоположностей, управляющихъ человѣческою судьбою. Шекспиръ не создавалъ этой канвы; онъ нашелъ ее въ литературѣ и преданіяхъ среднихъ вѣковъ.

При господствѣ греческаго фатализма, всему было отведено свое мѣсто; касты были неподвижны, вылиты изъ бронзы. Когда Римъ и Византія пошатнулись, невѣроятный хаосъ всколебалъ государства и міръ обратился въ огромную арену, на которой столпились ужасающія случайности. Каждое изъ переселеній, наводнявшихъ древнюю область латинянъ, было воинственнымъ романомъ; скибы, кавказскія племена, нормандскіе пираты, побѣдоносные арабы затопили нашу почву своими полчищами, — и наша Европа выросла, и наше общество образовалось, и возникли наши учрежденія, и наши идіомы родились посреди этихъ страшныхъ явленій. Язычники и христіане, тысячи народовъ принесли намъ въ дань свои сказки, прѣданія, рассказы, занимавшіе ихъ въ уединеніи. Едва различныя языки, произшедшіе отъ латинскаго или отъ тевтонскаго идіома, залепетали; едва умъ успѣлъ развернуться и употребить въ дѣло свои идіомы, орудія еще грубыя, какъ уже началъ рисовать опасныя приключенія героевъ, міръ храбрыхъ и счастливыхъ, иногда чудесное спасеніе слабости, и вліяніе судьбы.

Греческіе романы, уцѣлѣвшіе до насъ въ отрывкахъ, уже съ первой эпохи представляютъ слѣдъ этой новой склонности человѣческаго ума.

Потрясенная Европа вскорѣ опять принимаетъ стойкую форму; рождаются рассказы объ опасныхъ приключеніяхъ, въ которыхъ восхваляются

Les Ogiers, Lancelots et Rolandrs,
De qui ly ménestrier font ly nobles romans.

На этомъ героизмѣ, жаждущемъ приключеній, зиждется испанскій театръ, которому можно дать, вмѣсто эпиграфа, заглавіе одной комедіи Кальдерона: «Опасныя игры фортуны и людей» (*Lances de amor é de fortuna*). Привычка смотрѣть на неправдоподобное, какъ на возможное, сдѣлалась общею у всѣхъ европейскихъ народовъ и отразилась, такъ сказать, особымъ оттѣнкомъ, характеризующимъ ихъ нравы.

Отсюда возникли французскія *fabliaux*, большіе испанскіе романы и чудеса, доставившія славу Аріосту. Литературныя богатства, существенно новѣйшія, испанскія *Novela*, итальянскія *conte*, *fabliaux* труверовъ происходятъ изъ того-же источника. Не будемъ презирать неизвѣстныхъ сокровищъ языческой древности, которымъ обязаны мы не только старинными и прелестными повѣствованіями, услаждавшими Европу, но и *Неистовымъ Роландомъ*, романомъ Сервантеса, частію созданій Шекспира, рассказами Боккачіо, и даже *Жиль Блазомъ*, отдаленнымъ отблескомъ романа приключеній, комическою и довершеною картиною случайностей семейной жизни.

Во время Шекспира, средне-вѣковые романы, выработанные, передѣланные, переложенные въ стихи, переведенные съ одного языка на другой, были въ большомъ почетѣ. Генрихъ IV, разсуждая въ совѣтѣ о чрезвычайно важномъ вопросѣ, серьезно приводилъ цитаты изъ англійскаго Палмерена и Лансло Говена, чтобы доказать Сюлли и еще двумъ почтеннымъ людямъ необходимость своего развода съ Маргеритой Валоа. Безсмертный Сервантесъ написалъ романъ *Персиль и Сигизмунда*, неправдоподобіе всѣхъ вымысловъ, такъ жестоко осмѣянныхъ *Донъ-Кихотомъ*. Большая часть драмъ Ротру и его предшественника, Гарди, не иное что, какъ преувеличенія этого легкаго рода, достойныя презрѣнія, еслибы не было въ нихъ вѣрной живописи, краснорѣчія и поэзіи, еслибы въ нихъ не были нагромождены катастрофа на катастрофу, невѣроятность на невѣроятность. Значительная часть пьесъ Лопеде-Веги только и замѣчательны плодovitостью изобрѣтенія, безпрестанно находившаго новую пищу и расточавшаго чудеса.

Шекспиръ, гибкій умъ котораго принималъ всѣ драматическія формы, бывшія въ модѣ у его современниковъ, написалъ только двѣ пьесы по этой грубой выкройкѣ; одна изъ нихъ — *Перикль*, старая канва, передѣланная имъ въ ранней молодости, другая — *Зимняя сказка* (*Winter's Tale*), пьеса невѣроятная, гдѣ талантъ его, созрѣвшій съ го-

дами, оставилъ болѣе глубокой отпечатокъ. Смысль, недостающей плану этихъ двухъ драмъ, проявляется въ подробностяхъ: это наивная добродѣтель, торжествующая надъ судьбою; превосходство врожденныхъ дарованій надъ приобретенными; благородство души въ борьбѣ съ судьбою. Шекспиръ занимается здѣсь только блестящею и фантастическою поверхностью событій; быстрая кисть его набрасываетъ очерки ихъ нрвратностей; въ обширной картинѣ міра онъ видитъ только рядъ странныхъ явленій. Поэтъ приближается къ испанскимъ драматургамъ и, подобно имъ, является то лирическимъ, то страстнымъ, но всегда живымъ въ своихъ картинахъ.

Несвязность плана, заимствованнаго изъ готической легенды, искупается патетизмомъ отдѣльныхъ сценъ и созданіемъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ, удивительныхъ наивною и прелестью. Въ *Перикль*, мужъ садится на корабль съ беременною женою, и она умираетъ въ бурю. Эта смѣсь горести и предстоящей опасности, судороги природы и сердца выражены съ высокою простотою.

Въ *Зимней сказкѣ* также весь интересъ сосредоточенъ на роли дѣвушки. *Пердита* — пастушка скромная и страстная, нѣжная и гордая, въ младенчествѣ своемъ была занесена въ дикій лѣсъ однимъ старикомъ, которому отецъ приказалъ избавить его отъ ребенка. Исполняя эту печальную обязанность, старикъ произноситъ слѣдующія трогательныя слова: «Бѣдная крошка! да улыбнется тебѣ судьба!.. Вотъ начинается гроза... Бѣдняжка, брошенная въ жертву холоду и голоду!.. Прости, прости! Мнѣ должно сдержать свою клятву. День темнѣетъ, наступаетъ ночь!.. Несчастное дитя, какъ сурово будутъ убаюкивать твой сонъ!» Такъ начинается жизнь бѣдствій, возбуждающая глубокое участіе.

Съ шестнадцатаго столѣтія, горизонтъ нашъ расширился. Въ исторіи отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ мы видимъ уже не случайность, но результаты тайныхъ и глубокихъ причинъ. Должно-ли теперь брать въ образецъ фантастическія созданія, которыя Шекспиръ заимствовалъ у народнаго вкуса и на которыя онъ разлилъ такую прелесть? Нѣтъ, это значило-бы забыть цѣль и самую сущность драматическаго искусства. Ничто такъ не дѣйствительно, какъ драма она вытекаетъ изъ нравовъ народа, для котораго написана, и возвращаетъ ему то, что отъ него заимствовала. Шекспиръ, какъ Эсхиллъ или Эврипидъ — любопытный предметъ изученія, но не слѣпаго подражанія. Какъ англійскій писатель почерпалъ въ сказкахъ древнихъ вѣковъ, въ лѣтонисяхъ и современныхъ понятіяхъ, богатства, оплодотворенныя имъ, драматическія формы обезсмертенныя его гениемъ, — точно такъ и мы

должны искать своихъ средствъ въ обществѣ, живущемъ вокругъ насъ; намъ должно копировать теперь не Шекспира, не Сенеку, но воспроизводить жизнь, общество, существующій міръ.

III.

Два веронскіе дворянина. — Цимбелинъ. — Какъ вамъ угодно.

Удивительное разнообразіе формъ, въ которыя Шекспиръ облакалъ свою мысль, соответствуетъ разнороднымъ вкусамъ его эпохи, — старой и молодой, наивной и педантической. Утонченности итальянской цивилизаціи, предметъ всеобщаго подражанія, эмальировали узорами основу варварства; воспоминанія дурно-понятой древности сливались съ преданіями среднихъ вѣковъ.

Эти послѣднія, проистекая изъ національнаго и христіанскаго источника, составляли народный элементъ. Науки и подражаніе древнимъ жили въ глубинѣ монастырей: это была искусственная и ученая часть литературы. Шекспиръ, отражая въ своихъ драмахъ всѣ современные мысли, далъ имъ выраженіе и живую, вѣчную форму. Южныя феи, сверкающая пронія Аріоста, играютъ во *Снѣ въ Иванову ночь*. Сѣверныя вѣдьмы направляютъ фатализмъ, носящійся надъ Макбетомъ; испанскія новеллы и легенды подсказали странныя произведенія, въ которыхъ движется умъ, алчущій приключеній, и является со всѣми прихотями, надъ которыми господствуетъ случай. Мы недавно останавливались на послѣднихъ, близко подходящихъ къ испанскому театру: событія встрѣчаются въ нихъ, сталкиваются, играютъ, какъ лучи солнца, отражаемые гладкою поверхностью, разсѣкаютъ пространство съ ослѣпительною быстротою, выраженной Виргиліемъ въ извѣстныхъ каждому стихахъ:

Sicut aquae tremulum, labris ubi lumen aenis, и проч.

Очерки эти, легкіе и дивно-прозрачныя, замѣчательны только по своимъ подробностямъ.

Сюжетъ взятъ, безъ всякой перемѣны, изъ старинныхъ народныхъ романовъ. Вся исторія *Пердитты*, героини *Зимней Сказки*, заключается въ древнихъ валлійскихъ поэмахъ, и если точно прослѣдить за историческою капителью любаго чудеснаго приключенія, которымъ воспользовался Шекспиръ, то увидимъ, что это не болѣе какъ басня, арранжированная бардами, пересочиненная жонглерами, предѣланная какимъ-нибудь сочинителемъ балладъ.

Другое употребленіе фантастическаго рода, другое видоизмѣненіе драмы, въ которой Шекспиръ отказывается отъ истины дѣйствитель-

наго міра — пьесы пасторальныя, еще болѣе заслуживающія вниманія. Философскій геній поэта сильно выразился въ нихъ, и оригинальная канва этихъ произведеній происходитъ отъ одной изъ самыхъ поразительныхъ странностей того времени, въ которое писалъ поэтъ. Во Франціи только-что замерла лига; въ Англии, Генрихъ VIII и дочь его Елисавета старались всѣми средствами удержать на своей головѣ англиканскую тиару. Люди, закованные въ броню, привыкшіе къ богословскимъ спорамъ, къ итальянскому коварству и приключеніямъ лагерной жизни, увлекались, посреди пламени и дыма костровъ, живою страстью къ идилліи и эклогѣ. Казалось, что эти мечты о мирномъ счастьи утѣшали ихъ въ дѣйствительныхъ бѣдствіяхъ и что потребность равновѣсія, отъ которой не можетъ отказаться человѣческой умъ, бросала ихъ изъ кроваваго, кипѣвшаго вокругъ нихъ міра въ прелестный міръ пастушества. Д'Обиньё, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ и самыхъ истинныхъ писателей своего вѣка, видѣлъ, говоритъ онъ, «какъ другъ его, храбрый рыцарь, будучи раненъ въ схваткѣ, присѣлъ на берегъ ручья, и тамъ вырѣзалъ на корѣ буквъ имя своей возлюбленной, и вздыхалъ о ней въ элегіи». Эта странная смѣсь воинственныхъ правовъ и пастушеской нѣжности произвела *Диану* Монтемаіора, *Галатею* Сервантеса, латинскую *Аркадію* Санназара, англійскую *Аркадію* Сиднея, и *Астрею* Дюрфё, въ сущности французскую Аркадію — и все это имѣло успѣхъ. Посреди политическихъ потрясеній, странная и таинственная реакція, вдругъ возродившая идиллію, и даже любовный платонизмъ Петрарки, разлила пасторальную безцвѣтность на всѣ образованныя страны, на всѣ европейскіе дворы. Въ то время считали образцомъ совершенства произведеніе, въ которомъ, подъ полуроманическими, полусельскими красками, писатель аллегорически разглагольствовалъ о политикѣ шестнадцатаго столѣтія. Лучшіе умы — Ту, Монтень, Бэйкъ, Сервантесъ — увлеклись общимъ вкусомъ. Королева Елисавета писала пастушескіе сонеты, которые называли современники «медовыми» (honey'd sonnets), и въ нихъ она дѣйствительно выражается языкомъ пастушковъ. Иногда впрочемъ она забываетъ Петрарку и дѣлается строгою Елисаветою: «Мечъ (говоритъ она въ послѣдней строфѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ сонетовъ), мечъ мой долго отдыхалъ; но пусть явятся честолюбцы, пусть изгнанники изъ другихъ царствъ попробуютъ бросить якорь въ моемъ, нетерпящемъ такихъ гостей, — и я снова испытаю на нихъ ржавый клинокъ моей шпаги». Въ другомъ мѣстѣ, королева опять говоритъ тономъ пастушки, и эта противоположность бросаетъ самый живой свѣтъ на эпоху.

Шекспиръ, находившій во всѣхъ вкусахъ своего времени новые ис-

точники искусства, воспользовался, какъ геніальный человѣкъ, склонностью своихъ современниковъ къ пасторали. Нѣкоторыя изъ его произведеній — очаровательныя картины этого существованія, мирнаго, идеальнаго, мечтательнаго, независимаго; не впадая въ вялость и однообразіе своихъ образцовъ, схватывая философскую сторону этихъ данныхъ, онъ помѣщаетъ возлѣ пастушковъ или въ глубинѣ драмы тревоги дѣйствительной жизни, ея безумное честолюбіе и шумъ: съ одной стороны, природа во всей прелести; съ другой — тысячи условій, налагаемыхъ на насъ обществомъ. Эта первая мысль овладѣла впоследствии Жанъ-Жакомъ Руссо, и ее-то преувеличилъ Шиллеръ въ своихъ *Разбойникахъ*. Она вся выражалась въ *Двухъ веронскихъ дворянахъ*, въ *Цимбелинъ* и *Какъ вамъ угодно*.

Два друга, герои первой изъ трехъ приведенныхъ пьесъ, совершенно различны между собою характерами: одинъ — лукавый, льстецъ, прикрывающій себя всеми добродѣтелями и наружными достоинствами, пользуется большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ; другой — честный и правдивый, подвергается участи людей, незнакомыхъ съ полезною наукой общежитія. Разбойники (oulews) встрѣчаютъ изгнанника, грабятъ, и, удивленные его мужествомъ, предлагаютъ ему выбрать одно изъ двухъ: или погибнуть или сдѣлаться ихъ предводителемъ. Всѣ эти приключенія были-бы скучны, еслибъ авторъ не набросалъ ихъ слегка, и еслибъ любовныя интриги, опасности, которымъ подвергается дѣвушка, переодѣтая пажемъ, печаль покинутой возлюбленной и прощеніе, которое она даетъ раскаявшемуся измѣннику, не прикрывали темнаго фона картины пріятнымъ лоскомъ.

Эта жизнь въ лѣсахъ и на поляхъ, наперерывъ прославляемая поэтами, является только издали въ *Двухъ веронскихъ дворянахъ*. Она занимаетъ наибольшую часть въ *Цимбелинъ*, пасторальной трагедіи и романѣ, основанномъ на интригѣ. Поэту захотѣлось представить, со всемъ развитіемъ краснорѣчія, счастье людей, которые оставляютъ общество, чтобъ наслаждаться благами природы. Два молодые принца, воспитанные въ пустынѣ мудрецомъ Белларіемъ, не знаютъ своего происхожденія; однакожь простодушный героизмъ, стремленіе къ славѣ и величію обнаруживаются въ каждой ихъ рѣчи. Имогена, героиня пьесы, лицо съ идеальной прелестью и невинностью, подвергается опасностямъ. Блуждая по лѣсу, она приближается въ мужскомъ платьѣ, въ пещерѣ, въ которой живутъ принцы. Молодые люди, никогда не видавшіе своего отца, воспаляются самою трогательною дружбой къ таинственному гостю, посланному къ нимъ Небомъ. Эта сердечная нѣжность, ничѣмъ не возмущаемая, безкорыстная, тихая, исполнена прелести, удивительно согласной съ тишиною дикаго уединенія, въ которомъ живутъ Арвирагъ и его братъ. Охотничьи сцены придають движеніе этой части пьесы.

Цимбелинъ соединяющій въ себѣ интересъ запутанныхъ романовъ, испанскихъ драмъ, самыхъ dokonченныхъ картинъ нравовъ, нѣжнѣйшей лирической пасторали и глубочайшаго философскаго размышленія, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ числу образцовыхъ созданій Шек-

спира. Интрига здѣсь до того полная, ясная и быстрая; законы драматической перспективы такъ вѣрны, грустный полусвѣтъ разливаешь столько гармоніи и нѣжности на совокупность пьесы, что она можетъ тронуть самую непоэтическую душу.

Шекспиръ, подобно современникамъ, также вздумалъ создать свою Аркадію, пьесу подъ заглавіемъ: *Какъ вамъ угодно*. Эта драма безъ интриги, пастораль безъ пошлости, сатира безъ горечи — самое оригинально произведеніе новѣйшей сцены. Король изгнанный похитителемъ власти и молодой человѣкъ, у котораго отняли наслѣдственное имущество, сходятся въ арденскомъ лѣсу. Таже мысль, какую мы замѣтили въ *Двухъ веронскихъ дворянахъ* и *Цимбелинъ*, здѣсь получила полнѣйшее развитіе. Никто, до Шекспира, не изображалъ такъ краснорѣчиво, съ такою живостью и наивностью, свѣжесть лѣсовъ, деревенское спокойствіе, блаженство лѣни, прелесть невозмутимой жизни. Драму эту должно читать вдаль отъ города, подъ конецъ прекрасной осени, гдѣ-нибудь въ обширномъ и уединенномъ лѣсу, когда подъ ногами хрустятъ сухіе и желтые листья. Тогда-то вполне поймешь союзъ шекспирова генія съ природой; сроднишься съ очаровательными образами безмятежной жизни, куда не проникаютъ шумъ интригъ и людскія горести. У обитателей лѣса нѣтъ ни стѣнныхъ, ни карманныхъ часовъ; какъ жители острова Бурбона, въ романѣ Бернардень де-Сень-Пьера, они узнаютъ время по ходу солнца, живутъ не для знанія, не для славы, но для блаженства. Сладостная мечтательность, упоительное созерцаніе наполняютъ ихъ мысли и душу; философская снисходительность, глубокое сожалѣніе къ житейскимъ тревогамъ дышатъ подъ этою густою тѣнью, въ этомъ благодатномъ убѣжищѣ, гдѣ забыто все, кромѣ доброты, нѣги и любви.

Отдаленное эхо бурнаго свѣта доходитъ, какъ шумъ волнъ, до порога уединенія, и, прислушиваясь къ этому шуму, изнанники находятъ свое положеніе еще пріятнѣе. По временамъ, гвалтъ охоты, звукъ роговъ, вздохи любви оживляютъ пѣйзажъ.

Шекспиръ не замжуривался передъ смѣшною стороною этого мягкаго и мечтательнаго существованія, которое, по-видимому, согласовалось съ собственными его наклонностями*. Два дѣйствующія лица, безумецъ и философъ, поражаютъ своими преувеличеніями химеры, вызванныя по-этомъ. Шутъ, по имени Тоумстонъ, насмѣхается надъ воздушными претензіями прочихъ актеровъ, особенно надъ восторгами сладенькой любви; выбираетъ себѣ въ Дульцинеи самую некрасивую пастушку, идеализируетъ ее, украшаетъ всеми сокровищами красоты, и прогуливается съ своею проницательною любовью по лѣсу, между другими пастухами.

Что касается философа Жака, *melancholy Jaques*, это добрый человѣкъ, болѣе достойный сожалѣнія, нежели насмѣшки: это шекспировъ Мизантропъ.

* Шекспиръ, будучи сорока восьми лѣтъ, удалился въ свой маленькій домикъ въ Страффордъ-на-Авонѣ, и уже болѣе не выходилъ изъ него.

МЕМУАРЫ.

ЭДГАРЪ ЭЛЛЕНЬ-ПОЭ.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЙ ПОЭТЪ.

СТАТЬЯ

Шарля Боделера.

На литературномъ поприщѣ часто встрѣчаются люди, у которыхъ какъ будто написано на лбу таинственное слово *несчастіе*. Нѣсколько лѣтъ тому предъ судилище былъ приведенъ одинъ несчастный, у котораго была подобная-же надпись: «нѣтъ успѣха.» Эта надпись объясняла преимущественный характеръ его жизни, какъ заглавія книгъ объясняютъ сущность ихъ содержанія: по изслѣдованіи дѣла, судьи нашли, что жизнь этаго страннаго человѣка дѣйствительно согласовалась съ его ерлыкомъ. Въ литературномъ мірѣ, счастье распредѣляется такимъ же образомъ. Чего не дѣлалъ Гофманъ, чтобы обезоружить судьбу? Чего не предпринималъ Бальзакъ, чтобы задобрить фортуны? И въ то самое время, когда Гофманъ уже могъ не чувствовать прежнихъ лишеній, когда книгопродавцы наперерывъ старались пріобрѣтать его фантастическіе рассказы, когда онъ успѣлъ составить себя бібліотеку, о которой такъ давно мечталъ, въ то самое время онъ содѣлался жертвою лютой болѣзни. Бальзакъ стремился

всю жизнь къ достиженію трехъ вещей: во первыхъ, ему хотѣлось сдѣлать правильное и полное изданіе своихъ сочиненій; во вторыхъ онъ желалъ расплатиться съ долгами и въ третьихъ, онъ постоянно улаждалъ себя мыслию о вступленіи въ бракъ съ любимою женщиною: наконецъ, благодаря неимовѣрнымъ трудамъ, которые своею громадностію могли бы утратить людей самыхъ трудолюбивыхъ и честолюбивыхъ, Бальзакъ достигъ желаемыхъ цѣлей: сочиненія его были изданы, долги — уплачены, бракъ — состоялся. Безъ всякаго сомнѣнія, Бальзакъ былъ на верху счастья: Но долго-ли онъ наслаждался полнымъ успѣхомъ? Послѣ долгой и мучительной болѣзни Бальзакъ умеръ.

Такимъ образомъ, одни изъ этихъ людей, которыхъ мрачный и отчаянный гений наводитъ на васъ невольный страхъ, какъ будто, съ преднамѣреніемъ были брошены slučajемъ среди самыхъ враждебныхъ элементовъ. Другіе, съ душою нѣжной и чувствительной, утонченные Вовенарги, медленно развиваютъ свои болѣзненные силы среди удушливой атмосферы труда и заботъ. Не рѣдко сердца, пламенющія любовію къ природѣ, къ чистому воздуху, должны изнывать за тяжелыми затворами. А сколько комическихъ, смѣтливыхъ талантовъ, которыхъ смѣхъ впрочемъ иногда походить на судорожную икоту или на плачь, были посажены судьбою за письменный столъ какой нибудь конторы, рядомъ съ посредственностію? И такъ, неужели эти свѣтлыя души, посвящающія все свое стремленіе на пользу общую, должны на пути своемъ, постоянно приносить самихъ себя въ жертву? Тщетны усилія ихъ къ собственной оборонѣ, тщетны ихъ предосторожности, тщетно благоразуміе. Запремъ плотнѣе все входы, замкнемъ двери на двойной замокъ, закупоримъ окна; но мы забыли приэтомъ задѣлать скважину въ замкѣ, и духъ зла уже проникъ въ наше убѣжище.

Leur chien même les mord et leur donne la rage.

Жизнь Эдгара Поэ представляетъ самую плачевную трагедію, которой мрачная развязка усиливается тривіальностію. Собранные нами документы, послужившіе источникомъ этой статьи, тщательно изслѣдованные, породили въ насъ убѣжденіе, что Соединенные Штаты были обширною западною для Эдгара Поэ, и что всю жизнь свою онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы вырваться изъ этой ненавистной ему атмосферы. Въ одномъ изъ этихъ біографическихъ документовъ сказано, что еслибы Поэ принаравливалъ свои дарованія болѣе къ характеру Американцевъ, то былъ бы всегда при деньгахъ или такъ сказать, денежнымъ авторомъ, а *making-money-author*; далѣе сказано, что въ настоящее время всякій даровитый человѣкъ найдетъ себѣ кусокъ хлѣба, нужно только быть экономнымъ и добропорядоч-

нымъ, и умѣть съ расчетомъ пользоваться матеріальными благами. Въ другомъ мѣстѣ, такой же критикъ утверждаетъ безстыднымъ образомъ, что какъ ни великъ былъ геній Поэ, все таки ему было бы выгоднѣе пользоваться славою таланта, а не генія, потому что таланту легче платить. Въ одномъ примѣчаніи, которое мы тотчасъ узнаемъ, сказано, что очень выгодно было имѣть Поэ сотрудникомъ журнала: онъ писалъ высокимъ слогомъ, такъ ему можно было платить меньше, чѣмъ другимъ. Все это напоминаетъ намъ старинную англійскую пословицу: *thy, if you can, but make money. * make money, my son, hopes*

Если вамъ случайно прійдется столкнуться съ Американцемъ и вы станете съ нимъ говорить о Поэ, онъ непременно признаетъ его за генія. Можетъ быть даже онъ съ гордостію будетъ повторять имя этаго поэта, но въ заключеніе непременно скажетъ довольно важнымъ тономъ: *но я самъ,—человѣкъ положительный*; и съ сардоническою улыбкою начнетъ осуждать тѣ великіе умы, которые не знаютъ бережливости: при этомъ онъ изобразитъ передъ вами картину безпорядочной жизни Поэ, произнесетъ нѣсколько словъ объ его алькоолическомъ дыханіи, которое легко могло воспламениться при первомъ приближеніи къ зажженной свѣчкѣ, объ его странныхъ привычкахъ; онъ скажетъ вамъ, что это былъ самый безпорядочный челоѣкъ, какая-то блуждающая планета, что онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ Нью-Йорка въ Филадельфію, изъ Бостона въ Балтиморъ, изъ Балтимора въ Ричмондъ. И если вы не выдержите всей этой болтовни, если, по духу справедливости, вы возстанете противъ этой клеветы,—вы увидите какими огненными молніями засверкаютъ глаза Американца; губы его покроются пѣною раздраженнаго патріотизма, и можно сказать, что вся Америка его устами будетъ изрыгать свое негодованіе противъ метафизика и противъ всей Европы. Чтобы не удивляться этому, должно знать характеръ Американца: Американецъ существо положительное, горящее своимъ промышленнымъ могуществомъ и древнимъ материкомъ. У него нѣтъ времени на состраданіе къ поэту, который едва не лишился разсудка отъ горестей и одиночества. Американецъ такъ напыщенъ своимъ еще младенческимъ величіемъ, онъ такъ просто-душно вѣруетъ въ могущество своей торговли, онъ такъ убѣжденъ, что со временемъ восторжествуетъ надъ всѣми препятствіями, что на поэзію смотритъ какъ на пустые бредни. Онъ, такъ сказать, готовъ попить ногами одинокія страдальческія души, какъ его желѣзные рельсы по-

* Добывай денги, мой сынъ, честнымъ образомъ добывай, но только непременно добывай!

пирають иногда срубленный лѣсъ, или какъ его чудовищная лодка попираетъ обломки обгорѣлаго судна. Онъ торопится достигнуть своихъ цѣлей: т. е. успѣха и денегъ.

Не много ранѣе того времени, какъ Бальзакъ, жалуясь на судьбу, лишаящую его возможности довершить похвальныя намѣренія, сошелъ въ могилу, Эдгаръ Поэ, имѣвшій много общаго съ Бальзакомъ, также сдѣлался жертвою самой лютой смерти. Франція потеряла въ Бальзакѣ одного изъ величайшихъ геніевъ, Америка утратила въ Поэ романиста, критика, философа, который былъ созданъ не для нея. Многие еще не слыхали о кончинѣ Эдгара Поэ, другіе представляютъ его себѣ молодымъ фельетонистомъ, который брался за перо только въ минуты праздныхъ отдохновеній, и зналъ литературную жизнь только со стороны самаго полного и блистательнаго успѣха. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ было совершенно противное.

Г. Поэ принадлежалъ къ семейству чрезвычайно уважаемому и извѣстному въ городѣ Бальтиморѣ. Отецъ его былъ quarter-master-general*. Лафайеттъ питалъ къ нему особенное уваженіе и дружбу. Въ послѣдній пріѣздъ его въ городъ Бальтиморъ, онъ посѣтилъ вдову Поэ и увѣрялъ ее въ своей дружбѣ и признательности за тѣ услуги, какія оказалъ ему ея покойный мужъ. Прадѣдъ Поэ былъ женатъ на дочери англійскаго адмирала Макъ-Брида. Отецъ Поэ получилъ обширное образованіе. Пламенно влюбившись въ молодую, прелестную актрису, онъ увезъ ее и женился на ней. Чтобы еще ближе связать судьбу свою съ нею, онъ также рѣшился посвятить себя театру. Но какъ они оба не имѣли дарованій для сцены, то должны были проводить жизнь въ нуждѣ и лишеніяхъ. Жена его еще имѣла то преимущество, что она была красавица, и публика, восхищаясь ея красотой, забывала недостатки ея игры. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ, они прибыли въ городъ Ричмондъ и оба тамъ умерли, нѣсколько дней спустя одинъ послѣ другаго. Чрезмѣрные лишенія и крайняя нищета были причиною ихъ смерти.

Вотъ какимъ образомъ Эдгаръ Поэ, этотъ маленькій несчастливецъ, остался на произволъ судьбы, безъ хлѣба, безъ пристанища, безъ покровителей, хотя природа щедро надѣлила его своими дарами. Богатый негоціантъ города Бальтимора, г. Элленъ, сжалился надъ бѣднымъ малюткой: плѣнившись красотой маленькаго Эдгара, онъ взялъ его въ свой домъ, и наконецъ рѣшился усыновить. Эдгаръ Поэ воспитывался въ полномъ довольствѣ и получилъ самое блестящее образованіе.

* Начальникъ Главнаго Штаба и Интендантъ.

Въ 1816 году онъ послѣдовалъ за своимъ благодѣтелемъ въ Англію, Ирландію, Шотландію. На возвратномъ пути Элленъ оставилъ его у доктора Брандсеба, содержавшаго обширное воспитательное заведеніе въ *Стокъ-Невингтонъ*, недалеко отъ Лондона. Въ этомъ заведеніи Эдгаръ оставался безъ малаго пять лѣтъ.

Всѣ, кто только размышлялъ о собственной жизни, или переносился мыслию въ прошедшее, для того, чтобы сличать его съ настоящимъ, всѣ тѣ, которые усвоили себѣ привычку психологически изслѣдовать движенія собственной души, легко согласятся, что образованіе генія во многомъ зависитъ отъ впечатленій молодости. Эти впечатленія глубоко запечатлѣваются въ юномъ и воспримчивомъ воображеніи; въ дѣтствѣ всѣ краски кажутся яркими и каждый звукъ отзывается чѣмъ-то таинственнымъ.

Характеръ, дарованіе, слогъ писателя вполне образуются подъ вліяніемъ этихъ впечатленій, повидимому, очень, обыкновенныхъ. Если-бы всѣ люди, игравшіе не послѣднюю роль на поприщѣ міра, вели журналы впечатленій ихъ дѣтства, то мы имѣли-бы превосходнѣйшій психологическій словарь. Образы и мысли Эдгара Поэ вышукло отгѣняются между произведеніями американской литературы. Соотечественники почти не признаютъ его американцемъ, а между тѣмъ, положительно можно сказать, что онъ не англичанинъ. Вотъ почему мы должны съ удовольствіемъ сообщить читателю о сдѣланномъ нами открытіи одного изъ его рассказовъ, въ числѣ множества другихъ. Этотъ рассказъ, подъ заглавіемъ *Вилльямъ Вильсонъ* (William Wilson), заключаетъ въ себѣ замѣчательное повѣствованіе о пребываніи Поэ въ *Стокъ-Невингтонской* школѣ. Всѣ рассказы Эдгара Поэ имѣютъ характеръ біографическій. Въ его произведеніяхъ всегда отражается онъ самъ. Описываемыя имъ событія и лица составляютъ только обстановку его собственныхъ воспоминаній. Названный нами рассказъ мы представляемъ здѣсь въ переводѣ.

«Самыя цвѣтушія воспоминанія о моей школьной жизни тѣсно переплетаются съ представленіемъ обширнаго дома въ Елисаветинскомъ стилѣ, въ одной изъ туманныхъ деревень Англіи, гдѣ находится множество гигантскихъ и сучковатыхъ деревьевъ, и гдѣ всѣ дома отличаются глубокою древностію. Дѣйствительно, этотъ почтенный старинный городокъ имѣлъ видъ фантасмагорическій и представлялся воображенію, какъ мечта поэта. Миѣ кажется, что и въ настоящую минуту я еще чувствую пріятную прохладу его тѣнистыхъ аллей; какъ будто вшиваю въ себя ароматическую влагу испареній отъ пышныхъ лѣсовъ и садовъ, какъ будто вижу передъ собою величественную готическую колокольню,

одѣтую мглою тумановъ и съ какимъ-то сладостнымъ трепетомъ прислушиваюсь къ гулу знакомаго колокола, который нѣкогда, каждый часъ, своими мѣрными и торжественными ударами, нарушалъ спокойную тишину живописной окрестности.

«Я съ особеннымъ наслажденіемъ предаюсь теперь этимъ мелочнымъ воспоминаніямъ о моей школьной жизни. Бѣдственное мое положеніе даетъ мнѣ право думать, что я не могу подлежать суду критики за то, что мое сердце находитъ отраду въ этихъ легкихъ и быстро мелькающихъ воспоминаніяхъ. Притомъ, какъ-бы они ни были ничтожны сами по себѣ, по моимъ понятіямъ, они заслуживаютъ особеннаго вниманія по причинѣ ихъ сродства съ послѣдующими обстоятельствами, имѣвшими вліяніе на пасмурную судьбу всей моей жизни. И такъ, позвольте-же мнѣ предаться моимъ воспоминаніямъ.

«Домъ, занимаемый нашимъ заведеніемъ, какъ я уже замѣтилъ, имѣлъ наружность ветхаго и неправильнаго строенія. Мѣстность его пригосудевъ была довольно обширна и со всѣхъ сторонъ обнесена каменною стѣною, покрытою сверху толстымъ слоемъ извести и толченаго стекла. За черту этого забора, никто изъ насъ не смѣлъ переступить: это была граница нашимъ прогулкамъ. Только три раза въ недѣлю мы вырывались изъ за этой ограды: во-первыхъ, каждую субботу намъ дозволялось общемою гурьбою прогуливаться по сосѣднимъ дачамъ, подъ приглядомъ двухъ воспитателей. Потомъ, въ воскресенье утромъ и вечеромъ, мы отправлялись въ строгомъ порядкѣ, въ единственную церковь нашей деревни. Содержатель нашей школы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникомъ этой церкви. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ удивленія и недоумѣнія устремлялъ я на него мои взоры со смиренной скамьи, на которой обыкновенно насъ сажали, въ то время, когда онъ медленнымъ и торжественнымъ шагомъ переступалъ по ступенямъ кафедры. Мнѣ казалось непостижимымъ, что этотъ почтенный старецъ, съ кроткою и важною наружностію, облеченный въ лоснящуюся и роскошно волнующуюся рясу, въ тщательно наудренномъ парикѣ, тотъ самый человекъ, который за часъ передъ этимъ, сидя въ классахъ, съ линейкою въ рукахъ приводилъ въ исполненіе Драконовы законы школы!

«Въ одномъ изъ угловъ капитальной стѣны нашего заточенія грозно рисовалась довольно массивная дверь; она была вся испещрена гвоздями и сдѣлана съ огромнымъ запоромъ и желѣзными иглами на верху. Какое-то непостижимое чувство страха неволью пробуждалось въ сердцахъ при взглядѣ на эту дверь! Она была почти всегда заперта и отворялась только три раза въ недѣлю, для извѣстныхъ уже выходовъ и возвращеній. Всякій разъ, когда она скрипѣла на своихъ громадныхъ петляхъ,

это скрипѣніе отзывалось чѣмъ-то таинственнымъ и въ душѣ возникалъ цѣлый міръ самыхъ величественныхъ и меланхолическихъ мечтаній.

«Обширная ограда около нашего заведенія имѣла неправильную форму и раздѣлялась на многія части, изъ которыхъ три или четыре самыя большія составляли садъ, предназначенный для нашихъ рекреационныхъ прогулокъ. Этотъ садъ былъ выровненъ довольно гладко и вымощенъ мелкимъ камнемъ. Я очень хорошо помню, что въ немъ не было ни деревьевъ, ни скамеекъ и ничего въ этомъ родѣ; онъ былъ расположенъ позади дома. Противъ фасадной стороны зданія находился небольшой паркъ, усаженный буковыми деревьями и другими кустарниками; но мы удостоивались проходить чрезъ этотъ завѣтный оазисъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ на примѣръ, при первоначальномъ прибытіи въ школу, или при выпускѣ; или когда мы отправлялись къ роднымъ на праздникъ Рождества Христова, или на ваканціи около праздника Святаго Іоанна.

«Но что сказать о самомъ домѣ? О, какая это была чудная старинная архитектура! На мои глаза онъ представлялся какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Казалось, нельзя было исчислить всѣхъ его затѣйливыхъ очертаній и поворотовъ. Съ перваго взгляда на зданіе нельзя было рѣшительно сказать, который изъ его двухъ этажей опирался на другой. При переходѣ изъ одной комнаты въ другую на вѣрное можно было встрѣтить необходимость или подняться нѣсколько ступеней вверхъ или спуститься нѣсколько ступеней ниже. Боковые корридоры были безчисленны и совершенно непостижимы, они изгибались по разнымъ направленіямъ и потомъ часто извивались по обратному направленію, такъ, что имѣть полное и ясное понятіе о цѣломъ зданіи было такъ-же трудно, какъ имѣть ясное понятіе о безконечномъ пространствѣ. Въ продолженіе пяти лѣтъ моего постоянного пребыванія въ заведеніи, я никогда не былъ въ силахъ съ точностію опредѣлить, въ какой части зданія находился маленькій дортуаръ, предназначенный для меня, вмѣстѣ съ восемнадцатью или двадцатью другими воспитанниками.

«Зала для занятій была самая обширная въ домѣ, и я нисколько не затрудняясь предполагалъ, что обширнѣе ея не могла быть ни одна зала въ мірѣ. Она была очень длинна, узка и отвратительно низка; окна въ ней имѣли стрѣльчатую форму, а потолокъ былъ сдѣланъ изъ дубоваго дерева. Въ отдаленномъ углу этой залы, находилась небольшая комнатка, имѣвшая квадратную форму и занимавшая отъ восьми до десяти футовъ пространства. Эта комнатка своею таинственностію навела на насъ невольный трепетъ. Въ ней нашъ начальникъ, почтенный

докторъ Брандсбей иногда просиживалъ по нѣскольку часовъ. Комнатка эта запиралась довольно массивною дверью и въ отсутствіе нашего со-держателя мы-бы согласились лучше умереть самою лютою смертію, чѣмъ рѣшиться ее отворить. Въ другихъ мѣстахъ залы находились подобныя-же мѣста, однако далеко не внушавшія такого уваженія, какъ первое, хотя они также были предметомъ не меньшаго страха. Первое изъ этихъ двухъ мѣсть была кафедра учителя классическихъ наукъ, другое было предназначено для кафедры учителя математики и англійскаго языка. Посреди залы въ безконечномъ безпорядкѣ находились скамейки и пюпитры, черные, старые, ветхіе, пострадавшіе подъ тяжестью книгъ и подъ вліяніемъ перочиннаго ножа, начертившаго на ихъ поверхности всевозможныя украшенія, начиная отъ заглавныхъ литеръ и оканчивая затѣйливыми фигурками, такъ, что и безъ того ихъ жалкая первоначальная форма совершенно теряла свое индивидуальное значеніе. Въ одномъ концѣ залы находилась огромная кадка съ водою, а въ другомъ стояли стѣнные часы, самого изумительнаго размѣра.

«Находясь въ стѣнахъ этой почтенной академіи, я проводилъ третіе пятилѣтіе моей жизни безъ малѣйшей скуки и отвращенія. Дѣтскій мозгъ такъ плодотворенъ, что ему не нужно искать развлеченія въ забавахъ міра, для того, чтобы находить пищу для занятій и для веселья. И повидимому монотонная жизнь въ школѣ, для меня была исполнена самыхъ сильныхъ побужденій къ разнородной дѣятельности, чего въ послѣдствіи, въ моей ранней молодости, я тщетно старался отыскать въ тревоженіяхъ страсти и удовольствій, или въ зрѣломъ возрастѣ въ планахъ къ достиженію счастія. И такъ, должно-ли предполагать, что мое умственное развитіе имѣло мало общаго съ обыкновенными условіями этого процесса, или что оно даже совершенно выходило изъ обыкновеннаго порядка. По большей части, происшествія дѣтства остаются въ памяти человѣка слабое впечатлѣніе, когда онъ уже достигнетъ зрѣлаго возраста. Они представляются его уму въ какомъ-то смутномъ видѣ, или имѣютъ характеръ едва мерцающихъ воспоминаній, или какого-то несвязнаго хаоса разнородныхъ удовольствій и фантазматическихъ видѣній. Со мною было не такъ. Должно быть, еще ребенкомъ, я умѣлъ чувствовать съ энергіею взрослого человѣка, потому-что все впечатлѣнія этого отдаленнаго возраста такъ сильно и отчетливо запечатлѣлись въ моей памяти, что ихъ можно весьма правильно угодобить вырѣзкамъ на кароагенскихъ медаляхъ.

«Если разсматривать эти происшествія дѣтства въ значеніи *факта* (я принимаю здѣсь слово *фактъ* въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимаютъ его свѣтскіе люди), то какая бѣдная жатва предста-

вится для воспоминанія! утро, вечеръ, пробужденіе и часъ ложиться спать; заданные уроки, репетиціи, переодическіе отпуска, прогулки, рекреационные часы, неизбѣжныя распри съ товарищами, школьныя игры, интриги; но все это, уже давно забытое, по весьма естественному техническому закону, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило къ тому, чтобы породить въ душѣ цѣлое море разнородныхъ ощущеній, цѣлый міръ фантастическихъ происшествій, цѣлый хаосъ многообразныхъ движеній души и самыхъ страстныхъ и лихорадочныхъ ея побужденій. «Oh le beau temps, que ce siècle de fer!»

Что вы скажете объ этомъ отрывкѣ? Не угадываете-ли вы изъ него, хотя приблизительно, характеръ этого необыкновеннаго человѣка? Что касается до насъ, то намъ кажется, что въ этомъ изображеніи школьной жизни таится содроганіе при воспоминаніи объ мрачныхъ годахъ затворничества. А между-тѣмъ, Эдгаръ Поэ пишетъ въ такомъ духѣ, какъ-будто онъ не испыталъ всей тяжести годовъ затворничества, всей болѣзненности несчастнаго и покинутаго дѣтства, не-приятнаго ощущенія боязни, вражды товарищей, грустнаго сиротства сердца, однимъ словомъ, всѣхъ этихъ мучительныхъ страданій юныхъ лѣтъ. Столько причинъ къ грусти — и онѣ не могли его побѣдить. Будучи молодъ, онъ любитъ одиночество, или лучше сказать, онъ не чувствуетъ его; собственныя страсти доставляютъ ему наслажденіе. Плодотворный мозгъ ребенка-Поэ во всемъ видитъ одно пріятное, на все бросаетъ самый яркій колоритъ. Изъ этого тотчасъ можно заключить, что сила воли и самостоятельная гордость будутъ играть важную роль въ его жизни. Еще болѣе! Нельзя развѣ изъ его собственныхъ словъ замѣтить, что онъ любитъ *страданіе*, что онъ какъ-будто вызываетъ къ себѣ будущую подругу своей жизни и выжидаетъ ея появленія съ какимъ-то упоительнымъ равнодушіемъ, какъ юный гладіаторъ? Бѣдный ребенокъ не имѣетъ ни отца, ни матери, а между-тѣмъ онъ счастливъ; онъ даже съ гордостію говоритъ, что воображеніе его полно впечатлѣній, какъ кароагенская медаль.

Въ 1822 году Эдгаръ Поэ возвратился изъ заведенія доктора Брандсеба въ Ричмондъ, гдѣ онъ продолжалъ брать уроки у самыхъ лучшихъ учителей. Въ это время онъ отличался необыкновенною гибкостью и ловкостью тѣла, соединяя въ себѣ съ достоинствами самой оригинальной красоты, силу поэтическаго ума и слишкомъ раннее дарованіе къ фантастическимъ импровизаціямъ. Въ 1825 году, онъ поступилъ въ Виргинійскій университетъ. Здѣсь Эдгаръ Поэ обнаружилъ сильную склонность къ разсѣянной жизни. Однако, онъ успѣлъ скоро заслужить славу отличнаго ученика и оказалъ неимоверныя

успѣхи въ математикѣ. Преимущественно онъ имѣлъ большую способность къ изученію физики и всѣхъ естественныхъ наукъ, что не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, потому—что во многихъ его произведеніяхъ, находятся мѣста, гдѣ онъ пускается въ ученость; при всемъ томъ, Поэ любилъ упиваться дарами земли, играть въ карты и дѣлалъ столько проказъ, что наконецъ былъ выгнанъ изъ университета. Такъ какъ господинъ Элленъ отказался платить за него долги, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ и убѣжалъ въ Грецію. Это была эпоха Бонапарта и освобожденія Эллиновъ.

Къ его счастью помощь американскаго консула Генриха Миддлетона послужила къ его спасенію. Онъ принужденъ былъ возвратиться въ Соединенные Штаты. Въ 1829 году онъ вступилъ въ Вестъ-Поэнскую (de West-Point) военную школу. Въ продолженіе этого времени г. Элленъ, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, успѣлъ жениться на другой женѣ, которая была несравненно его моложе. Эллену было тогда около шестидесяти пяти лѣтъ. Утверждаютъ, что Поэ не любилъ этой новой жены своего благодѣтеля и даже издѣвался надъ неловкимъ супружествомъ своего благодѣтеля. Престарѣлый джентельменъ написалъ къ нему довольно строгое письмо, на которое Поэ отвѣчалъ самыми ѣдкими сарказмами. Оскорбленіе, нанесенное старику было неизгладимо. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, не оставивъ своему приемышу ни одного доллара.

Поэ оставилъ Вестъ-Поэнъ, не кончивъ курса, и тутъ—то начинается плачевная эпоха его жизни. Въ 1831 году, онъ напечаталъ небольшой томикъ своихъ стихотвореній, которыя были весьма выгодно встрѣчены журнальными отзывами; но это изданіе въ продажѣ не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Это вѣчная участь всякой первой книги неизвѣстнаго автора. Одинъ американскій критикъ, нѣкто г. Ловелль говоритъ, что въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, посвященномъ Еленѣ Греческой, разливается ароматъ амброзіи, и что оно нисколько не уступитъ въ своемъ достоинствѣ Греческой антологіи. Въ этомъ стихотвореніи говорится и о никейскихъ ладьяхъ, и о наядахъ, и о славѣ, и о греческой красотѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что все это, при младенческомъ состояніи американской литературы, было только слабымъ подражаніемъ. Справедливо, что гармоническій размѣръ стиховъ Эдгара Поэ и его звучно рифмованныя пятистишія, состоящая изъ двухъ мужескихъ и трехъ женскихъ рифмъ, и тутъ напоминаютъ удачныя попытки французскаго романтизма: но можно усмотрѣть, что въ то время Эдгаръ Поэ еще не достигъ полного развитія своего таланта.

Между—тѣмъ, несчастный труженикъ писалъ уже для журналовъ, дѣлалъ компіляціи и переводы для книгопродавцевъ, сочинялъ блестя-

щія тирады и простыя сказки для обозрѣній. Издатели охотно ихъ по-
кѣщали въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, но они такъ дурно платили
бѣдному поэту, что онъ вскорѣ впалъ въ самую крайнюю ни-
щету. Казалось, онъ такъ низко опустился въ своемъ положеніи, что
могъ слышать *скрытъ дверей смерти*. Однажды одинъ бальтиморскій
журналъ предложилъ двойную цѣну тому, кто напишетъ лучшую поэму
и лучший прозаическій рассказъ. Литературный комитетъ, въ которомъ
засѣдалъ *Джонъ Кеннеди*, долженъ былъ разсматривать предста-
вляемыя произведенія и рѣшить, которое лучше всѣхъ. Между-тѣмъ,
члены комитета ни мало не давали себѣ труда перечитывать сочиненія,
имъ представляемыя; они ограничивались только подписью своихъ именъ,
безъ чего ни одинъ издатель не могъ издавать своего сочиненія. Раз-
говаривая между собою о различныхъ постороннихъ предметахъ, однажды
одинъ изъ членовъ обратилъ вниманіе на рукопись, отличавшуюся весьма
красивымъ почеркомъ и чистотою письма. Должно замѣтить, что Эдгаръ
Поэ, еще при концѣ жизни, обладалъ способностію писать самымъ кра-
сивымъ и чистымъ почеркомъ. Кеннеди невольно прочелъ одну стра-
ницу, и будучи пораженъ пріятностію слога, сталъ читать сочиненіе
громкимъ голосомъ. Комитетъ единогласно присудилъ премію первому
изъ геніевъ, умѣвшему написать свою рукопись *четкимъ почеркомъ*.
Тотчасъ послѣ этого объявленія была разломана печать секретнаго па-
кета и всѣ прочли имя, еще неизвѣстнаго въ то время *Поэ*.

Издатель такъ заманчиво изобразилъ автора г-ну Кеннеди, что тотъ
пожелалъ съ нимъ познакомиться. Жестокая судьба дала Поэ наруж-
ность тощаго поэта. Кеннеди рассказываетъ, что онъ при первомъ сви-
даніи съ Поэ, еще бывшаго во цвѣтѣ молодости, нашелъ его въ самомъ
бѣдственномъ положеніи: лишенія его были такъ велики, что онъ из-
сохъ, какъ скелетъ. На немъ былъ надѣтъ сюртукъ изъ самага
толстаго сукна, застегнутый, по довольно понятнымъ для всякаго
причинамъ, до самого подбородка, панталоны его были изъ лохмотьевъ,
сапоги — изорваны и надѣты на босую ногу, и при всемъ этомъ онъ
имѣлъ довольно гордый видъ, благородныя манеры и глаза, исполненныя
глубокомыслія. Кеннеди говорилъ съ нимъ, какъ съ другомъ, и даже
успѣлъ его оживить. Поэ открылъ ему свое сердце, рассказалъ исторію
всей своей жизни, сознался въ своемъ честолюбіи и въ своихъ проѣктахъ.
Кеннеди рѣшился помочь ему прежде всего въ самомъ необходимомъ:
онъ повелъ его въ магазинъ готовыхъ платьевъ, — къ *ветошнику*, не-
премѣнно сказалъ-бы *Лесаажъ*, — и купилъ ему приличный костюмъ;
потомъ онъ доставилъ ему нѣсколько пріятныхъ знакомствъ.

Около этого времени нѣкто Томасъ Вуптъ (Thomas White), купив-

ший право на издание журнала *Южный Литературный Вѣстникъ*, (Messenger Litteraire du Sud) избралъ Поэ главнымъ редакторомъ, съ жалованьемъ по двѣ тысячи пяти сотъ франковъ въ годъ. Поэ немедленно послѣ этого женился на дѣвушкѣ, которая не имѣла ничего, кромѣ свѣженькаго личика. (Эта фраза вовсе не принадлежитъ намъ; мы даже просимъ читателя обратить вниманіе на этотъ въ нѣкоторой степени презрительный тонъ, который выражается въ словѣ *немедленно*; значить несчастный считалъ себя въ достаточномъ положеніи; этимъ лаконическимъ выраженіемъ американскій біографъ выразилъ все свое хладнокровіе къ столь важному событію въ жизни описываемаго имъ лица.) Утверждаютъ, что около этого времени, Поэ началъ вести невоздержную жизнь; но намъ извѣстно только, что около этого времени онъ написалъ очень много дѣльныхъ статей и критическихъ разборовъ для *Мессенджера*. Управляя редакціею этого журнала, въ продолженіи двухъ лѣтъ съ половиною, онъ потомъ оставилъ ее и удалился въ Филадельфію, гдѣ составилъ *Gentlemen's magazine*. Этотъ періодическій сборникъ преобразовался впоследствии въ *Graham's magazine*; Поэ продолжалъ писать для этого сборника. Въ 1840 онъ напечаталъ *The tales of the grotesque and arabesque*. Въ 1844 мы застаемъ его въ Нью-Йоркѣ, редактирующимъ *Broodway-Journal*. Въ 1845 году появилось небольшое изданіе, впрочемъ довольно извѣстное, сочиненій Поэ; изданіе принадлежитъ Вилею (Wiley) и Путнаму (Putnam) и заключаетъ въ себѣ стихотворную часть и собраніе рассказавъ. Изъ этого то издачія французскіе переводчики извлекли для перевода лучшіе образцы геніяльности Эдгара Поэ, и всѣ эти переводы были напечатаны во французскихъ журналахъ. До 1847 года, Поэ издалъ нѣсколько трудовъ одинъ за другимъ, о которыхъ мы тотчасъ будемъ говорить. Въ это самое время скончалась его жена въ небольшомъ городкѣ Фордамѣ, близъ Нью-Йорка, бывъ жертвою самыхъ тяжкихъ лишеній. Между нью-іоркскими литераторами тогда сдѣлалась подписка, чтобы пособить Эдгару Поэ. Нѣсколько времени спустя послѣ этого, въ журналахъ опять писали о немъ, какъ о человѣкѣ умирающемъ. Но въ этотъ разъ, что важнѣе всего, его упрекаютъ въ *delirium tremens*: именно въ одной неумолимой статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ журналовъ того времени, его обвиняютъ за презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые себя считали его друзьями и за ненависть къ цѣлому міру. Между-тѣмъ онъ зарабатывалъ деньги и своими литературными трудами былъ почти въ силахъ существовать безбѣдно; но мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ біографическихъ очеркахъ, что достиженіе такой возможности стоило ему самыхъ тяжкихъ трудовъ. Говорятъ, что въ послѣдніе два года жизни онъ

часто посѣщалъ Ричмондъ, гдѣ сильно предавался пьянству и тѣмъ самымъ служилъ предметомъ соблазна для другихъ. Если вѣрить подобнымъ жалобамъ, то можно придти къ заключенію, что все писатели Соединенныхъ Штатовъ образцы трезвости и воздержанія. Странно, что потомъ утверждаютъ, будто при послѣднемъ его посѣщеніи города Ричмонда, оставаясь въ этомъ городѣ слишкомъ два мѣсяца, онъ отличался изысканностію въ одеждѣ, изящностію манеръ, и велъ себя какъ истинный гений. Все это ясно обнаруживаетъ, что источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія, недостаточны, и не объясняютъ причинъ этихъ странныхъ превращеній. Можетъ быть, мы найдемъ отвѣтъ на эти неразрѣшимые вопросы въ томъ удивительномъ материнскомъ покровительствѣ, которое хранило этого грустнаго поэта, и такъ сказать своими человѣколюбивыми мѣрами побѣждало духа зла, который возникъ отъ его собственной крови и отъ предшествовавшихъ страданій.

При послѣднемъ посѣщеніи Ричмонда, Поэ два раза давалъ публичные чтенія. Необходимо сказать пару словъ объ этихъ чтеніяхъ, потому—что они играютъ важную роль въ литературной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Ни одинъ законъ не воспрещаетъ писателю, философу, поэту объявить, что онъ желаетъ публично прочесть диссертацию о какомъ—нибудь литературномъ предметѣ, или предметѣ философическомъ. Для этой цѣли нанимается особая зала, каждый желающій слушать чтеніе платитъ за входъ. Публика иногда собирается значительная, иногда ея вовсе нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, такое предпріятіе или лучше спекуляція считается неудачною, какъ и большая часть коммерческихъ случайныхъ спекуляцій. Однако, когда пронесется слухъ, это публичное чтеніе будетъ совершено лицомъ, извѣстнымъ въ литературѣ, тогда бываетъ сильный приливъ публики, и лекція походитъ на какое—то литературное торжество. Такое обыкновеніе въ Соединенныхъ Штатахъ даетъ право думать, что оно перешло туда изъ французскихъ школъ. Оно невольно заставляетъ вспомнить объ Андриэ (Andrieu), Лагарпѣ, о Бур—Лорміанѣ (Baour—Lormian).

Эдгаръ Поэ избралъ сюжетомъ для своей диссертации тему, которая всегда имѣетъ глубокой интересъ, и о которой у насъ было много толковъ: онъ объявилъ, что будетъ говорить *объ источникахъ поэзіи*. Уже давно въ Соединенныхъ Штатахъ развился духъ *коммерческой* или духъ стремленія къ *выгодамъ*, къ *пользѣ*; это направленіе хочетъ увлечь за собою и поэзію какъ увлекло уже все остальное.

Тамъ можно встрѣтить и поэтовъ — гуманистовъ, и поэтовъ общественныхъ, и поэтовъ покровителей хлѣбопашества, и поэтовъ строителей для самихъ себя, *work—houses*. Поэ во время своихъ чтеній явно

возсталъ противъ всѣхъ этихъ поэтовъ. Въ своихъ началахъ и доводахъ онъ вовсе не доказывалъ, подобно тѣмъ фанатическимъ раскольникамъ, которыхъ часто выводитъ на сцену Гёте, что *все прекрасное не можетъ имѣть никакой пользы*; но онъ только хотѣлъ опровергнуть то ложное ученіе, которое называетъ въ новѣйшее время ересью все то, что не приноситъ *прямой практической пользы*. Изъ этого можно усмотрѣть, что Поэ своимъ возрѣніемъ на поэзію оправдывалъ или одобрялъ романтическое направленіе французской литературы. Онъ говорилъ. «умъ нашъ обладаетъ элементарными способностями, которыхъ цѣли различны. Однѣ стремятся къ удовлетворенію разумности, другія различаютъ оттѣнки и формы, третьи созидаютъ цѣлое. Логика, живопись, механика суть плоды этихъ способностей. Какъ мы имѣемъ первы для ощущенія пріятнаго запаха, нервы для различенія превосходныхъ цвѣтовъ, и нервы доставляющіе намъ пріятное чувство отъ прикосновенія къ гладкому тѣлу, также точно намъ дана способность постигать *прекрасное*, она имѣетъ свою цѣль и свои средства, ей собственно принадлежація. Поэзія проистекаетъ изъ этой способности; она соглашается только съ понятіемъ о прекрасномъ, но ни съ какимъ другимъ. Значило-бы оскорблять ее подчинивъ вліянію другихъ способностей (*c'est lui faire injure que de la soumettre au criterium des autres facultés*). Поэзія также ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть средства ни съ какимъ другимъ элементомъ, кромѣ какъ съ тѣмъ, которое составляетъ пищу ума, потому-что она сама получала отъ него свое начало. Что поэзія дѣйствительно приноситъ пользу, объ этомъ никто не споритъ, но пользы нельзя считать ея цѣлію; это уже неожиданная выгода, отъ нея получаемая. Никто не будетъ удивляться, если какой-нибудь рынокъ, или пристань при всѣхъ условіяхъ коммерческаго удобства, будутъ имѣть красивую и даже изящную наружность, хотя это послѣднее условіе не составляло главной цѣли архитектора или инженера, строившаго ихъ.» — Поэ, для подтвержденія своей темы, дѣлалъ критическій разборъ нѣкоторымъ мѣстамъ изъ американскихъ и англійскихъ поэтическихъ произведеній. Его просили, чтобы онъ прочелъ свое собственное сочиненіе подъ заглавіемъ «Воронъ». Американскіе критики превозносятъ эту поэму. Они говорятъ о ней, какъ о замѣчательномъ образчикѣ версификаціи; имъ нравится ея обширный и многосложный размѣръ, замысловатое сочетаніе рифмъ, пріятно дѣйствующее на ихъ національную гордость, которая должна была много пострадать при соревнованіи съ ловкостію европейскихъ писателей. Но кажется, что Поэ успѣлъ произвести непріятное впечатленіе на своихъ слушателей неправильною декламаціей, отчего сочине-

ніе его потеряло свое значеніе. При довольно чистомъ выговорѣ, Поэ въ тоже время имѣлъ глухой голосъ, какою-то монотонность въ дикціи и совершенное невниманіе къ музыкальнымъ удареніямъ и эффектамъ, которые такъ правильно и искусно обозначены его талантливимъ перомъ. Все это должно было непріятно поразить тѣхъ, которые, какъ праздника, ожидали услышать поэму изъ устъ самого автора. Мы этому ни мало не удивляемся. И какъ часто удавалось намъ замѣтить, что превосходнѣйшіе поэты бывали самыми жалкими актерами. Глубокомысленные писатели не могутъ быть ораторами.

Зала была наполнена множествомъ слушателей. Цѣлъ, кто не видѣлъ Эдгара Поэ со времени его бѣдственнаго положенія, теперь толпою спѣшили насладиться зрѣлищемъ славы своего соотечественника. Такой блистательный пріемъ наполнилъ сердце поэта давно незнакомою ему радостію. Въ немъ пробудилась весьма извинительная и такъ сказать заслуженная гордость. Онъ былъ такъ очарованъ, что хотѣлъ рѣшительно поселиться въ Ричмондѣ. Пронесся слухъ, что будто онъ хочетъ вступить во второй бракъ. Всѣ взоры обратились на одну молодую вдову, которая была столько же красива, какъ богата; предположеніе казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что Поэ когда-то питалъ къ ней довольно сильную страсть, и даже подозрѣвали, что эта дама была оригиналомъ его Леноры. Между-тѣмъ, ему необходимо было на нѣкоторое время отправиться въ Нью-Йоркъ, чтобы выпустить новое изданіе своихъ повѣстей. Болѣе всего его подстрекало къ этому путешествію приглашеніе одного богатаго господина, просившаго его исправить стихотворенія его жены, написать къ нимъ примѣчанія, предисловіе и т. п.

Поэ выѣхалъ изъ Ричмонда; но въ-самомъ началѣ дороги сталъ жаловаться на лихорадку и слабость. Чувствуя себя все хуже, онъ прибылъ въ Балтиморъ, и для подкрѣпленія силъ рѣшился принять небольшое количество алькооля. Уже много мѣсяцевъ прошло съ того времени, какъ Поэ рѣшительно не прикасался къ спиртуознымъ напиткамъ, но этого новаго пріема было довольно, чтобы пробудить въ немъ усыпленнаго демона. Одинъ день невоздержанія воскресилъ въ немъ мучительные приступы *delirium tremens*, его стараго знакомца. Въ одно утро полиція подняла его на улицѣ, безъ чувствъ. Такъ какъ у него не было ни денегъ, ни друзей, ни жилища, то его отнесли въ госпиталь, и тамъ-то окончилъ дни свои авторъ «Черной кошки» и «Ейреки», 7-го октября 1849 года, на тридцать седьмомъ году жизни.

Послѣ Эдгара Поэ изъ всей его родни осталась только одна сестра его, которая живетъ въ Ричмондѣ. Какъ намъ извѣстно жена его умер-

ла нѣсколько ранѣе, и они вовсе не имѣли дѣтей. Ея фамилія была Клеммъ и она даже была дальнею родственницею своего мужа. Мать ея пламенно любила Поэ. Она не оставляла его въ самыя трудныя минуты жизни и его преждевременная кончина поразила ее несказанною горестію: узы соединявшія ихъ души не расторглись смертію дочери. Такая преданность, такая благородная привязанность, такое постоянство дѣлаетъ честь самому Эдгару Поэ. Конечно, только добродѣтельный человѣкъ, и человѣкъ исполненный очарованія по умственнымъ своимъ достоинствамъ, могъ заслужить такую привязанность.

Г. Уиллисъ напечаталъ небольшое извѣстіе объ Эдгарѣ Поэ. Мы извлекаемъ изъ него отрывокъ:

«Первое извѣстіе о прибытіи г. Поэ въ нашъ городъ, мы получили отъ одной дамы, которая называла себя матерью его жены. Она искала для него какихъ-нибудь занятій. Она оправдывала себя тѣмъ, что зять ея болѣнъ, что дочь ея также слабаго здоровья, и что ихъ несчастное положеніе заставило ее принять на себя всѣ хлопоты по ихъ дѣламъ. Видъ этой дамы, одушевляемой чувствами самоотверженія, нѣжной преданности и невольной грусти, носилъ на себѣ отпечатокъ трогательной красоты; печальный и кроткій голосъ, которымъ она старалась придать больше значенія своему предстательству, выраженія, въ какихъ она изображала достоинства и таланты своего зятя, все это невольно рисовало передъ нами одну изъ тѣхъ женщинъ, которыя какъ будто существуютъ только для смягченія человѣческихъ злополучій. Жестока судьба была тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ эта женщина заботилась и которымъ, по возможности, покровительствовала. Г. Поэ писалъ съ утомительною трудностію и такимъ слогаемъ, который слишкомъ превышалъ уровень обыкновеннаго пониманія, чтобы ему могли платить слишкомъ дорого. Онъ постоянно чувствовалъ недостатокъ въ деньгахъ и часто, съ больною женой на рукахъ, нуждался въ предметахъ самой крайней необходимости. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, мы видѣли, какъ теща Поэ, прикрывая себя ветхою одеждою, ходила изъ одной редакціи въ другую, предлагая разныя литературныя статьи сочиненія Поэ. Иногда, не имѣя статей, она осмѣливалась робкимъ голосомъ сказать, что зять ея болѣнъ, и просила помощи, не вступая въ дальнѣйшія объясненія: «онъ болѣнъ»,—говорила она, хотя бывали и другія причины его бездѣйствія, и никогда, не смотря на собственныя страданія и слезы, ни малѣйшее движеніе лица ея не показывало, чтобы она обвиняла, или недовѣряла честности и добросовѣстности своего зятя. Она не оставляла его и по смерти своей дочери, продолжала быть его геніемъ хранителемъ, заботилась о немъ, наблюдала каждое его движеніе, и даже въ

то время, когда онъ увлекся различными искушеніями, она съ самоотверженіемъ прощала ему пренебреженіе, нужду, страданія, и продолжала хлопотать объ его участи. Если привязанность женщины, происходящая отъ первой любви и поддерживаемая чувствами мужчины, можетъ приносить славу и честь тому, кто умѣлъ ее возбудить и поддержать, то неужели эта привязанность, чистая, безкорыстная, святая—не относится къ чести того, кто ее внушилъ?

У насъ передъ глазами письмо этой дамы, мистриссъ Клеммъ (Clemm), написанное ею въ то самое утро, когда она получила извѣстіе о кончинѣ Поэ. Мы ограничиваемся выдержкою нѣсколькихъ словъ изъ этого письма. Они могутъ служить дополненіемъ начертанной нами картины :

«Сегодня утромъ я узнала о кончинѣ моего возлюбленнаго Эдди*... Не можете-ли вы мнѣ сообщить какія-нибудь подробности о его смерти и всѣ обстоятельства, ее сопровождавшія?.. О! не оставьте вашего бѣднаго друга въ этомъ тяжкомъ горѣ!

«Скажите М***, чтобы онъ ко мнѣ пріѣхалъ; я должна передать ему нѣкоторыя порученія моего бѣднаго Эдди... Я не вижу необходимости просить васъ объявить о его смерти или написать въ честь его какую-нибудь панегирическую статью. Я знаю, что вы и безъ того это сдѣлаете. Но подумайте только, какимъ любящимъ сыномъ онъ былъ для меня, его безутѣшной матери!..»

Какъ эта бѣдная женщина заботится о славѣ своего зятя! сколько тутъ благородства! Чудное созданіе! Она побѣдила силою воли все враждебное, духомъ своимъ восторжествовала надъ плотію, привязанность ея какъ-будто паритъ высоко надъ всѣми привязанностями здѣшняго міра!

Смерть Эдгара Поэ пробудила въ Америкѣ живѣйшее участіе. Въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ союза раздались вопли непритворнаго сокрушенія. Смерть, бросая завѣсу на всѣ недостатки, заставляетъ простить многое. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ письмо г. Лонгфеллау (Longfellow), которое дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что Эдгаръ Поэ былъ всегда литературнымъ его противникомъ: «Какой грустный конецъ Эдгара Поэ», пишетъ онъ, «человѣка такъ щедро одареннаго геніяльностію! Я никогда не знавалъ лично Эдгара Поэ, но я всегда питалъ глубокое уваженіе къ его чуднымъ дарованіямъ. Проза его отличается какою-то особенною силою, правильностію, и роскошью выраженій; стихъ его дышетъ мелодіей, значеніемъ истинной поэзіи. Строгость его критическихъ статей я всегда приписывалъ раздражи-

тельности его слишком чувствительной натуры, приходящей въ ярость при малѣйшихъ признакахъ несправедливости.»

II.

Сличеніе наружности характера какого нибудь писателя съ его произведеніями есть одно изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе полезныхъ средствъ къ распознанію человѣка. Почти всегда біографіи, равно какъ и другаго рода статьи о нравѣ, привычкахъ и даже наружности артистовъ и писателей, возбуждаютъ живѣйшій интересъ въ читателяхъ. Развѣ многіе не находили въ слогѣ и мысляхъ Эразма что-то общее съ очертаніями его профили? Тоже самое можно было-бы сказать о Дидро, Мерсье, Вольтерѣ, Иосифѣ Местрѣ, Бальзакѣ, которыхъ лица часто принимали выраженіе, или постоянно носили на себѣ отпечатокъ тѣхъ мыслей, или того характера, который былъ господствующимъ въ ихъ произведеніяхъ.

Эдгаръ Поэ былъ роста не много болѣе средняго, но весь его корпусъ отличался крѣпостію сложенія; руки и ноги у него были маленькія. Въ то время еще, когда Поэ пользовался полнымъ здоровьемъ, онъ обладалъ изумительной силою. Здѣсь мы невольно приходимъ къ тому замѣчанію, что природа, предназначая нѣкоторыхъ людей къ совершенію великихъ подвиговъ, на какомъ-бы то ни было поприщѣ, въ то же время обрекаетъ ихъ на самую трудную и тяжкую жизнь. При щедушной наружности, эти люди имѣютъ иногда атлетическія силы, и столько-же бываютъ расположены къ веселью, сколько склонны къ перенесенію страданій. Бальзакъ, присутствуя на репетиціи своей пьесы «Уловки Киполы» *Ressource de Quinola*, управляя игрою актеровъ, и почти самъ разыгрывая всѣ роли, въ то же время находилъ возможность исправлять корректурныя ошибки своихъ сочиненій; потомъ онъ сѣлъ ужинать съ актерами, и послѣ ужина, когда всѣ разошлись для успокоенія, онъ снова возвратился къ своимъ занятіямъ. Извѣстно, сколько проводилъ онъ бессонныхъ ночей и какъ умѣлъ воздерживаться отъ всякаго излишества. Эдгаръ Поэ, въ молодые годы, любилъ упражнять свою силу и пріобрѣтать ловкость, и это отразилось въ расчетливомъ проблематическомъ направленіи его таланта. Однажды онъ побился объ закладъ, что спустившись у береговъ Ричмонда, онъ проплыветъ семь верстъ по рѣкѣ Жамъ и въ тотъ-же день возвратится пѣшкомъ назадъ. Не смотря на то, что это былъ самый жаркій лѣтній день, онъ выигралъ пари, не почувствовавъ ни малѣйшей усталости. Видъ, пріемы, походка, склоненіе головы, все изобличало въ Эдгарѣ

Поэ, въ лучшіе годы его жизни, что онъ созданъ быть необыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ наружность одного изъ тѣхъ людей, встрѣча съ которыми въ кофейнѣ, на улицѣ, гдѣ-бы то нибыло, невольно привлекаетъ къ нимъ взоръ наблюдателя, заставляя его призадуматься. Черты его не были слишкомъ рѣзки, но за то довольно правильны, цвѣтъ лица его былъ полу-смуглый, наружность задумчивая и разбѣянная, и хотя въ его лицѣ нельзя было замѣтить ни выраженія злости, ни дерзости, однако при всемъ томъ, оно было не совсѣмъ пріятно. Привлекательные, необычайные глаза его съ перваго взгляда казались какъ-будто темно-сѣраго цвѣта; но при большемъ вниманіи, можно было замѣтить, что они имѣли неопредѣленный фіолетовый цвѣтъ. Величественнѣе всего былъ его лобъ, хотя онъ вовсе не имѣлъ тѣхъ комическихъ размѣровъ, - какіе существуютъ только въ воображеніи и на полотнѣ плохихъ художниковъ, желающихъ польстить самолюбію гениальныхъ людей, превращая ихъ въ *гидросефаловъ*. Глядя на лобъ Эдгара Поэ можно было подумать, что избытокъ внутренней силы души обнаружился въ величественности этого сѣдалища мысли и творчества. Тѣ выпуклости лба, которыя кранологи принимаютъ за признакъ чувства картинности или живописанія, были особенно замѣтны у Поэ, но казалось, что онѣ стѣснены, угнетены, подавлены другими, болѣе выпуклыми признаками чувствъ *сравненія, созиданія и умозрѣнія*. На этомъ замѣчательномъ челѣ, можно было замѣтить присутствіе чувства *идеальности* и чувства *прекраснаго*; чувство *эстетическое* преобладало надъ всеми другими. Не смотря на все эти превосходныя качества, этой головѣ не достовало совершенства и гармоніи въ цѣломъ. Съ лицевой стороны она невольно привлекала и овладѣвала вниманіемъ, въ силу деспотическаго и испытующаго выраженія лба, но съ профили можно было замѣтить ея недостатки. Отголосокъ безнадежной меланхоліи, встрѣчаемый въ сочиненіяхъ Поэ, безспорно заключаетъ въ себѣ много трогательнаго; но при всемъ томъ должно замѣтить что это какая-то исключительная меланхолія, которая нисколько не симпатизируетъ съ обще-человѣческою. Мы не можемъ не разсмѣяться при воспоминаніи о нѣсколькихъ строкахъ, написанныхъ однимъ довольно почитаемымъ писателемъ Соединенныхъ Штатовъ о характерѣ Поэ, вскорѣ послѣ его смерти. Мы ихъ выписываемъ на память, но не отвѣчаемъ за вѣрность смысла: «Я недавно перечитывалъ сочиненія незабвеннаго Поэ. Какой удивительный поэтъ! Какой искусный рассказчикъ! Какой обширный и всеобъемлющій умъ! Можно сказать, что это была одна изъ сильнѣйшихъ головъ нашей страны! Но при всемъ томъ, я скажу откровенно, что все его семьдесятъ

мистическихъ, аналитическихъ и чудесныхъ повѣстей — я-бы отдалъ за одну семейную книжонку, какую-бы онъ легко могъ написать своимъ очаровательнымъ, чистымъ слогомъ, тѣмъ самымъ слогомъ, который такъ возвышалъ его передъ другими.» — Требовать отъ Эдгара Поэ, чтобы онъ написалъ семейную книжонку! Послѣ этого нельзя уже сомнѣваться, что пошлость людская одинакова во всехъ странахъ міра, и что критикъ всегда будетъ примѣшивать капусту и огурцы къ розовымъ и пальмовымъ деревьямъ.

Волосы Поэ были черные и только изрѣдка мелькали въ нихъ серебристыя сѣдинки; онъ носилъ большіе усы и держалъ ихъ въ постоянномъ безпорядкѣ. Одѣвался онъ съ большимъ вкусомъ, но отчасти небрежно, какъ человѣкъ, которому нѣкогда было думать о такихъ пустякахъ. Приемы его были самые изысканные, исполненные вѣжливости и самоувѣренности; говорилъ онъ мастерски. Въ первый разъ, когда намъ случилось спросить объ этомъ предметѣ одного американца, онъ отвѣчалъ съ грубымъ хохотомъ: «*О! о! онъ говорилъ самымъ неподходятельнымъ образомъ!*» Мы легко поняли изъ разсказа американца, что Поэ любилъ въ обществѣ развивать идеи, такъ, какъ математикъ объясняетъ свои теоремы передъ учениками, уже довольно сильными въ наукѣ, и что въ слѣдствіе этого онъ всегда вдавался въ длинныя разсужденія. Дѣйствительно, такой разговоръ могъ быть весьма полезнымъ. Можно сказать, что Поэ былъ плохимъ *болтуномъ*, тѣмъ болѣе, что какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ разговорѣ, онъ питалъ неограниченное отвращеніе отъ всякаго рода *условности*; но его обширныя свѣдѣнія, знаніе многихъ языковъ, безпрестанныя упражненія въ литературѣ и наконецъ частыя путешествія дѣлали его разговоръ чрезвычайно интереснымъ и назидательнымъ. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ былъ драгоцененъ для тѣхъ, которые взвѣшиваютъ дружбу или знакомство, по мѣрѣ того, сколько могутъ отъ нихъ извлечь пользы для своего ума. Но, кажется, Поэ мало обращалъ вниманія на свойства того человѣка, съ которымъ ему случалось говорить. Онъ мало заботился, постигаютъ-ли слушатели все отвлеченныя идеи или блистательныя мысли, которыя безпрестанно мелькали въ его умѣ и передавались на словахъ. Нерѣдко онъ приходилъ въ трактиръ и, сядя подлѣ какого-нибудь гуляки, съ необычайнымъ хладнокровіемъ объяснялъ ему глубокое значеніе своей мрачной, но блистательнѣйшей поэмы, (*Eugene*); онъ говорилъ съ этимъ ничего не смыслящимъ незнакомцемъ точно также, какъ-бы сталъ говорить съ Кеплеромъ, Беконномъ и Шведенбергомъ. Вотъ замѣчательная черта въ его характерѣ. Никто еще не пренебрегалъ такъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ Поэ,

никто такъ мало не обращалъ вниманія на окружающихъ, какъ онъ; можетъ быть, это было даже причиною, что его охотно принимали въ простонародные кофейные дома, и воспрещали входъ туда, гдѣ собирались образованные люди, потому—что никакое общество въ мірѣ не прощаетъ подобнаго пренебреженія, а въ особенности общество англійское или американское. Все это искупалось геніальностью Поэ. Помѣщая свои критики въ журналъ (Messenger), онъ жестоко нападалъ на посредственность; критика его отличалась неумолимой строгостью, какъ критика челоуѣка, который стоялъ выше всѣхъ, не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ партіямъ и судилъ произведенія единственно въ отношеніи ихъ къ идеѣ. Наконецъ, приблизилось то время, когда онъ получилъ отвращеніе ко всему житейскому и сталъ находить утѣшеніе въ одной метафизикѣ. Это обстоятельство послужило къ несчастью поэта: одни его возненавидѣли за превосходство его ума, другіе, бывшіе друзьями, стыдились его поведенія: злоба зашипѣла со всѣхъ сторонъ; всѣ его порицали. Въ Парижѣ, въ Германіи, онъ все таки нашелъ-бы себѣ друзей, которые его оцѣнили-бы и старались-бы ему помочь; въ Америкѣ ему предстояло, съ величайшими усиліями, добывать себѣ насущный кусокъ. Вотъ какимъ образомъ объясняются причины его излишняго пристрастія къ опьяненію и къ перемѣнѣ мѣстъ. Жизнь представлялась ему, какъ пустынная степь, и онъ переходилъ изъ одного оазиса въ другой, какъ кочующій Арабъ.

Къ этому присоединялись еще другія причины: напримѣръ, домашнія бѣдствія. Мы уже видѣли, что въ самые цвѣтушіе годы своей жизни Поэ почти всегда жилъ въ одиночествѣ; но болѣе всего это постоянное напряженіе ума и спѣшность несвоевременныхъ работъ, могли породить въ немъ вредную привычку искать самозабвенія въ винѣ. Наконецъ, находясь безпрестанно среди литературныхъ дразгъ, безконечныхъ головокруженій, домашнихъ неудовольствій и всѣхъ бѣдствій нищеты, Поэ бросился въ объятія самого грубаго самозабвенія, какъ-бы въ мрачную могилу; потому—что онъ пилъ не для лакомства, а пилъ отъ отчаянія; стоило ему вкусить нѣсколько капель вина и онъ тотчасъ начиналъ пить запоемъ, до-тѣхъ-поръ, пока всѣ его способности совершенно уничтожались. Но должно удивляться, что по свидѣтельству многихъ лицъ, которыя лично знали Поэ, эти губительныя привычки никакъ не могли повредить его дарованіямъ: чистота и dokonченность его слога, ясность мысли, готовность къ работѣ и къ труднѣйшимъ изысканіямъ оставались въ немъ въ прежней силѣ. Изготовленіе самыхъ лучшихъ его статей, по большей части, совершалось либо прежде, либо послѣ этихъ кризисовъ. Вскорѣ послѣ изданія, Eugeneka, онъ съ какимъ-

то остервененіемъ предался зашоу. Въ то самое утро, когда въ Нью-Йоркѣ журналъ (Revue Whig) издавалъ его знаменитую поэму «Воронъ», когда имя его перелѣтало изъ устъ въ уста и каждой спѣшилъ произнести свое сужденіе о его твореніи, онъ проходилъ по бульвару *Бродвею*, описывая кривулины ногами и разбивая стекла въ окнахъ.

Во времена *Сентъ-Амана, де-Шанелля, де-Коллете*, литераторы тоже упивались дарами Бахуса, но эти попойки имѣли совершенно иной характеръ. Онѣ совершались среди веселаго эпикурейскаго кружка людей достаточныхъ и извѣстныхъ своею ученостью, своимъ остроуміемъ. Даже нѣкоторыя дамы въ то время, не краснѣя, сознавались въ своей привязанности къ вину. Въ XVIII вѣкѣ эти обыкновенія продолжаютъ, но принимаютъ другой характеръ: Школа Ретифа все еще упивается; но это уже школа паріевъ, какой-то подземный міръ. На престолѣ Франціи явился Наполеонъ, и немножко отрезвѣлый Мерсье говоритъ: «*Я продолжаю жить только изъ любопытства.*»

Въ настоящее время литературное пьянство получило мрачный и вредный характеръ. Теперь уже не существуетъ того класса людей ученыхъ, которые считали за честь водиться съ литераторами. Между тѣмъ, тяжкія работы и взаимная ненависть литературныхъ партій мѣшаетъ литераторамъ сближаться между собою. Что касается до женщинъ, то литераторы, принимая въ соображеніе недостаточность ихъ образованія, ихъ непринадлежность ни къ политическому, ни къ литературному міру, смотрятъ на нихъ или какъ на простыя орудія домашняго хозяйства, или какъ на игрушку для глазъ. И такъ, литераторы обречены на одиночество, они уединяются, такъ сказать, въ обширную пустыню мысли; но иногда и для этого они бывають слишкомъ утомлены работою. Этимъ-же самымъ разъединеніемъ общества и литераторовъ объясняется также и другое обстоятельство: отчего такъ много выкуривается табаку новѣйшими литераторами.

III.

Мы приступаемъ теперь къ опредѣленію господствующаго характера въ сочиненіяхъ Эдгара Поэ. Разсмотрѣть все его сочиненія невозможно; нужно было-бы написать томы, потому-что этотъ человѣкъ, не смотря на безпорядочную жизнь, написалъ чрезвычайно много. Поэ, какъ писатель, можетъ быть разсматриваемъ съ трехъ сторонъ: какъ критикъ, какъ поэтъ и какъ романистъ. Въ послѣднемъ значеніи онъ проявляется даже и какъ философъ.

Во время своей сдѣлки съ редакціею Южнаго Мессенджера Поэ дого-

ворился принять на себя редакцію за 2,500 франковъ въ годъ. За эту ничтожную плату онъ обязанъ былъ перечитывать и дѣлать выборъ статей для наполненія періодическихъ номеровъ журнала и, кромѣ того, комплектовать собственными статьями одинъ отдѣлъ журнала: въ этомъ отдѣлѣ помѣщалась оцѣнка всѣхъ новыхъ книгъ, появляющихся въ печати и вообще всѣхъ новыхъ и старыхъ литературныхъ произведеній. Должность эту Поэ исправлялъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Благодаря его неутомимой дѣятельности и оригинальности его критическихъ разборовъ, журналъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Всѣ статьи его написаны съ величайшимъ прилежаніемъ и обнаруживаютъ въ авторѣ обширныя познанія по части различныхъ литературъ и ту ученость, которая легко напоминаетъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Должно предполагать, что Поэ во время своихъ прежнихъ неудачъ не терялъ времени по-пустому, а обработалъ множество новыхъ идей. Въ его статьяхъ мы находимъ весьма дѣльную оцѣнку главнѣйшихъ англійскихъ и американскихъ писателей, часто даже онъ пишетъ о французскихъ. Вездѣ онъ ясно и отчетливо объясняетъ, откуда получила начало кака-нибудь замѣчательная *идея*, какое было ея развитіе, въ чемъ состояла ея цѣль, къ какой школѣ она принадлежитъ, въ чемъ заключалась сущность методы автора, была-ли она полезнаю или вредною и проч. Въ одно и тоже время, Поэ содѣлался предметомъ удивленія всего общества и ненависти нѣкоторыхъ завистниковъ. Бывъ твердо увѣренъ въ справедливости и правильности своихъ убѣжденій, Поэ открыто велъ неутомимую войну со всѣми ложными мудрствованіями, съ жалкими подражаніями, солецизмами, барбаризмами и другими литературными грѣхами, которые являются ежедневно въ журналахъ и другихъ изданіяхъ. Въ этомъ отношеніи никто не могъ его упрекнуть: потому-что онъ самъ служилъ примѣромъ для другихъ, слогъ его былъ чистъ, исполненъ мысли, которую онъ передавалъ всегда ясно и отчетливо. Въ сочиненіяхъ своихъ, Поэ никогда не сдѣлалъ ни одной погрѣшности. Обстоятельство это заслуживаетъ особаго вниманія: человекъ съ такимъ безпорядочнымъ, тревожнымъ воображеніемъ и при такомъ честолюбіи, въ тоже самое время такъ строго соблюдалъ правильность въ изложеніи, такъ охотно предавался ученымъ изысканіямъ, и всегда трудился съ величайшимъ терпѣніемъ. Больше всего ему повредила слава критика. Онъ вооружилъ противъ себя множество враговъ, которые жаждали мести. И впоследствии, когда его собственныя творенія стали появляться въ печати, ему жестоко отплатили за его горькую правду. Нѣтъ того упрека или той брани въ литературномъ мірѣ, которыхъ-бы ему не сдѣлали. Во всѣхъ статьяхъ, противъ него направленныхъ, най-

дешь рядъ обычныхъ фразъ мелкихъ самолюбій: «безнравственно»; «недостатокъ теплоты чувства»; «отсутствіе заключенности, оконченности»; «пошлость»; «безполезное пустословіе» и тому подобное. Французская литература также никогда не могла простить Бальзаку его сочиненія: *Великій провинціалъ въ Столицѣ* (*Le grand homme de province à Paris*).

Какъ поэтъ, Эдгаръ Поэ человѣкъ совершенно самостоятельный. Онъ представляетъ собою первое проявленіе романтизма по ту сторону Океана. Онъ первый изъ американскихъ писателей сталъ выражаться ясно, и обратилъ *слово* въ орудіе мысли. Его глубокомысленная и трогательная поэзія въ тоже время въ высшей степени обработана и потому отличается чистотою, правильностію и блескомъ, подобно кристаллу. Если-бы Эдгаръ Поэ жилъ во Франціи; то никогда не сошелся-бы съ Альфредомъ Мюссе и Ламартиномъ, потому-что въ нихъ мало силы воли, и они не могутъ похвалиться полнымъ господствомъ надъ собою. Эдгаръ Поэ любилъ всегда писать длинными размѣрами, и не смотря на многосложность и трудность такихъ размѣровъ, онъ имѣлъ даръ придавать ихъ созвучіямъ глубокую гармонію. Онъ написалъ поэму, подъ заглавіемъ *Колокола*, которая можетъ похвастаться литературною рѣдкостію; къ сожалѣнію, она не переводима на другіе языки. Поэма *Воронъ* имѣла огромный успѣхъ. По свидѣтельству Лонгфеллоу и Емерсона эта поэма совершенное чудо. Достоинство ея заключается не въ сюжетѣ, которой весьма ничтоженъ; но въ прелести изложенія. Въ одну темную, дождливую ночь, какой-то молодой человѣкъ слышитъ шумъ, то у себя подъ окномъ, то у дверей; онъ отворяетъ дверь, ожидая посѣщенія гостя: и встрѣчаетъ ворону, которая была привлечена свѣтомъ лампы. Ворона эта сдѣлалась ручною и одинъ пріятель молодаго человѣка выучилъ ее говорить. Но по несчастію первое слово, произнесенное зловѣщею птицею, пробудило въ душѣ юноши цѣлый рядъ самыхъ мрачныхъ и давно забытыхъ мыслей, множество обманутыхъ надеждъ, желаній, потерянную жизнь... однимъ словомъ, мысли полились у него, какъ рѣка въ темную и бурную ночь катить струи свои въ неизвѣданную даль. Читая эти стихи, невольно порабощаешься ихъ обаянію; въ нихъ что-то почти сверхъестественное, это какъ будто мечты человѣка во время бессонницы; стихи эти похожи на слезы. Въ другой поэмѣ своей подъ заглавіемъ *Страна сновъ* (*the Dreamland*), Поэ старался изобразить тѣ туманные образы, которые возникаютъ въ душѣ человѣка во время сна. Прочія поэмы его, какъ на примѣръ, *Ulalume*, *Annabel Lee* пользуются неменьшею славою. Но впрочемъ Поэ оставилъ весьма немного стихотвореній. Пи-

сать стихи и обрабатывать ихъ такъ, какъ онъ обрабатывалъ, притомъ писать коротко и сильно, было для него невыгодно, потому-что онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и не могъ предаваться неблагодарному и продолжительному труду.

Какъ повѣствователь и романистъ, Эдгаръ Поэ единственный писатель въ своемъ родѣ, подобно Гофману, Матюрену, Бальзаку, каждому въ своемъ родѣ. Различные отрывки, помѣщенные въ журналахъ, были потомъ собраны въ два тома и изданы, одинъ подъ заглавіемъ «Tales of the grotesque and arabesque»; другой — «Edgar A. Poe's tales», изданіе Вилея. Въ нихъ помѣщены семьдесятъ двѣ пьесы. Тутъ можно найти и довольно сильныя шутки, и чисто смѣшное, и какіе то порывы къ опредѣленію идеи безконечнаго, и весьма глубокія изслѣдыванія магнетизма. Маленькое изданіе его повѣстей имѣло большой успѣхъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Америкѣ, потому-что въ немъ содержится много драматическаго, но совершенно оригинально драматическаго.

Намъ-бы хотѣлось и короче, и правильнѣе опредѣлить характеристику творчества Поэ, потому-что его творчество представляетъ совершенно новый родъ.

Золотой кладъ: это сочиненіе ничто иное, какъ анализъ послѣдовательныхъ средствъ къ угаданію тайной надписи (cryptogramme), посредствомъ которой можно открывать зарытыя сокровища. Мы нисколько не сомнѣваемся, что Поэ приходилось часто мечтать о томъ, какъ-бы открыть сокровища. Нельзя не восхищаться юридическою точностію и ясностію, съ которыми Поэ объясняетъ методу къ достиженію этой цѣли; кажется, какъ-будто онъ изъ числа тѣхъ сребролюбцевъ, которые всю жизнь занимаются подобными дѣлами! Описаніе сокровищъ у него исполнено такихъ красокъ, что невольно принимаешь сердечное участіе въ дальнѣйшей участи героя! Наконецъ это сокровище находятъ! Это были не пустыя бредни, какъ нерѣдко случается въ другихъ романахъ, гдѣ авторъ натянувъ струны вашего вниманія, исполнивъ васъ самыхъ положительныхъ надеждъ, вдругъ грубо обманываетъ васъ во всемъ, что должно было непременно осуществиться. Здѣсь напротивъ, открывается истинный кладъ, находится существенное сокровище, которое достается тому, кто умѣлъ разобрать таинственную надпись. И вотъ подробный реестръ этому сокровищу: монетою четыреста тысячъ долларовъ, ни одного атома серебра, все золотая монета и довольно старинная; монеты довольно крупныя, вѣскія, но надписей на нихъ нельзя разобрать; сто десять брилліантовъ, восемнадцать рубиновъ, триста десять изумрудовъ, двадцать одинъ сафиръ и одинъ опаль, двѣсти ко-

лець и серегъ, тридцать цѣпочекъ, пять бокаловъ, огромнѣйшая чаша для пунша съ украшеніями вакхическими и виноградными листьями, двѣ шпажныя рукоятки и сто девяносто семь часовъ, осыпанныхъ драгоценными каменьями. Все это было тотчасъ оцѣнено въ полтора милліона долларовъ; но при продажѣ брилліантовъ, цѣна эта еще возросла. Описаніе этого сокровища заставляетъ помечтать о мірскомъ величіи и о прелестяхъ благотворительности. И дѣйствительно, изъ этого сундука, зарытаго Пиратомъ Киддомъ, было чѣмъ пособить многимъ несчастливцамъ.

Вотъ другое сочиненіе Поэ:

Maelstrom. — Мы полагаемъ что весьма трудно спуститься въ бездну, которая не имѣетъ дна, для того, чтобы по новому способу изучить законы тяготѣнія. А между-тѣмъ *убійство въ улицѣ Моргъ* едва-ли не поставило слѣдственныхъ судей въ подобное положеніе. Убійство совершено. Но какимъ образомъ? Кѣмъ? Въ этомъ происшествіи какія-то непостижимыя и взаимно противорѣчащія обстоятельства. Утомленная полиція готова отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія. Но вдругъ является молодой человекъ и изъ любви къ подобнаго рода дѣламъ, беретъ на себя произвести слѣдствіе.

Посредствомъ послѣдовательнаго анализа всѣхъ обстоятельствъ онъ достигаетъ наконецъ до главнаго закона генерации идей (*generation des idées*), то есть, между двумя словами или между двумя идеями, повидимому вполне противоположными, онъ можетъ помѣстить рядъ послѣдовательныхъ идей и словъ, которыя приведутъ отъ первой идеи къ послѣдней, замѣщая пустые промежутки идеями, дотолѣ невыраженными и можетъ небывалыми. Для этого онъ изучилъ всѣ возможные случаи, и всю основательно-предположительную послѣдовательность явленій. Онъ переходитъ отъ предположенія къ предположенію, и въ заключеніе утвердительно доказываетъ, что обезьяна совершила преступленіе.

Магнетическое открытіе, сочиненіе, въ которомъ начало исполнено величія и торжественности. Докторъ усыпляетъ больнаго, съ цѣлю его вылечить. Онъ его спрашиваетъ: «что вы думаете о вашей болѣзни?» «Я отъ нея умираю.» «Это васъ печалитъ?» «Нѣтъ.» Больной жалуется, что его дурно спрашиваютъ. «Руководите мною!» замѣчаетъ докторъ. — Начинайте съ самаго начала? возражаетъ больной. — «Въ чемъ-же состоитъ начало?» — Больной тихимъ голосомъ: «Начало есть Богъ.» Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ длинная теорія матерій, различныя степени существъ невидимыхъ. Это замѣчательное произведеніе напечатано въ 1848.

Въ другомъ мѣстѣ онъ помѣстилъ разсказъ души, которая нѣкогда жила на уже исчезнувшей планетѣ.

Часто мы встрѣчаемъ у Поэ также чисто фантастическіе образы, подводимые подъ естественные законы природы, безъ разъясненія, подобно тому, какъ это всегда бываетъ у Гофмана.

Но не таково его поэма: *Черной Котъ*. Въ ней мы находимъ совершенно другой порядокъ. Эта поэма, изображающая кровавое преступленіе, начинается такъ кротко, такъ невинно: «Моя жена и я, мы любили другъ друга, потому—что имѣли совершенно одинаковыя чувства и желанія, и по причинѣ нашей страсти къ животнымъ (а эту страсть мы наслѣдовали отъ нашихъ родителей), нашъ домъ походилъ на звѣринецъ; у насъ были животныя всѣхъ родовъ.» Впослѣдствіи дѣла ихъ приходять въ упадокъ. вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, мужъ проводить цѣлые дни въ харчевнѣ, предаваясь самой безотраднѣйшей мечтательности. Прелестный Черный Котъ, Плутонъ, который прежде всегда встрѣчалъ хозяина на порогѣ квартиры, теперь уже не ласкается къ нему; онъ даже бѣжитъ и прячется отъ него, какъ-бы чужая опасность, могущую произойти отъ излишняго употребленія вина и можжевелевой водки. Хозяинъ огорчился. Грусть его и молчаливая печаль только увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ онъ предается своей гнусной привычкѣ. Превосходно описаны и эта мрачная трактирная жизнь и эти часы молчаливости въ состояніи опьяненія! А между-тѣмъ, описанія эти быстры и коротки. Безмолвный упрекъ кота болѣе и болѣе раздражаетъ пьяницу. Въ одинъ прекрасный вечеръ, безъ всякой причины, онъ схватилъ бѣдное животное, вытащилъ изъ кармана перочинный ножикъ и выкололъ имъ глазъ бѣдному коту. Окривѣвшій котъ еще съ большимъ страхомъ убѣгалъ своего хозяина, отчего ненависть послѣдняго съ каждымъ днемъ усиливалась. Наконецъ онъ рѣшился зарѣзать кота. Слѣдующее за тѣмъ описаніе стоитъ того, чтобы его выписать: «Между-тѣмъ, котъ медленно выздоравливалъ, правда что выколотый глазъ страшно обезобразилъ его; но во всякомъ случаѣ, страдалецъ уже не чувствовалъ боли. Онъ по прежнему сталъ бѣгать по дому, но при малѣйшемъ моемъ приближеніи, прятался. Сердце мое еще не было въ такой степени испорчено, чтобы я не могъ чувствовать особенной печали, при видѣ такого отвращенія ко мнѣ животнаго, того самого, которое прежде меня такъ любило. Но это чувство векорѣ уступило мѣсто раздраженію, а потомъ на мою совершенную гибель, мною овладѣлъ *духъ злобы*. Развѣ не случается, что человѣкъ совершаетъ до ста разъ самый гнусный и недостойный поступокъ, только потому, что обязанъ отъ него воздержив-

ваться? Развѣ нѣтъ въ насъ постоянной склонности, прямо противорѣчащей нашему разуму, нарушить то, что намъ запрещено? Этотъ самый духъ злобы погубилъ меня совершенно. Мною овладѣло то враждебное состояніе, когда душа находитъ наслажденіе въ причиненіи себѣ огорченій, въ искаженіи своей священной природы, въ совершеніи зла собственно изъ любви ко злу — все это побудило меня продолжать начатое зло и повторить ту пытку, которой я уже однажды подвергнулъ бѣдное невинное животное. Въ одно утро, съ величайшимъ хладнокровіемъ я привязалъ веревку къ его шеѣ и повѣсилъ его на суку дерева — я совершилъ это, проливая горячія слезы и съ глубокимъ сердечнымъ прискорбіемъ — я его повѣсилъ, потому что я зналъ, какъ прежде этотъ котъ меня любилъ и никогда не могъ возбудить моего гнѣва; я его повѣсилъ, потому что я зналъ, что поступая такимъ образомъ, я совершаю страшное зло.

Внезапный пожаръ окончательно довершаетъ несчастіе двухъ супруговъ. Они принуждены были нанять квартиру въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ. Мужъ продолжаетъ пить. Болѣзнь его усиливается неимоверно, *потому-что какая болѣзнь можетъ быть ужаснѣе запоя?* Однажды вечеромъ, въ кабацкѣ, онъ увидѣлъ прекраснаго чернаго кота, сидѣвшаго на бочкѣ. Котъ этотъ очень походилъ на бывшаго у него. Котъ не испугался его приближенія и даже сталъ къ нему ласкаться. Онъ взялъ его съ собою, чтобы утѣшить жену, которая скучала по прежнему. На другой день они замѣтили, что этотъ котъ, подобно первому, кривъ на тотъ самый глазъ, который ему выкололъ хозяинъ. Повѣшенный котъ ожилъ. Но на этотъ разъ дружба и преданность этого кота начали мало-по-малу раздражать его хозяина. Безпрестанная услужливость этого животного казалась ему ненавистію, ироніей, однимъ словомъ, это таинственное животное представлялось ему воплощеннымъ укоромъ. Ясно можно замѣтить, что голова этого несчастнаго была не въ порядкѣ. Однажды вечеромъ онъ отправился съ женою по домашней надобности въ погребъ, и въ то время, когда онъ спускался по лѣсницѣ, вѣрный котъ, также сопровождавшій ихъ, какъ-то нечаянно попалъ къ нему подъ ноги. Этого было довольно. Озлобленный хозяинъ устремляется на кота. Но жена, желая спасти животное, закрываетъ его собою. Жестокій мужъ ничего не видитъ отъ злобы, ударъ падаетъ и онъ нечаянно разрубаетъ женѣ голову топоромъ.

Котъ убѣжалъ. «Значитъ онъ понялъ мою досаду и заблагоразсудилъ убѣжать». Убійца спитъ спокойно. Утромъ онъ пробуждается съ какою-то злобною радостію и облегченіемъ, избавившись отъ ненави-

стныхъ ласкъ кота. Между тѣмъ, слѣдетіе производилось у него въ домѣ и судьи, не находя возможности открыть истины, уже готовы удалиться, какъ вдругъ, хозяинъ воскликнулъ: «Но вы, милостивые государи, забываете посмотреть въ погребу». Всѣ отправились въ погребъ и уже готовы были выйти изъ него, не встрѣтивъ никакихъ слѣдовъ преступленія, какъ вдругъ имъ овладѣла какая-то сатанинская мысль, и увлекаясь неслыханною гордостью, онъ воскликнулъ: » славная стѣна, какъ вышолірована, поправдѣ, такихъ стѣнъ не дѣлаютъ въ погребахъ! «И произнося эти слова онъ ударилъ тростью по стѣнѣ. Въ это время изъ стѣны какъ будто вырывается какой-то пронзительный печальный вопль. Преступникъ падаетъ безъ чувствъ. Судьи приказываютъ разломать стѣну, оттуда выпадаетъ трупъ, а изъ за него выскакиваетъ котъ, половина его покрыта шерстью, другая облита гипсомъ съ однимъ окровавленнымъ глазомъ и въ какомъ-то бѣшенствѣ.

Теперь мы видимъ, что ни одни вѣроятности и предположенія возбуждали любопытство Поэ, но также болѣзненное состояніе его ума. Его *Берениса* можетъ быть въ этомъ случаѣ превосходнымъ образчикомъ. Егеусъ и Берениса были двоюродные братъ и сестра. Егеусъ, блѣдный, напрягаетъ всѣ силы ума своего къ разрѣшенію непостижимыхъ вопросовъ; Берениса, напротивъ того, безпечна и весела, всегда на чистомъ воздухѣ, порхаешь то въ рощѣ, то въ саду; красота ея самая блистательная. Вдругъ Берениса дѣлается жертвою какой-то непостижимой, необъяснимой болѣзни. Эту болѣзнь можно было-бы принять за *истерику*. Въ числѣ признаковъ были и припадки падающей болѣзни, сопровождаемые летаргическимъ усыпленіемъ, совершенно походящимъ на смерть; пробужденіе отъ этого усыпленія всегда было внезапное и быстрое. Чудная красота Беренисы быстро исчезаетъ. Что касается до болѣзни Егеуса, то она еще страннѣе: она состоитъ въ чрезмѣрной мечтательности и въ раздражительномъ положеніи познавательныхъ способностей. Вотъ какія слова влагаетъ авторъ въ уста самаго больного: «Проводить нѣсколько часовъ, сидя надъ одной фразой, повидимому весьма простой, или цѣлый лѣтній день слѣдить за движеніемъ тѣни на полу; бодрствовать въ продолженіи долгой ночи, только для того, чтобы наблюдать за огнемъ въ лампадѣ или глядѣть на уголья въ каминѣ; повторять безконечное множество разъ простонародное слово, до тѣхъ поръ, пока этотъ звукъ потеряетъ для меня всякое самостоятельное значеніе; забывать о моемъ физическомъ существованіи, по причинѣ долгой и упорной неподвижности,—вотъ тѣ странныя заблужденія, которымъ я предавался, вслѣдствіе умственного разстройства, которое надо бы изслѣдовать наукѣ посредствомъ строгаго анализа.»—

Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что этого нельзя считать *мечтательностію* въ смыслѣ общемъ для всѣхъ людей. *Мечтатели* обыкновенно начинаютъ мечтать о предметѣ, лестномъ для ихъ вниманія, и потомъ, переходя отъ одного вывода къ другому, они мало-по-малу отдаляются совершенно отъ главной мысли, и къ вечеру *мечтательнаго* дня главная побудительная причина къ мечтательности давно испарилась и уничтожилась. Въ болѣзни Егеуса мы видимъ совершенно другое. Для него всякій предметъ можетъ служить побужденіемъ къ вредной мечтательности. Онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, никогда не находитъ наслажденія въ своей мечтательности, и къ концу каждаго кризиса побудительная причина или вещь, возбудившая въ немъ мечтательность, постоянно во-все время этого умственного напряженія оставаясь предметомъ его созерцанія, принимаетъ какіе-то гигантскіе размѣры. Это-то и составляетъ отличительный характеръ его болѣзни.

Егеузъ хочетъ жениться на своей кузинѣ. Въ то время, когда Берениса была чудомъ красоты, онъ не сказалъ ей ни одного слова, не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на своей любви; но онъ любитъ ее любовію друга и жалѣетъ о ней. Притомъ, она въ глазахъ его имѣетъ особенную проблематическую прелесть!... Онъ самъ сознается, что *въ странной неправильности его жизни, чувства его никогда не пробуждались по винушенію сердца и страсти его всегда возникали отъ вліянія на нихъ разсудка*. Однажды, вечеромъ, онъ былъ съ Беренисою вдвоемъ въ библиотекѣ. По разстройству ли разума, или влѣдствіе игры тѣней сумрака, но только она ему показалась выше обыкновеннаго своего роста. Онъ долго вематривается въ этотъ фантомъ. Берениса, понимая, сколько она подурнѣла противъ прежняго, но не потерявъ еще желанія нравиться, усиливается улыбнуться, какъ бы желая сказать: *Непрада ли, я очень измѣнилась?* И въ это мгновеніе между истерзанныхъ губъ она выказываетъ свои большіе зубы..

«О, зачѣмъ я увидѣлъ эти зубы, или зачѣмъ я не умеръ, увидѣвши ихъ одинъ разъ!» восклицаетъ мечтатель.

И вотъ въ головѣ его господствуютъ зубы. Два дня и одну ночь просидѣлъ онъ, прикованнымъ къ одному мѣсту и вокругъ него все носились зубы. Зубы запечатлѣлись въ его мозгу, длинные, узкіе, ни одно пятнышко, ни одинъ зубчикъ, ни малѣйшая неровность ихъ не ускользнула отъ его вниманія. Онъ содрогается отъ ужаса, когда сознаетъ, что умъ его придалъ этимъ зубамъ способность чувства и силу нравственной выразительности, совершенно независимую даже отъ очертанія губъ. Говорили о дѣвицѣ Сале, что каждый шагъ ея былъ чув-

ство, а о Беренисѣ можно было сказать, что всѣ ея зубы были чувствами.

На другой день послѣ этого Берениса умерла. Егеусъ не рѣшается отказать себѣ въ священномъ долгѣ проститься съ кузиною. Онъ входитъ въ комнату, гдѣ стоялъ гробъ покойницы. Онъ поднялъ занавѣси, которыя скрывали катафалкъ и приблизился къ гробу, между тѣмъ занавѣски снова упали и такимъ образомъ онъ остался одинъ съ покойницей. Странное обстоятельство! какъ будто нарочно платокъ, которымъ было повязано лицо покойной, развязывается, и зубы длинные и бѣлые неумолнно сверкаютъ передъ его глазами. Съ быстротою молніи онъ кидается отъ катафалка и убѣгаетъ съ ужасомъ.

Съ этого времени мрачныя мысли громоздятся въ его головѣ, разсказъ становится тревожнымъ и сбивчивымъ. Онъ опять находится въ библіотекѣ, передъ нимъ стоитъ небольшой столикъ и при свѣтѣ лампы глаза его съ какимъ-то трепетомъ устремлены на развернутую книгу. Подлѣ стоитъ ящикъ изъ чернаго дерева. Съ крикомъ ужаса Эгеусъ бросается къ ящику, но въ своемъ лихорадочномъ движеніи, онъ его опрокидываетъ, и изъ ящика выпадаютъ зубоврачебныя инструменты, съ которыми вмѣстѣ сыплются на полъ и тѣ самые зубы, которые были предметомъ его помѣшательства. Несчастный, потерявъ сознание, самъ отправился вырвать у своей кузины то, что составляло его постоянную мысль, между тѣмъ, какъ она была похоронена въ состояніи мнимо-умершей, во время одного изъ ея летаргическихъ усыпленій.

Вообще Эдгаръ Поэ не обращаетъ никакого вниманія на побочныя обстоятельства, или по-крайней-мѣрѣ, придаетъ имъ самое малое значеніе. Благодаря этой строгой сосредоточенности, господствующая идея въ каждомъ его произведеніи выпукло выступаетъ впередъ. Въ методѣ изложенія онъ очень простъ. Онъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ заставляетъ говорить главное дѣйствующее лицо, и дѣлаетъ это съ какимъ-то циническимъ хладнокровіемъ; вѣроятно онъ такъ былъ увѣренъ въ занимательности своихъ разсказовъ, что не заботился даже измѣнять ихъ форму. Что касается до страсти къ таинственному и къ ужасному, то замѣчено, что это общее свойство всѣхъ писателей, которые обладаютъ обширною жизненною энергіей, не обращенною на какую-нибудь другую дѣятельность, и что оно бываетъ слѣдствіемъ непонятой, отверженной чувствительности.

Другое свойство его сочиненій состоитъ въ противуженственности. Мы постараемся пояснить это. Женщины пишутъ съ увлекательною быстротою, сердце ихъ готово исписать цѣлую стопу бумаги. Но онѣ, по большей части, не стѣняются условіями искусства, размѣра, ло-

гики. Слогъ ихъ развивается и волнуется, подобно ихъ платьямъ. Знаменитая писательница Жоржъ-Зандъ, не смотря на свое превосходство, также не можетъ быть исключена изъ этого общаго разряда. Она пишетъ свои творенія съ такою-же быстротою, какъ письма, отсылаемая на почту. Но въ ней за то это выкупается врожденной гениальностію и инстинктивнымъ изяществомъ.

У Эдгара Поэ, слогъ обработанъ до нельзя и отличается похвальною сжатостію. Читатель невнимательный или недающій себѣ труда углубляться въ предметъ чтенія многого у него не пойметъ. Всѣ его мысли, какъ стрѣлы, пущенныя мѣткою рукою, стремятся къ одной цѣли.

Мы прочли безконечное множество его повѣстей и нигдѣ не встрѣтили ни слова о любви. А между тѣмъ, мы вспомнили объ этомъ недостаткѣ уже по прочтеніи всего, такъ увлекательно пишетъ этотъ авторъ. Нисколько не думая безусловно превозносить похвалами эту аскетическую систему честолюбивой души, мы хотимъ сказать однако, что этотъ серьезный родъ литературы былъ-бы весьма полезнымъ противуядіемъ противъ жалкаго и соблазнительнаго направленія французскихъ писательницъ, которыхъ еще болѣе ободряетъ отвратительное поклоненіе мужчинъ. Мы всегда съ удовольствіемъ вспоминаемъ о Вольтеровомъ предисловіи къ трагедіи Юлій Цезарь, гдѣ, извиняясь, что онъ не выводитъ на сцену ни одной женщины, онъ въ то же время даетъ почувствовать, что это важный успѣхъ на поприщѣ литературы.

У Эдгара Поэ нельзя встрѣтить болѣзненныхъ хныканій; но всегда и вездѣ неутомимое стремленіе къ идеализированію. Подобно Бальзаку, Эдгаръ Поэ имѣлъ страсть къ наукамъ. Мы забыли упомянуть о его сочиненіи подъ заглавіемъ: *Руководство конхилиолога* (Manuel du Conchyliologiste). Подобно всѣмъ завоевателямъ и философамъ у него видно постоянное стремленіе къ единству, къ обобщенію. Ему хотѣлось-бы всю литературу облечь въ философскія проблемы, а къ философіи примѣнить алгебраическую методу. Право, въ его постоянномъ направленіи къ безконечному невольно захватываетъ духъ, въ этихъ твореніяхъ, можно сказать, воздухъ также разряженъ, какъ въ какой-нибудь лабораторіи. Въ нихъ преобладаетъ сила мысли, направленная къ умозрѣніямъ и анализу. Кажется, какъ будто Поэ хочетъ все объяснить по началамъ собственнаго разума. Описанія мѣстностей, на которыхъ совершаются его лихорадочныя вымыслы, по большей части, блѣдны, какъ призраки. Поэ, какъ-будто въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ людей, изображаетъ облака и деревья, которыя болѣе похожи на фантастическія облака и деревья, или лучше сказать, которыя находятся

подъ вліяніемъ какого-то тревожнаго, сверхъестественнаго, гальваническаго содроганія.

Одинъ разъ только онъ рѣшился написать книгу, въ которой все содержаніе имѣетъ чисто человѣческой характеръ. Сочиненіе это называется: *Разсказъ Артура Гордона Пима*. Оно не имѣло большаго успѣха. Въ немъ содержится исторія мореплавателей, которые, послѣ сильныхъ крушеній, прибыли наконецъ въ южное море, гдѣ была тишина. Авторъ здѣсь съ восторгомъ увлекается движеніями бурной стихіи и описываетъ нравы жителей острововъ, которыхъ на картѣ не существуетъ. Онъ рассказываетъ, что вслѣдствіе крушенія, корабль оставался безъ кормила и слѣдовательно имъ нельзя было управлять. Съѣстные припасы и вода истощились, экипажъ былъ доведенъ до состоянія каннибализма. Но вотъ вдали показался какой-то брикъ. «Мы никого не могли на немъ замѣтить, пока онъ не приблизился къ намъ на разстояніе четверти мили. Тогда мы увидѣли трехъ мужчинъ, которыхъ по одеждѣ можно было принять за голландцевъ. Двое изъ нихъ лежали на старыхъ парусахъ на бакѣ; третій, повидимому глядѣвшій на насъ съ любопытствомъ, стоялъ на штурбордѣ, близъ бугсприта. Онъ былъ мужчина сильный и высокій съ очень смуглымъ лицомъ. Онъ дѣлалъ намъ знаки руками, какъ-бы желая насъ ободрить, въ нихъ выражалась какая-то радость, хотя эти размахиванія были не менѣе того очень смѣшны, а улыбка этого человѣка выказывала два ряда зубовъ ослѣпительной бѣлизны. По мѣрѣ того, какъ судно къ намъ приближалось, мы замѣтили, что съ головы этого незнакомца слетѣла красная шерстяная феска; но онъ не обратилъ на это вниманія, продолжая улыбаться и дѣлать смѣшныя жесты. Я передаю всѣ эти мелкія подробности въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ мнѣ представлялись».

»Между-тѣмъ брикъ медленно къ намъ подвигался... Я не могу хладнокровно вспомнить объ этомъ приключеніи... Сердца наши, казалось, хотѣли выпрыгнуть отъ радости, крики восторга и благодарности къ Богу вырывались изъ устъ каждаго за счастливое и неожиданное избавленіе отъ гибели... Но вдругъ, съ приближеніемъ судна, которое шло по вѣтру прямо на насъ, распространился непостижимо отвратительный запахъ; нѣтъ словъ, чтобы изобразить этотъ ужасный азотическій смрадъ. Я закрылъ ротъ, чтобы не задохнуться и оглянулся на товарищей... всѣ они были блѣднѣе смерти. Мы не имѣли времени ни рассуждать, ни объясниться между собою, брикъ уже касался задней части нашего корабля, такъ, что даже не было необходимости спускать катеръ, чтобы намъ перейти на его палубу. Мы всѣ устремились въ противоположную часть нашего судна, но въ это время волною

отбросило брикъ на нѣсколько сажений отъ насъ и такъ какъ онъ проходилъ въ десяти футахъ отъ нашего судна, то мы могли ясно видѣть все, что происходило на его палубѣ. О, въ силахъ-ли я буду когда-нибудь забыть весь ужасъ этого зрѣлища? Двадцать или тридцать труповъ, между которыми были и женщины, лежали въ безпорядкѣ тамъ и сямъ, на пространствѣ между ютомъ и кухнею, находясь уже въ послѣднемъ процессѣ разложенія! Мы тотчасъ увидѣли, что на этомъ суднѣ не было ни одной живой души. Между-тѣмъ, мы смотрѣли на этихъ мертвецовъ, какъ на наше спасеніе: Въ безумномъ онѣмѣніи, мы долго и безмолвно провожали взоромъ эти безобразныя трупы. Ужасъ и отчаяніе повергали насъ въ какой-то лихорадочный бредъ, тоска и падшій духъ приводили насъ въ полное безуміе.

Брикъ миновалъ насъ сзади и пошелъ по вѣтру. вмѣстѣ съ удаленіемъ этого брика и его ужаснаго экипажа, постепенно угасли наши мечты объ избавленіи.»

По всей справедливости Еугека была написана Эдгаромъ Поэ съ наибольшимъ вдохновеніемъ. Мы не можемъ здѣсь дать подробный отчетъ объ этомъ произведеніи. Разборъ этой книги требуетъ отдѣльной статьи. Кто читалъ его *Магнетическое открытіе*, тотъ знаетъ, въ чемъ состояли метафизическія стремленія Поэ. Въ сочиненіи Еугека авторъ излагаетъ процессъ того закона, по которому создана видимая дѣйствительная форма вселенной и какимъ образомъ по этому-же закону образованъ ея организмъ; и потомъ онъ развиваетъ какъ этотъ-же самый законъ или порядокъ послужить къ разрушенію міра. Теперь понятно, почему мы не хотимъ слегка разсуждать о такихъ важныхъ вопросахъ, и не разсматриваемъ критически Еугека. Главное опасеніе наше состоитъ въ томъ, чтобы не оклеветать, по собственному заблужденію, автора, къ которому мы питаемъ уваженіе. Уже многіе обвиняли Эдгара Поэ въ пантеизмѣ и хотя, по видимому, это справедливо, но мы можемъ увѣрить читателей, что онъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ, часто впадалъ въ сильныя противорѣчія, и убѣжденія его рѣшительно противорѣчатъ пантеизму.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Семья и Свѣтъ. Оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и семи картинахъ, сочиненіе *С. В. Белибина*.

Дилетантъ пятого яруса. Оригинальная шутка, въ одномъ явленіи, съ куплетами.

Тяжба. Комическая сцена *Н. В. Гоголя*.

TAILLEUR VALAÏKIN. Оригинальный водевиль, въ одномъ дѣйствіи.

(*Бенефисъ г. Марковецкаго*).

Каждый разъ, давая отчетъ о нашихъ бенефисныхъ новостяхъ, мы неизбѣжно должны начинать его жалобами на совершенный неурожай изящнаго и замѣчательнаго въ нашей драматической литературѣ. Бездна названій и ни одной оригинальной мысли, ни одного художественнаго труда. Въ драмахъ отсутствіе дѣйствія и вымысла, въ водевиляхъ бѣдность остроумія, въ передѣлкахъ и переводахъ недостатокъ выбора, недостатокъ, часто увеличенный безграмотностію языка. Наши бенефисныя пьесы пишутся для одного суфлера; ни сознательныя артисты, ни снисходительная публика не принимаютъ участія ни въ ихъ рожденіи, ни въ ихъ смерти... Для читателя интереса въ нихъ еще меньше. Это красавицы по милости бѣлиль и румянъ, сурмы и накладныхъ формъ; это недозрѣлые Икары съ восковыми крыльями, жалкіе недоспѣлки воображенія; въ нихъ все произвольно и потому все несвободно; это пародіи на дѣйствительность, безжизненные трупы еще до рожденія, которые не обольщаютъ даже и призракомъ естественности и правдоподобія. Печально и мертво наше драматическое поле, поросшее

ковылью. Простите за немножко сильную фигуру, но вѣдь мы смѣемся сквозь слезы. Никто болѣе насъ не имѣетъ права на это горькое сознаніе, на эту справедливую жалобу. На насъ лежитъ оцѣнка и что еще печальнѣе *выборъ* новизны изъ этого наводненія карикатурныхъ пьесъ, безъ мысли и жизни... Артистовъ бенефициантовъ, въ выборѣ подобныхъ пьесъ мы обвинять не можемъ и не должны: они берутъ все то, что произведетъ наша хвораая муза, все то, что даютъ имъ наши доморощенные Шиллеры и Мольеры...

Г. Марковецкій, въ бенефисъ свой далъ намъ двѣ новыя пьесы и двѣ старыхъ сцены. Первая, какъ новость, очень скучна; вторая, очень весела, но стары. Начнемъ съ начала:

Драма «Семья и Свѣтъ», рассказываетъ въ весьма немногихъ словахъ:

Картина 1. Николай Ивановичъ Норинъ, юноша неопытный въ жизни, но далеко опытный въ раздачѣ векселей — долженъ идти въ тюрьму, за долги, которые онъ называетъ *должишками*. Въ самую патетическую минуту его переселенія въ мѣсто отлученія отъ міра житейскаго — его спасаетъ своимъ (непрочнымъ и недоказаннымъ) поручительствомъ каварный другъ Иванъ Ивановичъ Фертовъ. Фертовъ предлагаетъ Норину жениться.

Картина 2. Норинъ является въ домъ Андрея Петровича Бѣльскаго, рекомендуемый своимъ другомъ, встрѣчаетъ свою суженую и очень просто женится, не смотря на то, что его предосудительная жизнь хорошо извѣстна отцу невесты.

Картина 3. Годъ спустя, Норинъ начинаетъ опять жить спустя рукава; къ женѣ его является утѣшитель, въ образѣ двоюроднаго брата.

Картина 4. Норинъ кутитъ попрежнему, проигрываетъ тысячи, жена плачетъ, а ее увѣряетъ въ вѣчной и пылкой любви коварный другъ Норина Фертовъ.

Картина 5. Проигравъ бездну денегъ, Норинъ готовъ раскаяться, — но ошибкой ѣдетъ въ маскарадъ... Добрый другъ указываетъ женѣ на его слѣдъ...

Картина 6. Норинъ интригуемый хорошенькою женщиной, ставитъ на ея счастье карту за картой и проигрываетъ. Оскорбленная жена срываетъ съ себя маску, вырываетъ у мужа послѣднія деньги и...

Картина 7. Что дѣлать Норину? Надо застрѣлиться. Пистолетъ заряженъ, рѣчь раскаянія прочтена... Самоубійца близокъ къ гробу; но жена, подслушавшая его плачевную тираду, вырываетъ пистолетъ изъ рукъ мужа и даритъ ему великодушное прощеніе...

Картина 8. Виноваты! кажется восьмой небыло, — что со стороны

автора можетъ назваться большою ошибкою. Пьесу, при такомъ обильномъ планѣ, можно бы было растянуть на двѣ тысячи картинъ и исполнять ее столько-же лѣтъ, какъ и китайскую драму «Сирота изъ поколенія Чао.»

Не смотря на то, что пьеса эта напоминаетъ завязку и интригу извѣстной драмы Дюканжа: «Тридцать лѣтъ изъ жизни игрока» авторъ весьма неудачно воспользовался старою мыслею, положивъ въ основу плана нѣсколько частныхъ интригъ, неестественныхъ и несбыточныхъ.

Мы уже сказали, что дурно начатыхъ и еще неискуснѣе конченныхъ пьесъ у насъ бездна непроходимая, но должны прибавить, что инья изъ этихъ пьесъ при художественномъ исполненіи нѣкоторыми артистами, даже при насильственномъ осуществленіи и пересозданіи роли не всегда умираютъ отъ апоплексіи, но живутъ, блѣднѣютъ, чахнутъ и переселяются на кладбищѣ театральнѣйшей библіотеки, только послѣ третьяго представленія. Драма «Семья и Свѣтъ» не удостоилась и этой эфемерной славы, и этой микроскопической жизни... она картинно пала, со всеми своими семью картинками. По какому-то странному нерасчету, г. бенефицианту угодно было главную роль пьесы одолжить г. Степанову, актеру еще очень мало знакомому съ своимъ искусствомъ; актеру съ талантомъ неразвитымъ и посредственнымъ, котораго мѣсто во вторыхъ и небойкихъ амплуа драмы. Неестественная дикція г. Степанова и его принужденность въ каждой фразѣ и позѣ — еще болѣе увеличили недостатки и неоконченность бѣдной роли Норина. Страдательное лицо Лизы, жены Норина, выпало на долю г-жи Читау, которая исполнила свою роль съ видимымъ стараніемъ; но стараніе еще не есть главная черта патетическаго чувства, требующаго, кромѣ умѣнья во время поплакать, иногда и прочувствовать свою роль. Роль Фертова исполнилъ г. Вороновъ. О прочихъ дѣйствующихъ лицахъ не скажемъ многого, потому-что они и сами говорили очень мало.

Дилетантъ 5-го яруса. Шутка, о которой, какъ о произведеніи литературномъ уже знаютъ читатели Пантеона. Незамысловатый и не очень остроумный рассказъ, о томъ, какъ блаженствуютъ меломаны на вершинѣ не для всякаго досягаемой, — шутка эта открываетъ весьма необширное поле артисту—разкащику. Не смотря на то въ мастерской рѣчи и свободной манерѣ г. Марковецкаго рассказъ принялъ форму пьески оживленной, не лишенной интереса и легкаго комизма.

Говорить объ исполненіи нашимъ дорогимъ гостемъ г. Щепкинымъ роли Бурдюкова въ комической сценѣ «Тяжба», значитъ влетать въ

лавровый вѣнокъ артиста лишній лепестокъ, а въ вѣнкѣ этомъ нѣтъ ужь мѣста!

Разскажемъ содержаніе русскаго водевиля съ французскимъ заглавіемъ, *Tailleur Valaikin*.

Юный Рафаилъ Данилычъ Кисточкинъ влюбленъ въ дочь портнаго Валяйкина и, рисуя на его вывѣскахъ бородатыхъ, франтовъ, невольно засматривается въ хорошенькіе глазки Любушки. Извѣстно, что по законамъ водевиля всякая любовь должна пройти море бѣдъ, золь, и препятствій. Препятствіе является въ лицѣ Monsieur Поля, мнимаго компаньона какого-то графа. Поль молодъ, немножко развязанъ, столько-же важенъ и еще болѣе хвастливъ. Валяйкинъ вѣритъ отъ души его размашистой рѣчи, его аристократическимъ перчаткамъ и желаетъ насильно выдать Любушку за благороднаго Льва. Но Афродита, покровительница непорочной водевильной любви, бодрствуетъ надъ бѣднымъ живописцемъ. На его счастье Поль приводитъ съ собою графскаго комердинера, который за хлѣбосольнымъ и веселымъ угощеніемъ портнаго, рассказываетъ что Поль — не Поль, а просто *Пашка*, графскій лакей, когда-то побывавшій за границей съ своимъ бариномъ. Вы видите, что портной Валяйкинъ не даетъ пьесѣ никакого права назваться своимъ именемъ; но авторъ наперекоръ ему сдѣлалъ маленькій подлогъ, русскаго портнаго едва не назвалъ французомъ и за то получилъ достойное возмездіе... Портной Валяйкинъ показался зрителямъ выкроеннымъ по старой и ветхой мѣркѣ.

Гаррикъ во Франціи. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Причудница, или жена и нянька. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Гг. *Крестовскаго* и *Анца*.

Медовый мѣсяцъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Охтянка или чудо съ чудакомъ. Водевиль.

(*Бенефисъ 2-жи Гусевой*).

Библіотека для Чтенія когда-то, горько жалуясь на безплодіе въ нашей литературѣ, обѣщала нѣмцамъ за порядочный романъ нѣсколько пудовъ сала, вдвое больше пѣньки и столько-же ворвани. Бываетъ неурожайное время, въ которое, за одну комедію мы готовы посулить сорокъ паръ лисьихъ шкуръ, пѣлаго бобра и, пожалуй, двухъ куницъ. При такой опромѣтчивой щедрости бенефисная афиша г-жи Гусевой могла-бы раззорить насъ въ конецъ, если-бы названныя нами три комедіи, серьезно, подарили зритѣля, хотя чемъ-нибудь новымъ.

Комедія «Гаррикъ во Франціи» напоминаетъ намъ нехитрый, неправдоподобный и давно забытый французскій рассказъ, помѣщенный въ переводѣ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Знаменитый англійскій актеръ пріѣхалъ во Францію и остановился въ одномъ изъ самыхъ жалкихъ и бѣдныхъ трактировъ; здѣсь-же прохлаждаетъ свой сплинь и землякъ его лордъ Стемптонгъ; англичанинъ форменный, причудникъ, холодный, какъ рыба, ничемъ невозмутимый, какъ камень, словомъ, одинъ изъ тѣхъ странствующихъ лордовъ, какими они являются во всѣхъ нашихъ анекдотахъ и водевиляхъ. Въ эту-же гостиницу являются двое французскихъ актеровъ, а съ однимъ изъ нихъ красавица сестра, большая мастерица влюблять въ себя позаказу. Цѣль пріѣзжихъ артистовъ взглянуть на Гаррика и подшутить надъ нимъ въ отплату тѣхъ оскорбительныхъ отзывовъ, которые онъ высказалъ когда-то о французскихъ актерахъ. Заговоръ ихъ однако-же подслушанъ Гаррикомъ. Знаменитый англичанинъ, не желая оставаться въ долгу у своихъ собратьевъ по ремеслу, приказываетъ своему слугѣ шепнуть на ухо болтливому трактирщику, что-де лордъ и Гаррикъ помѣнялись именами. Изъ этой выдумки проистекаетъ, какъ всякій догадается, нѣсколько комическихъ сценъ. Француженка ухаживаетъ за мнимымъ лордомъ и дѣйствуетъ безъ всякаго успѣха, — въ то время, какъ не знаетъ куда бѣжать отъ мнимаго Гаррика, который по ея мнѣнію разыгрываетъ роль причудника вельможи, предлагающаго ей и руку, и сердце, и богатство. Истина разрѣшается письмомъ, принесеннымъ на имя Гаррика. Всѣ очень довольны, кромѣ публики и бѣдной француженки, потерявшей выгодную партію... Въ цѣлой пьесѣ только одно сколько-нибудь человѣческое лицо, именно лорда-англичанина; лицо это еще болѣе выдвинуто на видъ артистическимъ исполненіемъ г. Самойлова. Множество смѣлыхъ сценъ, которыя рѣшительно не принадлежатъ автору, въ игрѣ г. Самойлова производили удивительный эффектъ. Минута, въ которую лордъ, измученный своимъ сплиномъ, своимъ отчужденіемъ отъ всего — предлагаетъ свое сердце прекрасно и чрезвычайно естественно.

Причудница или жена и нянька. Комедія, завязка которой вертится на мысли повторенной миліонъ разъ въ драмахъ, комедіяхъ, водевиляхъ, романахъ, мелодрамахъ; намъ даже помнится, что эту самую мысль мы встрѣчали въ какой-то эпической поэмѣ. Но и повторенное сто разъ можно выслушать въ сто первый, если старое подогрѣто новизною остроумія... Съ причудницей этого не случилось. Авторы, работая въ четыре руки, написали только одинъ удачный куплетъ, а планъ и ходъ пьесы великодушно оставили въ томъ стереотипномъ видѣ, какъ они существуютъ съ перваго въ мірѣ брака. Молоденькая

жена капризничаетъ и, разумѣется, терзаетъ своего нехрабраго мужа. Дядя, отжившій холостякъ, желая упрочить брачное состояніе племянника и водворить въ домъ его миръ, тишину и согласіе — одушевляетъ молодечество племянника, а жену его увѣряетъ, что молодецъ — покупиваетъ, поигрываетъ въ картишки и даже влюбляется... Холодность мужа, — разумѣется, исправляетъ капризную жену — и конецъ дѣлу и комедіи. Комедія мѣтитъ на *пословицу*, а можетъ развѣ служить оправданіемъ поговорки — «нѣтъ добра безъ худа.»

«Медовый мѣсяцъ» живетъ на нашей сценѣ слишкомъ два мѣсяца. Читатели Пантеона встрѣтили эту пьесу въ восьмой книжкѣ нашего журнала, а потому мы проходимъ ее молчаніемъ и приступаемъ къ отчету о послѣдней пьесѣ, если только сцены безъ лицъ, безъ идеи и интригъ, могутъ называться пьесами. Таковъ точно водевиль.

«*Охтянка или чудо съ чудаконъ*». Въ немъ или вовсе нѣтъ чуда или ужъ его очень много. Извольте видѣть: русскій графъ, такой-же сплинманъ, какъ и покойный лордъ Стемтонгъ, не нашелъ другаго средства размыкать свою хандру, — какъ выписать изъ своей деревни малоросса и послушать его пѣсень. При этомъ удобномъ случаѣ авторъ весьма неискусно заставляетъ малоросса дивиться длинной панской *люлькѣ*, его кресламъ и дажа примѣривать на свой чупъ пуховую шляпу. Графъ очень доволенъ своимъ шутонъ, къ тому-же онъ въ расположеніи духа, на что имѣло вліяніе встрѣча съ хорошенькой охтянкой, а охтянка эта выходитъ — какая-то княгиня, старая подруга графа. Удивительно, удивительно!.. Княгиня съ коромысломъ.. и ново, и остро!

В. С.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Спектакли въ маѣ мѣсяцѣ. — Новые водевили. — Важность гастрономіи въ нашъ вѣкъ. — Излишество хуже недостатка. — *Клуди*. — Пьесы возобновленныя. — *Облако на небо*. — *Отецъ и дворникъ*. — Спектакли на Каменномъ островѣ въ июнѣ и июлѣ. — Августовскіе спектакли. — *Закатъ свѣтила*. — *Дамская война* и *Старый добрякъ*. — *Фортепьяно Берты*. — *Авантюристка*. — Итальянскія арлекинады. — *Сара Креолка*. — Сентябрь первый мѣсяцъ зимняго сезона. — *Ницца*. — Новые и возобновленные водевили. — Три пьесы Скриба, Гюго и Занда.

Мы давно уже не бесѣдовали съ читателями о нашемъ французскомъ театрѣ. Причина этому была та, что въ лѣтніе мѣсяцы дается очень мало замѣчательныхъ произведеній и самые спектакли бывають

не такъ интересны. Теперь, съ наступленіемъ зимняго сезона, съ приближеніемъ значительнаго числа бенефисовъ, мы спѣшимъ уплатить накопившуюся за нами недоимку, и отдать отчетъ въ лѣтнихъ спектакляхъ французской труппы.

Въ маѣ мѣсяцѣ даны были въ первый разъ всего четыре новые водевиля : *Индѣйка съ трюфелями* (La dinde truffée), *Мужъ, котораго уже слишкомъ любятъ* (Un mari trop aimé), *Взаимное обученіе* (L'enseignement mutuel) и *Мужъ хорошенькой женщины* (Le mari d'une jolie femme). Въ первомъ водевилѣ идея очень недурна: пьеса основана на томъ, что лакомое блюдо имѣетъ часто большое вліяніе на счастіе и судьбу человѣка. Это совершенно справедливо въ наше время, когда гастрономія почти всеми предпочитается астрономіи и прочимъ наукамъ, уже слишкомъ далеко и высоко заносающимся. Messer Gaster играетъ у насъ роль чуть-ли не важнѣе, нежели въ ту эпоху, когда его воспѣвалъ Рабеле. Сколько поступковъ въ свѣтѣ совершается исключительно для желудка и изъ-за желудка ! Глубокую науку составилъ современный человѣкъ изъ потребности кушать всякій день. Въмѣсто того, чтобы поддерживать пищею свое существованіе, онъ его ослабляетъ пищею, но за то какія утонченныя, разнообразныя наслажденія доставляетъ ему желудокъ. Мы никогда не повѣримъ, чтобы римляне ѣли лучше насъ. Они были обжоры, а не гастрономы. Въ садахъ Эпикура не могли обѣдать лучше, чѣмъ въ Телемской виллѣ. Что Лукуллъ въ сравненіи съ Талеираномъ ! и если Клеопатра глотала толченый жемчугъ, то не думаемъ, чтобы онъ былъ вкусомъ лучше той тартинки, на которую знаменитый лордъ положилъ банковый билетъ въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ и намазавъ его сверху масломъ, съѣлъ, запивая чаемъ.

Названіе водевиля *Мужъ, котораго уже слишкомъ любятъ*, объясняетъ самую пьесу. Любовь слишкомъ усердная можетъ измучить также, какъ и равнодушіе, даже больше равнодушія. Наша слабая натура, золотая посредственность, aurea mediocritas, въ жизни и чувствахъ не переноситъ никакихъ крайностей. Больше всего мы любимъ середку-наполовинѣ ; прекрасное русское выраженіе, означающее больше, чѣмъ французское juste-milieu. Гдѣ нашему слабому тѣлу, боящемуся ревматизма и индигестіи—переварить сильныя страсти. Онѣ смѣшны и неприличны ; мы не любимъ ихъ даже въ романахъ. На сценѣ они хороши развѣ только въ водевиляхъ ; упадокъ трагедій всего лучше доказываетъ это.

Основная мысль водевиля *Мужъ хорошенькой женщины* также очень стара. Такому мужу услуживаютъ все поклонники его жены—это

иначе и быть не может. Напрасно только авторы этого водевиля прилепили къ основной идеѣ волокитство самаго мужа за женою своего прикащика. Это совершенно лишнее въ пьесѣ, разыгрываемой Леменилемъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Очень хорошъ въ ней также Руже, играющій въ другихъ водевиляхъ съ тѣмъ-же совершенствомъ, кромѣ *Взаимнаго обученія*, пустомъ и не интересномъ фарсѣ, который даютъ для съѣзда и разъѣзда публики.

Изъ пьесъ, возобновленныхъ въ маѣ мѣсяцѣ и игранныхъ въ первый разъ въ нынѣшній сезонъ, лучше всѣхъ безспорно: *Клоди*, это превосходное созданіе Жоржъ-Занда, одна изъ первыхъ пьесъ французскаго репертуара, пользующаяся всегда полнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Считаемъ излишнимъ прибавлять, что она была разыграна съ тою же удивительною совокушностью (ensemble), къ которой мы такъ привыкли на французской сценѣ.

Изъ другихъ большихъ пьесъ мы видѣли въ это время: *Парижскаго мальчишку* (Le gamin de Paris), который уже немного устарѣлъ для нашего времени; *Жемчужное ожерелье* (Le collier de perles) не дурную, но слишкомъ растянутую комедію г. Мазера, которая вмѣсто трехъ актовъ легко могла-бы умѣститься въ одномъ, — и наконецъ *Дядю Батиста* (L'oncle Baptiste) прекрасную комедію Эмиля Сувестра, въ которой такъ хорошъ Мондидье и которая такъ не понравилась александринской публикѣ въ русскомъ переводѣ.

Кромѣ того, было, какъ водится, много водевилей, смѣшныхъ и замѣчательныхъ, какъ на примѣръ: *Женщина, теряющая свои подвязки* (La femme qui perd ses jarretières), *Мученіе Тантала* (Le supplice de Tantale), *Обнимемся Фолльвилъ!* (Embrassons nous Folleville) и *Маленькій Пьеръ* (Le petit Pierre), въ которомъ превосходенъ Руже. Изъ этихъ четырехъ, очень недурныхъ пьесокъ, третья передѣлана уже для русской сцены, а другія легко могли-бы явиться на ней въ переводѣ, если уже не явились подъ какимъ нибудь дикимъ и хитросплетеннымъ названіемъ, потому что иногда въ этихъ водевиляхъ трудно угадать, какая именно французская пьеса переломана на русскіе нравы.

Къ плохимъ водевилямъ мы причислимъ: *Тити на представленіи оперы Робертъ-Дьяволъ* (Titi à la représentation de l'opéra Robert le diable) *Два порядочныхъ барина* (Deux papas très bien) фарсъ уже черезъ чуръ мѣстный, въ которомъ хорошъ только Лемениль, также какъ и въ другомъ фарсѣ: *Общество пальца-въ-глазу* (La société du doigt dans l'oeil).

Всего въ маѣ было четырнадцать французскихъ спектаклей, въ которые было сыграно сорокъ пять пьесъ, изъ которыхъ пятнадцать

упомянутыхъ нами, явились въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Одинадцатаго мая г-жа Плесси играла въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, на четыре мѣсяца вакантнаго времени, которымъ она пользуется каждый годъ.

Съ іюня представленія начались на Каменномъ Островѣ, куда обыкновенно переселяется наша французская труппа на два лѣтніе мѣсяца, которые бывають очень бѣдны новостями. Новыя пьесы, игранныя въ іюнѣ были слѣдующія:

Облачко на-небѣ (Un nuage au ciel). Несмотря на то, что эта пьеса названа водевилемъ и въ ней одинъ актъ—это цѣлая драма, довольно запутанная, но не лишенная интереса. Къ капитану Мюрюелю пріѣзжаетъ изъ Алжиріи его другъ, Рауль, влюбленный до безумія въ одну дѣвушку и оказавшій чудеса храбрости для того, чтобы получить ея руку. Оказывается однакоже, что эта дѣвушка уже замужемъ и именно за Мюрюелемъ. Мужъ узнаетъ, что жена его даже любила до свадьбы его друга, — и только воля отца и слухъ, что Рауль убитъ, заставили ее выдти замужъ. Что-бы не нарушить семейнаго счастья, Мюрюель придумываетъ сказать Раулю, что онъ его сынъ, — и тотъ женится на сестрѣ своей прежней возлюбленной. Развязка пьесы нѣсколько странна, и мы даже не думаемъ, чтобы выдумка эта дѣйствительно все примирила и успокоила. Сколько пьесъ кончилось бы совершенно иначе, еслибъ продолжить дѣйствіе еще на нѣсколько лѣтъ!...

Отецъ и дворникъ (Père et portier) двухъ-актный водевиль, также довольно занимательный. Сынъ одного дворника выдаетъ себя за сына генераль-лейтенанта и втирается въ знатный домъ. Отецъ, что-бы уличить его, является туда-же, на балъ; его принимаютъ прекрасно, считая за генераль-лейтенанта, и онъ даже очень нравится тамъ, пока послѣ нѣсколькихъ стакановъ пуншу не начинаетъ отпускать любезности одной устарѣлой кокеткѣ. Развязка пьесы однакожъ очень слаба и неестественна. Лемениль неподражаемъ въ ролю дворника. На русской сценѣ эта пьеска могла бы имѣть успѣхъ.

Ромео и Мариелла. (Roméo et Marielle) водевиль съ переодѣваньями: двое влюбленныхъ наряжаются одинъ — старикомъ, а другая — старухой и обманываютъ другъ друга. Все это неестественно и не интересно. Г. Бертонъ былъ очень хорошъ.

Колебанія Розетты. (Les incertitudes de Rosette) пьеска немного лучше предыдущей, съ пустымъ содержаніемъ.

Эльзаръ Шаламель. (Elzéar Chalamel) водевиль трехъ-актный, что даже ужъ и много для водевиля, особенно для такого, который весь основанъ на похожденияхъ одного повѣсы, преслѣдуемаго за долги кре-

диторами. Господинъ Шаламель, въ продолженіи трехъ актовъ дурачить и этихъ кредиторовъ и агента, посланнаго, чтобъ взять его. Есть нѣсколько забавныхъ сценъ, но вся пьеса длинна и не интересна.

Изъ возобновленныхъ пьесъ играли только одинъ довольно пустой водевиль:

Жобенъ и Нанетта. (Jobin et Nanette) всѣхъ спектаклей въ іюнѣ было семь; пьесъ сыграно двадцать три; являющихся въ первый разъ шесть.

Іюнь былъ еще небогаче французскими спектаклями: ихъ было всего шесть въ этомъ мѣсяцѣ; пьесъ сыграно девятнадцать; изъ нихъ въ первый разъ въ этотъ сезонъ явилось пять. Совершенно новыхъ двѣ: пустой водевиль *Un monsieur qui prend la mouche*, и *Подуйте мнѣ въ глазъ* (*Soufflez moi dans l'oeil*). Последняя, составленная изъ двухъ мужскихъ ролей, до того плоха, что мы не понимаемъ появленія ее на нашей сценѣ.

Изъ возобновленныхъ пріятнѣе всего было увидѣть *Дочерей Доктора* (*Les filles du docteur*), пьесу Скриба. Этого довольно, чтобы сказать, какъ она занимательна и хорошо ведена. *Семейство Трубочистнаго мастера*. (*La famille du fumiste*) также недурная, хотя растянутая и мѣстами невыдержанная пьеса, но въ ней прекрасны Мондидье и Лемениль. *Тетка Лоріо* (*La tante Logiot*) pendant къ дядь *Батисту*.

Всѣхъ спектаклей на Каменномъ островѣ было тринадцать.

Въ августѣ спектакли, какъ извѣстно, начинаются только со второй половины мѣсяца; не смотря на это, ихъ было восемь и пьесъ сыграно двадцать пять, изъ которыхъ пять новыхъ и четыре возобновленныхъ. О каждой изъ нихъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Закатъ свѣтила. (*Le coucher d'une étoile*) комедія Леона Гозлана. Свѣтило это — театральное, разумѣется женскаго пола. Два англичанина являются къ нему послѣ театра и проводятъ всю ночь, стараясь выжить другъ друга. Актриса не выбираетъ ни того, ни другаго, потому что у нея уже есть обожатель — публика. Лордамъ не приходится въ голову отвѣчать, что они также принадлежатъ къ публикѣ и что любовь къ цѣлому не исключаетъ любви къ единицѣ. Нельзя сказать, чтобы въ этой пьесѣ извѣстный романистъ загладилъ неудачу своего предыдущаго произведенія: «Слава Богу, столъ накрытъ», о которомъ мы говорили въ первой нашей статьѣ. Это таже драматическая половица, хотя и названа комедіей. Разговоръ въ ней блестящъ и остроумень, но одного разговора мало для пьесы, а въ «Закатъ свѣтила» нѣтъ ни мысли, ни дѣйствія, ни характеровъ.

Дамская война (*Bataille des Dames*) трехъ-актная комедія Скриба

имѣла такой-же успѣхъ и по возобновленіи, какъ въ первое представленіе. Въ искусствѣ вести интригу и располагать интересъ дѣйствія такъ, чтобы вниманіе зрителя не ослабѣвало ни на минуту, — Скрибъ не имѣетъ соперниковъ. Много у него пьесъ съ неправдоподобнымъ содержаніемъ, но нѣтъ ни одной безъ сценическаго эффекта. Дамская война отличается занимательнымъ положеніемъ и написана прекраснымъ языкомъ.

Старый добрякъ, (*Le bonhomme Jadis*) комедія Мюрже, автора «Цыганской жизни», не богата содержаніемъ, но написана съ теплымъ чувствомъ и нравится своею безыскусственностью. Старикъ, который, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, любитъ повеселиться и готовъ помогать другимъ, чѣмъ можетъ. Видя, что двое молодыхъ людей любятъ другъ друга, онъ старается всѣми силами устроить ихъ счастье, женитъ ихъ и отдаетъ имъ все свое состояніе. Есть еще такіе старики! — На сценѣ Мондидье былъ прекрасенъ въ роли старика.

Фортепьяно Берты. (*Le piano de Berthe*) комедія-водевиль, очень похожая на драматическую пословицу, не потому-что въ ней всего три лица, но потому-что въ пьесѣ очень мало дѣйствія и она почти вся основана на одномъ разговорѣ. Композиторъ Францъ (*nota bene*: не Листъ) слышитъ, проходя по улицѣ, какъ въ одномъ домѣ очень плохо разыгрываютъ романсъ его сочиненія. Онъ безъ церемоніи является къ виртуозкѣ и говоритъ ей колкости. Она отвѣчаетъ тѣмъ-же, но дѣло оканчивается, разумѣется, тѣмъ, что они влюбляются другъ въ друга и узнаютъ, что видѣлись еще въ дѣтствѣ. Онъ даже, какъ водится въ водевиляхъ спасъ ей жизнь отъ бѣшеной лошади или коровы, не припомнимъ хорошенько. Пьеса не оканчивается свадьбой, послѣ часоваго разговора, хотя свадьба и остается въ перспективѣ. Въ этомъ случаѣ авторы не слѣдовали общепринятой рутинѣ. Не смотря на бѣдность содержанія, пьеса нравится, потому-что написана прекрасно и точно также разыграна.

Авантюристка, (*L'Aventurière*) одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя можно смотрѣть нѣсколько разъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, которыхъ очень немного даже на французской сценѣ. Можно даже сказать положительно, что это лучшая пьеса, явившаяся въ послѣднее время на нашей сценѣ. Въ этой комедіи есть все, что необходимо не только для успѣха сценическаго, но и литературнаго достоинства пьесы: занимательность сюжета, оригинальные, прекрасно очерченные характеры, искусно веденная интрига, драматическое положеніе, интересъ, возрастающій съ каждымъ дѣйствіемъ и наконецъ превосходные стихи. Читатели Пантеона знакомы съ этой пьесою; въ нашемъ журналѣ она по-

мѣщена въ прозаическомъ переводѣ, который даетъ настоящее понятіе объ этой пьесѣ. Послѣ пьесъ Виктора Гюго не читали ни у кого такихъ прекрасныхъ стиховъ. Черезъ-чуръ прославленный Понсаръ гораздо ниже Ожье и по концепціи своихъ пьесъ и по ихъ изложенію. Мы не видали на нашей сцены первыхъ комедій Ожье. *Un homme de bien* въ стихахъ и *La chasse au roman* и *L'habit vert* комедіи въ прозѣ. Онъ конечно слабѣе его *Авантюристки*, *Габріели*, *Цикуты*, но все-таки ихъ было-бы очень интересно посмотрѣть, чтобы судить о постепенномъ развитіи дарованія этого замѣчательнаго писателя. Онъ пишетъ немного (кромѣ названныхъ нами пьесъ у него есть еще опера *Сафо*) и тѣмъ болѣе мы должны дорожить его пьесами. Надѣмся, что заботливая Дирекція наша порадуетъ публику, поставивъ на сцену самую лучшую, послѣднюю драму его *Діану*, произведеніе, не уступающее ни одной изъ тѣхъ пьесъ, которыми гордится Франція.

Дуэль на жаворонкахъ, (*Un duel aux mausiettes*) фарсъ смѣшной по положенію одного несчастнаго любовника. Соперникъ его, аптекарь, чтобы рѣшить споръ: кому должна принадлежать одна красавица, кладетъ отраву въ одного жаворонка изъ пары, принесенной на завтракъ и вызываетъ врага съѣсть одного изъ жаворонковъ. Разумѣется, что отравы не было положено вовсе никакой и бѣднякъ только воображаетъ, что онъ отравленъ.

Тетка Мишель въ Итальянской оперѣ. (*La mere Michel aux Italiens*). Признаемся, мы съ неудовольствіемъ увидѣли возобновеніе этого фарса, который, по нашему мнѣнію, только уменьшаетъ извѣстность г. Лемениля, какъ комическаго артиста. Можно улыбнуться, смотря, какъ Дешанъ играетъ пародію на Роберта въ пьесѣ: *Titì*, но видѣть г. Лемениля въ женскомъ платьѣ, говорящаго натянутые каламбуры и осмѣивающаго *Сороку Воровку*, — право это какъ-то нейдетъ къ нашей сценѣ и къ уважаемому всеми артисту. Не все то, что смѣшить въ Парижѣ, должно смѣшить и въ Петербургѣ.

Прощайте господинъ Панталонъ, (*Bonsoir Monsieur Pantalon*) мы не знаемъ фарса веселѣе, интереснѣе, забавнѣе этой хорошенькой арлекинады. Это образецъ итальянской комедіи XVII столѣтія, только безъ грубыхъ и плоскихъ шутокъ, составляющихъ необходимую принадлежность пьесъ этого рода. Послѣ Мольера, подражавшаго во многихъ пьесахъ итальянскимъ арлекинадамъ, этотъ родъ былъ забытъ и оставленъ, и только въ наше время, бросающееся ко всемъ сюжетамъ, возобновляющее все забытое, было сдѣлано нѣсколько попытокъ воскресить арлекинаду. Даже Жоржъ Зандъ попробовала свои силы на этомъ поприщѣ въ своихъ *Ваканціяхъ Пандольфа*, (*Les Vacances de Pan-*

dolphe) но ей не удалось эта попытка: въ ея пьесѣ нѣтъ непринужденной веселости, наивности и простодушія арлекинады; она растянута и незанимательна. Но что не удалось одному изъ огромныхъ современныхъ талантовъ, того достигли какіе-то господа *Локруа* и де-*Морванъ*. Подобные случаи встрѣчаются иногда въ литературѣ вообще, а въ сценической въ особенности. Стѣдуетъ только вспомнить паденіе великихъ романистовъ на сценѣ и успѣхъ на ней даже и не золотой посредственности. *Habent sua fata auctori!*..

Послѣднею и самою замѣчательною новостью спектаклей въ августѣ была пятиактная драма: *Сара Креолка*. (*Sarah la créole*); замѣчательною не по своему достоинству, а потому что это первая драма, данная въ нынѣшнемъ сезонѣ, — если не считать «Цыганской жизни», которую сами авторы назвали по скромности просто пьесой въ пяти дѣйствіяхъ. Эта драма однако-же очень плоха по содержанію и по ходу дѣйствія, лишенная занимательности и правдоподобія. Это исторія одной злодѣйки, которая, живя въ хорошемъ семействѣ, употребляетъ все усилія, чтобы разстроить счастье этого семейства и даже отравляетъ дѣвушку, съ которой выросла вмѣстѣ и которую привыкла считать своею сестрою. Чтобы оправдать все эти преступленія, авторы пьесы придумали, что Сара мститъ за смерть своего отца. Но это мщеніе людямъ, ни въ чемъ не виноватымъ, слишкомъ отзывается мелодраматизмомъ, смѣшнымъ, а не ужаснымъ въ наше время. Къ довершенію эффекта оказывается, что дѣвушка, которую Сара собралась отравить — ея сестра. Все это сцѣпленіе неправдоподобныхъ ужасовъ и ужасныхъ неправдоподобностей нисколько не занимательно, и сверхъ того, пьеса составлена еще безъ соблюденія многихъ сценическихъ условій, что доказываетъ неопытность авторовъ на драматическомъ поприщѣ. Г-жа Вольнисъ, гг. Мондидье и Бертонъ сдѣлали все, что могли изъ своихъ неблагодарныхъ ролей, и благодаря имъ, пьеса имѣла небольшой полууспѣхъ. Вѣроятно, однако-же, она больше не возобновится.

Съ сентября начинается собственно зимній сезонъ для театровъ. Все постоянное народонаселеніе Петербурга уже съѣхалось кромѣ закоренѣлыхъ дачниковъ, доживающихъ еще гдѣ-нибудь, до конца своихъ флюсовъ и ревматизмовъ, между елями дачъ Лѣснаго Института, постоянно зелеными — явный признакъ, что лѣто еще не кончилось, — или пользующихся въ какой-нибудь Волинкиной деревнѣ удовольствіями, доставляемыми взморьемъ и Бабьей рѣчкой. Нынѣшній сентябрь принесъ съ собою, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ и возобновленныхъ водевилей, также пяти-актную драму, исторгшую даже нѣсколько слезъ изъ глазъ чувствительныхъ посѣтительницъ Михайловскаго театра. Драма эта на-

зывается: *Нищая* (La mendiante) и эта нищая драма хороша только потому, что лучше *Креолки*. Содержаніе ея уже не ужасно, а только трогательно, что, какъ извѣстно, составляетъ большой прогрессъ. Преступная жена, — субъектъ необходимый для сочиненія почти каждой современной французской пьесы, — удаляется изъ дому оскорбленнаго ею мужа, который говоритъ ей на прощанье, что она никогда не увидитъ своей дочери. Въ послѣдствіи однако же, онъ смягчается и рѣшается показать неутѣшной матери ея дочь — но судьба за него держитъ данное слово, и въ то время, когда мать подходитъ къ окну, ее ослѣпляетъ молнія, отчего она однако-же не падаетъ безъ чувствъ, — что-бы должно было случиться по всей вѣроятности, — а считаетъ нужнымъ увѣдомить сперва зрителей объ этомъ обстоятельстве, дѣйствительно довольно страннымъ, потому-что служанка, смотрѣвшая въ окно въ одно время съ госпожею, не только не ослѣпла, но даже не окривѣла. Къ довершенію этой маленькой неприятности, слѣпая мать узнаетъ, что ея дочь украли странствующие фигляры, и отправляется отнимать ее у паяцовъ. Какимъ образомъ достигаетъ она своей цѣли, какъ фигляры соглашаются отдать маленькую дѣвочку, не помнящую свою мать — нищей старухѣ, такой-же бродягѣ, какъ они сами, — это въ пьесѣ не объясняется и освобожденіе малютки, на которомъ основана развязка пьесы и за которое мужъ прощаетъ жену — совершается за сценой, по примѣру великихъ образцовъ классической древности: разказа Терамена и тому подобное. Не смотря однако же на многія несообразности и слабую идею драмы, въ ней есть много эффектныхъ мѣстъ, и вообще она ведена съ большимъ знаніемъ сцены. Имена ея авторовъ: *Анисе Буржуа* и *Мишеля Массона*, извѣстны давно, какъ поставщиковъ всякаго рода эффектныхъ драмъ для бульварныхъ парижскихъ театровъ, и мы удивляемся, отчего такіе опытные драматѣлаты упустили изъ виду такую сцену въ своей пьесѣ, какъ освобожденіе ребенка слѣпою матерью и заставили только рассказывать объ ней. Не можемъ не сказать также нѣсколько словъ о превосходномъ исполненіи этой пьесы нашими французскими артистами. Труппа, въ которой гг. Верне и Бертонъ берутъ на себя такія ничтожныя роли, можетъ сыграть самую плохую пьесу такъ, что она будетъ имѣть огромный успѣхъ.

Возобновлены были въ этомъ мѣсяцѣ слѣдующія пьесы: *Сърая шляпка или препятствія*. (Le chapeau gris ou les obstacles) не дурной водевль съ немножко устарѣлымъ содержаніемъ, но веденный очень искусно; *Сорока-лѣтняя женщина*. (Une femme de 40 ans) трехъ-актная комедія въ стихахъ д'Онкера, очень умная, хорошо написанная, но немного скучная комедія; (Portes et placards) исторія о

грязеткахъ, къ которымъ врывается сквозь заколоченную дверь одинъ несчастный должникъ преслѣдуемый кредиторами. (*Le moulin joli*) очень миленькая оперетка, имѣвшая успѣхъ и на русской сценѣ. Г-жа Мейеръ прекрасна въ роль скромнаго молодого челоуѣка, изъ котораго въ нѣсколько часовъ надо сдѣлать драгунскаго полковника. *Дружба женщинъ* (*L'amitié des femmes*), трехъ-актная комедія Мазера, хорошо написанная и веденная, но также устарѣлая по мысли. Шли также въ это время три совершенно новые водевиля: *Послѣдствія перваго брака* (*Les suites d'un premier lit*); *Свадьба по приказанію* (*Le mariage par ordre*) и *Голова Мартена* (*La tête de Martin*). Изъ нихъ только послѣдній очень смѣшенъ, благодаря г. Леменилю, отыскивающему вездѣ этого Мартена, который долженъ передать ему наследство. Наконецъ въ этомъ-же мѣсяцѣ были возобновлены три лучшія пьесы Скриба, Гюго и Жоржъ Занда: *Цѣпь* (*Une chaîne*) *Венеціанская актриса* (*La comédienne de Venise*) и *Свадьба Викторины* (*Le mariage de Victorine*).

Въ *Цѣпи* выведена опять на сцену жена, обманывающая своего мужа, но лицо это такъ облагорожено, такъ интересно по своимъ страданіямъ, по своему положенію въ свѣтѣ, что невольно забываешь избытокъ идеи, слѣдя за удивительно веденнымъ ходомъ пьесы. И потому идея эта, когда Скрибъ писалъ свою комедію, не сдѣлалась еще достояніемъ каждаго водевиля, каждаго фарса. Скрибъ представилъ ее съ серьезной, а не съ комической точки зрѣнія, и это уже большая заслуга. Самая мысль пьесы: что незаконная любовь *цѣпь* для всякаго, кто предается ей — нравственна и справедлива. Рано или поздно тотъ, кто прикованъ подобной цѣпью, захочетъ сбросить ее, потому-что она подавить его своею тяжестью. Надо видѣть эту пьесу и удивляться, съ какимъ тонкимъ вкусомъ, знаніемъ приличій и деликатностью Скрибъ обрисовалъ это затруднительное положеніе и какъ умѣлъ сдѣлать его занимательнымъ. Истинный художникъ узнается именно въ изображеніи такихъ предметовъ, которые подъ перомъ другаго непріятно поражаютъ слишкомъ грубыми и яркими красками.

Венеціанская актриса одна изъ лучшихъ пьесъ Виктора Гюго. Она довольно вѣрно обрисовываетъ картину средневѣковой Венеціи. Характеры лицъ этой пьесы очерчены сильно и рельефны; положеніе ихъ занимательно, интересъ поддерживается во всѣхъ сценахъ. Намъ всегда казалось только, что если-бы г-жи Плесси и Вольнисъ перемѣнились ролями, то пьеса шла-бы еще лучше.

Свадьба Викторины также одно изъ лучшихъ произведеній Жоржъ

Занда. Въ этой пьесѣ бездна граціи и чувства, въ ней все такъ просто, естественно, благородно. Характеръ героини выдержанъ прекрасно и невольно привлекаетъ всякаго. Никто лучше Занда не знаетъ женскаго сердца и не анализируетъ его такъ вѣрно и подробно. Какое-то тихое, успокоительное чувство пробуждаетъ въ сердцѣ эта пьеса...

Въ четырнадцать спектаклей, данныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, сыграно было тридцать семь пьесъ, изъ которыхъ четыре новыхъ и восемь игранныхъ въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ.

В. 3.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Франція.

Письмо изъ Парижа отъ 1/13 сентября.

Лѣтъ за сорокъ назадъ, когда вся нѣмецкая литературная и ученая братья раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, по поводу вопроса объ огражденіи авторскихъ правъ отъ грабительства издателей и перепечатывателей, одинъ весьма ученый докторъ и профессоръ *utriusque juris*, отчаянный противникъ литературной собственности, издалъ претолстую книгу, которая тогда много нашумѣла даже въ не литературномъ мірѣ. Къ сожалѣнію, я никакъ не могу припомнить имени этого скептика въ дѣлѣ литературной собственности. Впрочемъ не въ имени дѣло; не намѣренъ я также обращать противъ почтеннаго профессора его собственное оружіе и выписывать изъ его книги цѣлый трактатъ о любопытномъ вопросѣ, который въ настоящую минуту кружить голову французскимъ дипломатамъ, литераторамъ, фельетонистамъ, романистамъ, а болѣе всего — драматургамъ. Только этотъ ученый профессоръ невольно пришелъ мнѣ на память, когда я обмокнулъ перо въ чернила и сталъ припоминать разныя новинки Парижскаго театральнаго міра, чтобы занести ихъ въ свою лѣтопись.

Я очень хорошо понимаю, что трудъ писателя и художника, какъ и всякій трудъ, къ какому-бы разряду онъ ни принадлежалъ, имѣетъ неотъемлемое право на вознагражденіе, и что отнять у писателя матеріальныя выгоды отъ его дѣятельности, значило-бы убить его творчество, осудивъ его на безвыходную нужду или на трату своихъ силъ и времени для поддержанія жизни посторонними средствами. Однако, признавая и уважая литературную собственность, хотя не въ тѣхъ черезъ-чуръ широкихъ границахъ, которыя приписываетъ ей договоръ, заключаемый въ настоящее время Франціею съ сосѣдними державами,

нельзя, мнѣ кажется, не замѣтить, что въ умозаключеніяхъ нѣмецкаго профессора есть также своя частица истины, и что они удивительнымъ образомъ примѣняются къ тому, что мы видимъ во Франціи, особенно въ ея драматической литературѣ. Нигдѣ драматическіе писатели не получаютъ такихъ выгодъ отъ своихъ произведеній, и нигдѣ права ихъ не обезпечены въ такой степени, какъ во Франціи. Не отсюда-ли произошло такое громадное количество драматическихъ писателей и новыхъ пьесъ, которыхъ Парижскіе театры даже не успѣваютъ представлять жадной публикѣ? Не отсюда-ли эти безчисленныя компаніи, въ которыхъ десять головъ соединяются для раздуванія схваченнаго на лету остраго слова въ пошлый, ничтожный водевиль? Не отсюда-ли, наконецъ, эти безпрестанные процессы между членами такихъ компаній о произхожденіи какого-нибудь щедущаго, чахлаго литературнаго дѣтеныша? Недавно, на-примѣръ, былъ такой случай, по поводу самой ничтожной пьески, авторами которой были объявлены гг. Пьерронъ и Лаферьеръ. Послѣ двухъ или трехъ представленій, г. Ожé, объявилъ имъ процессъ за незаконное присвоеніе его собственности. Гг. Пьерронъ и Лаферьеръ возразили измѣненіями, сдѣланными въ пьесѣ г. Ожé и доказали *счетомъ*, что изъ первоначальной рукописи его уцѣлѣло всего 133 строчки; но главнымъ ихъ доказательствомъ на принадлежность имъ пьесы было то, что они придумали ей названіе, по ихъ мнѣнію болѣе удачное, чѣмъ прежнее. Кстати, замѣчу, что въ этихъ компаніяхъ для выдѣлки водевилей и драмъ, изобрѣтеніе удачнаго названія цѣнится очень высоко, чуть-ли не наравнѣ съ сочиненіемъ трехъ четвертей пьесы. Рѣшеніе, послѣдовавшее по этому процессу, не можетъ интересовать никого, кромѣ тягавшихся; если я заговорилъ о немъ, то только какъ объ одномъ примѣрѣ изъ сотенъ, до чего дошло во Франціи торгашничество въ литературномъ производствѣ. Если-бъ дѣло шло только о чести быть отцомъ реченной пьески, то безъ сомнѣнія ни одинъ изъ этихъ господъ не сталъ-бы о ней хлопотать; не мудрено даже, что настоящій виновникъ ея существованія былъ-бы очень радъ случаю свалить этотъ грѣшокъ на плеча другому; но тутъ идетъ дѣло объ авторской тантьемѣ (по спектакльной платѣ), а въ наше время, если кто можетъ требовать тантьемы, хоть за одну строчку, то и тутъ не откажется отъ нея.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить возрастающей въ публикѣ неразборчивости къ пьесамъ. Она ходитъ смотрѣть не пьесу, а любимыхъ актеровъ; лишь-бы они хорошо играли, а что они играютъ, до того ей почти нѣтъ дѣла. Мѣриломъ успѣха служитъ не литературное и художественное достоинство пьесы, а только ея исполненіе. Не есть

ли это явный признакъ равнодушія и неуваженія публики къ драматической литературѣ и осуществленія второй части предвѣщанія?

Растлѣніе и истощеніе творческихъ силъ въ драматической литературѣ Франціи очевидны и каждый день подтверждаются новыми фактами, съ самой логической послѣдовательностью. Сначала оно проявлялось только въ качествѣ новыхъ произведеній, съ нѣкотораго—же времени начинаетъ проглядывать и въ количествѣ, которое постоянно уменьшается. Впрочемъ, въ настоящую минуту трудно сказать положительно, что эта скудость новыхъ пьесъ происходитъ отъ истощенія творчества, дошедшаго до послѣдняго предѣла. Лѣто и начало осени здѣсь всегда бѣднѣе новостями, чѣмъ остальные мѣсяцы въ году. А сверхъ того, довольно вѣроподобно и то, что многіе поставщики драматическихъ издѣлій выжидаютъ окончанія переговоровъ съ иностранными державами объ авторскихъ тантьемахъ, чтобы поставить свои новыя произведенія съ первыхъ представленій подъ защиту договоровъ.

Кстати объ этихъ договорахъ. Драматическіе писатели рассчитываютъ на золотые клады отъ заграничныхъ уплатъ; они убѣждены, что ни одинъ театръ не можетъ жить безъ французскихъ издѣлій, и что директоры, волею—неволею, будутъ принуждены сдѣлаться ихъ данниками. Я сильно сомнѣваюсь въ справедливости ихъ расчета; директоры частныхъ театровъ сами народъ расчетливый и тугой на выдачу денегъ; пока они могли пробавляться переводами и передѣлками, они изъ личной выгоды жертвовали имъ оригинальными произведеніями; переводы и передѣлки вообще цѣнятся дешевле оригинальныхъ сочиненій, а имъ обходились особенно дешево, по тому обстоятельству, что въ бѣльшей части европейскихъ государствъ, на—примѣръ въ Англіи, законы весьма недостаточно опредѣляютъ взаимныя отношенія директоровъ и писателей; соперничество—же переводчиковъ и передѣльвателей не ограничивается рѣшительно ничѣмъ. Представьте—же теперь, что право перевода будетъ принадлежать исключительно тому, кто пріобрѣтетъ его отъ автора, и что директоръ, сверхъ вознагражденія за переводъ, будетъ обязанъ выдѣлять еще часть своихъ барышей автору, что переведенной или передѣланной пьесы невозможно будетъ выдать на афишѣ за оригинальную, и наконецъ, что французскіе писатели, подъ защитою между—государственнаго договора, введутъ ту—же строгость въ расчетахъ съ директорами, къ какой они привыкли въ своемъ отечествѣ. При такомъ новомъ положеніи вещей, какая будетъ стать директорамъ предпочитать французскія драматическія издѣлія отечественнымъ и платить за переводы и передѣлки столько—же, если не больше, какъ за произведенія оригинальныя? Не знаю, оправдается—ли моя мысль на дѣлѣ, но мнѣ

кажется, что господа французскіе драматурги, погнавшись за деньгами, не только ошибутся въ своихъ финансовыхъ расчетахъ, но еще разобьютъ другую, почти столь-же драгоценную имъ мечту, и убѣдятся, что французская драматическая литература вовсе не есть, какъ они воображаютъ, *conditio sine qua non* существованія иностранныхъ театровъ.

Нѣсколько не совсѣмъ пріятныхъ истинъ высказалъ имъ по этому поводу г. Метьюзъ, директоръ, авторъ и актеръ одного Лондонскаго театра, въ циркулярномъ письмѣ, о которомъ парижскій театральнй міръ толкуетъ очень много, — разумѣется, посмѣиваясь надъ дѣльными замѣчаніями заморскаго соперника и приписывая ихъ единственно страху и зависти.

Еслибъ авторъ этого письма былъ французъ, я довольствовался-бы этимъ упоминаніемъ и не познакомилъ бы васъ покороче съ содержаніемъ его брошюрки. Но какъ г. Метьюзъ англичанинъ и слѣдовательно мнѣ нечего бояться, что онъ сочтетъ такой поступокъ за незаконное присвоеніе чужой собственности, потребуетъ съ меня вознагражденія, да проторей и убытковъ, и потянетъ меня въ исправительный судъ, то я позволю себѣ выписать нѣкоторыя мѣста изъ его статьи, тѣмъ болѣе, что кромѣ отношенія ея къ вопросу о литературной собственности, она очень любопытна, по содержащимся въ ней статистическимъ и физиологическимъ свѣдѣніямъ о лондонскихъ театрахъ.

«Несчастный директоръ одного англійскаго театра», говоритъ г. Метьюзъ, обращаясь къ французскимъ драматургамъ, «повергается къ вашимъ ногамъ и молитъ васъ о пощадѣ и совѣтѣ. Директоръ! мало того: я вмѣстѣ съ тѣмъ и авторъ и даже актеръ: директоръ театра Лицея, авторъ довольно многихъ вашихъ пьесъ, передѣланныхъ на наши нравы, актеръ на все, что найду для себя пригоднымъ. Знаю, какъ это соединеніе трехъ званій въ одномъ лицѣ, ненавистно господамъ промышленяющимъ однимъ только перомъ; жаль, да что дѣлать? такъ угодно было судьбѣ! И такъ, на мнѣ лежитъ тройная обязанность: во первыхъ, пересочинять ваши пьесы, во вторыхъ принимать ихъ; въ третьихъ, играть въ нихъ. Виновать, забылъ четвертую, самую важную; платить всѣ расходы и платиться въ случаѣ неуспѣха. Такимъ образомъ очевидно, что я тройнѣ долженъ интересоваться новымъ договоромъ, и если у васъ есть свободные полчаса, я осмѣлюсь представить на ваше усмотрѣніе нѣкоторыя затрудненія, которыя я предвижу въ его исполненіи, желая, по мѣрѣ моихъ силъ, содѣйствовать упроченію взаимной пріязни между нашими отечествами.»

«Въ Лондонѣ существуютъ въ настоящее время двадцать три театра, дающихъ представленія. — Какъ, двадцать три? — Да, господа,

не менѣе того. — Вотъ-то счастье! вотъ источникъ доходовъ! скажете вы; двадцать три театра, которые живутъ только переводомъ или переработкою нашихъ мыслей! — Погодите, господа, дайте сначала посмотрѣть, есть ли вамъ тутъ чему радоваться.»

«Да, въ Лондонѣ существуетъ двадцать три театра, которые все готовы платить вамъ дань честью и славою; но многіе ли изъ нихъ желаютъ платить ее деньгами? Вы, можетъ быть, воображаете, что все наши театры играютъ почти исключительно пьесы, переведенныя съ французскаго, и что вамъ предстоитъ собирать баснословные доходы. Разувѣрьтесь. По моему мнѣнію, изъ двадцати трехъ театровъ только три имѣютъ для васъ нѣкоторое значеніе. Выслушайте меня; я думаю, что вы найдете въ нижеслѣдующемъ нѣкоторыя полезныя и вовсе вами не ожидаемыя свѣдѣнія:»

«Театръ Ея Величества (№ 1), какъ вамъ извѣстно, посвященъ итальянской оперѣ.»

«Сейнтъ-Джемскій театръ (№ 2), на которомъ играетъ французская труппа, не можетъ, въ настоящемъ случаѣ, входить въ расчетъ.»

«Театры Ковентгарденскій и Дрюриленскій (№№ 3 и 4), нѣкогда бывшіе главными національными театрами, къ сожалѣнію, должны быть также исключены изъ счета. Дрюриленскій театръ, увы! болѣе походитъ на омнибусъ, чѣмъ на театръ; огромный омнибусъ, который гоняетъ небольшіе концы по дешевой цѣнѣ, но съ великимъ громомъ и трескомъ, каждый день мѣняетъ возницъ и печатаетъ на афишахъ глупости своихъ возницъ, чтобы заманить низшіе классы народа, которые никакъ не хотятъ клевать этой поправы. Тутъ плохая пожива писателямъ. Нынѣшній директоръ, поэтъ-либреттистъ, только и во снѣ видитъ, что англійскую оперу и балетъ. Плачьте, господа, и проходите въ безмолвномъ благоговѣніи: это мавзолей Шекспира!»

«Театры Гаймаркетскій, Лицеумъ, Принцессы и Адельфи (№№ 5, 6, 7, 8), вотъ четыре театра, отъ которыхъ вы можете ожидать наиболѣе пользы, и на которые вы, по моему мнѣнію, должны возложить все свои надежды. Но какъ Геймаркетскій и Адельфи состоятъ подъ управленіемъ одного общаго директора, то эти четыре театра должны считаться только за три.»

«Олимпійскій театръ (№ 9) хорошо ведетъ свои дѣла, благодаря умному управленію; но низкая плата за мѣста не позволяетъ ему рачительно относиться на авторовъ. Тутъ играютъ обыкновенно пьесы стараго репертуара, безыменные и, главное, *дешевые* переводы французскихъ водевилей и доморощенные произведенія писателей втораго и третьяго разряда. Очень не много, правда, а все таки что нибудь можете вы

здѣсь выгодать, нѣжно ухаживая за актеромъ—директоромъ, въ лицѣ его литературныхъ дѣтей.»

«Театръ на Страндѣ, или Пунча (№ 10), одна миніатюра Олимпійскаго. Если Дрюриленскій театръ я сравнилъ съ омнибусомъ, то этотъ можно сравнить только съ извозчичьимъ *кабомъ*. Зала такъ мала и плата такъ ничтожна, что я рѣшительно не постигаю, изъ чего онъ бьется и открывается для публики.»

«Тутъ, господа, заключается списокъ *Вестъ-эндскихъ*, то есть, собственно лондонскихъ театровъ. Остальные двѣнадцать скорѣе можно считать подгородными, чѣмъ лондонскими. Изъ нихъ три находятся за рѣкой, или въ южномъ концѣ; два въ сѣверномъ, и семь въ восточномъ, или въ *городѣ* (Сити).»

«Три зарѣчные театра суть *Суррейскій*, *Астлейскій* и *Викторіи* (№№ 12, 13, 14). Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Суррейскому (Surrey theatre). Нынѣшніе директоры—актеры ведутъ его отлично, и зала его всегда набита биткомъ. Тутъ даются трагедіи и драмы стараго репетуара, не исключая, подчасъ, самого Шекспира, новыя доморошенныя драмы, составленныя довольно ловко, мелодрамы, пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ и пантомимы. Здѣсь для васъ взятки-гладки, лучше и не суйтесь.»

«Астлейскій театръ — престо циркъ. На немъ играютъ Ватерлоскія сраженія, афганистанскія войны, даютъ рыцарскія представленія, вольтижерскія упражненія и манежныя сцены. Тутъ могутъ, пожалуй, попользоваться французскіе вольтижеры и акробаты, но отнюдь не писатели.»

«Театръ Викторіи — типъ, англійской тресчучей драмы. Простой народъ ходитъ сюда толпами бѣшено аплодировать своимъ потѣшникамъ, пить имбирное пиво, ѣсть яблоки, грызть орѣхи, вызывать актеровъ по уменьшительному имени, дружески бросать имъ лубъ и чеснокъ, въ видѣ букетовъ. Вамъ, господа, тутъ опять нечего взять. Вы здѣсь только заморскія птицы, враги, ненавистные французы, пожирающіе лягушекъ, хвастливые трусы, которыхъ цѣлая армія обратится въ бѣгство передъ двумя здоровыми матросами и бабою. Здѣсь васъ не любятъ, здѣсь требуютъ только своего роднаго, чисто-роднаго.»

«Перейдемъ опять рѣку и заглянемъ въ сѣверный конецъ. Театръ Королевы (Queens theater, № 15) опять мелкій доморошенный театръ, представляющій семейныя драмы, пантомимы и небольшіе фарсы самой крупной соли. Здѣшняя публика не пойметъ вашего языка и не оцѣнитъ ни вашихъ идиотизмовъ, ни тонкостей вашего искусства.»

«Пойдемъ далѣе, все далѣе, на самый край столицы, по Эдинбургской дорогѣ; тутъ, на новыхъ мѣстахъ, за Риджентс-паркомъ, найдемъ Межи-ли-бонскій театръ (№ 16), маленькій театръ въ родѣ предыдущихъ, который, хотя находится почти за городомъ, однако во вкусахъ его публики нѣтъ ничего сельскаго. *Портменъ-маркетскіе* пастухи не цѣнятъ ни идилліи Геснера, ни идеальныхъ пасторалей Жоржа Санда. Они лучше любятъ продавать барановъ, чѣмъ стеречь овечекъ. Какой нибудь *Франсуа подкидышь* не дастъ денегъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть на своего двойника, — къ чему? онъ довольно насмотрѣлся впродолженіе дня и на себя, и на пастушекъ, и на овецъ. Вечеромъ давайте ему, для перемѣны, сильныя ощущенія, убійць, волковъ, тигровъ! Онъ хочетъ, чтобъ его разшевелили, хочетъ выходить изъ себя; онъ охотно полюбовался—бы на бой быковъ, но для этого надо ѣхать въ Мадридъ, а средства ему не позволяютъ; вотъ почему онъ довольствуется театромъ; но чѣмъ болѣе будутъ представлять ему ужасовъ, тѣмъ онъ будетъ довольнѣе. На г. Скриба или Альфреда де-Мюссэ онъ и смотрѣть не станетъ.»

«Теперь перейдемъ въ Сити. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ Садлервельскій театръ (Saddler'swells № 17). Это совсѣмъ другое дѣло; здѣсь пріютилась самая чистая, самая высокая классичность; здѣсь дается все истинно трагическое и строгое, преимущественно Шекспиръ, въ самой подлинной его формѣ, Массинджеръ, Бомонтъ и Флетчеръ, даже Марстонъ, словомъ, все почтенное и старинное. Это лондонскій Одеонъ. Даже фарсы отзываются древностью. Здѣсь отыщете вы всѣ старинныя, давно затеряныя пьесы, это сущій складъ всякой старины. Пантомимы допускаются разъ въ годъ, о святкахъ; отъ времени до времени покажется и новая трагедія, вылитая въ старинныя формы. Но горе тому, кто осмѣлится здѣсь назвать французскаго писателя!»

«Городской театръ (the City theater, № 18) побочный сынъ театра Викторіи. Онъ имѣетъ то же назначеніе. Это уголовный уставъ въ дѣйствиіи, дополненіе къ уголовному суду.»

«Стандардъ (№ 19) опять въ томъ же родѣ, но ведетъ дѣла удачнѣе. Иностранные акробаты, канатные плясуны, ученые собаки и свиньи, люди разыгрывающіе обезьянъ, все тутъ найдется, что можетъ потѣшать глаза и умъ. Этотъ театръ хочетъ угодить всѣмъ, и употребляетъ всякаго рода приманки, и горькое, и сладкое, и кислое, и ужасное, и нѣжное; только французскихъ комедій здѣсь не увидите.»

«Что касается Павильона (№ 20), надо пообѣдать въ двѣнадцать часовъ и ѣхать на почтовыхъ, чтобы посѣть къ половинѣ седьмаго

часа. О немъ идетъ слухъ издалека, отдаленіе надѣляетъ его громадными успѣхами.»

«Затѣмъ остаются Grecian Saloon, Britannia Saloon и Bower Saloon (№№ 21, 22, 23); это ничто иное, какъ таверны, при которыхъ находятся театральныя залы.»

«Изъ этихъ статистическихъ данныхъ слѣдуетъ, что вамъ можно рассчитывать только на три театра. Если я ошибаюсь въ своемъ расчетѣ, который очень нетрудно повѣрить, тѣмъ лучше для васъ. Если вамъ угодно, поставимъ даже всѣ двадцать три театра на одну степень, положимъ, что они всѣ первоклассныя; надо еще знать, много ли можете вы ожидать отъ этихъ первоклассныхъ театровъ, сколько бы ихъ ни было числомъ?»

«Прежде всего должны вы отбросить ложную мысль, будто всѣ драматическія новости, являющіяся въ Парижѣ, немедленно переводятся и играютъ съ такимъ же успѣхомъ въ Лондонѣ. Ничуть не бывало, господа. Смѣло можно сказать, что изъ пятидесяти пьесъ много если переводится одна. Для примѣра возьмемъ 1851 годъ. На парижскихъ театрахъ явилось 283 новыхъ сочиненія, а сколько изъ нихъ, думаете вы, было переведено и дано на разныхъ театрахъ? Всего восемь. Вотъ списокъ:

Геймаркетскій театръ, 1. Mademoiselle de la Seiglière (Man of law).

Лицеумъ, 2: Paysan d'aujourd'hui (Only a clod).
Mercades (Gane of speculation).

Олимпійскій, 1: Bataille des dames (Ladies' battle).

На Страндѣ, 2: Second mari de ma femme.
(My wifés second husband).

Docteur Chiendent (Poor relations).

Адельфи, 2: Paillasse (Belphegor).

Un vilain monsieur (An unwarranted intrusion).

Итого 8.

«Изъ 263 новыхъ пьесъ взято въ цѣлый годъ только восемь! Ожидали ли вы такой цыфры?»

Считаю излишнимъ подробно слѣдить за г. Метьюзомъ во всѣхъ доводахъ, которыми онъ объясняетъ, почему такое ничтожное число французскихъ драматическихъ произведеній удостоивается перевода и представленія въ Лондонѣ. Главными причинами онъ считаетъ, весьма основательно, во-первыхъ слишкомъ мѣстный и народный характеръ большей части французскихъ пьесъ, которыя, будучи перенесены на

чуждую почву, становятся почти непонятны и утрачиваютъ весь своей интересъ; а во-вторыхъ, различное возрѣніе того и другаго народа на нравственность и приличія въ литературѣ. Сдѣлавъ авторамъ еще нѣсколько дѣльных замѣчаній относительно условій, которыя они должны соблюдать, если хотятъ, чтобы произведенія ихъ могли правиться англійской публикѣ и доставлять имъ сборы внѣ ихъ отечества, г. Метьюзъ обращается къ самому договору.

»Вы должны сознаться, господа, говорить онъ, что если мы и теперь уже встрѣчаемъ столько препятствій къ перенесенію вашихъ пьесъ на Лондонскую сцену, то подъ вліяніемъ новаго договора они должны еще увеличиться. Если мы въ вашемъ богатомъ репертуарѣ не находимъ того, что намъ нужно теперь, когда всѣ ваши произведенія принадлежатъ намъ бесплатно, что будетъ, когда насъ принудятъ платить и вамъ, и нашимъ переводчикамъ или передѣльвателямъ! Въмѣсто восьми пьесъ изъ двухъ сотъ шестидесяти-трехъ, весьма вѣроятно, что мы уже не возьмемъ ни одной. Это зависитъ отъ васъ еще болѣе, чѣмъ отъ насъ. Давайте намъ пьесы дѣльныя, хорошо составленныя и написанныя, не оскорбляющія нашихъ понятій о приличіяхъ, и мы будемъ брать ихъ, — разумѣется, если вы не взумаете слишкомъ дорожиться. Надо вамъ замѣтить, что за хорошіе переводы или передѣлки вашихъ произведеній мы платимъ, какъ за оригинальныя пьесы. Буквальныя переводы у насъ никогда не имѣли и не могутъ имѣть успѣха; вкусы и понятія обоихъ народовъ слишкомъ различны и нужна искусная рука, чтобы хорошо передать, обрѣзать, дополнить и передѣлать даже хорошую иностранную пьесу. Условія, которыя обезпечиваютъ ея успѣхъ въ Парижѣ, нерѣдко не имѣютъ никакого значенія, могутъ даже повредить ей въ Лондонѣ. Доселѣ мы измѣняли, обрѣзывали, дополняли ваши пьесы по своему усмотрѣнію, не опасаясь ни отъ кого притязаній. Будетъ ли намъ позволено впредь поступать такимъ образомъ, даже съ платою за оригиналъ *? Доселѣ автору не было до этого никакого дѣла: онъ былъ совершенно въ сторонѣ, даже имя его не выставлялось на афишѣ, и неуспѣхъ передѣланной пьесы несколько не вредилъ его славы. Но при новомъ порядкѣ вещей, будетъ совсѣмъ другое. Тутъ

* Для полнаго разумѣнія слѣдующихъ разсужденій г. Метьюза, считаю нужнымъ привести часть 4-й статьи конвенціи, заключенной между Франціею и Великобританіею.

«Чтобы автору имѣть право на защиту законовъ во всемъ, что касается перевода драматическаго сочиненія, переводъ этотъ долженъ явиться втеченіи трехъ мѣсяцевъ по заявкѣ и внесеніи въ регистры оригинальнаго сочиненія.

«Самъ собою разумѣется, что даруемая этою статьею авторамъ защита законовъ не имѣетъ цѣлью воспретить *добросовѣстныхъ подражаній* (les imitations de bonne foi) или прииспособленія французскихъ драматическихъ произведеній къ англійской сценѣ и наоборотъ; а только воспретить *переводъ въ ущербъ автору* (les traductions en contrefaçon.)

у него куплено право переводить его пьесу, и онъ показанъ ея авторомъ на афишѣ; онъ отвѣчаетъ за то, что ему приписывается, и слѣдовательно желаетъ, чтобы публика слышала и судила *его* произведеніе, а не сочиненіе переводчика или передѣльвателя. За малѣйшее измѣненіе въ его оригиналѣ, за пропускъ какого-нибудь ничтожнаго слова, имѣвшаго успѣхъ въ Парижѣ, онъ станетъ кричать, что мы его рѣжемъ.

«Другое обстоятельство. Положимъ, что я купилъ у васъ, — разумѣется, за умѣренную цѣну, — право давать вашу пьесу въ Англіи. — «Чего-жъ вамъ болѣе? скажете вы; вы должны быть довольны!» Конечно; но я опасаюсь, что не обойдется безъ хлопотъ, если четвертая статья конвенціи будетъ соблюдаться. Прочіе директоры, мои почтенные друзья и собратія, поспѣшатъ перебить у меня пьесу, поставятъ ее на скорую руку, какъ-нибудь, чтобы только предупредить меня. Я стану доказывать, что я заплатилъ деньги за исключительное право играть ее, и не позволю нарушать мои права. «Помилуйте, любезный собратъ, отвѣтять мнѣ, никто вашихъ правъ и не трогаетъ; играйте себѣ свою пьесу въ переводѣ, а мы довольствуемся *добросовѣстнымъ подражаніемъ!*» — Добросовѣстное подражаніе! Но что значитъ добросовѣстное подражаніе? — «Не понимаете! ну, попросите подлежащій судъ, чтобы онъ объяснилъ вамъ.»

«Прежде, чѣмъ идти за этимъ объясненіемъ въ судъ, я обращусь съ просьбою къ вамъ, господа. Я думаю, что и вамъ не легко будетъ отвѣчать; что касается до меня, я рѣшительно отказываюсь отъ объясненія этой загадки, которую могутъ растолковать одни адвокаты. А между-тѣмъ мой почтенный другъ и любезный собратъ преспокойно играетъ себѣ купленную мною пьесу, въ подражаніи. Я тягаюсь съ нимъ, — выигрываю или теряю процессъ; если-же моему противнику удастся, правдою или не правдою, перенести дѣло въ канцлерскій судъ, я могу надѣяться, что оно будетъ рѣшено черезъ полсотню лѣтъ, когда я усажу въ него нѣсколько добрыхъ тысячъ фунтовъ.

«Къ чему готовить эту поживу адвокатамъ и стряпчимъ? не лучше-ли обясниться напередъ, и съ разу ясно и опредѣлительно условиться въ значеніи этой хитросплетенной статьи? Почему не опредѣленъ штрафъ на случай нарушенія? почему-бы рѣшенія могущихъ возникнуть споровъ не предоставитъ комитету, составленному изъ драматическихъ писателей, которымъ это дѣло знакомо, вмѣсто адвокатовъ, которые зачастую ничего въ немъ не смыслятъ?»

«Споры о томъ, должно-ли считать какую-либо пьесу добросовѣстнымъ подражаніемъ или переводомъ въ ущербъ автору, должны рѣшаться судебными мѣстами того государства, гдѣ возникнетъ споръ, и по дѣйствующимъ въ немъ законамъ.»

«Далѣ, эта четвертая статья дозволяетъ намъ принаровленіе къ нашей сценѣ (*l'appropriation*) французскихъ драматическихъ произведеній, но запрещаетъ переводы, сдѣланные въ ущербъ автору. Опять непроницаемая темнота! Вольно было редакторамъ конвенціи употребить слово *appropriation* въ такомъ условномъ смѣслѣ; собственно-же оно значитъ *присвоеніе* чужой вещи въ томъ видѣ, какъ она есть. Если-же мы станемъ брать ваши пьесы, какъ онѣ есть, для васъ оно еще хуже, чѣмъ если мы станемъ поддѣлывать пьесы на подобіе ихъ, а намъ меньше труда. Если я присвою себѣ платокъ сосѣда, ему конечно обиднѣе, чѣмъ если я закажу себѣ точно такой-же платокъ, какъ у него. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ остается при своей собственности, въ первомъ я отнимаю у него его добро. Однимъ словомъ, это такія тонкости, въ которыхъ рѣшительно ничего не разберешь.

«Переводъ, продолжаетъ эта хитрая статья, долженъ *явиться* въ теченіе трехъ мѣсяцовъ по заявкѣ и внесеніи въ регистры оригинальнаго сочиненія. Еще неясность: значитъ-ли это, что переводъ долженъ быть *игранъ*, или *напечатанъ*, или только *заявленъ* въ *рукописи*? У насъ, сказать о пьесѣ, что она явилась, значитъ, что она играна. Стало быть, не въ томъ дѣло, когда пьеса написана: вопросъ — играна-ли она въ определенной конвенціею срокъ?

«Это весьма мило! Въ Парижѣ, на-примѣръ, является новая пьеса въ іюнѣ: пьеса хорошая, дѣльная, не какой-нибудь недородокъ. Я покупаю ее. Но какъ между-тѣмъ подошелъ конецъ іюля, время въ которое я закрываю свой театръ, то я оставляю ее для его открытіе, къ октябрю. Я ставлю ее, готовлю новые костюмы и декорации; времени у меня достаточно, и потому я хочу поставить ее на славу, и рассчитываю на огромный успѣхъ. Не тутъ-то было. Наступаетъ день представленія, и я имѣю удовольствіе видѣть купленную мною пьесу, объявленную на афишахъ всѣхъ лондонскихъ театровъ. Это что значитъ? вѣдь пьеса принадлежитъ мнѣ! Нѣтъ, милостивый государь; съ заявки оригинала прошло три мѣсяца, а вашъ переводъ не явился; пьеса была ваша, но съ нынѣшняго дня она стала ничьей и каждый можетъ ею пользоваться! Нечего сказать, весьма утѣшительно для простяка, который заплатилъ деньги за право перевода.

«Или вотъ вамъ еще примѣръ въ другомъ родѣ. Такая-то пьеса въ Парижѣ мнѣ очень понравилась; она вполне соответствуетъ назначенію моего театра, и я хочу ее купить. Являюсь къ автору, онъ отвѣчаетъ, что ему очень прискорбно, но что онъ только — что передъ моимъ приходомъ продалъ пьесу такому-то моему собрату, или такому-то непризнанному литературному гению. Жаль, но дѣлать нечего! Переводъ яв-

ляется, и блистательное паденіе! или, что еще хуже для несчастнаго директора, тащится кое какъ съ недѣлю и потихоньку сходитъ въ архивъ. Что-жь вы думаете? кажись, не стоитъ тратиться, чтобы прилично похоронить этотъ несчастный трупъ! анъ нѣтъ, онъ пользуется защитою законовъ на вѣки вѣковъ, и никто не смѣетъ къ нему прикоснуться. А оригинальная пьеса хороша, и переводъ палъ только благодаря неискусству переводчика. Дайте ее знающему и ловкому челоуку, и она еще будетъ имѣть успѣхъ; да нѣтъ, нельзя! это запрещается конвенціею, и хорошая пьеса утрачена для насъ невозвратно!»

Я чувствую, что уже слишкомъ увлекся письмомъ г. Метьюза, хотя выписалъ изъ него только самыя яркія мѣста. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ г. Метьюзъ вполне исчерпалъ интересный вопросъ о литературной собственности; онъ смотритъ на него съ точки зрѣнія своего ремесла, какъ умный практикъ, театральнй директоръ, не пускаясь въ философско-юридическій разборъ притязаній французскихъ писателей. А много любопытнаго и назидательнаго можно-бы сказать по этому предмету, смотря на него съ этой стороны, и я очень желалъ бы, чтобы дѣльный и добросовѣстный юристъ принялся за это дѣло. Господамъ переводчикамъ не мѣшало-бы подумать объ этомъ, потому-что эти притязанія *оригинальных* (?) писателей направлены прямо противъ нихъ. Господа романисты, фельетонисты и драматурги, затѣявшіе всю эту исторію, совершенно забываютъ, что переводъ есть также трудъ, для котораго не нужно быть одареннымъ большою творческою силою, но для котораго все-таки требуются нѣкоторыя способности врожденныя и приобретенныя; что дѣльно перевести хорошую книгу труднѣе, чѣмъ сочинить иное оригинальное произведеніе, а тѣмъ болѣе — труднѣе, чѣмъ произвести на свѣтъ что-нибудь въ родѣ «Джакомо Ортиса» г. Дюма и тому подобныхъ твореній, отличающихся отъ посредственнаго перевода тѣмъ только, что на заглавномъ листѣ не выставлено имя автора, у котораго они заимствованы. Наконецъ, говоря о вещахъ практически, то-есть, принимая за мѣрило матеріальную пользу, они забываютъ, что если хорошій переводчикъ гораздо обыкновеннѣе хорошаго оригинальнаго писателя, то таже самая пропорція существуетъ между матеріальными выгодами того и другаго.

Да простятъ мнѣ читатели это длинное отступленіе отъ настоящаго предмета моего письма, оно само собою подвернулось мнѣ подъ перо при обозрѣніи новостей Парижскаго театра, которыя, какъ я уже замѣтилъ, очень скудны, и займутъ немного времени.

Отъ Большой Оперы ждуть новостей, еще рано; хотя начинаютъ опять поговаривать о Мейерберовой «Африканкѣ», однако «Африкан-

ка» еще покоится, и вѣроятно долго еще будетъ покоиться, въ портфеляхъ композитора. Въ ожиданіи ежегодно общаемой и никогда не являющейся «Африканки», или того, что дирекція приготовитъ въ замѣнъ ея, публика восхищается двумя новыми для нея артистами, теноромъ Матъе и знаменитою Дрезденскою пѣвицею Эмми Лагруа. Матъе уже снискалъ себѣ довольно большую извѣстность на разныхъ провинціальныхъ сценахъ, и потомъ въ Брюсселѣ. Онъ воспитанникъ Парижской консерваторіи, и окончивъ тамъ свое ученіе съ необыкновеннымъ успѣхомъ, пользовался потомъ наставленіями маэстро Ламперти, одного изъ знаменитѣйшихъ учителей пѣнія въ Италіи. У него довольно обширный, сильный и чистый теноръ, отличающійся необыкновенною ровностью и мягкостью во всѣхъ регистрахъ. Искусство довершило богатые дары природы; онъ мастерски владѣетъ своимъ богатымъ голосомъ. Онъ не лишень и драматическаго таланта: въ его пѣніи есть чувство и оно легко приспособляется къ выраженію самыхъ разнообразныхъ страстей; въ одномъ можно упрекнуть молодаго артиста, именно въ томъ, что онъ болѣе заботится объ отдѣлкѣ отдѣльныхъ частей партіи, чѣмъ о цѣлой роли; это, прочемъ, происходитъ не отъ недостатка таланта, а отъ того, что онъ, какъ превосходный вокалистъ, увлекается технической частью своего искусства, и до того обрабатываетъ подробности, что теряетъ изъ виду цѣлое. Вслѣдствіе этой-же излишней заботливости о техникѣ, онъ кажется иногда холоднымъ, хотя другія части его ролей доказываютъ, что въ немъ очень достаточный запасъ чувства. Онъ дебютировалъ ролью Артура въ «*Lucie*» и съ огромнымъ успѣхомъ.

Дѣвица Лагруа также очень важное приобрѣтеніе для нынѣшняго опернаго сезона. Она дебютировала въ Дрезденѣ въ концѣ 1850 года, и съ перваго появленія своего на сценѣ снискала любовь публики. Парижъ имѣетъ нѣкоторое уваженіе къ музыкальному авторитету Дрездена, и потому съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда молодой артистки, чтобы, по данному ему его критиками и фельетонистами праву суда въ дѣлѣ искусства и таланта, утвердить или отмѣнить рѣшеніе саксонскихъ судей. Артистка съ честью вышла изъ этого испытанія; столица артистическаго міра, говоря опять фразою здѣшнихъ фельетонистовъ, даровала ей дипломъ на безсмертіе. Впрочемъ, откинувъ притязаніе Парижа и его журнальное фразерство, можно сказать просто, что дѣвица Лагруа дѣйствительно замѣчательная артистка, и соединяетъ всѣ условія, чтобы со временемъ стать на ряду съ первыми пѣвицами нашего вѣка; она представляетъ новый примѣръ, нрѣдко повторяющейся въ исторіи искусства, наслѣдственности таланта; мать ея нѣкогда занимала почетное мѣсто между нѣмецкими пѣвицами, подъ своимъ дѣвичьимъ именемъ Функъ; окончательнымъ же развитіемъ своихъ рѣдкихъ способностей она обязана преимущественно другой, не менѣе знаменитой въ свое время артисткѣ, г-жѣ Унгеръ-Сабатье.

Компическая Опера поставила довольно миленькое произведеніе, принадлежащее къ разряду такъ называемыхъ на закулисномъ языкѣ «*levens de rideaau*». Это «*Два Жакѣ*», *les deux Jakes*, оперетка въ одномъ дѣйствіи, г. Планара, съ музыкою г. Кадо. Содержаніе либретто незатѣйливо, и, если память меня не обманываетъ, его можно-бы распределить, по клочкамъ, по разнымъ стариннымъ, полузабытымъ водевилямъ и комедіямъ. Въ одной деревушкѣ въ Голландіи, — деревушку можно-бы перенести и въ другую страну безъ ущерба пьесѣ, но автору угодно было помѣстить ее въ Голландіи, — и такъ въ одной деревушкѣ, въ Голландіи, жили-были два брата, Жорди Жакѣ и Вильгельмъ Жакѣ. Полнота сердца и пустота кармановъ побудили ихъ отправиться въ море, на ловлю китовъ или жемчуговъ, съ тѣмъ, чтобы возвратиться богачами и жениться на своихъ возлюбленныхъ, Люси и Маргаритѣ. Не прошло году, какъ въ газетахъ явилось извѣстіе о смерти Вильгельма, жениха Маргариты; о Жорди нѣтъ ни слуху ни духу, и потому полагаютъ, что и онъ погибъ съ братомъ. Люси, довольствуясь этимъ предположеніемъ, вышла за богатаго фермера, Плимана, и очень счастлива съ нимъ. Маргаритѣ-же сердце говоритъ, что ея женихъ не умеръ, что онъ возвратится, и потому она долго отвергала всѣ предложенія, однако, уступая убѣжденіямъ отца и друзей, она рѣшается отдать руку, но не сердце, фабриканту Вандершнику, котораго дѣйствительно трудно полюбить хорошенькой и умной дѣвушкѣ. Все уже готово къ свадьбѣ, когда фермеръ Плиманъ, возвращаясь домой, приводитъ старика, выброшеннаго бурей на берегъ. За ужиномъ, Вандершникъ замѣчаетъ какія-то таинственныя перемигиванія между гостемъ и Люси, и начинаетъ уже дѣлать кой-какія догадки на счетъ своего пріятеля Плимана. Надо вамъ сказать, что покойная госпожа Вандершникъ такъ пріучила мужа къ разнымъ супружескимъ невгодамъ, что онъ считаетъ ихъ неотъемлемою принадлежностью брачной жизни. Подозрѣнія его еще усиливаются, когда, послѣ ужина, онъ застаётъ Люси и гостя, уже вовсе не похожаго на старика, разговаривающими очень таинственно въ окно, и подкарауливаетъ что-то въ родѣ поцѣлуя. Последнее обстоятельство подмѣчаетъ и самъ Плиманъ и, какъ человекъ непривычный къ подобнымъ вещамъ, принимаетъ дѣло очень горячо, и бросается съ саблею въ комнату незнакомца. Но незнакомецъ успѣлъ скрыться, а вмѣсто его осталась на столѣ бумага съ казенною печатью, — отпускъ, данный матросу Вильгельму Жакѣ. Затѣмъ все объясняется; что за бѣда, что Люси поцѣловала жениха своей пріятельницы, вернувшагося со дна моря! Онъ-же вѣренъ своей первой любви, а какъ у него теперь водятся деньги, и все приготовлено къ свадьбѣ, то остается только ему заступитъ мѣсто Мингера Вандершника, который достаточно разсудителенъ, чтобы добровольно отказаться отъ руки Маргариты.

Музыка г. Кадо не отличается оригинальностью, но и нельзя сказать, чтобы она была черезчуръ пошла и ничтожна. Въ ней есть очень миленькіе нумера, безъ лишнихъ претензій, и партитура будетъ имѣть такой-же успѣхъ, какъ ея предшественницы, то есть ее, будутъ слушать не безъ удовольствія — среди шума наполняющихся ложъ.

СМЪСЬ.

ЗАЩИТА НЕЙШЛОТСКАГО ЗАМКА.

(Полуисторическій разсказъ 1788 года).

Дика и угрюма природа внутренней Финляндіи; по тѣмъ не менѣе страна эта живописна такъ, какъ прекрасны горы Кавказа, какъ очаровательны окрестности Цевшателя и Цюриха.... Холмы, ель, стройныя и пушистыя сосны, раскиданныя по зеленымъ скаламъ; гранитныя великаны съ ихъ ужасающими обрывами; овраги, то мрачныя, какъ бездна, то покрытыя влажною зеленью, и все это прорѣзано тысячу ручьевъ, озеръ и потоковъ.

Точно такую природою окружень и Нейшлотскій замокъ, поставленный на гранитномъ камнѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ озеромъ Сайма. Тихо и спокойно кругомъ его: онъ одинъ, какъ грозный воинъ, вѣрный стражъ русской славы — въ землѣ покоренныхъ, стоитъ, раскинувъ свои башни и бойницы направо и налево. Окрестность его — почти дикая пустыня; вода, гранитъ, инде луга и болота.

Заложенный въ 1477 году правителемъ шведскаго королевства Стенъ-Стуромъ, во имя Св. Оловсбурга, онъ былъ взятъ съ бою Петромъ Великимъ въ 1714 году; въ послѣдствіи перешелъ по Ништадтскому мирному трактату во власть Швеціи, и снова, по Абовскому договору, сланъ Россіи. Съ-тѣхъ-поръ, до 1788 года, грозныя жерла его пушекъ не мѣтали чугуномъ во врага и небольшой гарнизонъ его долго не зналъ призывнаго: къ ружью!—

Нейшлотскій замокъ—былъ важнымъ сторожевымъ городомъ среди завоеваннаго нами края.

Примѣрный порядокъ и тишина царствовали въ замкѣ, которымъ, въ описываемое нами время, командовалъ обстрѣленный въ дѣлахъ съ врагомъ, безрукій маіоръ, Павелъ Павловичъ Кузьминъ. Преданный

душой и тѣломъ службѣ, старый солдатъ почти не выходилъ изъ своего замка, коротая мирное время въ заботахъ о выправкѣ своего небольшого гарнизона, да, иногда, въ простой, задушевной бесѣдѣ съ бывалыми сослуживцами. Единственные любимцы его души—сынъ и дочь, оставались въ Петербургѣ. Съ ними пятнадцать лѣтъ не видался маіоръ, а пера и писемъ не любилъ какъ турка. Если иногда старикъ еще мечталъ о счастливой минутѣ въ будущемъ, то этою счастливою минутою онъ называлъ встрѣчу съ своими кровными....

Можно послѣ этого представить себѣ восторгъ старика, когда, 1788 г. 20 іюня, въ день его рожденія, рано утромъ, дорожный дормезъ, перѣѣхавъ мостъ, остановился у крыльца комендантской квартиры.

Павель Павловичъ въ эту минуту былъ занятъ выслушиваніемъ утренняго рапорта отъ своего исправнаго капрала.

— Пойдите-ко, Золотовъ, сказалъ старый комендантъ, прислушиваясь къ шуму и дребезжанію остановившагося подъ окнами дормеза: никакъ это къ намъ? А? Ужъ не фельдъегерь-ли отъ матушки Императрицы.... Носятся слухи, что шведъ опять затѣваетъ что-то.... Съ этими словами старикъ заглянулъ въ окно.

— Ахъ мои голубчики да это они! Ей-Богу—они, Золотовъ!

— Немогимъ знать-съ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ солдатъ.

— Они, братецъ, сынъ, дочь.... Ну.... еще кто-то! Бѣги, Золотовъ, живо! Зови ихъ сюда. Ахъ ты радость сердечная....

Комендантъ бросился къ своему зеленому кафтану, пригладился, молодецки подернулъ плечами и отправился на встрѣчу дорогимъ гостямъ; но проворный Золотовъ успѣлъ уже распахнуть дверь, на порогъ которой показалась молодая дѣвушка, поддерживаемая красивымъ гвардейскимъ сержантомъ. За ними слѣдовалъ другой молодецъ, также статный и видный гвардеецъ.

— Вася! Катя! вскричалъ Павель Павловичъ, протянувъ свою единственную руку сыну и дочери. Ахъ, мои голубчики! да какъ выросли! да какіе красавцы! А ты Вася ну, ей-Богу! ни дать ни взять, какъ я былъ въ молодости: такой-же богатырь, кровь съ молокомъ — смотришь соколомъ. Садитесь-же, садитесь, мои родныя. Милости просимъ, продолжалъ обрадованный старикъ къ незнакомому гостю.

— Прошу полюбить, батюшка, моего добраго пріятеля, началъ сержантъ; это сынъ вашего стараго друга и сослуживца, Ивана Сергѣевича Строгова....

— Ба, ба! сынъ моего разлихаго командира! Какъ-же, отецъ и благодѣтель — помню. Подъ Очаковымъ съ нимъ въ миниховскомъ походѣ были... Изъ одной манерки пивали, одной кортофелькой дѣлились, отецъ и благодѣтель!... Помню! помню!... Вотъ радость-то сердечная!

— Такъ, стало-быть, батюшка — мы, по солдатски, прямо можемъ идти къ дѣлу....

— А, что? разумѣется, прямо къ дѣлу.... Закусить что-ли? Сейчасъ.

— Нѣтъ батюшка, не то. Надо вамъ сказать, что Петра Ивановича привезла къ вамъ Катя, а не я.

— Что-о? Что ты городишь?

— Говорю большую правду. Сынъ вашего стараго друга женихъ вашей дочери. Благословите, да хоть здѣсь-же и подь вѣнецъ; хочу праздновать на свадьбѣ сестры моей,—скоро въ походъ.

Это законическое объясненіе сына поставило стараго маіора въ маленькое недоумѣніе. Онъ поглядывалъ то на дочь, зардѣвшуюся стыдливимъ румянцемъ, то на молодаго чловѣка и, казалось, затруднился отвѣтомъ.

— Фу-ты, напасть непрощеная! сказала, наконецъ, старикъ,—подь ятаганомъ янычара никогда незадумывался Кузьминъ, а тутъ—на-вотъ! .. въ тупикъ сталъ. Да, что-жь это, отцы и благодѣтели, ужъ если Катя сама привезла жениха, такъ пусть и уѣзжаетъ отъ меня женою Петра Ивановича. Другъ мой, продолжалъ онъ, не давая опомниться молодымъ людямъ, и обращаясь къ гостю: если вы пошли по слѣдамъ своего храбраго и благороднаго отца, то вы честный чловѣкъ, и моя Катя будетъ имѣть у себя славнаго командира... Подумасмъ, поразсудимъ, да и по рукамъ. А, теперь мои дорогіе, на такой радости, я хочу попить и тряхнуть стариной. Сегодня-же разошлю ко всѣмъ знакомымъ пыдулки съ приглашеніемъ: и въ Сердоболь, и въ Уканеми, и въ Якимваръ.... Да, ужъ это мое дѣло! А васъ скоро не выпущу изъ моего гнѣзда....

Съ этими словами Павелъ Павловичъ усадилъ сына за столъ, сунулъ ему въ руки перо и насаказавъ до десяти адресовъ при такомъ-же количестве именъ, добавилъ: валяй, Вася, пиши!

— Да, что-же писать-то?

— Что? Экой ты братецъ; ужъ понимается, что не челобитную. Ну, пиши: что вотъ, дескать, отцы и благодѣтели. въ радости сердечной извѣщаю васъ о пріѣздѣ ко мнѣ сына и дочери; прошу нашихъ по-смотреть, себя показать, погостить, хлѣба соли съ нами откусать, весело вышитъ, во время уснуть, а пожалуй проплясать и мятелицу.

— Всѣмъ такъ и писать?

— Разумѣется. Что мы за сочинители; еще станемъ умудряться на разные манеры. Разослалъ всѣмъ циркуляры, да и полно! Хочешь—явись, не хочешь—мимо! Пиши, мой гвардеецъ, а я между-тѣмъ отправлюсь за покупками. А гдѣ-же молодежь-то? спросилъ Павелъ Павловичъ, замѣчая отсутствіе гостя и дочери.

— Вѣрно ушли любоваться природой, батюшка.

— Ага молодость горячая, голубки воркующіе.... Зеленое времечко, что шагъ—то розаны. Поди-ко для нихъ, теперь, и въ болотѣ соловьи свищутъ, заключилъ старикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ нещегольская бричка маіора оставила замокъ, въ то время, какъ молодой сержантъ принялся за работу, переписывая приглашенія слово въ слово всѣмъ и каждому.

II.

21 іюля, въ ранній полдень, съѣхались гости; рыдваны, брички, неуклюжіе тарантасы и незатѣдливыя одноколки почти загромоздили не-

большой дворъ замка. Вѣтеръ запорошилъ этотъ дворъ сѣномъ, которое медленно жевали лошади, оставленные у экипажей. Здѣсь было совершенно спокойно и только слышался звонъ колокольчиковъ да бубенчиковъ. Кучера и лакеи, послѣ долгой разлуки, на радостяхъ свиданія—отправились на форштатъ навѣстить знакомаго шинкаря, шведа.

Между-тѣмъ человѣкъ двадцать пріѣзжихъ, мужчинъ и женщинъ, наполняли парадныя комнаты Павла Павловича, двери которыхъ отмыкались только въ торжественныхъ случаяхъ. Мужчины, болѣею частью друзья и сослуживцы Павла Павловича, въ ожиданіи обѣда пробовали наливки и толковали о походахъ; дѣвицы и дамы, въ своихъ громадныхъ рамбронтахъ, окруживъ хорошенькую Катерину Павловну, расспрашивали ея о столичныхъ удовольствіяхъ и модахъ.... Слуги суетились около стола, дребезжа тарелками и бутылками. Словомъ, всегда безмолвный пріютъ стараго коменданта ожилъ въ эту минуту, представляя картину веселаго дружества и довольства....

Одинъ только Павелъ Павловичъ хмурилъ брови и каждый разъ, проходя мимо дамъ, видимо старался избѣгать съ ними встрѣчи.

— Что съ вами, батюшка? спросилъ сержантъ, замѣчая встревоженное и недовольное лице отца.

— Что?... ничего! отрывисто сказалъ старикъ. Ты, просто, меня зарѣзалъ, продолжалъ онъ, осрамилъ на всю жизнь! Да! просто волкомъ меня сдѣлалъ. Чортъ возьми это чернильное дѣло!

— Ничего не понимаю. Скажите, Бога-ради, что случилось?

— Страшный афронтъ мы, братецъ, сдѣлали: поди-ко сюда.

Маіоръ взялъ сына за руку и отвелъ его къ окну. Читай! сказалъ онъ, подавая сержанту записку.

— Знакомая вещь, батюшка: это одно изъ моихъ пригласительныхъ писемъ.

— Кому? Отецъ и благодѣтель — кому! Читай....

— Марья Кондратьевнѣ Флюсь....

— Ну?!

— Ничего не понимаю.

— Эхъ, братецъ ты мой, отецъ и благодѣтель! вскричалъ маіоръ. развѣ можно писать такія неприличія дѣвицѣ, да еще дѣвицѣ не первыхъ дѣтъ? Я думалъ, что она глаза мнѣ выпарапаетъ, такъ разсвирѣпѣвши пріѣхала.... Говорить: что вы это, рехнулись никакъ, Павелъ Павловичъ? Съ ума вы, говорить, спятили....

— Да что-же, что такое?

— Ка-акъ? вытянулъ маіоръ.... а это что? И онъ принялся читать письмо, выхватывая изъ него тѣ выраженія, которыя такъ оскорбили старушку-дѣву. «Прошу себя показать» читалъ маіоръ,—«весело выпить.... во время уснуть, да еще проплясать и мятелицу».... А? Что, говоритъ, развѣ я заморскій моржъ какой? Развѣ я понимаю, что-нибудь въ вашихъ вишневахъ?...

— Но, батюшка, вѣдь вы сами сказали, что намъ нечего умудряться.

— Ну! проговорилъ Павелъ Павловичъ, выразительно махнувъ ру-

кою. Вѣрно ужъ намъ народу такъ написано.... Съ молоду я также какъ и подъ старость, вѣчно описывался.... Нѣтъ счастья въ чернилахъ. Впрочемъ, отецъ и благодѣтель, я ужъ извинился, какъ умѣлъ; теперь твоя очередь задобрить старушку.

— Извольте, сію-же минуту.

— Тс! непрытко, батинька! Извиненіе-то извиненіемъ, а ужъ какъ хочешь изволь цѣлый вечеръ выплясывать съ Марьею Кондратьевной— и минуэть, и штейнбасъ, и круглый польскій, и никитенскій кадрили.... Словомъ—все! Слышишь?

— Слышу, но которая-же эта дама?

— А вонъ, въ углу-то. Невысокая, кубырь такой: вся въ мушкахъ—словно мишень. Однако, пора гостямъ и обѣдать; проси, Вася, заключилъ маіоръ.

Высказавъ свою неудачу, старикъ развеселился снова, и гости, отвѣчая улыбкой на довольную улыбку хозяина, съ крупнымъ говоромъ усѣлись за столъ.

Въ старину любили покушать и сытно и вкусно. На званомъ обѣдѣ слово діета рѣшительно исключалось изъ русскаго словаря. Тостамъ, желаніямъ здоровья, чоканьямъ и поцѣлуямъ не было конца. Обѣдъ Павла Павловича длился часа четыре. Къ концу его явились музыканты. При этомъ случаѣ гости, забывая родное обыкновеніе старины — уснуть часикъ-другой послѣ сытнаго обѣда прямо занялись танцами.

Старики уединились въ кабинетѣ хозяина и занялись *ломберомъ* и *ракашболемъ*, а молодежь, какъ мы уже сказали, выдѣлывая вычурные балансеи, пустилась въ штейнбасы и кадрили. Какъ тросточки гнулись прыткія ноги танцоровъ, постукивая шпорами; имъ вторили удары двух-вершковыхъ каблучковъ; улыбки смѣнялись улыбками, одна любезность другою.

Вечерѣло. Балъ приходилъ къ концу; даже и старики, оставивъ зеленое поле показали у двери веселой залы.

— А, ну-ко, мятелицу! крикнулъ Павелъ Павловичъ.

— Нѣтъ... Таню! *Татьяну!* подхватило нѣсколько голосовъ.

— И то, и другое! Мятелицу! Татьяну!

— Михай Назарычъ... Тряхни стариной, вспомни молодость отпѣтую! заговорили старики, обращаясь къ одному изъ своихъ пріятелей.

На эти слова, старый гарнизонный капитанъ отвѣчалъ молодецкою улыбкою, подмигнулъ, подернулъ плечами и притопывая, подошелъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ.

— Батюшки! дорѣзываетъ... прошепталъ маіоръ, съ ужасомъ смотря на лицо гостьи, которое, въ эту минуту сквозь бѣлилы и румяны побавровѣло отъ досады.

— Просто, она его уничтожить, продолжалъ старикъ.... Просто, изъ этой мятелицы подыметъ такой ураганъ, что своихъ не выручишь.

А между-тѣмъ гость продолжалъ наивно выплясывать и раскланиваться старой дѣвѣ.

Въ эту минуту нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся у воротъ замка заставили вздрогнуть все общество.

— Что это значить? что такое? вскричало нѣсколько голосовъ. Испуганныя дамы бросились подъ защиту мужчинъ, стараясь убраться какъ можно далѣе отъ двери.

— Батюшка, на форштатѣ дерутся! вскричалъ молодой сержантъ, остававшійся у окна.... Слышите.... выстрѣлы усиливаются; я даже вижу ружейный огонь....

— Прахъ меня возьми, если я что-нибудь тутъ понимаю! отозвался Павелъ Павловичъ. А! Золотовъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ вошедшему солдату.... Ну, что? что тамъ?!

— Шведъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ встревоженный и запыхавшійся капралъ.

— Шведъ! съ ужасомъ повторили дамы.

— Шведъ! съ какимъ-то недоумѣніемъ сказали мужчины. Гдѣ?

— На форштатѣ. Жгутъ его. Дежурный по карауламъ успѣлъ запретить ворота замка. Наши ребята и слуги вашихъ гостей, оставшіеся на форштатѣ, приняли незваныхъ дубьемъ.... Рѣзня идетъ большая, а враги словно изъ земли растутъ, такъ и прибываютъ.

При этихъ словахъ лицо стараго майора приняло спокойное, даже нѣсколько суровое выраженіе. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ общество офицеровъ, и сказалъ :

— Господа, по мѣстамъ! Гарнизонъ къ ружью! Какъ и зачѣмъ пожаловалъ къ намъ шведъ — разсуждать некогда. .. Они жгутъ у насъ и бьютъ насъ, — мы имъ отплатимъ. Золотовъ, саблю! Василий — за мной.... Господинъ Строговъ извольте остаться съ дамами....

Черезъ минуту въ залѣ пиршества, кромѣ дамъ и молодаго гвардейца, не оставалось никого. Между тѣмъ выстрѣлы начинали усиливаться, съ ними смѣшался и гулъ орудій замка. Замѣтно было, что уже гарнизонъ вступилъ въ дѣло. Въ эти минуты, положеніе бѣднаго Строгова было далеко хуже положенія сражавшихся. Оставленный съ женщинами, онъ отданъ былъ на жертву всѣхъ пытокъ и терзаній. Двѣ женщины лежали въ обморокѣ, двѣ въ истерикѣ, а Марья Кондратьевна, болѣе слабонервная чѣмъ ея подруги, умирала совершенно. Сержантъ потерялся окончательно. Кто требовалъ воды, онъ подавалъ тому уксусу, кто просилъ уксусу, — того обливалъ мадерой.

— Ахъ, умираю! шептала старая дѣва.... спасите!

— Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь! говорилъ сержантъ.

— Ахъ, это ужасно.... Пгѣнь, неволи! Скажите, г. Строговъ, продолжала Марья Кондратьевна, вѣдь шведы не такъ какъ турки : они не берутъ женщинъ въ свои гаремы?

— Нѣтъ, нѣтъ... успокойтесь!

— Г. Строговъ, спрашивала другая дама: гдѣ мой мужъ?

— Онъ, сударыня, при орудіяхъ.

— Ахъ, это бездушно.... оставить меня въ такую минуту!

— Страшно, если шведы возьмутъ замокъ, говорила Марья Кондратьевна; я въ такомъ неглиже все облито. ... мокро! Даже, какъ на грѣхъ, забыла мою коробочку съ мушками.

— Братъ мой! батюшка! Что съ нимъ? продолжала въ свою очередь Катерина Павловна.

— Успокойтесь: все кончится благополучно... Слышите, выстрѣлы начинаютъ стихать... орудія смолкли. Вѣроятно шведы отступили. Надо думать, что это была толпа дерзкихъ мужиковъ — не болѣе!

Въ-самомъ-дѣлѣ перестрѣлка начинала рѣдѣть и наконецъ смолкла совершенно. Только яркое зарево и густой дымъ, взвившійся столбомъ надъ форштатомъ, да отдаленный гулъ и ржаніе лошадей сказывали о присутствіи врага.

Наступившее спокойствіе болѣе испугало чѣмъ успокоило женщинъ: онѣ рѣшили, что замокъ взятъ.

На лѣстницѣ послышался говоръ, бряцаніе палашей и шпоръ. Женщины съ визгомъ бросились въ уголъ комнаты. Сержантъ, заслонивъ своимъ тѣломъ дочь коменданта, обнажилъ палашъ. Но въ ту-же минуту общій страхъ смѣнился надеждою и радостью, когда на порогѣ залы показался маіоръ, а за нимъ и всѣ офицеры.

— Что? все кончено? былъ общій вопросъ.

— Нѣтъ, еще только начинаемъ. Ночь разлучила насъ, сказалъ Павелъ Павловичъ. Господа, прошу садиться, продолжалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.... Дѣло требуетъ совѣта.

Послушные предложенію коменданта, офицеры молча заняли мѣста свои по старшинству. Затѣмъ дамы были удалены, на что, разумѣется, болѣе всѣхъ обидѣлась Марья Кондратьевна, и совѣщаніе началось.

— Господа, сказалъ маіоръ, окинувъ присутствующихъ холоднымъ и проницательнымъ взглядомъ: я долженъ вамъ объявить, что мы окружены врагомъ въ десятеро насъ сильнѣйшимъ, запасъ пороху и боевыхъ снарядовъ при частыхъ перестрѣлкахъ можетъ кормить наши орудія съ небольшимъ мѣсяцъ; запасъ съѣстныхъ припасовъ, при умѣренной раздачѣ порціи долженъ кончиться втораго или третьяго августа. Причемъ долженъ вамъ замѣтить, что сдача замка открываетъ шведамъ свободный путь отъ Вазы на Куопію, чрезъ Саволаксъ, внутрь нашей Финляндіи, врагъ можетъ даже дѣйствовать въ тылъ нашей арміи, если-бы она выступила на освобожденіе Фридрихсгама, который уже занятъ королемъ, какъ вамъ извѣстно отъ плѣннаго шведскаго драгуна *. Вотъ, господа, все то, что я намѣренъ былъ сказать вамъ. Требую вашего мнѣнія. Начнемъ съ младшихъ. Г. Кузьминъ, извольте отвѣчать, — заключилъ Павелъ Павловичъ, обращаясь къ сыну.

— Мое мнѣніе, г. маіоръ, сказалъ сержантъ, держаться до послѣдней крайности и умереть на стѣнахъ замка, не сдавая его.

* Дѣйствительно, Нейшлотскій замокъ былъ важнымъ пунктомъ во время военныхъ операцій того времени. Фридрихсгамъ точно былъ осажденъ королемъ, который такъ быстро началъ свои дѣйствія, что еще петербургскій кабинетъ не успѣлъ объявить войны. «Манифестъ издавъ 30 іюня 1788 года, въ Царскомъ Селѣ, печатанъ при Сенатѣ 1 іюля. Война эта кончилась верельскимъ миромъ, 3 августа 1790 года». Сынъ-Отечества 1836 г. № 39.

— Прекрасно, но это еще не совѣтъ, а долгъ нашъ. Ну, а вы, г. Строговъ?

— Я совершенно одного мнѣнія съ благороднымъ мнѣніемъ моего товарища, но прибавилъ-бы къ этому, что въ случаѣ рѣшительнаго штурма или приступа со стороны шведовъ, взорвать замокъ было-бы вѣрнѣе, чѣмъ уступая силѣ, дать шагнуть врагу черезъ наши трупы. Разумѣется, прежде чѣмъ свершимъ нашъ славный подвигъ, должны сыскать средство къ спасенію женщинъ.

— Да-да! умереть всѣмъ или отстоять замокъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Хорошо, господа, сказалъ Павелъ Павловичъ, я буду держаться до послѣдней крайности, вынесу всѣ случайности обороны — безъ средствъ, и если войска Ея Величества не подоспѣютъ къ намъ на помощь, честно исполню долгъ мой и наше общее желаніе....

— Ура! дружно отозвались собесѣдники.

III.

Почти два мѣсяца шведы держали въ осадѣ Нейшлотскій замокъ. Гарнизонъ замка, одушевляемый храбрыми офицерами и старымъ воевою комендантомъ, упорно выдерживалъ осаду, нерѣдко дѣлая самыя отчаянныя вылазки.

Дамы, гости Павла Павловича, совершенно свыклись съ каждодневными тревогами и уже теперь безопасно коротали свое невольное затворничество. Конечно, у каждой изъ нихъ были страданія своего рода, но эти страданія находили иногда и утѣшеніе въ обѣщаніяхъ близкой помощи и въ надеждѣ близкаго конца дѣлу. Неутѣшиѣ всѣхъ было положеніе Марьи Кондратьевны. Лишенная румянъ и мушекъ, она кляла шведовъ, какъ личныхъ враговъ своихъ и крѣпко сердилась на стараго коменданта, въ комнатахъ котораго былъ важный недостатокъ, именно: отсутствіе зеркала.

Наступилъ августъ. О приближеніи русскихъ войскъ не было никакихъ слуховъ, а между-тѣмъ положеніе осажденныхъ начинало принимать видъ страшной и ужасной безнадежности. Запасы истощились совершенно. Голодъ, самый неумолимый врагъ, готовъ былъ явиться на помощь шведамъ. Веселость и даже притворная безпечность коменданта пропали. Онъ нахмурился.

Со 2-го на 3-е августа стояла ночь темная и ненастная. Въ этотъ день гарнизонъ оставался безъ дѣла. Шведы также не бросили ни одного ядра. Молчаніе враговъ предсказывало близкую и вѣрную опасность. Звучно и протяжно перекликались часовые на стѣнахъ замка; имъ вторилъ звукъ оружія и отдаленный гулъ въ станѣ шведовъ. Небольшой свѣтъ мелькалъ въ окнахъ замка, обращенныхъ къ озеру, легко плескавшемуся въ берегахъ своихъ. Крушій дождь дробно стучалъ въ эти окна. Двѣ мужскіе тѣни мелькнули въ нихъ — и скоро чьи-то осторожные шаги послышались въ длинномъ корридорѣ комендантскаго флигеля. За тѣмъ двое мужчинъ, скрывая подъ полою плаща фонарь.

спустились по узкой лѣстницѣ, быстро перешли дворъ и остановились на берегу озера.

— Г. Струковъ, дѣло особенной важности, сказалъ одинъ изъ нихъ. Вопли въ вѣря въ вашу расторопность, храбрость и самоотверженіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о долгѣ русскаго служаки, я рѣшился сдѣлать вамъ предложеніе.

— Говорите, комендантъ: я готовъ исполнить все, что прикажете, отозвался молодой человѣкъ.

— Предупреждаю васъ, что дѣло, которое я вамъ предложу, требуетъ смѣлости, расторопности и быстроты; это предложеніе— послѣднее средство для спасенія нашего и для спасенія замка.

— Готовъ на все!

— Хорошо. Слушайте меня. Распоряженіе мое пока должно быть тайной для всѣхъ; вотъ для чего я васъ увелъ незамѣтно изъ общества товарищей и дамъ.... Знаете... сказать,—начнутся совѣты, мнѣнія, грѣхомъ и слезы. Ну—съ... вотъ въ чемъ дѣло. Положеніе наше требуетъ мѣръ рѣшительныхъ. Запасъ истощенъ. При всѣхъ человѣческихъ усиліяхъ, при всей моей твердой волѣ, при всей преданности гарнизона къ своему долгу и ко мнѣ, я могу держаться только шесть дней. Часы сосчитаны. Здѣсь долженъ быть близко съ нашимъ отрядомъ генералъ-маіоръ Шульцъ. Сію минуту отправляйтесь и ищите его. Скажите: Кузьминъ ждетъ помощи—гибель его неизмѣнна и близка. Если на пятый день вечеромъ, не будетъ ни васъ, ни помощи—я спасаю женщинъ и взрываю замокъ....

— Благодарю за довѣріе и порученіе, маіоръ; но научите, какъ мнѣ выбраться изъ замка.

— По дорогѣ страшной и опасной; но, извините, другой нѣтъ.

— Укажите ее.

Старый комендантъ откинулъ полу плаща и скрываемымъ подъ нею фонаремъ освѣтилъ озеро.

— Вотъ эта дорога, сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ, не имѣя силъ скрыть своего минутнаго ужаса, отступилъ назадъ.

— Вы боитесь, господинъ сержантъ? съ какою-то особенною строгостію спросилъ старый маіоръ.

— Нѣтъ! Приказывайте и научите! рѣшительно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Такъ, я зналъ, сынъ русскаго солдата не знаетъ слова *боюсь*.— Вы плаваете?

— Отлично и быстро.

— Прекрасно. Видите, направо, въ двѣнадцати саженьяхъ отъ насъ, надъ водою черное, большое пространство....

— Вижу.

— Это камень. Если вы достигнете его, то значитъ — переплывете опасную глубину и тогда смѣло ступайте впередъ. Отъ него держите все въ право. Тамъ встрѣтите еще нѣсколько камней, въ самомъ ничтожномъ разстояніи одинъ отъ другаго. На озерѣ тихо, ни волненія, ни

буруна нѣтъ и слѣдовательно плавать между камнями вамъ будетъ также легко, какъ окуню.

— Ну, а потомъ... берегъ?

— Почти. Достигнувъ послѣдняго камня, выдавагоса длинною и гладкою плитою, держите отъ него вѣво... это мель, которая васъ приведетъ къ болоту. Обогнувъ болото налѣво, вы у мелкаго ольховаго кустарника встрѣтите хижину рыбака, шведа, но человѣка преданнаго мнѣ душой и тѣломъ. Идите къ нему смѣло... Юганъ Поскаръ согрѣетъ, высушитъ, одѣнетъ васъ, скажетъ гдѣ найти отрядъ Шульца; а если-же ему это неизвѣстно, вы сами немедленно отправляйтесь на поискъ... Я жду васъ пять дней... только! Больше не достанетъ ждать ни силъ, ни средствъ... Жду... или спасеніе, или славная смерть...

— А женщины? съ примѣтнымъ ужасомъ спросилъ молодой сержантъ.

— На счетъ женщинъ есть еще для васъ другое приказаніе. Скажите шведу, что если на пятый день не будетъ васъ у него, то онъ долженъ въ ночь съ пятаго на шестой день явиться сюда съ финкой, и спасти нашихъ женщинъ. Съ нимъ поѣдетъ Золотовъ, которому я вручу рапортъ... Съ Богомъ, молодой человѣкъ! Время дорого. Благославляю васъ на славное дѣло.

Юноша молча обнялъ старика, украдкой, но съ тяжелымъ вздохомъ оглянувшись на окна замка и принялся раздѣваться. Въ нѣсколько минутъ плащъ, мундиръ и сапоги были сброшены.

Сержантъ и комендантъ молча пожали другъ другу руку. Юноша осторожно спустился съ крутаго берега, еще разъ выразительно кивнулъ отцу своей невѣсты и бросился въ воду...

— Съ Богомъ! прошепталъ маіоръ.

И долго и неподвижно стоялъ на мѣстѣ старый служака, затаивъ дыханіе и прислушиваясь къ отдаленному всплеску волны надъ членами пловца... Наконецъ фигура его во тьмѣ ночи обрисовалась на большомъ камнѣ.

— Слава Богу... онъ будетъ у Поскара! прошепталъ маіоръ, вздохнувъ свободно и скрывая фонарь подъ полою своего плаща.

Та-же темная и дождливая ночь стояла съ 8-го на 9-е августа, какъ и ночь, въ которую молодой сержантъ оставилъ замокъ. Пять условныхъ дней прошло. Положеніе Гарнизона было полно всѣхъ крайностей, всѣхъ лишеній. Шведы готовились къ приступу, защитники замка были на стѣнахъ его. Одинъ комендантъ оставался еще въ комнатѣ замка.

— Ну-съ, довольно плакать, другъ мой, говорилъ онъ, обнимая дочь и обращаясь къ толпѣ окружавшихъ его женщинъ. Разстаться время. Сегодня мы... здаемъ замокъ, продолжалъ маіоръ голосомъ, который замѣтно измѣнялъ ему; и потому необходимость требуетъ васъ спасти отъ рукъ шведомъ. Вотъ человѣкъ, который перевезетъ васъ на про-

* Финка — небольшая шведская лодка.

тивуположный берегъ и укроетъ у себя до время... Добавилъ маіоръ, указывая на преданнаго ему рыбака, который явился въ замокъ по условію. Не плачь, Катя... скоро увидимся... всѣ! всѣ! Не плачь! Ну.. прощай! Съ вами поѣдетъ и Золотовъ. Возьми рапортъ, продолжалъ въ полголоса Павелъ Павловичъ, обращаясь къ солдату: да смотри, бабамъ ни слова о томъ, что мы чрезъ полчаса взлетимъ на воздухъ...

Въ эту минуту быстро вбѣжавшій офицеръ нарушилъ бесѣду разставанья.

— Чтѣ скажете, капитанъ? спросилъ старикъ.

— Шведскій парламентаръ подѣхалъ къ воротамъ замка и требуетъ свиданія съ вами. Прикажете впустить его, г. комендантъ?

— Непремѣнно, г. капитанъ: пора намъ кончить съ этими шведами; впустите его.

Офицеръ удалился. Успокоивъ нѣсколько дамъ, Павелъ Павловичъ оставилъ свой кабинетъ и вышелъ въ пріемную комнату. Большая часть офицеровъ гарнизона и небольшой караулъ ожидали здѣсь своего начальнига. Спустя нѣсколько минутъ, статный и видный шведъ гордо вступилъ въ залу, за нимъ слѣдовали еще нѣсколько человекъ шведскихъ офицеровъ.

Видя нѣсколько разъ маіора, парламентаръ тотчасъ-же узналъ его и прямо подошелъ къ нему. Посланный и начальникъ замка обмѣнялись учтивымъ поклономъ.

— Камандиръ храбраго шведскаго корпуса, генералъ Гастферъ, началъ первый, предлагаетъ господину начальнику Нейшлота здать немедленно замокъ...

— Г. поручикъ! генералъ вашъ весьма неумѣренъ на желанія...

— Счастіе войны даетъ ему на это полное право, господинъ комендантъ; намъ извѣстно ваше крайнее положеніе, и мы имѣемъ полное право назвать безумствомъ ваше упорство. Зная свою силу и вѣря въ полный успѣхъ осады, но не желая проливать напрасно крови, генералъ предлагаетъ здать ему замокъ на условіяхъ, какія онъ самъ предпишетъ...

— Вы кончили, г. поручикъ?

— Почти... къ этому я долженъ прибавить, что въ случаѣ вашего отказа, замокъ чрезъ часъ будетъ взятъ штурмомъ и ни одинъ человекъ изъ гарнизона не будетъ пощаженъ.

При этихъ словахъ, въ толпѣ русскихъ солдатъ и офицеровъ слышался ропотъ. Но грозный взглядъ коменданта остановилъ въ подчиненныхъ порывъ оскорбленнаго самолюбія.

— Объявите вашему генералу, спокойно сказалъ Кузьминъ, о моей невозможности исполнить его требованіе: у меня одна только правая рука, въ которой я держу шпагу; стало быть, нечѣмъ мнѣ взять ключей и отворить ему ворота. Пусть самъ ихъ возьметъ!»

Въ эту минуту страшный залпъ батарей и ружейные выстрѣлы, раздавшіеся на форштатѣ, привели всѣхъ въ страшное недоумѣніе.

— Ура! крикнули русскіе, оставшіеся на стѣнахъ

— Ура! повторилъ голосъ за дверью. Ура, наша, взяла!. Врагъ бѣ-

жить! Съ побѣдой, братья! вскричалъ Строговъ, вбѣгая въ залу и кидаясь на шею удивленнаго коменданта. Генераль Шульцъ занялъ вражескую батарею на перевозѣ Пунголь-Сальмъ! Поздравляю съ снятіемъ осады! продолжалъ сержантъ, обращаясь къ женщинамъ, которыя выбѣжали на его голосъ.

Старый комендантъ молча перекрестился.

— И такъ, господа! роли наши перемѣнились, весело сказалъ онъ, подходя къ шведскому офицеру. Вы сударь, мой плѣнникъ, пожалуйста вашу саблю. Впрочемъ, предупреждаю васъ, что у насъ вы не соскучитесь—и завтра-же потанцуете на свадьбѣ моей дочери,—а вотъ ея и женихъ... Прошу любить, да жаловать! Съ этими словами маіоръ обнялъ и поцѣловалъ храбраго сержанта...

В. Савиновъ.

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

(ПИСЬМО ИЗЪ АСТРАХАНИ).

I.

Путевыя записки отъ Москвы до Камышина. — Пароходное общество «Меркурій» и пароходъ «Ермакъ». — Флотскіе офицеры на купеческихъ судахъ. — Волга и ея берега. — Затоны и перемѣны. — Макарьевъ. — Казань и Услонь. — Симбирскъ и Жигулинскія горы. — Разсказъ лоцмана о волжскомъ разбойникѣ Петькѣ. — Самара и ея будущность. — Шкиперы на частныхъ пароходахъ. — Саратовъ и его долгиши. — Колоніи. — Курганъ Стеньки Разина.

Уѣзжая изъ Петербурга, я обѣщалъ писать свои путевыя записки, но вспомнилъ объ нихъ только на пути изъ Самары въ Саратовъ, то есть, пропусая большую и самую интересную часть дороги. Хотя, конечно, я не все еще позабылъ изъ слышаннаго, видѣннаго и пройденнаго мною, но все таки описаніе первой половины моего странствованія будетъ не такъ подробно и точно, какъ второй.

О проѣздѣ изъ Петербурга въ Москву нечего говорить. Все уже, кажется, сказано о великолѣпной и колоссальной желѣзной дорогѣ, составляющей мостъ между двумя столицами.

Третьяго мая 1852 года, около семи часовъ вечера, то есть, ровно черезъ двое сутокъ, прибыли мы въ почтовомъ брикѣ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. Въ дорогѣ время прошло боюсь сказать весело, но по-крайней-мѣрѣ не скучно; послѣ первыхъ станцій все общество, размѣщавшееся въ трехъ брикахъ, сошлось, познакомилось и, не смотря на свою разнородность, даже подружилось... Пятаго числа, въ понедѣльникъ, въ три часа утра, отъ Нижегородской пристани, снявшись съ якоря, тихо отвалилъ пароходъ «Ермакъ», принадлежащій частному пароходному обществу «Меркурій». Онъ подобралъ на буксиръ стоявшія около него барки и причалки, назначенныя въ разные го-

рода по Волгѣ за грузомъ, и въ шесть часовъ, кончивъ всѣ работы, съ хвостомъ изъ пяти судовъ, плавно пошелъ — «внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Пароходъ Ермакъ считается однимъ изъ лучшихъ на Волгѣ; онъ имѣетъ 200 силъ, снабженъ шведскими машинами изъ Моталлы, съ горизонтальными цилиндрами; колеса могутъ быть разьобщены и дѣйствовать—одно переднимъ, а другое—заднимъ ходомъ, что необходимо для быстроты поворотовъ въ извилинахъ волжскаго фарватера. Пароходъ этотъ собственно буксирный; пассажиры на немъ составляютъ уже второстепенный грузъ, или, лучше сказать, роскошь, а потому на нихъ и не обращаютъ особеннаго вниманія. Каюты перваго класса, хотя довольно чисты и помѣстительны, но лишены всякой роскоши и комфорта: вся мебель заключается въ столѣ и скамейкахъ; нѣтъ даже подушекъ и постелей; все это каждый пассажиръ долженъ везти съ собою. Главная потребность всѣхъ и вездѣ—пища и питье—не очень обезпечены на пароходѣ; буфетъ довольно неисправенъ, а своего запаса ни одинъ пассажиръ не имѣетъ права взять съ собою. Это для общаго свѣденія печатается на билетахъ, которые получаешь изъ конторы парохода. Тамъ прописано такъ: «Пассажиры, отправляющіеся на пароходъ, не имѣютъ права запасаться съѣстными припасами, ибо на каждомъ пароходѣ устроены буфеты, изъ которыхъ кушанья отпускаются по умѣренной цѣнѣ». Эти умѣренныя цѣны слѣдующія: порція бифтексу — 35 к.; (фунтъ лучшаго мяса въ здѣшнихъ краяхъ стоитъ отъ 3 до 4 к.); супъ или щи 25 к.; порція чаю 50 к.; стаканъ чаю 25 к. и такъ далѣе. Самые пароходы содержатся не такъ, какъ петербургскіе. Впрочемъ, я избалованъ стройнымъ во всѣхъ частяхъ порядкомъ нашихъ военныхъ судовъ. Понятно, что этого нельзя требовать отъ рѣчныхъ и частныхъ пароходовъ. Цѣль и назначеніе волжскихъ пароходовъ впрочемъ превосходны. Быстрота сообщеній — одна изъ главныхъ потребностей торговли: время иному купцу бываетъ дороже денегъ. Прежде пространство отъ Нижняго до Астрахани проходили отъ двухъ до трехъ недѣль, теперь тоже самое разстояніе, — около 1900 верстъ, — пароходъ, съ пятою и шестью баржами на буксирѣ, пробѣгаетъ въ недѣлю; обратной путь еще разительнѣе показываетъ все превосходство и всю необходимость пароходовъ на Волгѣ. Паруса, конные и машинные бичевья и другіе способы плаванія по рѣкѣ, не вездѣ могутъ быть употреблены, и всегда утомительны и медленны. Впрочемъ, теперь много молодыхъ людей, отставныхъ флотскихъ офицеровъ, поступили на службу въ частныя пароходныя компаніи. Только люди, знакомые вполнѣ съ морскимъ дѣломъ, въ состояніи поставить на хорошую ногу эти пароходы, быстро двинуть впередъ интересы компаніи и заставить всѣхъ уважать службу на коммерческихъ судахъ. Надо желать, чтобъ всѣ пароходныя компаніи взяли примѣръ съ компаніи «Меркурій», которая считаетъ уже въ числѣ командировъ своихъ судовъ трехъ бывшихъ флотскихъ офицеровъ. Понятно, какъ выгодно и важно имѣть на пароходѣ командира образованнаго, вполнѣ понимающаго, что отъ порядка и дисциплины на судахъ зависитъ благосостояніе компаніи и всѣхъ служащихъ при ней лицъ.

И такъ, въ шесть часовъ утра, «Ермакъ» отправился изъ Нижняго. На палубѣ, кромѣ рабочихъ, носящихъ здѣсь званіе матросовъ, почти никого не было. Въ восемь часовъ палуба начала оживляться, стали показываться пассажиры и пассажирки, не совсѣмъ довольныя такимъ равнымъ отправленіемъ, не позволявшимъ имъ доспать до положеннаго часа и заняться туалетомъ. На этомъ пароходѣ, по странному теченію обстоятельствъ, лучшія каюты и слѣдовательно и лучшіе пассажиры, помѣщались въ носовой части и потому на бакѣ, гдѣ на всѣхъ родахъ судовъ привыкли видѣть простой народъ, собралось общество, сдѣлавшее—бы честь даже великосвѣтскому салону. Больше всѣхъ привлекало своею милостивостью и выраженіемъ доброты и беззаботности, личико дѣвушки, которую конечно нельзя было назвать красавицей, но къ погамъ которой рѣдкой—бы изъ жителей Невскаго проспекта или Кузнецкаго моста не положилъ своего сердца.

Въ первый день нашего плаванья всѣ восхищались живописными берегами Волги. Въ это время года она чрезвычайно полноводна; лугвая ея сторона, то есть, лѣвой берегъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, затопленъ верстъ на десять, но здѣшніе старожилы говорятъ, что въ нынѣшнемъ году разливъ еще очень малъ, и вода далеко не такъ высока, какъ въ прошлыхъ годахъ. Это приписываютъ слишкомъ поздней веснѣ: 4-го мая только прошелъ послѣдній ледъ по рѣкѣ, мимо Нижняго.

Въ девять часовъ пароходъ зашелъ въ затонъ, чтобъ взять тамъ еще одну баржу. Затонами называются на Волгѣ маленькія бухты, устроенныя самой природой, въ которыхъ суда укрываются отъ поднявшейся непогоды или прячутся отъ сильнаго льда. Бухточки эти большею частью довольно глубоки, теченіе въ нихъ круговое и всегда чрезвычайно быстрое. Вышедъ изъ затона, мы въ одинадцать часовъ увидѣли городокъ Макарьевъ, прежде бывший мѣстомъ знаменитой ярмарки, которая и теперь, хотя перенесена въ Нижній Новгородъ, все еще носитъ его названіе. Городокъ раскинутъ по луговому берегу Волги, и, кромѣ каменныхъ церквей и обширнаго гостинаго двора, не представляетъ ничего достойнаго замѣчанія. Строеніе, большею частью, деревянное; да и вообще тотъ, кто видѣлъ хоть одинъ уѣздный городъ внутри Россіи, можетъ сказать, что видѣлъ всѣ до одного; хотя конечно въ каждомъ изъ нихъ есть свои мѣстныя особенности, но они открываются только тому, кто подолѣе поживетъ въ городѣ. Мимо насъ, въ продолженіе дня, промелькнуло еще нѣсколько деревушекъ, селъ и такъ называемыхъ *перемѣль*, то есть станцій, по берегу Волги, гдѣ суда, идущіе бичевой, мѣняютъ лошадей. Перемѣльны бывають на разстояніи отъ тридцати до сорока верстъ и рѣдко какой баржѣ и какому подчалку удастся пройти въ сутки больше двухъ перемѣль.

Потомъ мы обогнули нѣсколько перекатовъ или отмелей, идущихъ отъ одного берега къ другому, и на которыхъ въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ иногда только пять и даже меньше футовъ глубины; теперь, въ волюю воду, пароходъ безопасно пробѣгалъ эти мѣста.

На ночь мы остановились у какого-то городка, названіе котораго

я даже не полюбобытствовалъ узнать. На другой-же день съ утра пароходъ опять отправился въ путь. Не стану перечислять всѣхъ городковъ, какіе намъ случилось проходить; ихъ такое множество разсыяно по обоимъ берегамъ Волги, что даже трудно пересчитать. Въ десять часовъ, 6 числа, остановились мы у городка Услонь, расположеннаго на гористомъ берегу, почти противъ Казани. Здѣсь въ первый разъ Волга явилась во всемъ своемъ блескѣ и величіи. До Казани, при всемъ поводіи, Волга нигдѣ не достигала ширины трехъ верстъ, но тутъ разливъ былъ въ полной силѣ. Казань едва мелькала на противоположномъ берегу, и все пространство, между ею и Услонью, верстъ около десяти, было затоплено водою. Шумно и быстро катила свои мутныя волны наша царь-рѣка; кой-гдѣ изъ подъ пѣны показывались верхушки сосенъ или березъ, какъ будто выглядывалъ изъ подводнаго царства какой нибудь водяникъ. Въ иномъ мѣстѣ промелькнетъ легкая косная лодка подъ парусомъ, да раздастся въ отдаленіи пѣсня бурлаковъ, звонко разливаясь по всей водной поверхности.... Чудная картина, чудная жизнь на Волгѣ! Оставя нѣсколько пассажировъ въ Казани, мы, придерживаясь праваго берега пошли въ Симбирскъ, гдѣ была опять назначена стоянка на ночь. Видъ нагорнаго берега чрезвычайно разнообразны и достойны замѣчанія.

Несмотря на раннее время года, на скудную растительность, много было живописнаго въ этихъ обрывистыхъ берегахъ, слегка опушенныхъ темной зеленью дубовъ. Кой-гдѣ проглянетъ свѣтленькая береза и ярко обрисуется на мрачномъ фонѣ окружающаго лѣса; иногда еще больше оживить ландшафтъ раскинутая по берегу деревня или нѣсколько лодокъ рыбаковъ, которыя, въ общемъ планѣ, составляютъ не послѣднее украшеніе картины. Многіе, плававшіе по Рейну, признаются, что на Волгѣ есть мѣста, нисколько не уступающія въ красотѣ видамъ Рейнскихъ береговъ. Вообще мѣтноть отъ Казани до Симбирска могла-бы доставить много пищи какъ живописцу, такъ и поэту. Въ Симбирскѣ мы простояли очень не долго. Много говорили про красоту вида этого города съ Волги, но рассказы преувеличены. Съ рѣки города почти не видно: все закрывается горой и, кромѣ куполовъ, церквей и ряда крышъ ничего нельзя отличить и разобрать. Внизу, подъ горою, разбросано нѣсколько деревушекъ, которыя составляютъ предмѣстье города. Особенно достойно замѣчанія, что въ Симбирскѣ чрезвычайное множество козловъ, съ которыми приходится иногда имѣть неприязненныя столкновенія. Главнымъ притономъ долгобородой фаланги — улица Лессиная, гдѣ предводительствуетъ стадомъ огромной сѣдой козель, который однимъ видомъ своимъ хоть кого обратитъ въ бѣгство. 15-го числа утромъ мы оставили Симбирскъ и теперь, до самой Самары, не предстало намъ ни одной остановки. Берега отъ Симбирска тянутся чрезвычайно однообразно, оттого-ли что уже приглядѣлись къ нимъ, или оттого, что нечему было оживить красоту природы, и все казалось пустынно и безжизненно.... Ночью мы должны были проходить Жигулинскія горы. Много осталось въ народѣ рассказовъ объ этихъ горахъ, какъ объ главномъ притонѣ прежнихъ знаме-

нитыхъ Волжскихъ разбойниковъ. Чтобъ доставить удовольствіе всему обществу на пароходѣ одинъ умный лодманъ, по прозванію Федоръ, разсказалъ намъ старинную сказку, случившуюся когда-то въ этихъ мѣстахъ. А какъ всякія преданія старины интересны, то я и сообщаю этотъ разсказъ слово въ слово.

— Такъ вотъ, братецъ ты мой любезный! — такъ началъ Федоръ, мужикъ рыжій и дородный, въ шапкѣ изъ мерлушекъ, въ нагольномъ тулупѣ и въ плисовыхъ шальварахъ. На лицѣ его выражалось столько хитрости и смѣтки, что по неволѣ скажешь, увидавъ его: плуть ты, Федька, а голова!

— Былъ въ тутошнихъ мѣстахъ, давнымъ давно, мужикъ Петька. Петьку отвезли въ некрутчину, — сдали тамъ, тѣмъ-бы дѣло кажись и кончилось. На-ка братъ! Улизнулъ лелящій; на дорогѣ обошелъ какъ-то свое начальство да и тягу. Ну, и слухъ о немъ пропалъ, искали, искали, нету-ти: какъ ключъ ко дну. Только вотъ начали поговаривать, что вотъ-де тамъ-то ограбили баржу, тамъ потопили подчалокъ, али тамъ видѣли косную подъ парусомъ съ лихими ребятами. Много было и правды, а много и облыжно говорили, сваливая все на Петьку. Похвалялись было нѣкоторые купцы живьемъ изловить его, да не! .. не больно поддатливъ; бывало вотъ ужъ окружатъ совсѣмъ, только что бери, такъ нѣтъ вѣдь, напустить такого страха, что всѣ только помы подбираютъ, да и тягу. Такъ ужъ и знаютъ, коли гдѣ раздастся родимая пѣсенька «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», да покажется одна, а не то двѣ али три косныя, такъ неси ужъ выкупъ, а не то—не миновать бѣды. Такъ вотъ, въ это-то самое время, около Чебоксаръ, жилъ себѣ купецъ, человекъ добрый, но только такой горячій, что бѣда; и слышалъ онъ про дѣла Петьки, аль кого другого, не знамо тогда было, а у купца-то былъ одинъ подчалокъ на ходу изъ Саратова, да и тотъ вдругъ пропалъ безъ вѣсти, что и слыхомъ не слыхать про него. Закручинился нашъ купчина, не такъ крѣпко о товарахъ, какъ о дочери, которая на подчалкѣ ворочалась отъ тетки изъ Саратова домой. Ждетъ онъ день, опосля сроку, два и три, нѣтъ подчалка, какъ будто и не было совсѣмъ. Не выдержалъ старина, купилъ косную, нанялъ работниковъ и отправился внизъ по рѣкѣ, доискиваться слѣду своей дѣвки. Плыветъ онъ этакъ день не день, не два, а ужъ, примѣрно сказать, пять аль шесть сутѣкъ, тамъ спросить, тутъ провѣдаетъ: «не видали-ль, аль не слышали-ли про такой-то подчалокъ». — Нѣтъ, братъ дѣдушка, не встрѣчали, поищи пониже, можетъ найдешь. — Опять плыветъ старикъ: вѣщуетъ ему сердечушко, что приключилось какое ни на есть горе, да все еще не вѣрится. Вотъ разъ, по вечерѣ, какъ поумаялись ребята, остановился онъ въ Воложкѣ (рукавъ Волги или вѣриѣе проливъ между двумя островками), чтобъ маленько вздохнуть. Сидятъ они этакъ на поверху, достали огня, заварили кашу, запѣли было Назарыча, да вдругъ и ложка во рту и пѣсня въ горлѣ какъ будто по щучьему велѣнью, такъ и завязли, а кажись отчего-бы, что за бѣда, что съ середины Волги на ихнего Назарыча отвѣчали дружно «Внизъ по матушкѣ по

Волгѣ». Да нѣтъ; всѣ знали тогда, что эта пѣсня была любимой пѣсней Петьки и что онъ давалъ ею знать, когда идетъ на промысль. И струсилъ старикъ, да и радъ тоже: брать-то теперича у него нечего, бить на смерть—Петька не бьетъ, а можетъ онъ узнаеть что-нибудь про свою Параську. Работники бросились было и огонь тушить, чтобъ не показать себя ворогу, да хозяинъ остановилъ: « Не трошь, робята, не замай! ну, хошь эвто и Петька, Богъ милосливъ! Не проглотить насъ живьемъ, давайка-сь, благословясь, примемся опять вечерять.» — И точно, купецъ опять принялся за кашу, а ребята, видя такое спокойство въ хозяинѣ, тожъ приободрились и принялись опять за Назарыча съ кашей. Промежъ тѣмъ, косная вошла въ Воложокъ и взяла прямо на огонь нашихъ молодцовъ. Хоть и трусили наши ребята, а подъ хозяина все подтягивали Назарыча... Ужъ косная близко, ужъ видно на рулю стоитъ самъ Петька, парень дюжій, въ красной рубахѣ, волоса въ кружокъ, бородка маленькая, черная, какъ смоль, лицомъ бѣлъ да румянь, то есть, вотъ какой парень! Подѣхалъ онъ къ берегу, вышелъ; купецъ нашъ тоже всталъ, ребятамъ велѣлъ молчать, самъ подошелъ къ Петькѣ, расклялся и Петька ему шапку снялъ, все по учтивству, какъ слѣдуетъ. — « А куда изволите путь держать? » заговорилъ Петька въ первой. — Да вотъ, родной ты мой, ищу недоищусь своей дѣвки, взмолился купецъ: пропала нивѣсть куда, хоть-бы разъ еще мою касаточку поглядѣть, да только-бы знать, по-крайности, гдѣ она, моя досточка, обрѣтается.

Нахмурился Петька малую толику. — « А какъ твоя дочка прозывается? » — Да Параська, родимой! — « Параська! такъ ступай-же, садись въ мою косную; я те покажу, гдѣ твоя Параська. » — Купецъ было не хотѣлъ, да Петька мигнулъ своимъ; старика подхватили, посадили въ лодку, работники сунулись было туда-же, да на нихъ какъ прикрикнетъ атаманъ: Саринь на кичку!* — такъ они такъ словно вкопанные и уперлись лбами въ землю. Поѣхали купецъ съ Петкой, опять грянула Волжская пѣсня, и черезъ полчаса времени пристали они къ берегу; тутотка они вышли и, пройдя съ полверсты въ лѣсъ, Петька ввелъ купца въ избу. Изба была славная, вся почитай изъ дубняка, изукрашена на диво и петушокъ на верхушкѣ. Вотъ онъ ввелъ его, посадилъ на лавку на первое мѣсто, поднесъ ему чарку зелена вина. Старикъ все молчитъ, да дивуется. Наконецъ Петька оставилъ его одного, промолвя: — « Посиди, старина, я тебѣ подамъ ино угощенье ». Остался купецъ и думаетъ: — а лучше за добра ума убраться изъ избы, какъ вдругъ дверь изъ другой горенки отворилась и оттуда прямо ему въ ноги его Параська. Расплакался купецъ, не знаетъ, что ему дѣлать отъ радости, поднялъ онъ дѣвку, самъ сѣлъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣна. Ужъ онъ цѣловалъ, миловалъ ее и спрашивать ни объ чемъ не

* *Саринь на кичку!* у Волжскихъ разбойниковъ означало: падай ницъ! Жертвы ихъ обыкновенно исполняли приказаніе, а ихъ въ это время обирали и они даже не могли разглядѣть лицъ преступниковъ, чтобъ впоследствии, при допросѣ, признать ихъ.

хотѣлъ, да Параська сама ему все рассказала, какъ на ихъ подчалокъ налетѣлъ Петька, какъ весь грузъ потопилъ, изъ народу кого забралъ къ себѣ, кого переправилъ на луговую сторону Волги, да и пустилъ куда глаза глядятъ, а сама Параська ему оченно полюбилась и взялъ онъ ее себѣ въ жены; изъ ближней деревни зазвалъ священника, тотъ ихъ повѣнчалъ и теперь живутъ они въ мирѣ и согласіи. Нечего было дѣлать старику. Съ Петьки взятки гладки. Параську бранить не за что, самому — что горюй, то хуже; махнулъ старикъ рукою, да только выпросилъ себѣ позволеніе навѣщать иногда свою дочку. Больно не хотѣлъ Петька позволить, да они вмѣстѣ съ Параськой одолѣли его; далъ онъ старику такую грамотку, съ которой онъ безъ опасу можетъ приѣзжать, когда захочетъ. Вотъ и оплошалъ-же тутъ Петька. Старикъ сперва побываетъ въ мѣсяцъ разъ, да и полво; оно-бы и ладно, такъ вишь мало: зачастилъ старинка; по недѣлямъ живетъ у дочери. Работники рассказали по городамъ, что купецъ съ Петькой куда-то ѣздилъ и оттоль вернулся развеселой такой. Вотъ и стали посматривать, куда его нечистая носитъ, да и подкараулили. Но начальству пошло: собрали окрестныхъ мужиковъ изъ трехъ волостей, кто съ дубьемъ, кто съ вилой да заступомъ, а кто взялъ топоръ въ руки, и отправились въ лѣсъ. Окружили избушку, слышать, что Петька тамъ пьетъ и поетъ пѣсни съ своими робятами и струхнулъ было народъ, да оглядѣвшись, видить, что его чуть-ли не два ста человѣкъ. Вотъ одинъ по смѣлѣи схватилъ камень, да и швыркъ въ окно; стекло забренчало, въ избѣ поутихли. Немного погода вышелъ на крыльцо самъ Петька и съ нимъ только трое пріятелей. Видить онъ, что дѣло худо, что такъ не пробиться, вошелъ опять въ избу и вынесъ себѣ и своимъ по такому страшнѣющему мушкетону, что у народа въ глазахъ зарябило. Вотъ съ этимъ-то оружіемъ и пошли они къ рѣкѣ; народъ такъ передъ ними и разступается.

Вотъ ужъ и лѣсъ прошли и косная ихъ уже близко; уйдетъ изъ рукъ Петька, но не судьба видно ему!... Надо Параськѣ было на что-то засмотрѣться, запнулась, да черезъ кочку бултыхъ и шлепнулась, тѣ остановились, чтобъ поднять ее, а въ это самое время одинъ изъ мужиковъ изловчился, да какъ пуститъ коломъ Петькѣ по ногамъ, такъ и срѣзалъ его на земь; мушкетонъ изъ рукъ вылетѣлъ и не успѣлъ онъ встать, какъ его скрутили вмѣстѣ со всѣми пріятелями и сдали, куда слѣдуетъ. Вотъ вѣдь правду люди сказываютъ: — всяко добро отъ Бога, всяка напасть отъ бабъ». Такъ кончилъ свой рассказъ словоохотливой Оедька.

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ рассказовъ, въ одиннадцать часовъ ночи, мы проходили Жигулинскіе лѣса, которые вовсе не такъ страшны, какъ толкуютъ объ нихъ въ народѣ. Всю ночь, съ 8-го на 9-ое, мы были на ходу, торопясь въ Самару. Безпрестанныя остановки и чрезвычайно тихій ходъ парохода, тянувшего слишкомъ большой буксиръ, начинали надоѣдать пассажирамъ. До Симбирска между нами была, крайней-мѣрѣ, одна пассажирка, которая заставляла забывать продолжительность путешествія. Но теперь, безъ нея, скоро всѣ почувствовали

всю неприятность плаванія на буксирномъ пароходѣ. Наконецъ, въ шесть часовъ утра, 9-го числа, мы прибыли въ Самару. Этотъ городъ не уменьшилъ однакоже дурное расположеніе духа всѣхъ, бывшихъ на пароходѣ. Не успѣвъ еще поправиться послѣ опустошительнаго пожара, онъ представлялъ груды кирпичей, известки, бревенъ и другихъ строительныхъ матеріаловъ. Жизни не было замѣтно вовсе въ городѣ; все покойно и тихо. Но въ будущемъ этотъ городъ обѣщаетъ много. Производитъ обширную торговлю, простирающуюся каждый годъ до пяти милліоновъ, и расположенный чрезвычайно живописно, по склону горы къ Волгѣ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ далеко оставитъ за собою все приволжскіе города, изъ которыхъ лучшіе теперь Астрахань, Казань, и Саратовъ. Въ Самарѣ мы сдали послѣднихъ пассажировъ, такъ, что теперь до Камышина оставался я, да одинъ докторъ, тоже отправляющійся въ Астрахань. Въ девять часовъ, мы снялись; на ночь опять гдѣ-то остановились. 10-го числа поутру, мы повстрѣчались съ пароходомъ той-же компаніи «Православный», идущимъ изъ Астрахани въ Нижній Новгородъ. Ему поручено было взять отъ насъ одну баржу и отвезти ее назадъ въ Нижній. Тутъ всѣ увидѣли, какъ мало опытни въ морскомъ дѣлѣ шкипера. Пробившись на одномъ мѣстѣ около часу, не сдѣлавъ ничего путнаго и потерявъ только время, пароходы разошлись, чрезвычайно недовольные другъ другомъ, обвиняя одинъ другаго въ незнаніи дѣла. Всѣ купцы, бывшіе на пароходѣ, едингласно утверждали, что они давно-бы бросили свои разшивы и подчалки, еслибъ вполнѣ были увѣрены въ искусствѣ командировъ судовъ.

Въ восемь часовъ, 11-го числа, послѣ обѣда, подошли мы къ Саратову. Изъ всѣхъ, пройденныхъ нами городовъ, кромѣ Казани, это былъ лучшій. Главная улица довольно хорошо обстроена; дома красавы, на ней двѣ кондитерскія, шесть магазиновъ съ дамскими уборами, что очень много для такого небольшого города, какъ Саратовъ и что, конечно, относится къ чести его прекраснаго пола, вѣрно любящаго блеснуть новыми нарядами. Есть даже очень порядочный оптический магазинъ, который гораздо лучше многихъ того-же рода въ Петербургѣ. Но что всего больше поражаетъ въ Саратовѣ, да впрочемъ и не въ одномъ Саратовѣ, а также въ Самарѣ, Симбирскѣ и во многихъ другихъ губернскихъ городахъ,—это особенный родъ экипажей: кузовъ ихъ въ родѣ обыкновенныхъ дрожекъ, но онъ виситъ не на рессорахъ, а просто положенъ на два длинные шеста, какъ устраиваются дорожные тарантасы; экипажъ этотъ носить названіе *долгушъ*. Волга у Саратова чрезвычайно широка и въ сильную погоду должна представлять чудную картину. Простоявъ въ Саратовѣ цѣлый день, мы 12-го числа въ половинѣ третьяго часа, двинулись въ Камышинъ, въ крайнюю точку нашего плаванья. Погода давно уже испортилась; отъ самой Самары начались дожди и по временамъ набѣгали шквалы, раза два или три были грозы. Много хорошаго и достойнаго замѣчанія въ колоніяхъ, разсыпанныхъ отъ Саратова по обоемъ берегамъ Волги и образовавшихся изъ германскихъ переселенцевъ, большею частью изъ Виртембергскаго королевства. Эти поселенцы оставили отечество

въ слѣдствіи религіозныхъ распрій. Замѣчательнъ также курганъ Стеньки Разина, находящійся за сто верстъ отъ Саратова и на которомъ, какъ говоритъ преданіе, Разинъ устроилъ свой станъ, гдѣ собиралъ дань со всѣхъ проходящихъ судовъ. Въ этомъ курганѣ еще до-сихъ-поръ видны пещеры, въ которыхъ укрывались разбойники. Но утомленному долгимъ путемъ, всѣ эти мѣста казались такъ скучны, что даже городъ Камышинъ, куда мы прибыли около десяти часовъ вечера, показался намъ Эльдорадомъ, потому-что мы знали, что здѣсь кончится, по-крайней-мѣрѣ, наше водное путешествіе, продолжавшееся ровно восемь сутокъ, вмѣсто обѣщанныхъ Нижегородской конторой четырехъ.

II.

Взглядъ на нынѣшнее положеніе Астрахани. — Историческій очеркъ города. — Бѣдствія, испытанныя Астраханью. — Армяне и Персіяне. — Особенности жизни въ Астрахани. — Разсказъ пріѣзжаго. — Дорога степью — Переправа черезъ Волгу. — Татаринъ-перевозчикъ. — Трусость и гордость. — Астрахань изъ окна трактира. — Записки.

Вотъ я наконецъ въ Астрахани, и живу на каналѣ, между Татарскимъ и Землянымъ мостами. Это самая аристократическая часть города; здѣсь каналъ все равно, что въ Петербургѣ Невскій проспектъ. Каждый вечеръ по его набережнымъ, гуляетъ лучшее общество города. Тутъ часто, между европейскими сюртуками и пальто, промелькнетъ полу-европейскій нарядъ армянина или чисто восточный персіянина, котораго смуглое и обросшее черными волосами лицо, высокая остроконечная шапка, изъ черной бараньей шерсти, рѣзко отличаютъ его отъ окружающей толпы. Татары, калмыки, черкесы и даже индейцы также не рѣдкость на улицахъ Астрахани, начало которой теряется въ самой глубокой древности. Еще во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Птоломей Александрійскій упоминаетъ о народѣ Астурохане, жившемъ въ степяхъ приволжскихъ. Въ IV вѣкѣ пространство между рѣками Волгою и Дономъ было занято Казарами, которыхъ главный городъ Атель находился на мѣстѣ нынѣшней Астрахани. Въ VI вѣкѣ при самыхъ уже устьяхъ Волги находимъ мы городъ Балангяръ, мѣсто котораго опредѣляютъ въ шестьдесятъ верстъ ниже нынѣшней Астрахани. Въ VII и VIII все сѣверное побережье Каспійскаго моря покрыто было селеньями Хвалиссовъ, отъ которыхъ вѣроятно и произошло тогдашнее названіе Каспійскаго моря *Хвалынской*. Городъ Балангяръ все еще упоминается въ это время въ нѣкоторыхъ историческихъ актахъ, но отъ IX до XIII столѣтія ни въ книгахъ, ни на картахъ мы не видимъ не только города, но даже никакого селенія при впаденіи Волги въ море. Только въ исходѣ XIII вѣка на берегахъ Каспія основывается царство Кипчакское или Золотая орда и, не далеко отъ бывшаго Балангяра, въ пяти верстахъ отъ настоящаго го-

рода, а именно тамъ, гдѣ нынѣ находится урочище *Жареной бугоръ*, на западномъ или нагорномъ берегу Волги, основывается городъ, собственно называемый уже Астарханью, (или Хаджи-Тархань, какъ его и теперь еще называютъ татары). Отъ этого въ XIV столѣтїи и самое царство принимаетъ названіе Астарханскаго. Въ 1554 году, при Іоаннѣ IV, оно окончательно присоединяется къ Россіи. 2-го іюля тридцати тысячный корпусъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ изгнаннаго татарскаго князя, Дербыша, и воеводъ Пронскаго, Головина, и Вяземскаго, почти безъ кровопролитія, занялъ самый городъ. Воеводѣ Черемисинову было поручено возобновить и усилить укрѣпленія Астрахани, для защиты отъ набѣговъ кочующихъ народовъ. Наконецъ, въ 1582 году при Федорѣ Іоанновичѣ, было положено первое основаніе здѣшняго кремля, довольно схожаго съ кремлемъ московскимъ.

Считаясь теперь уже почти триста лѣтъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, Астрахань быстро подвигалась къ своему благосостоянію. Находясь какъ-бы на границахъ Россіи и Персіи, она по своему мѣстоположенію составляетъ выгоднѣйшій пунктъ для торговли съ Азіею; кромѣ того, Каспійское море, изобилующее рыбою, доставляетъ городу огромныя выгоды отъ сбыта этого продукта во внутрь Россіи.

Конечно, эти триста лѣтъ не обошлись для Астрахани безъ несчастій, потрясавшихъ городъ иногда до самаго основанія. Такъ, на-примѣръ: въ 1605 году вспыхнуло здѣсь возмущеніе въ пользу самозванца Гришки Отрепьева и хотя оно скоро было подавлено, но въ 1606 году Астрахань была разграблена толпою Донскихъ казаковъ. Въ 1607 году при избраніи князя Шуйскаго на царство, она принадлежала къ числу тѣхъ городовъ, которые не приняли подданства; въ 1608 году атаманъ Заруцкій обложилъ городъ и держался тутъ до 1615 года, безпокая его частыми нападеніями; наконецъ, разбитый воеводой Головинымъ, Заруцкій бѣжалъ къ Уралу, гдѣ и былъ пойманъ. Наконецъ, въ 1660 году, орды татаръ окружили городъ: все было опустошено и выжжено. Жители всѣ заперлись въ кремль. Три дня ожидали татары добровольной сдачи, но видя, что жители не намѣрены отдать себя на произволь побѣдителей, они 18-го января бросились на приступъ. Храбрыми и умными распоряженіями стольника Прозоровскаго, приступъ былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ для осаждающихъ. Разбитые татары бѣжали изъ подъ Астрахани, и съ этихъ поръ никогда уже не покушались на подобное предпріятіе.

Но самый ужасный годъ для Астрахани былъ 1670, когда ночью, съ 23-го на 24-е іюня, шайка Стеньки Разина, послѣ кровопролитной битвы, ворвалась въ городъ. Мужественные его защитники, воевода Прозоровскій, братъ его Михаилъ, стрѣleckіе головы Табунцевъ и Фроловъ, погибли въ жестокихъ мукахъ, защищаясь съ остатками вѣрныхъ жителей въ стѣнахъ собора. Состояніе города, во время пребыванія въ немъ буйныхъ бродягъ, было ужасно; казна разграблена, лучшіе дома дьяковъ и дворянъ разрушены до основанія; дворы русскій, персидскій и индѣйскій опустошены совершенно. Никто изъ жителей не смѣлъ показаться на улицѣ, боясь встрѣтить Разина, который, раз-

ѣзжая по городу, рубилъ, вѣшалъ и топилъ всѣхъ, попадавшихся ему на дорогѣ.

Это ужасное для города владычество зла и разбоя продолжалось больше года, хотя самъ предводитель шайки въ концѣ іюля этого года и уѣхалъ на новые разбои, поднявшіеся вверхъ по Волгѣ, но его помощникъ Васька Усъ и Федька Шелудяковъ, вполне поддерживали его систему. Только въ 1671 году, 27-го ноября, послѣ осады, длившейся около полугода, городъ былъ взятъ и очищенъ отъ разбойниковъ бояриномъ Иваномъ Милославскимъ.

Тяжело было поправляться Астрахани, послѣ подобнаго разгрома, но благодаря усердію жителей и наступившимъ мирнымъ временамъ, городъ снова ожилъ, закипѣлъ торговлей, и скоро совсѣмъ изгладилась слѣды бывшихъ несчастій. До 1692 года, Астрахань наслаждалась довольствомъ и миромъ, но въ этомъ году, въ двадцатыхъ числахъ іюля, начали показываться въ ней признаки пребыванія страшной гостыи чумы, занесенной сюда съ персидскихъ береговъ. Быстро разлилась зараза по всему городу; ея развитію помогало необыкновенно жаркое лѣто. Во все продолженіе этой страшной эпидеміи, т. е. до начала 1694 года, Астрахань лишилась до пятнадцати тысячъ жителей, что при тогдашнемъ маломъ населеніи города, составляло очень значительную потерю. Едва начала Астрахань приходить опять въ прежнее цвѣтущее состояніе, какъ въ 1705 году вдругъ вспыхнулъ въ ней бунтъ стрѣльцовъ, въ главѣ котораго были стрѣлецкіе головы Журавлевъ и Носовъ. Около года мятежники сопротивлялись царскимъ войскамъ, но наконецъ фельдмаршалъ Шереметьевъ силою, а митрополитъ Самсоній своими убѣжденіями, привели заблудшихъ жителей на путь правды. 3-го мая 1706 года городъ былъ снова приведенъ къ присягѣ и тишина водворилась въ немъ на долго. Съ-этихъ-поръ ничто уже не возмущало спокойной жизни астраханцевъ, если не считать пожара въ 1709 году, истребившаго до пятисотъ семидесяти домовъ. Но и это зло скоро было поправлено милостію императора Петра I, посѣтившаго лично городъ, въ 1722 году. Отсюда, съ флотомъ, состоящимъ изъ восьмидесяти семи судовъ и болѣе трехъ сотъ лодокъ, съ двадцатью двумя тысячами пѣхоты и девятью тысячами конницы Петръ Великій отправился въ Персію, чтобъ наказать ее за разбои, производимые на Каспійскомъ морѣ. 21-го августа взятъ былъ Дербентъ, а 29-го сентября государь снова былъ въ Астрахани. Послѣ этого славнаго для Астрахани года, ознаменованнаго двукратнымъ пребываніемъ въ немъ императора, городъ, хотя медленно, но твердо подвинулся впередъ на поприщѣ торговли и промышленности.

Нынѣ главную часть городского народонаселенія составляютъ армяне. Первые ихъ жилища стали показываться въ Астрахани еще въ 1619 году, но окончательное водвореніе ихъ относится къ царствованію Алексѣя Михайловича. Указомъ 1723 года, 23-го сентября, стали они считаться въ числѣ астраханскихъ жителей, и наконецъ, въ 1744 году, ихъ приняли въ русское подданство.

Почти вся торговля Астрахани находится въ рукахъ этого народа,

который, по своей предприимчивости умѣетъ извлекать изъ всего пользу, Составляя особый классъ общества, армяне, кажется, никогда не сольются съ европейскою половиною города. Ихъ нравы, обычаи и домашняя жизнь рѣзко отличаются отъ образа жизни русскаго. Несмотря на ихъ костюмъ, напоминающій отчасти ухорскихъ прикащиковъ сидѣльцевъ, готовящихся куда-нибудь на полубаликъ, на толстыя часовыя цѣпочки сомнительнаго золота, на трости и необыкновеннаго покроя сертуки и шляпы, сейчасъ можно узнать сына благословенной Арменіи, по его азіатскому тину лица, усамъ, тщательно нафабренымъ и завитымъ въ мелкія кольца, и по этой черезъ-чуръ развязной походкѣ, которой армянинъ хочетъ доказать, что онъ самъ господинъ.

Первое мѣсто, послѣ армянъ, изъ не европейскихъ обитателей Астрахани, занимаютъ персіяне. Московская улица, главная и лучшая въ городѣ, почти на всемъ протяженіи занята лавками и магазинами этихъ потомковъ Кира и Артаксерксовъ, которые очень спокойно усѣвшись на корточкахъ передъ своими дверями, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ ожидаютъ покупателей, нисколько не стараясь ни заманить ихъ, ни навязывать имъ свои товары. Въ самые жаркіе часы лѣтняго дня, съ 11 до 2 или 3 часовъ, когда весь городъ кажется какъ-бы вымершимъ, когда во всѣхъ домахъ ставни заперты, а на улицы никто не рѣшается выйти, когда даже на дворахъ вся домашняя птица ищетъ тѣни и прохлады, собаки съ высунутыми языками и опущенными хвостами лезутъ въ воду, чтобъ хоть на минуту спастись отъ жгучихъ лучей солнца, одни Персіяне, не снимая даже шапокъ, кей-фуютъ на своихъ порогахъ, изрѣдка перебрасываясь словами съ земляками. Можетъ быть, персидскій языкъ хорошъ въ устахъ прекрасныхъ одалыкъ или въ стихахъ Фейдуси и Гафиза, но слышать эти гортанные и носовые звуки двухъ горячо разговарившихся персіянъ чрезвычайно непріятно.

Кромѣ армянъ и персіянъ, въ Астрахани легко встрѣтить татаръ, бухарцевъ, хивинцевъ, трухменъ, калмыковъ, киргизовъ, черкесовъ и даже индѣйцевъ; число послѣднихъ, впрочемъ, очень ограничено.

Много можно было-бы написать объ Астрахани, какъ въ статистическомъ, такъ этнографическомъ отношеніяхъ, но этотъ край теперь такъ-же хорошо извѣстенъ, какъ петербургская, московская и другія губерніи, близкія сердцу всѣхъ русскихъ. Столько уже вышло описаній подробныхъ и краткихъ, вѣрныхъ и прикрашенныхъ объ этомъ уголкѣ Россіи, что трудно сказать еще что-нибудь новое или интересное. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ и разсказахъ однакоже былъ одинъ общій взглядъ на Астрахань; всѣ смотрѣли на нее, какъ на одинъ изъ городовъ, вполне заслуживающихъ вниманіе по исторической древности, по важности въ торговомъ отношеніи; всѣ разбирали его съ ученой точки зрѣнія, прибѣгая къ помощи архивовъ, роясь въ пыли и въ старыхъ бумагахъ. Никому не было охоты и нужды взглянуть на Астрахань просто, какъ на губернскій городъ, со всѣми его неудобствами и хорошими качествами, никто не прослѣдилъ жизни астраханца, болѣе половины своего существованія обреченнаго чуть не тропическому солнцу. А между-

тѣмъ, эта внутренняя жизнь города чуть-ли не болѣе достойна замѣчанія, чѣмъ всѣ его невыгоды. Я говорю это конечно для тѣхъ, кто не живетъ и не жилъ въ Астрахани, потому-что для здѣшнихъ жителей совсѣмъ не интересно слушать и читать то, что они видятъ, слышать и дѣлаютъ каждый день.

Астрахань такъ рѣзко отличается отъ городовъ сѣверной и средней полосы Россіи, такъ не похожа даже на почти родные ей, такъ называемые степные города, что всякій, пріѣхавшій сюда, сейчасъ чувствуетъ, что онъ находится въ особенномъ уголкѣ, гдѣ долженъ бросить всѣ свои старыя привычки и занятія, даже долженъ переменить нѣсколько свои понятія о вещахъ и на все смотрѣть съ мѣстной точки зрѣнія, долженъ покориться здѣшнимъ обычаямъ и требованіямъ города, а не то народная молва не пощадитъ его, и тяжело будетъ ему жить въ кругу людей, которыхъ онъ не понялъ, или къ которымъ незаблагоразсудилъ поддѣлаться.

Для того, чтобы сдѣлать яснѣе особенности астраханской жизни—приведу въ примѣръ рассказъ одного пріѣзжаго о его пребываніи въ этомъ любопытномъ городѣ, переданный мнѣ человѣкомъ, знавшимъ этого пріѣзжаго.

Это было лѣтомъ 18... вечеромъ, около десяти часовъ. На Форпосинскую станцію медленно вѣхала открытая перекладная тележка. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, ловко соскочилъ съ своего скромнаго экипажа и тотчасъ-же обратился съ требованіемъ лошадей къ смотрителю, стоявшему, по какому-то счастливому случаю, на крыльцѣ станціоннаго дома.

— Да здѣсь вамъ лошадей не надо, сказалъ смотритель. Если хотите, такъ этотъ-же парень и отвезетъ васъ на перевозъ; тутъ и поль-версты не будетъ, только я вамъ не совѣтовалъ-бы сегодня переправляться на ту сторону, вишь какой вѣтеръ, можетъ и не повезутъ еще. Лучше вамъ переночевать здѣсь, а завтра утромъ, что Богъ дастъ.

Вся эта фраза, сказанная съ приличными повышеніями и пониженіями голоса, не произвела никакого дѣйствія на прибывшаго путешественника, которой, поправляя на себѣ мохнатую горскую шапку и ту же затянувъ ременный поясъ, отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, любезный. благодарю. Я лучше буду ночевать, хоть на днѣ Волги, если судьбѣ такъ угодно, но никакъ не рѣшусь беспокоить васъ, въ вашихъ комнатахъ.

И онъ былъ совершенно правъ. Тотъ, кто переѣзжалъ только изъ Петербурга въ Москву или въ Варшаву, даже тотъ, кто знакомъ съ дорогами и станціонными домами всей средней полосы Россіи, далеко еще не составитъ себѣ понятія о подобныхъ же помѣщеніяхъ въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ. Дороги тамъ—степи, которымъ утомленный проѣзжій конца не видитъ, степи, покрытыя блѣдною зеленью полыни или песчанья, на которыхъ всѣ примѣты протореннаго пути пропадаютъ послѣ перваго сильнаго вѣтра, и только одни поверстные столбы стоятъ для указанія дороги. Тихо и мертво въ этихъ степяхъ, не слышно ни малѣйшаго звука, ни одно дерево

не порадуется веселой зеленью и шумомъ листьевъ, только крикъ карги (вороны) нарушаетъ иногда эту ужасающую безжизненность. Всякому понятно, что тридцати слишкомъ верстъ такой дороги очень довольно, чтобъ утомить хоть какую крѣпкую натуру, особенно, когда жаръ, при совершенномъ отсутствіи даже малѣйшаго вѣтерка, достигаетъ чуть не жара крови, а на солнцѣ вѣроятно бываетъ и больше. Всякій, подъѣзжая къ станціонному дому, думаетъ найти покой и отраду, но тщетны ожиданія бѣднаго путника. Тамъ его ожидаютъ новыя бѣдствія; милліоны мухъ нападаютъ на него, да не такихъ мухъ, какихъ мы привыкли видѣть въ Петербургѣ, мухъ благовоспитанныхъ, боящихся малѣйшаго движенія вашего пальца. Мухи астраханскія совсѣмъ другаго рода, они до-тѣхъ-поръ васъ не оставляютъ, пока вы имъ не дадите щелчка въ голову; отмахиванія ни къ чему не поведутъ; мухи эти принадлежатъ къ разряду кровососокъ и чрезвычайно больно кусаются. Если-же вы прибыли на станцію вечеромъ или ночью, истомленные, усталые, и думали переночевать, и ложитесь на одинъ изъ дивановъ, трижды горе, горе вамъ!.. Не говоря уже, какъ выразился Гоголь, про легкую кавалерію, которая несмѣтными эскадронами налетитъ на васъ изъ всѣхъ угловъ и щелей, вы еще можете познакомиться съ звѣрями въ родѣ сороконожекъ, тарантуловъ и даже скорпіоновъ. Все это очень пріятно изслѣдовать и видѣть — для естествоиспытанія, но отнюдь не чувствовать ихъ холодное прикосновеніе къ вашему тѣлу. И вмѣсто ожидаемаго покоя, вамъ предстоитъ страшная ночь, проведенная въ борьбѣ съ многочисленными легіонами непріятелей, которые непременно выживутъ васъ сперва съ дивана, а наконецъ и изъ комнаты, и вы должны будете съ позоромъ обратиться въ бѣгство и сознаться, что вся ваша сила и геній — ничто въ сравненіи съ коварствомъ и хитростію самыхъ мелкихъ твореній міра сего.

— Какъ вамъ угодно, проворчалъ почтенный смотритель, лишенный упрямствомъ молодаго человѣка маленькаго дохода. Послѣ небольшихъ объясненій съ ямщикомъ, проѣзжіи опять вскочили въ тележку, кони тронулись и мелкой рысцой побѣжали по направленію къ рѣкѣ, прямо къ перевозу. Черезъ десять минутъ экипажъ остановился. Ямщикъ пошелъ отыскивать лодку для переправы на ту сторону, а Петръ Ивановичъ, такъ звали будущаго жителя Астрахани, любовался въ это время чудной картиной, раскрывшейся передъ его глазами. Волга въ полномъ величій, съ шумомъ и плескомъ, катила мутныя, желтыя волны свои въ даль, невѣдомую еще нашему герою, а тамъ, на горизонтѣ, на одномъ изъ острововъ этой гигантской рѣки, мелькали огни Астрахани, мрачной массой высился ея соборъ и кромѣ его, да двухъ-трехъ колоколенъ, ничего нельзя было различить въ темновѣ. Ни одного паруса не видно было на рѣкѣ, ни одинъ лодочникъ не рѣшался испытывать свои силы противъ разыгравшейся рѣки. Ни уговоры ямщика, ни деньги Петра Ивановича не дѣйствовали на не слишкомъ храбрыхъ перевозчиковъ; всѣ въ одинъ голосъ говорили, что въ теперешнее время нельзя ѣхать, что надо ждать разсвѣта, а ночью и въ такой вѣтеръ

ѣздить только одинъ шайтанъ, да и тотъ врядъ-ли доставить въ городъ благополучно. Надежды Петра Ивановича рушились. Съ ужасомъ подумалъ онъ о предстоящемъ ночлегѣ и хотѣлъ уже снова лезть на свою колесницу, но вдругъ остановился, рѣшась испытать еще одно средство, чтобъ заставить какъ-нибудь перевезти себя черезъ рѣку. Видя, что большая часть лодочниковъ были татары, онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на толпу и съ усмѣшкой сказалъ, обратясь къ своему ямщику:

— Э! да вѣдь это все татары, будь между ними хоть одинъ русскій, онъ заломилъ бы шапку на бекрень, и сѣколомъ перелѣтилъ бы черезъ рѣку, а отъбасурманщины чего ждать, трусы—и больше ничего!

Этотъ неблагозвучный эпитетъ произвелъ свое дѣйствіе. Изъ толпы отдѣлился одинъ человекъ. Это былъ татаринъ громаднаго роста, съ весьма непривлекательной рожей, обросшій весь щетинистыми волосами; грязная рубаха еле-еле прикрывала его смуглое и мускулистое тѣло; онъ былъ подпоясанъ веревкой; съ босыми ногами и въ бѣлой войлочной шапкѣ, съ огромными полями и острымъ верхомъ, онъ казался потомкомъ знаменитыхъ бродягъ Средней Азии, которые равно презирали холодъ и голодъ, жаръ и непогоды.

— Слушай, бояръ, сказалъ великанъ, подойдя такъ близко къ Петру Ивановичу, что тотъ принужденъ былъ отступить. Мы не трусы: коли кочь, я тебя перевезу, то есть, може и не перевезу, ну, а все таки поѣду съ тобой на Волгу; только ты давай прежде денъга: вотъ мой сынъ, коли я потону съ тобой, такъ чтобъ не даромъ пропала моя башка, давай, бачка, белой монета и конченъ базаръ.

Петръ Ивановичъ, неговоря ни слова, бросилъ татарину цѣлковый, также молча пошелъ за нимъ на пристань и вскорѣ, не смотря на увѣщанія ямщика, получившаго на водку и всѣхъ остальныхъ лодочниковъ, — небольшая лодка отвалила отъ плота и, поставивъ парусъ, быстро стала исчезать изъ глазъ изумленной толпы, въ которой послышалось нѣсколько восклицаній. Постоявъ еще нѣсколько минутъ и прослѣдивъ до послѣдней возможности лодку, зарывавшуюся въ волнахъ, всѣ разошлись съ различными чувствами. Одни жалѣли неустрашимыхъ плователей, другіе имъ удивлялись, третьи, наконецъ, порицали упрямство проѣзжаго. Къ числу послѣднихъ, конечно, принадлежалъ и сынъ татарина, вступившагося за честь своей націи. Съ злобой и досадою смотрѣлъ онъ на оставленный ему цѣлковый, и, переворачивая его въ грязныхъ рукахъ, хотѣлъ, казалось, хоть на немъ вымѣстить свой гнѣвъ. Но видя, что ему не воротить отца, татаринъ ругнулъ еще проѣзжаго, потомъ невинную монету, завернулъ ее однакоже бережно въ тряпку, сунулъ за пазуху, махнулъ рукой, и пошелъ къ своей лачужкѣ, сколоченной изъ старыхъ барочныхъ досокъ, которая, при сильныхъ порывахъ вѣтра, дрожала и скрипѣла, какъ корабль на морѣ во время бури. На берегу оставались только два человекъ: ямщикъ и какой-то парень, одѣтый, не смотря на 20 градусовъ теплоты, въ нагольный овчарникъ. Оба они безсмысленно смотрѣли на рѣку, на которой рѣшительно, кромѣ бѣлыхъ верхушекъ волнъ, ничего не было видно.

— А что, парень, може и переѣдутъ, сказалъ ямщикъ, глядя на воду.

— А може и нѣтъ! отвѣчалъ парень.

— Э! а то какъ-же?

— Да такъ, бударка-то плоха.

— Э! дѣло дрянъ, баринъ-то хорошій.

— Ой-ли! Что, видно даль!

— Есть маленько, хошь вышьемъ?

— Для-че нѣту; съ другомъ всегда можно.

И ямщикъ, обнявшись съ парнемъ, отправились къ привѣтному огоньку, свѣтившемуся въ одномъ изъ оконъ домовъ, разбросанныхъ по песчаному берегу. Черезъ полчаса достойные друзья снова показались на плоту и вѣрно вѣтеръ сдѣлался сильнѣе или ихъ ноги отчего-нибудь ослабли, только ихъ очень покачивало изъ стороны въ сторону.

— Митя, а Митя, такъ не переѣдутъ?

— Не! Лѣха, и думать не моги, коли ужъ оно такъ есть, такъ и будетъ! чуть не съ плачемъ проговорилъ Митя, парень въ тулупѣ.

— Такъ хоть поплачемъ, миляга, авось имъ легче буде.

Друзья поцѣловались, зарыдали и, выписывая хитрые вензеля на песокъ, скрылись каждый въ свою сторону, парень домой, а ямщикъ къ лошадямъ. Долго не могъ онъ влезть въ телѣжку, несмотря на чрезвычайно энергическія восклицанія, но наконецъ, кое-какъ вскарабкавшись на свою колесницу, тронулъ возжи и лошади болѣе по инстинкту и привычкѣ направились къ станціи. Пристань опустѣла; все утихло, только вѣтеръ свисталъ въ камышахъ и взвивалъ тучи песку въ степи, да волны, набѣгая одна за другой на отлогій берегъ, какъ-будто хотѣли залить его совсѣмъ. Облака быстро неслись по темной синевѣ неба, и вскорѣ изъ-за тучъ показался мѣсяцъ, чтобы еще болѣе придать ужасу мрачной картинѣ своимъ призрачнымъ блескомъ.... Покуда татаринъ хлопоталъ, отвязывая лодку, и ставя парусъ, Петръ Ивановичъ хладнокровно помѣстился на средней лавкѣ, подобравъ полы своей шинели, потому-что въ лодкѣ было уже довольно воды. Наконецъ, когда отвалили, и татаринъ взялся за руль, волны съ силою стали набѣгать на лодку, и черезъ нѣсколько минутъ она до того наполнилась водой, что путешественникъ долженъ былъ поднять ноги и сѣсть по турецки, что при сильной качкѣ было чрезвычайно неудобно и опасно. Тутъ только онъ увидѣлъ, что его кормчій былъ больше смѣль и дерзокъ, чѣмъ искусень. Лодка летѣла съ страшною быстротою, но отъ неумѣнья править, валъ за валомъ вливался въ беззащитную посудину. Плохо приходилось и татарину; съ боязнью началъ онъ осматриваться во все стороны, надѣясь увидѣть какое-нибудь судно, чтобъ пристать къ нему и спастись отъ неминуемаго потопленія, потому-что, по всѣмъ расчетамъ, лодка никакъ не могла дойти до противоположнаго берега, назадъ-же воротиться было еще труднѣе; надо было плыть почти противъ вѣтра. Съ нерѣшительностью онъ направлялъ лодку то въ одну, то въ другую сторону и вообще оказывалъ все признаки безнадѣжнаго

положенія, стараясь довести до того, чтобъ прїѣзжій самъ заговорилъ о необходимости пристать, куда ближе, а не туда, куда надо. Но тотъ сидѣлъ очень спокойно, съ необыкновеннымъ искусствомъ сохраняя балансъ и любясь истинно прекрасной картиной разыгравшейся рѣки, которая съ шумомъ и плескомъ бросала легкую бударку съ волны на волну. Ни малѣйшая черта неизмѣнилась въ лицѣ Петра Ивановича; такъ же свѣтлы и спокойны были его глаза, съ тою-же иронической улыбкой смотрѣлъ онъ на усилія бѣднаго татарина, какъ и на берегу, когда укорялъ его въ трусости; такъ-же гордо и спокойно было его лицо, не омраченное ни малѣйшей заботой о будущемъ. Все въ немъ показывало, что его нисколько не страшитъ настоящее положеніе и что отъ него зависитъ выйти изъ него съ честью и побѣдой. Онъ только дожидался, когда татаринъ признается, что струсилъ и желаніе его почти въ тотъ-же мигъ исполнилось.

Дерзкій, но неопытный кормчій, вскорѣ увидѣлъ, что нѣтъ средства спасти себя и лодку отъ потопленія, и откровенно признался, что онъ въ городъ не повезетъ, а пристанетъ къ косѣ, которая теперь должна быть отъ нихъ близка.

— Нѣтъ, любезный, твердо и спокойно сказалъ Петръ Ивановичъ: я тебя нанялъ въ городъ, далъ впередъ деньги, не торгуясь, такъ ужъ ты меня и вези, куда слѣдуетъ, а на косѣ мнѣ нечего дѣлать.

— Да нельзя, бояръ, едва проговорилъ татаринъ, потому-что въ это время страшный валъ чуть не весь вкатился въ лодку, обдавъ обоихъ пловцовъ съ головы до ногъ; видишь, какъ поговорливо, мы ужъ знаемъ, что нельзя.

— Такъ зачѣмъ-же ты брался, когда видѣлъ, что нельзя? теперь ужъ поздно, или вези меня въ городъ, или скажи, что ты трусь.

Чувство національной гордости снова заговорило въ татаринѣ, но видя, что тутъ свидѣтелей нѣтъ, и некому будетъ укорить его въ постыдной слабости, онъ прямо признался, что и самъ шайтанъ въ эту погоду струсится, а не только ихъ братъ татаринъ. Только этого и дожидался Петръ Ивановичъ. Пристыдивъ хвастливаго татарина, онъ сѣлъ самъ на руль, поправилъ парусъ, татарину велѣлъ шапкой отливать воду и направивъ лодку на настоящій путь, быстро пустился на утекъ отъ набѣгающихъ волнъ. Подъ его твердой и искусной рукой бударка какъ будто ожила; ловко прыгая и увертываясь отъ волнъ, она съ увѣренностью неслась впередъ и вскорѣ остановилась въ затишьи, между судами, какъ-разъ противъ домика, гдѣ прописываются всѣ прїѣзжающіе въ городъ.

Черезъ полчаса, путешественникъ былъ уже въ гостиницѣ «Парижъ», расположенной на самомъ берегу Волги. Кое-какъ помѣстившись на весьма неудобномъ диванѣ, онъ тотчасъ заснулъ, позабывъ всѣ неудачи и происшествія, постигшія его въ дорогѣ до Астрахани. Даже послѣднее плаваніе не оставило въ немъ никакого впечатлѣнія.

На другой день утромъ, проснувшись довольно рано, Петръ Ивановичъ бросился къ окну, чтобъ покуда хоть наглядно познакомиться съ городомъ.

Видъ изъ окна былъ недурень; прямо передъ глазами протекала все та-же Волга, которая, сказать по правдѣ, уже порядочно приглядѣлась путешественнику. У самого берега, въ два, а гдѣ въ три и четыре ряда, стояли сотни различныхъ судовъ: разшивъ, подчалокъ, осланковъ, бѣлянъ и другихъ, съ чрезвычайно дикими названіями. На всѣхъ судахъ дѣятельность была въ полномъ разгарѣ, выгрузка и нагрузка производилась съ необычайной быстротою; даже татары, взваливъ на спину девяти-пудовой мѣшокъ съ мукой, твердо шагали по животрепещущимъ мосткамъ, устроеннымъ съ судовъ на берегъ. Сотни розвальней подвозили и увозили различные товары; шумъ и крикъ людей, ржаніе и топотъ лошадей, трескъ и скрипъ арбъ и судовъ, это вѣчное движеніе, толкотня и суета представляли довольно разнообразную картину. Иногда среди этого хаоса звуковъ вдругъ раздавался пронзительный голосъ татарченка, предлагающаго работникамъ чурекъ, то есть, полубѣлую хлѣбную лепешку, фута полтора въ діаметрѣ, осыпанную макомъ.—Горячія—онѣ еще довольно удобосъѣдаемы, но холодную можетъ побѣдить одинъ только азіатскій апетитъ. Тутъ, на длинной доскѣ, балансирующей на головѣ носильщика, видны цѣлые ряды булокъ и хлѣбовъ; тамъ несутъ цѣлый лотокъ балыковъ, наваленныхъ, какъ дрова; здѣсь протискивается между народомъ мальчишка съ мѣшкомъ чилимовъ (чилима—водяной орѣхъ, вкусомъ чрезвычайно похожій на сырой картофель), — все это страшно хлопочетъ и суетится, не смотря на солнце, которое начинаетъ уже припекать бритыя головы поклонниковъ Магомета. Въ одиннадцать часовъ всѣ работы прекращаются, все разбѣгается и прячется отъ жгучихъ лучей. Даже карги, усѣвшись на вершинѣ фонарныхъ столбовъ, опусти голову и разинувъ клювъ, кажется, изнываютъ отъ изнеможенія и слабости. Полюбовавшись въ волю открывшейся передъ нимъ панорамой, Петръ Ивановичъ рѣшился ближе узнать городъ и его жизнь. Надѣленный отъ природы наблюдательностью, умомъ и довольно вѣрнымъ взглядомъ на вещи, онъ далъ себѣ слово каждый день записывать всѣ свои впечатленія и все, что онъ найдетъ особеннаго и достойнаго замѣчанія въ самомъ городѣ и въ его окрестностяхъ.

Хотя довольно хорошо знакомый съ исторіей этого края, онъ однакожъ не пренебрегалъ разсказами и воспоминаніями городскихъ старожилковъ: всѣ преданія, старые и новые обычаи города были имъ собираемы въ одно цѣлое повѣствованіе объ Астрахани. Эти записки достались мнѣ случайно, черезъ третьи руки, когда въ Астрахани исчезъ даже слухъ о Петрѣ Иванычѣ, но я воспользовался ими, чтобъ познакомить читателей Пантеона съ однимъ изъ интереснѣйшихъ городовъ Россіи.

Записки начнутся въ слѣдующихъ нумерахъ.

П. Моряковскій.

МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И АФРИКѢ.

ИЗЪ ДРЕВНИХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИПЛИНА.

Статья седьмая.

VIII.

АЛЬЯМБРА. ГЕНЕРАЛИФЪ.

Описание Альмбьяры. — Plaza de los Agües. — Дворецъ Карла V. — Pacio de la Alberca. — Огромная башня. — Torre de Comares. — Зала посланниковъ. — Patio de las Leones. — Зала двухъ сестеръ и зала Абенсераговъ. — Исторія умерщвленія Абенсераговъ — El tocador de la Reyna — la Casa del Arco, — la Torre de las Infantas, — Ginar al Iph (жилище любви). — Портреты Боабдила и Фатимы. — Лѣстница: Escalera de las aguas, — Silla del Mogo (кресло мавра), — Torres verdes. — Мавританская архитектура.

Альямбра, или королевская крѣпость, лежитъ на низшей покатости горъ, отдѣляющихъ долину Дарро отъ долины Хениля; далѣе эта цѣпь горъ постепенно возвышается и въ четырехъ миляхъ отъ Альямбры снѣжныя вершины ихъ теряются въ облакахъ. Горы эти называются Сьера Невада, онѣ гораздо выше Карпатовъ и покрыты вѣчными снѣгами. Съ южной стороны отрасль этихъ горъ, на которой лежитъ Альямбра, отдѣляется глубокимъ оврагомъ отъ высокой и дикой горы, на вершинѣ которой лежатъ развалины мавританскаго замка, называемаго: Silla del Mogo, а у подножія ея, со стороны долины Дарро, возносится красивѣйшій дворецъ, называемый *Генералифомъ* (Giner-al-Iph), то есть, обиталищемъ любви. Это была любимая вила гренадскихъ султановъ.

Здѣсь, надъ пропастью, возносится знаменитый дворецъ бывшихъ гренадскихъ королей и около него высокая и толстая каменная стѣна. Въ этой стѣнѣ находится нѣсколько амбразуръ, а надъ ней тринадцать четыре-угольныхъ башенъ. Нѣсколько чугунныхъ орудій, огромнаго калибра, сохранились здѣсь еще со временъ мавровъ. Здѣсь была прежде еще другая стѣна и высокій земляной валъ: но французы ихъ взорвали.

Съ юго-западной стороны крѣпостной стѣны видна огромная башня, охраняющая главный входъ въ Альямбру. Черезъ все это зда-

ніе, поражающее своею огромностью, слѣланъ проходъ *зизакомъ*. Красивый портикъ, съ мраморнымъ навѣсомъ, украшаетъ входъ въ эту башню. Здѣсь, подъ этимъ портикомъ, мавританскіе короли, разбирали патріархально, одинъ разъ въ недѣлю, такія спорныя дѣла своихъ подданныхъ, которыя не могли быть повѣряемы мѣстнымъ судилищамъ.

На этой-то башнѣ, которую, по народному преданію, соорудилъ какой-то астрологъ, изъ огромныхъ камней, оставшихся отъ египетскихъ пирамидъ, на этой башнѣ представлено на камнѣ какое-то мистическое изображеніе колоссальной величины: *рука, желающая схватить ключъ*.

Пройдя по извилистой дорогѣ въ башнѣ, входишь въ узкое ущелье, окруженное высокими стѣнами, а потомъ на обширную площадь, называемую *Piazza de los Agibes*. На этой площади находятся выдолбленные въ скалѣ сажалки для рыбы и глубокой колодезь. Вода въ этомъ колодезѣ такъ хороша, что ее продаютъ, какъ лакомый напитокъ, на улицахъ Гренады. Западная сторона этой площади отлѣлена высокою стѣною той части крѣпости, которая нынѣ обращена въ тюрьму для политическихъ преступниковъ, — отъ остальныхъ строеній, входящихъ въ составъ крѣпости. Съ другой стороны возносится величественный дворецъ, начатой императоромъ Карломъ V и доселѣ еще неоконченный. Въ этомъ дворцѣ хранятся нынѣ крѣпостныя орудія, числомъ до трехъ сотъ, принадлежащія разнымъ вѣкамъ. Карлъ V, для сооруженія этого дворца, приказалъ разломать зимній дворецъ гренадскихъ королей, о которомъ говоритъ преданіе, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ зданій.

Дворецъ Альямбра представляетъ видъ дивнаго разноцвѣтнаго терема, состоящаго изъ высокихъ стѣнъ безъ оконъ; надъ ними высятся самыя разнообразныя башни разныхъ цвѣтовъ и видовъ, также два осмиугольные высокіе павильона, съ выходящими наружу большими балконами. Но едва вы вступите въ скромную калитку, составляющую единственный входъ во дворецъ, вамъ, тотчасъ покажется, что вы попали въ очарованный замокъ. Вамъ представится четырехъ-угольный продолговатый дворъ, выложенный мраморными плитами и окруженный портикомъ изъ бѣлаго мрамора, покоящемся на алебастровыхъ колонахъ. Колонны эти соединены между собою самыми изящными арками. Онѣ составляютъ самыя фантастическія лабиринты и украшены богатою рѣзьбою, арабесками и позолотой. Посреди этого двора, называемаго *Pacio de la Alberca*, находится прудъ въ 130 футовъ длины и въ 80 ширины. Два фонтана постоянно наполняютъ его водою, и золотыя рыбки весело плещутся въ немъ. Прудъ окруженъ со всѣхъ сторонъ миртами, розами и олеандрами. Въ сѣверной части этого двора находится колоссальной величины башня, называемая *Torre de Comares*. Высокій портикъ ведетъ въ залу *Посланниковъ*, занимающую внутренность этой огромной башни. Въ этой-то залѣ надменный Мулей-Гассанъ сказалъ посланнику Фердинанда: «Мой монетный дворъ не бьетъ уже золота, но куетъ сабли и

мечи.» А надъ входомъ въ залу находится длинная арабская надпись, которая, по объясненію сочинителя *Itinerario descriptivo de Espanna*, значить слѣдующее:

«О Бенъ-Гассанъ! Ты блисташь собственнымъ свѣтомъ, подобно той звѣздѣ, которую намъ приносить день. Твоя рука наша ограда, а твоя справедливость нашъ свѣтъ. Ты умѣешь карать непріятелей, и милосердіемъ своимъ счастливишь многочисленныхъ дѣтей своихъ. Солнце и звѣзды взираютъ на тебя съ любовью, а кедры, эти пари лѣсовъ, преклоняютъ горделивыя головы передъ тобою, о нашъ великій калифъ!»

Намъ уже извѣстна исторія Магомеда Абу-Алгамана изъ рода Бенъ-Гассановъ. Объ немъ-то говоритъ эта надпись, полная поэзіи.

Зала посланниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ самыхъ обширныхъ залъ, находящихся внутри башни. Здѣсь господствуетъ искусственный сумракъ, недозволяющій обзрѣть всѣ чудеса архитектуры и безчисленное множество украшеній этого очаровательнаго мѣста. Сколько здѣсь позолоты, сколько мозаикъ, сколько изящной рѣзьбы на кедровомъ деревѣ! но двѣнадцати оконъ слишкомъ недостаточно по величинѣ этой залы. Ежегодно 2-го января, въ память покоренія Гренады губернаторъ Альямбры даетъ въ этой пышной залѣ балъ на шестьсотъ человекъ. Можно себѣ вообразить, какова должна быть башня, когда въ одной изъ ея залъ можно принять шестьсотъ человекъ! За каждымъ изъ оконъ находится балконъ, съ нихъ превосходный видъ на поля, горы, лѣса и пропасти.

Въ самой верхней части башни *Comages*, находятся комнаты, въ которыхъ Мулей-Гассанъ содержалъ въ заключеніи жену свою, прекрасную Фатиму (*Fatima la Zogaia*) то-есть, свѣтило денницы, и сына своего Боабдила малаго, прозваннаго *el Zogoubi*, то-есть, несчастнымъ, съ самаго дня его рожденія.

Противъ этой башни находится парадный входъ на главный дворцовый дворъ, называемый дворомъ Львовъ: *Patio de las Leones*. Онъ состоитъ изъ правильнаго четырехъ-угольника, окруженаго портикомъ, который поддерживаютъ 168 мраморныхъ колоннъ. Два преддверія, чудной архитектуры, стояція на заостренныхъ аркахъ, поддерживаемыхъ высокими колоннами, выходятъ на дворъ, посреди котораго находится знаменитый фонтанъ, состоящій изъ двѣнадцати мраморныхъ львовъ. Нѣсколько вазъ колоссальной величины стоятъ одна надъ другою, постепенно уменьшаясь; вода падаетъ изъ одной вазы въ другую и составляетъ чудной красоты водопады; и наконецъ падаетъ во внутренность львовъ, а изъ поздрей ихъ снова выбѣгаетъ въ вазы съ страшнымъ шумомъ.

Это мѣсто было свидѣтелемъ многихъ историческихъ сценъ, воспѣтыхъ балладами и романсами.

На этомъ дворѣ Мулей-Гассанъ собственноручно защитилъ Донъ-Жуана де Верра, посланника Изабеллы, отъ неминуемой смерти. Въ бытность свою при дворѣ королей мавританскихъ, Донъ-Жуанъ взду-

малъ завести съ маврами разговоръ о богословіи и одинъ изъ придворныхъ дозволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторое неприличное замѣчаніе. Донъ-Жуанъ де Верра до того разгнѣвался, что выхватилъ свой мечъ и однимъ ударомъ поразилъ дерзкаго мавра. Всѣ присутствовавшіе мавры бросились съ обнаженными мечами на посланника и изрубили-бы его въ куски, если-бъ Мулей-Гассанъ не услышалъ шума и не прибѣжалъ на помощь Донъ-Жуану. Въ вознагражденіе за оказанное при этомъ случаѣ мужество посланника, мавританскій король подарилъ ему богатую, осыпанную бриліантами саблю. «Этимъ подаркомъ, государь, вы заострили мою память, я постараюсь воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы имъ-же возблагодарить ваше величество!» сказалъ посланникъ, принимая этотъ подарокъ.

Но еще другой, гораздо страшнѣйшей сцены, былъ свидѣтелемъ этотъ дворъ. Здѣсь при самомъ фонтанѣ, Мулей-Гассанъ, исполняя требованіе возведенной имъ въ званіе султанши Донны Изабеллы де Солисъ, приказалъ отрубить головы собственнымъ сыновьямъ своимъ, рожденнымъ отъ Зорой.

Съ обѣихъ сторонъ двора львовъ находятся залы двухъ сестеръ и зала Абенсераговъ. Зала двухъ сестеръ — самая красивая; она такъ названа по двумъ огромнымъ мраморнымъ плитамъ, находящимся на бѣломъ мраморномъ помостѣ по обѣимъ сторонамъ фонтана. Стѣны ея выложены мозаикой, — верхняя-же часть оканчивается чудеснымъ куполомъ, имѣющимъ фантастическую форму и представляющимъ внутри подражаніе сталактитамъ: всѣ выпуклости вызолочены, а всѣ углубленія выложены разноцвѣтною мозаикою. Все еще такъ свѣжо, какъ будто вчера только отдѣлано. Свѣтъ проходитъ черезъ восемь оконъ, находящихся въ куполѣ, и ниспадая сверху на эту очаровательную залу, производитъ эффектъ, который трудно описать. Стѣны кажутся окруженными самыми пышными кружевами, до того нѣжна и прозрачна сѣть арабесковъ, которыми испещрены стѣны замка. Надъ портикомъ окружающемъ эту залу находится балконъ, къ нему идетъ лѣстница изъ гарема. Какъ часто съ этого мѣста смотрѣли черныя очи султаншъ на празднества, повторявшіяся часто въ этой залѣ. Въ задней стѣнѣ этого очаровательнаго обиталища, находится небольшая, но чрезвычайно красивая комнатка, вся выложенная алебастромъ, которой окна, дивной формы, выходятъ въ небольшой роскошный садъ султаншъ. Садъ этотъ не великъ, но украшенъ портиками, фонтанами и разнообразными бѣседками; это было любимое мѣсто прогулки королевскаго гарема.

Но гораздо обширнѣе и богаче зала, извѣстная подъ названіемъ Абенсераговъ. Мѣсто находящееся подъ куполомъ обширнѣе самой залы. Лучи солнца падая сквозь безчисленное множество разноцвѣтныхъ стеколъ, разливаютъ по внутренности радужный свѣтъ.

— «Въ этой залѣ — сказалъ мнѣ Матео Ксименесъ, умерщвлено тридцать шесть Абенсераговъ. Если вамъ неизвѣстны подробности этого событія, я расскажу ихъ.

«Король Боабдиль былъ рыцарь мужественный въ бою, но чело-

вѣкъ слабый и легковѣрный въ мирное время. Сдѣланное ему предвѣщаніе, что онъ будетъ послѣднимъ королемъ Гренады, какъ страшный призракъ, постоянно преслѣдовало его и не разъ доводило до жестокости. Онъ часто видѣлъ враговъ въ самыхъ вѣрныхъ друзьяхъ своихъ, часто не отгадывалъ врага въ хитромъ льстецѣ. Гомелы и Зегрисы, непримиримые враги Абенсераговъ, поклялись погубить ихъ. Они увѣрили Боабдила, что одинъ изъ Абенсераговъ, забывъ строгій этикетъ, гулялъ съ королевскою невѣстою, въ садахъ генералифа. Боабдиль повѣрилъ ихъ навѣтамъ, отправился въ эту залу, призвалъ палача и тридцать солдатъ, приказалъ Абенсерагамъ входить къ нему по одиночкѣ, и при входѣ cadaго—обезглавленный трупъ падалъ къ ногамъ его. Тридцать шесть вѣрныхъ Абенсераговъ пали жертвою клеветы. Подобная-же участь ожидала и прочихъ Абенсераговъ, но вѣрный слуга послѣдняго изъ обезглавленныхъ, скрылся потихоньку изъ залы и криками отчаянія увѣдомилъ Абенсераговъ объ участи, ихъ ожидающей. Измѣна! вскричали Абенсераги, — и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы Муза—не усмирить приверженцевъ Абенсераговъ. Но Боабдиль не переставалъ подозрѣвать свою невѣсту, такъ низко обвиненную. Онъ собралъ судъ старцевъ, который и приговорилъ ее къ сожженію, если въ продолженіи 30 дней четыре рыцаря не поразятъ обвинителей остриемъ своихъ копій. Невѣста Боабдила была заключена въ башню *Somages*. Много мавританскихъ рыцарей предлагали принять на себя ея защиту, но она имѣла такое высокое понятіе о мужествѣ христіанскихъ рыцарей, что имъ только соглашалась повѣрить защиту своей чести. Она послала тайно повѣреннаго съ письмомъ къ Донъ-Жуану де Хаконъ, губернатору Каррагены, прося чтобы онъ въ назначенный день прибылъ для защиты ея и привелъ съ собою трехъ отважныхъ рыцарей. Она до того довѣряла христіанамъ, что съ гордостью отвергла предложенія богатыря Музы и его товарищей. Насталъ роковой день. Уже приготовленъ былъ костеръ, покрытый чернымъ сукномъ, уже несчастная, одѣтая вся въ бѣломъ, приведена изъ темницы на мѣсто казни. Народъ проливалъ горькія слезы — вопли раздавались во всей Гренадѣ. Двадцать трубъ возвѣстили прибытіе четырехъ обвинителей. Они приближаются на пышныхъ андалузскихъ коняхъ, покрытые вооруженіемъ съ ногъ до головы; страусовья перья развиваются на ихъ шлемахъ; на щитахъ изображены два меча, крестообразно сложенные, съ надписью: «*Защитники правды.*»

Народъ смотритъ съ любопытствомъ во всѣ стороны, ожидая защитниковъ королевской невѣсты, но ихъ не видно! Съ восьми часовъ утра до двухъ пополудни никто не является. Приговоренная уже начинаетъ колебаться въ своей увѣренности, и плачетъ горькими слезами. Опять четыре мавританскіе рыцаря являются и умоляютъ ее, чтобы она дозволила имъ быть защитниками невинности: «Если черезъ два часа не явится ни одинъ рыцарь христіанскій, я приму вашу защиту!» отвѣчала она.

Вдругъ раздается звукъ трубъ. Являются четыре турецкіе рыцаря:

одинъ изъ нихъ просить судей о дозволеніи поговорить съ обвиненною. Судьи соглашаются. Турецкій рыцарь приближается къ ней и открываетъ забрало шлема, королевская невѣста узнаетъ въ немъ Донъ-Жуана де Хаконъ и даетъ знать судьямъ, что избираетъ ихъ своими защитникамъ.

Бой начался: долго онъ продолжался съ обоюднымъ упорствомъ, долго побѣда была сомнительна. «Но Алла, говоритъ одна арабская рукопись — влилъ отвагу въ сердца и одарилъ необыкновенною силою защитниковъ невинности. Побѣжденные зегрисы признаютъ свою вину, и объявляютъ торжественно, что одна только зависть была причиною ихъ доноса, и что жертва ихъ совершенно невинна. Судьи громогласно объявляютъ торжество невинности. Король повергается къ стопамъ своей невѣсты, но она отказывается отъ его руки, и укрывается въ монастырь. Кастильскіе рыцари исчезли, а Абенсераги оставили на всегда Гренаду. Такимъ образомъ, король вдругъ лишился самыхъ вѣрныхъ слугъ своихъ.»

— «Часто, — присовокупилъ Донъ-Матео-Ксименесъ, часто раздаются здѣсь ночью глухіе стоны, шопотъ голосовъ, звукъ цѣпей и вопли дѣтей. Иногда слышны пронзительные крики: это безъ сомнѣнія тѣни жертвъ, умершихъ здѣсь безъ покаянія.

Разсказчикъ мой дѣйствительно вѣрилъ въ привидѣнія и признался мнѣ въ томъ самымъ наивнымъ образомъ, но объявилъ однако, что никогда не видѣлъ ихъ, а слышалъ только иногда по ночамъ глухой ропотъ и стоны, такіе ужасные и пронзительные, что кровь застывала въ жилахъ и волосы становились дыбомъ.

Этотъ ропотъ, эти стоны вѣроятно происходятъ отъ журчанія водъ, проведенныхъ въ разныхъ направленіяхъ трубами въ фонтаны. Трубы эти находятся подъ землею, водопроводы, устроенные маврами, доставляютъ воду за 30 верстъ. Кристальная вода, пройдя черезъ сто фонтановъ въ королевскомъ дворцѣ, наполняетъ ванны въ публичныхъ баняхъ, многочисленныя пруды и каналы и протекаетъ въ разныхъ направленіяхъ въ сады, составляя собою каскады въ паркѣ Альямбры. Въ каждую минуту получается здѣсь до двухъ сотъ ведеръ воды изъ горъ Sierra Nevada.

Описывать всѣ прелести Альямбры рѣшительно невозможно; я ограничусь только исчисленіемъ нѣкоторыхъ историческихъ мѣстностей.

Будуаръ королевы, el tocador de la Reyna, находится на самой вершинѣ башни, стоящей въ концѣ гарема. Это навильонъ съ подвижнымъ куполомъ, который особымъ механизмомъ открывается. Изъ оконъ этой комнаты превосходный видъ на всѣ стороны. Въ одномъ углу сдѣлано въ мраморномъ полу небольшое отверстіе, изъ котораго выходитъ благовоніе отъ сожигаемыхъ разныхъ ароматическихъ травъ и смолъ. Въ этомъ прелестномъ помѣщеніи султанша Фатима la Zogaуа имѣла телескопъ, и наблюдала за теченіемъ звѣздъ; она увѣрена была, что онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу людей.

Въ одной изъ меньшихъ залъ (а ихъ въ Альямбрѣ до пятидесяти,

только не во всё легко попасть: ибо одни обращены въ кладовыя — въ другихъ сохраняются мебели губернатора, — а въ нѣкоторыхъ мраморныя и алебастровыя статуи и другіе предметы, служившіе прежде къ украшенію дворца Карла V), въ одной изъ этихъ залъ можно видѣть портреты всѣхъ лицъ, игравшихъ главную роль въ гренадской войнѣ. Особенно поразителенъ портретъ Изабеллы католической. Она была очень видная и красивая женщина: въ голубыхъ глазахъ ея сіяетъ умъ и твердость характера, волосы ея свѣтлорусые. Во всемъ нарядѣ ея замѣтно тщеславіе женщины и величавость королевы, соединенная съ добротою сердца и мягкостью характера.

Кромѣ дворца мавританскихъ королевъ въ Альямбрѣ много мавританскихъ зданій самой красивой архитектуры, на-примѣръ: la Casa del Arco, la Torre de las Infantas, башня, которая служила нѣкогда жилищемъ гренадскихъ инфантовъ. Барельефы, украшавшіе внутренность башни, проданы англичанамъ за большія деньги.

Ничто не можетъ быть живописнѣе покатой дорожки, вѣющей отъ подножія башни, построенной надъ глубокою пропастью, до нижней долины Дарро. Спускаясь по этой дорожкѣ, на каждомъ шагѣ встрѣчаешь самыя очаровательныя виды на Гренаду, на окружающія ея горы, на величественную Альямбру и на обширныя поля, покрытыя золотыми колосьями. Вотъ мы доходимъ до самаго дна пропасти; здѣсь постоянно шумитъ быстрый потокъ, мы переходимъ черезъ него и взбираемся опять наверхъ. На половинѣ высоты этой горы находится дворецъ, называемый испанцами *Генералифъ* и который мавры называли: *Ginar-al Iph* — что значитъ по арабски: *обиталище любви*. Дворецъ этотъ почти совершенно обнаженный отъ прежнихъ его украшеній, составляетъ теперь виллу, принадлежащую какому-то гравду Испаніи, имени его не припомню. Варварскіе реставраторы этого замка не умѣли цѣнить красоты барельефовъ и арабесковъ, они замазали ихъ известью и выкрасили народными цвѣтами: то-есть желтымъ и краснымъ. Но еще существуютъ длинныя корридоры, изъ которыхъ короли Гренады смотрѣли нѣкогда на башни Альямбры, лежащія ниже, на городъ и на горы, блестящія на западномъ небосклонѣ. Въ одной изъ залъ Генералифа находятся портреты Боабдила и его матери. Последний король Гренады былъ красивый, молодой человекъ; роскошныя свѣтлыя волосы ниспадають на его плеча, въ глазахъ блеститъ доброта, на губахъ привлекательная улыбка, но какая-то нерѣшительность обнаруживается во всѣхъ чертахъ лица его. На головѣ у него корона, подбитая чернымъ бархатомъ, одежда его состоитъ изъ золотой парчи, выложенной чернымъ бархатомъ, вышитымъ дорогимъ жемчугомъ. *Fatima la Zoraya*, то-есть, *святъ дѣтщицы*, также очень красивая женщина, съ свѣтлыми волосами, пронзательными глазами и классическимъ лицомъ. Она, должно быть, была готскаго происхожденія; потому-что такого классическаго контура и столько благородства въ чертахъ я не встрѣчалъ ни въ одномъ арабскомъ лицѣ. На головѣ Зораи покрывало, составленное изъ двухъ кисейныхъ шалей, бѣлаго и розоваго цвѣта, по срединѣ

головы небольшое перо изъ дорогого жемчуга разной величины, перо приколото къ покрывалу огромною бриллиантовою булавкою; платье ея также изъ золотой парчи, кафтанчикъ изъ алаго бархата, покрытъ бриллиантовыми узорами. Жемчугъ и драгоценные камни цѣлой Голконды разсыяны въ волосахъ и на плечахъ ея. Въ рукѣ она держитъ попугая.

Сады Генералифа, нѣкогда столь знамятые, нынѣ находятся въ совершенномъ запущеніи. Но эти вѣковые кипарисы, подь тѣнью которыхъ Абенсераги тайно проникали въ Сераль Боабдиля, еще и нынѣ возносятся горделивыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустныя вершины свои къ небу. Они припоминаютъ, что ихъ насадила рука мавровъ, и надѣются дожить до того времени, когда могущество покорителей мавровъ рухнетъ. Но вы дождались уже этого времени, вѣковые кипарисы? — Христіанинъ никогда небылъ врагомъ благороднаго и трудолюбиваго народа, — единственнымъ непріятелемъ его была инквизиція, которая благодаря Бога, погребена уже на вѣки.

Но мы не остановимся здѣсь, читатель, а пойдемъ далѣе, туда, — на вершину самой горы, эта дорога очень утомительна—но дѣлать нечего! Мы взберемся туда по знаменитой лѣстницѣ, названной *водяною Escalera de las aguas*. Это единственная въ своемъ родѣ лѣстница: на каждой мраморной ступенькѣ находятся два фонтана, извергающіе золотистую воду, посреди розъ, но такихъ розъ, какихъ нигдѣ не увидишь. Вершана этой горы называется: *la silla del Mogo*, т. е. *кресло мавра*. Нѣкогда была здѣсь крѣпость, отъ которой остались однѣ развалины. Здѣсь находится множество пещеръ и катакомбъ, служившихъ мѣстомъ погребенія королевской фамилии. Но давно уже исчезли серебряные гробы, мраморы и алебастры, украшавшіе гробницы королей.

Въ лучахъ заходящаго солнца блистала Альямбра, какъ очарованный замокъ. Изумительное зданіе! Кажется, что оно созидалось безъ всякой системы, а между тѣмъ все вмѣстѣ представляетъ поразительную гармонию, необыкновенную легкость и красоту.

Эта жеманная изысканность внутри зданія, эта необыкновенная легкость, отличающая мавританскую архитектуру, характеризуютъ народъ мавританскій и представляютъ поразительный контрастъ съ величественнымъ видомъ готическихъ памятниковъ. До того различенъ былъ характеръ этихъ двухъ народовъ, которые долгое время спорили между собой о владычествѣ надъ полуостровомъ.

Главный характеръ мавританской архитектуры состоитъ въ томъ, что она обворожаетъ глазъ одною только изысканностію формъ, поразительнымъ раздѣленіемъ свѣта, богатствомъ и изяществомъ украшеній. Портки Генералифа, обиталища Альямбры, мавританскіе памятники въ Севильѣ, Кордовѣ и Толедо представляютъ одинъ и тотъ же характеръ. Вездѣ изящество, вездѣ пышность. Вездѣ можно замѣтить, что древніе обитатели этихъ зданій прежде всего любили предаваться мечтамъ игриваго воображенія. Выборъ мѣста и украшеній до того затѣйливы, что ясно показываютъ, что мавры были отличные знатоки красоты и изящества, искусства и природы и что они притомъ страстно любили комфортъ образованнаго человѣка.

Сладко было мавру мечтать о битвахъ и о черноокихъ, вѣчно-юныхъ, вѣчно-преlestныхъ гуріяхъ, въ этихъ позлащенныхъ залахъ, гдѣ цвѣты радуги играли съ кристалами водъ, извергаемыхъ фонтанами, гдѣ благовоніе самыхъ пышныхъ цвѣтовъ воспламеняло воображеніе. Погруженный въ сладкія мечтанія, мавръ не заботился о наружныхъ украшеніяхъ этихъ огромныхъ зданій, внутри которыхъ онъ находилъ свое блаженство. Онъ строилъ для своей выгоды, а не для взоровъ людскихъ, а потому и не успѣлъ вознестись въ архитектурѣ до высшенности помысловъ. Духъ мавра, оживляемый наукой, побуждаемый размышленіемъ, въ состояніи былъ много обнять; доказательствомъ тому служатъ его книги, его памятники и его богоугодныя заведенія. Онъ исчерпалъ въ своей политической и общественной жизни всѣ запасы мудрости, какими могъ снабдить его источникъ Алкорана, но онъ не въ состояніи былъ постигнуть св. ученія истины. Онъ прошелъ со славою опредѣленную ему дорогу и, достигнувъ назначеннаго предѣла, исчезъ изъ среды людей, живущихъ политической жизнью.—Христіанинъ, напротивъ того, призванъ къ высшимъ цѣлямъ и когда онъ вполне постигнетъ высокое назначеніе свое, то долженъ признаться, что путеводящей его идеи хватить на сто тысячъ лѣтъ.

Но уже солнце скрывается за могилами Эльвиры: Альямбра погрузилась въ ночной сумракъ, исполинскія тѣни покрываютъ Генералифъ. Долины Веги, оливковые лѣса, парки королей Гренады уже погружены въ мракъ. Алпухара покрывалась густымъ туманомъ и облаками. Одна Невада еще бодрствуетъ надъ ними и сохраняетъ на своихъ блестящихъ вершинахъ отблескъ заходящаго солнца. Она, подобно маяку, освѣщаетъ намъ путь, при спускѣ по узкой и крутой тропинкѣ въ долину. Но вотъ погасаютъ и пылавшія вершины Невады; мы опять подходимъ къ воротамъ Альямбры.

Проснулся филинъ и сова вылетаетъ изъ древнаго убѣжища своего, пробуждаются и тѣни Абенсераговъ, и шепчутся, и шумятъ плескомъ фонтановъ. Грустная тѣнь Альманзора сидитъ на вершинѣ самой высокой башни и старается вырвать флагъ съ изображеніемъ золотого льва Кастиліи; въ Токадорѣ плачетъ прелестная Зорая, а бѣдныя дѣти ея лежатъ на площади львовъ, покрытыя кровью.

«La illah illah Allah» грустно воютъ эхи Альямбры, а между тѣмъ, въ садахъ весело напѣваетъ соловей. Одинъ Богъ вѣченъ и всемогущъ!

IX.

ГИБРАЛТАРЪ. ТАНГЕРЪ.

Завоеваніе Испаніи маврами. — Мудрое господствованіе ихъ. — Изгнаніе ихъ изъ Испаніи. Намѣреніе отправиться въ Африку. — Губернаторъ Алжеиры, непримиримый врагъ мавровъ. — Тарифъ, — гора Абили, — видъ Гибралтара — англійскія укрѣпленія, — скалистая ящерица (a goch lizard), — вечерняя заря въ Гибралтарѣ. — Мавританскій караванъ серай. — Придворный Сантуронъ Марокскаго императора. — Докторъ Гамильтонъ. — Бригъ Діана, — прощаніе съ Европою. — Оберъ-Ботсманъ Діаны. — Видъ Тангера, — берега Африки, — капитанъ Порты, — англійскій консулъ — англійскій обѣдъ).

Слѣдя безсознательно совѣтамъ Магомета, мусульмане распространили свои полчища по Востоку и по Западу, завоевали Сирію и Египетъ, сѣверную Африку и самую цвѣтущую часть Европы. Переходя отъ одного завоеванія къ другому, они вторглись во Францію. Но на равнинахъ Тура они встрѣтили народъ, заботившійся о сохраненіи своей родины, о сохраненіи чести христіанской. И устрешенныя орды Сарациновъ понялись назадъ и ушли за Пиренеи. Если-бы не мечъ Карла Мартеля (732 г.), мусульманскій полумѣсяцъ блисталъ-бы, можетъ быть, надъ стѣнами Парижа и Лондона.

Возвратившись въ Испанію, сарацины должны были согласиться, что этотъ край исполненъ прелести и богатства, а потому они остановились въ немъ и отреклись отъ магометанскаго догмата, т. е. отъ завоеваній. Вскорѣ эти страшные завоеватели показали примѣръ терпимости, разнявшейся ихъ храбрости, вскорѣ они превзошли всѣ прочіе народы могуществомъ своего ума и просвѣщенія. Отдаленные отъ своей родины, магометане страстно полюбили новую родину, и старались обогатить ее всѣми дарами, могущими способствовать ко благу человѣчества. Мудрые и справедливые законы, распространеніе искусствъ и наукъ, поощреніе земледѣлія, торговли и промышленности, всѣ эти животворныя пружины способствовали возвеличенію государства. Просвѣщеніе отличало мавровъ отъ всѣхъ народовъ, находившихся во мракѣ, такъ что послѣдніе должны были черпать отъ нихъ науки и искусства. Христіанскіе мастеровые приходили къ маврамъ обучаться ремесламъ, ученые со всего свѣта стекались въ Толедо, Кордову, Севилью и Гренаду, для усовершенствованія себя въ наукахъ. Даже самые поэты и трубадуры учились у мавровъ, а христіанскіе рыцари упражнялись въ своемъ искусствѣ и въ ловкости при дворѣ магометанскихъ князей, господствовавшихъ въ Испаніи. Испанскіе мавры отрѣклись отъ завоеваній и на своихъ памятникахъ объявляли торжественно цѣлому свѣту, что они окончательно поселяются въ Испаніи. Потомки Ролла и Вильгельма Завоевателя тоже самое сдѣлали въ Англии.

Не взирая на высокую степень ихъ просвѣщенія, господство арабовъ въ Испаніи было только экзотическимъ растеніемъ, не могшимъ прочно

укорениться въ чуждой почвѣ. Христіанскій духъ готовъ пробудился наконецъ, послѣ продолжительнаго усыпленія. Послѣ безпрерывныхъ войнъ и кровавыхъ битвъ, буйная храбрость мавровъ пала подь мечемъ защитниковъ креста. Исчезли мавры съ горизонта Испаніи. Гдѣ-же долженъ искать нынѣ историкъ потомковъ этого великаго народа, который своимъ мужествомъ и своимъ великолѣпіемъ, своими науками и благородствомъ приводилъ нѣкогда въ изумленіе цѣлый свѣтъ? Гдѣ долженъ онъ искать потомковъ тѣхъ людей, которые соорудили мечеть въ Кордовѣ, госпиталь въ Толедѣ и крѣпость въ Гренадѣ? Нельзя же повѣрить, чтобы цѣлый народъ могъ исчезнуть съ лица земли въ столь короткое время. Я отрою непременно прошедшее мавровъ и въ немъ буду отыскивать залогомъ ихъ будущности. Говорятъ, что два мильона испанскихъ мавровъ возвратились въ Африку, въ первоначальную колыбель свою. Говорятъ, что потомки этихъ мавровъ сохраняютъ въ сердцѣ своемъ вѣрованіе, что они когда-нибудь возвратятся опять въ прежнія свои владѣнія, изъ которыхъ были изгнаны. Поселившіеся въ Тунисѣ мавры, сохранили свои испанскія имена *Паэзовъ*, *Медиковъ* и *Алберговъ*, они никогда не соединяются брачными узами съ семействами африканскими; они, какъ драгоценность, передаютъ отъ поколѣнія поколѣнію планы, счета, даже ключи прежнихъ владѣній своихъ въ Гренадѣ, въ полной увѣренности, что возвратятся къ нимъ когда-нибудь.

Рѣшено! я отправлюсь въ Африку, чтобы лично убѣдиться, дѣйствительно-ли сохраняется еще въ сердцахъ мавровъ память блестящаго прошедшаго и даетъ-ли имъ это воспоминаніе надежду на блестящую будущность.

Но не такъ легко попасть въ Африку. Разнородные жители этой старой, но мало извѣстной части свѣта не очень благосклонно смотрятъ на европейца. Отгадаетъ-ли кто въ этой варварской землѣ все благородство моихъ намѣреній? Такъ вопрошалъ я себя, смотря на европейскіе народы, обращающіеся, какъ колесо, въ вихрѣ личныхъ интересовъ.

И вотъ я опять въ Кадиксѣ и пускаюсь въ Гибралтаръ, но уже не на крыльяхъ Пегаса, а просто, на каталонскомъ пароходѣ, возвращавшемся въ Барселону, черезъ Тарифъ, Гибралтаръ, Малагу, Альмерию, Картагену, Валенцію и Таррагону.

Англійскій консулъ въ Кадиксѣ визировалъ паспортъ мой въ Гибралтаръ. Не мало, однако, труда мнѣ стоило получить это свидѣтельство: правительство Великобританіи не охотно дозволяетъ иностранцамъ посѣщать это укрѣпленное мѣсто. Трудно объяснить, на чемъ основана такая недовѣрчивость къ иностранцамъ.

Долго ожидали мы губернатора города Алжезира. Это былъ весьма важный человекъ, высокой, худой, съ смуглымъ, продолговатымъ лицомъ и съ семидесятью годами на плечахъ. Истинный грандъ Испаніи!

Наконецъ явился губернаторъ; поднимаютъ якорь и мы пускаемся въ море. На палубѣ ужасная сумятица. Каталонцы пицатъ невыносимо, своимъ неприятнымъ для слуха нарѣчіемъ, которое даже не-

пріятнѣе португальскаго языка. Оно подобно скрыцу заржавленной кофейной мельницы. Кастильцы вовсе не понимаютъ этого нарѣчія.

Около полудня мы были на высотѣ Трафалгара, близъ того самого мѣста, гдѣ французскій и испанскій флоты, вмѣстѣ съ побѣдителемъ ихъ, Нельсономъ, нашли гробъ свой. До-сихъ-поръ еще бурное море выбрасываетъ по временамъ остатки затопленныхъ кораблей. Но что это выказывается на южномъ небосклонѣ, посреди тумана и облаковъ? Это берегъ Африки—это мысъ Спартель.

Губернаторъ города Алжезира удостоилъ меня своимъ вниманіемъ и, по окончаніи всѣхъ возможныхъ формальностей представленія, — началъ самымъ немилосердымъ образомъ поносить мавровъ. Онъ терзалъ ихъ безъ пощады. Даже Торкемада и Ксименесъ не могли-бы говорить о нихъ съ большею ненавистью. — Онъ часто навѣщалъ берега Африки, всякой разъ испытывалъ тысячи непріятностей со стороны кафровъ, этихъ лютыхъ звѣрей, заклятыхъ враговъ европейцевъ. Одни только англичане пользуются ихъ расположеніемъ, — «чѣмъ оправдывается поговорка, что воронъ ворону не выклюетъ глаза», — прибавилъ губернаторъ.

— А я именно намѣренъ посѣтить мавровъ въ ихъ нынѣшнихъ поселеніяхъ. Этотъ народъ былъ нѣкогда самый рыцарскій, самый просвѣщенный! — Невозможно, чтобы онъ вовсе выродился, — сказала я простодушно.

Губернаторъ отвернулся отъ меня на одной ногѣ, и запѣлъ себѣ подъ носъ модную пѣсенку.

Вотъ мы проходимъ близъ Тарифы и находимся между столпами Геркулеса, въ стѣсненныхъ водахъ Океана, теряющаго здѣсь свое имя. Видъ прелестный, могущій очаровать самую усыпленную душу! По обѣимъ сторонамъ возносятся скалы, упирающіяся вершинами въ небо, — шумящая между ними вода, покрыта бѣлою пѣною, — и кажется, усиливается подорвать эти скалы! — Направо выказывается изъ-за облаковъ гора Абиля, называемая по испански Sierra de las Moras, то есть, гора обезьянъ и составляющая оплотъ Африки. На ней не видно ни одной хижинки, ни одной лачужки, здѣсь обитаютъ одни только волки, лютые кабаны и скачущія обезьяны. Налѣво, надъ шумящими волнами, возносится ужасное скалистое чудовище, нынѣ дремлющее, которое называютъ Гибралтаромъ. Этотъ исполинскій колоссъ охраняетъ входъ въ Средиземное море, отъ него не возможно отвести глазъ, видомъ его не возможно насытиться.

На скатѣ этого грознаго привидѣнія разсыпаны тысячи красивыхъ домовъ, разной величины: это городъ Гибралтаръ. Онъ окруженъ батареями, возвышающимися уступами, одна надъ другой, и выказывающими тысячи длинныхъ, почернѣвшихъ отъ дыма и времени, орудій. Всѣ они устремлены на море и на песчаный языкъ, соединяющій этотъ тысячеокій Аргусъ съ цвѣтущимъ садомъ Гесперидъ, которыя въ троемъ имѣли одинъ только глазъ и потому, вѣроятно, допустили англичанъ прорваться сюда. Всѣ мѣста, куда только птица залетѣть можетъ, покрыты безчисленнымъ множествомъ батарей, бастіоновъ,

редутовъ, башень, замковъ, такъ, что при видѣ ихъ, кровь въ жилахъ стынеть, даже у того, кто не знаетъ, что въ чудовищѣ этомъ находятся еще тройныя галереи, скрывающія въ себѣ тысячи орудій, готовыхъ ежеминутно брызнуть ядрами во всѣ стороны, даже на берега Африки.

Шесть тысячъ англійскихъ солдатъ, въ красныхъ мундирахъ, кружатся безпрестанно по всѣмъ улицамъ и дорожкамъ, по гульбищамъ, висящимъ, подобно садамъ Пальмиры, на скалистыхъ террасахъ. Издали можно подумать, что это необыкновенной величины кактусы или рои кошенили.

Двѣсти часовыхъ, длинныхъ, молчаливыхъ, съ видомъ суровымъ, оберегаютъ это завѣтное мѣсто: одни изъ нихъ находятся при воротахъ, другіе въ редутахъ, третьи высоко, на самомъ хребтѣ Титана, подъ особо устроенными крышами, охраняющими ихъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Охранная башня безпрестанно даетъ сигналы: торчащій на ней часовой видитъ все, что дѣлается вокругъ: ни одна лодочка не можетъ укрыться отъ его глаза. Онъ строго блюдетъ честь Великобританіи.

Но вотъ забросили якорь и сонце уже западаетъ въ море. — Ежеминутно зарева пушка можетъ вывалить со стѣнъ крѣпости, а между тѣмъ, портового офицера не видно. Неужели мнѣ придется провести еще ночь съ этимъ грандомъ, ненавистникомъ мавровъ, и съ этими каталонцами, терзающими уши своимъ несноснымъ пискомъ? — Но вотъ показывается лодка, она стремится къ нашему судну, какой-то господинъ въ морскомъ мундирѣ спрашиваетъ насъ повелительнымъ тономъ: «Откуда?—куда?—что везете?» — Кромѣ меня, никто не хотѣлъ выдти на берегъ. — «Могу-ли я съ вами ѣхать на берегъ?» — спросилъ я надменнаго офицера. Офицеръ этотъ имѣлъ не очень привлекательную физиономію: длинный носъ, такое-же длинное лицо, широкій ротъ, большіе, черные, безпокойные глаза—а цвѣтъ лица черный, какъ земля. Однимъ словомъ: это было существо, рожденное въ Гибралтарѣ, отъ англійскихъ родителей,—то, что англичане называютъ: а goch lizard—то есть, скалистая ящерица. — Подкупить его было невозможно, онъ слишкомъ гордъ, чтобы принять какой-нибудь подарокъ, но за то вполне лишенъ готовности оказать услугу, — на лицѣ его не замѣтно и тѣни доброты. Гордецъ всегда бываетъ золъ, если только онъ не глупъ.

— Кто вы? — спросила меня ящерица.

— An english Doctor, natif of... Sir, отвѣчалъ я ей.

— «Jump in the boat, Sir,—скачите въ лодку.

Вхожу на берегъ Гибралтара, въ главную улицу, вѣющуюся у подножія скалы. Что за суета, что за шумъ! — здѣсь толпы народа, и какого народа! — мореплаватели всего свѣта, и греки, и мавры, и французы, и турки, испанцы и мальтійцы, и даже вездѣ пресмыкающіеся жидаы. Тамъ видна группа англійскихъ офицеровъ: красивыхъ, веселыхъ, въ богатыхъ мундирахъ, здѣсь испанцы, закутанные въ черныя плащи и бросающіе на англичанъ взгляды, похожіе на выстрѣлы изъ пистолета,—далѣе шотландцы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ

и, наконецъ, различные островитяне. Ни въ одномъ городѣ Европы нельзя видѣть такого маскарада, какъ въ Гибралтарѣ. Что за разнообразіе нарядовъ, лицъ, нарѣчій. Здѣсь приличнѣе всего вспомнить прекрасные стихи Пушкина: «Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»....

Но вотъ раздалась зарева пушка и дрогнула цѣлая скала. Раздались звуки безчисленнаго множества барабановъ, трубъ, вальторновъ и кларнетовъ. — Огромнаго роста тамбуръ мажоръ далъ знакъ своей булавой и двинулся съ мѣста многочисленный отрядъ въ красныхъ мундирахъ, и заревѣло шумное эхо. Такова вечерняя заря гибралтарская.

Въ эту минуту я понялъ гордость англичанъ!

Многое-бы можно было сказать о Гибралтарѣ. Мѣсто это весьма важно для историка, политика, этнографа и натуралиста. Какимъ чудомъ попалъ Гибралтаръ въ руки англичанъ! какую важную роль играетъ онъ въ равновѣсіи Европы! и какое тутъ сборище народовъ съ цѣлаго свѣта! почти каждый край имѣетъ здѣсь своего представителя.

Для натуралиста Гибралтаръ представляетъ весьма важное поле для изученій въ геологическомъ и зоологическомъ отношеніяхъ.

Въ части скалы, противулежащей Африкѣ, въ двухъ тысячахъ футахъ надъ поверхностью моря, находится круглое отверстіе, имѣющее въ поперечникѣ около двѣнадцати футовъ. Сквозь это отверстіе можно проползти во внутренность скалы, и проползши такимъ образомъ триста футовъ — представится обширная пещера, подпираемая натуральною колонною. Изъ нея ведутъ нѣсколько отверстій къ пропасти, которой глубину доселѣ никто не могъ измѣрить и въ которой множество эксцентрическихъ англичанъ нашли свою могилу. Еще недавно два брата погибли въ ней въ одно время. Преданіе говоритъ, что пещера эта, исполинскаго размѣра, служила язычникамъ для богослуженія и что она посвящена была Геркулесу. Но доселѣ не отыскано ни одного письменнаго слѣда, доказывающаго справедливость изустнаго преданія. Путешественники, которые спускались на веревкахъ во внутренность этихъ пропастей, утверждаютъ, что къ нимъ ведутъ безчисленное множество дорожекъ. Изъ этого можно заключить, что вся внутренность огромной скалы Гибралтара просверлена, — и что скала эта вулканическаго произхожденія. Но не можетъ-же быть, чтобы эти пещеры не имѣли какого-нибудь предназначенія? Правда, англичане не устроили въ нихъ ни фабрикъ, ни воскресной школы, и не собираютъ въ нихъ митинговъ—но за то они отдали эту пещеру во владѣніе звѣркамъ, которые прячутся здѣсь, когда ужасные ураганы бушуютъ на морѣ и на сушѣ. Вы вѣроятно догадываетесь, какіе это звѣри? Гибралтарская скала служитъ послѣднимъ убѣжищемъ обезьянъ, находящимся въ дикомъ состояніи. Теперь возвратимся къ нашимъ маврамъ. Они сюда очень часто пріѣзжаютъ. Англія нахо-

дится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Марокскою имперіею и всѣ жизненные припасы для войска и для населенія Гибралтара пріобрѣтаетъ изъ Марокко. Она получаетъ отъ нихъ и другія выгоды—но объ этомъ я расскажу позже. Мавры часто отправляются на англійскихъ судахъ на берега Сиріи, для посѣщенія Мекки и Медины — и всякой разъ заходятъ въ Гибралтаръ. Они имѣютъ здѣсь особенное подворье или гостиницу — это родъ караванъ-серая, съ помѣщеніями для богатыхъ и для бѣдныхъ.

Я не разъ навѣщалъ этотъ караванъ-серай и любовался тамъ разнокалиберными дѣтьми Африки: отъ чернаго, какъ уголь ефіопіца, до бѣлаго, какъ алебастръ, мавританскаго дворянина. Надо замѣтить, что мавританинъ, если онъ опрятенъ и старательно моется, имѣетъ такой-же нѣжный и бѣлый цвѣтъ кожи, какъ наши дѣвицы, которыя пьютъ уксусъ. Притомъ, для торжества теоріи противорѣчій, левъ-Атласа употребляетъ всѣ силы, чтобы походить на овечку, между-тѣмъ, какъ наши европейскія овечки хлопчатъ только о томъ, чтобы придать себѣ фізіономію львицы.

При мнѣ въ гибралтарскомъ караванъ-серай было около шестидесяти африканцевъ изъ Марокко. Между ними находились нѣсколько лицъ высшаго класса, одѣтыхъ со всею роскошью Востока: въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ чалмахъ, въ кафтанахъ изъ краснаго или зеленаго атласа, вышитыхъ золотомъ или серебромъ, и въ ужасно широкихъ шальварахъ, украшенныхъ богатымъ позументомъ и шитьемъ. Сверхъ этого наряда красовались на нихъ широкіе бурнусы.

Самымъ важнымъ между ними лицомъ, которому всѣ присутствовавшіе оказывали особенное уваженіе, былъ высокій и широкоплечій мавръ, лѣтъ сорока, съ суровою фізіономіею. Нарядъ его былъ изысканъ и необыкновенно богатъ. Желая знать, кто эта важная персона — я спросилъ о томъ драгомана серая.

— Это придворный *Сантуронъ* императора.

— Что значитъ сантуронъ?

— Сантурономъ называется у мавровъ человекъ святой.—Этотъ возвращается теперь изъ Мекки,—онъ былъ тамъ четыре раза,—теперь дошелъ онъ до высшей степени святости и значитъ у мавровъ почти тоже, что верховный иманъ, то есть, высшее духовное лицо, хотя онъ и не принадлежитъ къ духовенству, а только простой улемъ. Притомъ онъ потомокъ Магомета, что легко узнать по зеленому цвѣту его шальваровъ. Ему нуженъ докторъ, не для себя—а для арміи императора, въ которой господствуетъ ужасная глазная эпидемія. Сантуронъ, по возвратѣ изъ Мекки, нашелъ здѣсь письма, въ которыхъ просятъ его отыскать доктора и привезти съ собою въ Марокко. Въ слѣдствіе этого онъ вошелъ въ сношеніе съ находящимся здѣсь англійскимъ окулистомъ, Сиди-Альгамитъ-Беємъ.

— Я никогда не слыхалъ объ англійскомъ докторѣ, съ турецкою фамиліею.

— Этимъ именемъ называютъ въ Египтѣ доктора Гамильтона.

— Какъ? — Докторъ Гамильтонъ въ Гибралтарѣ? — вѣдь это хорошій мой знакомый,—ради Бога, скажите, гдѣ онъ живетъ?

— Онъ живетъ у здѣшняго коменданта, маіора Кампбеля, состоящаго во 2-мъ полку шотландской гвардіи.

— Да вѣдь я и его знаю — или лучше сказать, я познакомился съ его семействомъ, когда былъ на Гебридскихъ островахъ. Вотъ тебѣ піастръ — веди меня поскорѣе къ коменданту.

Такимъ образомъ я нашелъ двухъ знакомыхъ въ Гибралтарѣ.

Съ докторомъ Гамильтономъ я познакомился въ Лондонѣ и потомъ возобновилъ это знакомство въ Лиссабонѣ. Это человекъ съ предпримчивымъ характеромъ и большими свѣдѣніями. Потерявъ молодую жену, которую онъ любилъ страстно, онъ оставилъ двухъ маленькихъ дочерей своихъ на попеченіе сестры своей, а самъ отправился, нѣсколько лѣтъ тому, въ Египетъ. Въ самое короткое время онъ прославился тамъ, какъ самый искусный и счастливый хирургъ и окулистъ, — былъ потребованъ во дворъ вице-короля, умѣлъ ему понравиться и получилъ отъ него порученіе устроить госпитали и медицинскія школы въ Александріи и Каирѣ. Долго онъ долженъ былъ бороться съ разными затрудненіями и предразсудками: наконецъ превозмогъ всѣ препятствія. Въ десять или одиннадцать лѣтъ онъ достигъ званія бея, равняющагося чину полковника, и составилъ себѣ большое состояніе, до ста тысячъ рублей серебромъ.

Между-тѣмъ дочери его, оставшіяся въ Англіи, подросли,— надо было подумать о ихъ замужствѣ. Гамильтонъ выпросилъ у вице-короля дозволеніе отправиться на родину на два года, и тогда-то я съ нимъ познакомился.

Устроивъ семейныя дѣла, онъ теперь возвращался въ Египетъ. Въ Лиссабонѣ, по желанію тамошняго двора, онъ пробылъ нѣсколько недѣль и недавно пріѣхалъ въ Гибралтаръ, гдѣ разныя занятія прдержали его болѣе недѣли.

Маіора Кампбеля (Sir James Campbell of Mull) я лично не зналъ, но онъ былъ отецъ прелестной Діаны Гебридскихъ острововъ, съ которой я познакомился въ г. Мюль. Я увѣренъ былъ, что миссъ Клариса писала обо мнѣ своему отцу, что она вѣрно сообщила ему, съ какимъ восхищеніемъ и жаромъ я разсматривалъ древнія поселенія Кампбелловъ. И я не ошибся. Старый комендантъ принялъ меня съ большимъ радушіемъ

— Лордъ Гленелгъ!—Вотъ вашъ соперникъ, — сказала маіоръ Кампбель, представляя меня будущему зятю своему, офицеру шотландской гвардіи, молодому человеку, лѣтъ двадцати.

— I am proud of thall rivalry!—Я горжусь этимъ соперничествомъ,— отвѣчалъ милордъ, краснѣя, какъ молоденькая пансіонерка и дружески и пожимая мнѣ руку.

Докторъ Гамильтонъ, познакомивъ меня съ хозяиномъ дома и будущимъ зятемъ его, сказалъ:

— Сама судьба привела васъ въ Гибралтаръ! Марокскій импе-

раторъ, или, лучше сказать, сынъ его, царствующій именемъ отца своего, узнавъ о прїѣздѣ моемъ въ Гибралтаръ, поручилъ возвращающемуся изъ Мекки сантурону пригласить меня въ Мароко, чтобы научить тамошнихъ лекарей средству отъ воспаления глазъ, отъ котораго ежегодно слѣпнетъ нѣсколько тысячъ солдатъ въ его арміи. Я-бы очень охотно отправился туда, но только не одинъ, а съ товарищемъ. Не хотите-ли ѣхать со мною. Вся эта поѣздка продолжится не болѣе шести недѣль. Путешествуя съ англійскими паспортами, мы не подвергнемся никакимъ непріятностямъ.

Я зналъ съ самой лучшей стороны доктора Гамильтона, притомъ желалъ обозрѣть Африку, и теперь представлялся мнѣ такой прекрасный случай;—я тотчасъ-же рѣшился.

На другой день, сдѣлавъ необходимые запасы съѣстнаго, особенно же ветчины и вина, а также разнаго рода лекарствъ,—сѣли мы на купеческій бригъ, отправлявшійся въ Тангеръ. Этотъ бригъ назывался «Дианою».

Позолоченная статуя Діаны на носу его блистала отъ яркихъ лучей полуденнаго солнца. Судно это было такое щегольское, что самый опытный глазъ не могъ-бы догадаться, что эта прекрасная дочь Аполлона умѣла, въ случаѣ надобности, показать свои острые зубы и извергнуть огненный дождь на непріятеля. Люки были старательно закрыты, задняя часть палубы завалена парусами, такъ что орудіи вовсе не было видно, а большая капитанская каюта такъ была устроена, что подъ боковыми сидѣніями скрывались пушки.—Англійское адмиралтейство очень хорошо знало, что скрывалось въ нашей Діанѣ — но оно не только не препятствовало ей, но еще всячески помогало, гдѣ только могло.

Въ это время Діана везла разное оружіе и амуницію Абдель-Кадеру,—это оружіе и амуниція выданы были изъ казенныхъ складовъ въ Гибралтарѣ.

За нѣсколько минутъ до снятія съ якоря подошла къ нашему судну огромная лодка, наполненная людьми въ богатыхъ и разноцвѣтныхъ нарядахъ. Это были намъ знакомые мавры, провожавшіе сантурона, который все еще углублялся въ размышленія и былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ едва удостоилъ насъ поклономъ, приложивъ руку къ сердцу. Свита его была гораздо любезнѣе: она привѣтствовала насъ пожатіемъ руки.

Но вотъ мы снялись съ якоря,—раздается прощальная пушка и мы оставляемъ Европу.

Вѣтеръ быстро уноситъ насъ отъ береговъ,—вотъ мы проходимъ около самыхъ стѣнъ Тарифы, этой крѣпости, такъ часто упоминаемой въ рыцарскихъ балладахъ. Кто не слыхалъ о славномъ комендантѣ ея, Донъ-Алонзо Гузманѣ, который скорѣе согласился смотрѣть на страданія роднаго сына, пригвожденнаго маврами къ стѣнамъ крѣпости, чѣмъ постыдно поддаться калифу, осаждавшему крѣпость?!

Вотъ мы поварачиваемъ къ Юго-Востоку и скорѣ затѣмъ показывается Тангеръ, на возвышеніи, подобно бѣлому голубю, сидящему въ гнѣздѣ своемъ.

Но вѣтеръ свѣжѣетъ и качаетъ наше судно. Никто не ожидалъ такой сильной бури, а потому между пассажирами поднялась тревога, а на палубѣ ужасная бѣготня. Оберъ-ботсманъ Діаны, человекъ очень грубый, который почти постоянно пьянъ, проходя съ одного мѣста на другое, толкнулъ неосторожно сидѣвшаго въ глубокомъ размышленіи Сантурона, и тотъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ на палубу. — Онъ тотчасъ же всталъ и въ ужасномъ гнѣвѣ ударилъ неловкаго англичанина въ голову такъ сильно, что тотъ растянулся, какъ мертвый и лежалъ безъ всякаго движенія. А Сантуронъ, какъ-бы ни въ чемъ небывалый, опять сѣлъ на прежнее свое мѣсто и углубился въ свои размышленія, не измѣнивъ ни на минуту выраженія лица своего.

Всѣ англійскіе матросы, при видѣ такого безчестія, нанесеннаго ихъ товарищу, приготовили свои кулаки, но окружавшіе сантурона мавры выхватили кинжалы и съ угрозами приготовились защищать своего патрона.

— О я узнаю васъ, любезные мавры! — сказалъ я самъ себѣ.

По счастью, въ это дѣло вмѣшались люди разсудительные: докторъ Гамильтонъ приказалъ отнести полумертваго оберъ-ботсмана въ каюту и тотчасъ пустилъ ему кровь, ручаясь, что онъ скоро опомнится. Съ одной стороны разыгрывающаяся буря, а съ другой опасеніе рѣзни, беспокоили пассажировъ. Но мавры не покидали ни на минуту Сантурона.

Уже солнце склонялось къ западу, когда мы подошли къ пристани Тангера и бросили якорь посреди множества судовъ генуезскихъ, французскихъ, датскихъ и фелюковъ мавританскихъ.

Здѣсь открылся намъ Тангеръ въ самомъ живописномъ положеніи. Городъ этотъ обезпеченъ со стороны суши высокими валами. — на окружающихъ его возвышенностяхъ устроено нѣсколько батарей съ тяжелыми орудіями, направленными на пристань, — надъ батареями возвышался уступами городъ. Какъ скала, такъ и самый городъ — все было бѣло, какъ изъ извести. Изрѣдка только виднѣлось на этомъ бѣлоснѣжномъ фонѣ нѣсколько огромныхъ деревьевъ, очень высокихъ, украшенныхъ листьями въ пять футъ длины, такими грубыми и твердыми, какъ подошва. Это были пальмовыя деревья, растущія въ садахъ гаремовъ. Прямо передъ нашими глазами возвышалась какая-то пестрая башня. Это минаретъ, принадлежащій къ главной тангерской мечети. Длинный черный флагъ развѣвается на вершинѣ минарета, по случаю печальнаго праздника, называемаго Ашоръ.

Необыкновенной бѣлизны песокъ отдѣляетъ городъ отъ моря: эта песочная лава тянется далеко, далеко до самаго мыса Алиманара, на которомъ построены красивый маякъ, освѣщающій путь мореплавателямъ.

Съ южной стороны, въ отдаленіи, едва достигаемомъ взору, блестятъ въ лучахъ заходящаго солнца вершины стараго Атласа, который съ незапамятныхъ временъ подпираетъ небо.

Съ востока цѣпь горъ Гибиль-муза возноситъ вершины свои къ облакамъ, — далѣе виднѣется безконечный Титанъ. Таковъ Тангеръ и таковы его окрестности.

Но главное преддверіе и главную ограду тангерской пристани составляет каменная плотина, входящая въ заливъ на двѣ тысячи футовъ. Прежде это была очень сильная крѣпость, — нынѣ же остались только однѣ ея развалины. Англичане, лѣтъ тому сорокъ, оставляя Тангеръ, взорвали эту плотину на воздухъ. Мавры никакъ не рѣшались взяться за исправленіе и возобновленіе ея. Нынѣ морскія волны размываютъ и оставшіяся еще ненарушимыми части этой крѣпости.

Лодки наши причаливаютъ къ берегу: въ одной сидитъ Сантуронъ съ своими маврами, — въ другой европейское общество.

Вотъ мы вступаемъ на берега Африки.

У воротъ города ожидало насъ нѣсколько людей: капитанъ порта, огромный старый варваріецъ съ большою бѣлою и нерасчесанною бородою, въ запачканомъ тюрбанѣ и такомъ-же дзябадорѣ или кафтанѣ, съ голыми ногами; — но за то оружіе его отличалось богатствомъ и великолѣпиемъ.

Варваріецъ этотъ поцѣловалъ, съ видимою покорностью, руку Сантурона, а насъ привѣтствовалъ словами: *Abi bekihrg salmalek Sidi!* (Примите мое сердечное привѣтствіе!)

Въ числѣ ожидавшихъ насъ у воротъ, были сынъ англійскаго генеральнаго консула Друммондъ-Гея и зять консула, шведскій консулъ маіоръ Петерсенъ, а также Драгоманъ консульскій, еврейскій ренегатъ — плутовская штука — и четыре янычара того-же консульства, одѣтые очень чисто, въ красныхъ кафтанахъ и тюрбанахъ, и въ пестрыхъ бурнуссахъ. Эта депутація выслана была для приглашенія насъ къ англійскому консулу, который былъ болѣнъ и ожидалъ насъ уже два дни.

Войдя въ ворота, мы поднялись по отлогой и извиистой улицѣ, на гору. Налѣво грозно смотрѣли на насъ огромнаго калибра орудія, направленныя на пристань. Около нихъ сидѣли ободранные канонеры, съ пылавшими фитилями. Направо скалистая стѣна заслоняла видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся въ ней довольно глубокія ниши, служащія пристанищемъ для нищихъ и мелкихъ торговцевъ. Этою дорогою дошли мы до Мечети. Разсмотрѣвъ ближе минаретъ, я нашелъ въ немъ большое сходство съ севильской Гиральдой. Оба эти зданія составляютъ великолѣпные памятники, которые воздвигли себѣ ихъ строители. Гиральду можно назвать чудомъ свѣта.

Проходя мимо мечети, я съ любопытствомъ заглянулъ во внутренность ея, но ничего не видѣлъ, кромѣ четырехъ-угольнаго двора, выложеннаго мозаикою. Въ срединѣ билъ мраморный фонтанъ, при которомъ нѣсколько мавровъ производили обычное омовеніе; — по обѣимъ сторонамъ мечети тянулись маленькія пристройки. Входъ въ мечеть закрытъ былъ большимъ занавѣсомъ. Во всемъ замѣтна большая простота. Мы всѣ остановились при дверяхъ, ведущихъ во дворъ — какъ вдругъ пронзительный и ужасный крикъ, подобный реву льва, раздался надъ нашими головами. «*Karuhl ud bag! Karuhl hediiina!*» Богъ единъ! — Богъ единый!»

Проходя налѣво, по дорогѣ, ведущей мимо минарета, мы слышали

множество дѣтскихъ голосовъ, повторявшихъ за муфтіемъ стихи изъ алькорана.

Пройдя еще нѣсколько узкихъ и извилистыхъ улицъ мы дошли до англійскаго консульства. Это обширное зданіе, построенное въ европейскомъ вкусѣ. Передъ нимъ обширный дворъ, въ срединѣ котораго бьетъ безостановочно фонтанъ самой чистой и прозрачной воды.

Насъ ввели въ огромныя, прохладныя сѣни, на стѣнахъ которыхъ развѣшены были шкуры хищныхъ звѣрей, убитыхъ самимъ консуломъ. Начиная отъ огромнаго льва до низкаго шакала: все семейство истребителей находилось здѣсь въ полномъ комплектѣ.

Г. Друммондъ-Гей, генеральный консулъ Великобританіи, мучимый подагрой, лежалъ на диванѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ облегченія отъ доктора Гамильтона. Это былъ старый морской офицеръ англійскаго флота, украшенный многими ранами, страстный охотникъ и большой почитатель мадеры и хереса. Онъ не былъ членомъ общества воздержности.

Сантуронъ съ своею свитою ожидалъ насъ на дворѣ консульства и объявилъ намъ холодно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, что уведомить насъ о томъ, когда караванъ отправится въ Марокко.

— Какъ! вскричалъ консулъ, — неужели этотъ тигръ Сахары будетъ сопровождать васъ въ Марокко? — Неужели ему было поручено пригласить васъ? — Вѣдь онъ самъ имѣетъ претензію прекращать всѣ болѣзни, лучше всѣхъ медицинскихъ факультетовъ Европы. Тутъ что-то скрывается, и это мнѣ очень не нравится. Эй Драгоманъ! — Узнай хорошенько въ чемъ дѣло. Здѣсь во всемъ надо быть осторожнымъ. Особенно нельзя довѣряться сантуронамъ.

— Да, именно г. консулъ, — отвѣчалъ Драгоманъ — особенно же такимъ сантуронамъ, которые однимъ ударомъ кулака убиваютъ англійскихъ матросовъ.

— Какъ! — что такое? — Что ты говоришь? — Вскричалъ консулъ приподнимаясь съ дивана.

Измаиль разсказалъ все, что случилось на палубѣ Діаны.

— Неужели, любезный докторъ, это правда? — Что-же, онъ въ самомъ-дѣлѣ умретъ отъ этого удара?

— Да не легко ему поправиться, г. консулъ, — отвѣчалъ г. Гамильтонъ, — оберъ-ботсманъ отъ самаго дѣтства предавался крѣпкимъ напиткамъ, оттого мозгъ у него сдѣлался такъ мягокъ, что малѣйшій ударъ въ голову можетъ произвести апоплексію.

— Сто тысячъ бомбъ! — Это ужасно! — Но все-таки ударъ вѣрно былъ очень ловкій... Пойдите докторъ, пригласимъ завтра Сантурона въ консульство и дадимъ ему въ противники отличнаго боксера, — онъ долженъ съ нимъ биться. Но я не могу надивиться, что такому человѣку, который извѣстенъ своимъ фанатизмомъ; сдѣлано такое порученіе. Онъ вѣрно принялъ его на себя для того только, чтобы стереть васъ съ лица земли. Послушай Измаиль, — ты непременно долженъ мнѣ собрать всѣ свѣденія объ этомъ дѣлѣ.

— Да, тутъ нечего шутить, господа, — продолжалъ консулъ съ

встревоженнымъ лицомъ, — здѣсь въ послѣднее время опять появилась секта удушителей, которая, лѣтъ тому семьнадцать, до трехъ сотъ христіанъ удушила въ одинъ годъ. Все, что мнѣ извѣстно о нашемъ Сантуронѣ, заставляетъ меня думать, что онъ принадлежитъ къ этой сектѣ; очень быть можетъ, что онъ даже ея начальникъ. А теперь, любезные мои гости, располагайте моимъ домомъ, какъ своимъ собственнымъ. Вотъ мой сынъ, это мой зять — а это все мои друзья. За обѣдомъ познакомимся короче. Эй, накрывайте скорѣе на столъ!

И дѣйствительно, за обѣдомъ мы коротко познакомились, какъ съ ховяиномъ, такъ и съ многими консулами и негоціантами, которые отлично знаютъ всѣ политическія отношенія этого государства, и съ молодымъ англійскимъ инженернымъ офицеромъ, отправлявшимся по дипломатическимъ дѣламъ къ Абдъ-ель-Кадеру.

Обѣдъ былъ достоинъ консула Великобританіи. За обѣдомъ предсказывали, что Абдъ-ель-Кадеръ, потерявъ Константину и Маскару и преслѣдуемый четырьмя корпусами французовъ, долженъ будетъ удалиться къ марокской границѣ и что онъ своимъ вліяніемъ заставитъ и марокскаго императора принять участіе въ войнѣ противъ французовъ. Событія вполнѣ оправдали это предсказаніе. Не скрывали, что также англійское правительство тайно помогаетъ Эмиру, дозволяя своимъ фабрикантамъ продавать разное оружіе и амуницію Абдъ-ель-Кадеру и покровительствуя контрабанду, высылаемую въ Алжиръ.

Все это производилось въ Африкѣ въ то самое время, когда въ Парижѣ прославляли тѣсную дружбу между Англіею и Франціею.

Обѣдъ въ Тангерѣ окончился точно также, какъ оканчиваются вообще всѣ англійскіе обѣды, во всѣхъ странахъ свѣта. Въ странѣ прекрасной Дидоны и Энея, великаго Сципіона, Аннибала и Югурты — англичанинъ послѣ обѣда точно также покоится подъ тѣнью стола и ему снится, что онъ въ гостепріимномъ лагерѣ Абдъ-ель-Кадера.

КАВКАЗСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Служа на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, я въ 1842 году былъ воинскимъ начальникомъ Умаханъ-Юртовскаго укрѣпленія, гарнизонъ котораго состоялъ изъ одной роты. Время дѣлать было не съ кѣмъ и моимъ любимымъ пристанищемъ сдѣлалась крѣпостная вышка, съ вершины которой я любовался привлекательными окрестностями Умаханъ-Юрта: къ сѣверу и западу тянутся волнистыя цѣпи горъ, увѣнчанныя кудрявыми лѣсами; къ востоку, на ровномъ пространствѣ, тѣнистая роца, съ излучистой дорогой въ деревню Брагуны; а къ югу, у самыхъ ногъ, бушуетъ рѣка Сужна; за нею два чеченскихъ покорныхъ намъ аула: Умаханъ-Юртъ и Аласханъ-Юртъ; далѣе, разстилается узорчатымъ ковромъ раздольная Кумыкская степь, испещренная зеленью и цвѣтами...

Наконецъ и это наслажденіе наскучило мнѣ своимъ неизмѣннымъ однообразіемъ! Что жъ оставалось дѣлать? читать нечего, писать не для кого, а для себя весьма неутѣшительно. И я обратился къ послѣднему развлеченію: къ моимъ сосѣдямъ, жителямъ изъ ауловъ: Умаханъ-Юрта и Аласханъ-Юрта.

Почетнѣйшіе чеченцы стали посѣщать меня ежедневно. Бесѣдуя съ ними, чрезъ моего переводчика Дулу, я узнавалъ ихъ обычаи, нравы, повѣрья и легенды... Въ числѣ прибрѣтенныхъ мною кунаковъ, первое мѣсто занималъ 120-лѣтній старецъ Аласханъ; основатель и, можно сказать, родоначальникъ Аласханъ-Юртовскаго аула. Не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, онъ ходилъ довольно бодро, не терялъ зрѣнія и удержалъ въ памяти многія событія и народныя легенды, современные его молодости. Въ разговорахъ со мною, Аласханъ любилъ часто повторять имена блаженной памяти Императрицъ: Анны Іоанновны и Екатерины II, и такіе случаи, которые могли доказывать его глубокую старость. «Я былъ уже десяти-лѣтнимъ мальчикомъ, говаривалъ онъ, умѣлъ стрѣлять изъ лука и пистолета, когда русская Царица Анна Іоанновна, благоволила принять въ свое подданство князей кабардинскихъ. Я былъ лихимъ наѣздникомъ-джигитомъ, когда персидскій шахъ Надиръ разорялъ жителей Дагестана. Когда-же Екатерина Великая вступила на русскій престолъ, я управлялъ уже большимъ ауломъ на Мичикѣ, имѣлъ трехъ женъ и девять взрослыхъ сыновей. Въ это время милосердная царица даровала большія милости и льготы Кумыкамъ, среди которыхъ я имѣлъ много искреннихъ друзей...

По ихъ совѣту, Аласханъ принесъ покорность русскому правительству, вывелъ съ собою на Кумыкскую землю 97 чеченскихъ семействъ и основалъ на настоящемъ мѣстѣ аулъ, названный по его имени Аласханъ-Юртомъ. Этотъ почтенный старецъ искренно полюбилъ меня, каждый вечеръ просиживалъ въ моей комнатѣ по нѣскольکو часовъ и доставлялъ мнѣ истинное наслажденіе разказами о старинѣ, о нравахъ и обычаяхъ своихъ одноплеменниковъ, о подвигахъ чеченскихъ и горскихъ наѣздниковъ. Я обращался къ Аласхану съ различными вопросами, и онъ всегда и на все отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и объяснялъ съ большими подробностями.

— Скажи мнѣ, почтенный Аласханъ, спросилъ я его однажды, не знаешь ли ты, откуда взялись окаменѣлыя трупы мужчины, женщины, собаки и зайца, которые находятся и понынѣ близъ Назрановскаго аула?

— Какъ не знать! отвѣчалъ онъ, это очень любопытная исторія!

— Ты очень одолжишь меня, если не откажешься разказать съ подробностію всѣ обстоятельства, относящіяся до этихъ труповъ.

— Изволь! И онъ началъ слѣдующее:

Исторія, которую стану разказывать, случилась давнымъ давно не за мою память и даже не за память моего дѣда, который по волѣ Аллаха, также какъ и я, прожилъ болѣе ста лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, и который разказывалъ мнѣ эту исторію, какъ преданіе старины.

Въ Закубанскихъ горахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега

Чернаго моря, жилъ страшный уздень Абдуль-Гирей. Онъ имѣлъ несмѣтные сокровища, добытыя имъ въ молодости отважными набѣгами въ Задонскіе предѣлы, а подъ старость увеличенныя торговлею невольницами, которыхъ онъ похищаль силою, хитростію, или обманомъ у сосѣднихъ племенъ, и продавалъ турецкимъ барышникамъ за дорогую цѣну. Золото пріобрѣтало Абдуль-Гирею много приверженцевъ, готовыхъ идти на явную смерть, по одному его слову, и поэтому всѣ сосѣди, даже отдаленные народы, трепетали грознаго узденя, оказывали ему почтеніе и рабски выполняли каждое его требованіе.

Наперсники Абдуль-Гирей развѣзжали по ауламъ, высматривали дѣвушекъ и доносили ему о тѣхъ, которыхъ красота заслуживала особеннаго вниманія; Абдуль-Гирей тотчасъ же вызывалъ къ себѣ отца или брата красавицы и предлагалъ имъ деньги за дочь или сестру, и горе тому, кто осмѣливался отказать страшному узденю въ продажѣ своей кровной: тотъ не возвращался уже къ домашнимъ онъ умиралъ отъ рукъ подкупленныхъ злодѣевъ, а красавица силою похищалась изъ родительской сакли.

Абдуль-Гирей имѣлъ одного сына, Качкара, который ни въ чемъ не былъ похожъ на отца своего. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ въ немъ обнаруживались всѣ хорошія качества: доброе сердце, миролюбивый нравъ, искреннее участіе въ судьбѣ ближнихъ, сострадательность къ несчастнымъ и ненависть къ корыстолюбію, которое доводило отца его до злодѣяній.

Однакожъ Абдуль-Гирей, неспособный любить никого и ничего на свѣтѣ, кромѣ богатства и ложныхъ почестей, любилъ своего сына, хотя замѣчалъ въ немъ наклонности къ добродѣтелямъ, которыя совсѣмъ не согласовались съ звѣрскими его правилами; но Абдуль-Гирей твердо былъ увѣренъ, что со временемъ передѣлаетъ на свой ладъ нравъ молодаго и неопытнаго юноши.

Но вѣрно Аллахъ берегъ избранную имъ душу отъ человѣческихъ ухищреній, а по этому злые совѣты и варварскіе примѣры отца и его сообщниковъ, не могли совратить съ истиннаго пути добраго Качкара. Убѣдившись въ этомъ, Абдуль-Гирей рѣшился употребить хитрость, внушенную ему однимъ изъ коварнѣйшихъ его совѣтниковъ, Давлетомъ. (Давлетъ былъ наставникъ Качкара.)

— Я истощилъ весь мой умъ, все мое искусство, говорилъ Давлетъ Абдуль-Гирею, чтобы сдѣлать твоего сына достойнымъ могущественнаго и мудраго отца; но Качкаръ непоколебимъ въ своихъ превратныхъ понятіяхъ! Онъ считаетъ убійство какого нибудь ничтожнаго раба, даже гяура, — страшнымъ злодѣяніемъ! Пріобрѣтенныя тобою съ опасностію жизни, сокровища — называетъ чужимъ добромъ. Женщинъ признаетъ за такихъ-же людей, какъ онъ самъ! А на продажу невольницъ смотритъ, какъ на безчеловѣчную жестокость... Совѣты и угрозы не дѣйствуютъ на твоего сына, и для его исправленія, я предвижу одно только средство....

— Объясни мнѣ это средство, любезный Давлетъ! и если оно по-

ведеть насъ къ желанной цѣли, я озолочу тебя! сказалъ Абдуль-Гирей, съ особеннымъ жаромъ.

— Средство, повидимому простое, но болѣе вѣрное, нежели все предпринятое нами до настоящаго времени! Намъ должно уладить такъ, чтобы Качкаръ влюбился въ какую-нибудь дѣвушку; потомъ отнять у него возможность и всякую надежду завладѣть предметомъ его любви, пока онъ не выполнитъ, по-крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ твоихъ порученій. И вѣрь мнѣ, знаменитый мой господинъ, что любовь сдѣлаеть въ короткое время то, чего мы не могли уладить стараніями многихъ лѣтъ. Для достиженія своей цѣли, Качкаръ на все рѣшится.

— Я не могу понять, что ведеть тебя къ такому заключенію, возразилъ Абдуль-Гирей, но, зная твой умъ и опытность, готовъ испытать предлагаемый тобою способъ, тѣмъ болѣе, что достиженіе къ нему весьма незатруднительно: ты знаешь черкеса Керима, который славится въ горахъ красотою дочери своей Фатьмы? Сынъ мой, нѣсколько мѣсяцевъ тому, просилъ у меня позволенія на ней жениться. Я никогда не согласился бы смѣшать кровь могущественнаго узденя съ нечистою кровью ничтожнаго нукера. Но допустить любовь моего сына къ Фатьмѣ, съ цѣлью его исправленія, я согласенъ... Такъ приступимъ-же къ этому безъ отлагательства.

Тутъ узденъ захопалъ въ ладоши. Вошелъ рабъ, и Абдуль-Гирей приказалъ ему позвать къ себѣ Качкара.

Качкаръ былъ мужчина лѣтъ 22-хъ, стройный, высокаго роста, съ выразительнымъ азіатскимъ лицомъ, въ чертахъ котораго отражались доброта души и твердость характера... Въ аулѣ, гдѣ жилъ отецъ Фатьмы, жили также родители Качкаровой матери, которыхъ онъ навѣщалъ очень часто; тамъ Качкаръ встрѣтился съ Фатьмою, имѣлъ случай съ нею бесѣдовать и они пламенно полюбили другъ друга. Но вскорѣ Абдуль-Гирей узналъ объ этой страсти, и жестокой не только отнялъ у сына надежду на соединеніе съ Фатьмою, но даже запретилъ ему посѣщать ея родителей.

Съ этого времени Качкаръ, убитый горестію, рѣдко являлся въ отцовской саклѣ; онъ даже удалялся отъ взоровъ людей, и съ утра до ночи блуждалъ по окрестнымъ лѣсамъ, или сиживалъ на вершинѣ дикой скалы, повисшей надъ пучинами Чернаго моря. На этотъ разъ посланный рабъ нашелъ Качкара не въ дальномъ разстояніи отъ дома.

Зачѣмъ зоветъ меня отецъ? думалъ Качкаръ, приближаясь медленными шагами къ саклѣ, гдѣ сидѣлъ Абдуль-Гирей, въ ожиданіи своего сына. Качкаръ не могъ надѣяться ничего утѣшительнаго отъ человѣка, который разрушилъ сладкія его грезы, рисовавшія воображенію влюбеннаго восхитительную будущность.

Качкаръ робко перешагнувъ порогъ сакли, и, съ поникшей головою, приблизился къ отцу, который сидѣлъ на богатомъ персидскомъ коврѣ, опираясь на большой узелъ, набитый дорогими тканями.

— Гдѣ ты попадаешь? спросилъ его Абдуль-Гирей, ласковымъ тономъ и съ привѣтливой улыбкою. Ты, кажется, не любишь меня, тогда

какъ я днемъ и ночью думаю только о твоёмъ счастьи; увѣряю тебя любезный сынъ, что нѣтъ въ мірѣ сокровища, въ которомъ бы я могъ отказать тебѣ: ты даже не въ силахъ придумать такой просьбы, которую бы я не согласился удовлетворить безпрекословно... Испытай, Качкаръ! скажи откровенно: чего ты хочешь?

Качкаръ никогда не слышалъ и не ожидалъ отъ отца такой благосклонности; онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ къ нему ни малѣйшей просьбы и не находитъ въ душѣ своей никакихъ желаній.

— Ты меня обманываешь, Качкаръ! или боишься быть откровеннымъ? но я прощаю тебя! И вмѣсто моего гнѣва, который ты вполне заслуживаешь, заплачу тебѣ великодушіемъ. Возьми этотъ узелъ: въ немъ найдешь свитки шелковыхъ матерій и дорогихъ турецкихъ шалей; они назначены мною въ подарокъ твоей невѣстѣ Фатъмѣ; а въ этомъ кошелкѣ 300 червонцевъ, продолжалъ Абдуль-Гирей, подавая кошелекъ сыну,—золото отдай Кериму въ задатокъ калыма, который я намѣренъ увеличить вчетверо.

Сердце Качкара запылало отъ неожиданной радости, изъ глазъ его брызнули слезы восторга и онъ, съ неизъяснимымъ чувствомъ признательности, бросился къ ногамъ Абдуль-Гирея, обнявъ его колѣна, цѣловалъ руки и ноги, и, съ чистымъ раскаяніемъ, просилъ прощенія за оказанную имъ недовѣрчивость къ доброму отцу своему.

— Встань, мой сынъ! сказалъ Абдуль-Гирей, приподнимая Качкара, не теряя драгоцѣннаго для тебя времени, возьми лучшаго коня моего и спѣши обрадовать твою Фатмю, мучительное нетерпѣніе которой видѣть тебя вѣрно равняется съ тоскою собственной души твоей. Скажи своей невѣстѣ, что я уже люблю ее, какъ родную дочь. Ваша свадьба не можетъ быть ранѣе мѣсяца, потому что я долженъ отлучиться изъ дому по важному дѣлу, а по возвращеніи стану готовить все нужное для великолѣпной вашей свадьбы; а до тѣхъ поръ я позволяю тебѣ пробыть въ домѣ родителей твоей матери, гдѣ ты всякій часъ можешь видѣться съ своею невѣстой.

Не прошло десяти минутъ, какъ Качкаръ летѣлъ уже на лихомъ конѣ по дорогѣ къ аулу, въ которомъ жила прелестная Фатма. Лицо его пылало отъ восторга и сердце рвалось изъ груди, желая опередить быстрый бѣгъ скакуна, способнаго поспорить съ полетомъ птицы. Ни крутизна горъ, ни глубокіе овраги не поставляли препятствій для нашего всадника. Вотъ уже онъ на послѣдней высотѣ, съ которой открывался взору аулъ Керима: Качкаръ видитъ и саклю своей невѣсты; но все ему кажется, что вспѣнный конь его несется не такъ быстро, какъ бы ему хотѣлось. Но вотъ онъ остановился у сакли своего дѣда: всѣ родные выскочили къ нему на встрѣчу, забросали вопросами, желая узнать о причинѣ необыкновенной поспѣшности, замѣченной ими издали, когда Качкаръ несся стрѣлою съ горы и по длинной улицѣ ихъ аула. Безъ привѣта и отвѣта оставилъ Качкаръ своихъ родственниковъ. Онъ быстрѣе молніи бросился къ сосѣдней саклѣ; тамъ жила его любезная...

Керимъ, разумѣется съ большою радостію принялъ золото и лестное

предложеніе: онъ считалъ за неожиданную, великую для себя честь видѣть дочь свою женою сына, извѣстнаго по богатству и силѣ, Абдуль-Гирея. А потому, не смотря на строгость черкесскихъ правилъ, дозволилъ Фатьмѣ проводить цѣлые дни съ женихомъ своимъ.

Пусть же они наслаждаются своимъ счастьемъ, а мы, между тѣмъ возвратимся, къ Абдуль-Гирею.

Жестокій уздень, проводивъ Качкара, позвалъ къ себѣ любимаго своего наперстника, сидѣвшаго во все время за тонкой перегородкой.

— Ну, что мой другъ! сказалъ онъ вошедшему Давлету. Я кажется устроилъ дѣло, какъ нельзя лучше? теперь мой сынъ привяжется къ Фатьмѣ всѣмъ своимъ существованіемъ....

— Ты истинный мудрецъ! отвѣчалъ коварный совѣтникъ — теперь Качваръ въ нашихъ рукахъ! Пусть онъ потѣшится съ мѣсяцъ возлѣ своей красавицы, а потомъ мы вызодемъ его подъ предлогомъ важнаго дѣла, и ты увидишь онъ безпрекословно сдѣлаетъ нѣсколько молодецкихъ грабежей и похищеній, по первому твоему требованію, только скажи, что срокъ свадьбы его съ Фатьмою будетъ зависѣть отъ исполненія твоихъ приказаній!

Послѣ такого варварскаго совѣщанія потекло время въ домѣ Абдуль-Гирея обычной чередою. Онъ скупалъ и похищалъ черкесскихъ дѣвушекъ, содержалъ ихъ, какъ въ могилѣ, въ обширномъ подвалѣ, устроенномъ подъ его саклею, гдѣ томились несчастныя до пріѣзда турецкихъ купцовъ, которыхъ, впрочемъ, ожидалъ Абдуль-Гирей со дня на день.

И вотъ турецкое судно пристало къ берегу; купцы не замедлили явиться въ саклѣ страшнаго узденя. Они привезли мѣшки съ золотомъ; высыпали его у ногъ жаднаго хозяина и объявили, что все это сокровище будетъ принадлежать ему, если онъ достанетъ для нихъ дочь черкеса Керима, прелестную Фатьму. Теперь, говорили купцы, Фатьма достигла семнадцати-лѣтняго возраста и достойна украсить самый знатный сераль

Абдуль-Гирей нахмурилъ брови и не отвѣчалъ ни слова.... Купцы продолжали: Мы увѣрили своихъ соотечественниковъ, что нѣтъ на свѣтѣ красавицы прекраснѣе черкешенки Фатьмы, но что никто не можетъ достать ее, кромѣ знаменитаго узденя Абдуль-Гирея, и турецкіе вельможи послали насъ къ тебѣ, съ этимъ золотомъ, съ богатыми дарами, которыми наполненъ корабль нашъ.

На какое пожертвованіе не рѣшится человѣкъ, до того жадный къ богатству и честолюбивый, какъ Абдуль-Гирей? Глядя на разсыпанную у ногъ своихъ груды золота и слыша обольстительныя обѣщанія подарковъ и почестей, Абдуль-Гирей, по окончаніи льстивой рѣчи, ни на минуту не задумался объ участи сына, изъ объятій котораго долженъ былъ вырвать любимую имъ Фатьму. Онъ только спросилъ: не могутъ ли купцы подождать требуемой ими жертвы, хотя единъ мѣсяцъ?

— Нѣтъ! отвѣчали торгующіе невольницами: если ты не можешь доставить намъ Фатьму въ двое сутокъ, то мы сейчасъ же должны отправиться въ одно мѣсто, гдѣ имѣемъ въ виду другую красавицу.

Этого было достаточно для ужаснаго узденя!... И участь Фатьмы рѣшена заключеніемъ формальнаго договора!

Въ тотъ же день Абдуль-Гирей отправилъ Давлета къ сыну, съ приказаніемъ, чтобы Качкаръ съ невѣстою и съ ея родственниками приѣхалъ въ домъ родительскій, гдѣ должна немедленно совершиться ихъ свадьба, потому, будто бы, что Абдуль-Гирей, по важнымъ, встрѣтившимся обстоятельствамъ, обязанъ чрезъ день выѣхать въ дальній путь и на весьма долгое время.

По полученіи такого извѣстія, которое обрадовало до крайности Качкару и Фатьму, молодые, съ родственниками невѣсты, поспѣшно выѣхали, безъ особенныхъ приготовленій. Давлетъ, для сокращенія пути, повелъ ихъ глухою, ему только извѣстною, дорогой, чрезъ узкое ущелье... Тамъ была уже приготовлена скрытая засада.... Въ самомъ тѣсномъ и мрачномъ мѣстѣ, человекъ двадцать подкупленныхъ убійцъ внезапно напали на небольшой поѣздъ Керима. Онъ и его родные, въ мгновеніе ока, были поражены кинжалами. Качкаръ, связанный, брошенъ въ одну арбу изъ этого поѣзда. Фатьма, упавшая въ обморокъ при видѣ страшнаго зрѣлища, схвачена Давлетомъ, который, перекинувъ дѣвушку поперегъ лошади, понесся съ нею, какъ стрѣла, по ущелью. Убійцы остались при арбѣ, въ которой лежалъ связанный Качкаръ и, по приказанію Давлета, медленно подвигались по направленію къ аулу Абдуль-Гирея.

Было уже за полночь, когда разбойники привезли Качкара къ родительскому дому. Абдуль-Гирей встрѣтилъ ихъ у воротъ и первымъ его вопросомъ было: Гдѣ Фатьма?

— Какъ! закричали въ одинъ голосъ черкесы, провожавшіе Качкара, развѣ Фатьму не привезъ Давлетъ? Онъ поскакалъ съ нею во всю конскую скачъ и, по малой мѣрѣ, еще на зарѣ долженъ былъ сложить ее у ногъ твоихъ?

Такая неожиданная вѣсть, какъ громомъ, поразила Абдуль-Гирея! Онъ тотчасъ же отправилъ двадцать всадниковъ на розыски по всѣмъ направленіямъ, а Качкаръ, связанный, былъ брошенъ въ пустую саклю. Отъ страшной душевной тревоги отецъ даже не взглянулъ на сына и не позаботился приставить къ нему караульнаго.

Качкаръ былъ убѣжденъ, что злодѣйство совершено измѣною Давлета, безъ всякаго участія со стороны отца; но вотъ онъ услышалъ крикъ Абдуль-Гирея, потрясавшій воздухъ: Злодѣй Давлетъ! ты измѣнилъ мнѣ! Ты болѣе, нежели убилъ меня! Ты лишилъ меня сокровищъ, знатности! Ты на всю жизнь осрамилъ мою голову! — Что я скажу турецкимъ купцамъ, отъ которыхъ получилъ уже задатокъ, за проданную мною Фатьму? Если отыщутъ тебя, о! я вышью по каплѣ нечестивую кровь твою!

Долго еще раздавался грозный и вмѣстѣ отчаянный голосъ Абдуль-Гирея; но Качкаръ ничего уже не слышалъ. Онъ понялъ злодѣйскій поступокъ изверга. Онъ теперь почти радовался, что Фатьма находится въ рукахъ Давлета; какая-то необъяснимая надежда проблеснула въ сердцѣ юноши.... Онъ попробовалъ развязаться и, послѣ долгихъ

усилій, это удалось ему. Тогда Качкаръ поднялся на ноги, выломалъ рѣшетчатое окно; однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ сакли, и первый предметъ, попавшійся Качкару, была вѣрная его собака.... Онъ бѣжитъ по направленію, откуда былъ привезенъ связанный, и собака не отстаетъ отъ него.

Отдалившись на большое уже разстояніе отъ аула, Качкаръ замѣтилъ, что сбился съ дороги, и принужденъ былъ остановиться, чтобы обдумать, куда онъ долженъ направиться для отысканія Фатмы. Вдругъ собака беретъ зубами полу его чухи и, съ визгомъ, понуждаетъ идти за нею. Зная вѣрное чутье своей спутницы, Качкаръ слѣдуетъ за собакой, держа въ готовности острый кинжалъ свой. Вотъ послышался шорохъ.... Вотъ отозвался въ ухахъ несчастнаго юноши тихій шопоть... онъ напрягаетъ весь свой слухъ... шопоть повторяется... а собака, покинувши полу хозяина, осторожно подбѣжала къ одной пещерѣ и, возвратившись, снова тащить его впередъ; но Качкаръ, по причинѣ ночной темноты, оступился въ небольшую яму. Стукъ отъ паденія вызвалъ изъ пещеры, скрывавшагося въ ней челоуѣка... Раздался ружейный выстрѣлъ и пуля пролетѣла возлѣ самой головы Качкара... Опасаясь вторичнаго нападенія — онъ, съ проворствомъ тигра, нападаетъ на неизвѣстнаго врага, вонзаетъ въ грудь длинный кинжалъ свой и противникъ падаетъ у входа пещеры! Качкаръ узнаетъ въ немъ Давлета, вбѣгаетъ во внутренность пещеры и, о радость!.. въ ней находитъ свою любезную.... Восхищенные любовники бросились въ объятія другъ друга. Качкаръ разсказалъ Фатмѣ въ короткихъ словахъ о варварскомъ замыслѣ отца своего и о томъ, что двадцать всадниковъ отыскиваютъ ее по всѣмъ направленіямъ.... медлить было неблагоприятно и они, пользуясь темнотою ночи, отправились, въ сопровожденіи умной и вѣрной собаки, отыскивать путь для избѣжанія преслѣдователей... Скрываясь при дневномъ свѣтѣ въ густыхъ лѣсахъ, или въ мрачныхъ пещерахъ, имъ удалось на пятую ночь пройти благополучно за Кубань, по мелкому броду, который указалъ имъ вѣроятно, самъ Аллахъ.

Черезъ нѣсколько времени, эта дружная чета появилась въ нашихъ предѣлахъ; съ той поры въ Чечнѣ, въ Ингушевскомъ народѣ и въ горахъ Дагестандскихъ, часто видѣли ихъ. Но никто не зналъ, кто они и откуда пришли. Собака повсюду сопровождала этихъ странниковъ. Темный дремучій лѣсъ или пещеры горъ — составляли для нихъ единственные убѣжища. Къ челоуѣческимъ жилищамъ они никогда не приближались и ни у кого не просили пищи, или какой либо помощи. Ловля птицъ и звѣрей составляла для скитальцевъ единственное средство къ пропитанію.

Народная молва объ этихъ таинственныхъ людяхъ прославляла ихъ кротость, смиреніе, великодушіе и многія другія высокія добродѣтели.

Въ одно время, какіе-то охотники набрали на пещеру, неизвѣстно кѣмъ вырытую—на полугорѣ, близъ Назрановскаго аула—и нашли въ ней два трупа, охладѣвшіе въ объятіяхъ другъ друга; а у ногъ ихъ лежащую мертвую собаку, державшую въ зубахъ задушеннаго зайца.

Въ этихъ трупахъ охотники узнали описанныхъ мною странниковъ...

Спустя лѣтъ десять послѣ смерти невѣдомыхъ, возлѣ ихъ пещеры, постоянно стали видѣть сѣдаго старца, проливавшаго неутѣшныя слезы. Это былъ Давлетъ!... Онъ не умеръ отъ нанесенной ему раны Качкаромъ, раскаялся, въ послѣдствіи, въ своихъ злодѣяніяхъ и, бросивъ родину, отправился отыскивать обиженную имъ чету, чтобъ испросить у нихъ прощеніе.

Будучи въ Чечнѣ, онъ услышалъ отъ туземцевъ о трупахъ, лежащихъ близъ Назрана; пришелъ туда и узналъ въ нихъ свои жертвы. Съ этихъ поръ Давлетъ, до самой смерти, не отходилъ уже болѣе отъ завѣтной пещеры; тамъ онъ проводилъ дни и ночи въ непрерывной молитвѣ и всѣмъ приходящимъ рассказывалъ чисто-сердечно описанную здѣсь исторію, присоединяя къ тому, что страшный уздень Абдуль-Гирей жестоко наказанъ за свои тяжкіе грѣхи. Въ одну ночь внезапный пожаръ истребилъ все его строеніа, а съ ними и сокровища, накопленные посредствомъ ужасныхъ злодѣяній. Такая неожиданная потеря всего состоянія помрачила умъ корыстолюбива, и онъ бросился въ морскую пучину, съ вершины той скалы, гдѣ Качкаръ проводилъ нѣкогда горестные часы своей печальной юности.

(Г. В.)

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Поле битвы при Маренго. — Жіовани Делава, купецъ изъ Алесандріи, которому принадлежитъ загородный домикъ на Маренгскомъ полѣ, (знаменитый тѣмъ, что Наполеонъ отдыхалъ въ немъ послѣ битвы и писалъ письмо къ Австрійскому Императору), придумалъ новую спекуляцію съ своимъ маленькимъ историческимъ памятникомъ. Онъ расширилъ домикъ, придавъ ему видъ паллацо, обстроилъ его великолѣпно, не касаясь однако прежняго помѣщенія. Передъ этимъ домомъ, на широкой площадкѣ, поставленъ огромный пьедесталъ изъ гранита, на которомъ возвышается мраморная статуя побѣдителя, въ колоссальныхъ размѣрахъ. Наполеонъ представленъ въ юношескомъ видѣ и въ мундирѣ, который онъ еще носилъ во время сраженія при Маренго. Статуя эта работы Качіаторе, миланскаго художника и дѣлана имъ по заказу Делава за 60,000 франковъ (15,000 руб. сер.). Самыя пристройки къ дому служатъ историческимъ музеумомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Пантеономъ всѣхъ славныхъ дѣлъ и знаменитыхъ людей царствованія Наполеона. При входѣ въ галлерею изображены *al fresco*, во весь ростъ, маршалы Сульть, Сен-Сиръ, Викторъ, Массена, Ланнъ и Мармонъ. Въ двухъ нишахъ поставлены бю-

сты Бертье и Бесьера. Большая зала перваго этажа называется *Наполеоновскою*: это музей всѣхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ Маренгской битвѣ. Стѣны ея покрыты оружіями и мундирами разныхъ войскъ, какъ французскими, такъ и австрійскими. Пушки, ядра, всѣхъ калибровъ, выкопанныя на полѣ битвы, въ томъ числѣ и одна еще начиненная бомба, барабаны, знамена, значки и другіе воинскіе трофеи придаютъ этой залѣ видъ настоящаго арсенала. Тутъ-же поставлена копія съ монумента, воздвигнутаго въ Парижѣ, убитому при Маренго, генералу Дессе. Передъ главнымъ окномъ залы стоятъ: столъ, на которомъ писалъ Наполеонъ, и кресло, на которомъ онъ сидѣлъ. Чернилица его сохраняется подъ стекломъ, какъ историческая достопамятность. На столѣ разложены медали и жетоны, которые, по приказанію Наполеона, были выбиты въ память битвы при Маренго, съ надписью: — *и Eridanie*». — Эриданіей въ то время итальянцы и французы называли Сѣверную Италію. На томъ-же столѣ раскрытъ роскошный альбомъ, въ которомъ знаменитые посѣтители вписываютъ свои имена и впечатлѣнія.

Въ 1847 году, когда устройство зданія приходило только къ окончанію, его посѣтилъ нынѣшній президентъ Французской Республики Луи-Наполеонъ. Онъ первый записалъ свое имя въ альбомъ.

Делаво, кромѣ своего энтузіазма къ Наполеону, былъ отчасти побуждаемъ къ этому сооруженію и корыстными видами: всѣ путешественники, проѣзжающіе Италію, непременно посѣщаютъ его домъ и — какъ водится — *платятъ за входъ*, что приноситъ очень хорошіе проценты на потраченную сумму.

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи миѣ: что такое слава?

Генераль Пьерсъ, — какъ извѣстно, нынѣ кандидатъ на мѣсто президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ пользуется въ своемъ отечествѣ огромною народностію и дѣйствительно заслужилъ ее своими подвигами и характеромъ. Здѣсь очень кстати разсказать одну черту его, которая вполне рисуется челоуѣка.

Во время блокады Техаса, столицы Мехики, генераль Пьерсъ, обративъ въ бѣгство непріятельскія войска, спѣшилъ къ западнымъ воротамъ города, чтобы выручить генерала Персифера Шмидта, который былъ страшно тѣснимъ превышающими силами мексиканцевъ. Шмидтъ былъ по чину моложе Пьерса, стало-быть, при соединеніи ихъ, главное начальствованіе переходило на сторону послѣдняго. Пьерсъ подскочилъ къ Шмидту и между ними завязался слѣдующій лаконическій разговоръ:

Пьерсъ. Генераль, что могу я для васъ сдѣлать?

Шмидтъ. Командовать.

Пьерсъ. У васъ есть планъ дѣйствій?

Шмидтъ. Былъ, но теперь я долженъ только выполнять ваши приказанія.

Пьерсъ. Такъ я вамъ приказываю—дѣйствовать по вашему плану и назначить мѣсто, гдѣ я могу быть полезенъ. Я вамъ докажу, что такъ же хорошо могу сражаться подъ вашимъ начальствомъ, какъ вы сражались подъ моимъ.

Шмидтъ. Такъ ударьте на правый флангъ и отбейте непріятеля.

Пьерсъ (командуя своимъ отрядамъ). На-право, во флангъ, живо, маршъ!

Знаменитый англійскій полководецъ, герцогъ Веллингтонъ, бывшій русскій генераль-фельдмаршалъ, такъ прославившійся въ войну освобожденія Европы отъ ига французовъ, скончался 14-го Сентября, въ Лондонѣ, въ глубокой старости, (83-хъ лѣтъ.) Онъ родился 1-го мая 1769 года, столь плодовитого великими людьми, (въ томъ-же году родились Наполеонъ, Александръ Гумбольтъ и др.). Веллингтонъ приобрѣлъ въ Англїи такую народность, какою до него еще никто не пользовался, и вѣроятно небывало еще полководца, который бы въ такой степени былъ осыпанъ почестями и богатствами, какъ онъ. За взятіе Куидадь-Родриго онъ былъ возведенъ въ достоинство графа Испанїи и герцога Куидадь-Родригскаго; за побѣду при Саламанкѣ-Англїя поднесла ему въ даръ 100,000 фунтовъ стерлинговъ (600,000 руб. сер.); по прибытіи его въ 1814 году въ Лондонъ, Парламентъ опредѣлилъ выдать ему 300,000 фунтовъ (1,800,000) р. с.) на покупку имѣнія; король Португалскій прислалъ ему титулъ герцога Витторїа и серебряный столовый сервизъ, цѣною въ миллионъ шіастровъ. Подобныя же подарки получилъ онъ и отъ другихъ коронованныхъ главъ. Голландїя поднесла ему титулъ Князя Ватерлоскаго. Онъ былъ англійскій, португалскій, испанскій, нидерландскій, австрійскій, русскій и прусскій генераль-фельдмаршалъ, и отъ всѣхъ этихъ державъ получалъ присвоенное этому званію содержаніе. Онъ имѣлъ значительныя владѣнія въ Испанїи, а разныя занимаемыя имъ въ Англїи должности и званія, приносили ему ежегодно громадный доходъ, такъ, что онъ оставляетъ теперь сыну своему почти баснословное состояніе. Кромѣ того, еще при жизни герцога, почти вся Англїя была покрыта памятниками въ честь его. Домъ его, находится близъ Гайдпарка: если онъ смотрѣлъ изъ окна на западъ — то передъ нимъ открывалась колоссальная статуя, въ которой онъ былъ представленъ въ видѣ Ахиллеса; этотъ памятникъ соорудили ему въ Гайдъ-паркѣ англійскія дамы. Если онъ смотрѣлъ на югъ, то передъ самыми его окнами, надъ триумфальной аркою, онъ видѣлъ себя опять верхомъ на лошади. Прїѣзжалъ-ли онъ въ Сити — и тамъ на лучшемъ мѣстѣ, передъ биржею, онъ опять встрѣчался съ огромнымъ бронзовымъ своимъ двойникомъ. Памятники, воздвигнутые въ честь ему въ провинціяхъ — неисчислимы. Герцогъ Веллингтонъ имѣлъ первыя степени всѣхъ европейскихъ императорскихъ и королевскихъ орденовъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Къ читателямъ. — Несбывшаяся мечта корреспондента и какихъ результатовъ былъ-бы вправѣ ожидать читатель, еслибъ эта мечта сбылась? — Почему не было «Вѣстника» въ двухъ книжкахъ «Пантеона»? — Просьба о снисходительности. — Июнь, июль и августъ — дачные мѣсяцы. — Гр. В. А. Соллогубъ о петербургскихъ дачахъ. — Московскія дачи: кто живетъ на дачѣ; гдѣ какія дачи; комфортъ; удобства переѣзда; удовольствія. — Общественныя удовольствія трехъ прошлыхъ мѣсяцевъ: Тиволи, дачи г-жи Бурдиной, и проч.; публика въ отношеніи къ удовольствіямъ; гулянья общія и престолярскія; скачки и бѣги. — Новости искусствъ и литературы: о кончинѣ М. Н. Загоскина — Бюстъ Гоголя г. Рамазанова, и работы его учениковъ. — «Географическій Сборникъ» г. Фролова. — «Записки Охотника» г. Тургенева. — «Большая барыня», г. Вонлярлярскаго. — «Московскія Вѣдомости»; ихъ петербургскій корреспондентъ. — Шесть книжекъ «Москвитянина».

Postscriptum.

Здравствуйте, благосклонный читатель; здравствуйте, прекрасная читательница! Гдѣ-то застанетъ васъ эта страничка! Гдѣ-то и какъ-то провели вы время разлуки съ «Московскимъ Вѣстникомъ» — всю ту неопредѣленную у насъ пору, которую календарямъ, лексиконамъ и метеорологамъ, на переборъ природѣ, благоугодно было такъ-таки просто назвать лѣтомъ?

Что касается до меня, сознаюсь, я прощался съ вами въ надеждѣ проститься мѣсяца на-два, на-три и съ Москвою. Давнишній и соскучившійся фланеръ, я мечталъ отдохнуть отъ томительнаго однообразія городской жизни, которая здѣсь, вы знаете, монотонна, какъ самая модная повѣсть, какъ самый великолѣпный монологъ самой великолѣпной французской трагедіи... Я думалъ, хоть на время, прервать нескончаемую нить того полу-занятія, полу-бездѣлья, которое, по инымъ, отъ похода Аргонавтовъ, по другимъ, отъ изобрѣтенія пороха, а по третьимъ, отъ созданія перваго фельетона, составляетъ обыденную пищу и чуть-ли не первое условіе существованія такихъ млекопитающихъ, какъ вашъ покорный слуга. Я думалъ прервать это вѣчное поглощеніе всего, что только производится подъ фирмою «печатная новость»; это вѣчное сидѣніе въ театрѣ и глядѣніе на холодные поцѣлуи, равнодушныя рукопожатія, граціозныя обмороки, наизусть читаемыя письма, не-

ловкіе пируэты и заученныя улыбки; это вѣчное глазѣнье передъ магазинами, съ отличными окнами, которыхъ, я увѣренъ, и слѣпорожденный не можетъ вообразить себѣ иначе, какъ съ выглядывающими оттуда эстампами женскихъ головокъ, статуэтками и огромной собаки Сен-Бернара, — или съ галстуками, тросточками, хлыстиками и фуражками. Думалъ я прервать, это постоянное глотаніе уличной пыли; вѣчное слушаніе городскихъ шарманокъ, загородныхъ менестрелей, шума колесъ и криковъ разнощиковъ; это вѣчное объядѣніе по клубамъ, ресторанамъ и въ гостяхъ; вѣчное званіе въ маскарадахъ и другихъ общественныхъ и необщественныхъ собраніяхъ, — это слушанье приторныхъ любезностей и стереотипныхъ комплиментовъ!.. Какъ ни пріятно и полезно все это, какъ ни могущественна, кромѣ того, сила привычки, но, согласитесь, можно однакожь иногда пожелать и переменъ. Позволительно даже, мнѣ кажется, по свойству человѣческой природы, броситься въ совершенно противоположную крайность: искать самаго отчаяннаго уединенія, глуши, которая въ своемъ идеалѣ, быть-можетъ, и не существуетъ нынче въ чертѣ болѣе или менѣе образованнаго свѣта, — глуши, куда не проникала-бы ни одна печатная строка, гдѣ не слышался-бы ни одинъ звукъ, кромѣ воя вѣтра, шелеста листьевъ, плеска волны, пѣнія птицъ и жужжанья насѣкомыхъ, — гдѣ не представлялось-бы никакихъ картинъ, кромѣ тѣхъ, надъ которыми трудилась мать-природа! Такой-то юдоли, такой новой Аркадіи, ужасно хотѣлось мнѣ по-крайней-мѣрѣ. Душа моя рвалась къ тебѣ, невѣдомый эдемъ, дитя моей больной фантазіи! Гдѣ-бы успокоились вѣчно напряженныя чувства, и нервы, переставши, наконецъ, дрожать, замерли, какъ звукъ въ безвоздушномъ пространствѣ... Съ какимъ наслажденіемъ предался-бы я тамъ самому безбрежному, самому упоительному, самому спокойному созерцанію!

«Съ этимъ вѣчнымъ міромъ,
Образомъ всевѣчной
Некрушимой мысли»

слился-бы я весь, какъ капля воды, упавшая въ сосудъ съ водою... Я отрѣшился-бы безусловно отъ всего того, что каждый изъ насъ *здѣсь* называетъ своими интересами, потерялъ-бы способность воспоминанія, не думалъ-бы о будущемъ, до такой степени, что... что... что не имѣлъ-бы даже силы, подобно одному герою современной фельетонистики, удалявшемуся на четыре недѣли на Кавказъ, рассказывать послѣдствіи о томъ, какъ сама природа, за семь тысячъ верстъ отъ поля моихъ подвиговъ, жгла ошіямъ въ честь моей литературной славы, или, подобно другому герою той-же фельетонистики, доносить читателю изъ моей пустыни о предметахъ, для него вовсе не занима-

тельныхъ! За то, я увѣренъ, я помолодѣлъ-бы десятью годами. И съ какимъ юношескимъ румянцемъ на лицѣ возвратился-бы я въ Москву, — съ какою завистью взглянули-бы на меня мои ровесники, — съ какою удивительною способностію свѣжо и полно воспринимать впечатлѣнія, давно только ескользяція по загрубѣлымъ чувствамъ! Я плакалъ-бы въ мелодрамѣ, смѣялся-бы въ водевилѣ, восхищался-бы музыкальною послѣдняго Кукук-Галона, умилялся-бы страданіями героевъ романовъ и свѣта, нѣмѣлъ-бы передъ любезностію московскихъ львицъ, отыскивалъ-бы достопримѣчательности въ магазинахъ; умѣлъ-бы разбирать стили новыхъ зданій, и находилъ-бы поэзію въ стихотвореніяхъ «Москвитянина»!.. И что за фельетоны полились-бы тогда изъ подъ моего пера! Небо, что за фельетоны!.. Не нужно-бы было мнѣ заботиться о приступѣ и писать предисловія въ родѣ сегодняшняго; не нужно-бы было думать ни о чемъ: все было-бы интересно, свѣжо и живо само по себѣ... Слава, слава отсюда до Петербурга, а оттуда по всѣмъ концамъ извѣстнаго свѣта и даже дальше этого предѣла — была-бы моею послѣднею наградою...

Но, увы! читатели, на ваше и мое несчастіе, мечта моя осталась мечтою: я и не трогался изъ Москвы. Если-же я не писалъ ничего о Москвѣ въ двѣ книжки «Пантеона», такъ это по той простой причинѣ, что мнѣ хотѣлось, по-крайней-мѣрѣ, понакопить данныхъ для моего новаго появленія передъ вами, содержанія для новой пѣсни моей нескончаемой эпопеи, со дня на день все болѣе и болѣе однозвучной... И опять-таки прошу васъ о снисходительности: не ждите и нынче ничего особеннаго; во-первыхъ, ничего особеннаго въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ не приключилось; во-вторыхъ, — положимъ, что эта главная причина, — вѣдь, я все тотъ-же, коротко знакомый вамъ, соскучившійся фланеръ, немножко брюзгливый свидѣтель все однихъ и тѣхъ-же явленій, не освѣжившій своей восприимчивости ни въ какомъ Пермесѣ, не утратившій воспоминанія ни въ какой Летѣ... Полный этого сознанія, я-бы даже долженъ былъ еще отложить «Вѣстникъ» до болѣе благопріятной минуты, но теперь это уже не въ моей власти. Пришелъ сентябрь, мѣсяць, когда каждый журналъ предстаетъ передъ читателемъ во всеоружіи, — мѣсяць, когда онъ подноситъ читателю какъ-бы зачатки отъ только-что свершившейся жатвы, образцы того, чѣмъ будетъ онъ продовольствовать читателя въ будущемъ году — какъ-же я, хоть и предпоследнее колесо въ журнальной машинѣ, отстану отъ общаго соревнованія всѣхъ журнальныхъ дѣятелей!.. Вотъ и шлю я мою бѣдную лепту, умоляя читателей, чтобы они приняли ее съ снисходительностію, соразмѣрною моему желанію угодить имъ.

... За мною июнь, июль и августъ.

Извѣстно, что эти три мѣсяца по преимуществу мѣсяцы дачные, — пора дачной жизни и дачныхъ удовольствій — для Москвы почти такъ же, какъ для Петербурга. Разумѣется, дачная жизнь московская, какъ и вся московская жизнь, имѣетъ свой характеръ.

Но мнѣ позволять прежде напомнить о петербургской дачной жизни.

«Нельзя сказать — говорить одинъ изъ русскихъ балетристовъ,* чтобъ наша жизнь лѣтомъ въ окрестностяхъ Петербурга была особенно-увеселительна. Какая-то странная апатія водворяется по всѣмъ дачамъ, и столичному тщеславію становится скучно и совѣстно подлѣ сѣнью деревьевъ и неба. Правда, носятя слухи о какихъ-то небывалыхъ забавахъ; но слухи эти сущая клевета. Въ Павловскѣ говорятъ, что веселятся на островахъ; на островахъ, что веселятся на петергофской дорогѣ; на петергофской дорогѣ, что веселятся въ Парголово. Круговая порука! Короче, вездѣ скучно и вездѣ скучаютъ. Причина тому очевидная: деньги прожиты; за границу ѣхать поздно; приближенные разѣхались; важничать нечѣмъ и незачѣмъ; а къ тому же, что за помещеніе, что за дома! Съ одной стороны — заборы, мостовыя, пыль дрожекъ, фабрики, кабаки; съ другой стороны — итальянскіе балконы, полосатыя навѣсы, гортензіи розовыя и голубыя, дорожки съ краснымъ песочкомъ, нѣсколько чахоточныхъ деревьевъ, и опять кое-гдѣ нѣсколько гортензій. Вотъ почти все наши дачи. Тутъ природа въ завиткахъ; тутъ и цвѣты и балконы, и даже люди — все для декораціи, для удивленія проѣзжающихъ. Въ особенности занимательны новомодные готическіе замки изъ щепокъ, съ башнями, похожими на зубочистки, съ пристройками въ родѣ китайскаго *cassette*. Въ этихъ-то каррикатурныхъ пристанищахъ прозябаетъ лѣтомъ, подлѣ цвѣтными стеклами, петербургскій свѣтскій людъ и, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, наслаждается сельскою свободой и величіемъ природы. Жители этихъ коробочекъ очень чопорно одѣты съ самаго утра. У мужчинъ бархатные береты; у дамъ отлетныя кружевные чепчики и пышныя кисейныя платья. Сосѣди косятся издали другъ на друга, а въ срочное время мѣняются визитами, впродолженіе которыхъ съ рѣдкимъ простодушіемъ жалуются другъ другу на взаимную скуку. Затѣмъ играютъ въ преферансъ, а въ остальное время дня перебираютъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, сплетничаютъ, сплетничаютъ до совершенной усталости, но никогда до пресыщенія...»

* Графъ В. А. Соллогубъ, въ повѣсти «Медвѣдь».

Превосходный, не смотря на проницательный тонъ, очеркъ петербургской дачной жизни, очеркъ исполненный правды, не смотря даже на то, что кое въ-чемъ Петербургъ и поизмѣнился съ 1844 года, къ которому принадлежитъ повѣсть гр. Соллогуба. Я жалѣю только, что нашъ авторъ коснулся лишь одной стороны предмета: будь въ его описаніи полная картина петербургской дачной жизни, тогда то, что имѣю я сказать о московской, если литературно и проиграло-бы отъ сличенія, такъ выиграло-бы для читателя въ ясности. Пусть ужъ каждый по своему дополняетъ мой правдивый эскизъ.

Кто не знаетъ, что Москва, въ нѣкоторыхъ сферахъ, не прочь подражать Петербургу. П чѣмъ ревностиѣе она это дѣлаетъ, тѣмъ, понимается, неохотиѣе въ томъ сознается. Иной москвичъ, побывавши въ Петербургѣ, непременно отдаетъ камердинеру свой любимый пестрый жилетъ и отправляетъ въ гардеробный архивъ яркій до рѣзкости галетухъ; онъ отстегиваетъ пристяжную, стрижется á l'anglaise, откидываетъ все вообще лирическія движенія, восторгъ въ особенности, становится серьезнѣе, говоритъ безъ фіоритуръ и начинаетъ съ пренебреженіемъ отзываться о современныхъ русскихъ поэтахъ. О женщинахъ и: говоритъ нечего смѣю увѣрить всехъ, что не только между петербургскою женщиной и московскою, но и между нынѣшнею львицею — отаитяною и львицею-падуанкою очень мало разницы. Для меня, это аксіома. Но есть аксіома, я полагаю, болѣе популярная: корчить кого-нибудь — не значить еще быть похожимъ на того, кого корчишь, или, иначе: подражатель, чѣмъ онъ усерднѣе, тѣмъ менѣе походить на образецъ. Въ силу этой ходячей истины, примѣры которой неисчислимы во все вѣка и у всехъ народовъ, и Москва тѣмъ болѣе не похожа на Петербургъ, чѣмъ болѣе старается быть похожею на него, — москвичи тѣмъ болѣе непохожи на петербуржцевъ, чѣмъ болѣе ихъ корчатъ. Это было доказываемо сто-сысячь разъ и упоминаемо, между-прочимъ; и корреспондентомъ «Пантеона».

Идетъ-ли общее правило къ дачной жизни — вдругъ сказать очень мудро. Любитъ-ли москвичъ дѣйствительно дачу? этого въ трехъ словахъ не рѣшить никто. Несомнѣны двѣ вещи: что москвичъ любитъ дачу гораздо менѣе, нежели петербуржець, и что онъ начинаетъ ее любить болѣе, нежели любилъ прежде. Въ Петербургѣ не хватаетъ дачъ, — въ Москвѣ ихъ всегда бездна пустыхъ; въ Петербургѣ чуть свободное мѣстечко за чертою города, тотчасъ вырастаетъ дача, — въ Москвѣ никто и не взглянетъ на такой величины мѣсто; петербуржцу нужна

дача, потому-что ему или некуда или нельзя ѣхать вдаль, — значительное или, по-крайней-мѣрѣ, замѣтное число московскаго населенія состоитъ изъ заѣзжихъ провинціаловъ, которые покидаютъ Москву для деревни еще по послѣдному зимнему пути, — а купецъ, настоящій русскій купецъ, на дачѣ не живетъ.... Самыя наши дачи не выдерживаютъ съ петербургскими ни малѣйшаго сравненія: тѣхъ архитектурныхъ затѣй, тѣхъ роскошныхъ или, по-крайней-мѣрѣ, комфортабельныхъ помѣщений, какія есть на Каменномъ островѣ, въ Петергофѣ, въ Павловскѣ, въ Царскоселѣ и въ другихъ мѣстахъ петербургскаго загорожья, здѣсь нѣтъ и тѣни; такихъ дачъ, какъ на петергофской дорогѣ, въ Екатерингофѣ, въ Новой деревнѣ и на Черной рѣчкѣ, вы имѣете едва-ли десять въ Петровскомъ паркѣ, да двѣ три въ Сокольникахъ. Слѣдуютъ затѣмъ маленькіе балаганы, строимые какъ-будто нарочно по извѣстному образцу домишекъ уѣзднаго города третьяго разряда. Наконецъ, все остальное, называемое дачей, есть не иное что, какъ крестьянская изба, даже и не всегда не-черная—въѣхали вы въ первую подгородную деревню, и передъ вами такихъ дачъ столько-же, сколько дворовъ. Прибавьте къ этому, что въ числѣ большихъ дачъ есть нѣсколько такихъ, которыя были-бы чрезвычайно пріятны лѣтомъ, если-бы были удобны для какого бы то ни было жилья. Сдѣлайте исключеніе изъ общей массы въ пользу хорошенькаго Останкинскаго замка графа Д. Н. Шереметева, котораго двери не отворялись уже съ незапамятныхъ лѣтъ, стариннаго барскаго дома князя С. М. Голицына въ Кузьминкахъ, — полубарскаго дома Л. К. Нарышкина въ Кунцовѣ, который ходитъ по найму, — пожалуй, еще двухъ, трехъ руинъ, въ которыхъ живутъ летучія мыши — и вотъ вамъ московскія дачи *an und für sich selbst*... Природа, въ московскихъ окрестностяхъ, говорятъ, лучше, чѣмъ природа въ петербургскихъ, но плохой адептъ синьора Бокаччио и господина Марлинскаго, я не берусь описывать природу — и оставляю въ покоѣ, ручейки, которые не журчатъ, потому-что ихъ нѣтъ, — пѣніе соловьевъ, которые не поютъ, потому-что все слушаютъ польки и галоны, отъ которыхъ нѣтъ спасенія и имъ, — душистыя липы, которыя здѣсь, какъ и въ другихъ пунктахъ той-же широты, въ определенное время цвѣтутъ, въ определенное время отцвѣтаютъ и въ определенное время роняютъ пожелтѣвшіе листья, — овраги, поросшіе лапухомъ, ренейникомъ, щавелемъ, цикоріей, кашкой и мѣстами ползучими травами, — бархатные луга, которымъ медики не совѣтуютъ ввѣрять утомленные члены, — тучныя пажити, на которыхъ видите вы рѣденькій овесъ, или гречу, непременно до-времени прихватываемую лѣтнимъ морозомъ, — Сокольницкую рошу, дѣйствительно

великолѣпную рошу, на которую грустно смотрѣть съ-тѣхъ-поръ, какъ ее обратили въ модное сборище.... Все это я предоставляю живописцамъ, счастливѣе меня вдохновеннымъ. Мое-же дѣло сказать о томъ, кто живетъ на московскихъ дачахъ — и какъ живутъ.

Едва-ли не половину московскихъ дачниковъ составляютъ иностранцы. Съ первою улыбкою весны, — мнѣ извинять классическую метафору — съ первою улыбкою весны, иностранецъ за городомъ: нѣмецъ-ли онъ, французъ-ли, англичанинъ — все равно, онъ знаетъ цѣну свѣжему воздуху и зелени; онъ любитъ ихъ до того, что, кажется, ему труднѣе отказаться отъ нихъ, нежели русскому отъ хлѣба. И иностранцы первые разсыпаются по московскимъ окрестностямъ: именно разсыпаются — особеннаго предпочтенія къ одному какому-нибудь загородному мѣсту у нихъ нѣтъ: каждый выбираетъ себѣ гнѣздо сообразно съ средствами, и потому вы найдете иностранцевъ и въ Петровскомъ-паркѣ, и въ Воробьевѣ, бѣдной деревушкѣ на Воробьевыхъ горахъ, и въ Сокольникахъ, и въ Марьино. Только одно обыкновенно соблюдаютъ они, какъ народъ все болѣе или менѣе имѣющій непрерывныя занятія въ городѣ: возможную близость къ Москвѣ. Отъ этого конечно, Зыково, деревня, примыкающая къ Петровскому парку, большею частію наполняется иностранцами, ремесленниками и мастеровыми средней руки. За то слѣды ихъ вліянія замѣтны въ Зыковѣ: дачки чистенькія, уютныя, безъ претензій, безъ расчетовъ на показъ. Дачи въ Петровскомъ-паркѣ и выстроенныя по обѣимъ сторонамъ шоссе до въѣзда въ паркъ, — тоже органическій продуктъ довольно-давняго населенія, представляютъ пародію на карриатуру петербургскихъ дачъ въ повѣсти гр. Соллогуба. То огромный сарай, то карточный домикъ, гдѣ начиная съ фасада, все для вида — и нѣтъ ничего для глаза, привыкшаго искать въ зданіи архитектурной мысли, — гдѣ самая нелѣпая претензія на оригинальность идетъ объ руку съ отъявленной безвкусицей, — гдѣ коринтскій завитокъ подпираетъ крышу китайскаго навильона, готическое окно освѣщаетъ конюшню, венеціанскій балконъ прилѣпленъ къ голубятнѣ и такъ далѣе... Но вотъ уже годъ два или три высшее московское общество начало переходить къ Сокольникамъ, и между возникающими въ Сокольникахъ новыми дачами попадаются начала построекъ, намекающія на строительныя соображенія, на стремленіе помирить требованія комфорта съ условіями климата. Надо предполагать, что со-временемъ сокольницкія дачи займутъ между московскими дачами то мѣсто, которое между петербургскими принадлежатъ каменно-островскимъ. И нельзя не желать этого: со стороны природы и чистоты воздуха нѣтъ подъ Москвою ничего лучше Сокольниковъ, а будь такая роша, какъ тамъ, по близости

чего лучше Сокольниковъ, а будь такая гроша, какъ тамъ, по близости любого европейскаго города, ей не знали-бы цѣны. Затѣмъ остальное разнохарактерное населеніе — располагается на дачѣ какъ и гдѣ случится какъ и гдѣ ни понало. Нѣтъ надобности исчислять все московскія окрестности, все подгородныя деревни; достаточно припомнить, что ихъ несравненно болѣе, нежели подъ Петербургомъ и что кому все равно, гдѣ-бы ни жить, лишь-бы жить за городомъ, тому стоитъ только выѣхать въ любую заставу — и не выбирать.

Удобства жизни на московскихъ дачахъ заключаются въ томъ, что нигдѣ не достанешь ничего. Кто помѣстился въ деревнѣ, тотъ долженъ все время записаться изъ Москвы или посылать безпрестанно за тѣмъ, что сохранять негдѣ. Кромѣ того, предстоитъ удовольствіе не найти никогда самыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ продуктовъ, масла, яицъ, молока, потому-что мужикъ каждую бездѣлицу везетъ въ Москву: день у него пропадаетъ, но даютъ дороже, — привычка, — да и не мѣшаетъ на часть выручки вкусить благъ земныхъ. Расположился-ли кто въ Паркѣ или въ Сокольникахъ — рѣшительно та-же исторія; правда, и въ Паркѣ и въ Сокольникахъ есть булочныя, мелочныя лавки и цырульни, но, ужъ не знаю почему, именно въ Паркѣ и въ Сокольники ставятъ хлѣбъ городскіе булочки, — въ мелочныя лавки только ходятъ, скуки ради, лакеи да горничныя, а цырульники или удятъ рыбу въ какой-нибудь лужѣ или играютъ въ бабки. Не забыть-бы, однако-жъ, что въ Паркѣ, хоть и довольно далеко отъ средоточія дачъ, есть прекрасный ресторанъ Яра, съ вида неопрятный и дорогой по цѣнамъ, — въ Сокольникахъ «*французская кондитерская Якова Савельева*».

Переѣздъ изъ московскихъ окрестностей, разумѣется, для лицъ, неимѣющихъ своего экипажа, есть одна изъ мудренѣйшихъ задачъ. Въ Паркѣ и въ Сокольникахъ изрѣдка случается набрести на извозчика; во всехъ другихъ загородныхъ мѣстахъ можно иногда получить крестьянскую телѣгу, за которую въ рабочую пору возьмутъ Богъ знаетъ что, а въ свободное время непременно найдутъ причины взять въ три-дорога противъ того, чего бы должно стоить удовольствіе перемять все ребра и отбить себѣ печенку. Словомъ, во сто разъ легче перенестись изъ Москвы въ Петербургъ, нежели изъ подмосковной дачи въ Москву.

Таковъ комфортъ московскихъ дачъ.

Не скучаютъ на дачахъ одни иностранцы. За городомъ, какъ и въ городѣ, чѣмъ больше приглядываешься къ ихъ житию-бытью, тѣмъ больше имъ удивляешься, тѣмъ больше уважаешь ихъ практическую философію. Расскажу вамъ маленькій анекдотъ.

Одинъ молодой человекъ поселился на дачѣ, рядомъ съ богатымъ

семействомъ, ему незнакомымъ. Увидавъ огромный садъ у сосѣдей и узнавъ, что въ немъ отличный прудъ и купальня, онъ послалъ просить позволенія ходить гулять въ садъ и купаться въ купальнѣ. Отвѣта не было. Молодой человѣкъ послалъ въ другой разъ. Ему отвѣчали, что подумаютъ. Посылаетъ онъ еще. Резолюція вышла такая: «купальня къ вашимъ услугамъ, а по саду гулять нельзя — у меня дочери невѣсты».

Не правда-ли, характеристично?

Не правда-ли, должно быть весело на московскихъ дачахъ?

Но все, что сказалъ я до-сихъ-поръ, разумѣется, не совсѣмъ безъ изъятій. Изъятія есть дѣйствительно. Въ Сокольникахъ, у входа въ такъ называемую Волчью долину, вотъ уже года четыре, выстроены по подпискѣ какой-то сарайчикъ — прошу понимать это слово въ буквальномъ значеніи — опредѣленный для танцевъ; въ сарайчикѣ танцуютъ очень рѣдко и очень мало; въ параллелограммѣ, замыкающемъ, сверхъ сарайчика, палатку, всегда пустую, и заложены, для симметріи, проэктъ качель, которыхъ краугольные камни уже и видны, — въ этомъ параллелограммѣ не смѣютъ рѣзвиться дѣти. За оградю параллелограмма, въ глубь рощи, начинается владѣніе чайницъ или самоварницъ, пространство въ полдесятины, гдѣ Гебы, въ сарафанахъ, раскинувъ свои самовары, чайники, уголья, на некрашенные столы и скамейки, — зазываютъ неопытнаго прохожаго «чайку напитокъ». Эту картину, пробуждающуюся каждый день съ утра, оживляютъ обыкновенно нѣсколько трубочниковъ, сигарочниковъ, нѣсколько разнощиковъ и шарманщиковъ. Подъ вечеръ присоединяется сюда ходебщикъ, какой-нибудь фокусникъ съ своимъ складнымъ столикомъ и хоръ пѣсенниковъ — дилетантовъ съ фабрикъ, которые орутъ болѣею частію единственно изъ любви къ искусству... Нѣчто подобное, только въ уменьшенномъ размѣрѣ, найдете всегда въ Марьиной рошѣ, Останкинѣ и нѣкоторыхъ другихъ окрестностяхъ Москвы... Ходятъ иногда слухи о какихъ-то пикникахъ и новыхъ парти-де-плезиръ, учреждаемыхъ въ мірѣ вышемъ

«Разказы темные про то,

О чемъ не вѣдаетъ никто»,

но эти мнѣ я предоставляю разрѣшить времени... Бываютъ изрѣдка вальтасаровскіе пиры между богатою молодежью, когда шампанское рѣкою орошаетъ долы, а крики оглашаютъ дубравы... Наконецъ, можетъ случиться напасть и на совершенно буколическую сцену, въ видѣ купеческаго семейства, съ самымъ похвальнымъ самоотверженіемъ уѣвшагося вкругъ сточашечнаго самовара, непремѣнно въ самый жаръ и на самомъ солнцѣ... Здѣсь и тамъ промелькнутъ цыганки, — московскіе лаццарони — въ чаяніи благъ отъ все болѣе и болѣе рѣдкихъ охотни-

ковъ до невымытыхъ лицъ, отвратительныхъ звуковъ и самаго нахальнаго попрошайничества...

Вотъ вамъ, по нынѣшній день, московскія дачи и московскія окрестности — въ наибезпристрастнѣйшемъ очеркѣ. Что не похожъ онъ на все, что пишутъ и писали о томъ-же предметѣ другіе, въ этомъ я не виноватъ — и, потому, оправдываться не вижу никакой нужды.

Общественныя удовольствія истекшихъ трехъ мѣсяцевъ, разумѣется, по преимуществу тоже загородныя, не слишкомъ разнообразны, но все-таки разнообразнѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Воксалъ въ Химкахъ открытъ съ половины іюня; учреждены особые поѣзды по желѣзной дорогѣ, по буднямъ разъ, по праздникамъ два раза въ день. Охотниковъ ѣхать въ Химки, по новости дѣла, сначала оказывалось больше, нежели могли вмѣстить вагоны, но теперь и этого уже сказать нельзя. Воксалъ въ двухъ верстахъ отъ первой станціи желѣзной дороги; для сообщенія завелены линейки, крайне неудобныя и которыхъ, вдобавокъ, никогда не хватаетъ на количество потребителей; по этому, обыкновенно происходитъ торгъ и тотъ получаетъ мѣсто, кто далъ больше установленной платы. Я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что очень многіе отъ души завидовали одному изъ московскихъ фельетонистовъ, который какъ-то нашелъ средство наипрїятнѣйшимъ образомъ совершить путь отъ станціи до воксала пѣшкомъ, по какой-то удивительно-поэтической дорожкѣ, будто бы даже сокращающей разстояніе всемеро... Бываетъ же фельетонистамъ счастье!.. Самое зданіе воксала, садъ, обѣденный столъ — все это сносно на первый случай. Музыка Зейденштехера, по прежнему, очень недурна. О Тиволи г. Ранно было говорено въ прошломъ «Вѣстникѣ»: къ прежнимъ зрѣлищамъ и представленіямъ, онъ прибавилъ пантомимы, о которыхъ возвѣщалъ съ неутомимою ревностію — но нельзя же переписывать всѣ афиши. Chef d'oeuvre его, по собственному признанію, есть «*Путешествіе Ранно или нападеніе разбойниковъ близъ Петервардейна въ Славоніи*», великолѣпная картина, въ которой есть и лошади, и экинажи, и стрѣльба, и даже люди. Изъ другихъ пантомимъ я не умѣю отдать отчета ни въ одной — перо валится изъ рукъ, слово нѣмѣетъ передъ одною мыслию объ «*Арлекинъ въ видѣ мраморной статуи*», о «*Царствѣ фей*» объ «*Обручникахъ или италіанской макаронодѣ*», о «*Здоровомъ мужикѣ*» или «*Наполеонѣ*»; помню только и, чадѣюсь, буду помнить до гроба, финалъ котораго-то изъ этихъ чудесъ: выбѣгаетъ на сцену толстая женщина въ красномъ платьѣ, колотитъ себя въ грудь и рветъ на себѣ волосы; прибѣгаетъ генераль и показываетъ какую то бумагу; женщина еще колотитъ себя въ грудь и опять рветъ волосы; генераль махаетъ руками

и еще махаетъ руками; раздается барабанный бой, такъ, что ушамъ больно; сцена наводняется полусотнею солдатъ; бенгальскій огонь; занавѣсъ опускается. Нѣкоторые зрители отъ этого финала были въ совершенномъ восторгѣ и хлопали до неистовства... Г. Раппо затѣялъ еще устроить танцовательную залу: довольно-прилично убралъ и освѣтилъ одну изъ залъ дачи князя Голицына, поставилъ оркестръ Бира и нанялъ особеннаго танц-директора, но не танцевалъ у него никто. Потомъ онъ общался въ той-же залѣ показать въ дѣйстви венеціанскій карнавалъ и нарядить для этого двѣсти своихъ артистовъ. Разъ венеціанскій карнавалъ не удался по случаю дождя, другой — не состоялся отъ холода; наконецъ, на дняхъ какъ-то, когда не было ни дождя, ни холода, несо-вмѣстнаго съ венеціанскимъ карнаваломъ, я отправился смотрѣть венеціанскій карнавалъ — и въ часъ, для него назначенный, то-есть, въ десять часовъ вечера, засталъ садъ неосвѣщеннымъ и все Тиволи пустымъ. Тѣмъ и кончился венеціанскій карнавалъ. Но, въ сторону эти маленькія неудачи, безъ которыхъ рѣдко обходится какое-бы то ни было предпріятіе, должно быть благодарнымъ г. Раппо за устройство Тиволи: это рѣшительно первое въ Москвѣ учрежденіе подобнаго рода. Только плохой расчетъ брать такъ дорого за входъ: въ Тиволи одинъ рубль серебромъ, въ танцовальную залу еще одинъ рубль серебромъ. Не отъ того-ли послѣдняя, и въ дни маскарадовъ, бывала рѣшительно пуста? Съ Раппо соревновалъ все время въ угожденіи публикѣ Максимилианъ Саксъ съ своимъ оркестромъ: онъ не уставалъ зазывать на дачу Буркиной (въ Сокольникахъ) самыми хитрыми объявленіями, неоднократно подносилъ безденежно дамамъ букеты и однажды подарилъ имъ по экземпляру своей польки «Прелестная москвитянка». За таковыя любезности, я полагаю, можно ему простить его «Rompa di festa», разрушенія разныхъ Везувіевъ и Помпей, русскія ночи, праздники Флоры и другихъ мифологическихъ божествъ, тѣмъ болѣе, что довольно разнообразный музыкальный репертуаръ свой онъ исполняетъ очень изрядно. Но публика до-того равнодушна къ стараніямъ Раппо и Сакса, что они оба не знаютъ, какъ свести концы. Воксалъ Петровскаго парка совершенно оставленъ; напримѣръ, было назначено два маскарада: въ одномъ оказалась одна маска, въ другомъ три. Были фейерверки въ Марьиной рошѣ; г. Приссъ съ ярмарочною труппою акробатовъ давалъ представленія въ Студенцѣ, но туда, сколько извѣстно, заглядываютъ весьма немногіе: запущенный садъ, ресторанъ до-того грязный, что страшно спросить стаканъ воды, зловоніе отъ прудовъ, сплошь покрытыхъ плѣсенью — все это отталкиваетъ и невзыскательныхъ посѣтителей... Если и были еще какія публичныя увеселенія,

такъ ихъ и называть не стоитъ... Въ городѣ продолжалась, по опредѣленнымъ днямъ, музыка на Тверскомъ-бульварѣ, въ Александровскомъ или Кремлевскомъ саду и на Прѣсенскихъ-прудахъ.

Изъ публичныхъ гуляній самыя многочисленныя, по обыкновенію, гуляніе перваго іюля въ Петровскомъ-Паркѣ, и вечернее двадцать-втораго августа — въ городѣ. О театральномъ маскарадѣ того-же дня, какъ и всегда первомъ, что сказать новаго? Пустыя ложи, далеко не полныя залы, маски и домино самаго страннаго фасона, общество очень перетасованное, скука на всѣхъ лицахъ замѣтная — таковы постоянно эти маскарады въ Москвѣ... Нѣсколько маскарадовъ Купеческаго-Собранія были болѣе или менѣе оживлены.

Сверхъ того, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ бываетъ у насъ нѣсколько народныхъ (вѣрнѣе, простонародныхъ) гуляній, и въ самомъ городѣ, и въ окрестностяхъ. Большею частію они связываются съ мѣстнымъ или храмовымъ праздникомъ. Таковы слѣдующія: 24 іюня, въ день Св. Крестителя Іоанна, за Трехгорною заставою, — 20 іюля, въ день Св. Пророка Іліи, на Воронцовомъ-Полѣ, — 28 іюля, въ день Св. Пророка и Никанора, на Дѣвичьемъ-Полѣ, — 1 августа, въ день Перваго Спаса, подъ Симоновымъ монастыремъ и на Трубно-площади, — 6 августа, въ день Преображенія Господня или иначе день Второго Спаса, у Новоспасскаго монастыря, — 15 августа, въ день Успенія Богородицы, у Андроньева монастыря, — 19 августа, въ день празднованія чудотворному образу Богородицы Донской, у Донскаго монастыря, — 26 августа, въ день Св. Адриана и Натали, у Сухаревой башни. Обстановка этихъ гуляній напоминаетъ ярмарки большихъ селъ и посадовъ; необходимыя ихъ принадлежности: палатка въ видѣ огромнаго колокола (иногда двѣ палатки), или колпака, съ елкою у входа, два-три балагана съ кукольной комедіей и фокусникомъ, нѣсколько качель, палатки съ разнымъ товаромъ, преимущественно съѣстнымъ, и если дѣйствіе за городомъ, миллионъ самоваровъ. Картина иногда предстаетъ взору недурная; но непремѣнно лучше она, когда служитъ ей фономъ роща, лугъ, и тому подобное: большіе дома и вообще атрибуты городской жизни какъ-то даютъ эти волны гуляющихъ; не отдѣльныхъ группъ тутъ искать нужно, а цѣлаго... Самое многочисленное народное гулянье подъ Симоновымъ монастыремъ, да еще подъ Дѣвичьимъ.

Къ общественнымъ увеселеніямъ лѣтняго сезона, едва-ли не по преимуществу простонароднымъ, должно также отнести конскіе бѣги и скачки. Сказано до насъ, что русскій человѣкъ, простолюдинъ, любитъ зрѣлище, но изъ всѣхъ зрѣлищъ простолюдинъ-горожанинъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе бѣгамъ, скачкамъ и травлямъ. Амфитеатръ, за Рогожской за-

ставой (я предоставляю себѣ право рассказать о немъ при случаѣ), бѣги на Москвѣ рѣкѣ, лѣтніе бѣги и скачки между Прѣсененскою и Тверскою заставами — всегда привлекаютъ тьму народа, конечно, отчасти и потому, что это зрѣлище даровое. Изъ горожанъ другихъ классовъ на бѣгахъ и скачкахъ бываютъ только спортсмены, а ихъ число у насъ чрезвычайно-незначительно въ сравненіи съ Петербургомъ. Дамы здѣшнія избѣгаютъ эти зрѣлища — ужъ кто ихъ знаетъ почему. За то самыя состязанія, если вѣрить знатокамъ, въ Москвѣ и интереснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и важнѣе, потому-что Москва есть какъ-бы центръ, куда стекаются лучшія лошади и въ наибольшемъ числѣ. Я считаю за лишнее поминать имена побѣдителей нынѣшняго года — скакуновъ и рысаковъ — и отсылаю любопытствующихъ къ «Вѣдомостямъ Московской Городской Полиціи», гдѣ о бѣгахъ и скачкахъ отданъ отчетъ подробный. Троичныя скачки нынѣшняго года въ сравненіи съ прежними были весьма слабы, а если припомнить чудеса, которыя показывалъ въ Петербургѣ Н. Н. Анненскій на своихъ сибиркахъ, такъ и говорить о первыхъ совѣстно. Куда, однакожъ, дѣвался московскій троичникъ, Е. П. Смагинъ? Вѣдь, это тоже своего рода знаменитость. Спросите-ка, гдѣ не слыхали о Смагинѣ — не по одной Москвѣ, а чуть-чуть не по цѣлой Россіи!

... О погодѣ что вамъ сказать? Загляните изъ любопытства въ «Метеорологическія наблюденія» «Московскихъ Вѣдомостей»: увидите тамъ чудеса, которыхъ никто давно не запомнитъ. Для нежелающихъ рыться въ «Вѣдомостяхъ» я скажу только, что мы видѣли лѣто до 15 іюня: остальное время совѣстно назвать даже порядочною осенью. Разумѣется, это имѣло не мало вліянія на наши удовольствія ...

... Перехожу къ искусству и къ литературѣ.

Прежде всего «Московский Вѣстникъ» обязанъ отмѣтить одну печальную утрату, безъ сомнѣнія уже извѣстную большинству читателей. Еще въ іюнѣ схоронили здѣсь М. Н. Загоскина. Онъ умеръ 23 числа. Одинъ изъ любимыхъ русскихъ писателей и изъ наиболѣе-популярныхъ, добрый человекъ и прекрасный семьянинъ, по свидѣтельству лицъ, коротко его знавшихъ — вотъ право покойнаго на память между нами. Не прибавляю ничего, и удерживаюсь даже отъ напоминанія о веѣхъ произведеніяхъ автора «Юрія Милославскаго», хотя-бы въ самомъ короткомъ перечнѣ, въ той увѣренности, что «Пантеонъ», который, какъ знаютъ читатели, считалъ покойнаго Загоскина въ числѣ своихъ сотрудниковъ, не замедлитъ представить полный очеркъ его литературной дѣятельности и свѣдѣнія о его жизни... *

* Мы даемъ при этомъ № самый сходный портретъ М. Н. Загоскина, и вскорѣ представимъ его біографію.

... Художественныхъ новостей, по обыкновенію, не много, но, противъ обыкновенія, есть чрезвычайно интересныя. И всѣ группируются около имени Н. А. Рамазанова. Замѣчательнъ исполненный имъ бюстъ Гоголя, оконченный еще въ началѣ іюля. Рѣшительно, нельзя было желать ничего лучшаго. Мало того, что Гоголь похожъ, прическа, постановка и положеніе — все его, словомъ, каждая часть, каждая мелочь отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, какъ-бы на портретѣ, писанномъ самымъ вѣрнымъ, самымъ отчетливымъ копистомъ — все это подъ рѣзцомъ нашего художника отошло уже на второй планъ, какъ-будто даже и незаслуживаетъ вниманія, все это ничто съ самымъ-то главнымъ: вы стоите передъ бюстомъ, а передъ вами живой авторъ «Мертвыхъ душъ». Нужно было глубоко изучить подлинникъ, чтобъ такъ художественно и осязаемо для каждаго воплотить въ его изображеніи всю его жизнь, весь его внутренній міръ, всю исторію и философію его произведеній. Взгляните на бюстъ въ профиль: смѣтрите вы съ лѣвой стороны — Гоголь улыбается, смотрите съ правой — Гоголь печаленъ. Не случайность-же это. Смотрите en-face: улыбка и грусть слиты въ общемъ выраженіи лица, и на всемъ слѣдъ нескончаемой, неразгаданной думы. Нѣтъ ни одной черты, ничего нѣтъ случайнаго въ произведеніи г. Рамазанова: эта улыбка съ одной стороны, эта печаль съ другой, слитая въ цѣломъ фізіономіи — все это точно также не произвольно въ бюстѣ, какъ не произвольно оно въ поэзіи Гоголя. Не менѣе этого бюста, замѣчательны, по своему, работы учениковъ г. Рамазанова, готовимыя къ предстоящей полугодичной выставкѣ художественнаго класса. Такъ какъ мнѣ придется говорить о выставкѣ въ будущемъ письмѣ, то на этотъ разъ достаточно назвать *Мальчика, окачивающагося въ банѣ* и *Мужика, ломающаго пряники*. Первое изъ этихъ произведеній заняло-бы почетное мѣсто въ мастерской любаго художника.

О театрахъ говорить не время. На русской сценѣ не поставлено ни одной новой пьесы; на французской были кое-какія новинки; кромѣ того оставили ее: г. Верне и г-жа Гарриксъ, но навсегда-ли — не знаю, и поступила на роли любовницъ г-жа Валансъ, на дняхъ только что дебютировавшая.

... Литературныя наши новости слѣдующія: «Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, географическій сборникъ», издаваемый Николаемъ Фроловымъ*. Томъ первый; — отдѣльное изданіе «Записокъ охотника» И. С. Тургенева; — «Большая барыня», въ двухъ частяхъ, сочиненіе В. Волярлярскаго; и нѣсколько книженокъ, которыхъ и заглавія выписывать не для чего.

* Извѣстный переводчикъ Гумбольдтова «Космоса».

Достаточною рекомендаціею «Сборника» г. Фролова служитъ его оглавленіе. Имъ и ограничусь я. Вотъ оно: «Предисловіе издателя. *Отдѣлъ первый.* Физическіе и историческіе матеріалы землевѣденія: I. Историческое обозрѣніе изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли. Д. Перевощикова: II. О суточномъ и годичномъ движеніи земли. Его-же. III. Атмосфера земли. М. Спасскаго. IV. Географическое распространеніе кофейнаго дерева. Изъ Риттера. V. Чай. Изъ него-же: VI. Сахарный тростникъ. Изъ него-же. VII. Хлѣбное дерево. Изъ Георга Форстера. VIII. О физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Письмо В. Ф. Едуардса къ Амедю Тъэрри, переведенное и дополненное Т. Грановскимъ. IX. Рѣчная область Волги. И. Бабста. *Отдѣлъ второй.* Географическія извѣстія. I. Оказываетъ-ли луна замѣтное вліяніе на нашу атмосферу? Изъ Ж. Араго. II. О воздухоплаваніи. III. О назначеніи и употребленіи барометра. М. Спасскаго. IV. Алмазы Восточной Индіи. Изъ К. Риттера. V. Большой водяной змѣй. VI. Сибирскія бѣлки. И. Корнилова: VII. Распространеніе нѣмецкой народности. А. Касандера. VIII. Отаити. Изъ Пенпига. IX. Поѣздка на Илецкую—защиту. И. Бабста. Къ «Сборнику» приложены: гравированная карта, четыре раскрашенные рисунка, и въ текстѣ находится десять политипажныхъ чертежей. Всего въ книгѣ сорокъ восемь съ половиною печатныхъ листовъ. Изданіе, по московски, изрядно.

Что касается до «Записокъ охотника», появлявшихся по частямъ въ «Современникѣ», то я считаю ихъ на столько извѣстными читателю, что и говорить о нихъ почти не-для-чего. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, пріятно будетъ каждому имѣть собранными въ двѣ довольно красивыя книжки отдѣльные рассказы и очерки даровитаго автора.

«Большую Барыню», напротивъ, я прочелъ всю, какъ новость. Г. Вонлярлярскій, авторъ «Силуэта» и проч., рассказчикъ занимательный, хотя и подражатель школы французскихъ романистовъ, которой главнымъ представителемъ можно назвать Александра Дюма (отца) и которой произведенія еще недавно производили фуроръ въ гостиныхъ. Достоинства ихъ въ томъ, что ими по-крайней-мѣрѣ не оскорбляется эстетическое чувство, если въ то-же время и не удовлетворяется потребность духовнаго созерцанія. Въ «Большой барынь» г. Вонлярлярскій задалъ себѣ серьезную, хоть и тронутую не разъ до него идею, и съ перваго слова изъявилъ самую положительную увѣренность въ своей наблюдательности...

Строгій критикъ, еслибъ взялся за «Большую барыню», осудилъ бы ее за многое; придирчивый рецензентъ нашелъ бы въ ней даже тьму промаховъ противъ уставовъ языка. Но все это уже никакъ не мое дѣло.

...О «Московскихъ Вѣдомостяхъ» я съ нынѣшняго дня поставлю себѣ правиломъ говорить лишь въ особенныхъ случаяхъ: эта газета идетъ своей прекрасной дорогой, не измѣняя себѣ — и читается больше каждаго изъ нашихъ журналовъ, безъ исключенія. На нынѣшній разъ, я остановлю вниманіе читателя на превосходномъ *Отзывѣ провинціала на статью, помѣщенную въ 87 № Сѣверной Пчелы.* *

Съ недавнихъ поръ «Московскія Вѣдомости» завели, наконецъ и петербургскаго корреспондента. Г. Д. въ письмахъ, озаглавленныхъ имъ «Петербургская жизнь» (какъ-бы кто-нибудь не счелъ это заглавіе претензією на сходство съ г. Филаретомъ Шалемъ, и его письмами: «Парижская жизнь»?) довольно ловко толкуетъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, — иногда-же и кое-о-чемъ.

Передо мною шесть книжекъ журнала: «Москвитянинъ», №№ 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й и 16-й.

Вотъ что объявляется въ № 13-мъ:

«Москвитянинъ» изнемогаетъ подъ бременемъ статей, присылаемыхъ со всѣхъ сторонъ въ редакцію. Мы не знаемъ, какъ благодарить почтенныхъ вкладчиковъ, не успѣвая помѣщать ихъ произведеній» **.

Второе предложеніе непонятно; за то первое чрезвычайно — ясно. Что жъ! и прекрасно!

Пробѣжимте-же хоть первые шесть книжекъ: когда все такъ хорошо и хорошаго такъ много.

Перлы перловъ, это въ «Москвитянинѣ» всегда стихотвореніе. Съ нихъ мы и начнемъ.

Вотъ два куплета изъ *сраженія съ дракономъ*, стихотворенія изъ Шиллера, г-жи Авдотьи Глинки:

Первый:

Что тамъ за шумъ? Чего народъ,
На улицахъ тѣсняся ждетъ?
 Родось горить-ли?... Все въ смятеньи,
Какъ будто-бы землетрясенье
Грозитъ. Но вотъ ужъ видно мнѣ,
 Въѣзжаетъ рыцарь на конѣ:
 За нимъ.... *Ну что-же тамъ такое?*
 Влекутъ чудовище какое?
 Оно по виду, какъ драконъ,
 Но съ страшной пастью крокодила....
И всякій страхомъ пораженъ:
Толпа обоехъ обступила.

* «М. В.» № 76.

** Отд. VIII. стр. 19.

Послѣдній куплетъ:

Всѣ вопять: «рыцарю прощенье!»
 Но онъ потупилъ взоръ въ смущеньѣ,
 Подходить, плащъ свой тихо снялъ,
 Магистра длань поцѣловалъ,
 И вышелъ. . . Взоромъ провожая
 Магистръ къ идущему *вѣщал*
Сказалъ: «Меня ты обними,
 Мой сынъ: ты выдержалъ сраженье
 Сильнѣе всѣхъ, сей крестъ прими:
Ты побѣдилъ себя... смиреньемъ!..

Превосходно! Звучно! Образно! Поэтично! Безподобно! но какъ бы до-
 знаться, *изъ* какого Шиллера взяла это г-жа Глинка? Мы съ вами,
 читатель, знаемъ одного Шиллера, Фридриха Шиллера, творца «Марія
 Стюартъ», «Мессинской невѣсты», «Орлеанской дѣвы,» и мног. др.,
 превосходныхъ произведеній. Этотъ Шиллеръ, предметъ нашихъ горя-
 чихъ юношескихъ симпатій, тотъ самый, котораго музыкальныя стихо-
 творенія заучивались нами еще въ дѣтствѣ, въ то время, какъ мы
 давились до слезъ Расиномъ и Ломоносовымъ, — написалъ между
 прочимъ и балладу «Der Kampf mit dem Drachen,» которое я и до-
 сихъ-поръ помню наизусть; вотъ ея первый и послѣдній куплеты;
 первый:

Was rennt das Volk, was wälzt sich dort
 Die langen Gassen brausend fort?
 Stürzt Rhodus unter Feuers Flammen?
 Es rottet sich im Sturm znsammen,
 Und ein Ritter, hoch zu Ross,
 Gewahr ich aus dem Menschentross,
 Und hinter ihm, welch' Abentheuer!
 Bringt man geschleppt ein Ungeheuer;
 Ein Drache scheint es von Gestalt
 Mit weitem Krokodillenrachen,
 Und Alles blickt verwundert bald
 Den Ritter an und bald den Drachen.

Послѣдній:

Da bricht die Menge tobend aus,
 Gewalt'ger Sturm bewegt das Haus,
 Um Gnade flehen alle Brüder;
 Doch schweigend blickt der Jüngling nieder,
 Still legt er von sich das Gewand
 Und küsst des Meisters strenge Hand
 Und geht. Der folgt ihm mit dem Blicke,
 Dann ruft er liebend ihn znrücke
 Und spricht: «Umarme mich, mein Sohn!
 Dir ist der härtere Kampf gelungen.
 Nimm dieses Kreuz. Es ist der Lohn
 Der Demuth, die sich selbst bezwungen.»

Не изъ этого же Шиллера взяла свое безподобное стихотвореніе г. жа Глинка?

Г. Миллеръ поетъ:

Мужъ ученый жилъ когда-то
Съ бородою, какъ *лопата*,
И такую красотой
Дорожилъ ученый *мой*,
Будто визирь сладострастный
Одалискою прекрасной:
Онъ часалъ ее, ласкалъ,
И духами поливалъ.

Это одинъ изъ ста-тысячъ переводовъ или одна изъ ста-тысячъ пере-
дѣлокъ г. Миллера изъ собранія стихотвореній Рюккerta, изданнаго симъ
последнимъ подъ заглавіемъ: «*Hamasa, oder die ältesten arabischen
Volkslieder, gesammelt von Abu Temmam.*» Я увѣренъ, что Рюккертъ
въ выигрышѣ отъ перевода г. Миллера; если же въ этомъ кто усом-
нится, то отвѣтственность на его душѣ, а мы умываемъ руки.

Вотъ вдохновенная пѣснь г. Макарова:

По небу тучи бѣгутъ и скрываются,
Нѣтъ мимолетнымъ слѣда;
Гаснетъ подъ ними и вновь загорается
Въ темной лазури звѣзда.
Вотъ и промчались, вѣтромъ гонимыя;
Даль голубая ясна ...
Чтожь вы тоскуете, жизнью томимые?
Жизнь не на вѣки дана.
Въ грусти взгляните на тучи далекія;
Быстро несутся онѣ:
Такъ пронесутся и скорби глубокия,
Сердце уснетъ въ тишинѣ.

Но позвольте, что же это подсказываетъ мнѣ память:

Тучки небесныя, вѣчныя странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я-же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную...

и еще:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтриль,
Тихо плаваютъ въ туманѣ и т. д.

Молчи, однакожь, память! какъ бы не подслушалъ тебя г. Эрастъ
Благодеровъ, бѣда тогда будетъ «Москвитянину!»

Прозаическіе замѣчательности шести книжекъ московскаго учено-лите-
ратурнаго журнала слѣдующіе: *Николай Васильевичъ Здѣшневъ*, по-

вѣсть, ораніенбаумскаго сочинителя, г. Нетанова, въ которой чаще всего встрѣчается фигура сравненія, посредствомъ частички «словно;» — *Семень Середя, куренный атаманъ Запорожскаго войска*, повѣсть сочиненная на малороссійскомъ языкѣ около 1760 г. и переведенная г-мъ Кулжинскимъ въ 1852, ужъ не знаю для помѣщенія ли въ отдѣлѣ русскѣй изящной словесности; — *Саввушка*, разсказъ г. Кокорева; — *Воспоминаніе о К. П. Брюловѣ*, г. Рамазанова, исключеніе изъ всего до-сихъ-поръ исчисленнаго, — статья, наполненная интересныхъ данныхъ о покойномъ, но къ сожалѣнію набросанная чрезвычайно небрежно.

Въ ученомъ отдѣлѣ вотъ что есть: продолженіе статьи г. Волкова — *Папы и Востокъ въ XIII вѣкѣ*, нескончаемой компиляціи, *Нѣсколько замѣчаній о причинахъ особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ Россіи*, статья, которая была бы не дурна, еслибъ въ ней было что-нибудь новое, и была бы нова, если-бы все, что есть въ ней, не было говорено однимъ извѣстнымъ критикомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ,» — только гораздо яснѣе, полнѣе и удобопонятнѣе; — и наконецъ, нѣсколько статейекъ, которыя годились бы для наполненія пустой странички въ газетѣ.

«Критика,» по прежнему, гимнастическая зала для развитія юныхъ силъ. «Пантеону,» кромѣ статьи г. Каменскаго «А. Е. Егоровъ,»

Таска, да какая!

О нашихъ «вѣстникахъ» вотъ что:

О «вѣстникахъ» журнала, петербургскомъ и московскомъ, замѣтившихъ прежній отдѣлъ «Балагуръ,» мы, по обычаю, умалчиваемъ. Замѣтимъ только, что московскій *балагуръ господина Кони забываетъ уже къ «Современнику,»* (?!) и говоритъ ему разныя любезности, на свой ладъ. На «Москвитянинъ» онъ сильно сердится за его молчаніе» (???)^{*}

Читатель въ-самомъ дѣлѣ, имѣлъ бы право почестъ меня *балагуромъ*, еслибъ я позволилъ себѣ отвѣчать «Москвитянину.» Я этого и не сдѣлаю, до-тѣхъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ, покуда «Москвитянинъ» не провергнетъ хоть вотъ этою-дой доводъ противъ него: *равнодушіе къ единственному въ городѣ учено-литературному журналу всего ученаго сословія того города,—сословія, извѣстнаго своей дѣятельностію и вкладывающаго плоды своихъ занятій постоянно въ журналы другаго города.*

...Остальное въ шести книжкахъ «Москвитянина,»... но я «и-немогаю подъ бременемъ» однихъ перловъ. Каково же было бы вамъ, читатель, еслибъ я вздумалъ исчислять всѣ «статьи, присылаемыя со всѣхъ

* № 16-й, отд. V., с. 191.

сторонѣ въ редакцію» этого журнала? Бѣдные петербургскіе журналы! Они вотъ никогда не удостоивались счастья «изнемогать подѣ бременемъ статей, присылаемыхъ со всѣхъ сторонѣ въ редакцію»... Довольно; не будемъ даже говорить объ историко-философскихъ выходкахъ которыми заключается каждая книжка «Москвитянина»: ихъ оцѣнить потомство; умолчимъ и о томъ, что *Забайкальская область*, статья г. Щукина, перепечатана изъ «Современника», а нѣкоторые очерки и небольшіе рассказы, какъ-то *Страшное убійство*—изъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ перемѣною заглавій, а иногда нѣкоторыхъ собственныхъ именъ; не скажемъ ни слова и противъ того, что каждая книжка «Москвитянина» выходитъ акуратно двумя недѣлями позже опредѣленнаго срока, потому что на это есть достаточныя причины: во-первыхъ «Москвитянинъ» изнемогаетъ подѣ бременемъ статей, и проч., во-вторыхъ, онъ печатается только въ трехъ типографіяхъ...

Доброй ночи, читатели! Я изнемогаю, вы изнемогаете...

Желаю вамъ сновъ, болѣе пріятныхъ, нежели та дѣйствительность, которую мнѣ пришлось занимать васъ въ концѣ моего длиннаго посланія...

Корреспондентъ «Пантеона»,

P. S. Матеріалы для русской исторіи и для исторіи русской словесности, помѣщаемые въ «Москвитянинѣ», всегда или важны, или по крайней мѣрѣ, интересны. Только не должно какъ нибудь, по опрометчивости, причислять къ нимъ біографію г. Рапо (№ 16) и *Памятный листокъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ, встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей* (№ 14). Первая статья, чрезвычайно плодovита: не забыта даже этимологія фамиліи знаменитаго силача-акробата. Вторая чрезвычайно не полна: забыты, напр. всѣ ошибки, встрѣчающіяся безпрестанно въ «Москвитянинѣ». Не мое дѣло замѣчать ихъ, но такъ, любопытства ради, мнѣ непременно бы хотѣлось знать: не ужели *sur le versant des Pyrenées* значить *на поворотѣ Пириней*? А *presbytere* неужели *сельскій приходъ*? *Versant, presbytere*, это такія общеупотребительныя слова, которыя можно найти даже въ «Карманномъ Словарѣ» Ольдекопа.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Отечественныя Записки за августъ и сентябрь. Кальдеронъ. Критика и Смѣсь. Новое произведеніе г. Волярларскаго. Скромная доля. — Драматическая пословица г. Вердеревскаго. — Проза и поэзія. — Статья г. Майкова о графѣ Толстомъ. — Психея и значеніе Апулея. — Неточность выраженій г. Майкова. — О. Іякинфъ и его критикъ. — Богатство Смѣси и бѣдность Новостей Наукъ и Искусствъ. — Августовская книга Библіотеки для чтенія. — Статьи интересныя и странныя. Человѣкъ съ характеромъ и дѣвица Подзорова. — Критика Библіотеки для Чтенія. — И подгородный подписчикъ исчезаетъ вслѣдъ за иногороднымъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, заговорившись о двухъ замѣчательныхъ явленіяхъ нашей литературы, г-жѣ Хвоцинской и г. Крестовскомъ (не водевилистѣ), мы не сказали ничего объ остальныхъ статьяхъ августовской книги «Отечественныхъ Записокъ», и возвращаемся къ ней, потому-что должны упомянуть еще о многихъ любопытныхъ статьяхъ.

Въ отдѣлѣ Наукъ, въ «Исторіи Испанской Литературы» разобралъ Кальдеронъ, не такъ полно, какъ-бы мы желали этого, но для читателей, мало знакомыхъ съ Кальдерономъ, дается объ немъ достаточное понятіе. Языкъ этой статьи также гораздо лучше, нежели въ предыдущихъ извлеченіяхъ изъ сочинія Тикнора, кромѣ немногихъ тяжелыхъ оборотовъ и неправильныхъ выраженій, какъ на-примѣръ: *структура* пьесъ «испанская драма появилась со всеми своими старинными *атрибутами* и заманками еще въ большей *популярности*, нежели когда-либо», или наконецъ слѣдующій длиннѣйшій періодъ, въ которомъ такъ трудно доискаться смысла:

«*Кипячіе* жизни, оживляющее веселія мѣста его драмы, и увлекательная трогательность серьезнѣйшихъ и трагическихъ частей ея приводятъ насъ незамѣтно въ то возбужденное состояніе души, въ которомъ наше воображеніе способно *гармонизировать* съ его блистательными сценами и въ которомъ только мы можемъ *интересоваться* или увлекаться, находясь посреди не только смѣшенія различныхъ формъ драмы, но и смѣшенія предѣловъ собственно драматической и лирической поэзіи».

Не понимаемъ также, почему переводчикъ этихъ статей съ англійскаго подлинника, говоритъ вездѣ, что онъ переводитъ стихи съ испанскаго; вѣдь у Тикнора стихи эти переведены—же по англійски? Нѣтъ никакой надобности увѣдомлять читателей, что переводчикъ знаетъ испанскій языкъ, когда переводитъ съ англійскаго.

Въ критикѣ этой книги замѣчательнъ разборъ «Записокъ Отдѣленія русской и славянской археологіи», въ которомъ совершенно справедливо указывается на нѣкоторыя ошибки г. Сахарова. «Отечественныя Записки» можетъ быть единственный журналъ, въ которомъ сочиненія по различнымъ отраслямъ наукъ разбираются людьми специальными, совершенно знакомыми со своимъ предметомъ. Намъ никогда не случалось встрѣчать въ «Библиографической Хроникѣ» этого журнала энциклопедической поверхности, съ которою разбираются иногда у насъ серьезныя и дѣльныя книги; напротивъ въ каждой статьѣ видно, что ее пишетъ человекъ, основательно изучившій ту отрасль науки, которую разбираетъ. Къ такимъ разборамъ принадлежатъ въ августовской книгѣ статьи объ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка» о «Начертательной Гномоникѣ».

Объ отдѣлѣ «Иностранной Литературы» мы уже не разъ отзывались съ похвалою. Выборъ изъ иностранныхъ журналовъ статей для этого отдѣла прекрасный, онѣ разнообразны, занимательны, и сжатость ихъ не только не вредитъ интересу, но еще увеличиваетъ его, представляя одни главные факты по всемъ отраслямъ знаній и давая возможность читателю слѣдить за всеми лучшими статьями иностранныхъ періодическихъ изданій.

Статья П. И. Небольсина «Караваны въ степи» и рассказъ А. Котляревскаго «Баштаны» очень замѣчательны, какъ вѣрныя и любопытныя картины мѣстности и нравовъ, описываемыхъ авторами. Также не можемъ не упомянуть о хорошемъ рассказѣ Теккерей: «Рейнская Легенда», въ которомъ юморъ этого знаменитаго писателя нашель себѣ пишу даже въ описаніи рыцарской эпохи. «Разныя разности» этой книги довольно интересны.

Переходимъ теперь къ сентябрьской книгѣ этого журнала, и остановимся прежде всего на чисто литературныхъ оригинальныхъ статьяхъ. Ихъ три: начало новаго романа г. Вонлярлярскаго «Магистръ», повѣсть г. Михайлова «Скромная доля» и «Мемуары» разговоръ въ десяти сценахъ, г. Вердеревскаго. О трудахъ г. Вонлярлярскаго мы не разъ говорили. Это легкій, занимательный расказчикъ, пишущій очень много и скоро, умѣющій заинтересовать повѣстью, но не всегда удачно оканчивающій свои рассказы. «Магистръ» имѣетъ тѣже достоинства и недостатки. Не

смотря на это, рассказъ все-таки читается съ удовольствіемъ. Дарованіе г. Вонлярларскаго несомнѣнно, но это дарованіе беллетриста, не претендующаго на глубоко, задуманныя идеи и строго выдержанные характеры своихъ повѣстей, и только лица, не слѣдующія за ходомъ современной словесности, могутъ восхищаться «Большой Барыней», какъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и удивительнымъ, могутъ не шутя ставить Вонлярларскаго на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ.

Произведенія М. И. Михайлова совершенно въ другомъ родѣ: въ нихъ всегда есть какая-нибудь мысль, цѣль, анализъ чувствъ или строго-последовательное развитіе характеровъ. «Скромная доля» не повѣсть; это простейшій физиологическій очеркъ двухъ чиновниковъ, живущихъ тихо и мирно въ одномъ изъ отдаленныхъ городковъ русскаго царства. Какихъ катастрофъ и сильныхъ страстей ждать отъ подобной жизни? чѣмъ можетъ она возбудить интересъ читателя? Очевидно своею совершенною безыскусственностью, отсутствіемъ всѣхъ эффектовъ, самую простотою вседневной жизни, вѣрнымъ описаніемъ самыхъ мелочныхъ подробностей, все достоинство которыхъ заключается именно въ ихъ мелочности. И всѣ эти условія соблюдены въ новомъ рассказѣ г. Михайлова. Отецъ и сынъ служатъ въ одномъ и томъ-же присутственномъ мѣстѣ; отецъ умираетъ, сына собираются женить кухарка его Матрена и всесвѣтная сваха, но молодой человекъ попадаетъ на какую-то бой-бабу, или бой-дѣвицу, которая «съ ожесточеніемъ затягивается табакомъ до-тѣхъ-поръ, что трубка начинаетъ сопѣть и хрипѣть», и разумѣется спасается бѣгствомъ отъ подобной героини.

Вотъ все содержаніе «Скромной доли», автора которой можно упрекнуть только за черезъ-чуръ *кавалерный* характеръ (*сагастѣге трор cavalier*) его героини. Вся сцена съ невѣстою оставляетъ отталкивающее впечатлѣніе, въ особенности выписанная нами фраза. Если неприятно видѣть, когда женщина куритъ, то также неприятно и читать описаніе этого дикаго занятія. Впрочемъ, можетъ быть, авторъ нарочно хотѣлъ сдѣлать свою героиню существомъ неприятнымъ. Языкъ рассказа очень хорошъ, кромѣ двухъ-трехъ изысканныхъ выраженій, отзывающихся провинціализмами, какъ на-примѣръ: *хлипкое* здоровье; она *хизнула*; онъ еще болѣе *скукожился* въ уголкѣ дивана»; что за невѣста? *сама-бы съ диву-далась*, гдѣ такая сыскалась «я тоже словечко *залукну*».

«Мемуары» г. Е. Вердеревскаго тоже драматическая пословица, которая по частію уже начинаютъ выходить изъ моды. Разговоръ въ ней хорошъ, хотя и не блеститъ особеннымъ остроуміемъ, что одно еще можетъ поддерживать подобные разговоры. Содержаніе тоже не отличается отъ пьесъ этого рода. Молодая вдова заставляетъ признаться

въ любви человѣка, который не то любить ее, не то нѣтъ. Бываютъ и такія лица на бѣломъ свѣтѣ. Два другія лица этого разговора очень безцвѣтны. Лучшее въ немъ то, что поклонникъ героини пишетъ мемуары, въ которые вноситъ вовсе не то, что онъ чувствуетъ и записываетъ впередъ въ какой день онъ долженъ быть печаленъ и въ какой ѣдко-насмѣшливъ. Бываютъ и такіе мемуары. Вообще сцены эти читаются легко и не будь подъ ними имени автора, можно было-бы остаться ими довольнымъ. Но г. Вердеревскій можетъ написать лучше, и отъ него мы вправѣ ожидать лучшаго и большаго. Въ немъ замѣчательное поэтическое дарованіе, а кто хорошо пишетъ стихи — можетъ хорошо писать и прозой. Въ старину считали поэзію *языкомъ* боговъ; нѣкоторые изъ современныхъ поэтовъ возстаютъ противъ этого мнѣнія, которое было-бы, конечно, справедливо во время господствованія у насъ одъ, мадригаловъ музъ и парнасса, но которое въ наше время странно было-бы защищать.

Отъ всей души благодарны мы другому нашему поэту г. Майкову за то, что онъ подарилъ насъ нѣсколькими страницами такой прозы, какъ его статья о жизни и трудахъ графа Федора Петровича Толстаго. Всякое свѣдѣніе о такомъ художникѣ драгоцѣнно, тѣмъ болѣе, если оно сообщено также художникомъ. Мы говорили уже о томъ, какъ должно дорожить подобными свѣдѣніями, припоминая, какъ бѣдны мы матеріалами для біографіи К. П. Брюлова въ особенности, и русскихъ художниковъ вообще. Г. Майковъ пополнилъ недостатокъ нашихъ свѣдѣній о графѣ Толстомъ. Статья его полна по возможности, заключаетъ въ себѣ любопытные факты, вѣрную оцѣнку главныхъ работъ художника, написана съ теплою любовью къ искусству, съ уваженіемъ къ трудамъ графа, ставящимъ его дѣйствительно на высокую степень между русскими художниками. Въ особенности последнее произведеніе графа: его рисунки къ поэмѣ «Душенька» оцѣнены вѣрно, описаны съ настоящей точки зрѣнія. Мы не можемъ согласиться только съ авторомъ статьи во мнѣніяхъ касательно древняго міеа о душѣ и литературнаго значенія Апулея. Первому міеу г. Майковъ приписываетъ уже слишкомъ большое вліяніе, говоря, что по этой глубокой мысли о существованіи души «можно понимать взглядъ древнихъ на вещи, ихъ исторію, *физиологію*, философію, религію, даже бытъ ихъ.» Не много-ли уже этого? Не увлекся-ли авторъ, приписавъ такое огромное значеніе міеу Психей? Мы думаемъ напротивъ, что въ вѣрованіяхъ древнихъ, ученіе о душѣ занимало очень не важное мѣсто, играло незначительную роль, и что только христіанство дало настоящее значеніе духовному бытію человѣка. Не говоримъ, чтобы древніе не имѣли вовсе понятія о душѣ.

Но какое это было понятіе? Г. Майковъ, знакомый съ философскими и религіозными ученіями древнихъ, вѣроятно самъ видитъ какъ не глубоко пустилъ корни въ эти ученія миѳъ Психей. Онъ можетъ, пожалуй, видѣть этотъ миѳъ въ персидскихъ Пери, но находить его въ матери Изиды — немножко странно. Пусть только г. Майковъ вспомнитъ, какіе атрибуты и въ какомъ числѣ изображались Изиды на ея изображеніяхъ въ храмахъ Мемфиса и Рима. Что-же касается до Апулея, то молодой авторъ смотритъ на него уже черезъ-чуръ строго, по лагарповски, не признавая въ немъ оригинальнаго таланта. Апулей одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей II вѣка; онъ конечно, риторъ, но съ этимъ званіемъ, въ его время, не соединилось никакого значенія унижительнаго для науки и поэзіи, какъ въ V и VI вѣкахъ. Апулей болѣе всего философъ и если въ своихъ *метаморфозахъ* онъ выказывается эпикурейцемъ, полнымъ юмора и граціи, то въ своихъ философскихъ трактатахъ, даже во *флоридахъ*, гдѣ онъ блеститъ сверхъ того, какъ замѣчательный ораторъ и адвокатъ — Апулей всегда, по преимуществу, платоникъ, полный ума, познаній и вѣрныхъ взглядовъ на жизнь. Еслибы метаморфозы были только компилаціею, слава ихъ не пережила-бы первыхъ вѣковъ нашей эры, не продолжалась-бы до нашего времени. Самый языкъ Апулея не уступаетъ въ чистотѣ языку классическихъ писателей. Говоря о языкѣ г. Майкова, мы не упомянемъ о нѣкоторыхъ книжныхъ выраженіяхъ, какъ на-примѣръ-судьба начала *пріятствовать* ему, выгоды *ублажающія* жизнь, на изысканное названіе Паллады — *Разумницею*, вмѣсто прямаго перевода греческаго эпитета, означающаго — мудрая, на ненужное введеніе слова: *антиквитаты*, вмѣсто древности, очень простаго, всѣмъ понятнаго и означающаго тоже самое. Эти и тому подобныя неправильныя выраженія, попадающіяся, впрочемъ, довольно рѣдко, поражаютъ не такъ непріятно, какъ неправильное употребленіе однихъ словъ вмѣсто другихъ. Мы замѣтили это однажды молодому поэту въ его стихахъ, гдѣ онъ вмѣсто *собиранья винограда* употребилъ слово похожее, но имѣющее совершенно другое значеніе: *собранье винограда*. Но въ стихахъ это нѣсколько извинялось требованіемъ размѣра; не знаемъ, чѣмъ можно извинить это въ прозѣ. Подобное смѣшеніе словъ поражаетъ тѣмъ непріятнѣе, что оно встрѣчается на второй строкѣ статьи. Вотъ что говоритъ г. Майковъ: «Въ исторіи человѣчества есть нѣсколько мыслей, нѣсколько истинъ, *пресльдваніе* которыхъ было всегда плодотворно.» — Не думаемъ чтобы было плодотворно *пресльдовать* какія-бы то нибыло истины и мысли. *Изслѣдовать* ихъ — дѣло другое; и мы

увѣрены, что авторъ хотѣлъ сказать именно послѣднее. Какъ странно однакоже смѣшать два подобныя слова, имѣющія совершенно различное значеніе!

Замѣтимъ также, что г. Майковъ, говоря о безвкусіи и плохихъ стихахъ «Душеньки» Богдановича, напрасно находитъ въ нихъ мѣстами поэтическіе образы.

Первая статья о третьемъ томѣ «Космоса» въ высшей степени интересна, чего мы не можемъ сказать къ сожалѣнію о критикѣ на новое сочиненіе О. Іакинфа: «Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена». Цѣль почтеннаго автора этой статьи, профессора Казембека, доказать, что О. Іакиофъ сдѣлалъ очень много ошибокъ въ своей «Исторіи» — достойна уваженія; но изложеніе статьи сухо и исчисленіе промаховъ синолога, какъ ни важны они, не очень занимательно.

Кромѣ Иностранной Литературы, интересной, какъ всегда, въ Смѣси Сентябрьской книги помѣщены четыре разсказа современныхъ иностранныхъ писателей. Изъ этихъ разсказовъ очень хороши: Мнимое наследство; Записки куропатки и Ключъ отъ улицы. Но болѣе всего мы должны благодарить неизвѣстнаго автора, приславшаго изъ Рима свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Брюлова. Каждая строка этой статьи полна высокаго интереса и должна быть пріятна для всякаго, кто дорожить успѣхами русской живописи.

Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы въ этомъ номерѣ какъ и вообще въ предъидущихъ, не полны и не очень занимательны. Въ нихъ сообщается объ открытіяхъ менѣе интересныхъ, а о важнѣйшихъ умалчивается; въ выборѣ этихъ мелкихъ статей, кажется, менѣе всего участвуетъ мысль о томъ, что именно всего болѣе можетъ занимать русскихъ читателей, а намъ кажется, что прежде всего надо бы имѣть въ виду именно это. И потомъ, для чего въ этой рубрикѣ существуетъ слово *Литература*, когда она и не показывается тамъ, да и прямое мѣсто ея все-таки въ Разныхъ Разностяхъ, которыя въ этой книгѣ весьма разнообразны и интересны.

Въ августовской книгѣ Библіотеки для Чтенія много интересныхъ статей; но есть и очень странныя, съ нѣкоторыхъ поръ довольно часто встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ. Къ первымъ отнесемъ: новый романъ В. Р. Зотова: «Человѣкъ съ характеромъ», — «Римскій міръ въ V вѣкѣ» (хотя эта статья давно уже напечатана въ извлеченіи въ Отечественныхъ Запискахъ), «Записки Саратовскаго купца Жаркова о Киргизахъ», и «Жизнь въ Австраліи», — статью очень длинную, но не лишенную занимательности. Къ

страннымъ отнесемъ Критику и Литературную Лѣтопись, въ Смѣси три странички о Данте, и наконецъ письмо подгороднаго подписчика.

Что сказать о романѣ Г. В. Зотова? Онъ одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Пантеона» и мы не можемъ говорить объ немъ такъ подробно, какъ говоримъ о другихъ. Скажемъ только, что лица въ новомъ произведеніи Г. Зотова весьма вѣрны дѣйствительности; съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ будто мы встрѣчались въ жизни, какъ на—примѣръ, съ дѣвицею Подзоровою, почитавшею себя философкой, потому—что ей удалось прочесть въ пансіонѣ двѣ, три серьезные книги, разумѣется, не понявъ ихъ. Типъ этой дѣвы—сплетницы, выбранъ и очерченъ очень удачно. Кажется, такъ и видишь передъ собою эту болѣзненно—осунувшуюся фізіономію, у которой въ каждой чертѣ видна злость обиженнаго самолюбія и которая съ такой нецеремонностью закиливаетъ чужія книги, вѣроятно, въ слѣдствіе своихъ философскихъ убѣжденій.

«Человѣкъ съ характеромъ» составляетъ съ идилліей «Михако и Нина» лучшіе рассказы въ Библіотекѣ для Чтенія нынѣшняго года. Намъ однако—же гораздо болѣе нравится послѣдній рассказъ, къ которому мы возвращаемся тѣмъ охотнѣе, что не рассказали въ прошломъ Вѣстникѣ содержанія идилліи г. Ливенцова. Не то, чтобы насъ особенно поразило эго содержаніе: оно, какъ мы уже замѣтили, не многосложно, не ново, но наводитъ на мысли о предметахъ слишкомъ близкихъ нашему сердцу «Le vrai poète est celui qui donne à penser» сказалъ одинъ изъ лучшихъ поэтовъ современной Франціи.

Михако влюбленъ въ Нину; Нинѣ кажется, что она любитъ Михако; родители не соглашаются на ихъ бракъ; Михако уговариваетъ Нину бѣжать. Она рѣшается на это въ минуту необдуманнаго увлеченія. Бѣглецы обвѣнчаны и поселяются въ одной уединенной долинь, куда не заходилъ нога человѣка. Первые мѣсяцы проходятъ конечно, въ восторгахъ любви и счастья, но потомъ проза жизни беретъ верхъ надъ поэзіею: не все поцѣлуи и страстные разговоры — падъ: ѣсть и пить. Михако отправляется отыскивать денегъ и работы, оставляя Нину одну, сначала на нѣсколько дней, потомъ на недѣли. Нинѣ скучно, тѣмъ болѣе, что Михако, во время своихъ отлучекъ, забываетъ объ ней, уходитъ веселый, возвращается скучный, наконецъ даже загуливается не на шутку. Нина бѣжитъ изъ своей долины въ Тифлисъ, отыскивать своего вѣтреннаго друга. Михако, не найдя Нины, тоже ищетъ ее и находитъ — но уже поздно. Нина не хочетъ возвратиться подъ кровъ отеческій; она не

можетъ сдѣлать этого, не можетъ принять прощенія родителей. Михако идетъ милиціонеромъ сражаться съ горцами. Нина умираетъ въ жалкомъ положеніи.

Подобныя исторіи бѣгствъ и похищеній были когда-то въ модѣ въ литературѣ. Это не доказываетъ однакоже, чтобы подобныя происшествія часто встрѣчались въ жизни. Если онѣ и случались когда-нибудь въ современномъ обществѣ, то во всякомъ случаѣ не оканчивались такъ трагически. На Востокѣ—дѣло другое. Тамъ и мужчины страстнѣе и женщины непостояннѣе и не такъ ровно и тихо льется кровь въ ихъ жилахъ, какъ у жителей странъ холодныхъ, въ націяхъ цивилизованныхъ.

«Михако и Нина» заставили насъ забыть даже стихи г-жи В. А., читая которыхъ

Какъ будто гранитовъ скаканье
По каменнымъ слышно горамъ,

какъ говоритъ сама поэтесса «Библіотеки для Чтенія въ своемъ стихотвореніи: «Статуи къ Осману». Возвращаться къ хорошему—самая пріятная обязанность рецензента. Не часто выпадаетъ намъ на долю подобное удовольствіе, но тѣмъ живѣе чувствуемъ мы его. Напрасно думаютъ многіе, что пріятно находить дурныя стороны въ какомъ-либо произведеніи, ожидать, выставляя на солнце бездарность, кроющуюся въ запутанныхъ фразахъ и хитросплетенныхъ названіяхъ, обнаруживать невѣжество, нахватавшееся верхушекъ и старающееся бросить пыль въ глаза довѣрчивымъ читателямъ. Нѣтъ, это тяжелое занятіе, неблагодарное занятіе, и не мудрено, когда черствѣетъ въ немъ душа обязаннаго критика, и онъ дѣлается по временамъ строгъ къ второстепеннымъ талантамъ, недовѣрчивъ къ дарованіямъ, впервые выступающимъ на литературную арену. Не осуждать надо бѣднаго критика, загрубѣвшаго въ разборѣ литературныхъ скороспѣлокъ, а сожалѣть объ немъ.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, въ минуты унынія и упадка духа говорилъ:

И отчего мы рады злыми быть?
Вездѣ, во всемъ одно дурное видѣть;
Уже-ли намъ такъ тяжело любить,
Уже-ли такъ отраднo ненавидѣть?

Другой писатель примѣнилъ эти стихи къ критикамъ и рецензентамъ, конечно не къ нашимъ. Мы, напротивъ, всегда рады, когда можемъ что-нибудь похвалить отъ души. Восхищаться такъ пріятно,

Это такое рѣдкое и дорогое состояніе души. Если полезно открывать дурное, то при открытіи хорошаго — къ пользѣ присоединяется еще и удовольствіе, и мы довольны чуть-ли еще не болѣе читателей, когда намъ приходится говорить о прекрасномъ. Къ несчастію удовольствіе, какого-бы рода оно ни было, рѣдко бываетъ полнымъ; къ нему примѣшивается всегда частичка горечи. Это общій законъ физической природы. Что-нибудь да испортитъ непременно восторженное состояніе духа; что-нибудь да помѣшаетъ эцикурейскому наслажденію прекраснымъ. Даже послѣ высокаго въ поэзіи испытывается самое прозаичное ощущеніе, какъ послѣ знаменитаго стиха Корнеля, въ его «Гораціяхъ»

Que vouliez vous qu'il fit contre trois?

Qu'il mourut!

слѣдуетъ самый плохой стихъ:

Ou qu'un beau dèsespoir alors le secourut.

Конечно, комментаторы Корнеля не приводятъ обыкновенно втораго стиха, но онъ все-таки существуетъ, и его не вычеркнешь изъ трагедіи, какъ не вычеркнешь изъ жизни однажды полученной непріятности, чѣмъ-бы ее ни заглаживали.

Точно также и въ «Библиотекѣ для Чтенія», послѣ хорошихъ статей, не вычеркнешь плохихъ, которыя слѣдуютъ за первыми и къ которымъ мы должны теперь обратиться.

«Записки купца Жаркова о киргизахъ» впрочемъ довольно интересны, хотя намъ сдается, судя по языку, что эти записки, писалъ человѣкъ, понаторѣвшій въ книжномъ дѣлѣ. Это не можетъ, однакоже, мѣшать занимательности записокъ.

Мы причислили къ страннымъ статьямъ «Библиотеки для Чтенія» критику и Лѣтопись, но не можемъ рѣшить, что страннѣе въ этихъ отдѣлахъ, самыя сужденія о книгахъ или языкъ, которымъ высказываются эти сужденія? Такъ, разбирая въ высшей степени любопытную книгу, о которой отозвались съ должнымъ уваженіемъ все русскіе журналы: «Магазинъ землевѣденія и путешествій», изданный Николаемъ Фроловымъ, критикъ «Библиотеки для Чтенія» начинаетъ съ того, что называетъ второй отдѣлъ книги камерой съ безалаберной смѣсью разнородныхъ извѣстій; далѣе говоритъ, что статья г. Перовщикова *малосочна*, также какъ и статья г. Спасскаго и что *сочность* ученыхъ плодовъ дается не всякому ученому *заподрядъ*. Мѣстами сужденія Библиотека для Чтенія чрезвычайно любопытны. Такъ отозвавшись съ пренебреженіемъ о двухъ статьяхъ г. Перовщикова: «О суточномъ и годичномъ вращеніи земли», — «Историческое обозрѣніе изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли» и о статьѣ о

г. Спасскаго «Атмосфера земли», критикъ говоритъ: «Для насъ гораздо занимательнѣе статьи о мировыхъ предметахъ, о вопросахъ первой важности, вопросахъ ново-европейской цивилизаціи, то-есть, о кофе, чаѣ и сахарѣ. Вотъ предметы общечеловѣческіе, входящіе въ плоть и кровь новаго человѣка! Тутъ каждый въ силахъ судить и оспаривать мнѣнія автора и рецензента...» и такъ далѣе, стало-бы охоты выписывать. Послѣ такого взгляда на предметъ, неудивительно, что критику не правится сборникъ г. Фролова. Если мы прибавимъ къ этому, что двѣ трети разбора заняты выписками изъ сборника, то получимъ полное понятіе о серьезной критикѣ «Библиотеки для Чтенія». Образецъ этой критики, примененной къ чисто-литературнымъ произведеніямъ, мы видѣли въ разборѣ «Мертваго Озера» и сочиненій Н. В. Кукольника. Впрочемъ, вѣроятно, зная сама себѣ цѣну, эта-же критика говоритъ, что главная цѣль ея: «быть менѣе глубоко-ученой (сколько намъ помнится, критику эту, никогда и никто не обвинялъ въ глубокой учености), а болѣе доступной большинству и сообразной съ потребностями читающаго класса вообще». Неужели подобная критика потребность читающаго класса? Смѣемъ думать противное. Критикъ «Библиотеки для Чтенія» можетъ быть и *эрудитъ* (слово употребляемое и сочиненное этимъ журналомъ), но ни въ какомъ случаѣ статьи его нельзя назвать ясными и доступными для всѣхъ читателей.

Литературная Лѣтопись ступаетъ, разумѣется, по слѣдамъ критики, въ отношеніи къ сужденіямъ и языку, какимъ она написана. Такъ въ достойныхъ уваженія трудахъ г. Перевлѣскаго она видитъ какую-то спекулятивную цѣль, а распространяется въ похвалахъ пустымъ брошюрамъ.

Намъ было также очень странно встрѣтить въ Смѣси «Библиотеки для Чтенія» двѣ статьи: «Встрѣча съ Россіи» и «Послѣдній концертъ въ Тюльери» — напечатанныя гораздо позже того, какъ обѣ эти статьи появились въ музыкальномъ журналѣ: «Музыкальный Свѣтъ». Но всего удивительнѣе въ этой книгѣ *последнее* письмо Подгороднаго Подписчика, на пяти страничкахъ съ половиной, говорящее въ особенности о «Пантеонѣ» неизвѣстно что. По-крайней-мѣрѣ, мы совершенно смиренно сознаемся въ томъ, что ровно ничего непоняли изъ сужденія Подгороднаго Подписчика о «Пантеонѣ»... Почему также этому сужденію дано въ заглавіи названіе «Лѣтняго вечера Пантеона?» — все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ заключеніе замѣтокъ нашихъ, считаемъ долгомъ, обратить вниманіе публики на вышедшіе отдѣльною книгою, давно уже прочитанные

ею «Записки Охотника».

Но оставимъ литературу и перейдемъ къ искусствамъ. Теперь наступаетъ ихъ владычество. Императорская Академія Художествъ уже распахнула свои двери и приглашаетъ публику на годовичную выставку произведеній отечественной живописи и скульптуры. Мы пока успѣли пробѣжать залы мелькомъ и замѣтили нѣсколько произведеній истинно прекрасныхъ, разумѣется, между множествомъ посредственныхъ. Посвятить на серьезное изученіе этой выставки нѣсколько дней, мы дадимъ объ ней подробный отчетъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Итальянская Опера также начала свои представленія. Пока въ ней все старые знакомые, но на дняхъ появился знаменитый пѣвецъ Лаблашъ, который впервые дебютируетъ въ Петербургѣ. Своевременно, мы поговоримъ и объ составѣ оперы вообще и объ этомъ замѣчательномъ артистѣ въ особенности. Недавно и парижская сальфида, г-жа Карлотта Гризи, снова появилась въ балетѣ. Объ этой артисткѣ мы столько говорили, что не прибавимъ больше юты, боясь повторить уже сказанное и употребить во зло вниманіе читателей.

Художественныя изданія у насъ чрезвычайно рѣдки, по двумъ весьма уважительнымъ причинамъ, во-первыхъ: они требуютъ отъ издателя значительнаго иждивенія, а во-вторыхъ, на нихъ находится очень мало покупателей. У насъ былъ изданъ прекрасный эстампъ-акватинта, изображающій картину Брюлова «Послѣдній день Помпей», не такъ давно еще вышла превосходная литографія г. Шедровскаго, съ знаменитой картины Штейбена, «Христосъ на Голгоѣ», — эти двѣ картины, и по размѣрамъ своимъ, и по художественному выполнению и по прекрасному содержанію, казалось, должны-бы украшать стѣны каждаго русскаго салона, а между тѣмъ, спросите-ка издателей, много-ли экземпляровъ у нихъ разошлось? А какъ на ту, такъ и на другую, потрачены огромные капиталы. Это равнодушіе, или лучше сказать, этотъ недостатокъ сочувствія къ изданіямъ художественнымъ, долженъ по неволѣ остудить жаръ предпріимчивыхъ издателей и удержать ихъ порывы къ обнародованію образцовыхъ произведеній русской кисти.

При такихъ обстоятельствахъ тѣмъ пріятнѣе встрѣтить новое изданіе, которое имѣетъ двоякую цѣну: какъ художественное—и у насъ еще довольно новое — выполненіе, и какъ священный памятникъ отечественнаго событія и древняго искусства. Мы говоримъ о изображеніи лика «Еоодоровской Божіей матери», снятаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Придворномъ Соборѣ Зимняго Дворца и выполненной хромо-литографически г. Мюнстеромъ. Исторія этой иконы тѣсно связана съ исторіею нашего отечества. Это та самая икона, которою инокиня Марѳа,

мать царя Михаила Ѳеодоровича, благословила, 14 марта 1613, сына своего на царство, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Снимокъ, сдѣланный Мюнстеромъ съ этой иконы и отпечатанный имъ хромолитографическимъ способомъ, т. е. красками, превосходенъ — и по точности копій и по чистотѣ и отчетливости оттисковъ. Она отпечатана тринадцатю красками. Кому незнакомъ способъ хромолитографическаго печатанія, тотъ вѣрно подивится, когда мы ему скажемъ, что для полнаго произведенія каждаго экземпляра этаго изданія, нужно было изготовить 13 литографическихъ камней, тринадцать разъ растереть новую краску и сдѣлать столько-же оттисковъ на одномъ и томъ-же листѣ. Это египетская работа, требующая большаго вниманія и аккуратности. Эстампъ этотъ истинный подарокъ для каждаго русскаго и, вѣроятно, найдетъ много покупателей, тѣмъ болѣе, что цѣна ему, относительно къ потраченному труду и къ величинѣ картины, болѣе, чѣмъ умѣренная *. Г. Мюнстеръ за исполненіе этого эстампа удостоился получить Высочайшій подарокъ: драгоценный перстень, украшенный брилліантами.

НАРЯДЫ.

Сентябрь мѣсяцъ въ нынѣшнемъ году былъ къ намъ очень щедръ, онъ подарилъ намъ нѣсколько роскошныхъ, теплыхъ дней, которые удержали на время улетающую лѣтнюю моду или, по-крайней-мѣрѣ, сдружили ее съ осеннею. Въ нарядахъ оттого произошла нѣкоторая смѣсь. Появились атласныя шляпки, но подъ теплыми бурну и мантильями, все еще господствовали платья изъ кисеи, барежа и легкихъ шелковыхъ матерій. Хорошенькая женщина всѣмъ воспользуется, чтобы придать себѣ еще больше привлекательности, и даже эту смѣсь умѣетъ обратить въ свою пользу. Главное новизна. Да и можно-ли роптать на прекрасный полъ за это желаніе рядиться, украшать себя, привлекать взоры и сердца? Съ самаго дѣтства имъ уже говорятъ: «Если ты будешь мила и умна, тебѣ сошьютъ новенькое платье». Новые наряды бываютъ результатомъ и даже необходимостью каждой важной перемѣны въ ихъ жизни. Прислушайтесь къ ихъ разговору: «Когда мы съ нимъ въ первый разъ встрѣтились, на мнѣ было голубое, газовое платье»...

* Продается — у издателя, въ Литографіи его, на Большой Садовой, противъ Юсупова сада, въ собственномъ домѣ и въ картинномъ магазинѣ Фельтена. Иногородные могутъ выписывать картину чрезъ Главную Контору журнала Пантеонъ. Цѣна 3 руб. сер., съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

«Я очень хорошо помню это обстоятельство, я тогда еще купила себѣ новое платье гласе, веръ-де-гри»... «Когда я вѣнчалась, на мнѣ было платье изъ бѣлаго моара и брюссельская вуаль»... «Въ этотъ самый мѣсяцъ я перемѣнила свое шерстяное, траурное платье на черное шелковое, которое ко мнѣ очень шло»... «Я навѣрное знаю, что сынокъ ея родился въ январѣ, потому-что ей тогда подарили на ризки ея бархатную мантилью ogeille d'ours.» — и т. д. Эти фразы почти не сходятъ съ прекрасныхъ устъ. Да и какъ-же быть иначе? Выѣзжаетъ дѣвушка въ первый разъ на балъ — ей шьютъ новое платье, рядятъ ее куколкой, ею восхищаются родные, молодежь подноситъ ей перлы, она сама въ восторгѣ отъ себя. Выходитъ она замужъ — шьютъ подвѣчное платье; сдѣлалась она дамой, она шьетъ себѣ первый нарядъ — по своему вкусу, по своей прихоти, безъ совѣтовъ маменьки, безъ назиданій папеньки, безъ выправокъ тетушекъ.

Но мы увлеклись разсужденіемъ отъ нашего главнаго предмета. Отъ насъ ждуть описанія новѣйшихъ, видѣнныхъ нами костюмовъ, а мы взялись защищать ихъ законность. Приступимъ-же къ дѣлу, отрекомендуемъ лучшіе изъ этихъ нарядовъ:

Первый костюмъ. Шляпка бѣлая атласная, отдѣланная блондою. На ней розовая фаншона, также обшитая въ два ряда блондою, съ широкими завязками. Платье бѣлое кашемировое, съ тремя воланами, обшитыми въ три ряда розовой лентою или бахромкою. Рукава съ двойными воланами. На поясѣ широкая атласная лента и эшарпъ — изъ затканнаго цвѣтами крепона.

Второй костюмъ. Шляпка гроденаплевая, обшитая въ нѣсколько рядовъ зубчатыми кружевами. Платье изъ матеріи, называемой Vajadère-grenadine, котораго воланы обшиты тремя синими атласными лентами, сверху узенькою, въ срединѣ поширѣ, внизу самую широкою. Рукава до локтей, также обшитые синею лентою. Мантилья синяя грогранъ, съ капишономъ назади, украшенная сборчатою атласною лентою, а внизу и по краямъ шелковымъ аграманомъ и бахромою. Отложной, кружевной воротникъ, сдерживаемый лентою.

Третій костюмъ. (Вечерній). Мусселиновое платье, съ полуоткрытымъ воротомъ, сердцеобразно вырѣзаннымъ. Лифъ сборчатый. Круглая, но отнюдь не высокая талія. Рукавчики, самые короткіе. Юбка съ четырьмя широкими, зубчатыми воланами. Эшарпъ изъ широкой ленты, лежащій сзади и на плечахъ въ видѣ косыночки, а изъ подъ пояса ниспадающій двумя широкими концами.

Четвертый костюмъ. (Амазонскій). Черная, шелковая мужская шляпа, съ газовой вуалью. Верховая юбка со шлейфомъ, изъ темнаго

мериноса, напередѣ въ два ряда обшита яркими лентами моаръ, украшенными пуговками. Кофточка, съ высокимъ корсажемъ, плотно облегающая тѣло, спереди съ закругленными мысками. Она также обшита лентами и украшена пуговками. Воротникъ стоячій, гофренный.

Пятый костюмъ. (Утренній). Юбка изъ тканого гаконаса, безъ всякой отдѣлки. Кофточка изъ бѣлаго пике, обшита оборочками изъ англійскаго шитья, съ закругленными фалдочками. Чепчикъ, простенькій, изъ англійскаго шитья, съ длинными и широкими завязками.

Вотъ все, на что мы можемъ указать вамъ на нынѣшній разъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ, когда зимняя мода установится, мы надѣемся представить больше свѣденій, заслуживающихъ вниманіе. И такъ, пока — до свиданія, или лучше сказать, до новыхъ платьевъ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

КОРСАРЪ.

ДРАМА, ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПРОЛОГѢ:

ИВОНЪ КЛОАРЕКЪ, судья въ Орлеанскомъ судѣ, 29 лѣтъ.

ЖЕННИ КЛОАРЕКЪ, жена его.

САБИНА, дочь ихъ, 5 лѣтъ.

СУСАННА РОБЕРТЪ, компаньонка г-жи Клоарекъ, 24 лѣтъ.

ЖАНЪ ЛЕГУЕНЪ, писецъ, 33 лѣтъ.

НАНЕТТА
МАРІА } служанки.

Дѣйствіе происходитъ въ Орлеанѣ, въ домѣ Ивона Клоарека, въ 1801 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЬЕСѢ:

ИВОНЪ КЛОАРЕКЪ, 40 лѣтъ.

САБИНА, его дочь, 16 лѣтъ.

ЖАНЪ ЛЕГУЕНЪ, 44 лѣтъ.

СУСАННА РОБЕРТЪ, 35 лѣтъ.

ГЕНРИХЪ, ея племянникъ.

РУССЕЛЬ, капитанъ англійской службы.

ПЕТРИ, мальтїецъ.

ФЛОРИДОРЪ ВЕРДИРОНЪ, арматоръ корсарскаго брига «Адская головня».

ЖАНЪ
СИМОНЪ } контрабандисты.

ТРАКТИРЩИКЪ,

ПОЧТАЛІОНЪ.

ЖАКЪ, слуга Клоарека.

Французскіе и англійскіе матросы, контрабандисты, слуга **КЛОАРЕКА**.

Дѣйствіе въ окрестностяхъ Діеппа, въ 1812 году.

ПРОЛОГЪ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Комната въ домѣ Клоарека. Направо дверь въ спальню. Налѣво въ другія комнаты. На авансценѣ диванъ, на которомъ Нанетта и Марія дошиваютъ костюмъ бретонскаго крестьянина. Сусанна выходитъ изъ спальни. Въ глубинѣ сцены столы со свѣчами. Нѣсколько стульевъ.

I.

СУСАННА, МАРІЯ, НАНЕТТА.

СУСАННА. Ну что? кончили вы наконецъ этотъ костюмъ?

НАНЕТТА. Сейчасъ, госпожа Робертъ! мнѣ осталось только пришить ленту къ шляпѣ.

МАРІЯ. А мнѣ нѣсколько серебрянныхъ пуговокъ къ жилету.

СУСАННА. Торопитесь, пожалуйста! Г. Клоарекъ скоро будетъ. Маскарадъ начинается рано, и онъ кромѣ того хочетъ поранше ѣхать, чтобы поскорѣе вернуться къ своей больной женѣ.

НАНЕТТА. А госпожа Клоарекъ все еще опасно больна?

СУСАННА. Нѣтъ! опасности теперь нѣтъ никакой!... докторъ велѣлъ беречься только всякаго сильнаго потрясенія.

НАНЕТТА. За чѣмъ же г. Клоарекъ ѣдетъ въ маскарадъ, когда жена его нездорова.

СУСАННА. За-тѣмъ, что маскарадъ этотъ даетъ зять президента нашего суда; на немъ будетъ самъ президентъ и все судьи; стало быть, г. Клоареку нельзя не ѣхать на этотъ балъ!

МАРІЯ. И г. Клоарекъ будетъ плясать?

СУСАННА. Нѣтъ! онъ только покажется на балѣ, и тотчасъ-же вернется провести вечеръ съ женой.

НАНЕТТА. Но для чего же ему въ такомъ случаѣ костюмироваться?

СУСАННА. Вы, милыя мои, что-то ужъ очень разговорились. Не вамъ судить о томъ, чего вы не понимаете. Г. Клоарекъ долженъ за-костюмироваться потому, что на то была воля президента, желавшаго, чтобы все гости были въ разнохарактерныхъ нарядахъ. Вашъ господинъ выбралъ себѣ костюмъ бретонскаго крестьянина потому, что онъ напоминаетъ ему родину. Обо всемъ этомъ вы могли бы сами догадаться, безъ распросовъ, еслибы въ васъ было побольше прилѣжанія, и поменьше любопытства.

НАНЕТТА. Мы ужъ кончили, госпожа Робертъ!

СУСАННА. Наконецъ? ступайте же и отнесите все это въ комнату г. Клоарека; да смотрите, чтобъ все было на мѣстѣ. Онъ сердится, когда у него не все въ порядкѣ. (*Нанетта и Марія уходятъ.*) Правду сказать: часто сердится онъ и вовсе понапрасну. Хорошо еще что онъ не знаетъ что болѣзнь г-жи Клоарекъ происходитъ отъ бѣшеннаго и вспыльчиваго характера ея мужа. Вѣдь надобно-же быть такому несчастію! человекъ онъ добрый, хорошій, всего только кажется и есть одинъ порокъ: гнѣвъ, да за то всѣхъ другихъ стоитъ. Какъ вспылить, такъ даже смотрѣть на него страшно. Боюсь, чтобы при слабыхъ нервахъ госпожи Клоарекъ, — это чѣмъ нибудь дурнымъ не кончилось; конечно онъ при ней удерживается, сколько можетъ, но поручиться за него никакъ нельзя, да я думаю и самъ онъ за себя не поручится.

II.

СУСАННА, ЖАКЪ ЛЕГУЕНЪ.

ЛЕГУЕНЪ (*въ дверяхъ*). Ели я не ошибаюсь, это вы, госпожа Робертъ?

СУСАННА. А! г. Легуенъ, войдите пожалуйста, вамъ вѣрно нужно видѣть г. Клоарека — онъ скоро будетъ.

ЛЕГУЕНЪ. Нѣтъ! мнѣ нужно не его, а васъ госпожа Робертъ.

СУСАННА. Меня? а чтоже вамъ отъ меня нужно?

ЛЕГУЕНЪ. Прежде всего поцѣловать вашу ручку, а потомъ сказать вамъ нѣсколько важныхъ словъ.

СУСАННА. Вы все такой же вѣтренникъ, г. Легуенъ. Развѣ вы не знаете, что у дѣвицъ неприлично цѣловать руки.

ЛЕГУЕНЪ. Но вѣдь вы выйдете же, наконецъ, когда нибудь за меня за мужъ.

СУСАННА. Съ чего вы это взяли? я сказала ужъ вамъ разъ на

всегда, что партія эта была бы слишкомъ не равна. Я принадлежу къ небогатой, но извѣстной дворянской фамиліи, и живу у г-жи Клоарекъ, единственно по дружбѣ къ ней, а вы что — писецъ и больше ничего!

ЛЕГУЕНЪ. Ну что же? я могу быть со временемъ и не тѣмъ, что я теперь!

СУСАННА. Г. Легуенъ! не угодно ли вамъ сказать, за чѣмъ вы пожаловали? Иначе я принуждена буду васъ оставить.

ЛЕГУЕНЪ. Я повинуюсь. Посоветуйте г-жѣ Клоарекъ, чтобы она упросила своего мужа не ѣздить сегодня въ маскарадъ къ зятю нашего президента.

СУСАННА. Отчего же это?

ЛЕГУЕНЪ. Оттого, что если президентъ увидитъ на этомъ балѣ г. Клоарека, то изъ этаго могутъ выйти большія непріятности.

СУСАННА. Объяснитесь, пожалуйста.

ЛЕГУЕНЪ. Г. Клоареку не должно встрѣчаться вечеромъ съ президентомъ, потому что онъ по утру забылся противъ него.

СУСАННА. Боже мой! возможно ли!

ЛЕГУЕНЪ. Что сдѣлано — того не воротись!

СУСАННА. Но за что-же? по какой причинѣ?

ЛЕГУЕНЪ. Одни говорятъ, что президентъ сказалъ г-ну Клоареку не совѣтъ ласковую фразу за дуэль нынѣшняго утра.

СУСАННА. Г. Клоарекъ дрался на дуэли! часъ отъ часу не легче!

ЛЕГУЕНЪ. Да, съ адвокатомъ Лораномъ; они поссорились вчера въ судѣ за какое-то дѣло, и сегодня г. Клоарекъ прокололъ насквозь руку г. Лорана. Другіе думаютъ впрочемъ, что ссора съ президентомъ произошла еще за фермера, которой хотѣлъ подкупить г. Клоарека, — но тотъ такъ ударилъ его за дерзкое предложеніе, что бѣднякъ безъ чувствъ скатился съ лѣстницы, и переломилъ себѣ нѣсколько реберъ.

СУСАННА. Это невѣроятно!.. Въ его званіи позволить себѣ подобное обращеніе! что будетъ съ бѣдною госпожою Клоарекъ, когда она узнаетъ все это! какое положеніе! съ ея слабымъ здоровьемъ — Любить безъ памяти мужа, и каждую минуту бояться, что гнѣвъ его и бѣшенный характеръ будутъ причиной ужасныхъ несчастій.

ЛЕГУЕНЪ. Я счелъ нужнымъ предупредить васъ, онъ любитъ свою жену, и просьбы ея можетъ быть удержать его дома.

СУСАННА. Но сказать ей все, что сегодня напроказилъ мужъ — значитъ поразить ее.

ЛЕГУЕНЪ. Конечно — однакожь это единственное средство остановить еще большее несчастіе. Президентъ и судьи примутъ этотъ поступокъ

за явное желаніе посмѣяться надъ ними! весь городъ возстанетъ противъ него, а онъ не уступитъ и цѣлому городу.

СУСАННА. Ваша правда! мы должны предупредить это, во что бы то ни стало. Я сейчасъ же увѣдомлю обо всемъ г-жу Клоарекъ, разумѣется, смягчивъ всѣ поступки ея мужа. О! еслибъ можно было помочь этому.

ЛЕГУЕНЪ. Что сдѣлано, того не воротишь. Мы должны только стараться отвлечь послѣдствія.

СУСАННА. Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна, что вы насъ предупредили. (*Уходитъ въ спальню*).

ЛЕГУЕНЪ. Я обязанъ былъ предупредить ихъ, хоть и не думаю, чтобъ это къ чему нибудь послужило! Всѣ поступки Клоарека странны только потому, что ихъ дѣлаетъ судья. Впрочемъ, чему быть, того не миновать. Вотъ и г-жа Клоарекъ. Э! да какъ она блѣдна. Чтобы еще съ ней чего не сдѣлалось!...

III.

ТЪ-ЖЕ, ЖЕННИ и СУСАННА, изъ спальни.

ЖЕННИ. Боже мой! Неужели это правда? Легуенъ, я хочу, чтобъ вы подтвердили, что сказала мнѣ Сусанна.

ЛЕГУЕНЪ. Совершенная правда, сударыня!

ЖЕННИ. Мужъ мой дрался сегодня? онъ забылся противъ Президента—это невозможно! Это невозможно!

ЛЕГУЕНЪ. Все это не только возможно, но и дѣйствительно случилось.

ЖЕННИ. Онъ, который всегда такъ ласковъ и кротокъ со мной! я едва могу прити въ себя.

СУСАННА. Сядьте, сударыня! вы еще такъ слабы... вамъ вредно волненіе...

ЖЕННИ (*садится на диванъ*). О Господи! это ужасно! ужасно!

ЛЕГУЕНЪ. Это все еще ничего, сударыня, но дурно будетъ если г. Клоарекъ поѣдетъ въ этотъ маскарадъ.

ЖЕННИ. Да! вы правы! я не должна допустить его до этого!

IV.

ТЪ-ЖЕ и НАНЕТТА.

СУСАННА. Что ты, Нанетта?

НАНЕТТА. Г. Клоарекъ уже со всѣмъ одѣлись и прислали спросить, могутъ ли они васъ видѣть передъ отъѣздомъ въ маскарадъ?

ЖЕННИ. О да ... скажи, что я жду, что я прошу его прити ко мнѣ. (*Нанетта уходитъ.*) Я уговорю его: онъ долженъ это сдѣлать для меня и для своей дочери! я скажу ему, какъ опасно ѣхать на этотъ балъ.

ЛЕГУЕНЪ. Нѣтъ ужъ, сударыня, про опасность вы лучше ничего не говорите, иначе онъ тутъ-то непременно и поѣдетъ; онъ отвѣчалъ мнѣ: никто не имѣетъ права намекать мнѣ на мою ссору съ президентомъ, пока онъ не подалъ самъ на меня жалобы — если я не явлюсь на балъ, подумаютъ, что я испугался. Если же кто вздумаетъ найти неприличнымъ мое появленіе, пусть только скажетъ мнѣ это, я знаю, какъ отвѣчать ему.

СУСАННА. Какой характеръ!

ЛЕГУЕНЪ. Такъ я смѣлъ бы вамъ совѣтовать, сударыня, чтобы вы лучше ничего не говорили о причинахъ, по которымъ онъ не долженъ ѣхать въ маскарадъ. Попробуйте лучше отклонить его какими нибудь извѣстными женскими средствами. Вѣдь ихъ должно быть много. Не даромъ говорить пословица, что женщина выручитъ изъ всякой бѣды.

СУСАННА. Опять вы съ вашими глупыми поговорками, господинъ Легуенъ! ступайте лучше отсюда, пока васъ не засталъ г. Клоарекъ.

ЛЕГУЕНЪ. Вы справедливо разсуждаете, г-жа Робертъ. Я свое дѣло сдѣлалъ и теперь здѣсь совершенно лишній. Желая вамъ успѣха. (*уходитъ.*)

ЖЕННИ. И ты, милая Сусанна, также оставь насъ! я хочу одна говорить съ моимъ мужемъ.

СУСАННА. Но, сударыня, вы еще такъ слабы. Что, если съ вами что нибудь случится.

ЖЕННИ. Я могу позвать ... позвонить ... притомъ же мужъ мой будетъ со мною.

СУСАННА. Какъ вамъ угодно. (*Уходитъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Клоарекомъ.*)

V.

ЖЕННИ и КЛОАРЕКЪ, въ костюмѣ бретонскаго крестьянина.

КЛОАРЕКЪ. Милая Женни! я пришелъ показаться тебѣ въ моемъ костюмѣ, какъ ты его находишь? вѣренъ ли?

ЖЕННИ. Онъ очень идетъ къ тебѣ — и напомнастъ въ малѣйшихъ подробностяхъ твою родную Бретань.

КЛОАРЕКЪ. Я очень радъ, что онъ тебѣ нравится! ты знаешь, что я въ самыхъ мелочахъ ищу твоего одобренія. (*Садится подлѣ нея на диванъ*).

ЖЕННИ. Да, я знаю, что ты добръ ко мнѣ! что ты исполняешь малѣйшія мои желанія.

КЛОАРЕКЪ. Что-же тутъ удивительнаго? Я люблю тебя, и потому тебѣ повинуюсь!.. Мнѣ самому пріятно склонять передъ тобою мою упрямую бретонскую голову и говорить тебѣ: приказывай! Я повинуюсь.

ЖЕННИ. Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ я счастлива, когда ты говоришь мнѣ это ... въ особенности сегодня.

КЛОАРЕКЪ. Отчего-же именно сегодня?

ЖЕННИ. Такъ! Сегодня я, видишь-ли, гораздо капризнѣе, раздражительнѣе ... Это слѣдствіе моей болѣзни!.. Конечно, это малодушіе, но мнѣ особенно хочется, чтобы сегодня исполнялись все мои желанія.

КЛОАРЕКЪ. Что съ тобою? (*беретъ ее за руку*) Въ-самомъ-дѣлѣ руки твои горятъ, въ глазахъ безпокойство. Женни! ты больна! Прошу тебя, береги себя. — Посылала-ли ты за докторомъ? Скажи, что ты чувствуешь?

ЖЕННИ. Милый другъ! Прошу тебя! говори тише! Наша дочь, наша маленькая Сабина, ты знаешь, тоже не очень здорова! Бѣдный ребенокъ, даже и въ эти годы такъ-же слабъ и нервенъ, какъ его мать. Малѣйшій шумъ пугаетъ ее. Я велѣла перенести изъ дѣтской ея кроватку ко мнѣ въ спальню и поставить подлѣ моей постели! Ты можешь разбудить ее, сонъ ея чрезвычайно чутокъ!..

КЛОАРЕКЪ. Я не зналъ этого, но право ты пугаешь меня!.. Въ чертахъ твоихъ сегодня что-то особенное, ты рано оставила лекарства!

ЖЕННИ. Нѣтъ! я здорова! Только какое-то грустное, тяжелое предчувствіе томитъ меня! Мнѣ не надо доктора! Ты одинъ, милый Ивонъ, можешь вылечить меня!

КЛОАРЕКЪ. А чѣмъ это?

ЖЕННИ. Но сперва обѣщай мнѣ, что ты захочешь вылечить меня.

КЛОАРЕКЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Женни! ты знаешь, что я не люблю предисловія! Говори прямо, чего тебѣ хочется?

ЖЕННИ. Ну, хорошо, я сейчасъ-же скажу тебѣ: Ивонъ, останься со мною весь этотъ вечеръ.

КЛОАРЕКЪ. Ты знаешь, что я для того и отправляюсь на балъ по-раньше, чтобы скорѣе вернуться къ тебѣ.

ЖЕННИ. Да, но я-бы хотѣла, чтобъ ты вовсе не ѣздилъ на этотъ балъ! я знаю, ты обѣщаль, тебѣ не ловко не быть тамъ ... Это пустой капризъ съ моей стороны, но ты знаешь, что я никогда не просила тебя для меня покидать твои удовольствія. Сегодня въ первый разъ я умоляю тебя объ этомъ! Если ты любишь меня! если ты не хочешь сдѣлать меня несчастной!

КЛОАРЕКЪ. Ты ребенокъ, Женни! Теперь не болѣе девяти часовъ, въ десять минутъ я доѣду туда и пробуду на балѣ не болѣе четверти часа, стало быть, прежде десяти часовъ я опять буду сидѣть съ тобою на этомъ диванѣ.

ЖЕННИ. О, я вѣрю тебѣ, но ... но мнѣ этого мало! я прошу тебя ни на минуту не оставлять меня въ этотъ вечеръ!

КЛОАРЕКЪ. Женни! этотъ капризъ уже слишкомъ страненъ. Мнѣ очень жаль, что я долженъ отказать тебѣ. *(Встаетъ)*.

ЖЕННИ. «Ивонъ! такъ ты мнѣ не можешь пожертвовать однимъ вечеромъ! Удовольствіе для тебя дороже спокойствія жены!

КЛОАРЕКЪ. Удовольствіе?... Развѣ я для удовольствія ѣду на балъ?

ЖЕННИ. Для чего же?

КЛОАРЕКЪ. Ты выводилъ меня изъ терпѣнія! Оставимъ этотъ разговоръ! Мнѣ необходимо быть на этомъ балѣ — и я буду на немъ.

ЖЕННИ *(вскакивая)*. Нѣтъ! ты не будешь на немъ! Я не пушу тебя. *(Схватываетъ его руку)*.

КЛОАРЕКЪ *(въ бѣшенствѣ)*. Женни! ни слова больше!

ЖЕННИ. О, ты не испугаешь меня! Я говорю тебѣ, что не пушу тебя на этотъ балъ!.. Я знаю все!.. Твою дуэль, твой поступокъ съ президентомъ. И ты хочешь, чтобы я позволила тебѣ погубить себя, меня, твоего ребенка! Ивонъ! не уже-ли ты будешь такъ безчеловѣченъ?

КЛОАРЕКЪ. Это ужъ слишкомъ! Прощай!

ЖЕННИ. А!.. ты неумолимъ въ своемъ гнѣвѣ ... хорошо-же ... *(Бросается къ двери выхода и выдернувъ ключъ изъ замка, прячетъ его за пазуху)*. Ты не выйдешь отсюда! и я посмотрю: осмѣлишься-ли ты вырвать у меня этотъ ключъ. *(Шатаясь, подходитъ къ дивану и падаетъ на него)*.

КЛОАРЕКЪ *(нѣсколько минутъ стоитъ въ нѣмомъ бѣшенствѣ; потомъ бросается къ ней)*. Ключъ! отдай мнѣ этотъ ключъ!

ЖЕННИ. Нѣтъ! я спасу тебя, противъ твоей воли.

КЛОАРЕКЪ. Несчастная! *(Схватываетъ ее за руку, въ эту ми-*

нугу вбѣгаетъ Сабина и бросается къ матери, Клоарекъ отступаетъ пораженный).

VI.

КЛОАРЕКЪ, ЖЕННИ и САБИНА.

САБИНА (съ крикомъ). Ай!.. Черный человѣкъ!.. Я боюсь, маменька!

КЛОАРЕКЪ (внѣ себя). Ключь! гдѣ ключь?

ЖЕННИ (схватывая дочь и прижимая ее къ груди). Чтобы достать этотъ ключь, ты долженъ будешь вырвать дочь изъ моихъ объятій.

КЛОАРЕКЪ. Но ты не знаешь, на что я могу рѣшиться въ бѣшенствѣ!

САБИНА. Ай! черный человѣкъ! Онъ хочетъ убить маменьку!

ЖЕННИ. Ивонъ! ради Бога! пощади хоть дочь твою, если ты убиваешь мать!

(Клоарекъ останавливается, потомъ бросается къ двери, однимъ ударомъ разбиваетъ ее и скрывается. Сабина падаетъ безъ чувствъ).

ЖЕННИ (съ крикомъ). Спасите!.. Моя дочь умираетъ!.. Ивонъ! гдѣ ты?

КЛОАРЕКЪ (вбѣгаетъ снова и бросается къ жень). Женни!.. Создатель!.. помогите! она умираетъ!..

ЖЕННИ (протягивая къ нему ребенка). Не меня!.. не меня!.. Спаси дочь мою! возьми ее!.. Я... я умираю! (Падаетъ и умираетъ. Клоарекъ прижимаетъ Сабину къ груди и падаетъ на колѣна).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КОРСАРЪ ЗАКАЛЕННЫЙ.

Мѣстоположеніе передъ трактиромъ *Золотаго Орла*. Направо трактиръ, отъ него идетъ навѣсъ, подъ которымъ стоятъ столы и скамейки, въ глубинѣ море, у берега большая парусная лодка.

I.

РУССЕЛЬ, въ матросскомъ платьѣ, выходитъ съ лѣвой стороны, потомъ **ТРАКТИРЩИКЪ**.

РУССЕЛЬ (подходя къ столу, стучитъ въ него). Эй, кто тамъ? трактирщикъ! люди!

ТРАКТИРЩИКЪ (*выходя изъ трактира*). Что прикажете?.. Хорошій завтракъ? бутылку стараго вина?..

РУССЕЛЬ. Прежде всего—два вопроса: не проѣзжалъ-ли сегодня кто-нибудь по дорогѣ изъ Парижа въ Діеппъ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Изъ Парижа?.. Нѣтъ, есть проѣзжіе изъ Ліона, Руана, Авиньона.

РУССЕЛЬ. Хорошо! теперь не остановился-ли у васъ въ трактирѣ одинъ путешественникъ, невысокаго роста, смуглый, итальянецъ, по имени Піетри?

ТРАКТИРЩИКЪ. Есть! этотъ господинъ, какъ кажется, тоже кого-то поджидалъ. Онъ пріѣхалъ на лодкѣ, вонъ что тамъ стоитъ... Сейчасъ видно, что хорошее судно.

РУССЕЛЬ. Это онъ! Скажи ему, что здѣсь ожидаетъ его матросъ Дюпонъ. Я здѣсь поговорю съ нимъ, тутъ и воздухъ посвѣжѣе, да и народу меньше. А трактиръ у васъ, я думаю, полонъ путешественниками.

ТРАКТИРЩИКЪ. Да-съ, нельзя пожаловаться. Мой трактиръ лучшій въ этой деревушкѣ—только одинъ и есть, поэтому всѣ предпочитаютъ у меня останавливаться. Видъ прекрасный—прямо на море; столъ и вина отличныя.

РУССЕЛЬ. Хорошо! мы это узнаемъ. Принеси намъ кстати бутылку самаго лучшаго вина, мы разопьемъ ее, толкуя объ нашемъ дѣлѣ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Съ большимъ удовольствіемъ. Стало быть, вы мнѣ сдѣлаете честь у меня остановиться. Куда прикажете послать за вашими вещами?

РУССЕЛЬ. Со мною нѣтъ никакихъ вещей! Я зашелъ сюда изъ окрестностей Діеппа, прогуливаясь.

ТРАКТИРЩИКЪ. Ого!.. Позвольте замѣтить вамъ, что для моряка вы славный ходокъ, хоть здѣсь и послѣдняя станція до Діеппа, но все-таки до него три добрыхъ мили.

РУССЕЛЬ. Прошу позвать ко мнѣ поскорѣ Піетри.

ТРАКТИРЩИКЪ. Сію минуту! позвольте васъ спросить еще объ одномъ. Такъ какъ вы пришли изъ Діеппа, пріѣхалъ-ли туда наконецъ нашъ знаменитый корсаръ, котораго всѣ ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

РУССЕЛЬ. Какой корсаръ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Тотъ, котораго англичане ненавидятъ, чуть-ли не больше самаго Наполеона: храбрый капитанъ, прозванный *закаленнымъ*, настоящее корсарское имячко!.. Съ его бригамъ Адскою Головною. Вотъ тоже прозвище-то! Онъ, говорятъ, разбилъ, захватилъ и потопилъ тысячи англійскихъ судовъ. Вся наша приморская сторона уважаетъ его..

Говорятъ, что онъ заколдованъ отъ пуль и сабельныхъ ударовъ! дерется, какъ левъ и никогда не раненъ!.. Вы, какъ морякъ, вѣрно любопытствовали видѣть этого героя. Каковъ онъ на видъ? Должно быть, просто взглянуть страшно.

РУССЕЛЬ. Я прошу въ третій разъ позвать ко мнѣ Пьетри!

ТРАКТИРЩИКЪ. Бѣгу! Этотъ морякъ что-то не очень разговорчивъ. (*Уходитъ*).

РУССЕЛЬ. Дуракъ! нашелъ кому расхваливать своего корсара! Да я не разъ видалъ его, и надѣюсь скоро увидѣть лицомъ къ лицу, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, на плимутскихъ понтонахъ, гдѣ онъ дорогою цѣною заплатитъ за свои побѣды надъ англійскимъ флагомъ.

II.

РУССЕЛЬ, ПИЕТРИ и ТРАКТИРЩИКЪ.

ТРАКТИРЩИКЪ (*отворяя дверь*). Пожалуйте! васъ только что сейчасъ спрашивали — г. Дюпонъ.

ПИЕТРИ. Знаю ... (*Подходя къ Русселю*). А! это ты, старый товарищъ!

РУССЕЛЬ. Я!.. Садись сюда и потолкуемъ.

ТРАКТИРЩИКЪ (*ставя на столъ вино*). А вотъ и вино! Ручаюсь, что будете довольны, вѣрно не одинъ стаканъ выпьете за славу французскаго оружія и за гибель Англій.

РУССЕЛЬ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Послушай, любезный, — еще одна послѣдняя просьба.

ТРАКТИРЩИКЪ. Къ вашимъ услугамъ!.. Все, что прикажете.

РУССЕЛЬ. Потрудись отправиться въ трактиръ! Твое присутствіе тамъ необходимо. Да и не торопись сюда возвращаться, потому-что намъ и безъ тебя не будетъ скучно.

ТРАКТИРЩИКЪ (*уходя*). Рѣшительно, этотъ морякъ не имѣетъ никакого образованія.

РУССЕЛЬ. Ну, все-ли готово?

ПИЕТРИ. Все! лодка у берега! Четыре лихихъ матроса спрятаны подъ палубой! Два контрабандиста здѣсь со мною въ трактирѣ, переодѣтые купцами. Съ нами это составитъ восьмеро на одного. Вѣдь онъ будетъ одинъ?

РУССЕЛЬ. Да! его лейтенантъ, Жанъ Легуенъ, отправленъ имъ еще прежде въ Діеппъ съ бумагами къ префекту ... Корсаръ будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ. На прошлой станціи я заплатилъ почталіону

пять наполеондоровъ, чтобы онъ везъ его, какъ можно тише. Повѣришь ли этотъ человѣкъ, страшный и дерзкій до безумія въ битвѣ и на морѣ, на землѣ и въ частной жизни — тихъ и кротокъ, какъ ягненокъ, позволяетъ шутить и смѣяться надъ собою, даже оскорблять себя. Бѣшенный и неукротимый при abordaжѣ, онъ хладнокровенъ и спокоенъ въ самыхъ досадныхъ непріятностяхъ жизни.

ПЕТРИ. Какъ же ты думаешь заманить его въ лодку?

РУССЕЛЬ. Незнаю еще! но силою или обманомъ, а онъ долженъ быть въ моей лодкѣ, и на третій день мы будемъ въ Англіи! Теперь или никогда, я долженъ отплатить ему. Здѣсь послѣдняя станція передъ Діешпомъ — отсюда почтовая дорога нейдетъ уже по берегу моря и поворачиваетъ въ горы. Мы должны захватить его сегодня, сейчасъ-же, иначе все пропало!

ПЕТРИ. Если ты такъ золь на своего корсара — отчего же ты не принялъ моего совѣта и не отдѣлался отъ него гораздо проще, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ. Зачѣмъ тебѣ хочется схватить его живаго. Раздавленная змѣя не кусается.

РУССЕЛЬ. Да, но за то раздавленная змѣя не страдаетъ. Что мнѣ въ его смерти? Мнѣ надобно видѣть его въ плѣну.... одни долгія, тяжкія страданія могутъ отмстить этому дерзкому корсару за стыдъ и потери, которые онъ нанесъ нашему флоту. Онъ взялъ и потопилъ множество нашихъ судовъ, онъ отнялъ у меня все мое имущество; два корабля, которые везли мнѣ изъ Индіи огромное богатство! Онъ лишилъ меня и славы и чести. Онъ взялъ меня въ плѣнъ два мѣсяца тому назадъ, вмѣстѣ съ фрегатомъ, которымъ я командовалъ, и вымѣнялъ меня, капитана англійской службы, на двухъ матросовъ его корсарскаго брига! Онъ считаетъ меня неопаснымъ врагомъ, неважнымъ плѣнникомъ. О! это презрѣніе мучитъ меня больше всѣхъ побѣдъ его, и я долженъ отмстить непременно! Я долженъ видѣть его ярость и стыдъ, когда его поведутъ скованнаго по улицамъ Лондона, и чернъ будетъ смѣяться надъ нимъ; когда на пантонахъ онъ будетъ страдать каждый день подъ ударами и насмѣшками присмотрщиковъ.

ПЕТРИ. Постой, кажется, я слышу стукъ подъѣзжающей кареты, такъ и есть, это долженъ быть онъ! Начинаетъ смеркаться, все благопріятствуетъ намъ, какъ нельзя лучше! готовься-же! Я позову моихъ молодцовъ и подамъ сигналъ матросамъ, чтобъ они ждали насъ въ лодкѣ. *(Свиститъ, изъ трактира выходятъ Жакъ и Симонъ, одѣтые купцами садятся у стола).*

III.

ТЪ-ЖЕ, ЖАКЪ, СИМОНЪ, ПОТОМЪ КЛОАРЕКЪ, ПОЧТАЛЬОНЪ и ТРАКТИРЩИКЪ.

РУССЕЛЬ (*смотря въ кулису*). Онъ выходитъ изъ-каretty, идетъ сюда, слѣдуетъ за моими движеніями.

ПЕТРИ. Будь спокоенъ! Ты не боишься, что онъ узнаетъ тебя?

РУССЕЛЬ. Онъ видѣлъ меня всего одинъ разъ, во время морскаго сраженія при абордажѣ, къ тому-же этотъ черный парикъ, усы и бакенбарды совершенно измѣнили меня.... Вотъ и онъ!

КЛОАРЕКЪ (*входя почтальону*). Спасибо, любезный! Ты везъ меня прекрасно, хоть и не очень скоро, но чтожъ дѣлать? Это была не твоя вина! вотъ тѣбѣ! вышей за мое здоровье! (*Даетъ ему деньги*).

ПОЧТАЛЬОНЪ. Покорно благодарю!

ТРАКТИРЩИКЪ. Не прикажете-ли чего-нибудь закусить?

КЛОАРЕКЪ. Съ большимъ удовольствіемъ! Я еще не обѣдалъ сегодня.

ТРАКТИРЩИКЪ. Что-же прикажете подать вамъ: есть превосходные кашлуны съ трюфлями.

КЛОАРЕКЪ. О, нѣтъ! вели мнѣ подать яицъ въ смятку и кусочекъ телятины съ салатомъ, съ меня будетъ довольно и этаго.

ТРАКТИРЩИКЪ. А вина какого прикажете? есть хорошіи гохгеймеръ, аликанте недавно полученное, самое крѣпкое.

КЛОАРЕКЪ. Нѣтъ, благодарю — я не пью ничего, кромѣ воды.

ТРАКТИРЩИКЪ. Угодно вамъ пожаловать въ трактиръ, или здѣсь будете кушать?

КЛОАРЕКЪ. А что, у васъ много народу въ общей залѣ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Порядочно! пьютъ и ѣдятъ на славу!

КЛОАРЕКЪ. А! въ такомъ случаѣ....

ТРАКТИРЩИКЪ. Я прикажу вамъ отвести особую комнату, чтобъ вамъ не докучали — не дорого-съ, по два франка за часъ.

КЛОАРЕКЪ. Благодарю, я лучше здѣсь останусь, и поѣмъ за этимъ столомъ, если эти господа позволяютъ (*учтивъ раскланивается съ контрабандистами, которые отвѣчаютъ ему тѣмъ-же*). Я не долго здѣсь пробуду, и тотчасъ-же отправлюсь въ Діешъ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Такъ я сейчасъ велю подать все, что вы приказали. (*Уходитъ. Клоарекъ садится къ столу, подлѣ контрабандистовъ. Петри и Руссель на лѣвой сторонѣ авансцены наблюдаютъ за нимъ*).

ПЕТРИ. Онъ самъ помогаетъ намъ.

РУССЕЛЬ. Позовя почтальона! (*Пиетри даетъ ему знакъ, почтальонъ подходитъ*).

РУССЕЛЬ. Ну, что, я выигралъ пари?

ПОЧТАЛЬОНЪ. Ахъ, это вы? Какъ-же! выиграли, безъ сомнѣнiя! во всю дорогу, какъ я ни старался бѣсить этаго господина, онъ хотъ-бы разъ прикрикнулъ на меня или сказалъ крупное слово.... Просто, мокрая курица.... Я поминутно останавливался, бѣхалъ шагомъ, то постромки подтягивалъ, то кнутъ искалъ!... Ничего! сидеть въ каретѣ, хотъ-бы шелохнулся. Просто, его за носъ возьми, такъ онъ кажется еще и тутъ поблагодарить тебя.

ПИЕТРИ. Хорошо! Я проигралъ моему прiятелю, а вотъ и тебѣ за труды, и за то, что ты могъ подвергнуться непрiятностямъ отъ путешественника.

ПОЧТАЛЬОНЪ. Покорнѣйше благодарю.

ТРАКТИРЩИКЪ (*вынося обѣдъ и ставя его на столъ*). Извольте, все самое лучшее.

КЛОАРЕКЪ. Благодарю — я не взыскателенъ.

ТРАКТИРЩИКЪ (*Почтальону, уходя*). Не человекъ, а тряпка! пьетъ одну воду, и ѣсть одни яйца въ смятку. (*Уходитъ съ почтальономъ*).

ЖАКЪ (*Клоареку*). Позвольте спросить, вы вѣрно купецъ?

КЛОАРЕКЪ (*обѣдая*). Къ вашимъ услугамъ! Торгую шерстяными товарами.

СИМОНЪ. И хорошо идетъ торговля?

КЛОАРЕКЪ. Не дурно! Барыши небольшiе, но и убытку нѣтъ.

ЖАКЪ. Что вы за море съ товарами пускаетесь, или все во Францiи только торгуете?

КЛОАРЕКЪ. Нѣтъ-съ! случается и на корабляхъ съ товаромъ ѣздить.

РУССЕЛЬ (*на лѣвой сторонѣ*). Ха! ха! ха!

КЛОАРЕКЪ (*оборачиваясь*). Какой у этаго господина веселый характеръ.

РУССЕЛЬ. Это вы меня разсмѣшили, почтеннѣйшiй.

КЛОАРЕКЪ. Я? чѣмъ-же это?

РУССЕЛЬ. Да вотъ, хвастовствомъ вашимъ! Вы сейчасъ сказали, что и по морю съ товарами ѣздите, да я держу пари, что вы палецъ въ стаканъ опустить боитесь, не только что сѣсть въ лодку.

КЛОАРЕКЪ. Вы думаете?

РУССЕЛЬ. Я увѣренъ въ этомъ и держу пари десять наполеондоровъ, что вы не переѣдете по морю и четверти мили.

КЛОАРЕКЪ. Я не принимаю вашего пари, потому—что нехочу выигрывать навѣрное.

РУССЕЛЬ. Такъ говорятъ все трусы.

КЛОАРЕКЪ. Однако-же, государь мой!...

ПЕТРИ (*Русселю*). Ты не правъ, пріятель! Во первыхъ это можетъ—быть не трусость, а только благоразумная осторожность, во вторыхъ, этотъ господинъ очень можетъ проѣхать и не одну милю по морю, по—крайней—мѣрѣ, мнѣ такъ кажется — я за него принимаю пари.

РУССЕЛЬ. Прекрасно! и если я проиграю, то сверхъ того угощаю на свой счетъ тебя, этаго господина и сосѣдей его, которыхъ я не имѣю чести знать, но которые, кажется, принадлежатъ все къ одному сословію.

ЖАКЪ. Мы очень рады быть свидѣтелями вашего пари.

СИМОНЪ (*Клоареку*). Вы должны поддержать честь нашего званія, и доказать этимъ морскимъ собакамъ, что и купецъ можетъ, не блѣднѣя, ѣздить въ ихъ коробкахъ по морю.

КЛОАРЕКЪ. Но я право не знаю, къ тому-же, я долженъ торопиться въ Діеппъ.

ПЕТРИ. Опытъ продолжится не болѣе пяти минутъ, кстати, вотъ у берега лодка.

ЖАКЪ. Она моя — и я съ охотой готовъ сопутствовать вамъ съ моимъ товарищемъ.

ПЕТРИ. Прекрасно! Мы возьмемъ съ собою нѣсколько бутылокъ вина и разопьемъ ихъ на морѣ, отѣхавши на четверть мили отъ берега.

КЛОАРЕКЪ. Извините — я не пью вина!

РУССЕЛЬ. Отъ угощенія вы, пожалуй, можете отказаться, но не отъ пари! это дѣло рѣшеное! ни за что не упущу ни васъ, ни случай погулять на чужой счетъ.

ПЕТРИ. Мы еще увидимъ, кто кого будетъ угощать. Пойдемте-жъ! время дорого, черезъ полчаса будетъ темно; намъ надо торопиться.

КЛОАРЕКЪ. Но, право, господа, все это кажется мнѣ такъ странно. Мнѣ вовсе нехочется исполнять вашего желанія и быть предметомъ вашего пари.

РУССЕЛЬ. Такъ и есть, я зналъ это напередъ! Товарищъ давай деньги!

ПЕТРИ. Погоди еще! (*Подходя къ Клоареку*). Послушайте, если вы дѣйствительно не трусъ, то должны согласиться на наше пари! иначе я завожу съ вами ссору, и пусть насъ обоихъ ведутъ къ меру, а я не выпущу васъ отсюда, пока вы не сядете въ лодку.

ЖАКЪ. Проучите пожалуйста другаго-то наглеца, докажите ему, что скорѣе самъ онъ труситъ, чѣмъ вы.

СИМОНЪ. Мы поѣдемъ вмѣстѣ и будемъ защищать васъ.

КЛОАРЕКЪ. Я не нуждаюсь ни въ чьей защитѣ, но чтобы отвязаться отъ васъ, готовъ сѣсть, куда вамъ угодно.

ПЕТРИ. Наконецъ! поѣдьте-же! Господа, показывайте намъ дорогу.

(Жакъ и Симонъ идутъ впередъ, Петри и Клоарекъ за ними, сзади Руссель. При входѣ въ лодку, въ то время, какъ Клоарекъ садится на скамью, изъ люка выскакиваютъ четыре вооруженные матроса и бросаются на Клоарека. Руссель, Петри и контрабандисты схватываютъ его сзади и опрокидываютъ).

РУССЕЛЬ. Свяжите ему руки и ноги! бросьте его въ люкъ. Руль на вѣтеръ! подымай паруса и прямо въ Англию.

ВСЪ. Въ Англию!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ТАРГОВЕЦЪ ШЕРСТЯНЫМИ ТОВАРАМИ.

Комната въ замкѣ Клоарека, близъ морскаго берега, въ окрестностяхъ Діеппа — на правой сторонѣ диванъ, налѣво большое открытое окно, у котораго маленькій столикъ съ книгами и журналами, нѣсколько кресель и стульевъ.

I.

САБИНА, СУСАННА сидятъ на диванѣ за рукодѣльемъ у столика, **ГЕНРИХЪ** читаетъ газеты.

СУСАННА. И вы теперь больше ничего не чувствуете?

САБИНА. Ничего, милая Сусанна! я отвѣчала тебѣ это уже нѣсколько разъ.

СУСАННА. Правда! но меня все таки беспокоитъ вашъ недавній припадокъ.

ГЕНРИХЪ. И когда я вспомню, что я былъ его причиною.

САБИНА. Полноте, Генрихъ, вы нисколько въ этомъ не виноваты! Уронить книгу можетъ всякій, но не всякая, какъ я, упадетъ отъ этаго въ обморокъ! есть-ли кто виноватъ тутъ, такъ скорѣе всего я сама.

СУСАННА. Ну, вотъ ужъ это неправда! виноваты-ли вы, что у васъ

такое сложеніе, что въ съ самаго рожденія такъ слабонервны, малѣйшій неожиданный шумъ, испугъ, непріятное извѣстіе, производятъ въ васъ нервическое потрясеніе.

САБИНА. Да, это несчастная слабость, которую я никакъ немогу побѣдить, хоть въ мои годы и смѣшно пугаться, какъ ребенку.

СУСАННА. Но есть ли это болѣзнь!

САБИНА. Конечно болѣзнь, но которую можно—бы, кажется, вылечить.

СУСАННА. Ну что—жъ, докторъ сказалъ вамъ, что она можетъ пройти съ годами или отъ какого—нибудь новаго неожиданнаго потрясенія.

САБИНА. Однако—же докторскія предсказанія не очень сбываются, мнѣ уже семнадцатый годъ, а припадки болѣзни во мнѣ не уменьшаются; что—же касается до новаго потрясенія, то мнѣ кажется, что оно также легко можетъ убить меня, какъ и вылечить.

ГЕНРИХЪ. О Сабина! какъ можно говорить это?

САБИНА. У меня есть причина такъ думать. Вотъ Сусанна говорила мнѣ, что я еще ребенкомъ, лѣтъ пяти, чуть не умерла отъ испуга, и что послѣ этого случая начались у меня нервическіе припадки.

СУСАННА. Тогда дѣло другое — вы были еще ребенкомъ.

САБИНА. Однако, отчего—же я такъ хорошо помню этотъ ужасный случай, этого страшнаго человѣка въ черномъ платьѣ, которой ворвался къ намъ и былъ причиною смерти моей матери ... О, одно воспоминаніе объ этомъ...

СУСАННА. Полноте, милая Сабина, сколько разъ я говорила вамъ, что ничего подобнаго не было, что все это видѣли вы во снѣ! Покойная ваша маминька умерла отъ аневризма, и никто не былъ причиною ея смерти.

САБИНА. О, я увѣрена въ томъ, что это былъ не сонъ.

СУСАННА. Перестаньте—же, говорятъ вамъ! Поговоримъ лучше о чемъ—нибудь другомъ ... вотъ скоро пріѣдетъ вашъ батюшка, привезетъ вамъ опять обновокъ и подарковъ ... ну что, и это васъ не развеселило?

САБИНА. Нѣтъ! потому—что папенька долженъ былъ вернуться недѣли три тому, а его нѣтъ до—сихъ—поръ и онъ ничего не пишетъ, гдѣ онъ, что съ нимъ?

СУСАННА. Вотъ нашли новую заботу! развѣ можно, занимаясь торговлею, назначать день и часъ своего возвращенія.

ГЕНРИХЪ. Тетушка моя права, Сабина! что можетъ случиться на сухомъ пути съ мирнымъ купцомъ, которой разѣзжаетъ въ покойной каретѣ, въ сопровожденіи вѣрнаго своего прикащика Жана Легуена!

СУСАННА. Разумѣется, перестанемъ, лучше говорить объ этомъ,

вотъ, племянникъ мой прочтетъ намъ газеты. Есть въ нихъ что-нибудь новое, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ. Есть тетушка, но я не думаю, чтобъ политическія новости могли занять Сабину, а романы не печатаются въ газетахъ!.. Впрочемъ, позвольте, здѣсь есть разсказъ, которой не смотря на его историческую вѣрность, въ тоже время весьма романической.

САБИНА. Что-же это такое?

ГЕНРИХЪ. Это разсказъ о спасеніи изъ плѣна знаменитаго капитана корсаровъ Закаленаго, этого бича англичанъ, которымъ бредятъ все наши приморскіе города.

САБИНА. И это не очень страшно?

ГЕНРИХЪ. Не думаю! Впрочемъ вы меня можете остановить во всякое время, если это покажется вамъ ужаснымъ или не интереснымъ.

СУСАННА. О, читай пожалуйста! я страхъ люблю исторіи про корсаровъ и разбойниковъ!

ГЕНРИХЪ (*смотря газету*). Сначала тутъ говорится о прежнихъ подвигахъ капитана Закаленаго и о послѣднемъ сраженіи его почти подъ стѣнами Діеппа, когда онъ разбилъ два англійскихъ фрегата и отнялъ у нихъ транспортъ съ хлѣбомъ.

САБИНА. Какъ это должно быть ужасно! Что-же тамъ дальше пишутъ, Генрихъ?...

ГЕНРИХЪ. Потомъ описывается, какъ въ Гаврѣ принимали корсара послѣ его побѣды, все плакали отъ восторга, носили его на рукахъ, кричали, благословляли его! Онъ пренебрегъ богатыми и значительными призами для того, чтобъ съ опасностію жизни, привезти въ Гаврѣ транспортъ съ хлѣбомъ, въ которомъ такъ нуждался этотъ городъ.

СУСАННА. Какой прекрасной, благородный поступокъ, ну, что-же дальше?

ГЕНРИХЪ. Изъ Гавра онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, куда его требовалъ морской министръ, потомъ онъ поѣхалъ въ Діепсъ, но недалеко отъ этого города былъ обманомъ захваченъ англичанами, и брошенъ въ трюмъ не большаго паруснаго судна. Газета приводитъ дальше отрывокъ изъ письма самого корсара къ хозяину брига: *Адская головня*, на которомъ онъ дѣлалъ свои морскія экспедиціи. Я прочту вамъ этотъ отрывокъ: (*читаетъ*) «Я лежалъ на днѣ трюма, на старыхъ парусахъ, руки и ноги были у меня крѣпко связаны. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ этими разбойниками, въ то время, какъ они вязали меня, я понялъ, что они хотѣли привести меня въ Лондонъ живаго, и замучить на понтонгахъ. При этой мысли гнѣвъ придалъ мнѣ, какъ всегда, новыя силы; я рѣшился во что-бы-то ни стало спастись, или

погибнуть въ борьбѣ съ негодяями, но не отдать себя на посмѣяніе. Прежде всего мнѣ надобно было освободиться отъ веревокъ, которыми я былъ опутанъ. Я сталъ ползать по полу трюма и отыскалъ на днѣ желѣзный крюкъ, къ которому прицѣпляются тюки и привязываютъ грузъ — я прислонился къ этому крюку и сталъ перетирать о конецъ его веревки. Часа черезъ два я успѣлъ до того ослабить ихъ, что перервалъ окончательно и развязалъ себѣ ноги. Тогда осмотрѣвъ трюмъ, я увидѣлъ, что не иначе могу выдти изъ него, какъ въ люкъ сверху. Я попробовалъ приподнять крышу, но она была прикрѣплена къ палубѣ желѣзною полосою. Въ люкѣ была только маленькая щель, въ которую я увидѣлъ небо и лунный блескъ. Тогда я придумалъ другое средство выдти изъ трюма, у меня въ карманѣ былъ трутъ, кремь, маленькой ножъ и табакъ. Я собралъ клочки смоляныхъ веревокъ, куски ветхой парусины, высѣкъ огонь и зажегъ всю эту массу, просунувъ ее не много въ трещину крышки люка и задыхаясь отъ ѣдкаго дыма закричалъ: пожаръ! мы горимъ! На палубѣ послышался шумъ и вкорѣ съ люка сдвинули крышу, чтобъ посмотреть гдѣ пожаръ? я выскочилъ на палубу, опрокинулъ одного матроса, бросился къ кормѣ, гдѣ всегда лежитъ топоръ, для того, чтобъ отрубить якорный канатъ. Этимъ топоромъ я убилъ двухъ матросовъ, бросившихся на меня съ саблями, третій полетѣлъ въ море самъ, когда я опрокинулъ его, выскочивъ изъ люка. Передо мной былъ еще одинъ, въ ужасѣ упавшій на колѣна и рулевой, не думавшій ни нападать на меня, ни защищаться. Въ это-же время изъ каюты на кормѣ судна, вылезалъ еще одинъ контрабандистъ. Я столкнулъ его назадъ, надвинулъ на отверстіе крышу и прикрѣпилъ ее къ полу желѣзнымъ засовомъ. Потомъ обратившись къ рулевому и оставшемуся матросу, приказалъ одному повернуть судно къ берегамъ Франціи, а другому управлять парусами. Трусы повиновались, я былъ въ десяти или двѣнадцати миляхъ отъ Франціи и черезъ четыре часа присталъ къ берегу. Я не могъ одинъ захватить лодки, и увидя, какъ я выскочилъ на берегъ, бездѣльники повернули руль и ушли въ море.

СУСАННА. О какой человѣкъ! какая желѣзная сила и воля!

САБИНА. Да, но за то сколько крови и жертвъ! я едва могла выслушать до конца эту ужасную исторію.

II.

ТЕ-ЖЕ и **ЖАЖЪ** потомъ **ЖАНЪ ЛЕГУЕНЪ.**

ЖАКЪ. Сударыня!... г-жа Сусанна! г. Клоарекъ пріѣхалъ!

САБИНА (вскакивая). Батюшка! гдѣ-же онъ?

ЖАКЪ. Коляска его остановилась у садовой решетки, и онъ идетъ сюда пѣшкомъ черезъ садъ.

САБИНА. Боже мой! какое счастье! Генрихъ, побѣжимъ къ нему на встрѣчу! (*уходитъ съ Генрихомъ*)

СУСАННА. Господи! какъ неожиданно! впрочемъ что-же, у насъ все уже давно готово къ приему добраго господина. (*Жаку*). Ступай и объяви о прїѣздѣ его всѣмъ людямъ. (*Жакъ уходитъ*). Наконецъ—то мы сыграемъ свадьбу милой Сабины съ моимъ племянникомъ. Думала ли я когда-нибудь породниться съ тою, которую сама воспитывала! ... Конечно, Генрихъ прекрасный молодой человекъ, но у него ничего нѣтъ; за то г. Клоарекъ страшно разбогатѣлъ, торгуя шерстяными товарами ... тѣмъ болѣе чести его характеру, что онъ согласился на бракъ своей дочери съ моимъ племянникомъ ... Кто это? Ахъ г. Жанъ-Легуень! (*присѣдаетъ*).

ЖАНЪ-ЛЕГУЕНЪ (*въ длинномъ сюртукѣ ореховаго цвѣта, бѣломъ галстукѣ и розовомъ жилетѣ. На лбу и на щекѣ его глубокий шрамъ, на лѣвомъ глазу черный пластырь, онъ немного хромастъ и опирается на палку*). Г-жа Сусанна! какъ я счастливъ, что встрѣчаю васъ одну. Правду сказать, я немножко надѣялся на это, и оставя въ саду отца съ дочерью предаваться всѣмъ восторгамъ свиданія, поспѣшилъ въ комнаты, чтобы, послѣ долгой разлуки, увидѣть опять ту, съ которой я желалъ—бы поздороваться во все не по отцовски—(*раскланивается*).

СУСАННА (*все время присѣдая и не поднимая на него глазъ*). Мнѣ очень прїятно, что вы не забыли въ вашихъ путешествіяхъ особу, которая, (*взглядывая на Легуена*). Ахъ, Боже мой! что это такое? опять новость! отчего это у васъ заплатка на глазу?

ЛЕГУЕНЪ. На глазу?... О, это ничего! это только такъ!..

СУСАННА. Какъ ничего?... я боюсь и подумать! ужъ не потеряли ли вы глаза?

ЛЕГУЕНЪ. Всего только одинъ! онъ былъ у меня совершенно лишній.

СУСАННА. Только этого недоставало! въ добавокъ къ этому огромному рубцу, хромой ногѣ и обрубленному пальцу, вы еще и окривѣли.

ЛЕГУЕНЪ. Немножко... къ вашимъ услугамъ!

СУСАННА. Покорно васъ благодарю... хорошую услугу оказали вы мнѣ, потерявъ глазъ.

ЛЕГУЕНЪ. Что-же дѣлать?... вы знаете сами: что сдѣлано, того не воротить.

СУСАННА. Знаю, знаю! но вы—бы гораздо лучше сдѣлали, если-бъ

потеряли вашу привычку говорить глупыя поговорки и сохранили вашъ глазъ.

ЛЕГУЕНЪ. Помилуйте! стоитъ-ли того одинъ глазъ, чтобъ объ немъ разговаривать? Развѣ съ потерей его, я меньше дорогъ для васъ? Я и однимъ глазомъ вижу, что вы все также милы, какъ и прежде, и что вы очень скоро согласитесь быть г-жею Легуенъ.

СУСАННА. Вы повторяете это больше десяти лѣтъ.

ЛЕГУЕНЪ. Ну что-же, когда-нибудь я перестану повторять, потому-что не буду имѣть больше надобности въ этомъ, вы знаете: чему быть, того не миновать.

СУСАННА. Нѣтъ, ужъ извините: этому рѣшительно не бывать. Каждый разъ, какъ вы воротитесь изъ вашихъ коммерческихъ путешествій, у васъ чего-нибудь да недосчитаеться; то пальца, то глаза. Этакъ еще лѣтъ черезъ пять отъ васъ просто ничего не останется!

ЛЕГУЕНЪ. Помилуйте, чѣмъ меньше глазъ у мужа, тѣмъ лучше для жены, а вѣдь я васъ скоро назову женою — не правда-ли?

СУСАННА. Перестаньте толковать объ одномъ и томъ-же, скажите лучше, какъ г. Клоарекъ окончилъ свои торговля дѣла?

ЛЕГУЕНЪ. Какъ нельзя лучше! торговля принесла ему огромныя выгоды.

СУСАННА. Ну, а характеръ его? находятъ-ли на него эти припадки бѣшеннаго гнѣва, который... вы помните!... былъ причиною смерти моей доброй госпожи!

ЛЕГУЕНЪ. Г. Клоарекъ теперь совершенный ягненокъ, всякій, кому вздумается, можетъ укусить его за носъ.

СУСАННА. Слава Богу, а я все боялась за нашу милую Сабину, вы знаете, какъ она слаба, со смерти своей бѣдной матери — хорошо еще, что въ эту ужасную ночь, она не узнала своего отца въ костюмѣ бретонскаго крестьянина, и до-сихъ-поръ думаетъ, что посторонній человѣкъ былъ причиною смерти ея матери.

ЛЕГУЕНЪ. Да, это открытіе, могло-бы имѣть на нее самое пагубное вліяніе. По счастью, она этого никогда не узнаетъ, и намъ нечего толковать объ этомъ. Что сдѣлано, того не воротить.

СУСАННА. Опять!! послушайте, вы когда-нибудь выведете меня изъ терпѣнія вашими поговорками и я запрещу вамъ показываться ко мнѣ на глаза.

ЛЕГУЕНЪ. О, вы этого никогда не сдѣлаете!

СУСАННА. А вотъ увидите.

ЛЕГУЕНЪ. Я не вѣрю... вы знаете, чему быть...

СУСАННА (*прерывая его*). Это ужасно! замолчите-ли вы наконецъ!

III.

КЛОАРЕКЪ входитъ, обнявши **САБИНУ**.

КЛОАРЕКЪ. Что это? мой вѣрный Жанъ и моя добрая Сусанна, кажется, ссорятся.

ЛЕГУЕНЪ. Помилуйте г. Клоарекъ! можемъ-ли мы ссориться, у насъ было только несогласіе по поводу нѣкоторыхъ пословицъ, граматическій споръ и больше ничего.

КЛОАРЕКЪ. Вы слишкомъ снисходительны, милая Сусанна, къ моему Жану—онъ ужасно упрямъ и стоитъ того, чтобы его чаще бранили. Однако я такъ обрадовался свиданію съ дочерью, что позабылъ даже поздороваться съ вами, и поблагодарить за то, что, во время моего отсутствія, вы были второю матерью моей Сабини.

СУСАННА. Я исполняла только свой долгъ, г. Клоарекъ, и не сдѣлала ничего особеннаго.

КЛОАРЕКЪ. А скажите, правъ-ли я, что Сабина въ эти три мѣсяца похорошѣла еще болѣе прежняго. Она никакъ не хочетъ согласиться въ этомъ со мною.

САБИНА. Полноте хвалить, папаша! вы эдакъ еще больше меня избалуете, хоть это и трудно, потому-что, право кажется, ни одинъ отецъ не балуетъ такъ свою дочь.

КЛОАРЕКЪ. А у какого-же отца есть такая хорошенькая, умная и добрая дочь?

САБИНА. Опять?... батюшка.

КЛОАРЕКЪ. Что-же дѣлать, если я такъ люблю тебя.

ЛЕГУЕНЪ (*тихо Сусаннѣ*). Не лучше-ли намъ уйти отсюда. Когда отецъ видитъ дочь, послѣ долгаго отсутствія, ему пріятно быть наединѣ съ нею. Что касается до меня, то я нашелъ васъ сейчасъ лучше всѣхъ женщинъ въ мірѣ ... вы знаете ... любовь слѣпа!..

СУСАННА. Но не крива — мой доброй Легуенъ — пойдѣмъ-те.

ЛЕГУЕНЪ (*подавая ей руку*). Это еще ничего не значитъ, увѣрю васъ, чему быть того... (*Сусанна зажимаетъ ему ротъ и вытягиваетъ въ дверь, сама за нимъ уходитъ*).

КЛОАРЕКЪ. Я радъ, что они ушли! мнѣ такъ хотѣлось на единѣ поговорить съ тобою, насмотрѣться на тебя, разцѣловать мою милую Сабину.

САБИНА. Добрый папа, если-бъ вы знали, какъ я счастлива теперь, когда вы вернулись? скажите, съ вами ничего не случилось въ дорогѣ?

КЛОАРЕКЪ. Ты, по-крайней-мѣрѣ, въ десятой разъ спрашиваешь меня объ этомъ.

САБИНА. Потому-что вы мнѣ все еще не рассказали, что васъ задержало слишкомъ три недѣли.

КЛОАРЕКЪ. Различные торговые обороты, рассказъ о которыхъ будетъ для тебя вовсе не интересенъ... я уже говорилъ тебѣ, что счастливо окончилъ всѣ коммерческія дѣла и что это путешествіе было послѣднее.

САБИНА. Слава Богу! А то, не смотря на всю безопасность вашего занятія — я все боялась за васъ... Скажите, нынче не нападаютъ на путешественниковъ разбойники?

КЛОАРЕКЪ. Разбойники существуютъ въ однихъ романахъ, теперь можно безопасно ѣздить по всей Франціи.

САБИНА. Но вѣдь есть-же разбойники на морѣ, отчего-же не быть имъ на сухомъ пути?

КЛОАРЕКЪ. Морскіе разбойники также исчезли въ наше время, какъ и сухопутные!

САБИНА. Отчего-же мнѣ только передъ вашимъ пріѣздомъ читали ужасную исторію про одного корсара.

КЛОАРЕКЪ. Корсара? Но корсары — не разбойники! Они тоже на морѣ, что партизаны на сухомъ пути; во время войны съ морскою державою, частнымъ лицамъ дается позволеніе снаряжать суда и сражаться на морѣ съ непріателемъ.

САБИНА. Но все-же эти корсары ужасные люди. Они грабятъ и убиваютъ тѣхъ, кто имъ попадется.

КЛОАРЕКЪ. Они убиваютъ непріателя въ бою, гдѣ также сами легко могутъ быть убиты. Но не грабятъ никого. Имъ достается только, по праву войны, непріательскій корабль и товары.

САБИНА. Но чтобъ овладѣть ими, они должны пролить кровь, убить множество народу. О, одна мысль объ этихъ страшныхъ людяхъ, заставляетъ меня содрогаться. И сегодня я едва могла побѣдить свой ужасъ, когда Генрихъ читалъ мнѣ объ этомъ ужасномъ корсарѣ *Закаленомъ* и его бригѣ *Адская головня*. Вамъ можетъ быть случалось читать объ этомъ въ газетахъ.

КЛОАРЕКЪ. Нѣтъ, я ничего не читалъ объ немъ.

САБИНА. Это должно быть человекъ безъ чувства и состраданія. Онъ убилъ трехъ матросовъ своею рукою, чтобъ убѣжать изъ плѣна.

КЛОАРЕКЪ. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ строга къ этому... корсару... Желаніе его освободиться очень естественно... Можетъ

быть, у него на родинѣ оставалось семейство, которому онъ былъ необходимъ.

САБИНА. Семейство!.. Развѣ эти люди могутъ имѣть семейство... Развѣ они въ состояніи любить кого-нибудь?

КЛОАРЕКЪ. Однакожъ... и у тигровъ есть дѣти, которыхъ они любятъ.

САБИНА. Можетъ быть... Но любовь эта также странна, и состоитъ только въ томъ, что они приносятъ дѣтямъ своимъ кусокъ кровавой добычи, и учатъ ихъ терзать бѣдныя жертвы.

КЛОАРЕКЪ. Но... есть-ли у Корсара — дочь!

САБИНА. Дочь?... О какая ужасная участь назначена ей... Быть дочерью корсара!.. при одной мысли объ этомъ вся кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Чувствую, что я не перенесла-бы этого несчастія, я скорѣе умерла-бы, чѣмъ согласилась быть дочерью корсара.

КЛОАРЕКЪ (*едва побѣждая волненіе*). Сабина!.. Я прошу тебя... Оставимъ этотъ разговоръ... Мнѣ нужно видѣть Легуена, еслибъ ты потрудилась отыскать его и прислать ко мнѣ.

САБИНА. Съ охотой!.. вы здѣсь его подождете?

КЛОАРЕКЪ. Да, я останусь здѣсь!

САБИНА. Я постараюсь, какъ можно скорѣе вернуться! До свиданія!

КЛОАРЕКЪ (*протягиваетъ ей руку, которую она нѣжно сжимаетъ и уходя все оглядывается на отца. Онъ улыбается и дѣлаетъ знакъ рукою, но когда она скрывается за дверь, лицо его принимаетъ выраженіе горести и отчаянія. Онъ падаетъ въ кресло и закрываетъ лицо руками*). О, это ужасно! Какое положеніе! И она, дочь моя, можетъ умереть отъ ужаса, узнавъ, кто отецъ ея. Какъ страшно наказываетъ меня Провидѣніе. Сабина живой портретъ матери — Женни передала ей все, даже эту несчастную нервическую слабость, которая можетъ убить дочь, какъ убила мать! И къ чему были все мои усилія, все старанія доставить ей огромное состояніе, если она умретъ, узнавъ какими средствами приобрѣтено это состояніе. Въ абордажномъ бою, при свистѣ пуль, подъ ударами сабель, я никогда такъ не блѣднѣлъ и не дрожалъ, какъ теперь, при звукахъ ея голоса, при словахъ ея, поразившихъ меня прямо въ сердце. О, чего-бы это ни стоило — она никогда не узнаетъ о томъ, что отецъ ея тотъ страшный корсаръ Закаленный, о которомъ она не можетъ говорить безъ трепета. Теперь у меня независимое состояніе. Сабина самая богатая наслѣдница во всемъ Діеппѣ — моя крейсеровка окончилась, я больше не отправлюсь въ море!.. Я уѣду съ моей милой Сабинной во внутренность Франціи, подальше отъ моря, гдѣ я купилъ

ей этотъ домикъ, чтобъ чаще и скорѣе видѣться съ нею, послѣ моихъ морскихъ поѣздокъ. Какимъ образомъ только узнала она о моемъ избавленіи изъ плѣна? Прочла въ газетахъ? (*Осматривается и находитъ газеты*). Такъ и есть: Этотъ дуракъ Вердюронъ, хозяинъ и арматоръ моего корсарскаго брига, напечаталъ мое письмо къ нему! Этотъ болтунъ могъ-бы погубить меня открытіемъ моей тайны. По счастью, я теперь кончилъ всѣ расчеты и никогда больше съ нимъ не увижусь!.. Кто-то идетъ!.. Легуенъ ... Нѣтъ, это мой будущій зять, добрый Генрихъ!

IV.

ГЕНРИХЪ и КЛОАРЕКЪ.

ГЕНРИХЪ. Ахъ, г. Клоарекъ! Я радъ, что нашелъ васъ одного, давеча при встрѣчѣ съ вами, я не могъ въ присутствіи вашей милой дочери выразить вамъ всю мою благодарность за счастье, которымъ вы наградили меня, согласившись отдать мнѣ руку Сабини.

КЛОАРЕКЪ. И это счастье ты чуть самъ не потерялъ своею неосторожностію, любезный Генрихъ.

ГЕНРИХЪ. Я не понимаю, что вы хотите сказать?

КЛОАРЕКЪ. Не ты-ли, передъ моимъ пріѣздомъ, читалъ Сабинѣ исторію освобожденія изъ плѣна капитана Закаленаго.

ГЕНРИХЪ. Да, но что-же изъ этого!

КЛОАРЕКЪ. Ты знаешь, какъ слаба моя дочь, какъ опасно для нея всякое потрясеніе!

ГЕНРИХЪ. Я знаю все это, и почти нехотя, по ея-же просьбѣ сталъ читать эту статью, которая, впрочемъ, не произвела на нее особенно вреднаго впечатлѣнія.

КЛОАРЕКЪ. Потому-что это былъ одинъ разказъ. Но представь себѣ, что съ нею было-бы если-бъ она увидѣла предъ собой этого корсара.

ГЕНРИХЪ. Это было-бы ужасно, почти убійственно.

КЛОАРЕКЪ. И между-тѣмъ она ежеминутно подвергается узнать, что корсаръ этотъ — ея отецъ!

ГЕНРИХЪ. Возможно-ли?.. Вы ... вы сами? .

КЛОАРЕКЪ. Да, я Жанъ Клоарекъ, бывший судья, теперь корсаръ Закаленный. Ты, будущій мужъ моей дочери долженъ знать это, долженъ принять всѣ мѣры, чтобъ она никогда не узнала объ этомъ. Я расскажу тебѣ потомъ, какія причины побудили меня сдѣлаться

корсаромъ. Теперь тебѣ довольно знать только то, что жизнь твоей невѣсты, а моей дочери зависитъ отъ одной неосторожности, отъ малѣйшаго случая.

ГЕНРИХЪ. Я не могу еще опомниться отъ удивленія!...

V.

ТѢ-ЖЕ и ЛЕГУЕНЪ.

КЛОАРЕКЪ. Это ты, мой вѣрный Жакъ... Я посылалъ за тобою дочь свою!

ЛЕГУЕНЪ (*съ озабоченнымъ видомъ*). Я не видалъ ее капи... господинъ Клоарекъ!

КЛОАРЕКЪ. Ты можешь смѣло называть меня капитаномъ при Генрихѣ. Онъ знаетъ все... Гдѣ-жъ ты былъ, что не встрѣтился съ Сабиной?

ЛЕГУЕНЪ. Въ саду, капитанъ!

КЛОАРЕКЪ. А! Давно-ли на тебя напала страсть къ уединеннымъ прогулкамъ или, можетъ быть, ты гулялъ не одинъ?

ЛЕГУЕНЪ. Одинъ, капитанъ... только и передо мною по нашему саду бродили какіе-то странные охотники до прогулокъ.

КЛОАРЕКЪ. Что-жъ тутъ удивительнаго? Моя дочь и Сусанна вѣрно тоже часто гуляютъ.

ЛЕГУЕНЪ. Очень можетъ быть, только не думаю, чтобы у г-жи Клоарекъ и у Сусанны были ноги побольше моихъ.

КЛОАРЕКЪ. Что ты хочешь этимъ сказать?

ЛЕГУЕНЪ. Да то, что незадолго до нашего приѣзда, здѣсь были гости.

КЛОАРЕКЪ. Не думаю! дочь моя безъ меня никого не принимаетъ.. Былъ-ли кто-нибудь у Сабины въ мое отсутствіе, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ. Рѣшительно никого! Я не оставлялъ ее ни на минуту!

ЛЕГУЕНЪ. Да я и не говорю, чтобъ гости эти были у мамзель Сабины. Слѣды четырехъ огромныхъ ногъ, ясно видны на пескѣ, не просохшемъ отъ вчерашняго дождя, оканчиваются здѣсь подъ окномъ.

КЛОАРЕКЪ. Что-же въ этомъ удивительнаго? Кто-нибудь изъ моихъ слугъ бродилъ по саду.

ЛЕГУЕНЪ. Но слугамъ вашимъ не зачѣмъ было перелѣзать черезъ частоколъ, которой отдѣляетъ садъ отъ приморскаго берега. Я замѣтилъ, что и за частоколомъ шли тѣже шаги, по направленію къ морю!

КЛОАРЕКЪ. Это странно! Ты совершенно увѣренъ въ томъ, что видѣлъ!

ЛЕГУЕНЪ. Совершенно! Съ тѣхъ поръ, какъ проклятый капитанъ Руссель выкололъ мнѣ глазъ абордажною пикою, остальной исправляетъ у меня службу за двоихъ.

КЛОАРЕКЪ. Неужели кто-нибудь изъ моего экипажа вздумалъ посѣтить меня... Но за чѣмъ? Къ тому-же никто, не исключая самого Вердюрона, не знаетъ, гдѣ я живу.

ЛЕГУЕНЪ. Во всякомъ случаѣ, посѣщеніе друга или непріятеля въ настоящее время не можетъ принести вамъ особеннаго удовольствія, и намъ надобно узнать, кто были эти гости, потому-что эти четыре слѣда принадлежали, по всей вѣроятности, не одному, а двумъ человѣкамъ.

ГЕНРИХЪ. Ты напоминаешь мнѣ еще одно обстоятельство. Служанка Сабины, Тереза, говорила моей тетушкѣ, что вчера утромъ къ воротамъ парка приходилъ какой-то человѣкъ, по видимому морякъ, и спрашивалъ, пріѣхалъ-ли г. Клоарекъ и когда его ожидаютъ.

КЛОАРЕКЪ. Не понимаю, кто-бы это могъ быть.

ЛЕГУЕНЪ. Поэтому-то намъ нужно хорошенько изслѣдовать дѣло, обойти весь садъ съ наружной стороны и въ особенности посмотрѣть, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь между приморскими скалами лодки, на которой пріѣхали эти посѣтители, потому-что по всеѣмъ расчетамъ они пожаловали со стороны моря.

КЛОАРЕКЪ. Хорошо, я сейчасъ-же самъ все осмотрю, только не съ тобою Жанъ... Я пойду съ Генрихомъ, которому мнѣ надобно многое рассказать и дать кой-какіе совѣты. Ты останься съ Сабиной и скажи ей, что мы ушли осматривать работы, какіе надо будетъ устроить близъ сада, со стороны моря. Мы вернемся черезъ четверть часа. *(Уходитъ съ Генрихомъ).*

ЛЕГУЕНЪ. Слушаю, капитанъ! Тутъ что-нибудь да не такъ! Не опять-ли это штуки негодяя Русселя, который чуть было не увезъ въ Англію капитана съ мѣсяцъ тому назадъ. Ну, да впрочемъ мы вѣдь здѣсь остаемся ненадолго, и къ тому-же я буду смотрѣть въ оба, то-есть, собственно говоря — въ одинъ, что впрочемъ совершенно все равно! А вѣдь жаль будетъ разставаться съ нашей веселой жизнью! Хоть меня порядочно отдѣлали эти мошенники англичане: а все-бы хотѣлось сцѣпиться на абордажъ съ какимъ-нибудь годдемомъ, хоть-бы для того, чтобъ расплатиться съ Русселемъ за мой глазъ и за послѣднюю продѣлку его съ капитаномъ.

VI.

ЛЕГУЕНЪ и САБИНА.

САБИНА. Вы здѣсь, г. Легуенъ! прекрасно! А я съ полчаса ишу васъ по всему дому.

ЛЕГУЕНЪ. Я пользовался въ саду пріятною погодою, мамзель Сабина, и потому не мудрено, что не имѣлъ счастья встрѣтиться съ вами.

САБИНА. Васъ искалъ батюшка!

ЛЕГУЕНЪ. Я уже имѣлъ удовольствіе видѣться съ нимъ.

САБИНА. Но гдѣ-же онъ? Я его здѣсь оставила?

ЛЕГУЕНЪ. Онъ отправился съ вашимъ женихомъ осматривать на морскомъ берегу мѣсто, гдѣ удобнѣе будетъ устроить плотину. Во время приливовъ, знаете, вода чуть не подъ самый садъ вашъ подступаетъ.

САБИНА. Это очень мило — уйти, не сказавъ мнѣ ни слова.

ЛЕГУЕНЪ. Они будутъ черезъ четверть часа, не больше.

САБИНА. Но мнѣ кажется, они-бы могли предложить мнѣ пойти съ ними.

ЛЕГУЕНЪ. Дѣло то-есть, знаете, такое, не женское, они будутъ толковать о гидравлическихъ постройкахъ, о нивелировкѣ... а вы-бы, пожалуй, ихъ еще развлекать стали.

САБИНА. Все равно!.. За чѣмъ-же они ушли отсюда, не сказавшись мнѣ. Вы знаете, куда они пошли, г. Легуенъ, пойдѣте къ нимъ, на встрѣчу.

ЛЕГУЕНЪ. Нѣтъ, ужъ извините, мнѣ г. Клоарекъ приказалъ остаться здѣсь при васъ, и я долженъ исполнить его приказаніе.

САБИНА. Какая скука! Дождаться ихъ, можетъ быть, цѣлый часъ!

ЛЕГУЕНЪ. Увѣряю васъ, что они будутъ гораздо раньше. Вы покамѣсть посидите, да поработайте тутъ что-нибудь... вотъ, кстати, идетъ г-жа Сусанна. Она вамъ расскажетъ интересную исторію... Сейчасъ видно, что она и безъ того хочетъ что-то сообщить вамъ.

VII.

ТЪ-ЖЕ СУСАННА и ЖАКЪ.

СУСАННА. Не знаете-ли вы, милая Сабина, куда пошелъ вашъ папенька. Его спрашиваетъ какой-то господинъ и говоритъ, что ему очень нужно видѣться съ г. Клоареккомъ.

САБИНА. Онъ пошелъ осматривать какія-то работы со стороны моря.

Если его нужно видѣть, то попроси подождать съ четверть часа.

СУСАННА. Жакъ! Скажи этому господину, чтобъ онъ подождать.

САБИНА. Постой Сусанна — неучтиво будетъ оставить гостя внизу, одного... Попроси его сюда, Жакъ. (*Жакъ уходитъ*). Этотъ посѣтитель сказалъ, какъ его зовутъ?

СУСАННА. Какъ-же — Флоридоръ Вердюронъ!

ЛЕГУЕНЬ (*всторону*). Сорокъ миллионъ бомбъ! Это нашъ арматоръ! Мы пропали! Этотъ болтунъ не знаетъ, что капитанъ имѣетъ важныя причины скрывать отъ дочери свое корсарское званіе — онъ откроетъ тайну, которая можетъ убить Сабину.

СУСАННА. Что вы тамъ бормочете, г. Легуень? Что съ вами?.. Вы вдругъ пришли въ такое волненіе..

ЛЕГУЕНЬ. Меня удивляетъ то, сударыня, что вы рѣшаетесь пускать въ домъ всякаго бродягу и еще въ отсутствіе г. Клоарека! Кто знаетъ что это за человѣкъ?..

СУСАННА. Что съ вами! Опомнитесь! Почему вы знаете, что посѣтитель дурной человѣкъ, и развѣ можно не принять его, когда батюшка вернется черезъ четверть часа.

ЛЕГУЕНЬ. Но въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ было звать его сюда. Повторяю вамъ, что я знаю этого человѣка — онъ негодяй, плутъ, мошенникъ, полупомѣшанный. Нельзя вѣрить ни одному слову, которое онъ скажетъ. Я прошу васъ убѣдительно, не впускать его сюда!

СУСАННА. Уже поздно! вотъ онъ!

ЛЕГУЕНЬ (*всторону*). Во что-бы то ни стало, только я не позволю сказать ему ни одного слова!

VIII.

ТЪ-ЖЕ И ЖАКЪ, ВЕРДЮРОНЪ.

ЖАКЪ (*у дверей*). Пожалуйста! (*уходитъ*).

ВЕРДЮРОНЪ (*дѣлаетъ въ дверяхъ поклонъ по вѣсьмъ правиламъ танцовальнаго искусства*).

СУСАННА (*присѣдая*). Этотъ человѣкъ знаетъ свѣтское обращеніе! (*Сабина также кланяется; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Вердюронъ повторяетъ поклонъ*). Какія прекрасныя манеры. (*Вердюронъ, подойдя къ столику, за которымъ сидитъ Сабина, кланяется въ третій разъ.*) Это должно быть какой-нибудь посланникъ! (*Прежде, чѣмъ Вердюронъ успѣетъ поднять голову, Легуень становится между имъ и Сабиной*).

ВЕРДЮРОНЪ (*не поднимая головы*). Сударыня! я не знаю, какъ выразить (*поднявши голову, встрѣчается носъ съ носомъ съ Легуеномъ*). Ба! и ты здѣсь, морская собака?

ЛЕГУЕНЪ. Что за выраженія! По чему же морская? Развѣ всякій, кто живетъ на берегу моря, морской звѣрь?

ВЕРДЮРОНЪ. Но мнѣ кажется, что я имѣю право назвать тебя такъ, не только потому, что...

ЛЕГУЕНЪ (*прерывая его*). Не въ этомъ дѣло! Вы хотите видѣть г. Клоарека? Пойдемте, я сведу васъ къ нему (*хочетъ увести его*).

СУСАННА. Но вы можете разойтись съ нимъ.

ЛЕГУЕНЪ. Нѣтъ, я знаю, гдѣ найти его! Пойдемъ поскорѣе!

САБИНА. Ты говорилъ самъ, что напенька будетъ заниматься планами построекъ. (*Вердюрону*) Не лучше-ли будетъ вамъ подождать здѣсь, если только это вамъ не противно.

ВЕРДЮРОНЪ. Сударыня! Мнѣ очень лестно! Я!..

ЛЕГУЕНЪ (*стараясь увести его*). Увѣряю васъ, что ему необходимо нужно видѣть г. Клоарека сію-же минуту. Дѣло это не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства.

ВЕРДЮРОНЪ. Да погоди, куда ты меня тащишь... Я вовсе не тороплюсь увидѣться съ хозяиномъ этого прекраснаго жилища, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходится ждать его въ такомъ пріятномъ обществѣ (*кланяется*).

СУСАННА (*всторону*). Это долженъ быть непременно маркизь, или герцогъ прежняго времени.

ЛЕГУЕНЪ. Увѣряю васъ, что вамъ необходимо тотчасъ-же видѣться съ г. Клоарекомъ. Мнѣ самому нужно сообщить вамъ очень важное извѣстіе. Пойдемте скорѣе.

ВЕРДЮРОНЪ. Нѣтъ, ужъ извини. Послѣ такого лестнаго приглашенія со стороны этихъ дамъ, уйти было-бы величайшею неучтивостію. А я слишкомъ хорошо знаю правила вѣжливости... Ты мнѣ можешь послѣ сообщить свое извѣстіе...

ЛЕГУЕНЪ. Но позвольте мнѣ сказать его вамъ на ухо.

ВЕРДЮРОНЪ (*отступая*). Ни за что на свѣтѣ! Шептаться при дамахъ! Это могутъ себѣ позволить люди, незнакомые съ свѣтскими приличіями.

САБИНА. Легуенъ! Твоя настойчивость становится странною; я должна напомнить тебѣ о правилахъ вѣжливости и гостепріимства... оставь въ покоѣ этого господина.

ЛЕГУЕНЪ. О, если вы этого желаете (*отходитъ*). Что дѣлать! Какъ выпутаться изъ этого положенія? Если онъ разболтаетъ!

ВЕРДЮРОНЪ. Я имѣю честь говорить съ дѣвицею Клоарекъ!

САБИНА. Точно такъ, вы вѣрно принадлежите къ числу друзей батюшки ?

ВЕРДЮРОНЪ. И самыхъ преданныхъ, я столько обязанъ ему.

САБИНА. Мой батюшка оказалъ вамъ какую-нибудь услугу?

ВЕРДЮРОНЪ. Помилуйте... Я обязанъ ему всею моимъ состояніемъ... Его храбрость...

ЛЕГУЕНЪ. Г. Вердюронъ хочетъ сказать, что надо имѣть много храбрости, чтобъ закупить вдругъ на большую сумму какой-нибудь товаръ, рассчитывая на то, что онъ возвысится въ цѣнахъ въ послѣдствіи.

ВЕРДЮРОНЪ. Советъ нѣтъ!.. Что ты толкуешь тутъ о товарахъ, — я хочу сказать о сраженіяхъ...

САБИНА. Сраженіяхъ!.. Что это значитъ?..

ЛЕГУЕНЪ. Г. Вердюронъ не точно выразился. Въ нашемъ званіи, часто случается, что два купца предлагаютъ въ одно время одинакій товаръ, и потому, разумѣется, между ними должно произойти столкновение... Вы понимаете...

ВЕРДЮРОНЪ. Какіе купцы, что за товары?.. Ты не въ своемъ умѣ? Что съ тобою?..

ЛЕГУЕНЪ (*всторону*). Рѣшено! одно средство завести съ нимъ ссору (*громко*). Кто? Я не въ своемъ умѣ? Вы хотите сказать, что я пьянъ?.. Вы смѣете оскорблять меня! Вы сами сумасшедшій!

СУСАННА. Жанъ!

САБИНА. Г. Легуенъ!

ВЕРДЮРОНЪ. Что съ нимъ сдѣлалось? Помилуй, что ты горячишься? вѣдь ты не на абордажѣ.

ЛЕГУЕНЪ (*стараясь заглушить его слова*). Избавьте меня отъ вашихъ глупыхъ сравненій, повторяю вамъ еще разъ, что вы оскорбляете меня — и должны дать мнѣ удовлетвореніе.

ВЕРДЮРОНЪ. Онъ просто бѣлены объѣлся! Скажите, давно-ли съ нимъ припадки случаются?.. Еще въ послѣднюю компанію..

ЛЕГУЕНЪ (*крича*). Будете-ли вы наконецъ мнѣ отвѣчать? Я требую удовлетворенія.

САБИНА. Легуенъ! Это уже слишкомъ! Вы смѣете при мнѣ обходиться такъ съ друзьями батюшки.

ЛЕГУЕНЪ. Вы правы... Я забылся... Подобныя сцены должно оканчивать не при дамахъ... Выйдемте отсюда!

ВЕРДЮРОНЪ. Со всею нѣтъ! Я не хочу уйти! Я буду здѣсь дожидаться и пожалуюсь капитану..-

ЛЕГУЕНЪ (*наступая на него съ крикомъ*). Сорокъ тысячъ бомбъ! Замолчите-ли вы! (*Вердюронъ, все отступая, прислоняется къ окну*).

Онъ никакъ не замолчить! Какая мысль! Одинадцать лѣтъ тому назадъ я поступилъ точно также въ подобномъ случаѣ. (*Вердюрону*) Вы рѣшительно отказываетесь выйти отсюда со мною?

ВЕРДЮРОНЪ. Рѣшительно! И попрошу, чтобъ тебя посадили на цѣпь, какъ только вернется капитанъ.

ЛЕГУЕНЪ. Такъ подожди—же его тамъ за окномъ! (*схватываетъ Вердюрона и бросаетъ за окно, Сабина съ крикомъ падаетъ безъ чувствъ, Сусанна бросается къ ней*).

СУСАННА. Боже мой!.. Помогите!.. Ей дурно!

ЛЕГУЕНЪ. Дурно!.. Очень хорошо! Она ничего не услышитъ! (*Блѣжитъ къ двери, занавѣсь опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ОТЕЦЪ И КОРСАРЪ.

ТАЖЕ декорация, какъ и во второмъ дѣйствіи.

I.

КЛОАРЕКЪ выходитъ изъ спальни дочери, **ЛЕГУЕНЪ** стоитъ посреди комнаты, потомъ Вердюронъ.

ЛЕГУЕНЪ. Ну, что капитанъ?

КЛОАРЕКЪ. Припадокъ кончился.... Она теперь успокоилась и уснула.

ЛЕГУЕНЪ. И всему этому я причиной! Но что сдѣлано, того не воротить!

КЛОАРЕКЪ. Я все—таки благодаренъ тебѣ, потому, что безъ твоего поступка, съ Сабинной могло—бы случиться еще большее несчастіе. Теперь, покаместъ она спитъ, приведи сюда этого болтуна Вердюрона. Мнѣ хочется узнать, зачѣмъ онъ сюда пожаловалъ.

ЛЕГУЕНЪ. Онъ дожидается въ этой комнатѣ (*показывая на дверь нальво*). Я на досугѣ далъ ему порядочный нагоняй за его нескромность!

КЛОАРЕКЪ. Позови его!

ЛЕГУЕНЪ (*отворяя нальво дверь*). Пожалуйста!

ВЕРДЮРОНЪ (*раскланиваясь*). Капитанъ! Я въ совершенномъ отчаяніи, еслибъ я зналъ, еслибъ могъ предвидѣть! Я жалѣю только о томъ, что почтенный другъ мой, Жанъ Легуенъ, не предупредилъ меня

какимъ—нибудь другимъ образомъ, а то согласитесь... Оно хоть и не высоко... Однако—жъ въ моемъ званіи и костюмѣ летѣть въ окно.

КЛОАРЕКЪ. А какое право имѣли вы нарушить мое инкогнито, войти въ домъ мой?

ВЕРДЮРОНЪ. Позвольте, позвольте, капитанъ! (*Видя что Легуенъ хочетъ уйти*). Останься, старый тюлень, твой совѣтъ можетъ быть полезенъ намъ, капитанъ позволить.

КЛОАРЕКЪ. Что все это значить! Что вамъ отъ меня угодно?

ВЕРДЮРОНЪ. Сейчасъ буду имѣть честь объяснить вамъ до все, малѣйшей подробности. Позвольте только немножко присѣсть. Признаюсь вамъ, давшій неожиданный прыжокъ мой въ окно отзывается у меня въ бокахъ... (*садится, Клоарекъ прислоняется къ столу въ нетерпѣннѣ*). Я начинаю прямо, безъ всякихъ предисловій. Угодно—ли вамъ будетъ получить шесть сотъ или восемь сотъ тысячъ франковъ.

КЛОАРЕКЪ. Нѣтъ!

ВЕРДЮРОНЪ. Какъ... нѣтъ?... Развѣ можно отказаться отъ такой суммы!

КЛОАРЕКЪ. Но чтобъ получить ее, я долженъ отправиться въ море?... Не такъ—ли?

ВЕРДЮРОНЪ. Конечно! У острова Долерея остановился теперь корабль изъ Индіи, съ грузомъ, состоящимъ изъ золотыхъ слитковъ, на полтора или на два милліона, черезъ три дня онъ уходитъ въ Плимуть, подъ прикрытіемъ военной корветы. Вы отправляетесь на моемъ бригѣ, захватываете этотъ призъ, и мы; какъ всегда, дѣлимъ добычу пополамъ.

КЛОАРЕКЪ. И вы только за этимъ явились ко мнѣ, отыскавъ жилище, въ которомъ я отъ всѣхъ скрывался?

ВЕРДЮРОНЪ. Какъ только за этимъ? Надѣюсь, что изъ двухъ миліоновъ можно было побезпокоиться.

КЛОАРЕКЪ. Но развѣ вы забыли, что я сказалъ вамъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи...

ВЕРДЮРОНЪ. Вы, къ общему сожалѣнію, объявили мнѣ, что отказываетесь отъ дальнѣйшаго крейсерства и оканчиваете свое корсарское поприще.

КЛОАРЕКЪ. Развѣ я когда—нибудь измѣнялъ своему слову?

ВЕРДЮРОНЪ. Нѣтъ, но тутъ обстоятельство совсѣмъ другаго рода, во первыхъ, призъ въ два милліона...

КЛОАРЕКЪ (*уходя*). Прощайте, господинъ Вердюронъ!

ВЕРДЮРОНЪ (*покачиваясь на стулѣ*). А во вторыхъ, военной корветой командуетъ капитанъ Руссель!

КЛОАРЕКЪ (*возвращаясь*). Руссель!

ЛЕГУЕНЪ. Руссель! Сто милліоновъ карточей! съ какимъ-бы удовольствіемъ сѣпился я на abordажѣ съ этимъ бездѣльникомъ!

ВЕРДЮРОНЪ. Надѣюсь, что это второе обстоятельство измѣнитъ нѣсколько вашъ образъ мыслей.

КЛОАРЕКЪ. Руссель! При одномъ имени этаго человѣка, вся кровь бьетъ мнѣ въ голову... О, еслибъ я могъ съ нимъ встрѣтиться лицомъ къ лицу, во время abordажа.... Но нѣтъ, какъ ни сильно искушеніе.... я не нарушу обѣщанія, даннаго моею дочерію.

ВЕРДЮРОНЪ. Подумайте, капитанъ! этотъ милліонъ былъ-бы не лишній для вашей прекрасной дочери, онъ пригодился-бы ей на булавки.

КЛОАРЕКЪ. У нея есть уже приданое. Еще разъ повторяю, я не могу принять вашего предложенія.

ВЕРДЮРОНЪ. Но послушайте однако-же! вы поступаете черезчуръ эгоистически, вы составили себѣ состояніе крейсерствомъ, а обо мнѣ не хотите подумать.

КЛОАРЕКЪ. Ваше состояніе, больше чѣмъ утроилось моими призами. Смѣшно слышать, что вы называете эгоистомъ человѣка, который съ своимъ храбрымъ экипажемъ жертвовалъ жизнью, въ то время, когда вы спокейно сидѣли въ вашей купеческой конторѣ, разсчитывая, сколько барышей получите отъ моего крейсерства.

ВЕРДЮРОНЪ. А развѣ я не рисковалъ также моимъ имуществомъ? Вы ни во что считаете ядра, которыми меня осыпали.

ЛЕГУЕНЪ. Ага? васъ осыпали ядрами?

ВЕРДЮРОНЪ. Ну да, конечно, меня или мой корабль, развѣ это не все равно! Чего мнѣ стоила починка его послѣ всякаго сраженія... а всѣ раны, оторванныя руки, ноги, проломленныя головы, это тоже, по вашему, ничего незначить?

ЛЕГУЕНЪ. Какъ! вамъ тоже отрывали руки и ноги, проламывали голсу?... дѣйствительно, это должно быть непріятно.

ВЕРДЮРОНЪ. Не мнѣ, но моимъ матросамъ. Я долженъ былъ лечить ихъ раны, платить имъ пенсіоны. Сосчитайте, что все это стоитъ.

ЛЕГУЕНЪ. И вычтите изъ этаго, что вы ничего не платили бѣднякамъ, убитымъ въ сраженіяхъ.

ВЕРДЮРОНЪ. Ваши шутки вовсе не умѣста, и я не съ вами разговариваю. Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, капитанъ, вы рѣшительно не хотите захватить корабль изъ Индіи, съ двумя милліонами? отомстить Русселю?

КЛОАРЕКЪ. Въ десятый разъ отвѣчаю вамъ, нѣтъ!

ВЕРДЮРОНЪ. Рѣшительно и положительно?

КЛОАРЕКЪ. Довольно! кончимъ этотъ разговоръ. (*Опять хочетъ идти*).

ВЕРДЮРОНЪ. Но вы понимаете, капитанъ, что я не могу такъ равнодушно отказаться отъ двухъ милліоновъ и потому считаю долгомъ предупредить васъ, что на случай вашего отказа, я взялъ кое-какіе предосторожности.

КЛОАРЕКЪ. Что это значить?

ВЕРДЮРОНЪ. Это значить, что Адская Головная стоитъ на якорѣ въ полу-миль отсюда, что я предупредилъ вашъ экипажъ о новомъ подвигѣ, которой предстоитъ имъ подъ вашимъ предводительствомъ, что матросы ваши въ восторгѣ отъ этаго, и что если вы черезъ полчаса не явитесь на корабль — они сами придутъ сюда за своимъ капитаномъ.

КЛОАРЕКЪ (*дрожжа отъ гнѣва*). И вы осмѣлились это сдѣлать?

ВЕРДЮРОНЪ. Я говорилъ вамъ уже, что не хочу потерять двухъ милліоновъ ... Если вы такъ дорожите вашимъ инкогнито, то для собственной вашей пользы я совѣтовалъ-бы вамъ отправиться на Адскую головню потому-что, если матросы придутъ сюда...

ЛЕГУЕНЪ (*схватывая его за руку, тихо*). Замолчите и убирайтесь отсюда, какъ можно скорѣе — иначе я не ручаюсь ни за что.

КЛОАРЕКЪ (*задыхаясь*). Бездѣльникъ! И ты рѣшился!

ВЕРДЮРОНЪ (*бросаясь со всѣхъ ногъ въ дверь*). Мое почтеніе, капитанъ! (*Убѣгаетъ*).

ЛЕГУЕНЪ (*удерживая Клоарека, который бросается за нимъ*). Капитанъ! опомнитесь! вспомните о вашей дочери.

КЛОАРЕКЪ. Дочь моя!... Но ее убиваетъ этотъ негодяй!... О! какое положеніе!... Если онъ сказалъ правду! Я знаю моихъ матросовъ, они непременно придутъ за мною! они не знаютъ причины, по которой я долженъ отъ нихъ скрываться. Одна минута разрушить счастье всей моей жизни, уничтожить заботы столькихъ лѣтъ.

ЛЕГУЕНЪ. К чему отчаиваться, капитанъ! мы можемъ еще поправить все дѣло; отправимся къ этимъ головорѣзамъ, и тамъ, на бригѣ, вы объявите имъ рѣшительно, что навсегда слагаете съ себя корсарское званіе и отказываетесь отъ всякихъ морскихъ кампаній и крейсерствъ.

КЛОАРЕКЪ (*задумавшись*). Ты правъ! надо кончить чѣмъ нибудь это тяжелое, невыносимое положеніе. Я отправлюсь къ моимъ матросамъ. Отыщи Генриха и предупреди его о нашемъ отправленіи, на случай, еслибы Сабина, проснувшись, спросила обо мнѣ, потомъ жди меня у садовой рѣшетки. Теперь уже смеркается и мы незамѣтно дойдемъ до трактира. (*Легуенъ уходитъ*) Да, я долженъ принять наконецъ рѣшительныя мѣры. Рано или поздно Сабина узнаетъ все, что я скрывалъ отъ нея съ такимъ

стараніемъ. Одного болтуна Вердюрона довольно, чтобы весь Діепш узналъ Корсара Закаленного. Я не могу долѣе скрываться отъ моей дочери. Матросы мои добры и любятъ меня; я скажу имъ прямо, что они убьютъ меня и дочь мою, если будутъ настаивать на новое крейсерство, и не откажутся отъ меня навсегда и совершенно. Тогда я уѣду изъ окрестностей Діеша, дальше на югъ Франціи, гдѣ бы никто не зналъ меня. Здѣсь, по близости моря и во время войны, убѣжище мое не безопасно. Если же они не согласятся отказаться отъ добычи, и забыть объ своемъ капитанѣ, тогда въ ихъ глазахъ я размножу себѣ черепъ—Участь Сабинны обезпечена, я больше не нуженъ ей, у нея есть женихъ.. она будетъ сожалѣть обо мнѣ, и смерть моя будетъ такою же тайною для нея, какъ и жизнь. Явлюсь къ товарищамъ моимъ въ послѣдній разъ въ томъ самомъ платьѣ бретонскаго крестьянина, въ которомъ они всегда видѣли меня на морѣ, въ дыму абордажа, въ пылу сраженія... Это платье было на мнѣ въ ту страшную минуту, когда я потерялъ жену. Искупая грѣхъ свой, я поклялся не снимать этаго платья въ то время, когда могъ умереть каждый мигъ, каждую минуту. Оно должно было напоминать мнѣ мое преступленіе. Экипажъ мой приписывалъ какое-то сверхъестественное вліяніе этому платью; я не былъ ни разу въ немъ раненъ, хотя не щадилъ себя... И въ немъ же пойду я на свиданіе, которое должно рѣшить участь всей моей жизни.

(Уходитъ. Сцена нѣсколько времени остается пуста, становится темно. Немного спустя въ открытое окно, съ наружи показывается голова Пиетри, онъ тихо влѣзаетъ, осматривается и подходитъ къ окну).

II.

ПИЕТРИ, ПОТОМЪ РУССЕЛЬ.

ПИЕТРИ *(въ окно)*. Здѣсь никого нѣтъ? влѣзайте, капитанъ!

РУССЕЛЬ *(влѣзая)*. Подать ли знакъ нашимъ матросамъ?

ПИЕТРИ. Погодите, еще усѣдемъ, надобно прежде рѣшить, какъ намъ приняться за дѣло. Мнѣ кажется, мы немножко поторопились... еще не совсѣмъ смерклося!...

РУССЕЛЬ. Мщеніе не ждетъ, Пиетри, я считаю каждую секунду съ той минуты, когда этотъ ужасный корсаръ ушелъ изъ моихъ рукъ. Къ тому же намъ, кажется, нечего опасаться. Мы высмотрѣли вчера съ тобою всю мѣстность этаго домика, знаемъ, что корсаръ еще не вернулся, что здѣсь живетъ одна дочь его, старуха гувернантка съ своимъ

племянникомъ и три человѣка прислуги. Надѣюсь, что десять человѣкъ моихъ матросовъ, кромѣ насъ, справятся со всею этою сволочью.

ПИЕТРИ. Конечно, но не забудьте, что сегодня цѣлый день мы должны были скрываться въ нашей шкунѣ, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія, а въ день многое могло перемѣниться. Корсаръ могъ вернуться домой.

РУССЕЛЬ. Что-же! тѣмъ лучше! это будетъ благодѣяніемъ судьбы! ужъ на этотъ разъ онъ не ускользнетъ отъ меня... если онъ не достанется живой, я привезу въ Англію хоть трунъ его, вмѣстѣ съ его дочерью, вѣдь онъ вернется сюда одинъ, — все таки будетъ двѣнадцать противъ пятерыхъ.

ПИЕТРИ. Все такъ! но осторожность никогда не мѣшаетъ! Я того мнѣнія, что гораздо лучше захватить ихъ въ расплохъ, потому-что, если корсаръ здѣсь и будетъ защищаться, то я не ручаюсь за моихъ молодцовъ. Къ тому же не забудьте, что двое изъ нихъ стерегутъ у садовой калитки, а двое другихъ со стороны дороги и что насъ слѣдовательно будетъ здѣсь всего шесть человѣкъ.

РУССЕЛЬ. Ты всего боишься, Пьетри. Развѣ ты не получилъ уже половину обѣщанной награды, если мы счастливо окончимъ наше предпріятіе? Развѣ ты не желаешь, также, какъ я, отомстить этому корсару за то, что онъ вырвался изъ нашихъ рукъ.

ПИЕТРИ. Это все совершенно справедливо, да ужъ и не время было-бы раздумывать. Я согласился помогать вамъ въ новой попыткѣ вашей и буду помогать всѣми силами, хоть никогда не одобрялъ вашего намѣренія, вы знаете это.

РУССЕЛЬ. Это потому, что ты не такъ ненавидишь корсара, какъ я. Ты пожалъ плечами, когда я рассказалъ тебѣ, что, скрываясь подъ чужимъ именемъ въ Діеппѣ, послѣ того, какъ корсаръ вырвался изъ нашихъ рукъ, я сталъ освѣдомляться о подробностяхъ его жизни и случайно узналъ, отъ хозяина его брига, что у корсара есть дочь, рѣшился украсть ее, чтобъ чѣмъ нибудь отметить отцу. Ты не понимаешь, что будетъ чувствовать онъ, когда узнаетъ, что единственная дочь его въ моихъ рукахъ; какія усилія будетъ употреблять, чтобъ освободить ее, какъ будетъ мучиться при мысли о ея мученіяхъ. Планъ мой былъ рассчитанъ вѣрно, я собралъ десятокъ удалцовъ, разузналъ все, что касалось до образа жизни дочери корсара, и прежде, чѣмъ онъ вернется изъ Діеппа, гдѣ долженъ отдать отчетъ префекту въ послѣдней своей экспедиціи, мы на нашей лодкѣ увеземъ въ Англію дочь его, которая не вырвется отъ насъ на дорогѣ, какъ отецъ.

ПЕТРИ. Не ручайтесь напередъ ни за что, а скажите лучше, какъ вы намѣрены дѣйствовать?

РУССЕЛЬ. Очень просто! (*Показываетъ направо*) Здѣсь должны быть комнаты дочери Корсара. Мы пойдемъ прямо за нимъ и попросимъ ее слѣдовать за нами. Если-же кто-нибудь вздумаетъ ее защищать...

ПЕТРИ. Понимаю! Это ужъ мое дѣло! зовите-же скорѣй товарищей, теперь совсѣмъ стемнѣло. (*Руссель свиститъ, наклоняясь въ окно, черезъ нѣсколько времени въ него влззаютъ четыре матроса, Петри слушаетъ у дверей*). Кажется, насъ хотятъ избавить отъ труда отыскивать нашу добычу... сюда идутъ... вѣрно она!..

РУССЕЛЬ. Тѣмъ лучше, отсюда намъ легче будетъ унести ее черезъ окно. (*Матросамъ*). По первому знаку вы схватите ту, на кого я укажу вамъ (*удаляются въ глубину сцены*).

III.

ТѢ-ЖЕ, СУСАННА, ПОТОМЪ САБИНА И ГЕНРИХЪ.

СУСАННА (*входя со свѣчами и ставя ихъ на столъ*). Мнѣ послышалось, что кто-то говоритъ здѣсь! быть не можетъ! (*оглядывается и, увидя Русселя и матросовъ, испускаетъ громкій крикъ*)

РУССЕЛЬ (*бросаясь къ ней и схватывая ее за руку*). Молчи или ты погибла! отвѣчай: кто ты, и кто здѣсь у васъ въ домѣ?

СУСАННА. Я.... Господа! кто вы, что вамъ нужно?

РУССЕЛЬ. Отвѣчай на мои вопросы, или я заставлю тебя замолчать на вѣки.

СУСАННА. Я управительница, Сусанна, въ домѣ у насъ нѣтъ никого.

РУССЕЛЬ. Какъ нѣтъ? здѣсь должна быть одна молоденькая дѣвушка....

СУСАННА. Мамзель Сабина?... но какое вамъ дѣло до этого?

РУССЕЛЬ. Стало быть, она здѣсь! намъ только это и нужно знать! ну, а корсаръ еще не возвращался?

СУСАННА. Корсаръ!... здѣсь нѣтъ никакого корсара, клянусь вамъ.

РУССЕЛЬ. Хорошо! теперь веди насъ въ комнату твоей госпожи.

СУСАННА. Но что все это значитъ? умоляю васъ!

ПЕТРИ. Поручите мнѣ, капитанъ, зажать ротъ этсой почтенной дамѣ... намъ не надо далеко ходить! Сюда идетъ еще кто-то, вѣроятно

сама госпожа; домоправительница взвизгнула такъ, что я думаю слышно было на нашей шкунѣ.

САБИНА (*входя*). Сусанна! что съ тобою сдѣлалось? что это? Боже мой! кто вы и что вамъ угодно?

РУССЕЛЬ. Вы это узнаете, когда пожелаете за нами!...

САБИНА. Но куда?... объясните?

РУССЕЛЬ. Это вы тоже узнаете! здѣсь не мѣсто и не время объясняться! Будьте покойны, съ вами не стануть дурно обходиться, если вы будете повиноваться и молчать!... пойдете-же, сударыня.

САБИНА. Но еще разъ прошу васъ сказать намъ, что все это значить? Какое право имѣете вы требовать, чтобъ я вамъ повиновалась?

РУССЕЛЬ. Самое неоспоримое право сильнаго. Вы видите, здѣсь насъ шесть человѣкъ, вы въ нашихъ рукахъ, и всякое сопротивленіе съ вашей стороны бесполезно! Въ послѣдній разъ прошу васъ слѣдовать за нами.

САБИНА. Но это преступленіе! это насиліе! я буду защищаться, батюшка! батюшка! помогите!

РУССЕЛЬ (*схватывая ее за руку*). Вы сами принуждаете меня къ насилію! Піетри! завяжи ей ротъ! (*Піетри бросается къ ней, но въ эту минуту изъ главныхъ дверей выбѣгаетъ Генрихъ, отталкиваетъ его и становится подлѣ Сабинь*).

ГЕНРИХЪ. Бездѣльники! что это значить? какъ вы осмѣлились?

РУССЕЛЬ. Это что еще за выскочка? да еще и безоружный! ну, если у этой госпожи все такіе защитники, такъ не опасно, будь ихъ хоть дюжина.

ГЕНРИХЪ (*бросаясь къ нему и выхватывая у него изъ-за пояса пистолетъ*). Наглець! я разможжу тебѣ черепъ, если ты сдѣлаешь хоть шагъ.

РУССЕЛЬ. Это мы увидимъ. (*Даетъ знакъ Піетри, тотъ бросается на Генриха сзади съ однимъ матросомъ, опрокидываютъ его и связываютъ ему руки. Двое другихъ матросовъ держатъ Сусанну*).

ГЕНРИХЪ (*борясь*) Разбойники! Сабина!

СУСАННА. Помогите! помогите!

РУССЕЛЬ (*матросамъ*). Вы еще не зажали ей рта! время дорого! (*матросу*). Мы вынесемъ ее съ тобою (*бросаются къ Сабинь*).

САБИНА (*защищаясь*). Батюшка! спасите!

IV.

ТЪ-ЖЕ. КЛОАРЕКЪ и **ЛЕГУЕНЪ** вскакиваютъ въ окно; **ЛЕГУЕНЪ**, въ матросскомъ платьѣ; **КЛОАРЕКЪ** въ платьѣ бретонскаго крестьянина, съ абордажнымъ топоромъ въ рукѣ. Онъ бросается на **РУССЕЛЯ** и ударомъ топора повергаетъ его на земь. **ЛЕГУЕНЪ** еще изъ окна стрѣляетъ изъ пистолета въ **ПЕТРИ**, держащаго **ГЕНРИХА**, тотъ падаетъ. Въ это же время **КЛОАРЕКЪ**, топоромъ убиваетъ другаго матроса держащаго **САБИНУ**, остальные бѣгутъ въ дверь. **ЛЕГУЕНЪ** стрѣляетъ вслѣдъ имъ: еще одинъ шатаясь падаетъ за дверь. Двое убѣгаютъ.

КЛОАРЕКЪ. Сабина! смерть разбойникамъ!

ЛЕГУЕНЪ. Сорокъ миліоновъ бомбъ... я васъ бездѣльники!

САБИНА (*вглядываясь въ отца и съ крикомъ падая безъ чувствъ*). Черный человѣкъ! онъ убилъ мать мою. (*Клоарекъ въ ужасъ отступаетъ и закрываетъ лицо руками. Сусанна бросается къ Сабинѣ. Легуенъ развязываетъ Генриха, который также бросается къ Сабинѣ. Легуенъ убѣгаетъ потомъ въ среднюю дверь*).

СУСАННА. Г. Клоарекъ, помогите! Генрихъ, тамъ спиртъ. (*Генрихъ бросается въ дверь на-право и потомъ выноситъ стеклянку*),

КЛОАРЕКЪ. Мнѣ помогать ей?... поздно!... я убилъ ее!... это платье, это воспоминаніе... ея болѣзнь!... (*бросается на колѣна предъ нею*). Дочь моя! я не переживу тебя!

ГЕНРИХЪ. Эта кровь!.. эти трупы! все это можетъ еще сильнѣе подѣйствовать на нее, когда она придетъ въ себя, капитанъ, перенесите ее въ ту комнату. Сусанна, пошлите Легуена за докторомъ! Кризисъ можетъ быть опасенъ!

СУСАННА. Пойдите! она кажется подымаетъ голову! гдѣ этотъ г. Легуенъ?

ЛЕГУЕНЪ. (*входя съ окровавленной щекой*). Здѣсь! здѣсь! я послалъ только въ догонку мошеннику оставшійся у меня зарядъ, да рубнулъ немного другаго этой саблей, бездѣльникъ вздумалъ защищаться, и даже оцарапалъ меня.

СУСАННА. Боже мой! вы все въ крови! и вы, одни на нихъ бросились...

ЛЕГУЕНЪ. Еще-бы нѣтъ! ихъ было вѣдь только двое.

СУСАННА. Какой храбрецъ! а я считала его трусомъ.

ГЕНРИХЪ. Она приходитъ въ себя! теперь уже поздно переносить ее... но эти трупы... Если она увидитъ ихъ.

ЛЕГУЕНЪ. Я тотчасъ-же уберу ихъ! не безпокойтесь! (*береть трупъ матроса и выноситъ его, потомъ другаго*). Пусть пріатели полежать на свѣжемъ воздухѣ, покамѣстъ разберутъ, какъ ихъ зовутъ. А кажется они не то чтобъ не знакомы были (*унося Пьетри*). Вотъ этаго я ужъ непременно гдѣ-то встрѣчалъ. Послѣ спрошу. (*Подходя къ Русселю*). Этотъ не только знакомый, но даже пріатель, капитанъ! вѣдь это тотъ самый разбойникъ, англійскій капитанъ Руссель!

КЛОАРЕКЪ. Руссель?

ГЕНРИХЪ. Она сейчасъ очнется! Капитанъ! вы-бы на минуту сто-шли, чтобъ не вдругъ поразить ее.

(*Клоарекъ, молча подымается и шатаясь отходитъ въ глубину сцены*).

САБИНА. Гдѣ я? что со мной? Генрихъ! Сусанна! Скажите, что здѣсь было?

ГЕНРИХЪ. Милая Сабина, успокойтесь, ради Бога! все прошло! скажите, что вы чувствуете?

САБИНА. Я? но неужели со мной былъ мой обыкновенный припадокъ? нѣтъ, я чувствую мнѣ теперь легко, какъ будто что-то измѣнилось во мнѣ, какъ будто я переродилась! Но отчего-же этотъ обморокъ? О, теперь я помню! эти страшные люди, эти разбойники! они хотѣли увлечь меня, связали Генриха! я такъ была поражена этимъ неожиданнымъ появленіемъ, что не боялась ихъ, я даже кричала, защищалась, я вовсе не чувствовала нервической дрожи, предшественницы моихъ припадковъ.

СУСАННА. О, вы навсегда излечились отъ нихъ, милая Сабина! Боже мой! какое счастье! Докторъ говорилъ, что припадки ваши могутъ пройти отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія.

САБИНА. Да, да! я сама чувствую это? Но зачѣмъ хотѣли меня увлечь эти люди, что я имъ сдѣлала?

ГЕНРИХЪ. Это были англичане! они хотѣли вѣроятно увезти васъ въ Англію, чтобъ послѣ взять за васъ выкупъ.

САБИНА. Но почему-же именно меня? развѣ они знали меня?

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ, но они знали вашего отца! (*всторону*). Рано или поздно, должно-же открыть ей.

САБИНА. Моего отца! какое-же зло могъ сдѣлать имъ простой купецъ?

СУСАННА. Но эти люди искали какого-то корсара!

САБИНА. Корсара! отецъ мой корсаръ! мой Богъ! а это воспоминае!... эта ночь!... мать моя! (*Оборачивается и видитъ Клоарека, который бросается къ ней. Она съ крикомъ отбѣгаетъ, онъ падаетъ на колѣна, на другомъ концѣ*).

КЛОАРЕКЪ. Дочь моя! Сабина! Чувство твое не обмануло тебя! передъ тобой невольный виновникъ смерти твоей матери. Во мнѣ былъ страшный порокъ — вспыльчивость. При ней, при этомъ гении добра въ человѣческомъ образѣ я удерживалъ порывы моего гнѣва и только одинъ разъ забылся. Ты помнишь эту ночь... я собирался въ маскарадъ и былъ въ этомъ-же самомъ платьѣ. Она не пускала меня... Двѣнадцать лѣтъ прошло съ той ужасной ночи, и что я выстрадалъ въ эти двѣнадцать лѣтъ. Злѣйшій врагъ мой простилъ-бы меня, видя эти мученія. Я лишился всего, съ потерю судейскаго мѣста, со смертью жены моей, но для тебя рѣшился жить, для тебя хотѣлъ приобрѣсти богатство. Я вздумалъ приняться за такое дѣло, гдѣ гнѣвъ мой могъ принести пользу. Я хотѣлъ быть страшнымъ врагамъ моего отечества и сдѣлался корсаромъ. Имя Корсара Закаленаго загремѣло вскорѣ на всехъ моряхъ. Я всегда дрался съ врагами въ этомъ платьѣ, и сегодня надѣлъ его, чтобъ идти къ матросамъ, ожидавшимъ меня на новый подвигъ. Изъ сада услышалъ я крикъ твой и забывъ, что открытіе тайны можетъ убить тебя, бросился на помощь. Теперь ты знаешь все, но когда ты будешь матерью, не дай Богъ понять тебѣ, что значить дрожать каждую минуту за жизнь своего ребенка, и знать, что я каждую минуту могу самъ убить его однимъ словомъ. Сабина! я жду одного слова, неужели ты не слышишь своего отца?

САБИНА (*въ волненіи протягивая къ нему руки*). Батюшка!

КЛОАРЕКЪ (*бросается къ ней съ радостнымъ крикомъ*). Дочь моя!

ГЕНРИХЪ. Милая Сабина!

КЛОАРЕКЪ. О, эта минута наградила меня за двѣнадцать лѣтъ страданія! сегодня я даже хотѣлъ умереть, такъ невыносимы были они, я былъ не нуженъ тебѣ! у тебя былъ-бы добрый мужъ!

САБИНА. Я хочу, чтобъ у меня былъ также и добрый отецъ! ты не оставишь насъ?

КЛОАРЕКЪ. Никогда!

ЛЕГУЕНЪ. Ну, а мнѣ, какъ вы думаете, г-жа Сусанна, оставить васъ, что-ли?

СУСАННА. Могу-ли я найти себя другаго защитника, храбрѣе васъ, г. Легуенъ?

ЛЕГУЕНЪ. И не смотря на то, что я съ такимъ изъяномъ?

СУСАННА. Съ меня довольно вашего благороднаго сердца.

ЛЕГУЕНЪ. И то дѣло. Стало-быть, оно такъ и выходитъ на повѣрку — чему быть, того не миновать.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ-проспектъ, противъ Малой-морской, въ домъ Паскаля № 11.

(Цѣны означены на серебро).

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВІОЛОНЧЕЛЯ.

DEMUNCK. Fantaisie et variations sur des thèmes russes pour le violoncelle avec Orchestre; op. 1 (3 p. 85 к.), avec piano	2 r. 30 c.
DOBZYNSKI. «Les larmes» Morceau de Salon avec piano op. 41	72 c.
DOTZAUER. Méthode pratique du violoncelle; op. 155	6 r. 85 c.
FRANCO-MENDES. Fantaisie sur des motifs de l'opéra: «Lucia di Lammermoor», avec piano; op. 34 (1 r. 43 c.). Deux mélodies pour le violoncelle, avec piano; op. 43.	2 r. 30 c.
GRUETZMACHER. Six morceaux pour violoncelle et piano Cah. 1. 2. chaque	1 r. 43 c.
KUMMER. Deux divertissements sur «le Prophète» de Meyerbeer, avec piano; op. 94, № 1, 2 (chaque 1 r. 15 c.). «Fleurs de salon.» Quatre mélodies de Gumbert transcrites, avec piano; op. 96 (1 r. 72 c.). Air et danse suédoises, avec piano; op. 98 (1 r. 30 c.). Marche funèbre de Chopin et Idylle de Schulhoff; op. 99 (1 r. 30 c.). «La rose» de Spohr transcrite, avec piano; op. 99 (72 c.). Romance de Krebs transcrite, avec piano; op. 101 (72 c.). Six morceaux de Salon sur des chansons allemandes, avec piano, № 1 à 6. Chaque	85 c.
LEE. Sérénade sur l'opéra «la dame de pique», avec piano; op. 59 (1 r.). Six duos faciles et progressifs pour deux violoncelles; op. 60 liv. 1 (1 r. 70 c.). Pastorale sur l'opéra: «Zerline», avec piano; op. 62 (1 r. 15 c.). Méthode pour le violoncelle. Violoncell-Schule	4 r.
LIDEL. Cujus animam du «Stabat mater» de Rossini transcrite, avec piano	85 c.
LINDNER. Six morceaux de Salon sur des thèmes favoris pour le violoncelle avec piano; op. 18 № 1 à 6. Chaque	85 c.
PIATTI. Divertissement sur un air napolitain, avec piano op. 12.	1 r. 30 c.
SCHUBERTH. Fantaisie sur des thèmes russes, avec piano; op. 26.	1 r. 15 c.
SCHUMANN. Fünf Stücke im Volkston für Violoncell und Piano; op. 102, liv. 1 (2 r.), liv. 2.	1 r. 43 c.
SERVAIS. Souvenir de la Suisse. Caprice, avec piano; op. 10 (2 r. 30 c.). Souvenirs élégiaques de Bessems transcrits, avec piano	2 r.
STAINLEIN. Fantaisie caractéristique sur des motifs hongrois, avec piano; op. 4	2 r. 30 c.

НОВЫЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

ARCHANGELSKY. Маргаритка. Polka-Mazurka favorite (40 c.). Незабудка. Polka-Mazurka (40 c.). Василекъ. Polka	40 c.
BAILLIEU. Une étoile. Valse	85 c.
BERNARD. Catarina-Quadrille (60 c.). Contredanses de nocés (60 c.). Les enragés. Galop (50 c.). Les Guelfes et les Gibelins. Quadrille (60 c.). La jolie fille de Gand (Фламандская красавица) (60 c.). Nouvelliste-Quadrille (60 c.). Souvenir de Mme Grisi. Grande valse d'après Norma	85 c.

BILSE. A revoir. Polka (30 c.). Sylphide-Polka (30 c.). Friedrich-Wilhelm-Quadrille	60 c.
BURGMULLER. L'aldéana, Valse (1 r. 15 c.). La feé aux roses. Polka-Mazurka (30 c.). Les Porcherons. Petite Valse (30 c.). La sicilienne. Valse	85 c.
DOPPLER. Salon-Redowa (30 c.). Struwwelpeter-Polka	30 c.
DRAGUE. L'étoile du soir. Valse	85 c.
ETTLING. La dame de Pique. Valse (85 c.). Giralda-Valse (85 c.). Tempesta-Redowa (60 c.) Sturm-Valse sur la Tempesta	85 c.
FUERSTNOW. Mein erster Gruss. Walzer	85 c.
FUSS. Philomelen-Walzer (85 c.). Весенній напѣвъ соловья. Philomelen Frühlingslieder Walzer (85 c.). Jagd-Polka	50 c.
GUNGL. Benefice-Polka, op. 92 (40 c.). Reussenlieder. Walzer, op. 94 (85 c.). Erinnerung an Peterhof. Walzer, op. 95 (85 c.). Sophie-Cathérine-Quadrille (60 c.). Fleurs de fantaisie. Valse (85 c.). Giralda-Quadrille, op. 97 (60 c.). Klänge aus der Alpenwelt. Walzer, op. 100 (85 c.). Marien-Walzer (85 c.). Sympathie-Töne. Walzer, op. 106	85 c.
KAZYNSKI. Carlotta-Grisi-Polka (50 c.). Persiani-Polka (60 c.). Le retour de Mario. Polka-Mazurka (40 c.). Pensée. Polka-Mazurka (40 c.)	40 c.
LABITZKI. Les troubadours. Valse (85 c.). Werber zum Tanz. Walzer (85 c.). Gruss an Dresden. Drei Polkas, op. 186 (85 c.). Olga-Polka-Mazurka	40 c.
LEUTNER. Petersburger-Polka	40 c.
LIEDER. Signal-Galop	40 c.
LIADOFF. La filleule des fées. Quadrille (60 c.). Esmeralda-Quadrille (60 c.). Quadrille militaire (60 c.). Satanilla Quadrille (60 c.). Праздникъ въ Москвѣ. Французская Кадриль (60 c.). Голубчикъ-Галопъ	50 c.
LORIS-MELIK. Immortelle-Polka-Mazurka	40 c.
LUMBYE. Petersburger-Champagner-Galop (50 c.). Zick-Zack-Polka	30 c.
PASDELOUP. Polka du vaudeville (60 c.). Giralda-Polka-Mazurka (60 c.). Zerline, Polka chinoise	60 c.
STCHÉPINE. La fantasque. Mazurka (40 c.). Une confidence Polka-Mazurka (40 c.). Mazurka-Caprice (40 c.). Calme toi! Mazurka	40 c.
STRAUSS. Sorgenbrecher-Walzer (85 c.). Landes-Farben. Walzer (85 c.). Louisen-Quadrille (60 c.). Frederica-Polka (30 c.). Exeter-Polka	30 c.

Выписывающіе нотъ на сумму не меньше трехъ руб. сер., получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб., кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ-же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ-бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ-же магазинѣ 1-го Апрѣля вышла четвертая тетрадь музыкальнаго журнала *Нувеллистъ* (годъ XIII), которая содержитъ въ себѣ: V o s s, La Juive. Grande fantaisie. — Rubinstein, Mélodie. — Blumenthal, La pensée. — Gottschalk, Mazurka. — Frackmann, Andante. — Kontski, Valse. — Pasdeloup, Polka. — Rosellen, Tarantelle. — Duvernoy, Rondo. — Кн. Голицына, Романсъ. — Agnau, Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе (Годовая цѣна подписки 10 руб. съ пересылкою 11 руб 50 коп. сер.).

СОДЕРЖАНИЕ IV ТОМА.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

УТРЕННИЙ ВИЗИТЪ провинціальныхъ сцены. *Н. Крестовскаго*. — (Кн. 7, стр. 1—24).

ЛЕГКОМЫСЛІЕ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА Деревенскія сцены. *В. Р. Зотова*. — (Кн. 7, стр. 1—24).

ФАУСТИНА. Повѣсть *Шарля Ребо*. — (Кн. 7, стр. 1—76).

АФЕРИСТЪ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ повѣсти Шарля Бернара. *Бабушкина*. — (Кн. 8, стр. 1—58).

Г-ЖА ДЕ-ЛИНАНЪ. Романъ Маріи Экаръ. Часть первая. — (Кн. 8, стр. 1—80).

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ. *Надежды Хвоцинской*. — (Кн. 8, стр. 81—82).

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЖИВОПИСЬ ВО ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XVI, РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРІИ. Статья *Арсена Гуссэ*. — (Кн. 7, стр. 1—28).

ПИСЬМО О МУЗЫКѢ къ А. Д. Улыбышеву, по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ. (*Письмо второе*). *А. Сьрова*. — (Кн. 7, стр. 29—52).

ПИСЬМО О МУЗЫКѢ къ А. Д. Улыбышеву, по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ. (*Письмо третье*). *А. Сьрова*. — Кн. 8, стр. 1—40).

АНГЛІЙСКІЙ ТЕАТРЪ ДО ШЕКСПИРА. Статья *Филарета Шаля*.

Кольерова «Исторія стараго англійскаго театра». — Предшественники Шекспира. — Шекспиръ ничего не изобрѣталъ. — Ложная теорія изобрѣтательности. — Эпоха благопріятная драматическому гению. — Матеріалы для театра въ Англии въ царствованіе Елисаветы. — Авторы и актеры современные Шекспиру. — Джонъ Уэбстеръ. — Бенжаменъ Джонсонъ. — Онъ представляетъ въ своихъ пьесахъ эрудицію и талантъ, какъ Уэбстеръ въ своихъ — протестантизмъ, а Шекспиръ — гений и вдохновеніе. — Характеръ джонсонова театра. — (Кн. 8, стр. 1—57).

КАРЛЬ ПАВЛОВИЧЪ БРЮЛОВЪ. (Некрологъ). — (Кн. 8, стр. 58—60).

III. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

ТЕАТРЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ. Его исторія и современное состояніе. *В. Нежвѣцкаго*. — (Кн. 7, стр. 1—28).

ТЕАТРЪ ВЪ ХЕРСОНѢ *Валентина Средина*.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЪ въ 1852 г.

Погода и ея вліяніе на нижегородскую мѣстность. — Артисты лѣтомъ и осенью. — Плохія новости. — Театръ въ Ярославлѣ. Его новый составъ. — Театръ въ Костромѣ. — Артисты, декорация, костюмы и оркестръ.

1. Театры въ Туль и Ярославлѣ.
2. Костромской театрѣ.
3. Вышневолоцкій театрѣ. — (Кн. 8, стр. 1—18).

IV. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Письмо изъ Парижа отъ 1-го іюля.

Троическія жары. — Собаки и водобоязнь. — Смерть скульптора Прадье. — Ориенталистъ Бюрнуфъ. — Вступленіе Альфреда Мюссе во Французскую Академію. — Замужство Фанни Эльслеръ. — Госпожа Рашель. — Г-жа Дешанъ, актриса для московской сцены. — Замужство г-жи Саки. — Пантера Ишлрома. — Г. Понсаръ и его новая классическая трагедія. — Договоръ съ Англіей о литературной собственности. *Ап. Бонавантуры.* (Кн. 7, стр. 1—12).

Письмо изъ Лондона 25/11 іюня.

Іоанна Вагнеръ. — Нѣсколько словъ о лондонскихъ театрахъ. — Театръ Королевы, Балетъ, Гей-Маркетскій театрѣ, Принцесъ-Театръ Лусеумъ. — Концерты. — Русскій пѣвецъ Фодоръ. — Вѣсти изъ Америки. — Женни Линдъ. — Гольдсмитъ. — (Кн. 7, стр. 1—12).

Письмо изъ Парижа 1 августа (19 іюля).

Неизбѣжное вступленіе. — Опять погода! — Лѣтнія поѣздки. — Замокъ Пьерръфонъ. — Послѣдніе слухи о ново оперѣй Мейербера. — Зимній циркъ. — Окончаніе Лувра и соединеніе его съ Тюильри. — Двѣ новыя книги г. Гизо. — Двѣ тяжбы. — Художественная собственность. — Театръ Комической-оперы: опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Мальяра. — Театръ Драматической-гимназіи: Черезъ окно, въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Амеде Ашара. Услуга за услугу, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. его-же. — Театръ Водевилья: Дуэль моего дядюшки, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Амеде Ашара. — Сельскія радости, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Леона Гилара и Армана Дюрантена. — Театръ Разнообразія: Венгерскіе музыканты. Человѣкъ Пятидесяти лѣтъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Гастона де-Монтò. Баловень, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Жака Араго. — Пале-Рояльскій театрѣ: Юркъ, собачья кличка, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Октава Фѣлье и Поля Бокажа. Ужасный Савояръ,

водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. братьевъ Кюньяръ и Шоле. — Слухи о Левассорѣ.

Письмо изъ Лондона 25/11 іюля.

Болѣзнь Софіи Крувелли. — Театръ Королевы и Театръ Ковентъ-Гарденскій. — Балетъ Госселена «Зели». — Успѣхи Джуліи Гризи. — Сентъ-Джемскій театръ. — Французская и нѣмецкая труппа. — Эмиль Де-Вриентъ въ роли Гамлета. — Вѣсти изъ Нью-Йорка. — «Лола Монтезъ», историческая драма, соч. Лолы Монтезъ, въ которой роль Лолы Монтезъ играетъ Лола Монтезъ. — (Кн. 8, стр. 1—16).

V. СМѢСЬ.

Бытъ современнаго Востока. — Китайская гражданственность. Статья четвертая *I. Македонскаго*. — Дуэль, изъ записокъ англійскаго офицера. — Свадебные обряды у Персовъ. — Эрнестъ Раупахъ. — Обида и Местъ Сцены изъ военной жизни, *Марко де-Сентъ-Илера*. — Разныя разности. — Фотографія, Стереоскопія и Живопись — Викторъ Гюго — Мехиканскія ходячія монеты. — (Кн. 7, стр. 1—72).

Прадѣ. (Некрологъ). Статья *Луи Корменена*. — Одна изъ Нимфъ Гишподрома. Разказъ *Адольфа Шара*. — Артистъ въ своемъ родѣ. Разказъ. — Что такое вѣжливость? *Альфонса Карра*. — Ранзыя разности. — (Кн. 8, стр. 1—21).

VI. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Вліяніе лѣта на литературу и журналистику. — Отдыхъ Вѣстника и путешествіе. — Фельетоны коммерческіе, литературные, общественные. — Фельетоны провинціальныя. — Г. А. З. и его фельетоны. — Описаніе провинціального бала. — Проза и стихи въ провинціи. — Іюньская и іюльская книги Отечественныхъ Записокъ. — Конецъ Проселочнымъ Дорогамъ! — Справедливо-ли мнѣніе о томъ, что лѣтомъ читаютъ меньше, чѣмъ зимою? — «Поэтъ», г. Михайлова и «Лола Монтезъ» г. Бабушкина. — Исторія испанской литературы, написанная не по-русски. — Разборы книгъ. — Филаретъ Шаль. — Статья господина Ктттррр. о Лондонской Выставкѣ, не послѣдняя, хотя и седьмая, и статья о Шхерахъ, пятая, за то послѣдняя. — Разборъ «Куликовской битвы» г. Дамке. — Каролинги въ Италиі. — Небрежность и изысканность слога. — Критика. — Описаніе театральнаго увеселенія въ царствованіе Елисаветы Петровны. — Нѣсколько словъ кстати. — Общественная жизнь. — Моды — (Кн. 7, стр. 1—28).

Пріятныя минуты для критика. — *Pour la bonne bouche*. — Мысль

и улыбка Сына Отечества. — Антикритика. — Стихи Г. Истомина. — Писатель Кривичъ. — Остальные статьи майской книги Сына Отечества. — Нынѣшняя любовь. — Забавы въ городкѣ. — Деревенская кумушка. — Фельетоны Современника. — Новый поэтъ и его сужденіе о Пантеонѣ. — Последніе нумера Библіотеки для Чтенія. — Михако и Нина. — Грузинская идиллія. — Поэзія Библіотеки для Чтенія. Критика ея. — Мнѣніе о Жуковскомъ. — Метафоры критика и слогъ г. Кудрявцева. — Подгородный подписчикъ и его мнѣнія. — Свадьба Викторины въ двухъ переводахъ. — Смерть Брюлова и Загоскина. — Бѣдность біографическихъ свѣденій. — Надежда Дмитриевна Хвоцинская и ея стихотворенія. — Мысль и чувство. — Цитаты. — Описанія природы. — В. Крестовскій и его повѣсти. — Сельскі учитель и Еще годъ. — Поэзія и проза. — (Кн. 8, стр. 1—28).

VII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ

1. КОМЕДИЯ ВЪ ОКНѢ И НА БАЛКОНѢ, въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Арсена Гуссѣ; переводъ *В. Р. Зотова*. — (Кн. 7, стр. 1—18).
2. НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ГОВОРИТЬ: — НИКОГДА! Пословица въ одномъ дѣйствіи *А. Н. Николаева*. — (Кн. 7, стр. 1—20).
1. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ, Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго, *Н. Н. Круглопаловымъ*. — (Кн. 8, стр. 1—16).
2. МЕДОВОЙ МѢСЯЦЪ или КАКЪ ПРОВОДЯТЪ ВРЕМЯ МОЛОДЫЕ, Комедія въ одномъ дѣйствіи, заимствованная съ французскаго актеромъ *С. Бойковымъ*. — (Кн. 8, стр. 1—20).

8008 7058

